

Мартин Груневег
(отец Венцеслав):
духовник
Марины Мнишек

∞
*Записки
о торговой поездке
в Москву
в 1584–1585 гг.*

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

**Мартин Груневег
(отец Венцеслав):
духовник
Марины Мнишек**

*Записки
о торговой поездке
в Москву
в 1584–1585 гг.*

Составитель
А.Л. ХОРОШКЕВИЧ

МОСКВА
ПАМЯТНИКИ ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ
2013

Исследовательский грант РГНФ 00–0100272а

*Издано при содействии
«Фонда немецких научно-гуманитарных институтов за границей»
(Германия)*

М25 Мартин Груневег (о. Венцеслав): духовник Марины Мнишек. Записки о торговой поездке в Москву в 1584–1585 гг. / Сост. А.Л. Хорошкевич. М.: Памятники исторической мысли, 2013. – 384 с., ил.

ISBN 978-5-88451-316-7

Обширные «Записки» частного лица – гданьского торговца и доминиканского монаха Мартина Груневега (о. Венцеслава), нечаянно оказавшегося причастным к аванюре Мнишков в условиях Контрреформации в Речи Посполитой, содержат, в частности, описание поездки в Москву осенью 1584 г. – осенью 1585 г. В настоящем издании оно дополнено описанием Львова, исходной точки поездки в Москву, а также обзором российско-польских и российско-кавказских отношений середины 80-х годов XVI в., биографическим очерком автора. Публикуемые фрагменты содержат ценные сведения о внутреннем положении России после смерти Ивана Грозного, последствиях Ливонской войны, защитных сооружениях на степных границах Российского царства и Речи Посполитой, быте и нравах разнотничного и разноконфессионального населения Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европы, их культуре и искусстве. Воспроизведенные в книге рисунки автора «Записок» расширяют наши представления о стиле жизни на рубеже XVI–XVII вв.

Издание рассчитано на историков и всех читателей, интересующихся прошлым России и ее культурой.

ББК 63.3(0)4

ISBN 978-5-88451-316-7

- © Хорошкевич А.Л. Составление, перевод, комментарий, вступительная статья, 2013
- © Магилина И.В. Статья, 2013
- © Бортникова А.В., Смирнова Э.С. Комментарий, 2013
- © Полехов С.В., Рычаловский Е.Е., Сквайрс Е.Р. Редакция перевода, 2013
- © Яковлев В.Ю. Оформление, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

Читателю	4
Вместо введения. Судьба рукописи М. Груневега и история ее изучения	7

ЭПОХА, АВТОР И ЕГО РУКОПИСЬ

Эпоха создания «Записок» и международные отношения	14
Закат Реформации и Контрреформация	14
Российское царство и Речь Посполитая в середине 80-х гг. XVI в.	15
Российское царство, Османская империя и Сефевидская Персия (Магилина И.В.)	23
Биография и личность автора	33
Родина и предки	33
Ребенок и отрок	38
Испытание войнами и взросление	41
«Счетовод» за работой	47
Возвращение к вере предков	59
Женщины в жизни Груневега	61
На пути к монашеству	62
Доминиканец о Венцеслав	67
Римское путешествие	72
Духовный отец Марины Мнишек и его крах	75
Тип и структура текста «Записок»	86
«Свой» и «чужой»: религиозно-национально-социальные проблемы в сочинении «польского немца»	102
Вопрос о достоверности «Записок»	112

«ЗАПИСКИ» М. ГРУНЕВЕГА: ФРАГМЕНТЫ.

Оригинал, перевод, комментарии

От переводчика	116
Описание Львова	118
Из Львова через Киев и Чернигов в Москву и обратно	151
Комментарий	248

ПРИЛОЖЕНИЯ

«Московия» и «московиты» в сочинении М. Груневега	328
Величание государя	341
Заключение. Средневековая личность в условиях Нового времени	347
Список сокращений и литературы	349

Читателю

Большинство российских читателей вряд ли знакомы с сочинением Мартина Груневега, завершенным в 1601–1606 гг., не имеющим заголовка¹ и условно именуемым «Записками», фрагменты которого публикуются в настоящем издании; многие не бывали на его родине в польском городе Гданьске, кто-нибудь посещал Львов в соседней Украине, где автор – уже будучи о. Венцеславом – провел несколько лет в доминиканском монастыре. Но имя Марины Мнишек, венчавшейся на Российское царство вместе с Лжедмитрием Первым, вероятно, знакомо каждому. Автор «Записок» в одной из последних записей в своем обширнейшем сочинении упомянул о том, что Марина Мнишек в бытность его во Львове – в 90-е гг. XVI в. – была его духовной дочерью.

Интересно было бы знать, правда это или нет, а если правда, то чемуставлял духовный отец, монах-доминиканец, будущую мимолетную российскую царицу. Ответ на эти вопросы отчасти должно дать ознакомление с сочинением Мартина Груневега/о. Венцеслава, четыре столетия в рукописном виде почти без использования томившегося в одном из гданьских архивов. Анализ эго-сочинений – это сфера интересов в основном литературоведов. Однако в связи с развитием антропологического направления в истории и специалистам в этой сфере приходится конкурировать с филологами. Удачна ли попытка понять психологию автора и строй его души², судить вам, дорогие читательницы и читатели.

Хотелось бы обратить внимание и на другую часть биографических воспоминаний гданьского бюргера немецкого происхождения. До поступления в монастырь, с 13 до 26 лет (правда, с перерывами), он участвовал в торговле двух крупнейших и богатейших городов Речи Посполитой – Гданьска и Львова, как внутренней, так и внешней, и на службе у польских и армянских купцов объездил всю Центральную и Юго-Восточную Европу. Побывал он и в Москве, где ему так понравилось, что он собирался было остаться в России на всю жизнь. Его дорожные впечатления и рисунки дают яркий образ каждой из стран, которые он посетил. В отличие от предшественников и современников, оставивших записки о России, он не был ни дипломатом, служившим верой и правдой своему государю, ни воином, исполнявшим те же задачи, но не пером, а оружием³, Груневег интересовался тем, чего не замечало большинство иностранцев, – реальным бытом различных народов.

По наивному убеждению составительницы сборника, наблюдения бюргера-доминиканца вдумчивому читателю помогут понять, кто мы («скифы

с раскосыми глазами» или обычные европейцы), каковы были взаимоотношения Российского царства с соседними государствами, каков был уровень развития Отечества сравнительно с ними и, наконец, каковы были правители наших далеких предков (все ли они были строителями вертикали собственной власти, как Иван Грозный, или даже четыре века назад действовали люди, видевшую стратегическую перспективу развития страны).

Цели настоящего варианта издания – первого в российской историографии, – во-первых, привлечь к новому оригинальному сочинению М. Груневега внимание максимального числа отечественных историков, прежде всего, России, а также других стран Европы и Ближнего и Среднего Востока и, во-вторых, понять мотивы его создания и внутреннюю направленность. Поэтому структура книги довольно сложна. Она открывается «исследовательской частью», дающей некоторое представление об эпохе, в которой жил автор, его биографии и мироощущении, определивших отношение и к стране, в столице которой он провел восемь месяцев. Здесь же предложено объяснение резкого слома психики совсем еще молодого и в целом преуспевавшего человека.

Для публикации выбраны два фрагмента – описание г. Львова и рассказ о поездке по маршруту Львов – Киев – Чернигов – Москва и обратно. Они даются в оригинале (по компьютерному набору проф. Б. Дыбаша и варианту его, опубликованному в 2008 г.) и в переводе⁴. Разрозненные замечания по отдельным частным вопросам, рассеянные по всему тексту сочинения, в которых в том или ином контексте упоминаются русские и Россия, где автор проводит сравнения с Россией, пишет о товарах, вывозившихся оттуда, и приводит другие сведения, касающиеся этой страны, собраны в особый раздел под титулом «“Московия” и “московиты” в сочинении М. Груневега»⁵. В Приложение вошло эссе, касающееся донныне актуальной и по-прежнему нерешенной проблемы взаимоотношений власти и общества – «Величание государя» (комментарий к сообщению М. Груневега о способах приветствия в России в конце XVI в.).

Составительница считает своим приятным долгом поблагодарить директора Немецкого исторического института в Варшаве д-ра Эдуарда Мюле, в мае 2009 г. любезно сообщившего о выходе в свет полного текста «Записок» М. Груневега и приславшего все четыре тома, без коих настоящая работа не могла бы состояться⁶. Приношу благодарность и соиздателям публикации 2008 г. – украинским коллегам, еще в 1997 г. приславшим оттиски своих сочинений, касающихся «Записок» Груневега, – В. Александровичу, Н.Н. Крикуну, Е.В. Русиной. Некоторые «новейшие» (с «московской» точки зрения) украинские труды стали доступны благодаря щедрой заботе и усилиям А.В. Бортниковой (Луцк), В.А. Брехуненко, А. Галенко, Ю.А. Мацька (Киев). Новыми немецкими и польскими публикациями снабдили И. Граля (Варшава), И.В. Магилина (Волгоград) и Р. Фречнер (Мюнхен). Тем не менее издательница вынуждена была пользоваться в основном книгами собственной библиотеки, регулярно пополнявшейся в течение многих лет с помощью многочисленных друзей и добрыхотов – М. Бискупа, снабжавшего автора Торуньскими историческими записками, М. Вакоуниг и И. Шварц, обеспечившими знакомство с рядом статей В. Ляйча, и многих-многих других.

Искренняя благодарность и московским коллегам: Л.А. Софроновой – за многочисленные консультации по литературоведческим проблемам, Ф.М. Софронову – по истории музыкальных инструментов и М.В. Дмитриеву,

предоставившему возможность ознакомиться с материалами «груневеговской» конференции 2008 г. Постоянную библиографическую «поддержку», скорую «компьютерную и интернетовскую» помощь оказывали А.Г. Тюльпин, К.Д. Федорин и В.К. Шахбазова, а на последнем этапе и П.Д. Малыгин. О неоценимой помощи коллег в переводе текстов – С.В. Полехова, Е.Р. Сквайрс и Е.Е. Рычаловского подробнее сказано в разделе «От переводчика».

Последний этап подготовки рукописи к печати совпал с тяжелыми семейными испытаниями и потерями. Выдержать их помогла поддержка друзей – соседей по даче Людмилы Александровны Софроновой, Татьяны Львовны, Татьяны Евгеньевны, Юрия Александровича и Дмитрия Юрьевича Петровых, Татьяны Гавриловны и Вячеслава Семеновича Трушиных и почти соседа, а заодно и редактора, Ивана Олеговича Резниченко, терпеливо вносившего в текст бесчисленные поправки. Их именами и завершается список коллег и друзей, помогавших в данной работе.

И все же в ней осталось много недочетов и ошибок, впору повторить за Татьяной Лариной: «Кончаю, страшно перечесть...», и надеяться на то, что недостатки этого издания побудят будущих исследователей их исправлять. Желаю успеха в этом начинании и некоторого удовольствия от знакомства с удивительным, но странноватым автором «Записок» Мартином Груневегом – о. Венцеславом, духовный мир которого таит еще много непонятого исследователями XXI столетия.

Примечания

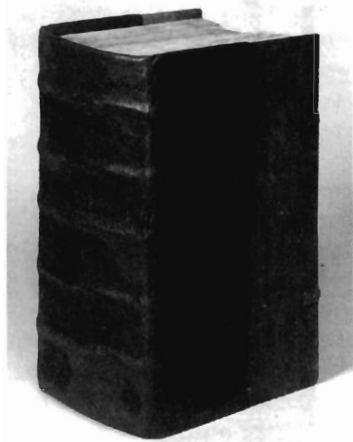
- ¹ Заголовок появился в результате деятельности историка города Гданьска и библиофила Валентина Шлифа (1680–1750). Он гласил: «Мартина Груневега или, как он именовался позднее, когда вступил в монашеский орден, брата Венцеля из Гданьска, члена львовского ордена предигеров, подробное повествование о родителях и прародителях и собственной жизни, а также о различных историях, касающихся города Гданьска (в особенности его распри с королем Стефаном), Варшавы, Львова и других польских и прусских, равно как московских и турецких городов и местностей» (4, 1470, 1733). (Здесь и далее первая цифра обозначает том, следующие – страницы публикации «Записок» 2008 г. – А.Х.)
- ² На методические сложности исследования так называемых эго-сочинений обращают внимание все исследователи подобных исторических памятников (*Averkorn R.* 2004. S. 53–98. Здесь же литература вопроса).
- ³ В условиях непрерывных войн Габсбургов с Францией, религиозных и антиосманских войн XVI в. сложился особый жанр записок – автобиографии вояк (*Knecht R.J.* 1971. P. 32).
- ⁴ Подробное обоснование принятой этно-политико-религиозной терминологии для обозначения славянского населения Речи Посполитой («русь» или прилагательное «русский») дано в разделе «От переводчика».
- ⁵ На последнем этапе подготовки рукописи к печати составительнице показалось, что было бы лучше иначе организовать этот материал, дав точные переводы указанных мелких фрагментов и снабдив их комментариями. Но время, отведенное на эту работу, истекло уже давно, и для нее «проедление смерти подобно».
- ⁶ Возможность поблагодарить проф. Э. Мюле представлялась и ранее, при публикации материалов конференции, посвященной юбилею Грюнвальда (*Хорошкевич А.Л.* 2010. С. 353). Однако по моему недосмотру в тексте оказалось лишь имя и должность, а фамилия отсутствовала. Прошу прощения за допущенную небрежность.

Вместо введения

СУДЬБА РУКОПИСИ М. ГРУНЕВЕГА И ИСТОРИЯ ЕЕ ИЗУЧЕНИЯ

Рукопись сочинения Груневега была известна историкам г. Данцига с середины XIX в. Известный историк этого города Т. Хирш обратил внимание на дневник Я. Люббе и сведения Груневега относительно знаменитого Оливского монастыря¹. Хроника Я. Люббе была рассмотрена также Й. Стцебицким в 1874 г.² В конце XIX в. материалы Груневега относительно публичных представлений привлекли внимание историков театра³. Следующее же обращение к хронике Люббе состоялось спустя столетия после первого⁴, равно как и историков города – к «Запискам» самого Груневега⁵. Дневник другого предка Мартина Груневега, Якоба Робезе, для изучения повседневной жизни Гданьска привлекла одна из талантливейших исследовательниц польского города и общества Польши М. Богущкая в 1967 г. Ей принадлежит наиболее вдумчивый анализ положения и быта гданьского купечества в XVI–XVII вв.⁶ Однако «Записки» Груневега как эго-сочинение⁷ содержат такие детали, которые по определению отсутствуют в других видах источников – как официальных, так и частных.

Для исследователей средневековой Европы и отчасти Ближнего и Среднего Востока XX в. этот памятник фактически открыл познаньский историк Р. Вальчак, скончавшийся в 1983 г.⁸ Его дело продолжил А. Поппе, на конференции в Клагенфурте в 1984 г. сделав доклад об этом сочинении, оставшийся, к сожалению, в рукописи. Оба польских историка приложили немалые усилия для публикации уникального памятника. Они неоднократно обращались в СССР к директорам исторических институтов и секретарям Отделения истории Академии наук СССР, но безуспешно. Лишь Я.Д. Исаевич, которому А.В. Поппе предоставил микрофильм «Записок» Груневега, издал перевод описаний Киева и Львова, сопроводив их рисунками самого автора и минимумом комментариев⁹.

Переплет рукописи. Гданьская библиотека Польской академии наук. Рук. № 1300

†

24

Idem Erbaren Namhaftigen Friedrich Goben
 Bürger, der Stadt Danzig,
 meinem lieben Herrn Schwager
 kumpt allen Feindigen von
 Allmüthigen Gottes, wie
 so wollet: Amen.

Schreibe dir Schwager, die gewisse wisse die
 Gingesamkeit ist, das, welche sie können, werden von
 dem nach möglichkeit vorricht: was sie nicht mög-
 en in dieser großen Stadt, dinstlich ist die
 auch vorwissen, die den meinsten wissend, und
 vorwissen dinstlich, ist aber der Gütlicher vor
 sichung selber in wissend Linder die vorricht,
 welche die dinstlich wissend dinstlich dinstlich, wie
 von dem nicht verdröcken. Was sie nicht mög
 natur selbst zwingt, welche dinstlich dinstlich
 in dem Vaterlande (wie man glaubt) gibt: dinstlich
 wie die magest das sehen. Das man sagt
 das Vaterland ist eine Pflanze, dinstlich
 besser Linder vorwissen: dinstlich dinstlich
 son ist, die Vaterlandes dinstlich. Was sie
 der Gütlicher dinstlich, dinstlich dinstlich
 im seinen dinstlich dinstlich: welche dinstlich
 vorricht, wie die er magest die dinstlich
 Vaterlandes dinstlich sehen. Es haben wir die in
 ander Eynheit, von meinsten Linder dinstlich, die
 welche dinstlich nach der dinstlich, die dinstlich
 dinstlich dinstlich nach der dinstlich, wegen und
 die dinstlich dinstlich dinstlich dinstlich dinstlich
 die dinstlich das dinstlich vorwissen, und dinstlich
 dinstlich die dinstlich wissend die dinstlich dinstlich
 dinstlich, wie er die dinstlich an dinstlich dinstlich
 dinstlich, wie er nicht wissend was dinstlich
 dinstlich. Was sie dinstlich dinstlich dinstlich
 dinstlich, dinstlich die dinstlich dinstlich dinstlich
 die dinstlich die dinstlich mit dinstlich dinstlich
 dinstlich dinstlich, das die dinstlich dinstlich

Первый лист рукописи. Гданьская библиотека Польской академии наук.
 Рук. № 1300. Л. 1

Параллельно с этим к исследованию памятника обратились польские историки архитектуры г. Львова Ф. Марковский¹⁰ и Р. Швентоховский¹¹, украинский искусствовед В. Александрович¹². Продолжалось исследование и других архитектурных наблюдений и рисунков Груневега: М. Бергер проанализировал рисунок Груневега вновь возведенной в Эдирне колоссальной мечети¹³, болгарского историка М.П. Ионова заинтересовали данные Груневега о средневековой Болгарии и ее окружении¹⁴.

Наконец, после образования в Варшаве Немецкого исторического института проф. А.-В. Поппе и автор настоящих строк в 1994 г. обратились в вышеуказанный институт с предложением издания памятника целиком¹⁵. Тогдашний директор института проф Р. Рексхейзер поддержал инициативу, быстро одобренную Немецкой исторической комиссией. К 1997 г. был сформирован коллектив комментаторов, компьютерный набор текста был осуществлен торуньским историком проф. Богуславом Дыбашем¹⁶, участниками начинания во главе с проф. Рексом Рексхейзером были выработаны правила издания. Предполагалось, что оно увидит свет в 2001 г. Однако смена главы института, равно как и руководства проектом издания «Записок» Груневега, резко затормозила дело.

Тем не менее исследование памятника продолжалось. А. Бергер изучил сведения Груневега относительно его посещения константинопольского патриарха в 1584 г.¹⁷ Представления Груневега о его родном городе исследовал Д. Качор¹⁸, а личность автора – доминиканского монаха – попытался охарактеризовать П. Олинский, первый человек, которого взволновал этот вопрос¹⁹. Р.-С. Мюллер в 2005 г. использовал «Записки» Груневега для обобщающей работы относительно миграции с латинского Запада в Османскую империю в XV–XVI вв., написанной на основе изучения путевых заметок, а на следующий год издал работу по просопографии путешественников и мигрантов в Османскую империю того же времени²⁰. Новый ученый секретарь Немецкого исторического института А. Бус собрала сведения о городе, в котором располагается место ее службы – Варшаве, об Османской империи, а также о коронации Сигизмунда III в Кракове в 1587 г., итальянской поездке Груневега в 1602 г. и опубликовала их в течение 2006–2007 гг.²¹ В России материалы «Записок» Груневега для изучения различных мелких тем истории страны привлекались лишь автором этих строк.

В целом, однако, можно уверенно утверждать, что даже план издания удивительного компендиума фактов и свидетельств о развитии материальной и духовной культуры Центральной, Юго-Восточной и Восточной Европы пробудил широкий интерес к этому памятнику, тем самым подготовив почву для его восприятия во всей полноте.

Издание состоялось наконец в 2008 г. Это четыре объемистых тома, первые три из коих занимает самый текст памятника с маргиналиями, воспроизведением авторских рисунков²², самым минимальным комментарием, касающимся в основном лиц, упомянутых Груневегом. Четвертый том содержит Предисловие с указанием вклада некоторых участников издания²³ и Введение, в котором А. Бус высказано весьма интересное предположение об авторстве Груневега «Путеводителя по краковским церквям» 1603 г., нуждающееся

в дальнейшем обосновании, как пишет сама А. Бус, и, прежде всего, в последовательном сравнении «Записок» и «Путеводителя».

Приложение в том же четвертом томе состоит из анонимного описания рукописи, таблицы распределения текста по годам, включает генеалогическое древо Груневега, его биографию и итинерарий, списки использованной им литературы, список библейских цитат, список упомянутых автором доминиканцев, доминиканского капитула, доминиканских провинций на территории Речи Посполитой и серию иллюстраций (водяные знаки, гравюра «Небо и ад св. Бернарда», фотокопию послания Груневега М. Мощчицкому от 1 февраля 1596 г. и другие). Включен и список литературы о Груневеге, наиболее часто цитируемой литературы о «Записках», список сокращений, которые предваряют указатели (географический, именной и предметный). И приложения, и указатели в высшей степени полезны, тем более, что в последних пропуски очень редки. В целом с удовлетворением можно констатировать, что получилась фундаментальная академическая публикация памятника, достойная внимания исследователей самого разного профиля²⁴.

Это показала и конференция, проведенная в 2008 г., в которой участвовали историки «общего» профиля (Д. Гаунт, А. Бус), лингвист И. Рикке, демографы (М. Капраль, Кш. Стопка), востоковеды (Д. Колодзейчик, А. Бергер), историки литературы, искусства и религии – католичества, православия и доминиканского ордена, в частности Б. Коханевич, М. Милавичкий. Их работы содержат общую характеристику эпохи, языка, на котором написано сочинение, религиозной ситуации в Речи Посполитой и многое другое. Огорчительно, что нет работ, посвященных мусульманству (краткие замечания А. Бус не исчерпывают этой темы), нет специальных работ о славянстве, в том числе и восточном. Хотелось бы надеяться, что настоящая публикация хотя бы отчасти будет способствовать более широкому пониманию взглядов М. Груневега/о. Венцеслава на восточного соседа его родины и отчасти пониманию его самого.

Примечания

¹ *Hirsch Th.* 1850. S. 1–74; *Hirsch Th.* 1870. S. 692–724.

² *Strzebicki J.* 1874. S. 242–251.

³ *Bolte J.* 1895. S. 7–13.

⁴ *Rühle S.* 1924. S. 17–30, 33–45.

⁵ *Simson P.* Bd. 2. 1517–1626. Danzig, 1918–1924.

⁶ *Bogucka M.* 1967.

⁷ Об этом типе памятников см. ниже в разделе «Тип и структура текста “Записок”».

⁸ *Walczak R.* 1960. S. 57–77.

⁹ *Исаевич Я.* 1980. С. 105–114; 1982. С. 154–172.

¹⁰ *Markowski F.* 1969. S. 65–83.

¹¹ *Sweńtochowski R.* S. 810.

¹² *Александрович В.* 1998.

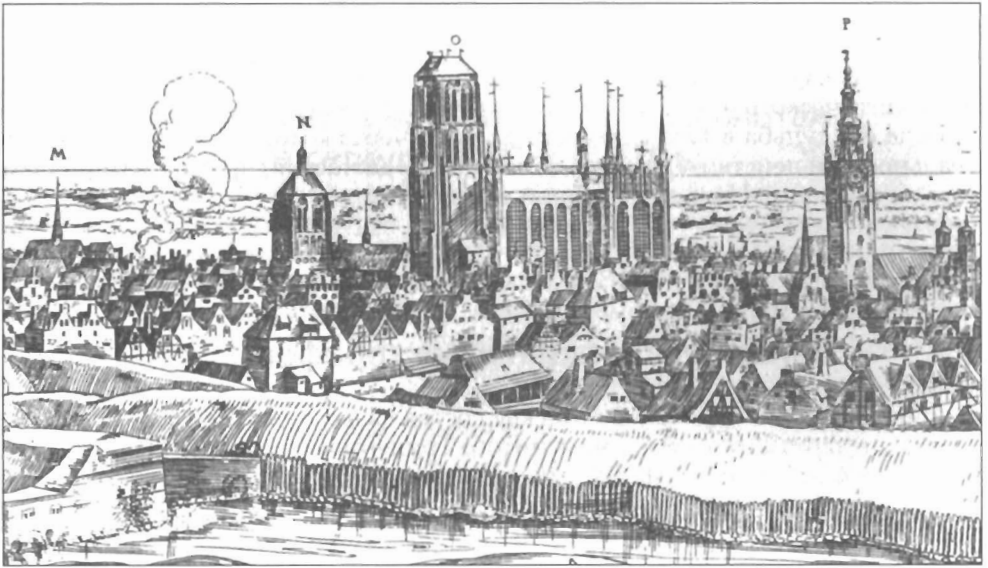
¹³ *Berger A.* 1994. S. 393–396; *Александрович В.* 1998.

¹⁴ *Ионов М.П.* 1973.74. С. 103–165; *Он же.* С. 384–418.

¹⁵ Пользуюсь случаем поблагодарить д-ра Г. Пикан за перевод предложений А. Поппэ – А. Хорошкевич на немецкий язык.

- ¹⁶ Он же предпринял усилия для популяризации памятника (*Dybaś B.* S. 59–62) и его анализа (*Ibid.* 1999. S. 43–162; *Idem* 2001. S. 295–301).
- ¹⁷ *Berger A.* 2005. S. 471–478.
- ¹⁸ *Kaczor D.* 2003 S. 549–569.
- ¹⁹ *Oliński P.* 2004. S. 117–125.
- ²⁰ *Müller R.C.* 2005; *Idem* 2006. Bd. 3. S. 168–200.
- ²¹ *Bues A.* 2007. S. 151–178, 2005. S. 425–445; *Idem* 2006a. S. 321–347; *Idem.* 2006b. S. 241–246. Первая из указанных статей содержит перевод описания Варшавы на польский язык, сделанный Э. Борг.
- ²² К сожалению, издатели отказались от точной передачи рисунков, в отдельных случаях упрощая их или пропуская геометрические фигуры, вставленные автором в текст «Записок». И то, и другое обнаружилось при сравнении текста с описанием Киева в немецком четырехтомнике и в украинском переводе этого же фрагмента, сделанным в 1982 г. Я.Д. Исаевичем по микрофильму, предоставленному ему А.-В. Поппе.
- ²³ Впрочем, об авторстве комментариев можно только догадываться. В издании все они приписаны А. Бус, как и цитируются далее (*Bues A.* 2008, № тома, страница), за что заранее приношу извинения другим комментаторам, имена которых указываются лишь в случае твердой уверенности об их авторстве.

ЭПОХА, АВТОР И ЕГО РУКОПИСЬ

ЭПОХА СОЗДАНИЯ «ЗАПИСОК» И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Для того чтобы оценить «Записки» Мартина Груневега как источник по истории России и Восточной и Центральной Европы в целом, необходимо охарактеризовать личность автора «Записок», уровень его духовного развития, религиозные воззрения, с одной стороны, а с другой – понять особенности политического и социально-экономического положения той страны, куда занесла его судьба в 1585 г., то есть призму, через которую воспринималась реальность, и действительность, какой она предстает по другим материалам того же времени¹. Начнем со второй темы.

Закат Реформации и Контрреформация

Поездка Мартина Груневега в Москву состоялась осенью 1584 – осенью 1585 гг., то есть через 20 лет после знаменитого Тридентского собора (1545–1563 гг.), отвергнувшего все положения лютеранства, через 48 лет после смерти самого Мартина Лютера (1483–1546), через 30 лет после Аугсбургского собора, установившего свободу вероисповедания для имперских сословий (курфюрстов, светских и духовных князей, имперских рыцарей и свободных городов). Аугсбургский религиозный мир завершил борьбу германских князей, объединившихся в Шмалькальденский союз, и французского короля Генриха II против императора Карла V, и открыл недолгий период более или менее мирного сосуществования католической и лютеранской паствы. Это время застал Мартин в отрочестве в период обучения в школе Скжетуского (см. подробнее ниже).

Однако усилия папы Пия V (1566–1572) не пропали даром. В последний год его понтификата 23 августа в Париже произошла жестокая резня протестантов, эхо которой разошлось далеко за пределы Франции. Трудно сказать, что знали об этом в Гданьске, где большинство немецкого населения стало лютеранским, впрочем, десятилетнего подростка это еще напрямую не касалось. Нет уверенности и в том, что во Львове, если даже и знали, то сохранилась ли память о трагедии вплоть до 80-х гг., когда туда переехал Груневег.

Однако, судя по его «Запискам», общая религиозная ситуация во Львове, где сосуществовали приверженцы католицизма, православия, иудаизма, армянской «секты», оставалась довольно мирной. Да и вопросы католицизма и протестантизма в это время еще не очень занимали Груневега в отличие от второй половины 80-х гг. XVI в., когда он на волне Контрреформации не только принял католичество, но и вступил в доминиканский орден. Видимо, львовских жителей да и Груневега больше волновала хронологическая реформа папы Григория XIII (1572–1585 гг.), о которой он пишет очень подробно. Кроме того, он был озабочен устройством собственной судьбы, долго выбирал хозяина и честно служил каждому из них, бороздя верхом и на повозке широкие просторы Речи Посполитой и прилегающих к ним славянских территорий, в большинстве своем уже завоеванных османами. Однако он был довольно спокоен духом и с удовольствием выполнял свои обязанности секретаря в армянском караване, с которым и прибыл в Москву в январе 1585 г.

Российское царство и Речь Посполитая в середине 80-х гг. XVI в.

1584 г. был первым годом правления второго царя и последнего представителя рода Рюриковичей на русском престоле. Царь Иван Грозный, провоевавший 37 лет из 54 лет княжения и царствования со своими соседями на севере, западе, юге и востоке страны и не менее семи лет – с собственными «холопами», уступил место совершенно не годившемуся на роль преемника сыну Федору Иоанновичу. За три года до этого закончилась 23-летняя война с Ливонским орденом, Великим княжеством Литовским, Швецией и Речью Посполитой. Новому царю пришлось пожинать плоды неумеренного властолюбия первого – страна была разорена, целые регионы обезлюдели...

Смерть Ивана IV и переход власти к очевидно не способному к управлению страной государю, интересовавшегося исключительно охотой, медвежьими потехами и богослужением, сделали внутреннее положение России неустойчивым. Так, с 24 декабря 1584 г. до 11 февраля 1585 г. в управление одним из важнейших ведомств, Казной, вмешивалась то Дума, то Г.В. Годунов. «По приговору бояр, князя Ивана Федоровича Мстиславского с товарищи и по приказу казначея Деменши Ивановича Черемисинова дано торговому человеку Ершу Вислоухову за

Иван Грозный.
Неизвестный художник

40 соболей 60 рублей»². По-видимому, с назначением И.В. Траханиотова казначеем положение другого представителя этого рода, Б.Ф. Годунова, в этом ведомстве упрочилось. 20 февраля он говорил «государевым словом» о награде Ф. Пучка Молвянинова за удачную медвежью потеху (тот повесил на «медведя» саадак, снарядил его хлебом и солью и спустил на него дикого медведя), а 8 марта «приказал» уже даже не «государевым словом», а от себя лично жаловать царского духовника: «А казначеем приказал боярин и конюший Борис Федорович Годунов»³. Виленскому воеводе Христофору Радзивиллу он⁴ писал о своей роли при царе: «...я, будучи у великого государя в Ближней думе, всегда радею и с братьями своими, со всеми боярами мудрыми думами мыслим и промышляем и государя всегда наводим, чтоб между ним и вашим государем была любовь». Себе Борис приписывал заслугу освобождения литовских купцов от пошлин⁵.

Методика его воздействия на царя Федора была точно психологически рассчитана. Он добился благоволения царского духовника, который наставлял духовного сына в нужном Годунову направлении, с одной стороны, с другой – поощрял тех, кто развлекал царя, видимо, любимой последним традиционной забавой – медвежьей потехой. Неслучайно 3 января 1585 г. сам царь пожаловал В.В. Усова дорогой камкой за 5 руб., добрым сукном за 2 руб., 10 руб. из Большого прихода за то, что «тешил он государя, заколол перед государем медведя». Эта запись оформлена очень торжественно: она начинается с титула царя, а завершается фразой «По государеву приказу приказал казначей» Д.И. Черемисинов⁶.

Федор Иоаннович.
Неизвестный художник, сер. XVII в.

Другой же представитель годуновского рода, Григорий Васильевич, заботился о дьячках царицыной церкви Рождества Пречистой, что на сенех. Впрочем, о причте этой церкви царь Федор не забывал заботиться и сам. 22 января 1585 г. он приказал пожаловать два добрых сукна благовещенскому дьякону Федору за то, что тот «государя... на Рождество Христово и на Крещение кликал на часех многолетье»⁷. На Благовещенье весь причт 28 марта получил «праздничное»: протопоп – 10 аршин камки адамашки по 10 алт. 1 гр., 3 лопа, ризничий, 3 дьякона, 1 псаломщик и 1 дьяк – по доброму двухрублевому сукну⁸.

Груневег побывал в Москве вскоре после завершения Ливонской войны и заключения Ям-Запольского мира начала 1582 г.⁹ и в период заключения июльского соглашения Речи Посполитой и России о ненападении первой на новгородские земли, а второй, соответственно, – на ливонские с уступкой Ве-

лижа Речи Посполитой¹⁰. Тем не менее дипломатические отношения оставались напряженными.

10 апреля 1584 г. Москву покинули гонцы А. Измайлов и М. Зыбин, 26-го они добрались до рубежа. Посланец нового царя Андрей Измайлов передавал желание Федора Иоанновича «утвердити мирное постановенье», принятое еще при его отце, «чтоб и гости б и торговые люди ходили и торговали на стороны по прежнему»¹¹. А. Измайлов утверждал, что в России происходит «повольная» торговля, он де сам видел в Смоленске «литовских торговых людей много... да и то ведаю, – добавлял посланец, – что во Пскове и в Великом Новгороде литовских людей много же»¹².

Очередной посол польского короля Лев Сапега (1557–1633), воспитывавшийся при дворе богатейшего и влиятельнейшего литовского магната Миколая Радзивилла Черного и вместе с детьми последнего получивший образование в Лейпциге, а к 1584 г. уже прошедший ступени литовского писаря (1581 г.)¹³, маршалка Посольской избы (1582 г.)¹⁴, пересек границу России незадолго до смерти Ивана IV. В письме от 26 апреля 1584 г. Миколаю Радзивиллу Сапега рассказывал, как его встретили в России. Уже от Смоленска посла на всех дорогах окружала большая стража, посол не мог дознаться правды о причинах такого сопровождения и ради получения информации отправил из Можайска в Москву «шпегов»-шпионов. В Можайске ему велено было задержаться в ожидании новых распоряжений «великого князя». Там его охраняло еще большее число пеших и конных воинов, что навело посла на мысль о смерти Ивана Грозного. Между тем пришел приказ двигаться в столицу, и недалеко от города, перед переездом через Москву-реку, его встретили два «пристава». От имени «молодого великого князя» они сообщили послу, что

Лев Сапега. Неизвестный художник, 1-я пол. XVII в. Королевский замок в Варшаве

отец нынешнего государя умер, а сын «по отцовскому благословению» уселся «на Московском государстве». На Посольском дворе Сапегу днем и ночью охраняли тщательнейшим образом, как пленника. Наконец 12 апреля (по новому стилю) посол был приглашен в Боярскую думу. Однако между членами Думы возник спор из-за мест, и с послом вели переговоры только четверо – кн. Федор Михайлович Трубецкой, Федор Борисович Годунов (вероятно все-таки, что это был Борис Федорович, а не его сын) и двое Щелкаловых – Андрей и Василий. Посол попросил разрешения выехать из страны, поскольку государь, к которому он был послан, умер. Сперва бояре согласились удовлетворить его просьбу, но потом заявили, что государь у них не чужой (намек на короля Речи Посполитой. – А.Х.), а родной сын, который и сел на престол еще при жизни отца по его благословению, и предложили послу отправить гонца к королю для получения новых инструкций, что тот и сделал¹⁵.

Посол полагал, что ему было нанесено «бесчестие великое», что ему не давали корма¹⁶. Однако услышал возражения, будто он «жил не посольским обычаем», брал продовольствие не только для членов посольства, но и для торговых людей, которых «привел» около 200 человек¹⁷.

Тем не менее, несмотря на все шероховатости¹⁸, в год выезда армянского каравана Богдана/Ашвадура в Россию 14 июля 1584 г. было заключено перемирие на 10 месяцев до 30 мая 1585 г.¹⁹ Главным результатом его миссии последний ее белорусский исследователь считает освобождение 900 пленных без выкупа²⁰. На родине дипломатическое усердие Сапегу было вполне оценено: 2 февраля 1585 г. он стал подканцлером Литовского княжества²¹.

Перемирие создало предпосылки для возобновления традиционных торговых и дипломатических связей между Речью Посполитой и Российским царством. И в то время, пока Груневег находился в пределах последнего, дипломатические связи были довольно оживленными. Во время пребывания Груневега в пределах Российского царства оттуда в Речь Посполитую было направлено посольство кн. Федора Михайловича Троекурова, который был «писан наместником коломенским», думного дворянина и наместника Можайского Михаила Андреевича Безнина и дьяка Фомы Дружины Пантелеевича Петелина²².

В Варшаве Федор Троекуров, Безнин 20 февраля 1585 г. заключили перемирие на два года²³, а дьяк Фома Петелин 28 марта 1585 г. в г. Борисове подписал с королевским секретарем Яном Ловейко, кн. Богданом Лукомским и Андреем Воропаем запись о «размене» пленными на государственной границе на р. Ивате²⁴, который должен был состояться в мае 1585 г.

В ответ на посольство Троекурова был прислан Лукаш Сапега, появившийся в Москве в феврале 1585 г., когда армянский караван уже был в столице. На его приеме «в большой лавке» сидел боярин князь И.Ф. Мстиславский, там же находились дворецкий Г.В. Годунов, боярин И.В. Годунов, «в кривой лавке» – Д.И. и Степ. Б. Годуновы, а «у государя царя и великого князя Федора Ивановича всеа Руси стоял конюшей и боярин Борис Федорович Годунов²⁵. Стоит запомнить эти имена. Через полтора месяца, вероятно, перед этими же лицами держал свои речи Мартин Груневег, защищая себя и дворцового художника от обвинений в измене и попытке отравить царя и государя.

Однако отношения этих двух государств оставались крайне зыбкими. О неустойчивости российско-польско-литовских отношений даже после смерти Ивана Грозного свидетельствует целый ряд признаков. Прежде всего, совершенно неурегулированными оставались российско-польско-литовские отношения в области титулатуры. Русским дипломатам долго и упорно приходилось доказывать право своего государя на царский титул: «А з Божьей помощью государи у нас искони вечные прирожденные государи от святого великого князя Владимира, от тех мест и по се время государи наши сидят на своих государствах и сияют благочестием»²⁶. Кроме того, во второй раз на протяжении XVI в. (первый раз – это соглашение о перемирии на Киверовой горе, которое и завершило неудачную для России Ливонскую войну) посольство 20 февраля 1585 г. заключило перемирие не в Москве, а в Варшаве²⁷. Видимо, страна так нуждалась в продолжении мирных отношений с Речью Посполитой, что дипломаты были вынуждены согласиться на это вопиющее с точки зрения русской стороны нарушение традиций дипломатических обычаев. Более того, запись о размене пленными на р. Ивате была сделана не в Варшаве, а в г. Борисове²⁸.

Нерешенным оставался и вопрос об условиях возврата пленных. Частично «полоняников» из Речи Посполитой возвращали. Так, трое должны были приехать в Москву в феврале с литовским ганцом²⁹. Несмотря на договоренность об обмене, и в 1586 г. этот вопрос был камнем преткновения в русско-польских отношениях. Российские дипломаты сетовали на то, что за пленных требуют «окупа» 54 тыс. руб., «опрочь того, которые врозно окуплены на великие окупы, которые по паном сидели, а иные государя нашего полоняники и иные, що в вязенью в Литовской и в Польской земле сидят по паном и держат их в великих нуждах, из окупа мучат»³⁰. Представители же Речи Посполитой настаивали на возвращении некоторых лифляндских немцев. В ответ на это требование им объясняли: «...немцы лифлянтские государю нашему служат и живут на поместьях, а иные торговые люди торгуют со государя нашего с торговыми людьми, и государю нашему их отпускати не пригоже». Даже в 1586 г. паны рады заявляли о своей готовности поддержать короля в его войнах с Россией: «А мы ему не толко что на наемные люди позычити гроши, а сами своими головами посполито обема землями с ним готовы»³¹.

По мнению польской стороны, оставались долги царской казны некоторым торговым людям из Речи Посполитой за товары, приобретенные самим Иваном IV³². Еще при его жизни Януш Збаражский вместе с Никитой Романовичем Юрьевым занимался этим вопросом. Иноземных купцов «перед послы их роспрашивали и отказ им тогды ж учинен, а с ынными с московскими гостьми их судили и росправа им учинена»³³. Видимо, слабость позиций России заставила царя Федора компенсировать отчасти купеческие долги, при Михаиле Гарабурде в начале 1586 г. «государь... для напомниманья Стефана короля, хоти было и не довелось давати ничево, велел тем литовским торговым людем дати из своей государевой казны двесте рублей... и ответ письменной Михаилу Гарабурде дан»³⁴. Однако этот спор возникал и позднее, в конце 1586 г. «Многим поплачено за товары, а иным управа учинена, а которые бьют челом, что у них товары поиманы, а пути своему товару сами не скажут, где и хто имал, и сыскати тово нечем и немочно»³⁵. 22 августа 1586 г. российские

послы заявляли: «А поступатися государь наш никому ничево не хочет, и миру выкупати ни у ково не хочет. Бог свыше зрит, с чью сторону правда и с чью неправда»³⁶.

Российская сторона постоянно выдвигала претензии в связи с тем, что «милостыня» на заупокойные службы по царевиче Иване Ивановиче, направленная в «Царьгород» и в Иерусалим, оказалась частично разграбленной в пределах Речи Посполитой^{37,30}. Не было удовлетворения и в связи с тем, что по договору Януша Збаражского «много народу и хлеба и всяких запасов из лифлянских городов литовские люди не поотдавали»³⁸.

Критике же со стороны политиков Речи Посполитой подвергались самые основы политического строя Российского царства. Оршанский писарь Андрей Воропай передавал мнение панов рады о невозможности сохранять вечный мир с Российским царством. Оно основывалось на нарушении вечного мира с великим князем литовским Александром 1494 г., совершенным якобы Иваном III и Василием III. Разумеется, политики Речи Посполитой забыли о действиях их собственного государя. Они гордо заявляли: «А крепок вечный мир с нашей стороны для того, у нас король без рады всей земли делати ничего не может и войны поднять ни с кем не может. С которым государством зделал вечный мир или хотя и перемирье, а король с тем захочет воеватися и землю, все люди говорят королю, что с тем государем по конца становенье и присяга учинена и нам с тем не воеваться. Да и откажут королю и не пойдут с ним на войну, и королю одному что зделати. А у вас в обычае ведетца, чеве захочет один государь, и он до всех людей земли своей волен, ништо ему не смеет слова молыти»³⁹. В 1586 г. паны рада готовы были даже вмешаться во внутривнутриполитическую жизнь России⁴⁰.

Коронный канцлер Ян Замойский прилагал немалые усилия для того, чтобы склонить шляхту к разрыву отношений с Российским царством⁴¹. Поэтому Боярская дума сосредоточивала свои усилия на подготовке к оборонительной войне⁴². А в Речи Посполитой в последние годы жизни Стефана Батория вынашивались планы не только окатоличения России, но и объединения ее с Речью Посполитой на условиях личной унии – так, чтобы король польский и великий князь литовский механически становился и царем всея России.

Ливонская война резко уронила престиж Российского царства. Это заметно и в отношениях со Швецией, короля которой российская сторона при Иване Грозном никак не хотела признавать. Конечно, на переговорах на р. Плюссе, ведшихся с 18 августа по 13 сентября 1585 г., то есть уже после отъезда армянского каравана из Москвы, по-прежнему, как и в 1557 г.⁴³, звучали традиционные аргументы о родовитости российского царя и его происхождения от «Августа кесаря и великого князя Владимира, крестившего всю Русскую землю святым крещением», и о безродности шведского короля. Однако готовность российской стороны пойти на умаление титула своего государя и пропуск его титула «самодержец»⁴⁴ ради заключения вечного – именно вечного – мира со Швецией говорит о многом⁴⁵.

В этот период было крайне важно упрочить отношения России с Германской империей. Лука Новосильцев отправился к императору с дарами, состоявшими из мехов⁴⁶.

Однако не только последствия и нерешенные проблемы, унаследованные от времени Ливонской войны, осложняли отношения двух соседних государств. Был еще один камень преткновения на пути установления добрососедских отношений Речи Посполитой и Российского царства. Это была вечная и для Речи Посполитой, и для Российского царства угроза крымских набегов. Жертвой этих набегов оказывались не только жители Российского царства, но и Речи Посполитой⁴⁷. Белгородец Филипп Андреев, попав в крымский плен, семь лет провел в Османской империи, его путь на родину пролегал по Кизилбашской и Грузинской земле, откуда его вывезли русские послы Р. Беркин и П. Пивов в Астрахань, затем он «приволокся к Москве»⁴⁸.

Не менее часты были набеги крымских татар, уводивших в плен население южной окраины Российского царства и торговавших русскими не только в самом Крыму, по преимуществу в Каффе, но и в Стамбуле. Путивлец Савва Карпович Домнин «вывез из Киева, – как он писал в челобитной царю в 1588 г., – царегородцких твоих государевых полонеников четырех человек да женщину коширенку, а кормил их, государь, своим хлебом, деньги займаючи»⁴⁹.

Ко времени пребывания Груневега в Москве относится посольство Ивана Судакова в Крым, уже оповещенный русским гонцом о вступлении на престол нового царя, Федора Иоанновича⁵⁰. Вслед за этим в Москву прибыл крымский представитель Ян-Паша мурза с требованием отправки в Крым полномочного посла, что, однако, без предварительного согласования о времени размена послами считалось невозможным, поэтому в ханство был направлен гонец Василий Непейцын. В соответствии с договоренностью, достигнутой им, в Москве появился князь Исей с предложением выступить против польского короля и с просьбой о присылке 10 000 руб. и «рухляди» для свадеб ханских сестер. Видимо, договоренность была достигнута, но русская сторона предоставила крымцам почетное право выступить первыми. Ивану Судакову вменялось в обязанность лишь узнать о выступлении крымского войска против поляков⁵¹.

Но пока этого не случилось, купечество каждой из воевавших и полупримирившихся сторон спешило воспользоваться временной передышкой. Многочисленность сопровождавших Льва Сапегу гостей свидетельствует о том, что одной из наиболее быстро восстанавливавшихся сфер отношений двух государств-соседей были торговые⁵². Обычно послов сопровождало около сотни торговых людей⁵³. Среди же 200 торговых людей, прибывших со Львом Сапегой вскоре после смерти Ивана IV, было много вильневцев, в том числе Мамоничи⁵⁴. Михаил Гарабурда весной 1586 г. «привел» 40 гостей, не считая извозчиков⁵⁵. Уменьшение числа торговых людей связано с конфликтом, который произошел либо при Груневеге, либо вскоре после его отъезда.

К этому времени сложился определенный порядок торговли тех торговых людей, которые приезжали с послами. Они стояли на Посольском дворе и имели право беспошлинной торговли там до тех пор, пока продолжались дипломатические переговоры. По их окончании и отъезду официальных лиц послов, посланников или гонцов тех «литовских торговых людей, которые не исторговались», переводили на Гостинный двор⁵⁶. Здесь условия их жизни были более благоприятными: «И поволность им бывала великая, и по

двором ходили по всей Москве, а пошлину с них имали вполы, не так, как с ыных земель с торговых людей»⁵⁷.

Груневег упоминает о неудовольствии армян в связи с тем, что литовские и польские купцы скупили все, привезенное из Сибири. Вместе с Магмет-Кулой, племянником (или братом?) Кучюма, выступившего против казаков, а потом и плененного «государевыми людьми»⁵⁸, в Москву была доставлена огромная добыча, состоявшая преимущественно из мехов соболей и черных лисиц и иного дорогого зверя⁵⁹ (сам сибирский царевич 4 февраля 1585 г. получил в качестве государева жалованья «шубу хребты бельи с сукном добрым» за 6 руб.⁶⁰). Кроме того, ежегодные поступления были также довольно велики: В 1586 г. на встрече с послом Речи Посполитой Михаилом Гарабурдой приставам Елизарию Ржевскому и Григорию Васильчикову велено было указать размеры годовой дани: «по 5 тысяч сороков соболей, по 10 тысяч черных лисиц, по 500 тысяч белки “большие”, сибирские и илетцкие»⁶¹. «А ясаку положил на Сибирское царство и на Конду на Большую и на Конду на Меньшую, и на Пельмское государство... и на Туру реку и на Иртишь реку, и на Иргинское государство, и на Пегие колмаки, и на Обь, на великую реку, и на все обские на 94 города з году на год имати на государя по пяти тысяч сороков соболей, по тысячи лисицы черных, по 500 тысяч белки большие сибирские и илетцкие»⁶².

Чрезвычайно выгодной оставалась пушная торговля и на севере Европейской части России. 22 февраля 1585 г. из государевой казны три устюжанина, Василий Горох, Игнатий Костылев и Иван, получили по девять аршин камки доброй по 20 алт. за аршин, за то, что «купили они на Вологде на государя соболи, и куницу, и белку, и в том товаре учинили государю прибыли 1550 рублей»⁶³. Эта «прибыль» была очень кстати, поскольку у казны была огромная задолженность перед купцами Речи Посполитой.

Приезд армян в Москву происходил на фоне не вполне урегулированных отношений с Речью Посполитой, в особенности в прилегавших к границе местностях. Постоянно совершались грабежи, неоднократно происходили пограничные конфликты и стычки с населением соседнего государства⁶⁴. Даже в 1588 г. путивлец С.К. Домнин описывал их так: «Из литовских городов воры ходят, воруют на твоей государевой окраине в Путимле и в Рыльску, и в Добрянском въезде, в Комарицкой волости, громят и на смерть людей побивают и по реке по Донцу и по Осколу стоничных и сторожевых голов громят и на смерть побивают»⁶⁵.

Путь на юг в первой четверти столетия был несколько иным. Герберштейн определял маршрут так: через Калугу, Воротынск, Серенск и Брянск, что, по его подсчетам, составляло 150 верст⁶⁶. К середине XVI в. именно этим путем заинтересовался митрополит Афанасий. В августе 1564 г., вскоре после своего избрания митрополитом, он получил царскую грамоту о беспошлинной торговле в Новгороде Северском и Стародубе, Путивле, Чернигове, Рыльске, Трубческе, Радогоще⁶⁷. Видимо, к 80-м гг. этот путь был уже полностью освоен, и, несмотря на небезопасность дороги, стал привычным для иностранных купцов. Так, в 1584 г. в Чернигов приезжали из Любеча торговые люди Ермак и Пантелейко «с товаром с солью и с сукны». Все это они продали в Чернигове⁶⁸.

Установлением постоянных торговых контактов купечества Речи Посполитой и Российского царства и объясняется, по-видимому, позиция местного населения Великого княжества Литовского по отношению к кандидатуре русского царя Федора на польский трон в феврале 1587 г. В Орше русские послы Елизарий Ржевский и Захарий Свиязев услышали пожелание: «Боже, дай так, чтоб те великие панства, Коруна Польская, Великое княжество Литовское, с Московским государством было в единачестве на веки, а мы, хрестияне вси, о том Бога молим и просим». Аналогичные высказывания послы услышали и в Минске, где и шляхта, и мещане, и чернь были единодушны в поддержке русской кандидатуры, и в Новгороде, где якобы, по словам послов, «в литовских людех о тебе, государь, хотение есть великое»⁶⁹. Впрочем, сторонники царя имелись будто бы и среди польской шляхты, и в Мазовии, и в других землях Речи Посполитой («поляков большая половина»). Последнее заявление исходило от «человека» гнезненского архиепископа, в силу своего положения в духовной иерархии прекрасно информированного, Станислава Карнковского⁷⁰. Однако все приведенные свидетельства оказались ложными. В католической Польше выборы члена православной «секты», по выражению М. Груневега, были бесперспективны⁷¹. Зато избрание Сигизмунда III Вазы открыло католику Груневегу новые перспективы. Он ими тем не менее не воспользовался, исполняя только свои пастырские обязанности и ведя записи.

Российское царство, Османская империя и Сефевидская Персия

(И.В. Магилина)

На рубеже 70–80-х гг. XVI в. Османская империя продолжала оставаться «крупнейшей военной державой Средневековья»⁷². Однако это было лишь видимое превосходство над менее крупными экономиками западных и восточных соседей. Османская империя вступила в полосу стагнации. Процесс этот начался с 1566 г., со дня смерти последнего великого султана Сулеймана Великолепного. Процесс застоя, а затем и упадка, был замедлен наличием огромных экономических и политических ресурсов, которыми империя обладала к этому времени. Главным средством, позволявшим османам сохранять статус великой державы, были захватнические войны. Османская империя имела военно-феодальную структуру, поэтому огромные контрибуции с захваченных территорий, дань предметами производства, включая рабов, новые налоги и, наконец, откровенный грабёж составляли основу государственной экономики⁷³. Эффективность такой внешнеполитической доктрины основывалась на неременном условии – никогда не воевать одновременно с несколькими противниками. Начиная войну на западе с Габсбургами или Венецией, османы заключали перемирие на востоке с персидскими шахами из династии Сефевидов. К концу 70-х гг. XVI в. османские завоевательные походы достигли своего апогея. Однако на европейской территории постоянные

войны с Габсбургами и Венецианской республикой, проходившие с переменным успехом, уже не приносили османам ожидаемой прибыли.

Оставалось только одно направление, которое могло обеспечить Османской империи приобретение новых территорий и финансовых ресурсов – это Кавказский регион. Небольшие политически раздробленные многонациональные кавказские государства, принадлежавшие к различным исламским и христианским конфессиям, представляли собой достаточно развитый экономический регион. Османы начали продвижение на Кавказ еще в первой четверти XVI в., но захват закавказских территорий приобретает системный характер со второй половины XVI в. Именно в это время в состав Российского царства вошли Казанское и Астраханское ханства. Брак Ивана IV с кабардинской княжной сопровождался установлением родственно-вассальных связей с Кабардой, а затем и с Грузией⁷⁴, и строительством русских военных крепостей на Тереке. Это означало для османских султанов не только предел экспансии в северо-восточном направлении⁷⁵, но и «порабощение» единоверцев-мусульман «неправовверным» русским государем.

Для Османской империи существовали два основных пути продвижения на Кавказ: первый – северный, через Крым, Азов, Тамань, к устью Волги на Каспий; второй – южный, через Курдистан, Грузию, Армению, Шемаху, опять же на Каспий. Стратегической целью османов было создание сплошной линии своих владений через Азов – Северный Кавказ – Астрахань. При успехе был бы установлен контроль за торговыми потоками «шелкового транзита» из Средней Азии в Закавказье, который мог обеспечить новый экономический подъем Османской империи⁷⁶.

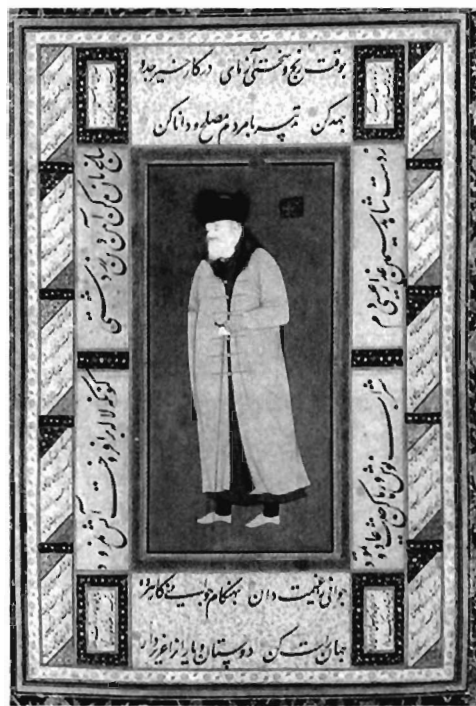
В 1578 г. Османская империя, верная своей традиционной политике, обезопасив свои границы с запада⁷⁷, начала войну против Персии. За короткий срок была полностью перестроена и переоборудована пограничная крепость Карс, которая была воротами Персии и по Амасийскому договору входила в состав шахских владений. Эти действия османов и послужили «*casus belli*» для новой осmano-персидской войны. В отличие от прежних военных кампаний в этом регионе, теперь османы пытались закрепиться здесь на постоянной основе. К 1582 г. Грузия, большая часть Армении и самая богатая и стратегически важная провинция Закавказья – Ширван, были заняты османами, захватив Дербент, ворота Кавказа, они вышли к Каспию⁷⁸. Практически правившие при престарелом персидском шахе Худабендэ его жена Хайр аль Ниса Бегум вместе с сыном Хамзе Мирзой пыталась организовать контрнаступление, но кизилбашские эмиры отказались подчиняться женщине и потребовали ее удаления от управления государственными делами. В конце концов Ниса Бегум была убита, а от имени шаха к европейским правителям обратился его сын, семнадцатилетний Хамзе Мирза, который после 1583 г. взял бразды правления в свои руки, хотя формально правящим шахом по-прежнему считался Худабендэ.

В Европу был отправлен персидский посол Ходжа Мухаммед. В связи с началом осmano-персидской войны шах предлагал всем заинтересованным европейским правителям совместно выступить против султана Мурада III. Король Португалии Жоан III велел отослать шаху на ведение войны 20 000 цехинов, но начать военные действия против османов отказался⁷⁹. Испанский

король Филипп II пообещал шаху военную и финансовую помощь в случае продолжения войны с османами. Ежегодно шах должен был получать 100–150 тыс. золотых дукатов, кроме этого, огнестрельное оружие и 15–20 пушек⁸⁰. Венеция – традиционный союзник и торговый партнер Персии – не стала рисковать перемирием с османами, заключенным в 1574 г. На отпущенной аудиенции Ходжа Мухаммед получил драгоценные подарки и 300 цехинов. Сенат республики желал своему союзнику «самых больших успехов», но конкретной помощи обещано не было⁸¹.

С аналогичной просьбой о помощи против османов шах обращался и к Ивану IV. Еще в 1578 г., в самом начале османо-персидского конфликта, несмотря на тяжелое внешнеполитическое положение, связанное с затянувшейся Ливонской войной, Иван IV приказал восстановить крепость на Тереке и заложить новую на Сунже. В Терский городок был отправлен воевода Л. Новосильцев «со многими людьми и с вогненным боем», которые самым серьезным образом препятствовали свободному проходу османских и крымских войск в Закавказье⁸². Об этих успешных действиях русского правительства на Кавказе было известно от плененного кизилбашами в начале 80-х гг. крымского царевича Кази Гирея⁸³. Неизвестно, чем окончились переговоры персидских посланников с Иваном IV⁸⁴, но если помощь и была оказана, она явно была недостаточной. Венецианский посол в Праге А. Бадозер сообщал Сенату, что в Праге ходят упорные слухи о том, что «московский» князь пообещал персам 150–200 лошадей для того, чтобы те могли конкурировать с османами и продолжать войну⁸⁵. В одном из пропагандистских «летучих листков», распространявшихся по Европе в это время, прямо говорилось, что «москвиты уважаемы из-за их военной мощи против турок и связи Москвы с шахом Персии, и это представляет большую опасность для Порты»⁸⁶.

Однако затянувшаяся Ливонская война не давала возможности российскому правительству быть полноценным участником международных отношений на Востоке. Российское царство смогло вести активную восточную политику только после 1582 г., когда было заключено перемирие с Польшей⁸⁷. О том, что османо-персидская война может напрямую коснуться России, окончательно стало известно в 1584 г. К этому времени скончался царь Иван IV, на трон взошел царь Федор Иоаннович. В Кон-

Русский посол. Персидская миниатюра

стантинополь через Азов был отправлен посланник Б. Благово с извещением Мурада III о событиях в Москве. Во время своего посольства Благово имел встречу с великим везирем Осман-пашой, который в откровенной форме выразил османские претензии к царскому правительству. Русские гарнизоны самым серьезным образом препятствовали свободному проходу османских и крымских войск в Персию. Осман-паша в ярости угрожал русскому посланнику Б. Благово, что, если терские и донские казаки с русскими гарнизнами не будут давать османской армии свободного прохода в Персию, «султан пошлет воевать русскую землю и поплет не только Крымских и Ногайских людей, но и Турских, и притом к Астрахани»⁸⁸. В Константинополе положение еще более осложнилось. Русский посланник был принят очень холодно, султан Мурад в категорической форме потребовал убрать с Терека гарнизон, чтобы «проход был в Кизилбаши», при этом султан также потребовал убрать казаков уже и с Дона и Азова⁸⁹.

Русское правительство понимало серьезность угроз. Благово доносил, что в Азове открыто говорят о предстоящем походе крымского хана Ислама-Гирея и турецких войск под Астрахань. Положение осложнялось позицией вассальных русскому правительству ногайских орд. Пришедший к власти в Ногайской орде князь Урус считал себя владыкой всех пространств в Дешт-и-Кипчак, кипчакской степи между Доном, Азовом и Волгой. Грозный царь Иван, захвативший Казань и Астрахань, был теперь не страшен ногайцам. В 1585 г. Урус послал гонцов к крымскому хану Исламу-Гирею, чтобы тот передал просьбу ногайцев султану. Урус просил у султана Мурада жалованья, милости и предлагал отправить в Астрахань османское войско, которое подержат ногаи Большой Орды⁹⁰.

Шах Аббас

Международное положение Османской империи к 1585 г., несмотря на внутренний экономический кризис, было более чем благополучно. Османской дипломатии удалось окончательно расколоть европейский лагерь и к своей давней европейской союзнице, Франции⁹¹, присоединить Англию. Королева Елизавета в обмен на торговые привилегии предложила Мураду III военный союз против Испании⁹². В результате Мурад III не принял предложений персидского шаха о мире и приказал продолжить наступление.

Принц Хамзе Мирза предпринял отчаянную попытку спасти столицу Сефевидов. Он обратился к эмирам с призывом сплотиться вокруг него как «преданных моджахедов дома Сефи»⁹³. Эмиры Шамлу и Устаджлу были среди тех, кто поддерживал Хамзе Мирзу, но по той самой причине их конкуренты, вожди клана Теккелю, отказались присоединиться к вой-

ску принца. Вожди Теккелю и находившийся с ними в союзе клан Зулькадар в отсутствие Хамзе Мирзы попытались провозгласить шахом его десятилетнего брата Абу Талиба в обход шестнадцатилетнего Аббаса Мирзы, находившегося в Хорасане⁹⁴. Попытка очередного переворота не удалась, но из-за неповиновения и отсутствия единства между главами кизилбашских племен Тебриз в июле 1585 г. был взят османами⁹⁵. Неоценимую помощь в этой кампании османам оказали их вассалы-союзники – крымские татары под руководством ставленника Мурада III Ислама-Гирея⁹⁶. Войско османов в этот период времени превосходило персидское не только своей численностью, но и, в большей степени, техническим оснащением – пушками, мушкетами, равно как и дисциплиной. Но у османов не было кавалерии, способной противостоять стремительной коннице кизилбашей. Поэтому османы, предпринимая серьезные военные операции, не могли обойтись без крымской кавалерии. Ликование османов было прервано неожиданной смертью главного визиря и главнокомандующего Осман-паши, который скончался во время празднеств, посвященных захвату Тебриза. Об этой утрате скорбело и войско, и лично Мурад III. Новый главнокомандующий османов Фархад-паша через сорок дней вывел большую часть войска из Тебриза, оставив в цитадели гарнизон. И хотя Хамзе Мирза, подавив мятеж в Казвине, попробовал организовать контрнаступление в нескольких направлениях, весьма успешное, ему удалось в конце 1585 г. даже вытеснить османов из Южного Азербайджана⁹⁷, но вернуть Тебриз ему так и не удалось.

С потерей Тебриза начинается следующая стадия осmano-персидской войны. Именно в этот момент Хамзе Мирза обращается с посланием к русскому государю. Успехи османов тревожили правительство России, поэтому был принят ряд мер по активизации деятельности казаков в Азове и на Дону. В 1585 г. на Дон были отправлены отряды стрельцов под руководством воевод В. Биркина, Ф. Бутурлина, Ю. Булгакова. Главной их задачей было создание заслона на русских границах, в случае если османы предпримут попытку повторить астраханский поход. Однако российское правительство не было против и «некоторых» актов, которые могли бы нанести урон османам и их союзникам, крымцам. Действия русских «ратных людей» и казаков, совместно с кабардинскими князьями, против османов в Закавказье не заставили себя ждать. Казаки разгромили отряд черкесских князей⁹⁸, шедших на соединение с армией Осман-паши. В 1586 г. османскому правительству не удалось из-за действий казаков доставить «казну» в Дербент находившемуся там практически в осаде Ефер-паше. Янычары, не получавшие почти год довольствия, грозились оставить Дербент и вернуться в Стамбул⁹⁹. О положении османов в Закавказье свидетельствует перехваченное казаками письмо Ефер-паши, отправленное в Стамбул: «...города, которые вы отобрали у Персии... не смогут сами себя защитить; а московиты объединятся с персидским шахом и грузинским царем, а потом они пойдут отсюда на Стамбул, а император и испанской король, с другой стороны, и сами вы не переживете этого в Стамбуле, а будете захвачены в плен, и мусульмане станут христианами, а наша вера на этом закончится, если не вступитесь»¹⁰⁰.

Слухи об этих действиях дошли до Казвина, куда после потери Тебриза перебрался шахский двор. В Москву был срочно отправлен посланник Анди-

бек. Шах, или, точнее, Хамзе Мирза, просил российского государя оказать ему помощь в борьбе с османами. Помощь должна была заключаться не в огнестрельном оружии, а конкретном военном выступлении. Царь со своими подразделениями должен был выступить из Астрахани и освободить от османов Баку и Дербент. За оказание такой помощи шах обещал отдать эти древние персидские города Российскому царству в вечное владение. Если же Москва согласится помогать Персии и в дальнейшем, то шах уступит города даже и в том случае, если захватит их сам.

С.А. Белокуров на основе летописных и посольских материалов по связям России с народами Кавказа сделал вывод, что Анди-бек был послан в Москву осенью 1586 г., когда османы в очередной раз отклонили предложение о мире. Хамзе Мирза даже предлагал новому главнокомандующему османов Ферхад-паше отослать в Стамбул своего сына, Хайдара. Однако персидский посланник добрался до Астрахани только в начале лета 1587 г., хотя дорога из Персии до Астрахани занимала от трех недель до двух месяцев¹⁰¹. Посольских материалов, посвященных приезду в Москву Анди-бека, не сохранилось. Предложения шаха русскому государю воспроизводились в посольских документах, относящихся к 90-м гг.¹⁰² Для русской стороны они имели стратегический интерес, т.к. расширение территорий за счет крупнейших центров шелководства и торговли на Каспии могло принести не только экономическую выгоду, но и укрепить международный престиж.

Однако у российского правительства были основательные причины не торопиться с ответом на предложения шаха¹⁰³. В первую очередь из-за того, что в 1585 г. в Москве стало известно о проекте «крестового похода против османов», который предложил Римской Курии польский король Стефан Баторий. Сначала «отважный борец с врагами христианства» должен был завоевать Москву, а уже потом напасть с северо-востока, в союзе с грузинским царем и кабардинскими князьями¹⁰⁴, на османов¹⁰⁵. В Москве прекрасно понимали, что Баторий хочет воспользоваться смертью Ивана IV и возобновить войну, т.к. слабый царь Федор и подорванные финансово-экономические ресурсы Российского царства обещали польскому королю легкую победу. Сикст V, продолжавший дело Григория XIII по организации антиосманской общеевропейской лиги, должен был выделить Баторию деньги на новую войну с Россией. «Блестящим планам» Батория не дано было осуществиться: он скоропостижно скончался в декабре 1586 г. Однако идея не исчезла, приобретя несколько иную форму. И к осуществлению ее косвенно оказался причастен о. Венцеслав, в светской жизни Мартин Груневег.

Примечания

¹ Для понимания указаний Груневега о внешнеполитических сношениях Российского царства необходима мобилизация сведений русских источников – посольских книг с Речью Посполитой (РГАДА. Ф. 79. Кн. 16. Л. 215 – 249 об. – посольство Ф.М. Троекурова), причем не только синхронные пребыванию Груневега в Москве, но и более поздние. Так, посольство Афанасия Рязанова в июне – октябре 1592 г. предьявило счет убытков торговых людей с 1582 г. (Там же. Кн. 22. Л. 124 об. – 169 об. Частично опубликовано в сб.: Русско-белорусские связи. № 27. С. 27–30).

- ² ДАИ. Т. I. № 131. С. 196.
- ³ Там же. С. 200.
- ⁴ В 1586 г. Б.Ф. Годунов был конюшим и наместником Казанским (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 16. Л. 104).
- ⁵ Цит. по: Соловьев С.М. 1989. С. 220–221.
- ⁶ ДАИ. Т. I. № 131. С. 196. Ср.: Соловьев С.М. 1989. С. 300.
- ⁷ Там же. С. 197.
- ⁸ Там же. С. 201.
- ⁹ Успенский Ф.И. 1885; Он же 1887; Текст договора см.: ДРВ. Ч. XII. 1789. С. 194–225.
- ¹⁰ КПМ ВКЛ. № 99; Архив внешней политики России; Копия: РГАДА. Ф. 79. Оп. 3. № 37.
- ¹¹ РГАДА. Ф. 79. Кн. 15. Л. 131 – 131 об.
- ¹² Там же. Л. 135.
- ¹³ Благодаря этому посту Лев Сапега был знаком с «московскими» выезжими людьми и мог иметь сведения о соседней стране из первых рук (МВКЛ-70. № 157–161. 13.12. 1584). Один из выезжих, сын боярский Богдан Слизов, выехал из Пскова (Там же. № 29, 124, 127. 14.11.1583, 31.05.1584), другие – из Великих Лук. Псковичом был, вероятно, и Семен Криженин, во время похода Стефана Батория на Псков покинувший Россию вместе с женой (Там же. № 50. 20.01.1584).
- ¹⁴ *Przyboś A., Żelewski R.* 1959. S. 114.
- ¹⁵ *Ibid.* S. 119–120.
- ¹⁶ В случае такого же упрека со стороны минского каштеляна Михаила Гарабурды, прибывшего в Москву в конце марта 1586 г., следовало говорить, что он, подобно Яну Хоткевичу и Довойне, получал «большой корм», но не принял корма вместо пира у царя, когда к нему был отправлен столовый дворянин – ближний кн. Ф.В. Тюфякин.
- ¹⁷ РГАДА. Ф. 79. Кн. 16. Л. 5 об., 6. В сопровождении и под защитой посла в Российское царство ехали и купцы, в русских посольских книгах говорилось, что посол «привел» купцов.
- ¹⁸ О ходе переговоров см.: Саверчанка I.B. 1992. С. 14–15.
- ¹⁹ *Щербатов М.М.* 1789. С. 86–123.
- ²⁰ *Салей С.М.* 2007. Стоит добавить, что именно они (а некоторые находились в России с 1563 г., после захвата царскими войсками Полоцка) стали информаторами о внутренней политике Ивана Грозного.
- ²¹ МВКЛ-70. № 172, 02.02.1585; № 177, 178. 25.02. 1585.
- ²² 30 ноября 1584 г. Щелкалов получил из казны подарки для короля: «Пары [соболей], сделаны в сороку... А на колотку, на ошивки пошло за лык место пол-аршина бархату венецицкого вишневого гладкого, цена полтина. Да на подвязки пошло 10 золотник шелку бурского лазоревого, цена 10 алтын. Да цевка с четвертью золота пряденного, цена 18 алт. и 2 д.» (ДАИ. Т. I. № 131. С. 193).
- ²³ РГАДА. Ф. 79. Оп. 3. № 39.
- ²⁴ Там же. № 40. Обзор этих документов был сделан Н.Н. Бантыш-Каменским (*Бантыш-Каменский Н.Н.* 1862–1864; *Он же* 1897; *Савва В.И.* 1917).
- ²⁵ РК 1475–1598. М., 1966. С. 359.
- ²⁶ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 16. Л. 116 об. Апрель 1586 г.
- ²⁷ Там же. Оп. 3. № 39. Копия посольской книги.
- ²⁸ Там же. № 40. Копия посольской книги; Оп. 1. Кн. 15.
- ²⁹ Им навстречу Щелкалов отправил три шубы («хребты бельи», «обляки бельи» и «черева бельи», все «с сукном добрым», соответственно ценой в 6, 5 и 4 руб. с полтиной, полученные 4 февраля 1585 г. из «крымской клади» в казне (ДАИ. Т. I. № 131. С. 198).
- ³⁰ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 16. Л. 195 об.

- ³¹ Там же. Л. 266 об.
- ³² Хотя в посольских делах говорится об этом неоднократно, совершенно неясно, как оформлялись долги царской казны иностранным купцам, хотя практика фиксации долгов частных лиц известна (Демкин А.В. 1985. С. 35–37).
- ³³ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 16. Л. 196 об.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Там же. Л. 420.
- ³⁶ Там же. Л. 288 об.
- ³⁷ Там же. Л. 197, 419 об.
- ³⁸ Там же. Л. 419 об.
- ³⁹ Там же. Л. 438–439.
- ⁴⁰ Там же. Л. 439 об. – 440.
- ⁴¹ *Zaleski St.* 1884.
- ⁴² Флоря Б.Н. 1973. С. 17–18.
- ⁴³ Коваленко Г.М. 2010. С. 60–70.
- ⁴⁴ Сб. РИО. Т. 129. № 26. С. 430.
- ⁴⁵ Впрочем, даже перемирие без признания права царя на Ливонию считалось невозможным: «Тот уже мир против конечной беды». Звучали все те же доводы – об основании Ярославом-Георгием города Юрьева и о победе великого государя Александра над «королем части Римския» и о том, что он «тех Лифлянт смирил и дань на них положил» (Сб. РИО. Т. 129. № 26. С. 506).
- ⁴⁶ Для этого А. Щелкалов 30 ноября 1584 г. получил «из государевы казны сорок соболей, что сделан был аглинской королевне, цена 300 рублей, 3 пары соболей цена 120 рублей, из отписной казны, одна приносу князя Ивана Елецкого» (ДАИ. Т. I. № 131. С. 193).
- ⁴⁷ Юго-западные земли этого государства рассматривались в Османской империи как источник поступления невольников (Галенко А. 2002. С. 370–387).
- ⁴⁸ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 1. Л. 3–5.
- ⁴⁹ Там же. Л. 8.
- ⁵⁰ РГАДА. Ф. (Крымские дела). Кн. 16. Л. 1–27.
- ⁵¹ Там же. Л. 28, 42, 43–73, 89–151. Ср.: ИТУАК. 1891. Т. 14. С. 17.
- ⁵² РБС (1570–1664 гг.); *Абцедадарский Л.С.* 1957. С. 18–21.
- ⁵³ РГАДА. Ф. 79. Кн. 16. Л. 31 об.
- ⁵⁴ Там же. Л. 200 об.
- ⁵⁵ Там же. Л. 11 об.
- ⁵⁶ Новый Торговый двор находился недалеко от Покровских ворот Китай-города (РГАДА. Ф. 79. Кн. 16. Л. 16).
- ⁵⁷ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 16. Л. 31 об., 200 об.
- ⁵⁸ Сб. РИО. Т. 129. С. 414–415. См.: *Преображенский А.А.* 1972. С. 48–49.
- ⁵⁹ В наказе русским послам в Швецию 1585 г. речь шла о «великой дани», взимаемой сибирским воеводой, – соболями, черными лисицами и белкой (Сб. РИО. Т. 129. С. 414–415). См. подробнее: РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 16. Л. 26 – 27 об.).
- ⁶⁰ ДАИ. Т. I. № 131. С. 198.
- ⁶¹ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 16. Л. 26–27 об.)
- ⁶² Там же. Л. 206 об. – 207, 365 – 365 об.
- ⁶³ ДАИ. Т. I. № 131. С. 199.
- ⁶⁴ *Natanson-Leski J.* 1922; *Natanson-Leski J.* 1930.
- ⁶⁵ *Анпилогов Г.Н.* 1967. С. 125–127; РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 1. Л. 7.
- ⁶⁶ *Герберштейн С.* 2008. Т. 1. С. 313, 317, 323.
- ⁶⁷ АФЗХ. Ч. III. Дополнения. № 1. С. 359–360.
- ⁶⁸ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 1.
- ⁶⁹ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 17. Л. 176–176 об., 185, 220. Цит. по: *Floria B.* 1971. S. 86.

⁷⁰ *Floria B.* 1971. S. 87.

⁷¹ Более поздние попытки российской стороны сыграть на идее совместной обороны от крымцев тоже ни к чему не привели (*Floria B.* 1971. S. 89–91).

⁷² *Греков И.Б.* 1963. С. 23.

⁷³ *Смирнов Н.А.* 1946. Т. 1. С. 59.

⁷⁴ *Смирнов Н.А.* 1958. С. 26.

⁷⁵ *Карданов И.Э.* 1972. С. 43.

⁷⁶ *Бродель Ф.* 2004. С. 334.

⁷⁷ В 1577 г. Порта продлила семилетнее перемирие с Империей, а в 1581 г. трехлетнее перемирие с Испанией, заключенное в 1578 г. В это же время Мурад III обновил мирный договор с Польшей. См.: *Bély L.* 1992. P. 73.

⁷⁸ *Новосельцев А.П.* 1969. С. 74.

⁷⁹ Португалия, имевшая колонии в Персидском заливе, с начала XVI в. иногда представляла Сефевидам военную и финансовую помощь против османов в виде огнестрельного оружия и войсками. Так, в 1549 г. шах Тахмасп получил от португальского короля Жоана III подразделение из 10 тыс. аркебузирова и 20 пушек и 20 000 цехинов. См.: *Chronicle of the Carmelites in Persia.* 1939. P. 26.

⁸⁰ *Stloukal K.* 1963–1964. S. 79.

⁸¹ *La Persia...* P. 36.

⁸² СРК.С. LXXXVII.

⁸³ Казы-Гирей Бора (Буря), сын крымского хана Мухаммед-Гирея, был захвачен в плен кизилбашами. Несколько лет он пробыл пленником у шаха в крепости Какгага, затем бежал в Турцию к Мураду III, который сделал его в 1588 г. крымским ханом. Ферхад хан Караманлу, один из самых приближенных к шаху Аббасу людей, так в 1588 г. передавал русскому посланнику Г. Васильчикову содержание бесед с Казы-Гиреем: «И Казы Гирей царевич мне то рассказывал, что ему случилось приходити на государя вашего землю войною, и он государя вашего рать видел, и рать государя вашего, сказывал, збирается больши турецкие рати». См.: ПДТС с Персией. С. 76.

⁸⁴ Из-за Смутного времени и многочисленных пожаров Посольские документы РГАДА, отражающие русско-персидские отношения, сохранились только с 1588 г.

⁸⁵ А. Бадозр также сообщал Сенату, что Иван IV, помимо И. Шевригина, посланного к императору, отправил из Нарвы еще одного посланника к Филиппу II с предложением «составить хорошую лигу против турок». См.: Деша А. Бадозра венецианскому сенату № 243. 1581 г. января 17 // ПКДСР с Италией. 1925. Т. 1. Вып. 1. С. 173.

⁸⁶ *Palombini B., von.* 1968. S. 126.

⁸⁷ В 1581 г. Иван IV отправил в Европу посольство во главе с И. Шевригиным. Царь предлагал императору Рудольфу II, Григорию XIII и Венеции союз против «неверных». См.: Аудиенция Истома Шевригина у дожа Николо да Понте 1581 г. февраля 15 // ПДКСР с Италией 1925. № 254. С. 183. В обмен на свое участие в антиосманской коалиции Иван IV просил посредничества в заключении мира между «Москвой» и Польшей. Император и папа Григорий XIII положительно отнеслись к предложениям Ивана IV. В Россию и Польшу был отправлен А. Поссевино – посредник в переговорном процессе. Ям-Запольское перемирие между Польшей и Москвой было подписано в 1582 г.

⁸⁸ СРК. С. ХСІ.

⁸⁹ РГАДА.Ф. 89. Кн. 2. Л. 299.

⁹⁰ *Третьяков В.В.* 2001. С. 357.

⁹¹ С первой четверти XVI в. между Францией и Османской империей установились дружественные отношения. Первый договор о торговых привилегиях был заключен между Сулейманом Кануни и Франциском I в 1536 г. В 1543 г. Франция открыто

выступила против Карла V в союзе с османами, в результате чего произошла знаменитая франко-османская морская операция, когда турецкое войско на флоте, зашедшем в Марсель, соединилось с французами и нанесло поражение императору Карлу V под Ниццей (История Европы. 1993. С. 301). Поддерживая османов, Франция наносила серьезный ущерб своим врагам – испанским и австрийским Габсбургам.

⁹² Об этом венецианскому Сенату докладывал Лоренцо Бернардо из Константинополя. Венецианский посол успокаивал правительство: «Этого союза бояться не надо, т.к. Порта связана войной с Софи». См.: *Rouillard C.D.* 1935. P. 296.

⁹³ По шиитской традиции, шах из рода Сефевидов являлся не только главой государства, но и духовным лидером (*мур*) населявших его шиитов, что в определенные моменты истории было намного важнее, т.к. военные действия в этом случае принимали характер «газавата» или «джихида» – священной войны.

⁹⁴ *Newman A.J.* 2006.

⁹⁵ *Blow D.* 2009. P. 57.

⁹⁶ *Смирнов В.Д.* 2005. Т. 1. С. 327.

⁹⁷ *Гусейнов А.М.* 1963. С. 76.

⁹⁸ Впоследствии выяснилось, что это был отряд запорожских черкас, которых польский король Стефан Баторий отправил на помощь Осман-паше.

⁹⁹ *Кушева Е.Н.* 1963. С. 267.

¹⁰⁰ СРК. С. 231.

¹⁰¹ Там же. С. 163.

¹⁰² Информация о послании шаха содержится в РГАДА: Сношения России с Персией. Ф. 77. Оп. 1. Кн. 1–3; Сношения России с Римской империей. Ф. 32. Оп. 1. Кн. 5.

¹⁰³ Обычно, когда посол или посланник иностранного государства прибывал на границу Российского царства, в данном случае в Астрахань, воевода и приставы выясняли у него цель и причину визита и сообщали в Москву, а уже там принималось решение, насколько быстро посланник должен прибыть к государю.

¹⁰⁴ Неизвестно, откуда Баторий знал о существовании кабардинских князей, которые почему-то должны были быть его союзниками, но того, что кабардинцы были мусульманами-суннитами, он не знал точно.

¹⁰⁵ В депеше кардиналу Комо А. Поссевино изложил намерения Батория. Это единственный документ, в котором письменно изложен план московской кампании Батория. Замысел С. Батория Сиксту V устно излагал племянник короля, А. Баторий. См.: *Депеша А. Поссевино кардиналу Комо.* 1585 г. февраля 17. Краков // Россия и Италия. 1902. Т. II. № 256. С. 213. Баторий также просил у папы «необходимые средства для похода против Москвы – 200 000 золотых дукатов». Всю кампанию Баторий собирался осуществить за три года, силами 24 000 пехотинцев и кавалерии. См.: *Pirling P.* 1896. Vol. II. P. 414–415.

БИОГРАФИЯ И ЛИЧНОСТЬ АВТОРА

Родина и предки

Уроженец одного из крупнейших городов Ганзейского союза – Гданьска, с 1466 г. вошедшего в состав Короны Польской¹, но вплоть до середины XVI в. населенного по преимуществу немцами, Мартин Груневег явился на свет в немецкой состоятельной бюргерской семье² 25 апреля 1562 г. «в день евангелиста Марка при окончании большой литании св. Марку» (1, 367), которого всю жизнь считал своим покровителем и защитником. Автор публ. икуемых фрагментов «Записок» принадлежал отнюдь не к самой распространенной категории создателей сочинений подобного жанра – он не был ни дипломатом, как большинство его коллег по перу, ни воином; он не принадлежал ни к патрициату, ни к политической элите Европы. Первыми авторами, поделившимися с миром своими воспоминаниями о Руси и России, были дипломаты. В XVI в. в условиях постоянных войн, в первую очередь религиозных³, автобиографии и воспоминания военных заняли почетное место в европейской мемуаристике⁴, в том числе и русистике. А вслед за ними на сцену литераторов вышли и бюргеры, отличавшиеся весьма своеобразным видением

Гданьск. Гравюра А. Мёллера, 1592/93. Фрагмент

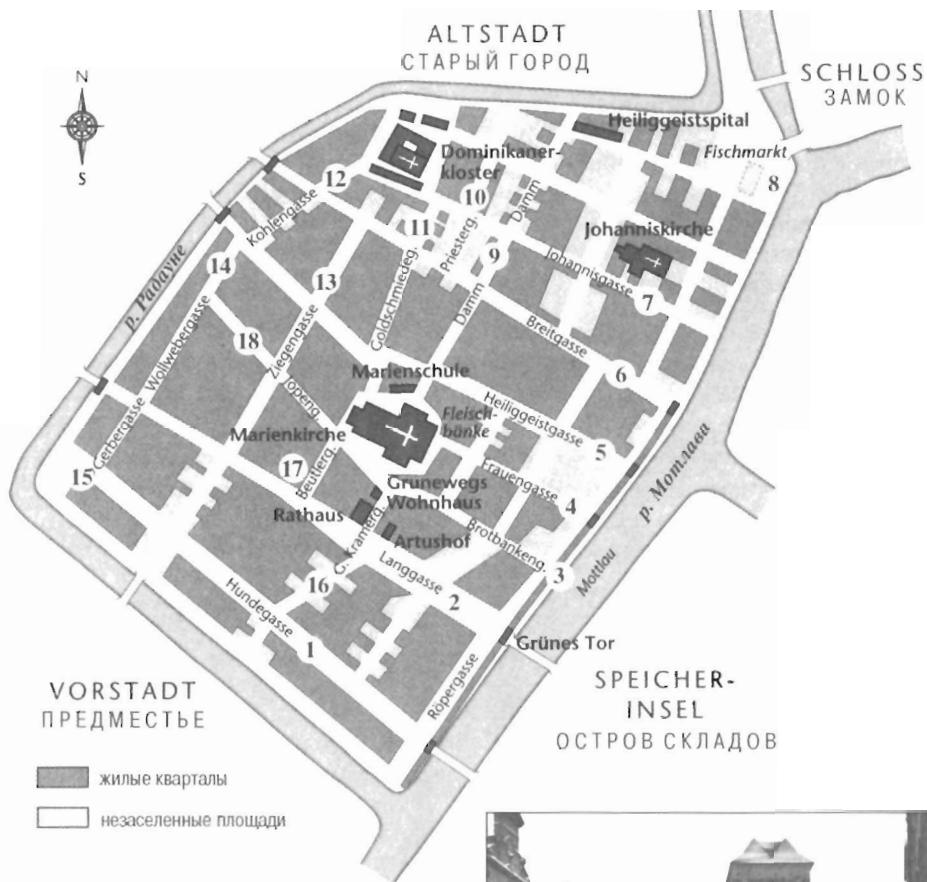
Буквами обозначены: L – костел Св. Николая, N – костел Св. Яна. P – ратуша Главного мяста, O – Маринский собор, Q – двор Артуса, R – дом Каспера Гебля

мира, характерным и для Груневега⁵. Он смотрел на окружавший его мир не сквозь пороховой дым битв, который порой застилал глаза военным, и не сверху вниз, как смотрело большинство его современников-дипломатов, пытавшихся использовать результаты этих битв и прежних отношений для упрочения положения своих стран и своего собственного, но как низший член торгового товарищества – секретаря-бухгалтера торгового каравана, возглавляемого львовским армянином.

О далеких предках Груневега, несколько поколений которых, выйдя из сельской округи, стали жителями Гданьска, известно лишь из его собственного сочинения. Материнская линия восходит к прапрапрадеду Якобу Люббе, уроженцу Шенберга, осевшему в Гданьске, хронисту которого о Венцеслав поместил в свои «Записки». Двоюродный прапрадед Мартина Груневега по материнской линии – Якоб Люббе-младший (1430–1489), по прозвищу Зеленый кафтан⁶, – держал корчму в Лихтенау, помогал королевским пленным во время знаменитой 13-летней войны 1453–1466 гг., за что угодил в тюрьму на 10 лет, был верен крестоносцам в военных делах. Ездил в Рим к папе в 1475 г., торговал пшеницей по Висле. Не менее успешен был его прадед по матери – Якоб Робезе (ок. 1465–3.03.1546). Дед (по этой же линии) автора «Записок», зять предыдущего, Мартин Рослер-старший (11.11.1490–04.11.1565), перешел в лютеранство⁷, и хотя и женился в Гданьске на Барбаре Робезе, торговлю вел в Нюрнберге. Его сын и дядя автора «Записок» Мартин Рослер-младший (род. 13.11.1531), начав во Львове в 1554–1556 гг. со службы Никлю Байеру из Браслава⁸, основал собственное дело, побывал в Иерусалиме и Риме. В Вечный город он добрался по морю якобы вместе с армянскими купцами, выучил итальянский, знал венгерский и латынь и участвовал даже в качестве переводчика в императорском посольстве (видимо, в Венгрию, дела которой Груневег изложил весьма подробно). Мартин Рослер занялся горным делом в Силезии (Зауэрбрюнне) в качестве начальника рудника (*Bergwerksvorsteher*) с помощью Швенди (видимо, Лазаря, 1522–1583), королевского советника, знакомство с которым дед мог завязать во время временного пребывания переводчиком (1, 239, 314)⁹.

Несколько ниже был статус Груневегов, известны лишь три, а не пять, как по материнской линии, поколения. Выходец из крестьянской семьи из-под Мюнстера, дед Бернд Удинг (род. около 1528) жил в сельской местности в собственном дворе недалеко от Мюнстера (1, 251).

Отец Мартина Ганс (ок. 1525–17.07.1569), носивший фамилию Груневер¹⁰, был инициативным и удачливым торговцем. Переехав из Вестфалии в Пруссию, он с 14 до 17 лет служил у богатого купца в Анторфе, но в результате тамошних беспорядков вынужден был переехать в Мюнстер, но и там в 1533–1535 гг. он понес много убытков от Йоганна Лейденского¹¹, основателя общины анабаптистов («царя Нового Израиля») в этом городе (1, 262). Ганс Груневер поддерживал связи с Ливонией и, убедившись в необходимости изучения польского, отправился с этой целью в Бромберг – Быдгощ (1, 254–255) и, овладев этим языком, пустился в международную торговлю. В 1559 г. закончилось его товарищество с Лоренцем Весселем, что и было удостоверено квитанцией последнего. Сын включил в свои «Записки» отцовскую переписку относительно торговли в Ливонии, Амстердаме, найме склада в Гданьске

План Главного «места» г. Гданьска.
(на основе плана П. Пальма)

Улицы: 1 – Собачья, 2 – Длинная, 3 – Хлебопеки, 4 – Женская, 5 – Святодуховская, 6 Широкая, 7 – Янская, 8 – Рыбный рынок, 9 – Плотина, 10 – Поповская, 11 – Златокузницы, 12 – Капустная, 13 – Козья, 14 – Ткачи, 15 – Кожевники, 16 – Купеческая, 17 – Кошельники, 18 – Jorengasse, ныне Пивная (Pivna).

Церкви и монастыри: в центре – Мариинский собор; к северу от него – Приходская школа; на северо-западе – Доминиканский монастырь; на северо-востоке – костел св. Яна.

Светские строения: на углу Купеческой и Длинной – ратуша, на углу Купеческой и Пивной – дом Груневегов

Ул. Пивна и Мариинский костел.,
середина XX в. Фото М. Мурмана

(1, 254–255). В 1560 г., сколотив состояние на торговле тканями, специями и драгоценностями, Ганс Груневег женился на Урсуле Рослер. В распоряжении новой семьи было семь лавок, несколько складских помещений, откуда и производилась оптовая продажа.

Предки по материнской линии, и дед, и сам отец, были весьма просвещенными для своего времени. Страстные книгочеи и библиофилы собрали библиотеку, насчитывавшую несколько сотен латинских и немецких книг (1, 418)¹². Родственники Груневега шли в ногу со временем, хотя их библиотека уступала другим многотысячным каталогизированным собраниям книг на греческом, английском, латинском, польском, еврейском и, конечно, немецком языке, тем более, что на гданьских книжных ярмарках в День св. Доминика можно было купить все, что угодно¹³.

Детство Мартина проходило в Гданьске, по выражению Д. Гаунта, «имперском городе на краю империи»¹⁴, лицо которого определяли несколько факторов. Прежде всего, «национальный» состав. Крупнейший ганзейский город даже спустя 100 лет после инкорпорации в Корону Польскую по-прежнему был населен немцами, не забывшими о верхнем покровительстве над городом императоров Священной Римской империи. Вторым фактором, логично вытекавшим из первого, было раннее и стремительное утверждение

Мариинский собор в Гданьске. Современное фото

лютеранства. Реформационное движение в Гданьске уже в 20-е гг. достигло больших успехов. После низвержения в 1525 г. старого городского католического совета Сигизмунд Старый¹⁵ в 1526 г. попытался остановить реформаторское движение, ворвался в город с войском и наложил высокие штрафы на евангелистов и согласно «Статуту Сигизмунда» запретил пользоваться новыми книгами, объявил об изгнании еретиков, конфискации их имущества. Так называемое Гданьское восстание было подавлено. Однако евангеликами в новых условиях остались бывшие франциска-нец – теолог и священник – Александр Свенихен и доминиканец Панкратиус Клемме (1475–1546). К 1557 г. Реформация в Гданьске победила, и в приходских и больничных церквях была установлена лютеранская служба. Да и в остальных костелах к середине XVI в. стали практиковать причастие в двух видах, и в 1557 г. получили разрешение на совершение этого таинства. Утвердился авторитет Священного Писания, толковать которое позволялось любому верующему.

В главном соборе Св. Марии по-прежнему совершались службы и по тому, и по другому обряду, т.к. главный алтарь Девы Марии оставался католическим до 1572 г. Оставались и монастыри доминиканцев, кармелитов и Бригитты, только францисканский был преобразован в 1558 г. в гимназию. В 1567 г. духовное ведомство, первый глава которого был приходским священником в Мариинском соборе, экзаменовало кандидатов в проповедники (*Prediger*). Суд по супружеским делам оставался католическим¹⁶.

Третий фактор был геоэкономический. Атмосфера портового, тесно связанного с морской торговлей, города Гданьска¹⁷, с его кабачками, где за кружкой пива собирались матросы и бюргеры, ясно вырисовывается из рассказа о детских впечатлениях 6-летнего автора записок о майском дне 1568 г., к которым вернемся ниже. Среди почтенного бюргерского населения города весьма заметна была прослойка, как в любом порту, женщин легкого поведения. До этого уровня опускались и бывшие служанки Груневегов. Близость моря обеспечивала и особые переживания, открывая мечты о дальних странах. А приверженность основной массы городского населения к протестан-

Om SIGISMUNDI quique uictoria Regis
Africae tabula fector in castra,
Non pacis opus dicitur coloribus umbras
Virtutes tamen sed meditare Viri.
Quo metas emente per tot praevocata Lant
Castrorum usua complect imaginibus.
Hinc ne Appellat reddi tibi laeta deora,
Maximo labor elliptor ille modis,
Iulissa ingenium, pacta praefere aureis,
Fides, utra ex omni Princeps effigies,
Quae faciat bonitate usua, ut quibus Iudicia
Arceat, et regas bella telegema, regis.
Hinc, utro faceret de uultu de nomine nouis,
En quod ante i lectus quoad owerere habes.

P. Gaudin P.

тизму придавала этим мечтам особый оттенок. Это ясно видно из рассказа мальчика о приезде одного из родственников – предигера (проповедника), совместном посещении церкви и прогулке в Вислицком устье и на море. Семейную компанию радостно встретили на военном корабле, пушки были сняты, а вместо них расставлены столы, украшенные ветками. Гостей вкусно и обильно угощали, были слышны дудки и барабаны, прокатили по морю на лодке, далеко за бочки, ограничивавшие пригородную акваторию. Хауптман вислицкого устья и все корабли, стоявшие на рейде, пушечными выстрелами приветствовали уважаемого гостя. Прогулка завершилась посещением выстроенного в 1563 г. блокгауса (1, 390).

Ребенок и отрок

Несмотря на семейное благополучие, уже в это самое время в ребенке можно было заметить некоторые малоприятные особенности психики: несколько преувеличенное представление о собственной личности, с одной стороны, и болезненную память на мелкие неприятности – с другой. Первое отчетливо проявилось 11 марта 1567 г., когда по пути в приходскую школу лютеранско-католической церкви Св. Марии, где вплоть до 1572 г. совместно занимались лютеране и католики¹⁸, шестилетний мальчик, встретив приятеля

отца, будущего опекуна Мартина, не снял шапку, а руку ему подал (1, 379). Стыд сковал ребенка и, несмотря на подарки Г. Цандера, он с трудом мог идти дальше. Ему казалось, что ноги вязнут в песке. За это мальчику снова нагорело от отца. И он на всю жизнь запомнил эти сцены, как и внутренность церкви, алтарь Св. Катерины, где расстроенного Мартина впервые посетили видения, и впервые была лихорадка, от которой он обливался потом, и первые занятия, потерю грифельной доски, и в конце дня новые слезы из-за третьего в тот день нагоняя от отца...

Вторая характерная черта психики Мартина дала себя знать в эпизоде с рождественскими колядками.

Лекарь и сиделка у больного.
Гравюра на дереве. Неизвестный мастер, XVI в.

На следующий день после дня св. Георгия, 12 марта, ученики приходской школы ходили собирать крендели и получали денежки. Мартин крендели принес домой, а монетки все потерял. Отец назвал его «подателем». И даже спустя 30 лет он описывал эту потерю, глотая «невидимые миру слезы» (1, 381).

Мальчик с раннего детства отличался слабой нервной системой¹⁹. Однажды, когда он спускался вниз к матери, та назвала 14-летнего Петра Босмана из Померании дураком в присутствии его 13-летней жены Урсулы. Та попросила этого не делать – Мартин, де, брат Петра. От гнева мать велела обоим торуньцев выгнать из дома. Мартин упал в обморок. Его оживил тот же Петер, сообщив, что он нашел у церкви черных монахов (то есть доминиканцев) носовой платок, кто до него дотронется, тот сейчас же выздоровеет. Что и произошло. А платок исчез (1, 234–235). Из изложения неясно, сколько лет было автору «Записок». Очевидна лишь легкая возбудимость и восприимчивость ребенка или подростка.

Мать весьма критически оценивала собственного сына. Ее беспокойство за его будущее (скорее всего, в период ее первого вдовства, во вторую половину 1569 – начало 1572 г.), заставило ее обсуждать эту тему с няней Анной, которая заботилась о мальчике до 5–6 лет. Мать ее спросила, чего та ждет от Мартина. Анна: «С божьей помощью, всего хорошего». Мать: «Будет ли он делать то и се, что говорят люди». Анна: «Не знаю». Мать: «Умрет он без женщины?» Анна: «Конечно». Мать: «Тебе не жалко, что он умрет таким молодым?» Анна: «Он будет жить долго и всех переживет». Бабушка, жена Якоба Кнодише: «Он станет монахом?» Анна: «Вы, кажется, угадали». Мать: «Где он примет постриг?» Анна: «У черных монахов» (1, 235).

Трудно сказать, имел ли место вышеприведенный разговор, и если да, то происходил ли в присутствии ребенка или ему так много раз пересказывали его, что мальчик поверил в то, будто слышал это сам. Однако результаты этого разговора оказали существенное влияние на психику мальчика, усугубив его

Стряпуха. Прачка. Гравюры на дереве.
Неизвестный мастер, XVI в.

проблемы²⁰. «После этого меня часто звали монахом». Мартина и позднее удивляло, что Анна, якобы вообще не знавшая, «кто такие монахи», назвала именно доминиканцев (1, 236).

Смерть отца, наступившая 13.07.1569 (1, 393, 394), когда Мартину исполнилось лишь семь лет, многое изменила в жизни мальчика. Мать, как и полагалось по обычаям того времени, унаследовавшая ремесло и имущество мужа²¹, прекратила, однако, торговлю со склада, то есть оптовую. Она ограничилась лавкой, где продавала дорогостоящие венецианский шелк, антверпенские и нюрнбергские пряности²². Несмотря на экономические затруднения и эпидемию в Гданьске, мать отвергла приглашение брата переехать к нему в Нюрнберг, равно как и подарки – два браслета и кольца, ссылаясь на свое крестьянское происхождение и непривычность к придворной жизни, незнание языка и тамошних денег. Ее пугала перспектива оказаться без привычного занятия, быть «совой среди соловьев» (1, 399, 401).

Вторую свадьбу 32-летняя Урсула²³ готовила долго и тщательно, гостей – из городского патрициата – было видимо-невидимо. Она пригласила множество стряпух, известных своим мастерством. Это замужество матери многое изменило в жизни подростка (1, 294). В угоду своему второму мужу, брак с которым оказался еще более коротким (18.02–28.10.1572), чем первый, Урсула Груневег-Керстен согласилась на изменение всего стиля жизни, обстановки дома, порядков в нем, перемену прислуги и т.д.²⁴ Отчим, «дядя Ганс» (Керстен), небольшой почитатель учености и рукодельного мастерства, в доме, куда он вошел в качестве нового хозяина, ввел молитвы перед едой и после, отменил застольные разговоры, не разрешал играть с соседскими детьми.

Отчим изъясил все отцовские инструменты и ополчился на книги и рукописи, хранившиеся в доме (1, 416–417). Мартин, видимо, был серьезно и на всю жизнь травмирован этими потерями. В напряженной атмосфере семейной трагедии и религиозных распръ впечатлительный мальчик охотно участвовал в церковных процессиях, играл в весьма своеобразные игры, строя из голубиной клетки церковь, вызывавшую удивление зрителей. Еще хуже стало ему – уже подростку, после смерти отчима, когда мать впала в тяжелую депрессию, из которой ее долго не могли вывести.

Естественную тоску скрашивали лишь городские театральные представления на Рождество и Пасху – комедии в Коллегии, в Шутцгартене в предместье (здесь было много участников), в таком же саду перед Высокими воротами, в храме Св. Духа. Один из крестных матери на Рождество изображал ангела, который взывал к восстанию праведников из мертвых. В подобных действиях на Рождество и в день св. Доминика участвовали различные цехи, высокоорганизованные организации, имевшие собственные религиозные братства²⁵, в частности торговцы входили в братство при капелле Марии Магдалины (Л. 87–89). В создании театральных публичных действ в Гданьске активно участвовал профессор поэзии Валентин Шрек (1527–1602), в 1569 г. прибывший из Кенигсберга и ставший ректором Мариинской школы²⁶.

Мартину отчетливо запомнился день 7 марта 1570 г., когда столяры прошли рядами в несколько сотен человек, разодетые в пух и прах, через весь город с башней на санях, где «актеры» играли на шальмайях²⁷, посещали

свадьбы, а в конце концов сожгли башню. В этот же день мясники наглядно продемонстрировали изготовление колбасы и «сырье», из которого она делалась (их «отряд» возглавлял парень, ведший телегу с ягненокм и вращающимся зеркалом), а также радости, обеспеченные этими занятиями (их демонстрировали карточной игрой на отдельной повозке – 1, 397). Проще всего оформили свои выступления моряки, проводившие по улицам города корабль с распушенными парусами, с которого стреляли из пушек. Хотя все эти представления он описывал спустя 30 лет и в качестве верного благочестию доминиканца осудил их, как дурацкие, а не христианские игры, подробность их описания позволяет усомниться в суровом приговоре монаха.

Хотя переезд семьи в Нюрнберг не состоялся, домашняя жизнь Мартина временно закончилась (1, 438). Мать направила его на обучение к Августину Херцбергеру в Оливский монастырь²⁸ (21 июля 1572 – 31 сентября 1573 г.). С первым наставником он совершил поездку в Тчев-Езерник по обмелевшей после недавнего наводнения Висле²⁹, где тот при участии Мартина хорошо и быстро продал монастырский хлеб – основной товар Гданьска³⁰. Видимо, к этому времени подросток уже овладел некоторыми азами бухгалтерского и торгового дела.

Мартин не вспоминает о своем обучении математике, хотя впоследствии его по преимуществу он и зарабатывал себе на хлеб. Видимо, к зрелому возрасту занятие счетовода ему основательно надоело... Можно предполагать, что он обучался по первому учебнику купеческих расчетов гданьского бюргера, официального счетовода городского совета Эрхарда фон Элленбогена, написавшего его для своего сына, Мартина, в 1538 г.³¹ Учебник, наверное, пригодился и тезке сына автора, хотя нельзя сказать, что трудовая жизнь последнего началась в удачное время. Первый успех в торговом деле был прерван не зависевшими от него обстоятельствами. По возвращении из школы Груневег застал мать в весьма плачевном состоянии и в «Записках» подробно описывает знахарские и врачебные методы ее излечения, что о. Венцеслав снабдил своими религиозными комментариями. И в этом разделе снова упоминает о доминиканском монастыре.

Испытание войнами и взросление

Параллельная взрослая жизнь, в первую очередь войны, задевала жизнь и ребенка, и подростка. Первая война – Ливонская. Она отразилась на Гданьске и экономически, и стратегически, и в чисто военном отношении.

После того как «московиты» захватили Нарву, король Сигизмунд II Август (собиравшийся строить морские суда и ограничить торговое судоходство³², прежде всего с Россией) вызвал вольнонаемных добровольцев бороться против так называемого «Нарвского плаванья». Некоторые гданьские моряки участвовали в каперской войне, предотвращая доставку военного снаряжения и материалов в Россию (1, 388). Во главе моряков король поставил гданьского бюргера Маттиаса Шерпинга, которого изъясил из-под городской юрис-

дикции. Когда горожане убедились, что их свободы урезаются, а налоговые тяготы увеличиваются, они решили «предупредить несчастье раньше, чем наступит худшее зло», и всеми силами защищать свое право на «Нарвское плавание», т.е. на торговлю с Россией. Гданьская рада арестовала королевских моряков под предлогом воровства кур и 11 человек осудила на смерть, и их тайно (опасаясь короля) за закрытыми воротами казнили на доминиканском рынке³³.

Когда «похитителей кур» вели на смерть, Мартин в сопровождении отца шел обучаться грамоте. И одно из ранних детских впечатлений связано именно с казнью каперов (1, 355). Мартин навсегда запомнил жаркий день (23 июня 1568 г.), когда «злоумышленников» в белых рубахах вели из судного дома через Высокие ворота мимо места, именуемого Иерусалимом, где преступникам перед казнью давали испить чашу св. Иоганна (которому, согласно легенде, напиток с ядом ничуть не повредил). Правда, несмотря на поучения отца о том, к чему приводит невежество и необразованность, мальчика занимали не столько отцовские наставления или казнь, сколько нюрнбергская картинка с изображениями мучений Иисуса Христа, подаренная ему в одном из городских кабаков, куда заглянул по пути отец.

Вторая война застигла Мартина Груневега уже во вполне сознательном возрасте. В Гданьске он пережил события первого и второго польского бескоролья, начавшиеся со смертью последнего Ягеллона, Сигизмунда II Августа, 7 мая 1572 г. Несмотря на поддержку Римской курией кандидатуры «добротого католика», сына Максимилиана II Габсбурга, Эрнеста, которую продвигал посланник папы с особыми полномочиями (*a latere*) Коммендоне. Влияние профранцузской партии в Речи Посполитой оказалось сильнее, тем более, что у папы и императора возникли разногласия, и 7 июня 1572 г.

Сигизмунд II Август.
Гравюра. Неизвестный
мастер, XVI в.

Коммендоне сообщил в Рим о возможности выбора брата французского короля Карла IX Валуа, к поддержке которого еще ранее склонилась курия³⁴. Вновь избранный король Генрих Андегавенский пообещал сохранить все прежние свободы и гарантировал невозврат прошлых опасностей (1, 477). Однако, несмотря на коронацию 21 февраля 1574 г. и присягу ему гданьчан 4 июня 1574 г., он после смерти Карла IX Валуа 30 мая, о чем королева-мать тогда же оповестила сына, стремительно бежал во Францию в ночь на 19 июня³⁵. Покинутая им страна, и Гданьск тоже, как пишет Груневег, долго продолжала находиться в смятении после смерти Сигизмунда II Августа.

И в это самое время Мартин продолжил обучение в Бромберге/Быдгощи (в двух днях речного пути до Гданьска) в польской католической школе Стенцеля Скжетусского (с 19 июня 1574 до июля 1575 г.), где по стопам отца овладевал польским языком³⁶. Атмосфера в монастыре была довольно сложной. В Гданьске, откуда прибыл Мартин, население к этому времени четко разделилось на католическое меньшинство и лютеранское большинство. Из церквей удалялись алтари и иконы, обсуждался вопрос о судьбе органов. Лютеранин Петрус Преториус стал в 1575 г. приходским священником в Мариинском соборе, Якоб Фабрициус – ректором гимназии при соборе одновременно³⁷.

Такой же раскол был и среди учеников, поскольку наряду с католиками у Скжетусского жили и лютеране. Немцы просились домой, раньше чем превратятся в «папистов». Отношения учеников друг к другу также были далеки от идеальных. Немецкие ребята все время ссорились с польскими (1, 475). Они ходили и сидели в классе порознь: среди пяти поляков – один немец. Если немцев сажали вместе, начиналась драка. Однажды выкинули учебники в Бро, которая протекала за монастырем, и стало не по чему учиться. Ректор отправил гонца в Торунь за учебниками, а немцев отругал.

Мартин занимал особую позицию, он никогда не отделялся от польских мальчишек, в рабочие дни носил зеленое польское платье. В случае конфликтов убегал через окно. Монах впоследствии с удовольствием вспоминал, что он участвовал во всех церковных процессиях, поскольку лучше всех знал богослужение. Вместе с августинскими монахами на Рождество ходил за дарами, а после занятий сидел дома и строил свои монастыри, но уже не в одиночестве, а вместе с приемным сыном преподавателя, Андреасом, который звал Мартина «священником Мартином» (1, 459, 476). В школе Скжетусского был заложен, видимо, в подкорку росток католицизма, оказавший кардинальное влияние на его судьбу во второй половине жизни, а в психике в атмосфере противоборства сторонников двух ветвей католичества – дух мистицизма и неуверенности.

Мартину именно в это время довелось получить еще один, пусть весьма скромный, но содержавший в себе несколько негативный оттенок, урок жизни, пополнивший его собственный опыт общения с женщинами. Слушанка его преподавателя Скжетусского – бежавшая из монастыря девушка, так старательно однажды «попотчевала» Мартина, что напоила его допьяна чуть не до смерти (он «находился в большой опасности»), внеся, тем самым, свою лепту в скептическое отношение к женщинам. Девицу выгнали. Зато Мартин вынес из школы Скжетусского похвальную привычку неприятия ал-

коголя. Антиалкогольная прививка действовала всю жизнь, Мартин Груневег с тех пор не выносил даже запаха брантвейна³⁸, хотя *aquavita* в доме водилась³⁹. Никогда не играл он и в очень популярные азартные игры – в карты и кости, зачастую янтарные, имевшиеся в каждом богатом доме⁴⁰.

Обучение Мартина Груневега закончилось в июле 1575 г. А еще через четыре месяца, 4 ноября 1575 г., был избран новый король, австрийский эрцгерцог Максимилиан Габсбург, что положило начало войне города против одного из польских королей, вернее, войне избранного полугодом позднее Стефана Батория против гданьчан, отстаивавших свои права, прежде всего, право свободной морской торговли в 1576–1577 гг.⁴¹

Причины войны Груневег объясняет так. Она началась после избрания на варшавском сейме австрийского эрцгерцога Максимилиана Габсбурга – 4 ноября 1575 г. – с традиционным участием гнезненского архиепископа⁴² примаса Якоба Уханьского, с радостью проведшего 12 декабря коронацию и отслужившего *Te, Deum, laudamus* (1, 478). Новому королю поспешил присягнуть все еще полунемецкий Гданьск. Гданьчане во главе с радой – «сенатом», как они гордо ее именовали, восприняли эту коронацию как законную. И горожане, надеясь на поддержку архиепископа, которого «многие господа считали первым в стране», 4 июня 1576 г. принесли присягу Максимилиану. В своих «Записках», созданных на четверть столетия позже, Груневег объясняет это «родством по крови» (1, 478)⁴³.

Однако шляхта и магнateria переизбрала другого короля – трансильванского воеводу Стефана Батория, вступившего в брак с Анной, сестрой Сигизмунда Августа. Его, вопреки традиции, венчал куявский архиепископ Станислав Карнковский 1 мая 1576 г.

Гнезненский архиепископ отговорился болезнью, многие сенаторы также проигнорировали коронацию. В июле 1576 г. король Стефан обложил Гданьск новой пошлиной (1, 480), на которую гданьчане было согласились. В то время как посланники короля находились на заседании в городе, в Оливе был убит один из его посланников, Эрнст Вейер. Переговоры прекратились. И посланники отбыли ни с чем. Произошло волнение в стране, почему Баторию пришлось приводить город в подданство с помощью войск.

Гданьск же, по утверждению Груневега, рад был бы принять и нового короля, но они надеялись на Максимилиана, так как были презираемы польскими господами, чем и была обусловлена их поддержка Габсбурга (1, 479)⁴⁴. От нового короля гданьчане

Анна Ягеллонка. Гравюра на дереве.
Неизвестный мастер

требовали сохранения всех прежних прав⁴⁵. Бюргеры⁴⁶ сопротивлялись процессу интеграции крупнейшего города королевской Пруссии, требовали отмены дополнительного финансового обложения города в связи с «морской» политикой покойного короля Сигизмунда Августа⁴⁷. Извинения со стороны города не помогли. Королевские советники не рекомендовали мягко обойтись с Гданьском. Они, сетовал монах, с радостью смотрели, как большой город превращается в деревню, не понимая, что этот город – самое большое украшение, как самый большой камень в королевской короне⁴⁸. Советники Стефана утверждали, что гданьчане – высокомерный, злой и непослушный народ, не знавший государя, поэтому не следует разрешать им говорить с королевским величеством, а нужно силой его угнетать и давить. Так, де, началась война и осада города⁴⁹.

Город лихорадочно набирал наемников, чтобы уберечь эту «драгоценность польской короны» со всеми ее товарами, однако те потребовали денег (которых в городе не было) и вместо обещанной платы получили право разграбить монастыри. Здесь было уничтожено много хлеба. Окна и печи разбиты, двери высажены. Из труб органа и оконниц лили пули. Среди победителей были и гасконцы-кальвинисты. Их начальники жили за домом Груневега. Королевские войска до нитки ограбили крестьян из соседних деревень и захватили в плен живых. Оказавшись в безвыходном положении, Гданьск вынужден был принять условия Стефана Батория.

Груневег не участвовал в этих событиях, мать не выпускала его в город, он наблюдал лишь последствия этой войны. Несомненно, его, недавно вышедшего из католической школы, подобный грабег и святотатство основательно травмировали, хотя и не привели к подлинной депрессии. А мать по окончании беспорядков пыталась занять его общественно-полезным делом. Юноше отнюдь не по душе была физическая работа – ни колка дров, ни доставка воды, ни благоустроительные работы, в которых город очень нуждался после войны с одним из собственных королей. И с некоторым чувством если не гордости, то удовлетворения он замечает, что за исключением поездок в Турцию Бог его спасал от подобных занятий (2, 546, 547). Зато юноша рано обнаружил свои деловые способности. Уговаривая мать вести дом более экономно и избавиться от лишних дорогостоящих вещей, он уверял, что поддержание чистоты

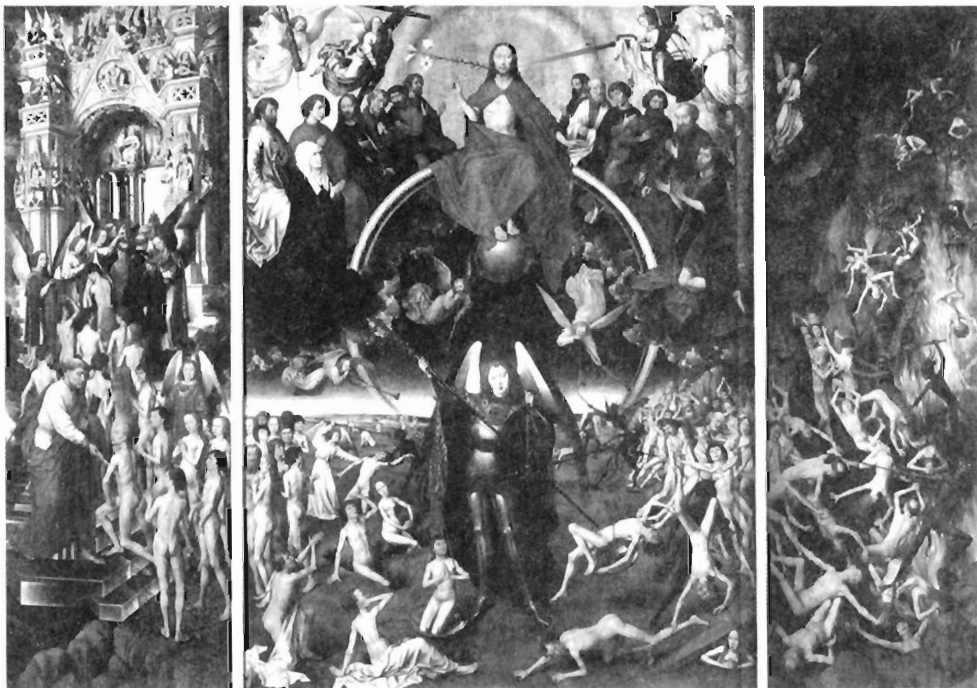

Стефан Баторий. Гравюра.
Неизвестный мастер

стоит дорого, а выгода ничтожна, поскольку оборот товаров был крайне мал. Мать «во благодарила» Бога за появление «великого счетовода», хотя и осталась при своем мнении о пущности физической работы, полезной для хороших людей.

Несмотря на то что мать сохранила лавку на Поновской улице (2, 561), в дом подкрадывалась если не пуща, то некоторый недостаток денег, избавиться от которого, по мнению Мартина, было бы легко, если не беречь вещи (домашнюю утварь, одежду, серебро), которыми дом был набит до отказа. Расстаться с ними у матери не было сил: даже во время войны она сберегла одежды, спранные ей матерью, а уж в мирное время – это, де, в особенности не стоило делать (2, 547). Однако брат с сестрой сумели ее уговорить освободить дом от части вещей, которые та отнесла на Ветонный рынок, и заплатить основные долги. Она же, твердо решив избавиться от сына, собрала ему дорожные вещи, в том числе и одежду, и суму пиццо.

Судьба, однако, сложилась иначе. Итальянский купец, владевший немецким, приехал в Польщу, надеясь собрать долги, и в Гданьске искал польского переводчика. Несмотря на хорошие рекомендации Мартина и благоприятное впечатление его самого на будущего хозяина, он со слезами отказался, а матери пришлось самой впервые после болезни выходить на улицу и объясняться с несостоявшимся хозяином сына. От предложенной дальних поездок и даже поступления на службу к царю Ивану IV (см. подробнее раздел

Страшный суд. Г. Мемлинг, ок. 1461 – 1473

«“Московия” и “московиты” в сочинении М. Груневега») тот отказывался по материнскому совету, она видела, что Мартин долго сохранял детские черты характера и испытывал детские страхи. Но на новый 1579 г. случилось так, что он остался дома один. Окно не было завешено, и свет от сосновых факелов проникал в комнату, благодаря чему, как он с гордостью пишет, мне (уже 16–17-летнему) не было страшно сидеть одному, как бывало обычно. Зато все одежды показались зелеными и прозрачными. Решив, что виной этому освещение, юноша менял место, поворачивался туда и сюда, но безуспешно. Подняв глаза наверх, он увидел, что потолок, выложенный белым кафелем, превратился в зеркало, да еще зеленого цвета, как и вся одежда. В этом зеркале он увидел страшные муки в дьявольском огне, мятущиеся от ужаса души и между ними – отвратительных злых духов. Можно себе представить психическое состояние молодого человека, если, сидя дома, в более или менее защищенном от внешнего мира и его опасностей, в обычной игре света и теней он увидел такие страшные картины. Они, по-видимому, были навеяны ему многочисленными иконами с изображением Страшного суда, которыми доныне переполнены не только храмы, но и музеи Гданьска. (Иконы эти во многом повторяют экстаз и напряженность, характерные для «Страшного суда» художника Ганса Мемлинга (1467–1471), написанного в Брюгге, но ныне находящегося в Гданьске.) В это время вошла прислуга накрывать стол для ужина со словами: «Бог дает счастье на Новый год, и какое чудо, что ты, наконец, сидишь один» (2, 545–727). Однако именно с этого момента он потерял детские страхи, и прежде всего, страх перед одиночеством.

«Счетовод» за работой

Первая торговая поездка Мартина на ярмарку в Кенигсберг состоялась 24 июня – 13 июля 1579 г., в обществе трех женщин, близких к матери, Мартину довелось работать в лавке одной из них. Гданьчанки предложили ему продолжить службу в этом городе, однако Мартин понял, что без литовского языка там делать нечего, и, если там оставаться, то его нужно учить (2, 558, 559). Кроме того, товары, которыми торговал его предполагаемый хозяин, – объемные, но сравнительно недорогие: зола, дубовые колоды-ванчосы, служившие основанием для корабельных мачт, и заготовки для бочек, главной тары тогдашней морской торговли, и другие грубые материалы, не «интересовали» юношу, привыкшему к тому, чем торговала его мать, а ранее и отец. 11 июля он тайком сел на парусник, направлявшийся в Гданьск, и 13-го прибыл туда. Мартин бросился в костел Св. Иоанна молить Бога, чтобы тот уберег его от гнева матери. По пути он познакомился со слугой суконщика, который предложил ему работу, что несколько успокоило мать, но снова не устроило сына, считавшего сидение в лавке скучным. Наконец, госпожа Людвиг Херменше, в коляске которой Мартин ехал в Кенигсберг, познакомила Мартина со знаменитым варшавским купцом, торговцем шелком и постав-

щиком польской королевы Юрием (Георгом) Керстеном, близким к семейству варшавского бюргермейстера Яна Гизе. Керстен нуждался в слуге, и будущий хозяин и потенциальный слуга (с рекомендацией одного из известных гданьчан) в два счета договорились, почуствовав взаимную приязнь (2, 562). 12 августа 1579 г. Мартин поступил на службу к евангелисту⁵⁰, торговцу венцианскими и голландскими товарами (шелком, вином, специями), который тотчас поручил ему доставку по Висле своих товаров в Варшаву, снабдив инструкциями относительно товаров и правил прохождения таможни (2, 563). Так в 17 с небольшим лет у Мартина началась эпоха торговых странствий, продолжавшаяся почти целое десятилетие. Мать с радостью отправила сына в самостоятельное плавание. И на прощание 13 августа 1579 г. объявила, что дотоле «Бог берег Мартина с ее помощью, но отныне она вручает его непосредственно защите Бога и святого ангела Мартина» (2, 570).

Первые три года (1579–1581) торговые поездки ограничивались в основном пределами Речи Посполитой: Варшава – Торунь – Плоцк – Закрочим – Варшава; Варшава – Минск – Дрогичин – Варшава; Варшава – Люблин; Варшава – Дрогичин – Варшава).

14 августа 1579 г. в Вейсенберге (Бялой гуре) с таможенными формальностями Мартин справился настолько легко, что лишь упомянул об этом (2, 571), равно как и в Пюцке 26 августа (2, 577), но 29 августа в замке «Новый двор» случилась неприятность. В замке вообразили, что купцы решили избежать

Варшава. Вид со стороны предместья Прага.
Литография А. Хогенберга из «Хроники» Г. Брауна

обложения, поскольку судно двигалось по Висле с распушенными парусами, стремясь не потерять попутного ветра, а направленный в замок слуга на лодочке следовал за ним. Из замка, недолго думая, открыли стрельбу – сначала из гаков, потом из пушки. Наконец вместе со слугой Керстена прибыли люди из замка и набросились на купцов с руганью и кулаками (2, 580).

Внутренняя ситуация в воевавших уже длительное время странах, по которым постоянно передвигались развращенные безнаказанными грабежами наемники и собственные отряды, оставляла желать много лучшего. Прежде всего, на дорогах, остававшихся в эту эпоху без королевского присмотра. На подступах к Варшаве во время весенней распутицы торговцев постигло несколько неудач. Коляски постоянно опрокидывались на раскисшей земле, и починка их продолжалась до самого вечера. В результате возникла угроза опоздать в Варшаву и оказаться перед закрытыми воротами. Оставив возок без присмотра было невозможно, потому что дорога была полна нанятыми в Варшаве воинами, направленными королем в Москву (2, 608–609). Гайдуки, вооруженные саблями, ружьями и топориками, пытались их ограбить (2, 610–611). В Варшаву направили Мартина как самого младшего, чтобы он договорился со стражей держать ворота открытыми до прибытия каравана. Оказавшись ночью на мосту через Вислу из Праги (предместья Варшавы), где его облаяли собаки, он, человек далеко не храброго десятка, панически боялся нападения, при котором мог быть скинут в воду. Наконец он добрался до домика таможенника⁵¹, но там все спали, пришли какие-то люди, от которых он спрятался под скамьей у этого домика (2, 611). И, продрожав всю ночь, под утро сумел-таки выбраться, захватив у таможенника ключ, и запер за собой ворота (2, 614).

Для Груневега были обременительны и некоторые бытовые особенности жизни странствующих купцов. В одной из первых же поездок Мартин, еще не привыкший к «коммунальному» жительству, обиделся на другого слугу, дразнившего его. Конфликт грозил серьезными последствиями, если бы не заступничество третьего торгового подмастерья, Ганса из Бреславля, который «взял [Груневега] под защиту и к своему столу» до самой Варшавы (2, 608).

Первая самостоятельная поездка 1579 г. сыграла свою роль в выборе торговой специализации, однако она запомнилась Мартину и наставлениями его хозяина относительно женщин. Юрий (Георг) Керстен призывал своего нового слугу, к которому относился по-отечески⁵², «беречься от злых (т.е. порочных) женщин», представлял Польскую землю как исполненную непотребства, приводил примеры из Священного Писания о лживости и хитрости женщин, а также «божьей каре за такие отвратительные грехи»⁵³ (2, 565) и тем самым укреплял его в скептическом отношении к этой половине человеческого рода. Но к этой теме придется вернуться позднее.

Груневег оказался сообразительным, расторопным, исполнительным и честным слугой повсюду, куда его определял хозяин, – в таможене, в лавке, и при перевозке товаров, и при приеме посетителей в хозяйской харчевне. Во время сейма 23 ноября – 4 января 1580 г. он мало времени проводил в лавке, прислуживая в харчевне, куда в течение дня приходило до 50 человек – немецкие купцы и орденские братья со своей свитой и прислугой, остановившиеся в Варшаве в гостинице Немецкой нации по соседству с домом Кер-

стена. В лавке он проводил только ночь, охраняя товары, поскольку в городе в это время было очень беспокойно из-за непрерывных драк, убийств и азартных игр. Видя добросовестность и усердие нового слуги, Керстен распорядился шить ему новый зеленый костюм «по мерке». Вместе с естественной радостью обновка принесла и огорчение, дав повод для насмешек прежнего завистливого слуги, обыгрывавшего фамилию Мартина и цвет его нового одеяния (2, 602).

В «Записках» Груневега личность автора предстает разноликой. В детстве – робкий, сторонившийся сверстников, охотно игравший в строителя монастырей. В отрочестве – расчетливый хозяин, которого мать в насмешку назвала Великим счетоводом. Эти способности развились у него во время торговых поездок.

Разорение его хозяина⁵⁴ на время оставило Мартина, явно процветавшего у Керстена⁵⁵, безработным. Однако и на этот раз судьба улыбнулась «счетоводу». Через год и три месяца, как он ушел от Керстена, Груневег поступил на службу к армянам и переехал во Львов. Это произошло совершенно случайно и в несколько этапов.

Люблинский староста Ян Тенчинский, с которым торговал Керстен, направил одного из слуг последнего, тезку Груневега, к армянину из русского Львова по имени Ханко, который жил на армянском церковном дворе рядом с Яковом Степановичем, братом будущего хозяина Груневега, – один Мартин рассказывал другому об армянах. И с тех пор Груневег стал «интересоваться этим народом» (2, 622–623). Когда Керстен в августе 1581 г. во главе отряда из 30 всадников отправился в Россию, куда он звал с собой и слугу⁵⁶, а Груневег присматривал за его домом и заботился о семье, он познакомился с армянином, который и рассказал ему, что армяне – известные купцы, хорошо содержат своих слуг, ездят в далекие страны и что сын его опекуна в Гданьске – тоже армянин (2, 626).

Армянская колония во Львове (10 процентов от общего населения города)⁵⁷ была одной из крупнейших, ей намного уступали аналогичные колонии в Каменце-Подольском и Луцке. Эти колонии образовались в результате османского продвижения в Закавказье (см. комментарий к описанию Львова). Армяне широко расселились не только в пределах Речи Посполитой (так, вплоть до 1633 г. у армян в Киеве была церковь, позднее она перешла в юрисдикцию Львова⁵⁸), они проникли и в Молдавию (в г. Боза и Васлав – 2, 872, 873) и в столицу Валахии – Яссы, где соседствовали армянские и армяно-католические церкви и турецкие мечети (2, 782). Впрочем, такая конфессиональная и национальная пестрота в то время не была исключением. От османов бежали и черкесы-пятигорцы, оседавшие в Киеве⁵⁹. Вообще такая этническая пестрота более характерна для окраин, менее населенных аборигенами⁶⁰.

С помощью одного итальянца Груневегу удалось познакомиться с Ашвадуром, судьба которого была трагически связана с Российским царством (см. подробнее раздел «Московия» и «москвиты» в сочинении М. Груневега) и весьма причудливо – с его соотечественниками, проживавшими за пределами Армении – в Каффе и Трапезунде, во Львове. Один из них обучил Ашвадура родному армянскому, татарскому, польскому и «русскому», другой стал его компаньоном, третий (муж его сестры) – и компаньоном, и свояком

(2, 626–627). Мартин в свои 20 лет нанялся к Ашвадuru, несмотря на трудности и опасности подобного рода торговли (2, 529).

В составе армянских караванов, по численности и снаряжению заслуживающих названия торгового «воинства», Груневег провел шесть с небольшим лет (с июня 1582 по сентябрь 1588 г.), успев за это время совершить шесть поездок в Османскую империю (в сентябре – декабре 1582, марте – мае и июле – сентябре 1583, в апреле – июле 1584 г., октябре 1585 – феврале 1585 г. и апреле – сентябре 1586 г.), один раз, в октябре 1584 – сентябре 1585 г., добраться до столицы России Москвы, в которой пробыл с 25 января до 5 августа 1585 г. В промежутке между этими дальними совершались кратковременные «рядовые» поездки по Речи Посполитой: в Люблин, Ярослав, Торунь, Варшаву, Краков. В течение всех этих и предшествующих переездов Груневег вел дневник и делал зарисовки, легшие в основу его обширных «Записок».

Наиболее содержательны его рассказы о первой поездке в Османскую империю⁶¹, вернее, в европейскую часть незнакомой страны, даже природа которой резко отличалась от привычной – центральноевропейской.

При поездках в Константинополь купцы собирались в караваны. Не видавший ранее подобного сборища, обычного и для дальней торговли русских на Востоке⁶², Груневег детально и методично описал организацию, состав и способ передвижения каравана. К путешествию готовятся как к серьезнейшему испытанию душевных и физических сил. Перед отъездом неделю постятся, исповедуются и причащаются, как бы приуговариваясь к смерти (2, 687). До отъезда должна быть оформлена правовая основа передвижения по османской территории и соседних стран в виде привилегий султана, польского короля и верительной-охранной грамоты собственного города. Все эти проезжие грамоты хранятся у главы каравана, без разрешения которого никто ничего не может предпринять. Он же ведает временем отъезда, остановки и т.д.

Единственной тягловой силой служили лошади⁶³, с которыми у Груневега, не имевшего соответствующих навыков, часто случались неприятности. Когда в августе 1582 г. неподалеку от Львова Мартин с другим слугой отправились купить молодых, только что купленных лошадей, его лошадь споткнулась. Мартин натянул поводья, лошадь подпрыгнула, сбросила ездока и, не останавливаясь, понеслась вниз по склону горы, всадник с уздечкой в руках – за ней и, пробежав расстояние, равное его родной Лавочной улице в Гданьске, упал, ударившись левой рукой об острую скалу. Спутник Мартина, армянин Чацко, вызвал крестьян, которые принесли раненого к себе домой, уложили в распаренную свежую солому, в скором времени излечившую рану (2, 685). Приключения с лошадьми продолжались и потом. Один раз, когда он сводил с парома запряженного дорогого арабского скакуна, его спас другой армянин и сверстник, Стефан, на всем скаку остановив понесшего коня, волочившего за собой Мартина, который не усидел в седле. Видимо, неудачи, преследовавшие Груневега в общении с лошадьми, помешали ему, городскому жителю, описать те их породы, которыми армяне пользовались в пути по Речи Посполитой и в Османской империи.

Зато большое внимание он уделил тому, что эти лошади тащили. Повозки должны быть новыми, крепко сделанными, чтобы в пути одни не за-

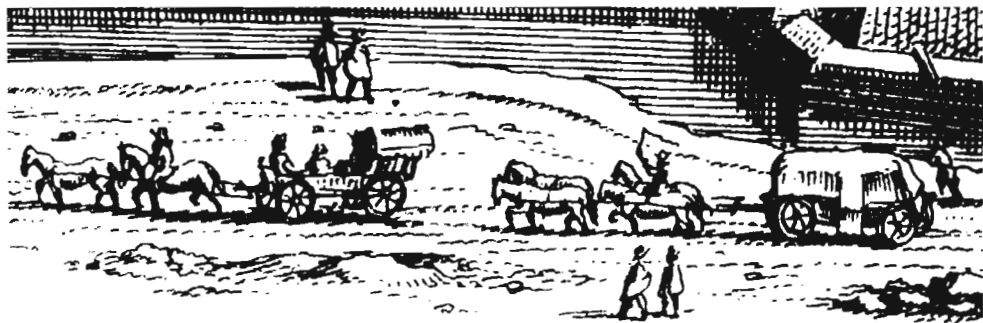
держивали других. В случае поломки, за чем следят «малые», сбегаются помогать все. Повозки употреблялись разных видов – тяжелые (из Нюрнберга), ведомые форейтором, одетым в белый китель, и кучером – *Stangreit*, управляемыми восемью конями, но без колокольчиков. При каждой паре повозок – слуга-повар. В дороге он поддерживает возок в трудных ситуациях. Если дорога трудная – меняются передовые. Кормят только в поле во время остановки.

При выезде извозчики тяжелых повозок (*wagen*) двигаются впереди. У каждого возка на крюках приделаны четыре полугака, ружье, флажок (*wagelrohr*)⁶⁴ и два больших ружья (*buxen*). С обеих сторон возок сопровождают вооруженные конные охранники, по двое с каждой стороны⁶⁵. У кучеров – большие обитые кнуты. Конники охраняют свои повозки в городах и деревнях, помогают при разгрузке и нагрузке товаров, проделывая все это с большой серьезностью и коленопреклонениями. Во время остановки коней привязывают к крепежу между повозками (2, 688). В целом караван представлял маленький походный отряд, имевший силы для обороны.

За тяжелыми повозками на расстоянии полумили двигались хозяева в своих небольших крытых дорожных возках (*reidwagen*), которые везли от двух до четырех лошадей. Внутри они были выложены коврами и наполнены столовой утварью, снаружи – покрыты грубым полотном, под которым находится *mossambe*, сменяемая турецкая ткань.

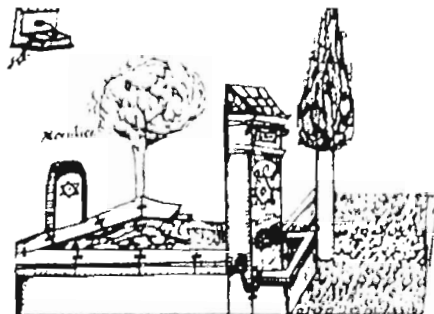
Наконец последний вид транспорта в караване – легкие повозки, *kolassen*⁶⁶, крытые белым полотном и ведомые одной лошадей. В этой части каравана передвигались поляки или «русы», редко участвовавшие в караванной торговле, поскольку они не знали турецкого (2, 687–688).

В пути сохраняется спокойная атмосфера, без ссор, насмешек и тем более драк, без обманов в торговле, слегка напоминающая монастырскую⁶⁷. Исключение (и в одежде, и в поведении) составляли польские или русские извозчики (2, 687). В караванах армян никаких бытовых конфликтов не было. Спокойная атмосфера царила и в караван-сараях в Эдирне и Стамбуле. При малейшем нарушении порядка⁶⁸ вмешивался владеец караван-сарая (995, 1047, 1126)⁶⁹.

Коляска и воз в Старом предместье Гданьска.
Фрагмент гравюры И. Дикмана, 1617

Успешно решались и бытовые трудности. Стоянки устраивались в зависимости от наличия воды. Если в пределах Речи Посполитой ее хватало и для людей, и для лошадей, то на пути к Константинополю путь пролегал от одного источника (чесмы) до другого, у которых путники и останавливались. Чесмы тщательно оформлялись, их содержали в идеальной чистоте, около них высаживали деревья, в тени которых могли укрываться странствующие купцы. Где-то недалеко от них и погребали незадачливых торговцев вне зависимости от религиозной и этнической принадлежности (2, 963, 964, 991)⁷⁰. Отец Венцеслав подробнейшим образом описал водные источники – чесмы и идеальный порядок вокруг них, приготовление пицци и т.д.

Чесмы (источники воды).
Рисунок М. Груневега (2, 714)

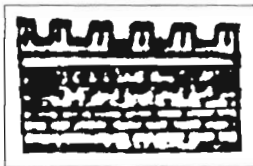
По пути в Стамбул (который о. Венцеслав упорно называл Константинополем) вставала проблема добывания дров для приготовления пицци и сена для корма лошадей. Охапку дров в 1582 г. путешественники покупали там по 1 асиру (2, 728). Все это грузилось на повозки поверх тяжелого товара (например, ножей). Более того, армяне везли с собой из родных городов, в том числе и Каменна-Подольского, и хлеб, которому придавали даже лечебные свойства (2, 985).

Пиццу готовили на две повозки сразу. Груневег, как писарь и секретарь каравана, кормился у хозяйского «котла»⁷¹. На расчетливого немца сильное впечатление произвела бесплатная по случаю мусульманского праздника раздача воды и еды всем желающим в Адрианополе (Эдирне) – по куску овечьего мяса, [плюшке] риса и куску сыра (2, 738)⁷². Не раз пишет Груневег и о кофе – черном напитке, который в Европе считался просто горьким лекарством, не известном европейцам шербете и браге (1, 734). При большой склонности к недомоганиям и болезням автор «Записок» не мог не отметить лекарств и аптек. Он упоминает о караванной дорожной аптечке, турецких аптеках и армянских лекарствах.

Странствующий купец должен был быть снаряжен личными предметами обихода, в том числе мешком со спальными принадлежностями⁷³, так, чтобы можно было проводить ночь и в повозках, и на земле между ними. Во втором случае между повозками натягивалось полотно, которое должно было убереечь путешественников от возможного дождя.

Детальнейшее описание каравана, ничего подобного которому не оставили, как показала А. Бус, позднейшие записки дипломатов об их поездках в Османскую империю, имеет существенное значение для понимания подобного типа торговли позднего Средневековья во всей Европе, в том числе и России.

Однако Груневега поразила не только организация дальней торговли, но и сами страны, куда ездили купцы. Обычный «молдавский» путь в Стамбул/Константинополь шел через Каменец-Подольский – Хотин – Чечеру –

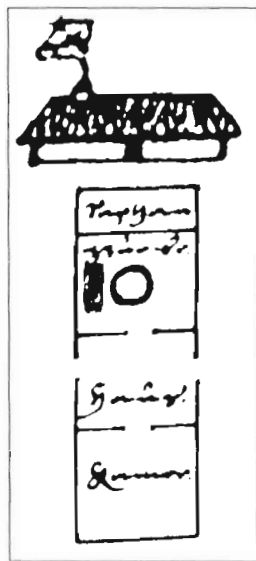

Панорама Константинополя и фрагмент его стены.
Рисунки М. Груневега (2, 760)

Исакчу – Добруджу – Эдирну (Адрианонополь)⁷¹. Еще в 1532 г. король Сигизмунд Старый заключил «вечный мир» с султаном Сулейманом Великолепным, который сын первого⁷⁵ в 1552 г. возобновили, а султан Осман в 1577 г. расширил. В «Абд-наме» последнего значилось, что купцы, получая свободу передвижения в Османской империи, обязаны следовать нахоженными дорогами, на которых имеются таможи, платить полагающиеся пошлины и соблюдать все другие порядки Империи⁷⁶. Успеху армянской торговли и терпимости к армянам способствовала ситуация постоянной напряженности отношений турок-суннитов и персов-шиитов⁷⁷.

При описании городов, которое Груневег снабжал графическими зарисовками, он больше всего говорил о «сердце» каждого из них – рынке – и постоянно отмечал отличие турецкого базара от европейских рыночных площадей. Как никто другой из современников, он обращал внимание на материал, из которого делались крыши: солому, доски, деревянную драпицу или черепицу разных сортов – глазированной и сделанную под камень. Этот вопрос интересовал его с двух точек зрения – пожарной и престижной. К сожалению, в объемы данной публикации детальное рассмотрение этих данных, как и многих других частных вопросов, не вмещается.

Разумеется, за пределами его внимания не остались и те населенные пункты Молдавии/Валахии, Болгарии, которые караваны из Львова традиционно проезжали по пути в Стамбул. В особенности поразило его устройство и турецкого дома и башь, и татарского (низкого и узкого). Он отмечает и сохранение верности православию болгар Опан-ли/Юшенли, которых он называет «сербами» (они ставили кресты в укромном месте, не видном с Дуная).

Татарский дом и план дома. Сверху вниз: Таргачан – топчан, Stuebe – изба, Haus – дом, Kamer – клеть.
Рисунки М. Груневега (2, 715, 716)

Сильнейшее впечатление на Груневега произвела знаменитая мечеть султана Селима в Эдирне⁷⁸, которую он воспроизвел, и так точно, что ему мог бы позавидовать современный архитектор.

В городах или поселениях городского типа Речи Посполитой молодого торговца интересовало состояние рынка, его размеры и приспособленность для торговли, ярмарочная деятельность⁷⁹, с одной стороны, и наличие или отсутствие ратуши – с другой. Ее отсутствие он рассматривал как признак «рынка», «местечка», но не города. Впрочем, на самом деле иногда отсутствие ратуши во вновь основанном городе могло быть временным (доказательством тому служит пример Острополя). Данные Груневега в целом, однако, могут рассматриваться как надежный источник для изучения истории распространения и видоизменения в жизнь магдебургского права на территории будущей Украины.

В тех поездках, которые совершал о. Венцеслав после 1588 г., он обращал большее внимание на состояние церквей, их стен, крыши, окон и их интерьер. Подобно тому, как для характеристики города служило наличие или отсутствие ратуши, так для определения степени готовности реставрируемого или создаваемого храма, по его мнению, служило наличие органа, к звукам которого он привык еще в детстве⁸⁰. Установка этого музыкального инструмента была дорогим, хлопотным и длительным делом.

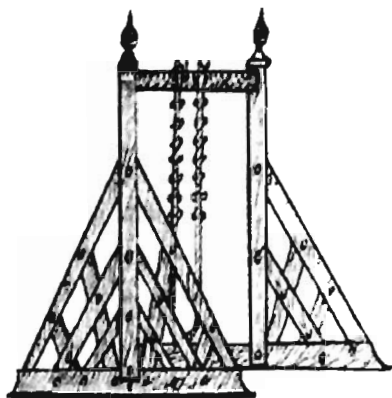
Автор не проводил сравнения между мусульманскими праздниками и христианскими, но старательно описывал и те, и другие. Христианские в честь небесных покровителей гданьских цехов он запомнил еще с детских времен (о юбилейном 1600 годе речь еще впереди), а мусульманские Груневег застал в Константинополе⁸¹. В отличие от А. Бус, заметившей, что автор подчеркивал расположение турок к иноземцам⁸², картина восприятия Груневегом праздников, и в частности большого байрама, представляется несколько иной. Много шума, подвижных игр – прыжков и бега, качели, возбужденная толпа явно утомляли случайного гостя этого праздника, хотя, кажется, он получил удовольствие от катания на чертовом колесе (2, 767, 768), рисунок которого, как и качелей, вставил в свою рукопись.

Если дороги по Османской империи не вызывали у Груневега нареканий, то отечественные доставляли массу хлопот. Дороги Юго-Восточной и Восточной Европы во времена Груневега оставляли желать много лучшего. Эти грунтовые дороги раскисали во время весенней и осенней распутицы, предоставляя купцам увлекательную возможность неоднократно вытаскивать свои повозки из грязи, поднимать их, когда они опрокидывались. Особенно подробно Груневег описал подъезд к Варшаве во время одной из первых поездок 2 апреля 1580 г. Под дождем и ветром пять раз подряд что-нибудь (то от-

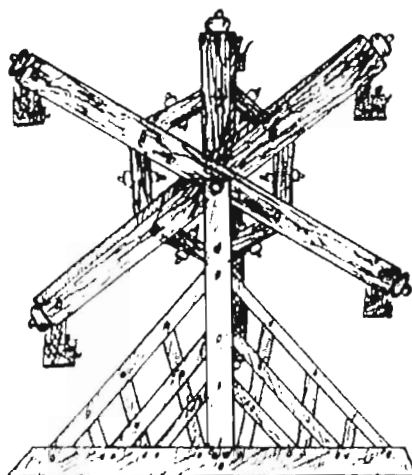

Мечеть в Эдирне.
Рисунок М. Груневега (4, 1743)

Качели. Рисунок М. Груневега
(4. 1742)

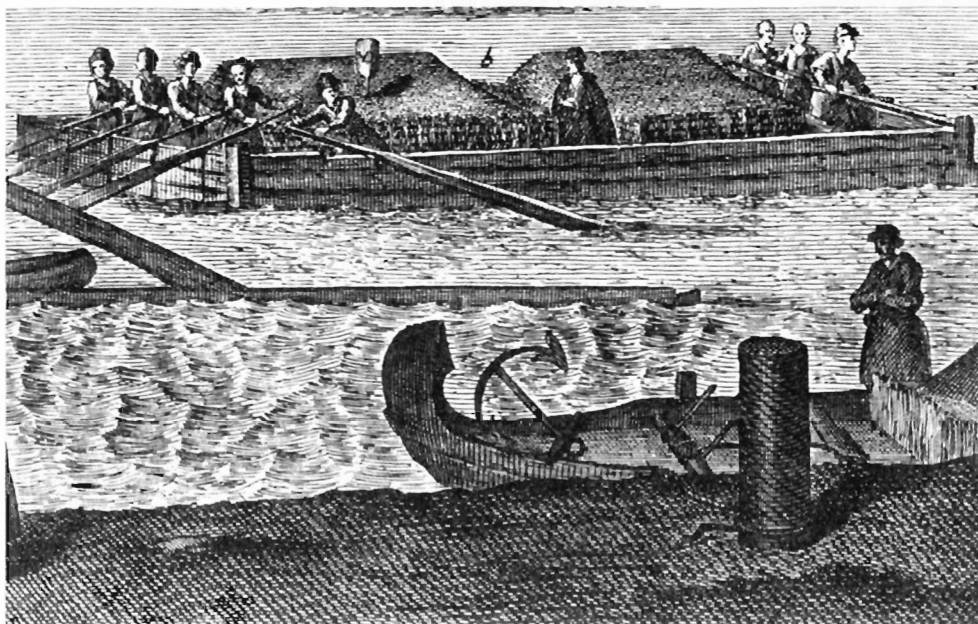
Чертovo колесо во время байрама
в Стамбуле. Рисунок М. Груневега
(2. 768)

люблю, то колеса) ломалось в повозке, и она сваливалась с одной стороны дороги на другую.

В январе 1584 г. путникам, передвигавшимся на санях в глубоком снегу и потерявшим дорогу под Осеком, пришлось вызывать крестьянина с собакой, который и вывел их на дорогу. 27 января – снова по снегу и без дороги с дружными потерями верхней одежды и долгими блужданиями в лесу, «как те евреи в пустыне» (2, 848–849). А между тем все это происходило отнюдь не в пустыне, а в непосредственной близости от Люблина и от владений семьи Збанских. Мало чем отличался зимний путь в России от польского. Пожалуй, только встречей с медведем, которого армянам в Польше увидеть не доведётся...

Не в лучшем состоянии были и деревянные мосты, в том числе и на Висле, которые часто сметались потоками в осеннее и весеннее половодье. В обязанности мостовничих входило следить, чтобы «мосты были направленные». Несмотря на то что мостовничие получали свой «вряд» «за всякою влаздою и повинностью», соответственно с пошлинами, далеко не всем удавалось содержать мосты в порядке⁵⁵. На территории Российского царства, где – вопреки обычаю и правилам – армянские купцы передвигались не обычными торными путями, но обходными, перед ними не раз вставала проблема переправы. Они успешно решали ее там, где был лес, валя деревья и настилая на их стволы кустарник, по которому стремительно переправляли тяжело груженные сани.

Средства передвижения зависели от местности, куда направлялись странствующие торговцы. И в России, и в Речи Посполитой для передвижения по воде с товаром использовались однопалубные лодки – кояги, не имевшие паруса, как правило, без палубы. Впрочем, по Висле ходили и парусники (2, 580). От таких судов на Десне и Днепре Груневег не упоминает, может быть, потому,

Комяга на Висле в устье р. Радауне. Гравюра Ю.Ф. Шустера, 1770
(по рисунку Ф.А. Лормана)

что армяне и шли поздней осенью, в самом конце навигации. Довелось ему переправляться через р. Сан почти у самого впадения в Вислу на уютной плоскодонке, ведомой старым и слегка пьяным перевозчиком. Ночью 5 декабря 1587 г. его жизнь и жизнь его спутника Киркора не раз висела на волоске (2, 1074).

Однако большую опасность для странствующего купечества представляли препятствия, созданные людьми, к которым по праву можно отнести таможи. Если в России армяне дважды посещали таможню – на границе с Речью Посполитой и в Москве, и такой же порядок существовал на территории Османской империи⁸⁴, – то в Речи Посполитой встреча с этим учреждением ждала странствующих торговцев каждые 3–4 дня, то есть через 15–20 миль⁸⁵. В этом государстве в конце 70 – начале 80-х гг. XVI в. еще не были отменены внутренние таможи, которые магнаты, если они не были владельцами этих таможен, брали от короля в аренду⁸⁶. Однако их реальными арендаторами по преимуществу выступали евреи⁸⁷, и прохождение таможен было довольно сложным делом, доставлявшим немало беспокойств. Мало того, что взимался денежный сбор, требовался еще поклон воеводе или владельцу замка и его слугам⁸⁸. Редкая неделя передвижения обходилась без остановки для уплаты многочисленных пошлин владельцу земли, вояде дорог и мостов. Правда, и купцы, а вместе с ними и Груневег, были достаточно изобретательными. Так, слугам он раздавал новенькие мелкие монеты, которых никто не знал, – гданьские шиллинги⁸⁹, выдавая их за армянские монеты, растущие

из земли. И далеко не все встречи проходили мирно. Задержки же проезжающих купцов на таможене – это обычное явление. В субботу евреи – а «они хозяева таможи» – не пропускали на ярмарку. Так случилось в Пшемысле в августе 1582 г. (2, 681).

Однако не только таможенники доставляли неприятности купцам. Было и наоборот, так как купцы очень старались от таможенников не отставать. На таможене в Хотиме армяне применили обычный метод тайного провоза талеров⁹⁰ – сокращения количества мешков с монетой, а соответственно, и пошлины с них (2, 707–710). Аналогичным способом пытались они обмануть и таможенников в России, но там подмена товаров (провоз шелка в мешках с хлопком) не удалась. Только в Адрианополе, переполненном иностранными купцами (в караван-сараях турок почти не было, зато было много греков, «сербов», евреев, последние служили и на таможене), хитрить не пришлось, потому что Ашвадур был в приятельских отношениях с таможенником (2, 729, 738).

Сложным было положение христианских купцов во время мусульманских праздников. На большой байрам армянские купцы попали в Константинополь в день выезда оттуда в октябре 1582 г. Город был полон народа – играли в мяч, прыгали через козлы, устраивали конные состязания. У городских ворот собралась огромная толпа зевак, полуголых и голых, полюбоваться выездом каравана, с насмешками и пожеланиями «Добро пожаловать». Над Груневегом, шедшим рядом со своим возом, тоже издевались «два содомических злоумышленника»⁹¹ с адскими ужимками. Зная, что делают с юношами в Турции, он испытывал безумный страх, так как большинство его спутников уже были в Галате. По мере приближения к мосту страх усиливался – сердце таяло, как воск, зубы щелкали. Дал обет, что не будет есть мяса по субботам и будет служить Деве Марии. На мосту к таможенному рынку была теснота, его затолкали, но благодаря драке старших и младших ему удалось пройти и добраться до своих хозяев, которые запрятали его в свой возок, откуда он через щелочку наблюдал, как веселились турки. Они праздновали всю ночь, танцевали, вертелись на чертовом колесе, во дворце многократно устраивали фейерверки. К туркам присоединились по случаю шабаша и евреи, которые не столько «прыгали», сколько играли в шахматы и другие настольные игры (2, 762–768).

Первая же поездка в Константинополь была связана с попыткой некоего турецкого воина в караван-сараях в Чурле совершить покушение на его девственность. Хозяева 20-летнего Груневега старались удалить его, объясняя, что у христиан не принято долго держать молодых людей за столом, «их приучают к работе, а вовсе не к нежностям» (2, 743). Ни подкуп (в качестве взятки янычар предлагал саблю, оправленную в серебро), ни угрозы на хозяев не подействовали. Вмешательство владельца караван-сарая привело к потасовке.

В литературе принято считать, что Груневег имел склонность к гомосексуализму⁹². Действительно, он много и часто пишет о нежно привязывавшихся к нему сверстниках – одном в Варшаве и двух во Львове, путешествовавших с ним в Турцию и Москву, и еще одном – в Италии⁹³. Нужно, однако, учитывать, что кочевая жизнь препятствовала созданию прочных отношений,

как брачных, так и дружеских, а юности и молодости во все времена свойственны увлечения и идеализация даже случайных друзей, и было бы большой натяжкой считать груневеговские характеристики своих юных попутчиков – порой излишне восторженные – доказательством его склонности к гомосексуализму⁹⁴. Может быть, на исследователей действует современная концепция гомосексуализма или изрядно распушенные нравы турецкого Средневековья, или и то, и другое сразу, но наблюдение это не представляется убедительным, в особенности в свете рассказа о его поездке в Россию.

Поездка в Москву была наиболее длительной, осенне-зимний путь в которую из Львова занял три месяца и три недели, а обратный, летний, – полтора месяца. Поскольку эта поездка состоялась вскоре после окончания Ливонской войны и раны, нанесенные ею, еще не затянулись, автору «Записок» пришлось регистрировать многочисленные разрушения городских укреплений и церквей, на которые он обращал внимание в первую очередь. Обаяние молодого секретаря каравана обеспечило ему доброжелательное отношение москвичей, в котором он буквально «купался», тешась мечтой как можно скорее перевезти сюда своих родственников и здесь жениться. Вопрос о разнице вероисповедания «настоящих» христиан и приверженцев «русской секты» для него тогда даже не вставал. Однако мечта была легко разрушена суровыми и безжалостными законами России, один из которых он по незнанию преступил, не только войдя на территорию Кремля, но и осмотрев святыни из великокняжеской казны, что иностранцам было категорически заказано. И соприкосновение с этими законами и их жестокими исполнителями сопровождалось некоторым надломом психики польского немца, способствовавшему отчасти его обращению в католичество двумя годами позднее⁹⁵.

Возвращение к вере предков

Именно за эти два года произошли события, довершившие его разрыв с лютеранством. Прежде всего, конфликт с турком в Облучице во время пятой поездки в Константинополь. 22 октября 1585 г. на стоянке в его коляску вскочил турок, который сначала принялся шутить, но когда со сна Мартин испугался и ударил его, турок стал угрожать смертной казнью. Хозяева их примирили – турок его поцеловал (2, 951).

Точку в лютеранской светской жизни Груневега поставило последнее мужское покушение, на этот раз уже не турка-янычара, турецкого паши или вдовца и его сына⁹⁶, – а армянина Бедруса из Каменца-Подольского, единственного сына состоятельных родителей, неоднократно ездившего в Константинополь, где он не только обучился торговать, но и воспринял, по словам Мартина, «злые» обычаи турок (2, 984). Автор подробнейшим образом рассказал об этом. Роковое для Груневега событие произошло в небольшом поселении под Адрианополем *Tzahayr* (*Tzahair*), где встретились два армянских каравана, двигавшихся в и из Константинополя. 7 июня 1586 г. «чужие» угостили Мартина недоваренным мясом, которое он запил водой из источ-

ника у мечети, где турки обмывали покойника, после чего и заболел. Лекарства из дорожной аптечки не помогли. Ночевка в холодном помещении привела к лихорадке. Не помогли и молитвы армянского священника, за услуги которого Мартин дал ему две шахи. По совету доктора, Груневег с помощью Давида, слуги юного распутника, переселился в *Tzahair*, где уже находился Бедрус. Давно влюбленный в Мартина, избалованный и не знавший удержу в своих желаниях армянин решил добиться своего: старательно кормил больного изысканными яствами (которые поглощал и сам, несмотря на постный день), услаждал музыкой, фокусниками и актерами. Страдалец же 14 июня тайно собрался в Адрианополь, несмотря на то, что там свирепствовала какая-то смертельная болезнь. Всю дорогу за ним бежал неугомонный Бедрус. Он, видимо, сорвал сердце, лег в караван-сарай под дерево и через четверть часа незаметно для окружающих скончался. Виновником его смерти армяне объявили «немецкую собаку». И во время болезни, усугубленной травмой, нанесенной ему христианами армянской «секты» в мусульманской стране, 15 июня 1586 г., на третий день после Троицы, когда повторялась праздничная служба, Груневег решил перейти в католичество, в старую веру, от которой был «оторван неразумием своих [родственников]» (2, 987-988).

Он был далеко не одинок в перемене веры. Религиозный климат в Речи Посполитой резко отличался от того, что царил в его родном городе во времена младенчества автора «Записок». До епископа Гданьского Хозия в 1564 г. дошло сообщение, будто кувявский епископ Миколай ссорился с кем-то в костеле. Атмосфера в городе оставалась напряженной: приора доминиканцев засыпали камнями, когда тот выходил из дома бургомистра К. Фабера (1555-1588). От дальнейшего «бунта» его спасли 20 католиков. Хозий опасался повторения французских событий и начала религиозных войн⁹⁷. Однако, спустя 10 лет, в 1574 г. кардинал и епископ Варминский Ст. Хозий с удовлетворением констатировал, что, судя по сообщению приора гданьских доминиканцев о. Даниила, перед Пасхой в Гданьском доминиканском монастыре побывало около 1000 «верных». Впрочем, всего в Гданьске насчитывалось лишь 4000 верных католицизму. Проповедь католиков и позднее приносила свои плоды, и многие из немцев «очистились от ереси», в которой часть из них находилась более 10 лет, и теперь соединились со Спасителем⁹⁸. Если религиозные распри 60-х гг. еще не касались младенца Мартина, то слухи о состоянии католицизма в Гданьске в середине 80-х гг. могли дойти и до него.

И именно с записи о событиях 15 июня 1586 г. впервые, как отметила и А. Бус⁹⁹, в его повествовании зазвучало раздражение против приверженцев лютеранства и армянской «секты», подобное которому ранее вызывали исключительно мусульмане. В описании последней, шестой поездки в Константинополь Груневег стал резко осуждать гомосексуализм, связывая его с безбожием.

И в 1587 г. Мартин последний раз посетил Гданьск, где пробыл два месяца и десять дней – с 10 марта по 21 мая. Мать передала ему семейные хроники с просьбой переписать их для внуков, которых тогда было уже четверо – две девочки и два мальчика¹⁰⁰. За это время Груневег мог ознакомиться с литературой по новейшей истории города, с одной стороны, а с другой – уточнить свои юношеские воспоминания о родном городе, что позволило ему

в «Записках» дать и сведения о новом – конца 80-х гг. – облике города и изложить некоторые события его прошлого в соответствии с новейшими хроникальными публикациями.

Женщины в жизни Груневега

В связи с последним свиданием с матерью и сестрой стоит затронуть вопрос об отношении автора «Записок» к женщинам.

А. Бус пишет о чрезвычайной привязанности к матери¹⁰¹. Однако исследовательница не заметила, что эта привязанность была односторонней. Мартину, опеку над которым мать поручила его ангелу-хранителю, очевидно, не хватало ее внимания, как ранее его удручала страсть матери ко второму мужу, ее стремление во всем угодить новому кумиру, свадьба с которым стала не просто апофеозом ее жизни, но и произвела большой шум в городе, избалованном избытком зрелищ. Мать не верила в сына, охотно отправляла из дома, настойчиво требовала принять участие в гданьских общественных работах и даже снаряжала сына нищенской сумой. Пусть в то время подобное воспринималось не столь унижительно, как в наше время, но и тогда этот жест мог оскорбить самолюбие юноши.

Ангел Мартина честно выполнял свои обязанности. Неоднократно его подопечный оказывался на волосок от смерти, то падая с лошади при переправе через речку, то часто и серьезно простужаясь, то приходя в смятение от несерьезных с теперешней точки зрения причин. Правда, при этом у ангела были и земные помощницы – случайно встреченные в пути женщины. На протяжении всего сочинения Груневег часто вспоминает «почтенных женщин», которые, начиная с Дрогичина в 1579 г., помогали ему и заботились о нем во время болезни, часто его посещавших (2, 592), ухаживали за ним больным (2, 605–606), улаживали его конфликты с окружающими, поскольку он легко приходил в смятение даже от положительных эмоций, например, когда его 25 сентября 1585 г. гостеприимно встретили женщины в доме Киркора (2, 948).

Автор не оставил описания своей наружности. Уверенно можно сказать, что он был приветлив и обходителен, вероятно, был и миловиден, что пленяло не только его сверстниц и сверстников, но и турецкого пашу в Константинополе, который с удовольствием «купил» молодого человека у гданьского еврея, которому Мартин отнюдь не принадлежал (2, 770–772). Скорее всего, он был блондином, что поражало черноволосых турок и турчанок и армян. Попытки женить его предпринимались неоднократно: в Нуре на Буге (март 1580 г.), под Константинополем на турчанке, если он согласится на обрезание (2, 748), в Бельзе по дороге во Львов юная дворянка, заменявшая хозяйку гостиницы, всю ночь обольщала постояльца своим «глупым сердцем, и демонстрировала свое искусство 1000 раз, но Бог сделал меня в тысячу раз искуснее» (2, 778). Все эти случайные встречи и столь же случайные возможности женитьбы не оставляли особого следа в его душе. Вспоминал он лишь одну московскую невесту. Наконец в Гданьске, видимо, в 1587 г. его поджидало еще

одно искушение – предложение жениться на ливонской девушке, испытавшей все горести своей родины (2, 955). В это-то время он и забыл о своей московской невесте.

Особое место в его жизни заняла крестьянка София из деревни Надиб под Перемышлем, которая с самой юности прослужила в семье армянина Кристофа Тарасовича, жившего рядом с доминиканской церковью. Ее выдали замуж за сапожника; овдовев, она построила домик рядом с францисканской церковью, но оставалась прихожанкой доминиканской. Ее образ богобоязненной¹⁰², благочестивой, доброй, мудрой и заботливой женщины, несмотря на свою неграмотность пользовавшейся большим уважением в городе, был для него идеалом женщины¹⁰³. В «Записках» она впервые упомянута в рассказе о видении 22 июня 1588 г. На самом же деле, она стала героиней его видений уже в июне 1586 г., когда опекала больного Мартина. Может быть, права А. Бус, считая, что она заменила Мартину мать. К этому можно добавить лишь одно – Груневег принадлежал к тому типу мужчин, которые, опасаясь собственной житейской несостоятельности, сначала представляют сестер своими женами, а потом укрываются от жизни в браке с более зрелыми и практичными женщинами. Софью Мартин встретил слишком поздно – уже на излете ее жизни, а его всегда пытались женить на молодых и далеко не всегда благочестивых. В слегка отуреченном мире армян отношения «старухи» Софьи, скончавшейся 21 февраля 1589 г., и молодого человека Мартина даже родственник его хозяина Нурбек, хорошо знавший Груневега, воспринимал как сексуальные (2, 1067–1068).

Не знаю, уверяет ли о. Венцеслав только себя или и своих родственников и иных будущих читателей в своей чистоте и целомудрии, но пишет он об этом очень убедительно. Отношения с женщинами он воспринимал – на самом деле или якобы – только как брачные (как и сообщал об этом в рассказе о московской Анастасии).

Для него же святая католическая церковь – это невеста Христова. Резко осуждая еретиков, от нее отпадающих, в том числе и собственную мать, он не обходит своей критикой и священнослужителей, монахов и монахинь, отказавшихся от земного брака, но не соблюдающих обеты, данные Богу, – «свету и исцелению, охранителю жизни» (3, 1150, 1152, 1161).

На пути к монашеству

К 1587 г. 25-летний гданьчанин пришел в очень неважном физическом и душевном состоянии. Трудные для него путешествия в Москву и Константинополь, сопровождавшиеся серьезными угрозами для жизни – то казни в Москве, то продажи в рабство в Константинополь, – оставили свой след. К тому же 1588 г., как прогнозировали составители календарей, должен был быть отмечен чудесами и различными переворотами в жизни людей всего мира (3, 1096). Груневег, болезненно переживавший подобные предсказания, и на этот раз испытал некоторое смятение духа. П. Олинский, а вслед за ним и другие ис-

Вид Кракова. Гравюра на дереве К. Цельтиса (?) из «Хроники» М. Шеделя, 1493

следователи справедливо подчеркивают роль не очень счастливого детства и воспитание его чужими людьми, а отсюда преследовавшее его всю жизнь стремление обрести настоящий дом, подлинную духовную родину, а заодно и истинного водителя, роль которого в его видениях исполняли ангелы, говорившие по-польски (2, 1318; 3, 1495)¹⁰⁴.

Мистическое настроение Груневега, которому сопутствовали многочисленные сны, в которых концентрировались его размышления и переживания – *visionen*, распространенные и у доминиканцев¹⁰⁵, и у крестоносцев¹⁰⁶, соответствовало общей атмосфере, царившей при дворе Сигизмунда III. Тридентский собор 1563 г. принял *Professio fidei Tridentinae*, которое послужило основанием деятельности иезуитов и последующей Контрреформации, сопровождавшейся довольно широким движением конвертитов¹⁰⁷.

Король Сигизмунд Ваза покровительствовал набравшему силу еще при Стефане Батории в борьбе с протестантизмом и русской «сектой»¹⁰⁸ иезуиту Петру Скарге¹⁰⁹. Груневег отметил, что ко-

Портрет Петра Скарги.
Гравюра. Неизвестный художник, XVI в.
Львовская научная библиотека
им. В. Стефаника

R P PETRVS SKARGA Sacerdos IESV' Seraphicus et Signif
mundi III Regum Poloniae per triginta annos et amplius a sacris ecclesiasticis
muneribus insignitus et Apostolice palae Sphaerae ornativissimus Obijt Cracoviae A.
1612. die 27 Septembris Anno Aetatis suae 70 sepultus in Regio Templo Collegij
Cracovien. Sacerdos IESV' doctor SS. Apolo Petrus et Paulus
C. L. M. H. J. H.

роль посетил новгородную службу 1588 г. в краковском храме Св. Барбары, при котором и состоял монастырь ордена иезуитов. Монах подробно пересказал основную идею проповеди Скарги, указавшего пути и почести, с помощью которых король мог бы добиться благосклонности «Святой Королевы». Эта проповедь красноречивого и фанатичного иезуита оказала воздействие и на самого Груневега, и после посещения могилы св. Яцека, основателя доминиканского ордена, он окончательно решился служить Богу и Святой Королеве, которой был посвящен самый большой краковский собор. Этим завершился очередной этап его достаточно долгого пути в доминиканский монастырь, продолжавшийся около двух лет (2, 1063. 1074).

Поглощенный собственными переживаниями, Груневег тем не менее нечаянно в 1588 г. оказался свидетелем новых внешнеполитических катаклизмов. Речь Посполитая после смерти Стефана Батория в 1587 г. вступила в третье бескоролье. Мнения магнатов разделились. Биржанские Радзивиллы были заинтересованы в мире с Российским царством, а потому поддерживали кандидатуру царя Федора Иоанновича. Несвижские Радзивиллы были сторонниками австрийского эрцгерцога Максимилиана Габсбурга. Часть послов элекционного сейма в Варшаве 19 августа 1587 г. высказалась за шведского принца Сигизмунда Вазу, сына Катерины Ягеллонки и шведского короля Юхана III, другая через три дня – за Максимилиана II. В новой ситуации шляхта Великого княжества Литовского в своем большинстве поддержала вторую кандидатуру¹¹⁰. На польской территории вновь начались военные действия. Хотя на этот раз они не затронули ни Гданьска, ни Львова непосредственно, о. Венцеслав внимательно следил за ее перипетиями. В свои «Записки» он включил послание сандомирскому подстаросте сандомирского же старосты Станислава Пенкославского, описавшего ход битвы 24 января под Пиченом – Бычиной с австрийским эрцгерцогом Максимилианом. Габсбурга поддерживали познанский воевода Станислав Гурка, гофмаршалк Анджей Зборовский, киевский епископ Якоб Воронецкий, пронский князь Александр, а также представитель старинного рода шляхтич Чолек, королевский секретарь Станислав Карнковский, старший в роде Налеч, и другие. У Максимилиана были войска венгерского воеводы Балинта и 1000 венгерских пехотинцев, отряд чехов. Исход битвы решил не-

Стефан Баторий.
Рисунок Джованни Фонтано, 1601

большой отряд казаков, позволивший королевским войскам перестроиться и снова вступить в битву. Австро-венгерско-польское воинство бежало в Пичен, огороженный стеной, но лишенный артиллерийских орудий, и вынуждено было сложить оружие, правда, на вполне почетных условиях, которые изложил Чолек и Александр Пронский, – а именно заключения мирного договора, сохранения жизни всем осажденным при потере ими всего вооружения, поступившего в общую добычу (З, 1098–1101).

В последние годы восьмого десятилетия XVI в. Груневегу еще не совсем чужды были и другие мирские дела¹¹¹. Он подробно описывает встречу под Краковом Анны Ягеллонки, вдовы Стефана Батория, церемонию въезда в столицу. Впереди ехали гайдуки, за ними следовали горожане и дворянство, маршалки польские и литовские, наконец сам король, костюм которого удостоился особого описания, а за ним кардинал и маршалк королевы. Анну сопровождали в 15 колясках придворные дамы, одна из коих была в шведском платье. Воспользовавшись прибытием иностранцев, Груневег продал шведскому вице-канцлеру Эрику Шпарре два белых ковра (З, 1097–1098).

Однако и позднее, в феврале – июле 1588 г. (вплоть до возвращения во Львов 10 августа 1588 г. из Люблина, куда хозяин отправил его в сопровождении армянина Симона), ему пришлось заниматься торговлей. По дороге во Львов при переправе через Вислу у Завихоста оказалось большое столпотворение – это возвращались войска Максимилиана. Груневег попал там в сложную переделку, но благополучно выбрался из нее. На обратном пути в Красноставе остановился, чтобы увидеть Максимилиана, содержавшегося в плену в августинском Бенджийском монастыре. На службе в монастыре Максимилиан, тощий черноволосый человек низкого роста, был одет по-итальянски – в бархатный длинный жакет из тонкого светло-зеленого вперемежку с зеленым и красным лондонского сукна, белые ботинки. На голове у него был польский пылык из черных лис, на шее – шишохо завязанный галстук. Автор не поясняет причины своего повышенного внимания к особе австрийского эрцгерцога, но догадаться несложно. Более десяти лет до этого именно этот человек впервые претендовал на роль польского короля, был поддержан жителями родного города Груневега – Гданьска и лишь в 1589 г. отказался от права на польский престол.

Решение расстаться с кочевой жизнью странствующего торговца отнюдь не было одобрено хозяевами Груневега. 29 августа армянин Аведек, один из членов знаменитой семьи Бернатовичей и глава армянской общины во Львове в

Анна Ягеллонка во вдовьем костюме. Гравюра на дереве. Неизвестный художник, XVI в.

1571–1598 гг.¹¹², принес Мартину письмо его хозяина Богдана с советами на уход Груневега из их торгового сообщества.

Как бы в ответ на это, в отсутствующем в «Записках» укорительном письме, Груневег рассказывает о «чуде», произошедшем за два года до возвращения из последней поездки в Оманскую империю в сентябре 1586 г. Караван Богдана под Константинополем встретился с другим, и тоже армянским, в котором был польский священник, возвращавшийся из Иерусалима через Константинополь. Он поздоровался с Мартином, как со старым знакомым, имя которого назвал совершенно правильно, и спросил, почему тот еще не монах (еще не в монашеском кукуле), Мартин удивился и поинтересовался, откуда тот его знает. Священник ответил, что за два года до этого они встретились у Гроба Господня, описал одежду Груневега и его исповедь. Несмотря на уверения Мартина, что он никогда не был в Святой земле, хотя некоторые из его родичей еще в XV в. побывали в Иерусалиме, а в современном ему обществе подобное паломничество очень высоко ценилось¹¹³, священник уверял, что он видел Груневега и даже исповедовал его. Приведа аналогии из *Pratum spirituale* Софония (ок. 550–638), ученика Иоанна Босха (ок. 550–634), сопровождавшего последнего в странствиях по Святой земле, Груневег как бы дал ответ на советования своего бывшего хозяина Богдана, видя в этом «чуде» форму материнской заботы Господа о своих земных детях (3, 1137–1139).

Более того, он попросил своего последнего хозяина Нурбека отвести его в монастырь и засвидетельствовать его добропорядочность. Однако тот отнюдь не спешил оказать тем самым честь бывшему слуге, и Груневегу 6 сентября 1588 г. пришлось отправиться туда самому, оставив пожилой «приятельнице» Софье из Надиба свое носильное платье, выкинув мешок со спальными принадлежностями в окно парню из монастыря по имени Бертель. Вечером в отсутствие хозяина Мартин отдал хозяйке ключи от своей каморки, поблагодарив ее за все (3, 1162). Несмотря на усилия женщин задержать беглеца, он сумел ускользнуть и добраться до монастыря, где был помещен в ту же каморку гостиного дома, где якобы жил князь Семен Слуцкий, спасшийся в 1557 г. от королевского гнева¹¹⁴.

Мартин принял монашеский постриг и поступил в Львовский доминиканский монастырь. Выбор этот был неслучаен. Ведь к концу XVI в. таких было уже достаточно много. Даже в 1526 г. в Польской доминиканской провинции значилось 63 монастыря, число которых в период Реформации временно сократилось вдвое – до 32, но по мере вымирания поколения первых лютеран, в 80-е гг. произошел стремительный рост доминиканских монастырей, которые основывались магнатами, а ряды их монахов пополнялись конвертитам¹¹⁵. В 1575 г. был основан и монастырь во Львове, где орден в 1575–1596 гг. насчитывал почти 4000 человек. Свою роль сыграла и привычка к новой родине, языками которой (армянским и «русским») он вполне овладел. Вероятно, именно поэтому он обратился не в монастырь родного города, а остался во Львове, в котором он в общей сложности провел 14 лет.

Груневег дает ответ о причинах своего выбора. Соответствующий раздел «Записок» открывается длинными рассуждениями о девственности и целомудрии. Мартина очень занимает вопрос о браке и безбрачии, в особенности потому, что его хозяева хотели женить его на армянке. Он задается вопросом,

может ли вступать в брак тот, кто свое целомудрие обещал Богу. И отвечает, что это преступление (3, 1146). В рассуждениях на эту тему порой снова видна рациональная направленность. Говоря о силе божественного духа, о. Венцеслав подчеркивает, что Святой Дух делает из таможенника евангелиста, из преследователя – апостола, из грешницы – избранный сосуд, из преступника – гражданина рая (3, 1146).

Изложив свои взгляды на целомудрие, автор возвращается к теме, превращенной этими рассуждениями, – о своем водворении в монастыре. В тот же день, 7 сентября, туда явился хозяин Груневега в сопровождении других армян и просил отпустить Мартина домой, однако услышал в ответ, что тот уже дома, а Богородице угодно, чтобы он служил ей, а не прежнему хозяину – Нурбеку, расстроившемуся от этого до слез¹¹⁶.

Мартин же 8 сентября 1588 г., успешно выдержав экзамен по Священному Писанию¹¹⁷, был торжественно облачен в монастырское платье, которое выдал ему со своего плеча приор монастыря, и получил новое имя – Венцеслав, небесного покровителя поляков и чехов¹¹⁸, чем Мартин был очень доволен¹¹⁹, – это было огромной редкостью. Монастырская метрика якобы не зафиксировала подобных случаев (3, 1164). В алтаре пропели в честь этого гимн Святому Духу *Veni, creator spiritus*, исполняемый на Троицын день, а также в торжественных случаях поставления папы, выбора епископа и назначения священника (3, 1165).

Отец Венцеслав, как именовался Мартин с сентября 1588 г., в течение всего пребывания в монастыре оставался в курсе различных происшествий в армянской общине. Дочь армянина Шарапка самовольно вышла замуж за немца, отказавшись от «армянской ереси», и просила о. Венцеслава ее исповедать (3, 1236), к другой прибежала чужая скотина (3, 1238), у третьей – неожиданно умер жених-армянин из Каменца-Подольского, а жених ее сестры на встрече с гданьскими, краковскими и другими иностранными купцами потерял дорогой нож, из-за чего произошел скандал, в результате которого был убит приятель жениха (3, 1237, 1239). 21 октября 1598 г. о. Венцеслав узнал о кончине в Константинополе 21 августа своего старого хозяина и большого приятеля Богдана Ашвадура, от которого «ничего кроме добра не испытывал на протяжении тех лет, когда работал у него» (3, 1244).

Доминиканец о. Венцеслав

Однако о. Венцеслав очень изменился. Вместо восторженных описаний своего и других городов или юмористических рассказов о своих приключениях зазвучал ожесточенный тон спасителя душ и борца с «проклятыми» еретиками. Отец Венцеслав не забывал перечислять все церковные службы, которые исполнял на протяжении 1588–1605 гг., то есть в течение 17 лет. В особенности подробен был он в описании первых служб, обстоятельств получения первой милостыни (одного шиллинга). И в это время он по-прежнему записывал места поездок, странные дорожные приключения, неизменно сопровождав-

шие его передвижения¹²⁰, давал, как и раньше, краткие характеристики населенных пунктов, старательно указывал стоимость отдельных поездок и тщательно заносил сведения относительно строительства монастырей, отсутствующие в других источниках.

В той части «Записок», где автор описывает свою монастырскую жизнь, он преимущественно «регистрирует» свой карьерный рост (профес, помощник при литургической службе (аколот), субдьякон, ризничий, исповедник, с 19 марта 1595 г. – субприор, с 18 августа того же года – библиотекарь, с 27 октября до 29 февраля 1596 г. – субприор *in capite* и приор до 26 апреля 1597 г.¹²¹; с 25 апреля 1596 г. до 12 февраля 1601 г. Груневег выступал в качестве конверсенмейстера)¹²². В эти последние пять лет XVI столетия главное место в его деятельности заняло обращение в католичество лютеран, а также приверженцев русской и армянской «ереси», в качестве светских монахов исполнявших различные работы за пределами его стен. Наплыв конвертитов можно объяснить изменением общей обстановки в Речи Посполитой после Брестской унии 1596 г.¹²³ Впрочем, ухудшение отношений католиков и православной «руси» началось уже после Люблинской унии 1569 г., когда Волынь, Подляшье, Киев и Брацлав были включены в состав Короны. В обиход католической церкви вошел польский язык, потеснив латынь¹²⁴, одновременно происходила перерождения шляхты на Запад, что и привело к Брестской унии 1596 г.¹²⁵

Изредка о. Венцеслав, по его словам, оказывался, пусть и фантастическим образом, и «спасителем тел» невинно осужденных. Так 30 марта 1599 г. он получил письмо от человека, долгое время просидевшего в прочной, холодной, вонючей, мрачной темнице. Тот якобы увидел во сне, что монах пришел к нему и объяснил, как можно выбраться из заключения, за что невинно осужденный и благодарил его, ибо он считал, что спасение пришло благодаря молитвам о. Венцеслава. Видимо, и монах не сомневался в этом (3, 1249).

Серию многочисленных «чудес», происходивших с ним, пополнило еще одно, датированное 9 июня 1600 г. В спальном корпусе монастыря, еще не завершенном строительством, о. Венцеслав попал на недоделанную лестницу, на которой встретил незнакомца в зеленом платье чешского сукна, в каких ходили подносчики кирпичей, провалился вместе с доской, услышав при этом: «Священник, смотрите, что вы делаете?» Потом, когда патер был поднят неведомой силой и благополучно приземлился в безопасном месте, незнакомец бесследно исчез, а о. Венцеславу не осталось ничего иного, как отметить свое чудесное спасение однодневным постом на хлебе и воде (3, 1266–1267). 1 октября 1603 г. в келье монах увидел ангела в орденском платье, парившего в воздухе и передвигавшегося вверх и вниз. С конца 90-х гг. патер все чаще жалуется на головные боли (3, 1232, 1236, 1256)¹²⁶, все чаще утверждает, что видит вещие сны в ночь накануне того или иного события – то о болезни священника, то об урегулировании конфликтов среди монахов, то о приобщении новых лиц к лику святых, то о грядущем ливне, то о грехах какого-то юноши или послании польскому провинциалу из Рима, рождении сына у его духовной дочери и т.д. и т.п. (3, 1234–1236, 1238, 1239, 1243, 1253). Видимо, монастырская атмосфера способствовала нарастанию мистических настроений. Нет оснований не доверять рассказам Груневега, однако события, может быть, разворачивались в ином порядке, сны лишь следовали за происшествиями, ос-

мысляемыми по ночам как предшествующие тем или иным явлениям. Сам же автор «Записок» приводит рационалистическое объяснение некоторых из этих снов, которое давали его коллеги и братья-монахи, – они видели их причину в астрономических занятиях о. Венцеслава (3, 1235).

В контексте подобных событий обращает на себя внимание и более поздний рассказ о насмешках православных львовян¹²⁷ над католиками, якобы торопившимися с празднованием Пасхи в 1598 г. (по сравнению с православными, не перешедшими на грегорианский календарь) и лившими масло в лепешки. Господь же, по словам о. Венцеслава, показал, что пришло время «лить больше масла в лампы, чтобы прославить Господа, чем в огонь для подогревания лепешек». Ибо посреди бела дня сгорело 24 «русских» дома, располагавшихся впритык к костелу Св. Георгия. Огонь возник от небрежности маслособойца, оставившего дом без присмотра. Пламя перекинулось на бочки с маслом, и прожорливый огонь, по выражению о. Венцеслава, хоть сам и насытился, но все вокруг опустошил (3, 1250).

Этот мелкий конфликт православных и католиков происходил на фоне более общих разногласий среди самих обитателей монастыря. Доминиканцев одолела тяга к отделению от Польской провинции¹²⁸. А. Бус связывает перемену в стиле монастырской жизни с деятельностью магистра Ипполита Марии Беккариа, которого в 1592 г. в Венеции посетил польский провинциал (глава провинции) Антоний Каспрович¹²⁹. Ответный визит магистра в монастырь Тела Христова по просьбе монахов последовал 15 января 1594 г. Магистр, или генерал, был торжественно встречен приором и братьями, считавшими это благословением небес и исполнившими благодарственный гимн *Te, Deum, laudamus* (3, 1192). Монахи и представители городской элиты, в том числе и армяне, удостоились чести целования правой руки Беккариа, которую тот (как скрупулезно точно записал о. Венцеслав), усевшись на месте приора, держал на левом колене (3, 1197). Крестный ход по монастырю завершился зауспокойной молитвой *Ad te levavi* на братских могилах. После 10-дневного пребывания генерал вместе с приором отправился в Люблин, где, как автор «Записок» сообщил значительно позднее, обсуждался вопрос об отделении от Польской провинции, при этом речь шла о распределении финансов и власти. Первым же реальным результатом высочайшего визита оказалось приглашение восьми монахов в Италию для обучения. Отец Венцеслав в эту группу не вошел по возрасту и не смог поехать вместе с ними из-за отсутствия денег, которые он просил у деверя неоднократно, но не получил.

Между тем в монастыре образовались две партии – сепаратистов, к которым принадлежал о. Венцеслав, и их противников. Приор Львовского конвента Андреас, уже с 1586 г. возглавлявший монастырь и пытавшийся восстановить мир, был в октябре 1595 г. смещен провинциалом Феликсом Вежно¹³⁰. Его место по воле провинциала¹³¹ занял о. Венцеслав, действовавший активно и обращавшийся непосредственно к магистру¹³². В должности субприора *in capite*, в которой о. Венцеслав пребывал четыре месяца (с 27 октября 1595 г. до 29 февраля 1596 г.), автор «Записок», методично и последовательно давивший противников, сумел возбудить против себя братьев. В результате их жалоб и новой визитации провинциала в январе 1596 г., как явствует из архивных материалов Польской провинции, дело дошло до стычки между «провинциалистами и ге-

нералистами», по словам одного из монахов. А. Бус на основе этих материалов утверждает, что о. Венцеслав, глава «восстания», занимал передовые позиции в распре, проталкивая идею отделения от Польской провинции¹³³.

9 ноября 1595 г. состоялись выборы нового приора. Отец Венцеслав предложил свою кандидатуру (плоцкого приора Антонина), «генералисты» – Альберта Сеньковского. Каждая сторона отправила свои послания провинциалу, сепаратисты – тайно. Вспомнив проделки армянских хозяев при таможенных досмотрах, о. Венцеслав решил позаботиться о монастырских деньгах и актовых документах (привилегиях), хранившихся в ризнице, и передать их львовским городским властям. Дело, как и в молодости в экстремальных ситуациях, не обошлось, как пишет о. Венцеслав, без Божьей помощи. Ключи от ризницы были доверены четырем братьям, среди которых был и противник главного «сепаратиста». Один из хранителей ключа отбыл в Италию. Тогда храбрый защитник свободы отправился на разведку, и – о благодарение Богу! – ключ оказался в замке (З, 1219). А деньги и документы о. Венцеслав благополучно изъяс. А. Бус живо представила сцены тайных переговоров, незаметного прокрадывания смещаемого приора к ризнице и его благодарения Всевышнего за помощь. Впрочем, о. Венцеслав, трудившийся над этой частью «Записок» не ранее 1602 г. (и не позднее 1609-го)¹³⁴, честно признался, что обе стороны обманывали друг друга, но, разумеется, желали лучшего (З, 1219).

Смута в монастыре продолжалась до ноября. В конце января – начале февраля 1596 г. приором был Николай Мощчицкий, с 29 февраля того же года – Антониус Каспрович, тогда же ставший польским провинциалом. Таким образом, была проведена орденская административная реформа 1596 г. (З, 1222)¹³⁵.

Казалось бы, и о. Венцеслав мог быть доволен. Однако приор начал всюду назначать своих ставленников, изгоняя других монахов (З, 1240, 1241, 1243). Распря главы «сепаратистов» с главой новой провинции Св. Гиацинта (как она именовалась в 1596–1601 и в 1612 г.), то затухая, то разгораясь, продолжалась очень долго¹³⁶.

Некоторая стесненность в средствах, к которой патер так и не привык, видимо, поддерживала интерес к расходованию тех денег, обладателем которых он иногда становился¹³⁷. Если во время торговых поездок никаких распрей с хозяевами по поводу оплаты его услуг не возникало, а соответственно не было и конфликтов с ними, то, как ни странно, такой конфликт в 1599 г. вспыхнул из-за, говоря языком нынешней бюрократии, «нецелевого использования» 200 злотых, которые ему завещал львовский восковой литец (З, 1247). Груневег предназначал их на оклад иконы Божьей Матери, а приор, настоятель Львовского доминиканского монастыря, истратил их на строительство стены, часть которой впоследствии обрушилась, что Груневег констатировал с некоторым чувством если не злорадства, то доказательства своей правоты.

В июне 1599 г. приор не позволил о. Венцеславу сопровождать богатого львовского шляхтича в Рим на Святой 1600 год (юбилейный для христианства), несмотря на обещание того вознаградить монастырь щедрой милостыней. Монах обратился к провинциалу Феликсу Вержбно, который обещал привезти разрешение на поездку из Рима и посоветовал собирать деньги для этой цели за собственный счет без благословения и ведома приора и братьев (З, 1251–1253).

Недовольство братьев новым приором, в связи с этим сложности общения со светскими властями Львова, неудовлетворенность Римской курии, куда постоянно жаловались львовские доминиканцы, вынудила нового орденского магистра Ксавьера (по инициативе провинциала) просить папу Климента VIII изменить статус провинции Св. Гиацинта. В итоге 30 июля 1601 г. она была превращена в Конгрегацию, в которой, однако, некоторые монастыри считались принадлежащими Польской провинции¹³⁸. Осуществлять очередную реформу должен папский комиссар. В ожидании его прибытия всем львовским доминиканцам было запрещено покидать монастырь. Отец Венцеслав, во время приорства которого в монастыре началась «отвратительная война» (3, 1240), решил покинуть Львов на время пребывания там папского комиссара. Именно в это время он стал подчеркивать свое гданьское происхождение, противопоставляя себя и полякам, и руси. Подписывая письма, он, в отличие от других монахов, неизменно дополнял имя сообщением о месте рождения: «из Гданьска», «гданьчанин» (4, 1753, 1756, 1757).

Однако до этого произошел еще один конфликт с приором. В день памяти св. Раймонда в 1602 г. тот отказался соучаствовать в финансировании праздника, пожалев 10 злотых и отговорившись занятостью в солодовне. Через две недели – к всеобщему убытку – сгорела и она, и пивоварня, которыми приор очень гордился (3, 1273).

День св. Раймонда приходился на 7 января 1602 г., объявленного последним юбилейным годом Иисуса Христа. В честь этого на колокольне вечером два часа горели огни. После полудня по рыночной площади и Руской улице состоялось шествие с хоругвями, возглавляемое архиепископом, пели монахи и звучала музыка, исполняемая на разных инструментах. Это был первый праздник, организованный о. Венцеславом (3, 1273). К сожалению, подробностей этого он не сообщил. Можно предполагать, что в условиях Контрреформации на территории будущей Украины он, как и его коллеги, а также львовские ратманы, попытались возродить нечто похожее на средневековые мистерии, разыгрывавшиеся на рыночных площадях вплоть до эпохи Реформации¹³⁹.

В феврале 1602 г. к магистру была направлена делегация из пяти монахов с просьбой принять монастырь под руководство не польского, но итальянского провинциала и сменить приора. Письма и устные обращения отчасти помогли. 21 марта 1602 г. приором был избран Лаврентий Суликовский, каменецкий приор. 11 апреля он появился в монастыре (3, 1274). Распрю окончательно должен был разрешить папский комиссар. Однако, как с грустью заметил о. Венцеслав, из поляка не сделаешь итальянца, даже если тот и пребывал некоторое время в итальянском монастыре (3, 1276)¹⁴⁰. Он понимал, что в Польше невозможно ввести итальянский устав и все его усилия тщетны, а посему якобы решил выехать в Италию на время пребывания папского посланника в Польше (3, 1276), тем более, что папа Климент VIII буллой от 19 мая 1599 г. приглашал всех в Рим на юбилей. Провинциала в апреле 1601 г. призывала туда необходимость избрания нового генерала доминиканского ордена¹⁴¹. Но о. Венцеслав, которого смущало любопытство будущих спутников («я должен был бы нести их глаза в своем кошельке»), отказался его сопровождать. Через друзей в Риме¹⁴² он испросил у папы лицензию (подорож-

ную) в Рим и получил ее. Накануне путешествия, в условиях эпидемии, бушевавшей с июля до декабря на Руси (только во Львове она унесла несколько тысяч человек. З, 1277), в Подолии, Мазовии, Пруссии с Гданьском и Кенигсбергом, он обратил в католичество многих людей.

Римское путешествие

17 мая 1602 г. о. Венцеслав наконец выехал из Львова, не оповестив ни приора, ни братьев, «выехал, как из огня» (З, 1281). 27 июня 1602 г. через Оломоуц, Вену, Каринтию прибыл в Рим (З, 1329). Его попутчиком стал Павел Доминик Хепнер, будущий студент-медик в Падуе¹⁴³ и ратман во Львове (З, 1278).

Индивидуальное паломничество о. Венцеслава в Рим составило определенный этап его монастырской жизни. Его собственные объяснения причин поездки – юбилейный год и желание причаститься вечным святыням Рима – оставляют чувство некоторой неполноты и умолчания о каких-то иных обстоятельствах. Это чувство усугубляет и «римская часть» «Записок», пожалуй, наименее интересная, так как она сильно напоминает переложение первых путеводителей по Вечному городу, практически лишенное эмоциональной окраски. Пребывание в Риме похоже скорее не на паломничество, а на «спортивную» гонку по храмам, как будто целью путешественника было поставить рекорд количества увиденных храмов. Индивидуальной особенностью этого текста является финансовый отчет бывшего «счетовода» о его расходах в Риме, где посещение 81 церкви за четыре дня (то есть по 20 храмов в день) обошлось в 20 польских злотых (З, 1353). В течение всей римской поездки он настолько тщательно отмечает мельчайшие расходы, что создается впечатление «финансового отчета по командировке». О расходах на жилье он ничего

не пишет, не исключено, что его приютила Польская коллегия, основанная кардиналом Станиславом Хозием (1558–1579).

Наиболее подробно, но так же деловито, как и раньше, паломник рассказал о Лорето, куда попал по чистой случайности: попутчика в Ассизи на родину Франциска Ассизского не было, зато

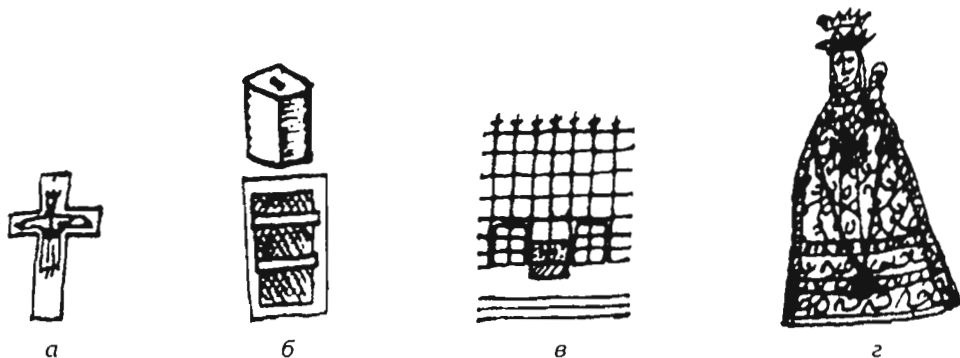
Собор Св. Петра в Риме

в Лорето таковой нашелся. Это деревня, которая быстро перерастает в город, растянувшийся по побережью Адриатики, как длинная улица. На ней продают лишь четки и иконы. Рядом с храмом – красивый дворец кардинала, а в самом храме – домик, в котором родилась «Небесная королева», перенесенный ангелом из Галилеи и оказавшийся в лесу. Он считается самым святым местом на земле. Однако автор не очень почтительно сравнивает его с большим ящиком, искусно и с большими затратами созданным из белого блестящего камня.

Он обложен досками с житиями Девы Марии, пророков, евангелистов, а на самом верху нечто вроде балясин, на которых благодарные Деве Марии за помощь воины укрепляют свои щиты и флаги¹⁴⁴. Отец Венцеслав замечает и окно, через которое проник архангел Гавриил с благой вестью, подробно описывает не только внутренность храма (крест с коронованным Христом, ящик для сбора подаяний, предусмотрительно огороженный решеткой), но и атмосферу, царящую в нем: от сотен горящих лампад и свечей поднимается туманный столб дыма. Именно этим он объясняет темный лик изображения Св. Марии, авторство которого он приписывает св. Луке, но сомневается, было ли оно написано или вырезано. Младенец Иисус Христос, сидящий на левой руке «Управительницы мира», правой рукой благословляет мир, а в левой держит «имперское яблоко» – символ Вселенной. На голове Девы Марии с распущенными волосами находятся две золотые короны, верхняя меньше, чем нижняя. На ее одеянии, выбитом из золоченого свинца, с шеи почти до пола спу-

Внутренний дворик собора Св. Петра

Крест с распятым Христом в короне (а), ящик для пожертвований (б) и его ограждение в храме (в), статуя Богородицы Лоретской (з).

Рисунки М. Груневега

скается золотая цепь, увешанная драгоценностями со сверкающими камнями. В казне «Небесной Девы» уже тысячи знаков католической любви к ней, но поток благодарностей за совершенные ею чудеса не иссякает, их описание составило уже целую книгу¹⁴⁵. В заключение рассказа о посещении Лорето о. Венцеслав позволил себе единственное «лирическое» отступление: «Мне кажется, что это место в один момент размягчает самые жестокие сердца» (3, 1402–1406). К сожалению, в своем сочинении он нигде больше не вспоминал о нем...

На обратном пути паломник выбрал морскую дорогу, оказавшуюся небезопасной из-за сильного ветра, который «Господь утишил», в изложении автора, только ради него (3, 1408–1409). Впрочем, остались другие опасности. На море хозяйничали «сарацины», грабившие корабли, но не тронувшие тот, на котором находился патер. В Болонье он нанял лошадей и добрался за три венгерских гульдена до Равенны, за два – до Феррары и за лва с половиной – до Падуи, а затем наконец до Венеции, где увидел, как делают знаменитое венецианское стекло (3, 1410–1416), а оттуда пустился прежним путем обратно, но не во Львов, а в Корону.

А здесь всю свирепствовала эпидемия, занесенная из Кенигсберга. В связи с этим о. Венцеслав замечает, что болезнь способствовала возвращению верующих в католичество, весь городской совет чешского Оломоуца состоял из католиков (3, 1423). Ему предложили задержаться там, пока не утихнет эпидемия, но он отказался, поскольку «его требовали в Польшу» (3, 1422). В Ратиборе же он принял аналогичное приглашение, так как получил послание комиссара о масштабах эпидемии. В ратиборском монастыре, основанном до 1285 г., где приором и субприором были его знакомые львовяне, он пробыл с 5 сентября по 13 декабря 1602 г. В это время он часто проводил богослужения у разных алтарей и в разных храмах, среди которых был и храм иезуитов Петра и Павла, поставленный королем по инициативе Петра Скарги (6, 10, 12, 14, 15, 17, 22, 29 сентября, 8, 10, 13 октября). 18 сентября отправил послание провинциалу, 13 декабря 1602 г. получил приглашение приора вновь занять место субприора во Львове¹⁴⁶, но отказался в надежде на устройство «в тихом и спокойном месте». 17 декабря добрался до Кракова, где его гостеприимно приняли папский комиссар, провинциал и приор доминиканского монастыря. После службы св. Станиславу в замковой церкви там же ознакомился с сокровищами, привезенными кардиналом Урсино королю Ягайло в 1424 г., в их числе был и гвоздь, которым Иисуса Христа прибавали к кресту, и подаренный императором Карлом II Болеславу Храброму гвоздь св. Маврикия (3, 1428). Отец Венцеслав успешно отчитался перед комиссаром (3, 1428)¹⁴⁷. Из-за недостатка места в краковском монастыре уехал в Бохню, поскольку надеялся получить там отдельный покой, так как вместе с другими жить не мог (3, 1429). В декабре и феврале–марте 1603 г. находился в Кракове. После этого комиссар снова направил о. Венцеслава в Бохню, здесь он впервые исполнил заупокойную службу рода Мишковских, на что Зигмунд и Александр Мишковские пожертвовали в монастырь 5000 злотых с условием вечной четырехкратной в год службы по своим усопшим (3, 1429). Будучи в Польше, он несколько раз имел возможность в Величке познакомиться с техникой добычи соли в шахтах, похожей на добычу угля¹⁴⁸, и ее вываркой (3, 1430, 1431), и монастырским хозяйством, в частности пивоварней, для ко-

торой в Кракове специально был куплен дом на рынке за 25 «марок» (по 48 грошей) (3, 1432).

В 1603 г. произошла еще одна церковно-административная реформа: Русские провинции вместо провинциала должен был возглавить генеральный викарий и были разделены Польская и Руская провинции, причем каждый священник получил право выбора. Отец Венцеслав остался в Польской провинции, поскольку провинциалом там был его старый знакомый Войцех Сенковский (3, 1433). От должности приора в Бохне он отказался (3, 1434), объясняя это стремлением к жизни в тихом уголке.

Однако вопреки этой декларации оказался приближенным к королевскому двору. Именно в начале XVII в. о. Венцеслав впервые увидел короля Сигизмунда III и 9 ноября 1603 г. даже провел службу в честь св. Станислава в одноименной дворцовой церкви в присутствии короля и всего двора. В это же время в сферу его общения попали не только духовные лица, но и люди, обслуживавшие духовную элиту: Софья, книгопечатница, после 30-летнего лютеранства вернувшаяся в лоно католической церкви, королевский переплетчик книг Бальцер (3, 1455). Ехать же во Львов, куда его приглашали два ратмана, о. Венцеслав, однако, отказался (3, 1449, 1450).

Духовный отец Марины Мнишек и его крах

Краков, как и его окрестности, в частности Бохня, стал основным местопребыванием автора «Записок» до 1605 г., когда он перебрался в Плоцк¹⁴⁹.

27 апреля 1606 г. датируется последняя запись в его сочинении. Она стандартна – отчет о богослужении в костеле Св. Троицы, принадлежащем доминиканскому монастырю. Завершает этотopus обращение к Троице: «Эта Троица, Бог Отец, Сын и Святой Дух, да будет вечно с вами их молитвой нераздельно сила и мощь да даруй нам всем достигнуть вечной радости. Аминь, аминь, аминь». После этой нестандартной молитвы, резко отличающейся краткостью от всех предшествующих религиозно-философских вставок в «Записки» следует дополнение: «Братская любовь / вот / начало и конец, / потому и худо».

Никакого объяснения прекращения работы над «Записками» автор не дает. Последняя же запись за предшествующий 1605 г., может быть, содержит ключ к этой загадке. Она гласит: «В это же время (речь идет о декабре 1605 г.: – А.Х.) перед королевской свадьбой состоялось обручение Марины, дочери львовского воеводы по фамилии Мнишек, с Дмитрием, «великим князем московским», что меня очень утешило, так как во Львове я был ее духовным отцом» (2, 1466). Вторая свадьба Сигизмунда III Вазы – снова с внучкой австрийского эрцгерцога Карла Констанцией – состоялась 11 декабря, а обручение Марины Мнишек с Лжедмитрием I – 22 ноября. Общепринято считать, что Марина Мнишек родилась около 1588 г., а о. Венцеслав покинул Львов в 1602 г., когда ей было уже 14 лет. Так что вполне можно допустить, что она успела побывать в роли духовной дочери о. Венцеслава.

Лжедмитрий I. Гравюра. Неизвестный мастер, XVI в.

крымского вторжения в 1498 г. На рубеже XV–XVI вв. Тенчинская с сыном восстановили все сооружения¹⁵². В 1585 г. за смену обветшавших деревянных построек (монастырские стены разваливались, а внутри каменными были лишь погреба) принялся Юрий Мнишек. К 1594 г. храм уже был готов, покрыт глазурированной черепицей, внутри был поставлен орган.

Привезли огромные кучи камня для обновления стен. Доминиканский монастырь в Самборе соседствовал с бернардинским (его приезжие доминиканцы тоже посетили) и королевским двором, который поставил Стефан Баторий. Королевская резиденция отличалась богатством отделки покоев, капеллы и имела привлекательный сад. Гости по приглашению воеводы Мнишка посетили его – и не один раз. 28 июля о. Венцеслав провел мессу в храме Св. Екатерины, участвовал в отпевании какого-то шляхтича и вместе с приором опять отправился осматривать королевские покои. Гости провели в Самборе еще два дня и 30 июля выехали в Пшемысл. Можно допустить, что именно с этого времени или несколько позже Марина, уже 6–7-летняя девочка, стала духовной дочерью о. Венцеслава. В это время он был духов-

Марина Мнишек. Портрет. Неизвестный мастер, XVI в.

ным отцом многих знатных девиц, нашедших свою судьбу в доминиканском монастыре Львова. Однако позднее, уже в XVII в., связи с Мнишками прервались. Успел ли первый духовный отец внушить Марине какие-либо представления о далекой и загадочной России, неизвестно. Разговаривал ли он с ее отцом о богатстве этой соседней страны и о слабости государственной власти в ней, тоже неизвестно. Каково было его отношение к России после сближения с Петром Скаргой, который очень благоволил о. Венцеславу (З, 1428), тоже трудно установить.

Во всяком случае, несомненно одно – бернардинцы заняли его место. На торжественный акт обручения в доме ксендза Фирлея, ради этого случая объединенном с соседним домом Монтелупи на Рыночной площади Кракова, где жениха представлял дьяк А.И. Власьев, присланный в Речь Посполитую еще в ноябре 1604 г., и где присутствовал сам король Сигизмунд Ваза со своим двором, высшие церковные иерархи, папский нунций Клавдий Рангони и иностранные дипломаты¹⁵³, о. Венцеслава не позвали, хотя проводивший церемонию краковский кардинал Бернард Мацевевский был с ним знаком еще в свою бытность краковским епископом (т.е. в 1603 г.).

Так что же утешило о. Венцеслава? Видимо, надежда на то, что его духовная дочь обретет свое счастье в той стране, где ему оно светило, где ему было бы хорошо, кабы не жестокие законы.

Мы не знаем, как быстро вести о смерти «великого князя московского» и сопровождавших Марину Мнишек бернардинцев достигли Плоцка, но не поставить в связь неожиданного прекращения записей и Марининой катастрофы, на наш взгляд, нельзя. Ее беда выбила перо из руки столь рьяного писателя, каким он был ранее, и, может быть, даже зародила червь сомнения в небесном покровительстве ему. Кажется, до 1609 г. о. Венцеслав оставался в должности исповедника в Плоцком женском доминиканском монастыре (З, 1431) и завершил свою духовную карьеру в доминиканском монастыре в Варшаве (с 1609 по 1615 г.¹⁵⁴).

Подводя итоги автобиографическим сообщениям Груневега, необходимо попытаться понять и восстановить душевный мир мемуариста. Робкий, неуверенный в себе ребенок вырос в юношу, достойного сына гданьского бюргерского мирка – великого «счетовода» и практика торговли, но не выдержал напряжений этого кочевого труда и не был удовлетворен собственными успехами на этом поприще¹⁵⁵, сопряженном с необходимостью постоянно преодолевать неожиданные трудности.

На фоне неудовлетворенности произрастали фанатичный мистицизм и желание взять реванш на новой стезе. Ревностный служитель католической церкви, произведенный в мастера конверсии, страстно взялся возвращать в ее лоно отпавших в лютеранство¹⁵⁶. Однако и этот труд оказа-

Печать г. Плоцка с гербом города

лся ему, в последние годы страдавшему от почти постоянных головных болей, не по плечу.

Завышенная самооценка, уверенность в постоянной опеке Господа Бога, неустанно пекшегося о сохранении брэнного тела и духовном спасении души о. Венцеслава, в конце концов подвели его. Крах его духовной дочери в России нанес ему удар, от которого патер оправиться не смог.

Примечания

- ¹ Город, расположенный на Балтийском море в самом низовье р. Вислы в устье р. Мотлавы, фактически был воротами Польши в торговый мир Северной Европы. Связанный речными путями с Центральной Польшей (*Szulist Wl.* 1972. Z. 2, S. 161), он постоянно был обеспечен продуктами сельского хозяйства, на которые в связи с буйным ростом промышленности предьявляла спрос западная часть континента. В результате Тринадцатилетней войны Гданьск в 1466 г. был окончательно инкорпорирован в Корону Польскую, получив права свободной торговли без новых мыт на Висле, полного самоуправления, регулирования плавания в порту, чеканки собственной монеты – золотой и серебряной, с орлом или королевским изображением, издания цеховых статутув и городских правил и употребления красного воска для печатей (*Bogucka M.* 1967. S. 12–13).
- ² Их двухэтажный дом находился недалеко от Мариинского собора и Рыночной площади, что само по себе свидетельствовало о статусе семьи (см. план Главного «мяста» Гданьска). Собор был основной и массивной вертикалью города – «небоскребом» средневекового Гданьска, выше которого была только ратуша Главного «мяста».
- ³ *Monluc B. de.* 1971. P. 32; *Hale J.H.* 1985.
- ⁴ *War, Literature and Politics* 1989. P. 4; *Ferry A.* 1989. P. 101–118.
- ⁵ *Рогачевский А.Л.* 1989.
- ⁶ В это время впервые привезли из Чехии зеленое сукно, которое благодаря доступной цене стало традиционной одеждой крестьян.
- ⁷ В Гданьске оно получило большое распространение. Почти исчезли даже католические школы, смененные лютеранскими (*Wielka księga miasta Gdańska* 1997. S. 559).
- ⁸ 28 марта 1556 г. дед получил квитанцию о полном расчете с компаньоном (1, 262).
- ⁹ *Bues A.* 2008, 4. S. 1492.
- ¹⁰ Смена фамилии стала поводом для длинных рассуждений его сына о происхождении собственной фамилии (1, 251).
- ¹¹ Иоанн Бокельзон (1509–23.01.1536), уроженец Утрехта, по специальности портной, рьяный проповедник анабаптизма, за что и был обезглавлен воинами мюнстерского архиепископа вместе с некоторыми сподвижниками.
- ¹² Отчим Мартина в 1572 г. удивлялся обилию, прежде всего, отцовских инструментов, а также объему домашней библиотеки.
- ¹³ *Bogucka M.* 1967. S. 108–109.
- ¹⁴ *Gaunt D.* 2009. P. 13.
- ¹⁵ Сигизмунд I – великий князь Литовский и король Польский (1506–1552).
- ¹⁶ *Dingel I.* 2009. S. 193, 194, 196.
- ¹⁷ Схожая атмосфера сложилась не только в Гданьске, но и во Львове, и во многих других городах, выросших на давних торговых путях в эпоху меркантилизма. Недавно один из исследователей «Записок» считает, что Груневег – «дитя... экономического подъема, использовавшего интернациональные контакты» в условиях многоэтничности собственной страны и соседних» (*Gaunt D.* 2009. P. 15).

- ¹⁸ Здесь-то и началось его обучение латыни, немецкому и греческому (1, 442–445). Выбор языков показателен для прусского города эпохи Реформации.
- ¹⁹ Он много и часто болел, не только обычными детскими хворобами – зубы, глисты и т.д. (1, 380, 392), – но и более серьезными: с ночными кошмарами и разными видениями: так, в алтаре Св. Катерины ему было видение, потом еще одно. Вернулся домой с ревом (1, 401). По мере взросления эта особенность не исчезла. Он по-прежнему часто болел во время торговых поездок в Дрогичине (2, 592), в Нуре (2, 605). На обратном пути 16 июня 1584 г. около греческой деревни, недалеко от Шейди, Мартин вымылся и простудился, дыхание застряло в горле, и так три часа (случилось нечто вроде ложного крупа). Из деревни пришли 50 женщин, разложили костры, обложили его горячими полотенцами, дали горячего вина, кашель кончился (2, 869). Но окончательно поправился он только 22 июня после визита итальянского доктора в Адрианополе.
- ²⁰ Детская и подростковая впечатлительность на религиозной почве – отнюдь не редкий случай, даже в Новое время. В детстве будущий профессор Казанского ун-та Дмитрий Александрович Корсаков (1843–1919) отличался мечтательностью и крайней религиозностью. Видения Страшного суда травмировали детскую психику (Мухамадеев А.И. 2003. С. 143).
- ²¹ Ср.: Untersuchungen 1981.
- ²² Участие женщин в розничной лавочной и мелкооптовой торговле отнюдь не редкость для того времени (Bogucka M. 1967. S. 113–115).
- ²³ Со своим будущим вторым мужем она была знакома с 1568 г., когда первый муж с сыном нечаянно оказались на казни гданьских моряков, она уже дома принимала будущего отчима Мартина (1, 355).
- ²⁴ Дом был, по крайней мере, двухэтажным, как и большинство других сооружений. Об этом можно судить по первым гравюрам с изображениями Гданьска 1573 и 1592 гг. Г. Хогенберга и А. Моллера.
- ²⁵ Практика подобного рода была широко распространена (Kochanowicz B. 2009. S. 308).
- ²⁶ 1, 429 f., 443; Bues A. 2008, 4. S. 1514, 1539; PSB. T. 35. S. 631.
- ²⁷ Духовой инструмент, предшественник гобоя (сообщено Ф.М. Софроновым).
- ²⁸ Hirsch Th. 1850. S. 83.
- ²⁹ Оно было настолько сильным, что шлюзы не выдержали, и семга плавала по улицам Гданьска (1, 467).
- ³⁰ Таковым он и оставался на протяжении всей жизни Груневега и в XVII в. (Bogucka M. 1970; О доходности этой гданьской торговли см.: Mączak A. 1974. S. 212–221).
- ³¹ Bogucka M. 1967. S. 21–22. Уже на исходе деловой карьеры Груневега появилось пособие по метрологии и денежной системе Пруссии (Brodock D. 1587).
- ³² Отношения Сигизмунда II Августа с Гданьском складывались очень непросто. Началось с инцидента 1552 г., когда при въезде короля в город его чуть не ранил оторвавшийся от неумеренной торжественной пальбы в его честь кусок карниза ворот, под которыми тот находился. Особенно обострились отношения, когда король ввязался в борьбу за господство над Балтикой: он создал Морскую комиссию и отряд каперов, которые должны были блокировать торговлю с Россией в Нарве. Он рассчитывал получить с города и дополнительные доходы на свои военно-морские предприятия и потребовал введения новой пошлины и уплаты 100 тыс. злотых одновременно. Для сбора этой пошлины в порту была сооружена Камера палова (Bogucka M. 1967. S. 52).
- ³³ Их головы были выставлены у одних из ворот города. Королевскую комиссию в город не пустили (Bogucka M. 1967. S. 52). Даже спустя много лет автора «Записок» не заинтересовали последствия этого трагического для города противостояния королю: он отнял у патрициев право финансового контроля, даровав вместо этого право кооптировать в раду новых членов, разумеется, родственников прежних.

³⁴ Bues A. 1998. S. 120–121.

³⁵ «В Польше он оставил роскошные шпалеры с изображением Троянской войны, привезенные из Франции для поднятия своего престижа в новом королевстве. Спустя 8 лет они продавались за многие тысячи золотых» (2, 622).

³⁶ Bues A. 2008, 3. S. 1513–1514; Ibid. S. 105.

³⁷ Dingel I. 2009. S. 205.

³⁸ Даже в тяжелых условиях торговой поездки Мартин упорно отказывался от этого напитка, который, по мнению спутников, мог бы поддержать его силы (2, 591).

³⁹ Бутылкой английской водки и торуньским перцовым пирогом мать несколько позднее снабдила г. Керстена, первого хозяина уже 17-летнего Мартина (2, 564).

⁴⁰ Bogucka M. 1967. S. 175.

⁴¹ В 1577 г. Стефан Баторий запретил хлебную торговлю в Гданьске – зерно стали экспортировать из Торуня и Эльблонга. Гданьск вынужден был пойти на попятный: в декабре 1577 г. гданьчане принесли присягу в Мальборке и выплатили 200 000 злотых – штраф Стефану. Вопрос о «паловом» остался до сейма, хотя еще 26 февраля 1575 г. за выплату половины этой пошлины король обязался впредь не нанимать капелеров. Власть патрициата над бюргерством была усилена (Bogucka M. 1967. S. 54–55).

⁴² Традиция восходит к марту 1000 г., когда император Оттон III в Гнезно у гроба св. Войцеха, согласно сообщению Галла Анонима, увенчал собственной короной польского короля Болеслава Храброго. На съезде в Гнезно была основана архиепископия, глава которой и в дальнейшем венчал польских королей (Галл Аноним 1961. С. 34).

⁴³ Ср.: Simson P. Bd. 2. 1918–1924. S. 294.

⁴⁴ Бюргеры Гданьска долгое время оставались сторонниками Максимилиана Габсбурга (Leitsch W. 2000. S. 293, 297–299; Leitsch W. 1997. S. 263).

⁴⁵ Подозревая доминиканцев в поддержке короля, протестанты в 1576 г. напали на монастырь и поселили там шотландских наемников «аугсбургского вероисповедания». Доминиканцы вернулись лишь в 1578 г. (Wielka księga miasta Gdańska 1997. S. 567). Монастырь прекратил свое существование после смерти последнего монаха в 1835 г. (Ibid. С. 575).

⁴⁶ Bogucka M. 1967. S. 408–459.

⁴⁷ Pawiński A. 1877; Lepszy K. 1933. S. 82–136.

⁴⁸ Этот камень был, однако, тяжеловат для головы Сигизмунда II. За два года до рождения Мартина королю с трудом удалось подавить волнение соотечественников Груневега. И хотя в результате в гданьской ратуше, как и в ратушах других городов, появился символ верховенства над «городской республикой» – королевский портрет, художник так изобразил головной убор, надвинув его на глаза, что не видно было, кого этот портрет изображает (Augustyniak U. 1999. S. 105).

⁴⁹ Разумеется, Груневегу остались неизвестными попытки России вмешаться во внутренние дела Речи Посполитой, с самого начала обреченные на неудачу, в том числе и в связи с претензиями Габсбургов на те же земли Речи Посполитой, которые в Москве считались наследственным достоянием последнего Рюриковича – Киев и Вольнь (ПДС. Т. I. С. 635).

⁵⁰ Варшава в отличие от Гданьска сохранила верность католицизму, хотя лютеране и евангелисты, не имея права получить варшавское бюргерство, жили вполне спокойно (Bues A. 2008, 3. S. 1543). Ср.: Schramm G. 1963. S. 557–569; Soltan A., Klos P. 1997. S. 5–23.

⁵¹ Таможни сооружались по-разному – даже в пределах одного государства. В Османской империи, например, в Хотиме огороженный стенами двор, обычно переполненный повозками, а в Константинополе – просто поле, находившееся между морем и городской стеной (2, 759). На обратном пути оттуда купцы выезжали через целый квартал под названием «Старая таможня».

- ⁵² Керстен вскоре после поступления к нему Груневега затеял судебный процесс в Люблине против гданьского купца, погряз в нем и в августе 1581 г. разорился, когда его заимодавцы во всех городах, куда ездил Груневег, одновременно потребовали своего (*Bues A.* 2008, 4. S. 1520).
- ⁵³ В своих «Записках» Груневег с удовольствием развил эту тему (2, 565–570).
- ⁵⁴ Будущему хозяину Мартина Богдану (Ашвадуру) в 1582 г. Керстен был должен 1000 гульденов (2, 678).
- ⁵⁵ При доставке товара в королевский дворец на нем была шапка, подбитая прекрасной чернобуркой (*schwertzenmermel foxe*) (2, 620).
- ⁵⁶ Мать не поддерживала идею поездки в Москву и адресовала сына к господину Филиппу Шлихтингу, урожденному гданьчанину, известному знатному бюргеру Варшавы и хорошему католику, который, угождая матери, постоянно присматривал за Мартином. Ганс Цандер, опекун Груневега, также был против этой поездки (2, 623). В походе Стефана Батория на Россию в 1580–1561 гг., куда, скорее всего, отправился и Керстен, среди «запорожских казаков», 30 марта 1581 г. получавших расчет – сукно и деньги за выполненную воинскую работу, было 2,5 % казаков (11 человек из 500) с прозвищами «москвичин» и «московичанин» (*Дзира Р.* 2004).
- ⁵⁷ *Kapral M.* 2009. S. 82.
- ⁵⁸ АЮЗР. Т. II. № 48. С. 74.
- ⁵⁹ *Ковальский Н.П., Борjak Г.В.* 1996.
- ⁶⁰ *Gaunt D.* 2009. P. 13–14)
- ⁶¹ См. подробнее: *Bues A.* 2009.
- ⁶² К сожалению, сведения о русской караванной торговле имеются лишь в дипломатических документах, тщательно фиксирующих потери княжеских и царских представителей и сопровождавших их купцов в результате нападений крымских татар (Сб. РИО. Т. 41. № 65, 81 и др.), но не содержащих данных о самих караванах.
- ⁶³ Груневег упоминает только о ввозе в Речь Посполитую так называемых «добруджских лошадей» с османской территории из г. Баба (2, 817) и элитного арабского скакуна.
- ⁶⁴ Свистковая флейта высокого регистра конструкции парижского мастера В. Жовиньи начала 80-х гг. XVI в.
- ⁶⁵ Таким же образом охранялись волжские торговые суда в XVII в.: насады снабжались ружьями, мушкетами и даже пушками, вместе с купцами плыли и стрельцы (*Вулик Е.З.* 1923. С. 62).
- ⁶⁶ Термин бытовал уже в начале XVI в. (LM-8. № 7. L. 51).
- ⁶⁷ 2, 915. Эта особенность восприятия Груневегом каравана отмечена и А. Бус.
- ⁶⁸ Например, когда Груневега пытались продать паше (2, 1026).
- ⁶⁹ *Bues A.* 2005. S. 439.
- ⁷⁰ *Ibid.* S. 432.
- ⁷¹ В караванах российского купечества образовывались даже котловые «товарищества»
- ⁷² *Bues A.* 2005. S. 738.
- ⁷³ Такой (*bettsack*) был и у Груневега, он выкинул его перед поступлением в монастырь (3, 1259).
- ⁷⁴ *Kolodziejczyk D.* 2009. S. 168.
- ⁷⁵ Сигизмунд II Ягеллон (1552–1572).
- ⁷⁶ *Kolodziejczyk D.* 2000. S. 269–283.
- ⁷⁷ *Idem.* 2009. S. 170.
- ⁷⁸ *Berger A.* 1994. S. 393–396.
- ⁷⁹ Как локационные, так и магдебургские привилегии предоставляли городам право проведения ярмарок, в подавляющем большинстве одной-двух в год (*Заяць А.* 2003. С. 100). Благодарю А.В. Бортникову за присылку ксерокса этой книги.
- ⁸⁰ *Poděiko P.* 1997. S. 14–22.

- ⁸¹ Правда, там действовали армянские церкви без креста и колоколов и отмечались двенадцатые христианские праздники. Так, на Пасху 1582 г. разыгрывалась итальянская комедия (2, 1019).
- ⁸² *Bues A.* 2005. С. 436.
- ⁸³ Землянин Степан Пацкович в ноябре 1584 г. вынужден был из-за этого отказаться от мостовничества «по дороге звыклой великой з Менска до Киева идучой» (МВКЛ-70. № 146).
- ⁸⁴ Зато там прощупывали все емкости металлической «суковатой» палкой (2, 707).
- ⁸⁵ При благоприятной погоде караван делал по пять миль в день (2, 874).
- ⁸⁶ 7 января 1584 г. аренду на старые и новые мыта («цла водные») в Ковно, Бресте и на Двине продлил минский каштелян, земский подскабий Ян Глебович (МВКЛ-70. № 45).
- ⁸⁷ *Білоус Н.* 2008. С 151, 186.
- ⁸⁸ Там же. С. 51, 56, 190.
- ⁸⁹ *Haczewska B.* 1998.
- ⁹⁰ Ввоз в Турцию талеров был очень выгодным. Причины этого Груневег объяснил очень подробно: талеры стоят от 40 до 60 аспр, покупательная способность их выше, чем у «нашего» гроша (2, 695), принимают талеры по весу, не обращая внимания на содержание серебра в нем. У турок ходят монеты, по размерам похожие на немецкие с рваными, как будто обрезанными краями – шахи, равные 8 аспрам, овальным монетам с такими же краями. 1 аспр=24 медным мангутам (2, 696). Их могут делать все, они даже без надписи в отличие от шахи и аспр. Аспры принимали в Каменце за 1/2 гроша.
- ⁹¹ Эта формулировка неслучайна. В европейских странах велась постоянная борьба с этим грехом (пример Брюгге см.: *Boone M.* 1996. Р. 135–153).
- ⁹² *Bues A.* 2008, 4. S. 1522–1533; Своим предшественником в подобной характеристике исследовательница считает П. Олинского (*Oliński P.* 2004. S. 123).
- ⁹³ Последний, итальянский, пример вообще смехотворен. Если считать «святое общение» (ein heiliger wandel) – в угоду нынешней моде и нравам духовенства – доказательством гомосексуализма, то всех святых придется зачислить в «голубых».
- ⁹⁴ Такое утверждение несколько напоминает трактовку отношений украинско-русского писателя Гоголя с его юным умирающим другом Йозефом Виельгорским.
- ⁹⁵ В этом отношении автор также расходится с мнением издательницы памятника, которая относит этот кризис к последней поездке Груневега в Константинополь в 1586 г. (*Bues A.* 2008, 4. S. 1523).
- ⁹⁶ *Bues A.* 2008, 4. S. 1342, 1345.
- ⁹⁷ *Ibid.* S. 222.
- ⁹⁸ *Simson P.* 1918–1924. S. 259.
- ⁹⁹ При этом он сопоставлял армян с ведьмами и волшебниками, поскольку приписывал и им обычай целования «чортовой задницы» (*Bues A.* 2008, 2. S. 989).
- ¹⁰⁰ *Bues A.* 2008, 4. S. 1635. Генеалогическое древо.
- ¹⁰¹ *Ibid.* S. 1516. Она, вся в слезах, ему снилась и в октябре 1582 г., якобы они оба смотрели, как Барбара движется к церкви. Мать говорила: «Если бы Мартин грезил о том же» (1, 766).
- ¹⁰² Особо он подчеркивает, что Софья совершила паломничество в Ченстохов, причем как раз перед его болезнью в июне 1586 г. (2, 1031).
- ¹⁰³ Впервые он упоминает ее в рассказе о видении ангела в июне 1586 г. (2, 1021). 14 сентября 1587 г. она., полагая, что Мартин – лютеранин, наставляла его перейти в католичество. Она же познакомила его с патерами Грегорио и Антонио, последний из которых и крестил Мартина (2, 1063).
- ¹⁰⁴ И. Дингель ищет причины обращения в католичество, явно не теологические, но обращает, в частности, внимание на то, что зять о. Венцеслава не присылал ему деньги

для поездки в Рим, несмотря на неоднократные просьбы (*Dingel I.* 2009. S. 209). Подобная позиция исследовательницы религиозных течений удивляет, равно как и ее, и М. Крачюн утверждение о роли «визуального» (красоты убранства храмов и алтарей, торжественности служб и облачений священников) в конверсии Мартина Груневега (ср.: *Sračun M.* 2009. P. 246–247). Еще один повод для «бегства в монахи» обнаружил Д. Гаунт, увидев его в желании хозяев Груневега женить его на армянке (*Gaunt D.* 2009. P. 19). См. подробнее: *Bues A.* 2008, 4. S. 1526. Однако и на этот раз она добавляет еще один мотив обращения – чувство вины за гомосексуальный опыт, с чем согласиться трудно.

¹⁰⁵ См. подробнее: *Oksanen A.* 1994. S. 52–55.

¹⁰⁶ *Матузова В.И.* 2005.

¹⁰⁷ *Dingel I.* 2009. S. 215.

¹⁰⁸ Скарга очень резко выступал и против «русской мовы», на которой велось богослужение в православных храмах Речи Посполитой, противопоставляя ей латинский и греческий язык, знаменитые во всем мире и имеющие словари и грамматики и пригодные для занятий науками (пересказывается по переводу Б. Гудзяка. См.: *Гудзяк Б.* 2000. С. 113–114. Здесь же и литература вопроса).

¹⁰⁹ В Виленской иезуитской типографии в 1577 г. вышла его книга «О единстве Божьей церкви под единым пастырем и об отступлении греков от этого единства», посвященная киевскому воеводе К.В. Острожскому, еще в 1567 г. желавшему познакомиться со Скаргой (*Krajcar J.* 1969. P. 193–214). Второе издание относится к 1590 г. О Скарге подробнее см.: *Tazbir J.* 1983. Иезуитская коллегия была открыта в Бранево, а семинар при ней насчитывал 300 будущих священников. В Полоцком воеводстве коллегия Общества Иисуса получила три села на Десне (МВКЛ-70. № 128. 20.03. 1584).

¹¹⁰ *Lulewicz H.* 2002.

¹¹¹ Здесь и описание коронации Сигизмунда III (*Bues A.* 2006b. S. 241–246).

¹¹² *Stopka Krz.* 2009. S. 141, 159, 161, 164.

¹¹³ Так, Николай Кристоф Радзивилл, передавая 15 февраля 1585 г. Андрею Скорульскому с. Побелье в Шавленской вол., объяснял причину подобного дара верной службой получателя во время посещения «далеких краин земель обчых» и «места Божого гробу» (МВКЛ-70. № 173).

¹¹⁴ Здесь, как вслед за Ф. Швентоховским (*Markowski F.* 1969. S. 101) считает А. Бус, у Груневега неточность. Эльжбета Острожская вопреки запрету своего опекуна Сигизмунда II Августа была увезена в 1553 г. из Острога Дмитрием Сангушко, который женился на ней. Супругам пришлось бежать в Чехию, где Дмитрий был убит Мартином Зборовским в 1554 г. (*Bues A.* 2008, 3. S. 1163).

¹¹⁵ *Bues A.* 2008, 4. S. 1602.

¹¹⁶ Впоследствии он неоднократно зывал Мартина к себе в гости, но тот отважился на такой визит только 19 мая 1596 г. Нурбек сам прислуживал ему за столом, собирался целовать ему ноги, но о. Венцеслав не позволил ему этого сделать (3, 1227). Нурбек скончался 23 января 1601 г. и был похоронен во дворе армянской церкви (3, 1268).

¹¹⁷ Это сообщение автора ставит под вопрос утверждение одной из исследовательниц, будто Груневег был «теологически мало образован», хотя спорить с И. Дингель о том, что он был «свидетелем времени, на котором ясно отпечаталось благочестие католической жизни», не приходится (*Dingel I.* 2009. S. 211).

¹¹⁸ Св. Венцеслав (Вацлав), мученик, чешский герцог (около 903/05–929 гг.) изображался рыцарем с мечом, копьем или со щитом с одноглавым орлом (*Bues A.* 2008, 3. S. 1167, прим. 2466).

¹¹⁹ Он с удовольствием отмечает, что у ног Венцеслава всегда изображали распростертого льва (3, 1167).

- ¹²⁰ Одно из них произошло осенью 1592 г. Под Добжинцем на пути о. Венцеслава и его спутников оказалась речушка, прыгать через которую кони отказались. Автор «Записок» попытался вскочить на одну из них, но не сумел и повис над потоком, при этом зацепившись ногами за кусты, сковывавшие его движения. Спутникам едва-едва удалось освободить неудачного прыгуна, зато они убедились в правоте инстинкта лошадей: поток был глубже, чем два человеческих роста (3, 1184).
- ¹²¹ Кажется, о. Венцеслав с неохотой расстался с этой должностью, хотя писал прямо противоположное. См. подробнее: *Vies* А. 2009. S. 292–293.
- ¹²² Параллельно он вступил в братство розенкрейцеров (25.03.1589) и братство Иисусова имени (29.03.1592).
- ¹²³ *Vies* А. 2008, 4. S. 1508. А. Бус подчеркивает и роль демографического фактора – вымирание первого поколения лютеран и кальвинистов.
- ¹²⁴ Неприятие славянских языков испытал на себе и о. Венцеслав, настолько хорошо говоривший по-«русски», что во Львове его принимали за бывшего члена православной «секты» (3, 1178). Примером подобной недоброжелательности братьев к местному населению – «руси» – послужил доминиканский патер Леонардо из Илува, который ни сам не общался с «русью», ни о. Венцеслава не допускал до этого. Даже попав 26 сентября 1592 г. под Добжинцем под проливным дождем на восстанавливаемый мост и чуть не утонув, он не согласился войти в «русский» дом и обсушиться, а ночевал в сарае, а наутро выговаривал о. Венцеславу, что тот осмелился даже принять пищу от «руси» (3, 1183–1184).
- ¹²⁵ *Vies* А. 2009b. S. 282.
- ¹²⁶ С 1599 г. он стал приписывать их запах от новых сооружений, покрытых известью.
- ¹²⁷ Православные братства во Львове, и прежде всего Успенское, набирали силу, ведя активную благотворительную деятельность (*Шустова Ю.Э.* 1999. С. 187–193).
- ¹²⁸ Орденская структура предполагала разделение по географическому принципу. Львовский доминиканский монастырь входил в состав Польской провинции, существовавшей с 1225 г. Магистрами ордена при Груневеге был Сикст Фабри (1583–1589), Ипполит Мария Беккариа (1589–1600), Иероним Ксавьер (1601–1607).
- ¹²⁹ *Vies* А. 2009. S. 283.
- ¹³⁰ *Ibid.* S. 286; *Vies* А. 2008, 4. S. 1705.
- ¹³¹ Монахи же были склонны к другой кандидатуре на эту должность – Антония Карнковского.
- ¹³² Сведения Груневеге о распре в среде монастырских братьев тщательно проанализированы А. Бус (*Vies* А. 2009. S. 281–300), использовавшей материалы архива Польской провинции доминиканцев в Кракове.
- ¹³³ *Vies* А. 2009. S. 288.
- ¹³⁴ *Ibid.*
- ¹³⁵ Разделение официально было утверждено генеральным капитулом в Валенсии в конце лета 1596 г. (*Ibid.*).
- ¹³⁶ В этой ситуации, когда патеру предлагали даже переехать в Вильно, он чувствовал себя не у дел и, более того, даже боязливо. В особенности после того, как ему приснилось, будто с помощью наставлений и увещаний сумел поднять с одра смерти человека, от которого отказались все доктора, что послужило предлогом для насмешек над «исцелителем» (3, 1245–1246).
- ¹³⁷ Так, его зять в 1593 г. прислал ему денег через слугу Нурбека.
- ¹³⁸ *Vies* А. 2009. S. 297.
- ¹³⁹ *Мокульский С.* 1936. С. 155–186.
- ¹⁴⁰ Впрочем, неурядицы продолжались и на другом уровне – главы прихода (*Pharhern*) и епископа, как это случилось в октябре 1602 г. (3, 1425).
- ¹⁴¹ Как стало известно во Львове 23 июля 1601 г., в мае был избран испанец Иероним Ксавьер.

- ¹⁴² Отец Венцеслав не называет имен своих римских покровителей, однако сам факт тесных связей доминиканца с папским престолом обращает на себя внимание. Не исключено, что Петр Скарга, благорасположенный к патеру, содействовал поездке.
- ¹⁴³ Италия, в том числе и Падуя, стала обычным местом обучения польско-литовской католической знати, в том числе и рассчитывавшей на духовную карьеру (*Bues A.* 2008, 4. S. 1587).
- ¹⁴⁴ Думается, почитание воинами Лоретской Богоматери неслучайно, ведь сама перемещение родного дома Иисуса Христа связана с завоеванием Палестины османами, а сооружение храма началось в 1468 г. (*Bues A.* 2008, 3. S. 1402), когда в христианской Европе зародилась идея антиосманского сопротивления и лиги.
- ¹⁴⁵ Это венецианский шеститомник *Oratio Torsellini* 1601 г., переведенный на немецкий Б. Хугом и оперативно изданный в Мюнстере в 1603 г. (*Bues A.* 2008, 3. S. 1496).
- ¹⁴⁶ Можно предполагать, что некоторая напряженность отношений православных и католиков во Львове, наступившая после заключения Брестской унии, послужила (наряду с внутрицерковными распрями) одной из причин его отказа от этого предложения.
- ¹⁴⁷ Это сообщение свидетельствует об официальном характере римской поездки.
- ¹⁴⁸ И, соответственно, похожими жертвами как в королевских солеломнях, так и в частных (3, 1430, 1433, 1442).
- ¹⁴⁹ «Записки» кончаются записью от 27 апреля 1606 г., сделанной именно в этом городе.
- ¹⁵⁰ Осенью (в октябре) 1594 г. был смещен давний приор Львовского конвента Андреас, который передал дела Груневеру (*Bues A.* 2009b. S. 286).
- ¹⁵¹ Беата Тенчинская – супруга Яна Петровича Одровонжа. Ян Янович, женатый на Анне Гарновской, – воевода бельский с 1508 г., староста русский – с 1511 г., староста самборский – с 1513 г.
- ¹⁵² *Bues A.* 2008, 3. S. 1205.
- ¹⁵³ *Козляков В.Н.* 2005. С. 52–55.
- ¹⁵⁴ *Bues A.* 2008, 4. S. 1533, 1638.
- ¹⁵⁵ Он не раз подчеркивал свое подчиненное положение: «У меня было трое хозяев».
- ¹⁵⁶ В качестве наибольшей удачи о. Венцеслав рассказывает о последователе и ученике Лютера. Все духовенство города во главе с епископом пыталось вернуть в католичество львовского немца Ганса Хенле, который в юности учился у Лютера. Тот, очень разумный, был крупным фактором. Отец Венцеслав зашел к нему 6 марта 1595 г. и начал его увещавать, обращая внимание на его возраст, близость смерти и опасности ада, и просил, чтобы тот вместе с другими людьми в это «милостивое время», перед Пасхой, принял во внимание свое будущее блаженство. Хенле воспринял увещевания и отдал на сожжение два больших дорожных ящика, полных «еретических» книг, 10 марта отрекся от прежней веры, 11 марта о. Венцеслав исповедовал его, а 12-го, в воскресенье, – сам отнес ему домой дары, к удивлению и радости всего города (3, 1211).

ТИП И СТРУКТУРА ТЕКСТА «ЗАПИСОК»

Жизнь этого гданьского немца четко разделилась на две почти равные по времени части: «светскую» Мартина Груневега – 1562–1588 гг. и «монастырскую» о. Венцеслава – 1587/88–1618 гг. В соответствии с этим и его «Записки», завершающиеся описанием событий 1605 г., следует рассматривать как две отдельные части¹, которые определяются оппозицией: тело и дух, человек и Бог, – выраженной в конкретных текстах, посвященных ей.

Говорить о едином стиле сочинения невозможно. Смеси трезвого рационализма гданьского бюрогера² – «великого счетовода» – с исступленной религиозностью человека эпохи Контрреформации, которому присущи обширные пережитки языческого пантеизма или антропоморфизма³, соответствует смешение стилей. Редкий раздел (в частности описание московской поездки) обходится без риторических вкраплений или видений⁴ и сновидений⁵ в стиле раннего барокко или проповеднических отступлений, накладывающихся на основной текст повествования и относящихся ко времени последнего редактирования текста.

Возвышенно-экзальтированному стилю многочисленных историко-философско-религиозных отступлений и даже отдельных разделов книги противостоит сухой деловой стиль типа дневниковых записей путешествий, в которых тщательно фиксируются расстояния между отдельными населенными пунктами, дается их характеристика с точки зрения застройки – церковной и светской (с акцентом на типы укреплений). Описание путешествия в Москву и пребывания там относится ко второму типу изложения.

Язык сочинения – немецкий, во владении которым сам автор сомневается, сообщая, что за последние 24 года только два года упражнялся в немецком, его знания поддерживает-де «старая немецкая книга» – воспоминания одного из предков. Он сознательно пытается сохранить родной язык гданьского детства (где сосуществовали, разделенные социально и территориально, восточносредне-немецкий Немецкого ордена и Нового города и восточно-нижне-немецкий). Хотя за годы пребывания во Львове он уже отвык от него, но, воздавая хвалу Богу на родном языке, он надеялся снова привыкнуть к родному языку «с помощью этого упражнения, несомненно, как всем известно, приносящего пользу». Автор преуспел в своем начинании, создав памятник, содержащий признаки и верхне-, и нижне-немецкого, и восточносредне-

мецкого диалектов и создав памятник языка, находившегося «на пути исканий»⁶.

«Записки» Груневега являются хронологическим изложением основных событий жизни автора, который стоит в центре повествования⁷. Такой тип повествования характерен не только для эпохи становления менталитета человека Нового времени, но и «для народного рассказа, создающего мир, увиденный глазами одного человека с его личным жизненным опытом и человеческим восприятием этого мира (безусловно, что этот жизненный опыт вписан в рамки той традиции, к которой принадлежит эта личность)»⁸, в данном случае северногерманской, некогда ганзейской бюргерской⁹.

«Записки» адресованы его родным¹⁰, замысел этого произведения «домашней письменности»¹¹, автор которого якобы не претендовал на публикацию¹², сложился на чужбине в тот момент, когда окончательно определилась его скитальческая судьба, не оставившая надежд на возвращение на родину. В начале сочинения он объявляет, что написал его специально для своих родственников. И повторяет это неоднократно. Со ссылкой на Тита Ливия Груневег пишет: «Нет ничего более сладкого и драгоценного, чем вспоминать родину» (1, 33, 263). И от себя добавляет: «Каждого тянет на родину... как магнит притягивает железо». При этом он приводит пример собственной матери, которая не отозвалась на приглашение богатого брата, полагая, что «Лавочная улица в Гданьске слаще и всего милее».

Однако стремление познакомить своих племянников, детей любимой сестры Барбары, скончавшейся 30 сентября 1598 г., было не единственной побудительной причиной создания рассматриваемого сочинения и, вероятно, даже не главной, тем более, что записки о своих путешествиях Мартин вел с 1579 г. Была, по-видимому, некая не вполне, может быть, им самим осознаваемая цель – оправдать свое существование, вернее, «светский» его период, результатами которого он явно был недоволен. Мало инициативный, хотя и добросовестный исполнитель чужой воли¹³, маргинал по психическому складу, он, в отличие от своих предков, не добился ощутимого успеха. О своем зяте, муже сестры Барбары, он писал, четко противопоставляя его судьбу собственной: «Фридрих Кобис был господином в своем (отечестве, хозяйстве. – А.Х.), а я – слугой у чужих. У него было трое слуг, а у меня – три хозяина» (1, 44). Нельзя сказать, что тема самопознания и открытия посторонним тайн собственной души была целью написания «Записок». О «внутреннем человеке» Груневега читатель узнает из случайных оговорок автора.

Чувство неполноценности у него сложилось в 1579–1580 гг., когда по поручению хозяина он должен был разносить подарки представителям польской знати в Варшаве, просиживать дни и ночи у их порога, улущая момент, когда мог выполнить поручение Керстена, и становясь при этом объектом насмешек со стороны дворни и слуг. Справедливости ради можно добавить, что Груневег сообщает о насмешках над королем Стефаном Баторием: на дверях церкви вывешивали пасквили на него, выкрикивали ему вслед нечто непристойное на венгерском языке (2, 619), что в изложении автора «Записок» как бы уравнивало его с королем.

Можно согласиться с А. Бус, что изданный под ее редакцией памятник – это апология жизни автора, однако не только и не столько перед родными и

доминиканцами¹⁴, сколько перед самим собой и, соответственно, Господом Богом, дабы избыть чувство неудовлетворенности и несостоятельности. Это чувство преследовало его всю жизнь и отнюдь не исчезло после посещения Рима. Вовлеченность в интриги и распри внутри доминиканского ордена¹⁵ была также невыносима, как и сознание своей профессиональной недееспособности на поприще торговли.

Завершал свое сочинение он уже в преклонном возрасте («Руки уже не те, глаза уже 5 лет требуют очков, голова трещит от шума») и переписывал его – с 25 апреля 1601 г. по 16 мая 1602 г.¹⁶ Поэтому описание монастырской жизни, создававшееся на рубеже веков, наполнено повторами, противоречиями¹⁷, многословно и в изрядной степени пусто. В это время его в основном занимал вопрос собственного продвижения по иерархическо-церковной лестнице, как показывает раздел (по мнению А. Бус, это текст после 1027 л.), переписанный после римской поездки летом 1602 г. в Ратиборе с сентября по декабрь 1602 г.¹⁸

Как и все произведения подобного жанра, сочинение о Венцеслава – это открытый текст, лишенный финала. Последним радостным сообщением о том, что его духовной дочерью была Марина Мнишек, завершаются записи 1605 г. В 1606 г. они кончаются 27 апреля. Московская катастрофа духовной дочери могла оказать сильное воздействие на его психику, равноценное духовной смерти внутреннего человека, которому отныне доставало сил лишь на создание видимости формальной деятельности.

Груневег честно признается, что для него работа над «Записками» важна также как попытка уйти от безделья: «А если даже окажется, что писания никому не принесут пользы, то можно допустить, что я подобен тем пустынноикам, которые наряду со своими духовными делами каждый год разрушают свою избушку и воздвигают новую, избегая тем самым безделья. Св. Иероним¹⁹ призывает нас все время делать что-нибудь доброе, чтобы враг наших душ не пробрался с помощью безделья и не сделал свою адскую работу, от чего Бог да сохранит нас».

В отличие от пустынноиков, Груневег отнюдь не разрушал свою избушку, но постоянно усовершенствовал ее. Фундаментом послужили его дневниковые записи, которые он вел с 1579 г.²⁰ При их оформлении в связный и последовательный текст, организованный в хронологическом порядке, в действие включилась эмоциональная память, закрепившая события, в свое время произведшие сильное впечатление на автора²¹. Поэтому текст получился дисгармоничным, крайне слабо систематизированным, порой лишенным логической связи²².

События, касавшиеся не только автора, но и родного города, он излагал по опубликованным свидетельствам более старших современников. Так, в частности, для воссоздания истории войны Стефана Батория с Гданьском в 1577–1579 гг., Груневег использовал Анонимное описание обороны Гданьска в 1577 г., исследованное К. Хобурном в 1860 г.²³, честно признав при этом, что сам видел мало, так как мать не выпускала его на улицу. А в 1582 г. увидело свет сочинение Дионисия Рунава о 13-летней войне 1453–1466 гг., оказавшееся доступным Груневегу²⁴.

На третьем этапе обработки текста на все сочинение была наброшена религиозно-философская сетка, идеологически обосновывавшая все поступки и

проступки автора, его духовные искания и устремления. В это время Груневег, с 18 августа 1595 г. библиотекарь в монастыре, имел возможность пополнить свои познания в области античной²⁵ и святоотеческой²⁶ литературы. В это же время ему были доступны и исторические сочинения польских авторов – «История Польши» Яна Длугоша (латинское издание 1511 г., немецкое – 1594-го), «Хроника польская» Мартина и Иоахима Бельских (1511 и 1597), «Вандалия» Альберта Кранца (при жизни Груневега вышедшая вторым и третьим изданием в 1575 и 1600 гг.)²⁷. Подробности истории Пруссии он извлекал из книги Каспара Хеннебергера 1571 г.²⁸, Венгрии – Антонио Бонфини²⁹, жития св. Гиацинта – по сочинению Северина Любомльчика³⁰. В широком использовании античной и христианской литературы о Венцеславе не отличался от своих польских и «украинских» предшественников и современников эпохи Возрождения и Контрреформации³¹. Библия рассматривалась как замкнутый нормативный текст, квинтэссенция всеобщей божественной мудрости. К сожалению, без последовательного сравнения источников сочинения и самого текста сочинения, чем автор данного текста в настоящее время не в состоянии заняться, трудно судить о методах его работы. Обильная цитация и пересказывание некомментируемых текстов бросаются в глаза с самого начала.

В результате сложилось произведение «субъективного жанра», в современном литературоведении классифицируемое как эго-сочинение, в центре которого находится автор, его действия и переживания³². Оно типично уже не для XVI, а скорее для XVII в., в течение которого происходила «легитимизация субъективности и формы ее выражения в интеллектуальной и художественной жизни». «Внутренний... мир, сотканный из переживаний, надежд, страхов... раненого самолюбия... беспочвенных мечтаний... обретал значимость той единственной сферы истинной жизни, в которой совершались самые важные для человека события и процессы»³³. Для произведений этого жанра характерны фактографичность, стремление автора к точности: привлечение дневниковых записей, делавшихся на протяжении одного – нескольких дней, а также, для большей наглядности, иллюстративного материала, в основном собственноручных рисунков.

В основе рассматриваемого текста лежали дневниковые записи, сделанные в актуальном хронотопе с очень небольшим отставанием – от одного до нескольких дней, первоначально датированные лишь годом, с 1579 г. – годом и месяцем, с 1588 г. снабженные указанием дня по светскому и церковному календарю. Дневник Груневега с самого начала граничил с путевыми заметками.

Основная проблема «Записок» – «Человек и Бог», «Я и Бог» – пронизывает весь текст памятника, идет ли речь о светской или монастырской жизни Груневега / о Венцеслава. В своем окончательном виде часть, посвященная XVI столетию, была переписана в 1601–1602 гг., во время пребывания в Львовском и Ратиборском доминиканских монастырях. Распри в первом из них и сравнительно спокойное пребывание во втором естественно обращали его мысль к самому радостному и светлому, хотя в какой-то мере и трагическому периоду его жизни – детству. Поэтому пронизанные чувством благодарности и любви к Господу Богу («И все происходит по Его воле, почему мы и должны

любить Его, как основание всего и больше всего»³⁴) «Записки» полны и теплыми чувствами к родителям 35: «Господь велит любить и другие земные вещи – ближних, родственников и в особенности родителей».

Груневег включил в свой текст и сочинения родственников XV–XVI вв. Среди старых календарей, на которых купцы записывали свои дела, и нескольких сотен прекрасных немецких и латинских книг, которые остались от деда и отца, была масса отдельных документов (квитанции и привилегии, причем некоторые были написаны на пергамене³⁶) и рукописей обширных воспоминаний.

Эти последние памятники принадлежали к весьма распространенному типу купеческих книг ганзейских купцов³⁷. Деловую часть, в которой даже Груневегу было трудно разобраться, он просто не стал переписывать, зато остальной материал снабдил реестрами, вошедшими в моду уже со времен эпохи Возрождения. Так Груневег поступил и с книгой Якоба Люббе³⁸.

При этом наибольшее внимание Груневег уделил переломным периодам своей жизни – войне Стефана Батория с Гданьском 1577–1579 гг., оказавшей огромное влияние на его мировоззрение и, в частности, отношение к войне, началу своей деятельности в торговой сфере (первому опыту 1573–1574 гг. и первым поездкам по Речи Посполитой на службе у Керстена 1579 г., первой поездке в Константинополь с армянами в 1582 г.), поступлению в доминиканский орден в конце 80-х гг. Материалы московской поездки 1584–1585 г., практически не подвергшиеся переработке и посему лишенные мифологических фрагментов (исключение составляет сон, в котором св. Доминик предлагал на выбор невесту или Младенца Иисуса Христа), по объему занимают среднее положение между сведениями о константинопольской поездке и о переходе в монастырь³⁹.

Орудием, определявшим светскую жизнь Груневега, была в его изложении Божья воля, всегда направлявшая его действия в нужную сторону. Автор последовательно и настойчиво внушает читателю, как Господь вел его всю жизнь к спасению в монастыре, оберегая будущего монаха от преждевременной смерти, хотя она подстерегала Мартина неоднократно.

В огромных вставках в начальный раздел этой части «Записок» и в их второй части, резко отличающихся от светских текстов первой части по стилю изложения – риторике, приподнятому тону, проповедническому и обличительному накалу, трактовка проблемы человек/Бог совсем иная, Груневег четко следует учению Августина Блаженного о том, что Спаситель души человека, Творец прекрасного мира, Создатель поместил в него и человека. В первой же части при рассказе о торговых поездках Господь в «Записках» Груневега выступает защитником и оберегателем «телесного человека» (определение Л.А. Софроновой⁴⁰), дающим ему «хлеб насущный».

О первоначальной направленности дневников можно судить по тексту конца июля 1582 г.: в рассказ о чудесах иконы Богородицы в г. Ярославле вклинился текст о холодных напитках, сохраняемых в подвале, и рисунок лестницы, ведущей в этот подвал. Далее следует наблюдение о том, как евреи носят свой головной убор (*huetlein* – кипу), надвинув его на одно ухо, и замечание, что в городе огромный рынок скота (2, 684). И второе честное признание автора. Поздним вечером 2 мая 1583 г. Груневег, заблудившись в г. Эдирне,

попал в руки янычар, одного из коих, которому он доверял, Мартин умолял о помощи именем Господа Бога и Мухаммеда за хорошее вознаграждение (2, 788).

Соотношение светских и духовных текстов в разных частях «Записок» разное: в первой – светской части, в основе которой лежат воспоминания и дневники автора, преобладают почти топографические описания стран, местностей и городов, которые он посетил, этнографические – домов, в которых жил, отличающиеся точным и деловым стилем.

В первой части Груневег рассказывает о своем детстве, отрочестве, молодости исходя из основного положения, что после грехопадения »человек не более чем корабль, который потерял руль, а ветер бросает его из стороны в сторону, или как лошадь, которая, сбросив седока и разорвав уздечку, несется, как слепая, по горам и долам, а затем пойманная, стреножена в результате многих усилий» (1, 8–9). Спасение его лежит исключительно в руках Господа.

Стиль светской части, посвященной жизни Груневега в миру, – порой сухой и лаконичный, порой остроумно-легкомысленный, кое-где мелькают пословицы и поговорки, распространенные в его бюргерском окружении: «Пфенниг только там деньги, где он отчеканен»; «Пиво показалось ему слишком вкусным»; «Ржавый гвоздь порой приносит больше добра, чем 10 серебряных ложек, а горло кусок хлеба радует больше, чем золотая цепь» (1, 151, 463)⁴¹. Топографические же описания дорог и местностей, по которым он путешествовал то с Г. Керстеном, то с армянскими купцами, написаны в лапидарно-деловом стиле: автора интересует состояние дорог, их географическое окружение, как и различных поселений, характер последних – замков, городов, местечек, типы и состояние построек, церквей, защитных сооружений, наличие торговых площадей – постоянных рынков в первую очередь, а также и ярмарок, уровень самоуправления (о котором можно судить по наличию или отсутствию ратуши). Набор тем, на которые потомок нескольких поколений гданьских бюргеров обращал внимание в первую очередь при посещении чужих земель и городов, полностью соответствует менталитету его окружения, мир которого был сконцентрирован исключительно на торговле и факторах, способствовавших или препятствовавших ей. Политические события сами по себе его совершенно не интересовали⁴², он писал о них лишь в той степени, в какой они касались его собственной особы (таков и раздел о войне Батория с Гданьском⁴³). Характерен в этой связи и выбор карты, которую он приложил к своему сочинению, – географической, а не политической.

Место представителей различных социальных, национальных, конфессиональных групп в сочинении Груневега точно маркируется многими внешними признаками – их одеждой, которую он, как знаток ткани, описывает очень точно, будь то парадный дорожный костюм Сигизмунда III при его въезде в Краков в 1587 г., или головные уборы купцов – москвитов, турок, евреев, «руси» на львовском рынке, или одеяния монахов разных орденов. Указывает он и качество одежды (в частности, шапка из чернобурки, приобретенная вскоре после начала торговой деятельности автора «Записок», должна была свидетельствовать о его процветании), фасоны одежды – короткой, как у матросов, одежды западных европейцев (итальянцев, французов, немцев),

Мещане Гданьска.
Гравюра XVI в.

а также перевозчиков вина, и длинной у представителей восточного купечества (турок, московитов) и монахов⁴⁴. Статусной определяющей оказывается цвет, сообщением о котором порой заменяются все иные определения телесного человека (Груневег навсегда

запомнил белые рубахи казнимых в 1568 г. гданьских каперов, а позднее воспринял как оскорбление прозвище, данное ему одним из слуг Керстена, – Зеленый). Цвет является определяющим и для монахов: бернардинцы – зеленые монахи и монашенки, доминиканцы – черные, кармелиты – белые. Груневег часто не называет ордена, ограничиваясь указанием цвета одежды его членов.

В такой же роли маркера выступает и еда. Различные сорта хлебов, выпекаемых в Гданьске, – показатель его высокого экономического развития, а стоимость закупленных в Москве автором «Записок» продуктов на поминки каменчанина Андрея в 1585 г. – высокого статуса погибшего от руки подмосковных грабителей армянина. Постная еда, напротив, входит в состав характеристики идеального, с точки зрения автора, праведника – крестьянина Якова, щедро делившегося одеждой и не только повседневной, но и праздничной едой со своими бедными соседями.

«Земля – наша мать, наша родина», – заявляет Груневег. А посему его симпатии откровенно принадлежат крестьянам, именно их труд, который он старательно опозитизирует, лежит в основе жизни человечества. Это тесно связано с его социальными представлениями, пристрастиями, происхождением.

Но при этом тем не менее, исходя из библейских и евангельских представлений, он же строит иерархию городов, а вовсе не земель, со многими из которых ему случилось познакомиться довольно основательно.

Во второй части, посвященной его приуготовлению к пострижению и самой жизни в монастыре, на фоне деловитых записей о службах, которые о. Венцеслав исполнял, развиваются картины различных видений, среди них на первое место по значимости выходит видение о полете в Иерусалим. Этот город, как колыбель Иисуса Христа⁴⁵, в системе земного мироздания естественно занимает главное место. Это видение настолько наполнено конкретными сообщениями, подкрепляемыми его собственноручными чертежами, служащими доказательством истинности описания, что производят впечатление реально виденных автором мест⁴⁶. Та же роль в видении отведена «реальному» разговору с каким-то патером, с которым Груневег якобы встретился впервые при «посещении Иерусалима» еще до пострижения в монахи.

Граница между реальным миром и миром видений в данном изложении Груневега стерта настолько, что непонятно, о каком из миров повествует автор.

На втором месте оказывается Рим. Однако этот город так ошеломил и оглушил его, что о. Венцеслав на этот раз отказался от идеи воспроизводить собственные впечатления, а ограничился пересказом путеводителей по святыням Вечного города. А. Бус полагает, что он сделал это умышленно, поскольку сознательно писал для всех (*Allgemeinheit*)⁴⁷. К описанию Рима и своего пребывания там о. Венцеслав отнес и конкретизацию цели своей работы. Не описывать все подряд, ничего не пропуская, а показать, «каких искусных мастеров, великодушных сердец, разумных голов, и добрых советов, и святых людей заключает в себе этот город, подобных которым нигде не найдешь. И мы должны их знать, памятуя, что Бог всех нас посадил к Мастернице, и хочет, чтобы мы только у нее искали доброго совета. Он установил ее между нами, потому что она едина для всех. Как на рынке (какое непочтительное сравнение! – А.Х.), она близка всем – азиатам, африканцам и европейцам, так что никто к ней не имеет претензий. Как обычные крестьяне обрабатывают свои участки, приезжая на них, так делает весь мир по отношению к Вечному городу, доказывая, что он по праву занимает принадлежащее ему поле, почему Рим можно назвать государством всех стран. Поэтому очевидно, что народы всех стран стремятся к его крепости, которая никого не отталкивает, но каждому предлагает [блага], как солнце земле, и включает их в себя, как море впадающие воды, с которыми ранее не имело ничего общего, и, как море не меняется от прибывающих вод, так город благодаря своей величине не замечает включения разнообразных народов. Обнаруживает свою полноту как при увеличении, так и при уменьшении народа. И как обычно говорят, что земля для всех людей мать и отечество, так и про этот город можно сказать, что он принадлежит любой стране, какой хочет, что притягивает к себе, что хочет приобрести или чем хочет овладеть, он притягивает из отечества в отечество, чтобы никто на боялся его, как чужого, но доверял ему, как своему другу.

Он (в немецком языке существительное "город" женского рода, стало быть, "она – Рома". – А.Х.), – продолжает о. Венцеслав, – как и полагается настоящей матери, привел в порядок землю, старательно измерив ее, снабдив ее воды многочисленными мостами, по мере надобности отведя или приведя потоки. Непроходимые горы он разделил и снизил, для удобства прохода и проезда наших коней и повозок. Он наполнил дикие места гостиниными дворами, в которых сохраняется безопасность, ввел законы и установил хороший порядок. Он получил счастье смирять непокорных и чествовать послушных, он опирается на достойных и возвышает униженных. Поэтому он достоин названия супруга всех стран, короля ("королевы") городов, цвета Италии, компендиума земного круга» (3, 1337–1338). В подтверждение его мнения можно указать на сенаторские римские монеты XIII в., где на лицевой стороне находится тронное изображение с круговой надписью: «Рим, глава мира», а на обороте – весьма воинственный лев⁴⁸.

Краткость визита в Рим, с одной стороны, а с другой – нежелание сознаться в своей неспособности объять его необъятность (он, по подсчетам А. Бус, посетил 81 храм) привели Груневега к литературной неудаче – каталогизации римских памятников, повторяющей сведения путеводителя по

Риму Ф. Бонди⁴⁹. Одну из римских святынь он использовал для создания себе оберега – и выковырял кусочек дерева из хранившегося в храме фрагмента креста⁵⁰, на котором был распят Христос.

Если два первых города (Иерусалим и Рим) избраны по принципу их значимости в истории христианства, то на третье место (по рангу, а не по положению в «Записках») попал торговый город Гданьск, в представления о котором отлилась тоска бюргера по его купеческой родине⁵¹, отчаяние от несостоявшейся жизни и желание угодить своим племянникам, потомственным и верным гданьчанам. При этом произошла и смена образца для сравнения. Это Венеция, крупнейший торговый центр Средиземноморья.

«Записки» открываются панегириком его родному городу, написанным, очевидно, в состоянии необычайной экзальтации на последнем этапе создания «Записок» – весной 1601 г. Риторика утверждавшегося в то время барокко характерна для многочисленных литературно-религиозных отступлений как при описании церковных святынь, так и при церковно-религиозных вставках о многочисленных святых и столь же частых переложениях библейских текстов.

Приведем некоторые примеры.

В лесах Прусской земли больше, чем где бы то ни было, дичи, в водах – больше рыбы, соответственно, меда, воска, дров и всего, что из этого делается. Благодаря умеренному благодатному климату и небесам в Пруссии якобы не боится эпидемий (1, 262) (откровенная восторженность монаха, неоднократно упоминавшего о подобных бедствиях. – А.Х.). В литературе обычно подчеркивается символично-церковная сторона описания родного города о. Венцеслава⁵², на которое наложила отпечаток судьба автора.

Богатство города о. Венцеслав связывает с легендой о дочери Крака, Вандой, отвергнувшей притязания рыцаря Рудигера и бросившейся в воды Вислы, которые принесли к ее устью королевскую казну, положившую начало процветанию города. Данциг как глава Пруссии украшен всем, только Рим и Венеция могут с ним сравниться. Святость Рима и богатство Венеции происходят от Бога. Данциг же находится в правильном государстве (1, 270). Далее описание городской архитектуры идет в сравнении с итальянскими соборами, венецианской базиликой Св. Марка, флорентийским храмом Санта Мария Новелла, первенство среди которых автор отдает гданьскому Маринскому костелу – настоящему земному раю: его хвалит каменщики за крепость стен и их гладкость – храм как будто сложен из одного камня. Здесь же лучшая резьба алтаря, лучшие пражские часы с изображением солнца и луны, движениями планет и 12 небесных знаков, календарь с указанием движущихся церковных праздников. Автор не забывает и светских сооружений, в число которых попадают архитектурные памятники частных лиц (великолепные дома на Долгой улице с первыми в Гданьске башнями – английского купца Дирка Лили, приятеля отца автора, и Ганса Берендта, опекуна Мартина) и общественные. Среди них он упоминает ратушу⁵³, которую можно сравнить с королевским двором, и Юнкерхоф – артусхоф с резными изображениями мастера и художника и самой большой кафельной печью. Внутри находится икона Марии, в 1526 г. привезенная из Амстердама и повешенная розенкрейцерами (1, 272, 276–277).

Глаз практичного бюргера отмечает удобства торговли на рынке Гданьска, который замыкается королевским дворцом в непосредственной близости от порта, так что корабли подходят к нему ближе, чем в Венеции. В Венеции дома стоят в тумане и ничего не видно. У них есть вода и дрова, но в Данциге все это около дома. Все полно произведений искусства, и колодцев с чистой, иногда целебной – святой водой. В Венеции ее слишком много – глубокий ручей Ривоальто. В Данциге три реки – Мотлава, Радауне и Висла. Сердце Гданьска – Мотлава, где находились торговые склады, доки, где чинили корабли и все время теснились люди⁵⁴. Эта река особенно часто всплывает в его памяти, он сравнивает с ней Тибр (3, 1343) и Москву-реку. Мотлава доставляет товары к домам, моет и чистит город. Радауне – ее помощница, она заботится о ремесленниках: чистит бойни мясников, помогает красильщикам, кожевникам, скорнякам, сапожникам и другим ремесленникам, поставляет свежую рыбу и, кроме того, вращает четыре большие мельницы, построенные с огромным трудом: Красильщиков, Бумажную, Зерновую (самую плохую, хотя ее запакованная мука достигает далеких Испании и Португалии), Пороховую, которые прославляют город во всем мире. Король имеет часть в Зерновой мельнице, его называют «Гданьским мельником». Уже это возвышает Гданьск над Венецией. Вода Гданьска лучше морской – в ней удобно стирать, ею поливают сады, она питьевая – верная мать горожан, по сравнению с ней венецианская – грубый крестьянин.

Однако Груневег не был бы достойным сыном своих родителей, если бы упустил какие-либо «экономические» темы. Он с гордостью сообщает, что королевская казна хранится в Гданьске и все сюда стремятся, потому что всякому труду здесь находится лучшее применение и оплата (1, 280).

Цеха изготовляют лучшую краковскую обувь, здесь пекут лучший и знаменитейший вислицкий хлеб с луком и торуньские пироги с перцем, варят пшемысльское пиво, готовят гданьское жаркое. И, в свою очередь, гданьским изделиям подражают в других польских городах: по гданьскому образцу пекут хлеб в Торуня, там одеваются, как в Гданьске, подобным образом накрывают столы (2, 573)⁵⁵. Его восхищение родным городом порой приобретало анекдотические формы. Так, повествуя о доставке тела короля Стефана Батория в Краков, он подчеркивает, что «прекрасный цинковый гроб», заключивший в себе прах короля, был изготовлен в Гданьске (3, 1117).

Завершает эту «экономическую» часть панегирика Гданьску сообщение об участии женщин в городской торговле: крупнейшие лавки в Гданьске, в отличие от Венеции, ведут женщины и девушки, целый день они стоят, окруженные бочками с сельдью. Однако он забыл указать, что пиво в бочках по улицам Гданьска развозили тоже женщины, и это зафиксировано не только письменными документами, но и современными гравюрами.

Висла, как хорошо украшенная королева, стремится к радостному Гданьску вместе с господами и князьями. Вытекает из Сарматских гор, в нее впадают реки из Силезии, Польши, Руси, Литвы, Азовии, и впадает она в большое Океанское (т.е. Балтийское) море, значительно большее, чем Средиземное у Венеции.

В своих восторгах по поводу родного города Груневег не очень погрешил против истины. Читая характеристику того же Гданьска в работе замечатель-

Женщины, развозящие пиво в Гданьске. Гравюра на дереве, XVI в.

ной польской исследовательницы М. Богущкой о повседневной жизни в Гданьске XVI–XVII вв., в этом легко убедиться. Однако о Венцеслав умалчивает, что Гданьск в результате 13-летней войны получил полное самоуправление, права свободной торговли без новых мыт на Висле, регулирования плавания в порту, че-

канки собственной монеты, золотой и серебряной, с орлом или с королевским образом, право издания цеховых статутов и городских узаконений и употребления красного воска для печатей⁵⁶.

Все это процветание города, где вечно танцуют⁵⁷, основано на труде крестьян, с которыми автор, по-видимому, связывает духовную атмосферу города, жители которого отличаются хорошим воспитанием, дружелюбием, порядочностью, честностью, единством; высокомерие и грубость они выбрасывают с мусором за забор (1, 284–285).

После этого, наконец, автор вспоминает не столько о религии жителей Гданьска, символом которого является Богородица, но о различных церковных учреждениях, и начинает с костела Девы Марии, рядом с которым он и жил сам. Называет он и другие церкви в Гданьске: Св. Петра, Св. Йоганна, Бартоломея и Екатерины – все со школами. В городе три монастыря – бернардинцев, мужской и женский монастырь Св. Бригитты, доминиканцев – «черных» (а при них – женский), третий – кармелитов. Три церкви или монастыря имеют больницы – Св. Духа, Св. Якова, Елизаветы, при последней – детский дом. Автор не ограничивается перечислением монастырей, но указывает и причисленных к святым доминиканцев, среди которых первое место занимает св. Яцек (1, 275, 296). Всем этим, равно как и многочисленными доминиканскими святыми – Домиником, Томасом Аквинским, Яцинкто (польским Яцеком), может гордиться «Новый Иерусалим», сравнение с которым обычно для Средневековья⁵⁸. «Пришел час твоей славы, на тебя снизошел всемогущий Бог», – торжественно сообщает Груневег. И в доказательство приводит житие св. Яцека Одрованжа, канонизированного в 1594 г. (1, 298–299, 316).

Преимственность Гданьска от Иерусалима он усматривает в топографическом разделении обоих городов на четыре части, у каждой из которых есть свой божественный покровитель. Отец Венцеслав подчеркивает, что город носит собственное наименование – в отличие от Венеции, получившей якобы

имя от славянского слова «венец». Он продолжает сравнение и далее: первая буква «D» Гданьска означает цифру 500, а «V» Венеции соответствует всегонавсего цифре 5⁵⁹. Мистический смысл герба города, два креста, он толкует по-разному. Своим происхождением он обязан крестоносцам, которые из уважения к городу даровали ему второй крест, а их семантику о. Венцеслав связывает с Немецким (Тевтонским) орденом и Орденом доминиканцев. Красное же поле герба – согласно мнению о. Венцеслава – это символ крови Христа, пролитой ради города. Башни Гданьска о. Венцеслав вслед за Бернардом Клервосским сравнивает с 12 воротами Иерусалима и 12 племенами Израилевыми. Каждая из них предназначена была для борьбы с грехами (лени, обжорства, гнева, зависти, гордости и пр.). Улицы же, ведущие к главным из них, по о. Венцеславу, символизировали путь Христа на Голгофу⁶⁰.

Груневег тактично умалчивает о весьма неоднозначных отношениях родного города с польскими королями, которых «боятся все окрестные народы», хотя эти отношения доходили неоднократно до критической точки. О событиях 1576 и 1577 гг. он пишет вне связи с панегириком, открывающим «Записки».

В целом описание родного города, пронизанное противоречивыми тенденциями – трезвой оценки его экономического развития и мистического истолкования городских достопримечательностей, – свидетельствует о некоторой раздвоенности психики автора – бюргера Мартина Груневега и доминиканца о. Венцеслава.

Эти особенности психики автора менее заметны в описании других городов. Второе место среди них, не связанных непосредственно с рождением Христа и христианства, занимает Львов, в скитаниях Груневега ставший ему столь же близким, как и Гданьск. Польский историк XIX в., исследователь львовской социодемографии, так описывал население города Львова конца XVI в.: «в алхимическом тигле» города перетапливались разнородные элементы, «почва была руськая, зерно и с Запада и с Востока, колос польский»⁶¹. С двумя первыми сравнениями согласиться легко, что касается последнего, то к XVI в. его отнести еще никак нельзя⁶². И этот город Груневег сравнивает с Венецией, имеющей такие же символы: как во Львове – печать с изображением льва (в Венеции – тот же лев, как символ св. Марка – 1, 271). Относительно православных братств Львова, главное из которых, Успенское, образовалось в 1586 г.⁶³, Груневег умалчивает.

Другие города – столечные или полустолечные – Краков и Варшава удостоились у Груневега более скромного, чисто фактологического описания по мере его знакомства с ними: Варшава – в начале 80-х гг., Краков – на рубеже XVI–XVII вв., когда город стал центром празднования 1600-летия христианства⁶⁴.

Подводя некоторые итоги беглого анализа сочинения Мартина Груневега / о. Венцеслава, стоит еще раз повторить, что его эго-сочинение ясно показывает особенности мироощущения человека Средневековья, оказавшегося волею «милостивого Господа» в условиях раннего Нового времени, отчего и проистекли такие особенности этого опуса, как противоречивость и разностильность.

Примечания

- ¹ Правда, издательница «Записок» А. Бус делит их на три части, равные по объему – детство и отрочество, торговые поездки и жизнь в монастыре (*Bues A.* 2008, 4. S. 1484) Начало второй части Груневег выделил помещением текста молитвы «Отче наш» на всех доступных ему языках.
- ² «Хотел бы вместо матери подвести итоги (Rechenschaft) своих странствий, из коих видно, как беречься злого и содействовать доброму» (1, 4).
- ³ 1, 175: Дерево-человек. Волосы дерева – листья, но важен корень, духовная сущность схожа с корнями дерева. Бывают такие деревца, которые стыдятся своих корней.
- ⁴ Последним придается видимость достоверности за счет ссылок на свидетелей (*Виноградова Л.Н.* 2004. С. 12). К этому приему Груневег прибегает в повествовании о «видении полета» в Иерусалим, хотя, казалось бы, достаточно собственного «свидетельства» (*Цивьян Т.М.* 2008. Т. II. С. 215). Путаница снов и яви – признак не столько мистической настроенности автора, скорее признак психологического перенапряжения (как это случилось с 18-летним солдатом, будущим известным искусствоведом Н.Н. Никулиным (*Никулин Н.Н.* 2008. С. 149)).
- ⁵ В литературе эпохи романтизма с помощью мотива сна маскировалась «другая жизнь», т.е. элементы фантастического, мифологического (*Софронова Л.А.* 2010. С. 62; *Манн Ю.В.* 2007. С. 57). В литературе раннего барокко в снах реализовались религиозные представления, восходящие к Средневековью.
- ⁶ *Riecke J.* 2009.
- ⁷ Подобные отчеты путешественников – смесь автобиографии, путевых заметок и описаний чужих стран (*Janckt G.* 2002). Вряд ли стоит упрекать автора в нескромности, как это делает А. Бус (*Bues A.* 2008, 4. S. 1489), в связи с этим считающая «Записки» автобиографией автора.
- ⁸ *Левкиевская Е.Е.* 2006. С. 184.
- ⁹ К сожалению, особенности бюргерского менталитета не привлекли серьезного внимания исследователей, кроме А.Л. Рогачевского.
- ¹⁰ Прежде всего, сыновьям горячо любимой сестры, которую он шутливо называл своей женой. О ней он писал: «Сестра – без благородной юности, в которой мы оба выросли, была награждена всеми добродетелями». Ее смерть оживила прежние воспоминания. «У меня теперь две души в одном теле» (1, 3).
- ¹¹ Подобные произведения Михеев относит к «обыденной литературе» или даже «пред-тексту» (1, 6).
- ¹² Впрочем, можно сомневаться в скромности намерений автора. Кому, как не издателю, могло быть адресовано согласие «на исправление грамматики» и просьба оставить текст без изменений, как бы ни был он плох (*bei schlechter Meinung*).
- ¹³ Намерения хозяев требовали от Груневега сверхнапряжения душевных и физических сил, которое к 1587 г. приобрело характер душевного кризиса.
- ¹⁴ *Bues A.* 2008, 4. S. 1480, 1490.
- ¹⁵ А. Бус подчеркивает, что отсутствие профессионального образования с точки зрения его собратьев доминиканцев было непреодолимым препятствием для занятия должности субприора и оспаривалось ими (*Ibid.* S. 1491).
- ¹⁶ *Ibid.* S. 1484.
- ¹⁷ *Ibid.* S. 1486.
- ¹⁸ Эту поездку он описывал уже в 1603 г. (*Ibid.*).
- ¹⁹ Иеронима Блаженного, удалившегося от мира, долго еще преследовали звуки римских суетных праздников, на что он неоднократно сетовал.
- ²⁰ Об этом читатель узнает по недовольным ремаркам автора, когда дело доходило до пунктов, названия которых он забывал своевременно записать (Ср.: *Bues A.* 2008, 4. S. 1482). Первоначально эти записи лишены были дневных дат. В дальнейшем ука-

- зывались год, месяц и двенадцатые церковные праздники, а на полях появились сначала лишь годовые, а затем и годовые, и месячные даты.
- ²¹ Речь идет в первую очередь о детстве и отрочестве – казни гданьских каперов в 1567 г., поездки по Вислицкому устью, разговоров матери со служанкой о будущем мальчика, смерти отца, взаимоотношениях с отчимом, обучении в Быдгощи у Сжетусского.
- ²² Хронологические несообразности возникали из-за дополнения дневниковых сведений ассоциациями, возникавшими в памяти в связи с более поздними событиями. Наиболее яркий пример: рассказ о попытке женить Мартина на дочери знатной ливонки в Гданьске в марте 1587 г. помечен в «Записках» ноябрем 1585 г. (2, 954–955).
- ²³ *Declaratio vera* 1577; См подробнее: *Hoburg K.* 1860. S. 81–96, 230–270, 317–338.
- ²⁴ *Runaw Dionysios* 1582.
- ²⁵ В его распоряжении оказался большой набор трудов античных авторов (оратора Цицерона, историков Геродота, Плиния, Тита Ливия, И. Флавия, поэтов Вергилия, Гомера, Горацио, Овидия, философов Аристотеля, Диогена).
- ²⁶ Среди Отцов церкви нужно упомянуть св. Августина, св. Иеронима, Иоанна Христомата, Григория Назианзина, Григория Великого, Оригена) и ее историков (Цезаря Барония, Петра Дамиани и др.), историков орденов, и доминиканского в том числе (Бернарда Клервоского, Леона Альберти, Фомы Аквинского). Все они принадлежали к классикам средневековой церковной «историографии».
- ²⁷ В этом отношении он не отличался от своих украинских современников, круг чтения которых был в целом схож с его собственным (*Радишевский П.П.* 1984. С. 192).
- ²⁸ *Henneberger K.* 1571. К сожалению, это сочинение осталось недоступным автору настоящего текста. Однако можно предполагать, что критическая позиция Груневега по отношению к крестоносцам определялась не только его генеалогическими воспоминаниями, но и общей трактовкой событий истории Пруссии тогдашней польской «наукой».
- ²⁹ *Bonfini A.* 1543; нем. пер. 1581 г.
- ³⁰ *Lubomlczyk Severin.* 1594, 1595.
- ³¹ Одним из них был Станислав Ориховский, писавший на латыни (*Ледфортова О.* 1999. С. 19–29).
- ³² О литературоведческой классификации автору сообщила Л.А. Софронова. Что же касается источников «Записок» Груневега, то их классификация принадлежит А. Бус. См.: *Bues A.* 2008, 4. S. 1667–1670.
- ³³ *Солонин Ю.М., Дудник С.И.* 2000. С. 10, 12. Вторая цитата сокращена за счет чувств, не свойственных автору рассматриваемого произведения.
- ³⁴ *Vogucka M.* 1967. S. 27–31, 53.
- ³⁵ Один слишком рано ушел из жизни, другая относилась к нему по меньшей мере скептически.
- ³⁶ Мартин отнес их в школу, и школьный учитель (тоже Мартин) велел хранить и ни в коем случае не отрывать от них печати. Мать объявила, что Господь Бог прокормит их и без рукописей, и без тех бумаг, которые давно потеряли силу.
- ³⁷ Купеческие книги – фолианты, переплетенные в сафьян, с прочными металлическими застежками (по описанию М. Богуцкой) – содержат как деловые записи, так и автобиографические сведения. Первая часть из-за несистематичности записей (исключение составляют орденские книги) с большим трудом подвергается исследованию. Поэтому и можно понять нежелание Груневега переписывать подобный текст.
- ³⁸ «Последний раз в Гданьске в 1587 г. получил старую книгу, которую Барбара, хотя читала книги и даже писала, одолеть не смогла. Так написано, что только Господь Бог мог прочитать – вернул Барбаре, которая заявила, что ее отец и дед очень дорожили этой книгой. Произошел спор из-за книги, на чтении, а затем необходимости переписки которой настаивала его сестра Барбара, уверяя, что описан весь род

- (1, 44). Вернувшись во Львов 6 сентября 1588 г., автор «Записок» «несколько раз противостоял искушению сжечь книгу».
- ³⁹ Выразительная диаграмма объемов отдельных тематических разделов составлена А. Бус (*Bues A.* 2008, 4. S. 1488).
- ⁴⁰ *Софронова Л.А.* 2010. С. 165.
- ⁴¹ Пословицы встречаются и в последней части «Записок»: «В мире все вертится, как мех в руках скорняка», «Свадебный хлеб превратился в поминальный» (3, 1237).
- ⁴² Впрочем, в панегирике Гданьску он писал о польском короле: «Наилучший король, которого все боятся. Ему римский епископ предлагал корону восточного кайзера, но он отказался от скромности» (1, 288).
- ⁴³ *Bues A.* 2008, 4. S. 1489.
- ⁴⁴ В связи с этим уместно упомянуть о том, что один из исследователей «Записок», Д. Гаунт, связывает эти данные со сменой идентичности самого Груневега. Он пишет: «Многочисленные поездки и частая смена идентичности – смена платья (немецкого на польское), языка (лежа на одре болезни, он грезил, что быстрые ответы на разных языках спасут его), в предсмертном состоянии он вызывал армянского священника, на львовском рынке видел все народы в их одеждах» (*Gaunt D.* 2009. P. 12).
- ⁴⁵ Иерусалим 1994.
- ⁴⁶ Действительными же поводьями по Иерусалиму Груневегу служили два сочинения: Radziwill Mikolaj Krzysztof. Ierosolymitana Peregrinatio. Braunsberg, 1601, и более раннее описание Святой земли и Иерусалима Ф. Аншельма, опубликованное в 1512 г. (См: *Anshelmi F.* 1512).
- ⁴⁷ *Bues A.* 2008, 4. S. 1487.
- ⁴⁸ *Strothmann J.* 1997. P. 69–77.
- ⁴⁹ *Bondi Flavio* 1510. Исключение составляет описание Богородицы Лорето, да и то потому, что он сравнивал ее с Ченстоховской Маткой Божьей, которую впервые увидел в Белзе 1 июля 1582 г., а 5 июня 1588 г. – уже в Ченстохове (2, 643; 3, 1132, 1456). Стоит отметить, что культ Лоретской Богородицы был известен и в православной Руси – России. Перевод повести «О храме Святой Богородицы», сделанный, по предположению Д.О. Цыпкина, Дмитрием Герасимовым, с текста Иеронима Ангелиты издания 1525 г., привезенного, вероятно, Еремеем Трусовым из Рима в 1528 г., сохранился в составе знаменитого сборника Д. 193 из Архангельского собрания БАН (СПб.). См. подробнее: *Цыпкин Д.О.* 1990. С. 383–385.
- ⁵⁰ «Крест относится к числу сакральных предметов, наделенных особой силой, он – одно из наиболее сильных отгонных средств» (*Софронова Л.А.* 2010. С. 128); «Его присутствие... служило гарантией недопущения... всего злого» (Там же. С. 150).
- ⁵¹ 14 августа 1579 г. «Данциг исчез с моих глаз, но никогда не [исчезал] из моих молитв» (2, 571).
- ⁵² *Kaczor D.* 2003. S. 549–569.
- ⁵³ *Kukliński J.* 1996.
- ⁵⁴ *Vogucka M.* 1967. S. 191.
- ⁵⁵ В этом панегирике отсутствует внесенное позднее указание на такую диковинку, как живой лев, которого в 1579 г. привез гданьский бюргер В. Веймерс, и, поместив его в Защитном саду (Schutzgarten) перед Высокими воротами города, взимал по полугрошу с каждого посетителя мини-зоопарка (2, 561).
- ⁵⁶ *Vogucka M.* 1967. S. 12–13.
- ⁵⁷ Танцы разного рода – хороводные, со сменой пар и партнеров – действительно были популярны. На обручениях и свадьбах они порой длились целую ночь (*Ibid.* S. 181–182).
- ⁵⁸ *Kaczor D.* 2003. S. 558.
- ⁵⁹ Здесь автор прибегает к модной в его время гематрии – игре мистическими смыслами букв (данциг = данц + славянский суффикс = танцующий город; родина До-

миника, основателя соответствующего ордена), игре в мистику букв и цифр (сравнение начальных букв-цифр Данцига и Венеции – D=500, V=5), откуда следуют выводы о различных преимуществах Гданьска (1, 292) . Ср.: *Breza E.* 1997. S. 43–45; № 2. S. 45–48; № 4. S. 56–59.

⁶⁰ *Kaczor D.* 2003. S. 566.

⁶¹ *Loziński W.* 1892. S. 14.

⁶² Этот факт уже был отмечен Я.Р. Дашкевичем (*Дашкевич Я.* 1962. С. 130–140); см. также: *Капраль М.* 2007. С. 25).

⁶³ *Левицкая Ю.Э.* 1994. С. 58–63.

⁶⁴ В городе было 11 приходских церквей, 10 мужских монастырей и, с 1583 г., – иезуитская церковь Св. Барбары (*Bues A.* 2008, 4. S. 1551).

«СВОЙ» И «ЧУЖОЙ»: РЕЛИГИОЗНО-НАЦИОНАЛЬНО-СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В СОЧИНЕНИИ «ПОЛЬСКОГО НЕМЦА»

Хотя Груневег назвал себя «польским немцем» (1, 217), точнее говорить Ло «полонизированном немце»¹. Свою «немецкость» ни сам Груневег, ни его окружение никогда не подчеркивали². Тем не менее автор неоднократно пишет о 13-летней войне, в результате которой в 1466 г. город вошел в состав Польской короны. И подробно рассказывает о занятиях польским языком – причем целеустремленных занятиях – многих своих предков, бюргеров Гданьска³. Тщательно отмечает факты распространения польского языка в соседних городах, в частности в Торунь, где он уже преобладал, хотя и верхненемецкий был распространен и ему обучались с детства, как и польскому (2, 573). Однако единого польского, по мнению Груневега, не было: даже в Варшаве по-польски чисто не говорили.

Но дело даже не в овладении языком⁴, а в проникновении, условно говоря, польским национальным (еще более условное понятие) духом. «В Польше каждый настоящий немец хотел бы быть поляком» (1, 175)⁵. При этом взгляды клерикала Груневега гораздо более лояльны, нежели польских историков конца XIX в.⁶ Приятие Груневегом польской культуры⁷ отчасти распространялось и на другие славянские народности. Он отмечает заслуги вендов, которые, как гласят хроники⁸, на понравившемся им месте основали город Любек (1, 188), название которого он производит от вендского или «русского».

Груневег проявлял интерес и к другим славянам, говорившим на «вендском» языке (2, 720). Это, по его мнению, «сербы» – православные христиане⁹, правда, он путал их с болгарами¹⁰ (2, 719). Упоминает он и неких «вендов польского народа», которые за Адлерштейном (Арнольдсштейном) смешиваются с итальянцами, которые все говорят по-немецки, как и немцы – по-итальянски (3, 1306). На этот раз речь идет, видимо, о словенцах. Его характеристика славянского мира несколько уже, нежели имперского дипломата С. Герберштейна, с сочинением которого, изданным в 1549 г., он не был знаком. Зато на материалах Мартина Груневега заметно становление украинского «национального самосознания», поскольку о Венцеслав употребляет термин «русь»¹¹, проводя отличие между нею и москвитами, хотя и не знает еще термина «украинцы»¹².

Симпатия к славянам не мешала Груневегу порой сообщать, правда, с чужих слов, что «немецкая нация – самая умная»¹³ (2, 953). Следуя «Хронике»

Мартина Бельского, он и сам объявил, что Казимир Великий III назначил во Львовский городской совет исключительно немцев, так как больше всего доверял им из-за общности веры и порядочности (2, 665).

Он спокойно и объективно рассказывает о татарах, как литовских, промышлявших извозом (2, 847, 850), и истории переселения в 1397 г. королем Владиславом Ягеллой целой орды на р. Ваке в Литве (2, 847), так и «турецких», живших отдельными деревнями¹⁴, равно как и «русских» (т.е. российских), занимавшихся тем же извозом на окраинах Российского царства (2, 912), хотя однажды сам оказался среди тех, кому угрожали татары¹⁵.

От автора рубежа XVI–XVII вв. нельзя ждать различения татаро-монголов XIII в., татар Крымского ханства, и в его время совершавших набеги на Российское царство и Речь Посполитую¹⁶, и оседлых татар, ассимилировавшихся к жизни в этих государствах в качестве извозчиков и воинов.

Татарские поселения Добруджи (существовавшие там с XIII в.¹⁷) удостоились подробного описания¹⁸. Приведем его: «Татары живут нищенски, хотя недостатка в продовольствии не испытывают. Их деревни располагаются на пустынных равнинных местах и имеют начальником турка. Жилища поставлены в крайнем беспорядке, что иллюстрирует рисунок, дополняющий рассказ изображением горы и реки, под первой и около второй рассеяны эти жилища. Поэтому в незнакомой большой деревне ориентироваться совсем не легко. Дома их длинные и узкие, как и валашские, но очень длинные¹⁹. Поскольку дерево достать трудно, из него вместо стен делаются только перекиды – основа конструкции, которая стягивается большой крепкой соломой и за отсутствием глины с обеих сторон обмазывается черной землей, смешанной с коровьим навозом. Поскольку извести для побелки нет, используют размоченную золу, так что дома приобретают светло-серый цвет. Кроют их также соломой» (2, 715).

Внутренность дома Груневег также иллюстрирует рисунком, на котором прямоугольник разделен на четыре неравные части: топчан, комната, дом, чулан. «На второй из них кружком обозначен очаг высотой с пядь, над которым круглая труба, привешенная к балке таким образом, что ее не касается никакая опора. В качестве топлива в этот очаг идет солома, навоз и сухая трава. С одной стороны постоянно лежит покрывало для сидения. Татары изготавливают пестрые полотна, из которых армяне делают мешки для хранения их специй... Они делают грубые шерстяные одеяла, а питаются в основном мясом скота. Кажется, у их домов совсем нет садов. И несмотря на слухи об их нечистоплотности, у них достаточно чисто».

«Нет ни одного народа, представители которого были бы так похожи друг на друга, как татары. У них широкие лица, большие круглые глаза, правда с узкими разрезами, как у ящериц. Затешься татарин среди любой народности, он будет выделяться высокими острыми скулами²⁰. Их одежда и религия сходны с турецкими. Что касается религии, то они, кажется, лучше, чем турки. Они берут одну жену, стыдятся развратных связей, которые у турок считаются особо приятными, и поэтому те не боятся портить мальчиков.

Что касается одежды, то и мужчины и женщины носят одинаковую одежду, водружают на голову обычно шлыки из московских вывернутых и крашенных лис. Женщины под ними обволакивают головы белыми покрыва-

лами, висящими до плеч, как это принято и в некоторых местах в Польше, они ходят всегда с “обнаженными” глазами» (2, 716).

В литературе XVI в. уже до Груневега существовало описание внешности и быта татар, правда, живших в Княжестве всея Руси или на южных и восточных границах. Оно принадлежит австрийскому и имперскому послу Сигизмунду Герберштейну, который воспроизвел рассказ русского информатора, участника московско-казанской войны 20-х гг. XVI в.²¹ Груневег не был знаком с этим сочинением. Однако даже после многократного издания «Записок о Московии» Герберштейна знания о татарах в Центральной Европе были недостаточны. И не случайно русского посла Лукьяна Новосильцева во время его пребывания при императорском дворе в Праге в 1585 г. буквально забросали вопросами о татарах Казани и Астрахани, Сибири и Оби, ногайских «татарах»²².

Сведения Груневега о быте татар и их занятиях более разнообразны и детальны, они относятся к начавшейся эпохе ассимиляции татар (так, о Венцеслав отмечает высокую роль татар в извозничьем промысле Речи Посполитой и на юго-западной окраине Российского царства, формирование отдельных отрядов татар-лучников в царском войске), однако общий их подход к теме очень схож. Странник Контрреформации, еще пребывая в лютеранстве, он ни в чем не уступал гуманисту Герберштейну. Его этнографические интересы восходят к эпохе открытия Нового Света, как и Герберштейна. Им обоим довелось открывать новые миры в пределах давно обжитой и окультуренной Европы.

Он очень доброжелательно и с симпатией характеризует вечных «изгоев» Европы – цыган, которых очень много в Валахии и в турецком Адрианополе, где они выступают в роли владельцев мелких лавчонок, это «смуглый черно-волосый красивый народ, или кузнецы или артисты, играют на скрипках, жонглируют, показывая фокусы» (2, 734).

С сочувствием пишет Груневег о шотландцах²³, находивших приют в разных городах Речи Посполитой²⁴, в том числе и около Гданьска, где они основали поселения Старая и Новая Шотландия. Он то сообщает, что 26 января 1584 г. на пути из Варшавы шотландец потерял свою хорошую собаку, которую Груневег хотел взять в турецкую поездку (2, 848–849), то, что другой бедный шотландец, торговавший на рынке во Львове, замерз в своей будке (3, 1246). Первая встреча с представителем этого народа произошла в 1579 г. в Дрогичине, где в проулке у рынка шотландец, бродячий торговец, должник Керстена (2, 591), выстроил себе малосенький домик. От кого-то из них Груневег и узнал о колодце в двух милях от Эдинбурга, где на поверхности плавало нечто вроде масла – нефть (2, 774). Доброжелательно-соблезнующую уважительная тональность этих сообщений, вероятно, имеет дополнительный подтекст: принадлежность к одной и той же религии – католичеству.

Нужно сказать, что отношение Груневега и к представителям иных конфессий, включая язычество, было вполне толерантным. Он подробно рассказывает о язычестве пруссов, их поклонении священным деревьям, объясняет происхождение названия страны, как и полагалось в Средневековье и в начале Нового времени, от имени первого ее главы – некоего князя Прутена, передавшего власть брату Ведемунду и его 12 сыновьям: Саймо, Нейдро, Судо,

Славо, Натанго, Барто, Галиндо, Вармо, Огто, Помедзо, Кульмо, Литво, разделив между ними страну (2, 554).

Все остальные религии, кроме язычества, Груневег называл «сектами»: еврейской (иудаистов), русской (православных Великого княжества Литовского и Российского царства), армянской (соответственно армян), турецкой (мусульман). Его отношение к «сектам» разное: несколько насмешливое по отношению к «русской секте» во Львове, ровно-почтительное – к той же «секте» в Москве, заинтересованное – к армяно-католической в том же Львове, настроенное – к еврейской. Однако ни одну из них он не именует «проклятой». Этого определения удостоились лишь католические секты, и прежде всего «лютеране», в тексте 1588 г., когда, как уже упоминалось выше, тон «Записок» стал более агрессивным по отношению к «чужим». При переписке пострадали и предшествующие записи (исключение составляет лишь раздел о пребывании в Москве, где он крайне неодобрительно отозвался лишь о греке).

Автор внимательно и тщательно описывает религиозные обряды русской и армянской сект, церковные сооружения всех, кроме евреев. Однако не вдается в рассмотрение отличий этих религий друг от друга, поясняя лишь разницу между армянскими и русскими церемониями.

Наиболее благожелательно он относится к армянам. Ему, очевидно, импонировала состоятельность представителей этой «секты»²⁵, стиль ведения ими дел, отношения к слугам (2, 626) и т.д. Видимо, в этом сказались давние традиции правового устройства армянской общины²⁶. Груневег подробно сообщает о поселениях армян в Речи Посполитой (армяне живут в пяти городах – Львове, Киеве, Каменце, Луцке и Замощье²⁷), об армянских церквях (наряду с саксонскими²⁸) в молдавском городе Бозе (2, 872, 873), о методах торговли менее состоятельных армян, которые собираются в общие караваны, формируемые в Каменце (2, 688). Отец Венцеслав не устает повторять слова благодарности своим армянским хозяевам, не забывавших его и в обличье монаха.

Лишь личное тяжелое переживание заставило автора прибегнуть к недоброжелательной характеристике по отношению к лицу другой национальности. В бытность в турецком Адрианополе 27 октября 1582 г. (1, 770), у Груневега в лавке появился крещеный еврей из Гданьска, владевший и польским, и немецким, чем он расположил к себе Мартина. Посетитель хотел якобы отправить какие-то товары во Львов брату, купил некоторые мелочи и, пользуясь шабадом, предложил показать диковинных зверей, живущих у его знакомого. На следующий день он бегом провел соблазнившегося предложением Груневега в турецкую часть города к богатому дому, охранявшемуся янычарами, и предложил туда войти. Храбрец понял, что дело плохо, и, охваченный страхом, отговорившись расстройством желудка, сумел убежать. К себе он вернулся только благодаря нечаянной встрече с одним из извозчиков каравана, так как сам дорогу не запомнил. Но до каравана сразу не добрался: от жары и страха Мартин потерял сознание, и его какой-то грек подобрал в свою лавку. В дальнейшем выяснилось, что еврей вел его к дому паши, который заметил молодого человека на таможне, а еврей «продал» ему Мартина. Новый «владелец» прислал сына, чтобы узнать, куда девалась его «покупка». Сын объявил, что еврей ведет дела его отца. На следующий

день незванный посетитель явился в караван-сарай снова. Ему сказали, что Мартин играет в карты с извозчиками в конюшне, куда тот и отправился. Хозяева встретили его весьма «гостеприимно», разодрав верхнюю одежду, угостили кнутами, приговаривая: «Не выдавай себя за христианина, не обманывай юнцов, не продавай христиан».

Сам по себе эпизод показательный для нравов турецкой работоторговли и отчасти для умонастроения Груневега, проявлявшего удивительную толерантность ко всем народам. Только по отношению к одному конкретному еврею сдержанный, но до смерти напуганный автор²⁹ позволил себе употребить слово «проклятый».

Впрочем, его отношение к евреям отнюдь не может характеризоваться подобным бранным словом, в отличие от православных современников, таких как Петр Могила, поносивших «иудейское безбожное неверие»³⁰.

В других местах «Записок» Груневег неоднократно обращается к еврейскому вопросу, который в его время начинал приобретать особую социальную окраску. Речь Посполитая, продолжая традиции в первую очередь Великого княжества Литовского³¹, пока еще оставалась убежищем не только для еретиков³², но и гонимых из других мест представителей мелких народностей. К их числу принадлежали и евреи³³.

Однако ортодоксальные католики не уступали православным. Преследование в Западной и Центральной Европе выталкивало евреев на Восток, прежде всего, в Речь Посполитую, где они создали самоуправляющуюся организацию – Ваад четырех земель³⁴. В 1575 г. их было 150 тысяч из семи миллионов общего населения Речи Посполитой³⁵. А во Львове к 1648 г. их оказалась почти четверть населения – 4800³⁶.

В «Записках» Груневега содержится «летопись» преследования этой народности. Евреи в Кракове жили первоначально на улице Св. Анны. Однако в 1406 г. на богослужении в День св. Варвары Будек из Вислицы объявил, что накануне ночью евреи убили ребенка, мазались его кровью, а потом набросились на священника, несшего дары больному ребенку. Легковверные горожане выгнали евреев из церквей, разграбили их дома и подожгли их, в результате чего пострадали ничем не виноватые люди, чьи дома, как и костел Св. Анны, сгорели. Многих евреев кидали в огонь с пожеланием отправиться к своему Мессии. Часть принимала крещение. В 1464 г. крестоносцы, двигавшиеся против турок через Венгрию, убили 30 евреев в церкви Св. Анны. В июне 1494 г. от дома булочника возник очень сильный пожар, уничтоживший часть города. Под покровом огня и дыма разграбили дома евреев, после чего в 1499 г. они переселились в Казимеж (2, 831–832).

10 июля 1603 г. студенты выгоняли всех евреев с рынка в их город. Причиной конфликта оказалось убийство дворянином лавочника. Под предлогом продажи или заклада каплуна он зашел в лавку еврея, где тот его запер, дворянин выпустил птицу, а потом убил хозяина, забрал все, что мог, и вышел (3, 1444).

Вопрос об отношении к евреям постепенно во всей Речи Посполитой приобретал и политическое, и социальное значение. Евреи торговали, держали таможи даже в Османской империи (например, в Адрианополе – 2, 738), допуская злоупотребления (так в Пшемьсле они были хозяевами таможи, и

поскольку их было там много, в еврейскую субботу-шабад они не пропускали товары – 2, 681). По-видимому, какие-то сложности были и во Львове. В связи с этим 31 марта 1604 г. о. Венцеслав, о. Фабиан и шведский секретарь короля Сигизмунда Вазы были в гостях у львовских ратманов Мондровица, Мартина Роттердама, которые приезжали к королю в связи с вопросом о евреях (3, 1451, 1452). Увы, о содержании беседы о. Венцеслав читателям не поведал. Зато подробно рассказал о своей и чужой пастырской деятельности.

Некоторые евреи принимали католичество и даже становились священнослужителями. 18 сентября 1604 г. еврей Яцинто стал дьяконом (3, 1454). Другой приверженец еврейской «секты» из Мантуи на родине в 30 лет стал раввином и доктором медицины, а в Польше – *Student Formalis*. Его крестил краковский епископ и первоначально он находился при королевском дворе, затем, 28 марта 1602 г., вступил в доминиканский орден в краковском конвенте (3, 1455, 1456).

Толерантность как политика Речи Посполитой, в соответствии со статутом 1569 г., была провозглашена в Сандомире 9 апреля 1570 г. для лютеран, богемских братьев³⁷. Варшавская Конфедерация в январе 1573 г. требовала от будущего короля Генриха Валуа признания прав шляхты, в том числе и религиозной терпимости³⁸.

«Дегерманизация», или «полонизация», Груневега позволяла ему быть толерантным не только по отношению к представителям самых разных народов, с которыми он сталкивался во время своих торговых поездок, но и к тем, которые были стерты с лица земли крестоносцами.

Среди исчезнувших народов наибольшее внимание он уделил пруссам, внутреннее родство с которыми Груневег испытывал благодаря общности социального происхождения. Видимо, в это время в пике крестоносцам в немецко-польском обществе распространился интерес к этому истребленному орденскими братьями небольшому народу. Критическим подходом к колонизаторской деятельности крестоносцев отличалась уже «Хроника старших магистров» анонимного автора первой четверти XV в. Широко пользуясь материалами Каспара Хеннебергера³⁹, Груневег рассказал о происхождении наименования страны и ее жителей, как и было принято в то время, – от легендарного основателя Пруса. Он отметил, что в Гданьске и его окрестностях жили мазуры, сохранившие свой собственный язык и не знавшие польского (1, 175).

Его симпатии к Польше и ее прошлому отчетливо заметны в неоднозначной оценке деятельности ордена крестоносцев: если первый этап этой деятельности он, фанатично религиозный человек, характеризует весьма положительно, то второй – колонизацию Пруссии и соседних славянских народностей (кашубов и мазуров) – он воспринимает как нарушение религиозных принципов.

Нужно сказать, что при рассмотрении прошлого Пруссии национальная сторона вопроса у о. Венцеслава отходит на второй план, а социальная, напротив, – на первый (1, 137). Идеалом человека для него был крестьянин Якоб. Тот постился, по пятницам ограничиваясь водой и хлебом. На Богородичные праздники босиком ходил в Мариенбург, где трижды на коленях обходил костел Св. Марии. Этот деревенский человек, по утверждению о. Венцеслава, был так богат духовными и мирскими сокровищами, как ни один из жителей

больших городов Ганзы. Каждое воскресенье у него за столом сидели трое нищих. На Рождество, по словам автора «Записок», тот одевал мужчину, женщину и ученика. У него во дворе постоянно жили монахи и священники, как будто его посетил сам Иисус Христос (1, 190).

Представление о крестьянстве как основополагающей прослойке общества, корней того дерева, в образе которого патер представляет все общество (1, 175), заставляет его негативно оценивать колонизацию Пруссии. К этому его склоняет прошлое собственных нескольких родов, в первую очередь Груневегов. В этой связи очень показателен его спор с матерью. В конце концов он заявил матери, что ведь весь мир происходит от Адама, как то установил Бог. Автор соглашается с теми, кто вопрошает, что было бы с теми странами и как бы помогли им их шелк и золотые товары, если бы мы не снабжали их скотом и хлебом. Сохранились бы они как господа над другими народами, утверждая, будто у них из земли произрастает все, остальные же, как слуги и подданные, должны гнуть перед ними спину и с большим трудом все им поставлять (1, 263), и приводит случаи из римской истории – как Цинцинната оторвали от крестьянских занятий и сделали диктатором, а, он, избавив Рим от опасности, вернулся к своему крестьянскому труду.

Самым разумным Груневегу представляется последовать грубым крестьянам, и у них, как и у первых ремесленников, поучиться ведению своих дел. «Мы не должны стыдиться подобных скромных мастеров, мы ничего не можем у них заимствовать, так как они все снова и снова во всех условиях столь же благородны и высоки и все снова и снова доказывают, что наше начало исходит от них. Их мудрости – это наша азбука, которую потом каждый составляет по-разному и украшает по своему вкусу. Обычай этих добрых людей – прежде чем начать сеять – очистить поле от всех нечистот, камней и всяких сорняков.

Так и я, – утверждает Груневег, – следуя их примеру, чтобы мое семя не заглохло в траве или как-нибудь перелетные птицы не перенесли их. Бедный Иов страдал не только от чужих, но и от своих друзей. Кто легко сердится, у того злая натура. Ругатели кусают других. А сами гибнут. Есть такие и среди купцов, которые не умеют уравнивать весы, качают их туда и сюда и приносят больше вреда, чем скромные. Таковы же и дети, поносящие родителей и не берегущие себя, если у них не отобран меч и сами они не связаны».

Изложением этой проповеди о Венцеслава можно было бы закончить раздел о его взглядах на национальную и религиозную проблему. Однако нельзя пройти мимо некоторого несоответствия взглядов и житейской практики доминиканца. Стоит вспомнить его деятельность в непосредственном окружении короля Сигизмунда III, весьма далекую от прокламируемых им идеалов. Чего стоит одно только разделение сельских жителей и богатых свободных горожан в 1603 г. по случаю окончания 1600 юбилейного года от Рождества Христова.

Находясь во Львове, и особенно в Кракове, в конце XVI столетия и в первые годы XVII в., о. Венцеслав исполнялся духом сарматизма, этой «субкультуры» шляхетской прослойки польского общества, служившей образцом для подражания всему населению Речи Посполитой⁴⁰. Под пером Груневега сарматизм предстает в его украинско-немецко-крестьянском варианте, для ко-

того характерно снижение социального статуса самого «Сармата». Если украинский вариант «Золотой вольности» был рассчитан на казака, то немецкий брал за идеал уже простого крестьянина⁴¹. В основном Груневег усвоил внешние формы сарматизма, подчеркивая в разных местах своего сочинения хорошие манеры немцев и львовян, следовавших немецкому образу⁴². Как это ни парадоксально, социально-генетическая память порой оказывается у Груневега сильнее религиозно-национальной.

Внутренняя раздвоенность его убеждений – органично присущих ему крестьянских и невольно усваиваемых в шляхетской среде чувств гордости от принадлежности к древним и знатым «сарматам» – не способствовала душевному спокойствию патера. Недаром даже в 1605 г. он нуждался в утешении и находил его в гордости от того, что некогда был духовным отцом будущей российской царицы. Однако ни ей, ни тем более ее отцу он не сумел внушить не только уважения, но даже толерантности по отношению к ее будущим российским подданным.

Примечания

- ¹ Трудно согласиться с А. Бус, будто только во Львове, т.е. в 1582 г., Груневег попытался сменить свой внешний облик, продав все немецкие одежды (1, 821; *Bues A.* 2008, 4. S. 1520).
- ² Был единственный случай, когда его спутники по каравану обозвали его «немецкой собакой», обвиняя в смерти богатого армянина Бедруса (2, 989).
- ³ Так, отец его в 1543–1544 гг. учил польский, а добившись успеха, в 1546 г. вместе с Якобом Кнопфом отправился в Кенигсберг, где застрял на два года, в течение которых овладел и литовским (1, 244–245).
- ⁴ В школе у Скжетуского он дружил преимущественно с польскими подростками.
- ⁵ Подчеркивает, что вторая свекровь матери, жившая в Торуня, свободно говорила по-польски (1, 404).
- ⁶ Имею в виду В. Лозинского, в своей работе о львовском патрициате и мещанстве продемонстрировавшего антисемитизм высокого накала (*Loziński W.* S. 34).
- ⁷ Ср. трактовку этого вопроса в украинской историографии XX–XXI вв. (*Срібний Ф.* 1911; *Капраль М.* 2007. С 22–23).
- ⁸ Он имеет в виду «Вандалию» Крантца.
- ⁹ В Османской империи религиозная принадлежность практически была более важным признаком, нежели этническая (*Макарова И.Ф.* 1998. С. 89–93).
- ¹⁰ Это и немудрено, принимая во внимание влияние сербского населения в границах между Моравой и Тимоком, в результате чего с VI в., по мнению Я. Шафарика, подержанного К. Иречеком (*Jireček C.* 1877), произошло смешение сербского и мезословенского [болгарского] языка, с одной стороны, и масштабы переселений болгар после османского завоевания – с другой. (Так, Македония в источниках XV–XVI вв. именовалась то Сербской, то Болгарской землей. – *Макарова И.Ф.* 1998. С. 85–88, 94.)
- ¹¹ Этот термин применительно к украинцам бытовал вплоть до XVII в., а не только в XV в., как считалось раньше (*Миринов В.В., Наулко В.В.* 1987. С. 104).
- ¹² Представляется весьма убедительной трактовка этого этнонима Д.С. Вырским как собирательного для «исторической нации» – населения будущих Украины и Беларуси (*Вырский Д.С.* 2010. С. 80).
- ¹³ Армянские хозяева объявили это, когда англичанин Вильм, некий Грюне и сам Груневег предотвратили попойку извозчиков, раздобывших флягу крепкого вина и

спрятавших ее под седлом; рядом блостители нравственности положили пугачи, заряженные бумагой. Они разрядились, едва извозчики приблизились к заветной фляге, разорвали фляги, а заодно – на что изобретатели, как признает сам Груневег, не рассчитывали, – подожгли пару мешков с сеном и испортили много конской сбраи. Так что в приведенной автором оценке армян была доля скепсиса (2, 953).

¹⁴ В них армяне и останавливались на ночь, и кормили днем лошадей (2, 951).

¹⁵ Знает он и о более ранних набегах татар, например в 1524 г., когда на защиту Львова выступил сам король Сигизмунд I (2, 667). Это был поход крымского хана Ислам-салтана, войско которого, включавшее значительное число женщин, одетых по-мужски, добралось до Мошчиска (2, 681). Однако икону Божией Матери в одной из церквей Краковского предместья г. Ярослава татарам сжечь не удалось: «Злой дух сорвал с одной из женщин волосы вместе с кожей» (2, 684). Он часто пишет о последствиях татарских набегов: при посещении г. Глиняно 3 сентября 1582 г. (2, 691), доминиканского монастыря в Трембове 5 сентября 1582 г. (2, 692), рассказывает и о нападениях татар на Киевские земли (бегстве от них св. Яцека в Киев с барельефом Св. Девы Марии (2, 809), Галицию (о бегстве галицкой княгини в 1264 г. – 2, 813), Краков (в 1241 г. и 1272 г., которое якобы предсказали новорожденные – 1, 832), Сандомир (1, 837), Завихост (1, 838) и др. многочисленных городов, пострадавшие во время Ливонской войны (Чуднов, Остер, Чернигов, Новгород Северский, Серенск, Боровск и наконец Москва в 1571 г.) (2, 899, 901, 913, 914, 924). Отметил религиозную терпимость «татар», пощадивших святыни Киева (2, 890–891). С другой стороны, Груневег не прошел мимо и успехов казачества, захватывавшего татарские земли (2, 884–885).

¹⁶ Хотя и рассказывает об их набегах и похищении людей, например о знатной ливонке – московско-татарской пленнице (2, 954), и об их нападениях на территорию Великого княжества Литовского, например в 1524 г. Крымские татары и в конце XVI в. представляли серьезную угрозу для сопредельных восточноевропейских государств (Пенской В.В. 2010. № 2. С. 56–66). Однако в это время появилась, пусть и слабо выраженная, тенденция к независимости Крымского ханства от Османской империи (Мицик Ю. 2002. С. 327–320), хотя противоречиями между ними отмечены и самые ранние этапы османской экспансии на северном берегу Черного моря (Иналджик Х. 2002. С. 120–121).

¹⁷ *Vies* A. 2008, 4. S. 715, № 1767.

¹⁸ В одной из таких деревень под горой караван останавливался на обратном пути из Стамбула 6 мая 1583 г. (2, 789).

¹⁹ Приложен рисунок внешнего вида дома с флагом.

²⁰ Груневег отметил, что у Годунова было «татарская физиономия» (2, 937).

²¹ *Герберштейн* С. 2008. Т. 1. С. 389–455.

²² ПДС. Т. 1. С. 922, 923, 938–940.

²³ Их присутствие в Речи Посполитой (Ср.: *Herbst St.* 1954. S. 11, 47) отмечали и иностранцы, служившие в России (*Горсей Дж.* 1990. С. 69, 70).

²⁴ Их он встречал в трех городах. Позднее, в XVII в., документы зафиксировали конфликты шотландских торговцев из Брод и Замощья в Киеве, один из которых был одновременно и арендатором лесов (*Билоус Н.* 2008. С. 181, 215).

²⁵ О состоятельности армян свидетельствует следующий рассказ. В 1592 г. Груневег – уже о Венцеслав – оказался в г. Рогатин, который держал один армянин. Видимо, он не только сам был богат, но и способствовал расцвету города – большого, со строящейся ратушей, каменными домами, церковью с часами и роскошной утварью внутри. Однако замок был плох так же, как и городская стена (3, 1183).

²⁶ Львовская община в 1356 г. получила магдебургскую привилегию, которая была подтверждена в 1380, 1462, 1505, 1509 гг. (*Капраль М.* 2003).

²⁷ Во всех этих городах существовали армянские кварталы или улицы. Так, в Киеве внутри Армянского квартала около церкви Рождества Богородицы находилась и од-

ноименная улица (Білоус Н. 2008. С. 81). По подсчетам Я.Р. Дашкевича, в 1552 г. местной юрисдикции подлежало 90 армян (Дашкевич Я. 2000. С. 133–136), однако Н. Белоус предполагает, что их было больше, поскольку многие из них носили «русские» имена (Білоус Н. 2008. С. 87).

²⁸ Несколько странное обозначение для католической церкви, возможно, потому, что там существовала колония выходцев из Саксонии.

²⁹ О степени его шока см. раздел «В торговых поездках по Европе».

³⁰ Naumow A. 1999. S. 19.

³¹ Эта традиция была закреплена как в первом, так и в последующих статутах Великого княжества Литовского. На практике за образец иногда брали порядок суда евреев в Бересте (Бресте), в частных городах они подлежали суду владельца, а в королевских – суду воеводы или старосты. В течение XVI в. сложилась практика особых еврейских судов. В 1578 г. Стефан Баторий дал им право судиться земским правом (АЗР. 1848. Т. III. С. 221).

³² Дмитриев М.В. 1990.

³³ Весьма относительно безопасным убежищем, как показывает лист Стефана Батория от 10 мая 1584 г., сельцо Даниловичи при Гомельском замке держал крещеный еврей Ян, который утопился, когда задержали его отца. Несмотря на претензии ротмистра Андрея Волынского на это сельцо, сын Яна по распоряжению короля сохранил его (МВКЛ-70. № 111). Так же поступил король и с Иудой Мошевичем, когда у него сгорели листы на «дом гостинный при дороге... з Городна до Кнышына», построенный на собственные средства, за который он платил в скарб по 20 коп. грошей ежегодно (Там же. № 109. 05.05.1584).

³⁴ Ettinger S. 1991. S. 34–43.

³⁵ Israel J. 1991. P. 27.

³⁶ Goldberg J. 1996. Bd.1. S.133–145.

³⁷ Bues A. 2008, 4. S. 1585.

³⁸ Korolko M., Tazbir J. 1980. Варшавская конфедерация 1573 г. открыла краткий период толерантности – до середины XVII в. В XVII в. он кончился, когда исчезла политическая необходимость заселения окраинных регионов (Gaunt D. 2009. P. 15).

³⁹ Henneberger K. 1571.

⁴⁰ Груневег в соответствии с духом времени черпал примеры именно из прошлого Древнего Рима: патриций Луций Квинций по прозвищу Цинциннат (ок. 519 г. до н.э. – 439 г. до н.э.), о котором писал Тит Ливий в тех же выражениях, которые повторил Груневег, в 460 г. был избран консулом, а в 459–458 гг. до н.э., когда Риму угрожала опасность, и императором. После устранения угрозы вернулся к своим сельским занятиям. См. подробнее: Лескинен М.В. 2002. С. 21.

⁴¹ Для эпохи сарматизма с ее представлениями о шляхетской «демократии» римская история была образцом (Лескинен М.В. 1999. С. 93–97; Она же. 2002. С. 130–154).

⁴² По поводу сарматской одежды он не высказывается. Видимо, она не раздражала его. Между тем в Габсбургской империи, правда, на территории Испании, для которой это было особенно актуально, еще при Карле V был введен запрет, ужесточенный при Филиппе II, носить «мусульманское» платье (Ferry A. 1989. P. 121).

ВОПРОС О ДОСТОВЕРНОСТИ «ЗАПИСОК»

Несмотря на оригинальность большинства сведений Груневега, смотревшего на мир иными, нежели дипломаты и чисто религиозные деятели, глазами, многие из них легко проверяются другими источниками. Немецкий публикатор «Записок» и комментатор их А. Бус усомнилась в двух сообщениях Груневега – о его приеме королевой Анной Ягеллонкой и игре в шахматы с Борисом Годуновым. Действительно, ни одно из них не может быть проверено другими документальными источниками за их отсутствием. Важно понять, соответствуют ли эти сообщения духу того времени, когда жил Мартин Груневег. Хорошо известно, что великая княгиня литовская и некоронованная королева польская Елена Ивановна, супруга Александра Ягеллона, попав в Гданьск, в начале того же XVI в. пустилась развлекаться с первыми дамами гданьского патрициата, среди которых были и представители купечества, вероятно, не преминувшие облагодетельствовать ее теми роскошными тканями, которыми торговали их мужья. Груневег в качестве представителя одного из подобных купцов вполне мог быть допущен и к Анне Ягеллонке¹. Конечно, нельзя не усомниться в степени ее благоволения к гонцу ее обычного поставщика... Но подобное сомнение касается и других аналогичных сведений, в частности, относительно неусыпного Божьего благоволения к автору «Записок», осуществлявшегося руками вполне земных представителей и представительниц рода человеческого...

Что же касается Бориса Годунова, то о его склонности покровительствовать иностранцам известно давным-давно, а игра в шахматы на Руси зафиксирована археологическими материалами начиная с XII в.² Увлекался ею и первый царь России, которого Груневегу, на его счастье, уже не довелось застать на российском троне. О его смерти во время шахматной партии сообщают независимые источники. Поэтому ситуация, описанная Груневегом, не представляется плодом его пылкого воображения.

Что же касается других сведений о России, то они, как читатель смог убедиться сам, поддаются проверке по отечественным источникам. К сожалению, в самое последнее время сведения, сообщаемые иностранцами, в большинстве своем дипломатами, несомненно, бессовестными врагами нашего Отечества, ставятся под сомнение якобы потому, что содержат ложную информацию. С целью опорочить Россию или Русь они-де фальсифицируют доку-

менты, даже если сами не могут их прочитать, а вынуждены, как Сигизмунд Герберштейн, полагаться на переводчиков.

Не знаю, в чем обвинят торговца и мистика доминиканца, но хочу заранее сообщить новым врагам фальсификаций и изобретателям мистификаций, что Мартин Груневег врагом России не был, и чуть было не остался на всю жизнь в России – и не сделал этого из-за жестокости законов и панического страха государей перед народом.

Не остался – на свое и наше счастье, иначе мы бы не узнали ни об особом этапе строительства Троицкого собора в Москве, ни о зимних спортивных развлечениях жителей столицы, ни о последствиях Ливонской войны для юго-западных окраин Российского царства, ни о многом другом, в том числе и восхищении иноземца нашей культурой – чем и до сих пор мы можем гордиться по праву. Наша задача – сохранить эту культуру для многих поколений наших наследников, препятствуя всем и всяким попыткам ее уничтожения.

Примечания

¹ Может быть, это не вполне корректное сравнение, но отец царя Ивана Грозного, по словам имперского посла С. Герберштейна, допускал к своему столу наемников (*Герберштейн С.* 2008. Т. 1. 2009. С. 557), а сам Грозный – мелких ливонских и немецких авантюристов.

² *Линдер И.М.* 1975; *Рыбина Е.А.* 1991.

**«ЗАПИСКИ» М. ГРУНЕВЕГА:
ФРАГМЕНТЫ**

Оригинал, перевод, комментарии

Handwritten text in a cursive script, likely a historical document or manuscript. The text is arranged in several lines, with some words appearing to be in a different script or dialect. The right side of the page features a vertical column of text and a small illustration of a building with a dome and a cross on top, possibly a church or a fortification.

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Перевод немецкого текста сочинения М. Груневега /о. Венцеслава осуществлен при помощи Е.Р. Сквайрс, Е.Е. Рычаловского и С.В. Полехова. Всем их огромная благодарность. Первые двое участвовали в разгадке трудных для понимания неопытной переводчицы мест. С.В. Полехов отредактировал весь текст описания Львова и частично – повествование о поездке в Москву. Без их щедрого содействия составительнице не удалось бы справиться с задачей, для нее не вполне посильной.

В настоящем издании помещается описание не только поездки в Москву, но и города Львова, откуда армянский караван начал движение в Россию. Этот фрагмент «Записок» уместен потому, что позволяет понять тот комплекс знаний о Руси, русских и православии, с которым автор отправился в Россию.

Что касается этно-политико-религиозного термина «*reussen, reusen*», то применительно к населению Речи Посполитой оно передается в переводе словом «русский» с одной буквой «с», дабы подчеркнуть отличие смысла современного слова «русский», обозначавшего в XVIII–XIX вв. «великоруса», а ныне приобретшего более широкое значение жителя Российской Федерации вне зависимости от национальности и религиозной принадлежности, от того значения, которое вкладывалось в него в эпоху Груневега. Для обозначения славянского населения Великого княжества Литовского и территории, им занимаемой, в отечественной литературе конца XX и начала XXI столетия предложен термин «Литовская Русь» (С.В. Думин и М.М. Кром). В понимании самого автора термин «Русь» («русь») обозначал и географическое пространство (в основном Галицко-Волынскую землю и Львовщину), и представителя восточнославянского населения (прежде всего, на территории современной Украины), и православного человека в Речи Посполитой и в Российском царстве, которое он именовал «Московией».

Географические наименования в переводе сохраняются в авторской редакции: например, Данциг (*нем.*), Константинополь, Адрианополь (*греч.*), однако во вступительной части и комментариях указываются современные варианты топонимов (Гданьск), в отдельных случаях – через косую.

Транслитерированные латиницей о. Венцеславом славянские («русские») слова таким же образом и воспроизводятся в переводе. Пометы на полях по-

давляющей массы листов рукописи, указывающие даты события, о которых пишет автор, внесены в текст и в перевод полужирным курсивом и заключены в угловые скобки; нумерация страниц рукописи выделена жирным шрифтом и заключена в квадратные скобки. Надписи на рисунках помещаются под строкой. Сохраняется и принятое о Венцеславом выделение заглавной буквой некоторых существительных (названий этносов, обозначение социального положения и т.д.), поскольку оно в какой-то степени характеризует его отношение к социально-этническим проблемам его времени.

Львов. Гравюра на меди А. Хогенберга. По рисунку А. Пассаротти, 1607–1608

Описание Львова

[873] Was aber die Statt Lemberg anlangt, sie ist eine der voernemsten steine in der krone tzu Poelen, Heubtstat in Reussen. Sie liegt an solchem ortte, als were sie das sommerhaus in der mitte des Paradeises. Also eine schöne jegentt hatt sie umb sich, das sie keiner statt in dem falle den fortritt lest, und dunk einem, Gott habe da alles niedergeleget. Nicht alleine haben ihre einwoner allerley ergetzunge von ferne, sonderen recht fuer der thuere. Sobaldte sie sich ein weinich uber ihre schwelle begeben, werden sie so fiele wunderlicherr dinge gewahr als menniger, der hundert meilen reyset. Wil man weitte felder sehen, berge und thael, huegel und hoge alpes, gestreuch und waltt, so gehe man voer ihrr thoer, da wirt man solches nicht alleine mit augen, sondern auch recht mitt den henden erreichen. Keine Statt ist im Reiche, welcher weniger mangeltt als dieser, sie ist selbst an allem reich, auch soe, das andere von ihr bitten. Ich wes nichtt, welche Statt in der gantzen Krone reicher ist an allerley gartten, weyde und die da mer gartten hatt als Dantzick, dennoch ist diese reicher und ist voer ihr wenig der langgarte, die Sandtgruebe, das Sottlandt.

Hie findett man nicht alleine mehr obs, blumen und krautt, sonderen auch

[873] Что касается Львова, то это один из знаменитейших камней в Польской короне¹, Столица Руси². Он находится на таком месте, будто это беседка в середине Рая. Вокруг него такая чудная местность, что в этом отношении не уступает первенства никому, но превосходит всех, и представляется, что все это создал Господь. Его жители получают всякие блага не только издалека, но и у двери дома. Стоит им только выйти за порог, как им доступно столько удивительных вещей, ради которых многие ездят за сотни миль. Если захочешь увидеть широкие поля, горы и долины, холмы и высокие альпы, кустарники и леса, то выйди просто за свои ворота, и ты сможешь все это не только обнять глазами, но и достигнуть руками. В Королевстве нет Города, который меньше бы испытывал нужду, чем Львов, он богат всем, да так, что другие у него просят. Я не знаю города во всем Королевстве, более изобильного различными садами, выгонами, чем Данциг, и в котором больше садов, однако этот богаче и с ним не сравнятся [города] Ланггарте, Зандгрубе и Шотланд³.

Здесь найдешь не только больше плодов, цветов и капусты и многого

mehrerley art, datzue machet es der gedige himmel folkomener und reiffer dan sonstwoe. Hie [874] waxen <1582> nueße und pflaumen in huenerieiers grösse, die, nach deme sie getreugt sein, werden sie grosse fesser fol bis in die Moßkaw gefuerrt. Hie tragt man den wein aus dem garten, nicht alleine in körblein tzu markte, sondern bringen sein von einer presse 50, 60 fesser tzu keller. Durch witz unde fleis der gärtner wirt ihr wein von jare tzu jare krefftiger, das man manigen wein nicht for einheimischen, sondern for gebrachten heltt. Hie müssen fiele schlechte bluemen dopeltt werden, kleine wurtzeln auch obes, groes, welchen sie auch die bleiche vertreiben, und die nature so tzwingen, das sie mit gewalt eine schöne farbe erhalten. Hie siet mann nicht alleine den tzipres und roßmarin inn töpfen, sonderen findet sein gantze gartenbette foel. Feyen, kastanienbeume, melonen und artitzoki samtt sonst außlendischem gewexe ist hie kein wunder, auch geben dieselbigen nicht alleine ihre bluemen, sonderen datzu ihre frucht. Hie kennet mann keinen wintter foer allerley frischem kraute und obs. Wolreichende negelein weiß unnd roth, deßgleichen der besten fiolen gelb und braun, samt sonst frischen bluemen findet man alhie tzu jeder tzeitt durchs gantze jaer. Nicht alleine sein hie gartten umb des gemeinen nutzes wiellen, sondern auch tzu ergetzunge des menschengar ordentlich außgeteilt mitt schönen luftheusern, weyern und was sonst tzur lust gehört, als da sein peilchen taffel, kegelbahn etc.

Eine grosse schnabelweyde hatt diese Statt, sie hatt genug wiltpret wintter und sommer, beiders an fögel und thier. Fiele huener und indike, allerley fies hatt sie gnug, fische gnug, welches in ihr alles wolfeyler ist dan sonstwoe. Alles fieh, das aus der Podole oder Walacheye in Welschlantt geht, mus sie erst vorbej.

другого, но здесь милостивое небо делает все это более совершенным и зрелым, чем где-либо еще. Здесь [874] орехи и сливы вырастают <1582> с куриное яйцо, и, высушив их, вывозят огромными бочками вплоть до Москвы. Здесь из садов⁴ не только выносят вино в корзинках на рынок, но отправляют из-под прессы по 50, 60 бочек в погреб. Благодаря сообразительности и усердию садовников их вино год от года становится крепче, так что многие сорта вин считают не местными, но привозными. Здесь многие мелкие цветы становятся вдвое крупнее, мелкие корни, как и плоды, большими, у них прогоняют бледность, а природу силой принуждают награждать их ярким цветом. Здесь увидишь кипарис и розмарин не только в горшках, но и найдешь грядки, полные ими. Фиги, каштаны, дыни и артишоки наряду с заморскими растениями здесь не диво, и все они не только цветут, но и приносят плоды. Здесь не знают зимы никакая свежая капуста и плоды. Благовонные белые и красные гвоздики, как и лучшие фиалки, желтые и коричневые, равно как и другие цветы, можно найти повсюду в течение круглого года. Здесь сады не только ради всеобщей пользы, но и для увеселения человечества разделены прекрасными беседками, садками и всем, что относится к развлечениям, как то: площадки для игры в кегли и т.д.

Вокруг этого Города раскинулись обширные охотничьи угодья, там и зимой и летом достаточно дичи – равно птиц и зверей. Много кур и индеек, довольно всякого скота, довольно рыбы, все это дешевле, чем где бы то ни было⁵. Весь скот, что идет из Подолья⁶ или Валахии⁷ в Ита-

Ihren hecht ist man tzu Wien in Ostreich, unangesehn das da die fischreiche Tonaw durch sieben brucken [875] rient. <1582> Haelb Europa bin ich durchtzoegen und in den beruembsten Steten der welt gewesen, aber in keiner habe ich mererley broets gesen als man hie fast teglich tzu markte bringt, das auch fast ein ider fremder seiner landart brott, struetzel, seemel, kuchen, und wie es mag genent werden, findet. Hie ist biers und methes die gröste fuelle, nicht alleine heimgebrauens, sondern auch deren, die aus anderen Stetten gebracht werden. Wein fuert man ihr auch tzue, aus der Moldaw, aus Ungern und Griechen, dessenn man tzu tzeiten uber die tausent fesserr auf einem hauffen am Ringe siet, und ist da seine niederlage.

In dieser Statt ist kein wunder wie tzue Venedig, auf ihrem Marktæ, alle tage auch aus aller welt örtter folk beyderr pershoen in ihres landes kleidunge tzusehen, die Ungern in ihren kleinen magerchen, die Kozaken in ihren grossen kutzmen. Die Moßkwitter in ihren weyssen ßepken, die Turcken in ihren weyssen tzolmen. Diese in ihrer langen kleidunge, wieder die Deutzen, Welschen, Frantzöser, Hisspanier in ihrer kuertzen. Es sey einer, was tzunge err wolle, er findet hie seine sprache. Und warlich, all liegt diese Statt uber hunderttt meiln vom Meere, dennoch wen mann aufm ringe gewar wirt, wie sich so ein haufen Candier, Turcken, Griechen, Welschenn, noch in ihrer schiefkleidunge, umb die malmasir fesser mischen, dunkt einem nicht anders nur, es sey der Portt for dem thoere.

In der woche heltt sie drey merkttage: am Mittwoch, Freytag und Sonabend. Tzu welchen sich so ein hauffen folks versammelt, das sein die gantze statt samtt allen voerstetten fol wirt. Im

лию, первым делом проходит возле него. Его щук едят в Вене в Австрии, невзирая на то, что там богатый рыбой Дунай пробегает под семью мостами⁸. <1582> [875] Я проехал пол-Европы и побывал в славнейших Городах мира, но нигде не видал такого разнообразия хлебов, которые почти ежедневно выносят на рынок, так что почти каждый иноземец находит сорта хлеба, струделей⁹, пирогов¹⁰ и как бы их ни называть, точь-в-точь, как на его родине. Здесь огромное количество пива и меда, не только сваренного на месте, но и привезенного из других Городов. Вино сюда тоже привозят из Молдавии, из Венгрии и Греции, и порой у рыночной площади можно увидеть свыше 1000 бочек в одной куче, в этом месте их складывают.

В этом городе на Рынке, как и в Венеции, в любой день можно увидеть людей обоого пола изо всех краев мира в одеждах их стран, Венгров – в их маленьких магерках¹¹, Казаков – в их больших кучмах¹², Московитов – в их высоких шапках [Веркен]¹³, Турок – в их белых чалмах¹⁴. Эти – в своих длинных одеждах, а Немцы, Итальянцы, Французы, Испанцы – в своих коротких¹⁵. И каждый, какого бы он ни был народа, найдет здесь соотечественника. И хотя действительно этот город лежит в сотне миль от Моря, находясь на рынке и видя массу жителей Крита, Турок, Греков, Итальянцев, да еще в их корабельных одеждах, чтобы легче было мешать мальвазию¹⁶ в бочках, нельзя не думать, что за воротами находится Порт.

На неделе у них три рыночных дня: по Средам, Пятницам и Субботам. Тогда здесь собирается такая толпа народа, что переполняется весь город вместе со всеми предместьями.

Jenner auf Agnetis helte sie Jarmarkt, der weeret tzwo wochen, da ist erst ein grosses folk aus der kroene und ausser der Krone tzusamen. [876] Und <1582> nicht alleine auf diese tzeit, sondern alle tage ist da markt, dan teglich komen da kramer aus gantz Reussen, aus der Podolle, aus der Wallacheye und Moldau, ihre kauffenschaft tzutreiben. Dan hie findet man alle tage so manigerley wahr als man erdencken mag, auch bekommt man hie allerley gutte hantwercker, und die druckereye selbst. Ist nicht iderman bewust, woe manigen kram in Preussen, in der Schlesig, ungedacht gantz Polen, die hieschen Armenier mitt ihren köstlichen wahren außfuellen?

Nicht alleine komen hie fremde leutte ihrer kauffenschaft nach, sondern verkauffen sich ihr samt alle dem ihrigen selbst tzu ewigen tzeiten. Dan wen sie dieser Stat gelegenheit samt gutter ordnung gewar werden, noch datzue des feinen sauberen Frauenfolkes erbarcheitt, tzucht, geberde und heußlicheitt, vergessen sie ihres vatterlandes samt allen freunden, verkauffen da ihre geerbte grunde und tragen das gelt in die Lemberg, neue freunde tzusuchen. In keiner Statt des gantzen landes hastu besser Polnisch und Reusch, ihr giebt man alleine den dank, das sie diese beide sprachen am reinsten und lieblichsten hatt. Hie ist das prechtigste folk, der reichste adel, hie hastu den vernunftigsten Rhatt. Hie hastu noch gelerte Doctores in allen rechtten, in allen kunsten, und unter den Burgern eine grosse tzahl von Edelem stamme, auch die, umb ihrer treue willen und geßiklicheitt geadelt und tzu rietter geguerttet sein. Hie hastu einen Ertzbischof mit fromer versamlunge heyliger Priester. Dies ist eine Statt, die keinen Ketzler in sich nestelen lest, sonderen wierft sie aus wie der Ocean das unreine.

В Январе на день Агнессы¹⁷ устраивается двухнедельная Ярмарка, на которую собирается много народа из Короны и из других стран [876] И <1582> не только в это время, но и ежедневно здесь идет торговля и сюда приезжают купцы изо всей Руси, из Подолии, из Валахии и Молдавии¹⁸, чтобы вести свою торговлю. И так здесь в любой день можно приобрести все, что только можно придумать, в том числе хорошие ремесленные изделия, а также печатную книгу¹⁹. Разве не ясно каждому, где здешние Армяне²⁰ пополняют своими драгоценными товарами многие лавки в Пруссии, Силезии, уж не говоря обо всей Польше?

Чужеземцы приезжают сюда не только ради торговли, но для продажи себя самих со всем своим имуществом в вечное рабство. Так как, познакомившись с расположением этого Города и его отменными установлениями, да еще в придачу с сострадательностью, благовоспитанностью, хорошим поведением и домовитостью изящных и чистоплотных женщин, они забывают свое отечество вместе со всеми друзьями, продают унаследованные земли и несут деньги во Львов в поисках новых друзей²¹. Ни в одном Городе всей страны нет лучшего Польского и Руского, можно лишь благодарить его, что он оба эти языка сохраняет наиболее чистыми и любимыми. Здесь великолепнейший народ, богатейшая знать, здесь ты найдешь разумнейший Совет. Здесь ученые доктора всех прав, всех искусств, среди горожан много таких, которые происходят из благородных, а также таких, которые за их верность и способности причислены к дворянству и пожалованы в рыцарство²². Здесь Архиепископ с благочестивым собранием святых Священников. Это город, который не позволяет угне-

Keinen besonderen wasserflus hatt sie, darume wirt ihr wie einem anderen Braunschweiche tzugesprochen: O Lemberg, werstu wasser reich, woe funde man deines geleich? Es war etlicher Herren raht, das man ihr den [877] Niestr <1582> tzufuerte, aber die andern bewiesenn solches nichtes anders nur eine unnutze arbeit tzusein, dieweile sie sich sowol hatt als hette sie die Weysel selbst. Sie leuft nach occidens, der Poltef hart vobey, ist ein fluslein fast der dantziger Radaune gleich, das dienett ihr nach aller notturft. Nachdeme aber dies wasser auf der Voerstat etliche teiche mitt fischen gelassen hatt, etlichen muellen, meel tzum brotte und maltz tzum biere bereittet, den Fleischern die stelle, den Gerbern die heuser gereiniget, eylet es jen Bußk, 5 meilen, da komt es dem Buge tzuhuelffe, die kane auf die Weissel tzuschauen und jen Dantzick tzubringen. Sonst hatt die Statt wasser genug, den kaume ein haus in ihr tzufinden ist, das nicht seinen eignen ruerkasten mit dem schonsten frieschen und sonderlich gesundem wasser hatt.

Ihren namen hatt diese Statt von demm berge, untter welchem sie liegett, oder vom Schlosse, welches auf demselbigen berge steht. Augenscheinlich gnug ist, das da tzufoer, woe itzt die Lemberg liegt, eine grausame wueste war, auch soe tzwuschen den bergen und thaelen als es da hatt, das kaume eine wieldere mochte erdacht werden, ich schweige einem voerkommen. In dieser wueste auf dem berge (wie in gantz Reussen die gemeine rede geht und muellig ist) hielt sich ein Lewe auf, welcher sich nicht alleine den umewoenenden durch sein geschreye tzuerkennen gab, sonderen thatte umehar so lange schaden, das sie in gar tzuwol kantten.

здиться ни одному еретику, он выкидывает их вон, как Океан – нечистоты²³.

Он не имеет никаких особенных рек, поэтому ему можно сказать, как другому Брауншвейгцу²⁴: «О Львов, если бы ты был богат водами, где бы найти равного тебе?» Некоторые Господа считают, что следовало бы подвести [877] Днестр, <1582> однако другие доказывают, что это было бы ненужной работой, поскольку городу достаточно, как если бы сама Висла была рядом. Она бежит на запад, Полтеф совсем рядом, это речушка, почти как Данцигская Радауне²⁵, она удовлетворяет все потребности города. После того как она оставляет в Предместье некоторые пруды с рыбой и ряд мельниц, готовит муку для хлеба и солод для пива, чистит бойню Мясликов, помещения Кожевников, она спешит к Буску в 5 милях, и приходит на помощь Бугу, чтобы спустить на Вислу барки и доставить их в Данциг. Таким образом, в Городе достаточно воды, вряд ли можно найти дом, где бы не было своего водоема с прекраснейшей свежей и исключительно здоровой водой.

Город назван по горе, под которой он расположен, или Замку, стоящему на этой самой горе. Очевидно, достаточно сказать, что там, где ныне расположен Львов, ранее была дикая пустыня²⁶, и уж едва ли можно было придумать более ужасное место, чем то, которое находилось между горами и долинами, уж не говорю о том, чтобы такое встретить. В этой пустыне на горе (как разносится молва по всей Руси и как возможно) жил Лев, дававший о себе знать окрест жившим людям не только ревом, но и тем ущербом, который он наносил им и был слишком знаком. Не только его ночное пение наполняло им уши: их взо-

Dan nicht alleine sein nachtllich singen ihre oren fueltte, sondern auch sein langer mueckenwedel kam ihn vor augen. Da sie aber erkantten, das es ein lewe war und nicht ein wolf, wie sie tzufor vermeintten, datzu beforchtten, das er nicht one gesellschaft wurde sein, wart ihnen erst eine forchte eingetrie [878] ben, <1582> so lange bis es for den Furstenn des landes kam. Da nun der Furste durch sein fleissiges nachforschen dieser Sachen bessere kuntschaft nam, gedachte er sich mit diesem lewen eine kurtzweil tzurichtten. Machete sich samt denen, die aufs allerbeste tzu dieser jacht verordnet waren, in die wueste, in welcher der lewe ballte überwunden wart. Wiewol in dieser arbeit, wie gemein, sich ein ider gerne ein lob hette angetzoegen, dennoch musste iderman bekennen, das der Furste selbest das beste dabey gethan hette, und das er sich jegen dieser stercken bestien nicht alleine manlichen gehalten hette, sonderen wie einn ander lewe seine macht bewiesen. Vonn diesem tage an und von dieser tzeit der uberwindunge des lewens uberkam der Fuerste den namen, das man ihn begunnte, Lewe tzunennen, dan sonst solcher name nie untter den Reussen gehoertt wartt.

Dieweile aber dieser neue name dem Fursten tzu sonderlichem loebe diente, nam er in gerne ahn, datzu tzierte er sein waffen mitt einem aufgerichtten springenden lewen. Der berg auch, auf welchem der lewe seine grube hette, uberkam damals den namen, wie man ihn noch in heuttige stunde nentt, des leuen berg, und sein da noch nicht verloschen tzeichen der lewen gruebe.

Als aber der Furste Lew oder Leo diesen leuen berg samtt seinner umbliegen den jegenndt recht durchgrundett hette, gefiel ihm die stelle uber die masse wol, dan nicht weit von des uberwundenen lewen gruebe (welche auf einem hogen

рам являлся и его длинный хвост. Когда они узнали, что это лев, а не волк, как они первоначально думали, и боялись, что он не останется без общества, они стали испытывать страх до тех пор, пока это не дошло до Князя земли. [878] Когда же Князь, <1582> тщательно расследовав это дело, получил более точные сведения, он решил с ним встретиться накоротке. Собрался с теми, кто был наиболее способен к такой охоте, в пустыне, где вскоре был обнаружен лев²⁷. Хотя и в этой работе, как обычно, каждый хотел бы стяжать похвалы себе, но тем не менее все должны были признать, что Князь сам выполнил главную работу и что он не только мужественно держался против этого сильного зверя, но и доказал свою мощь, как другой лев²⁸. Начиная с этого дня – со времени его победы над львом – Князь получил имя Льва, и так его и стали называть, хотя ранее такого имени никогда ни у кого на Руси не слыхали.

Поскольку это новое имя служило Князю особой похвалой, он охотно принял его и украсил свой герб готовящимся к прыжку львом. Гора же, на которой лев нашел свое логово, тогда же получила название, которое носит и теперь, – Львиной горы, и до сих пор не исчезли следы львиного логова.

Когда же Князь Лев, или Лео как следует обследовал эту Львиную гору и ее окрестности, ему это место понравилось в высшей степени, так как недалеко от могилы побежденного льва (которая находится на высокой

schönen, datzu abgesonderten berge ist, und wie gesagt, noch itzt umb der gekratzten grube willenn vor anderen genant wirt des Leuwen berg), ist noch ein schöner höger berg, wie eins buxen schosses von diesem, auf denn nam sich der Furste Lew foer, ein Schlos [879] tzubauen <1582> und daauff seine mayestatt halten. Und warlichen ist dies nicht allein ein schöner berg, sonderen ein wunder der welt, welcher damals noch mer wonders in sich hette, ehe man ihm die spitze ruerte. Err liegett so hoch in freier luft, das er vonn allen seitten weit gesehen wirt, von Lublin her wirt man sein noch voer Bels gewarr, weichs ist uber tzeihen meylen. Ehe das Schlos auf diesen berg kam, ist er nicht anders gewesen, nur wie ein geschutttes piramides und hatt sich uber die wueste gewiesen als were er der berg Synai, itzt aber weiset er sich, als were ihm der hutt abgezogen unde eine krone aufgesetzt, nach beystehender figur. Dieser berg ist fol felsen, dennoch beweist er sich ringsumme nicht anders, nur schön gruen one einiges gestreiche. Gehet von der Schlosmewre von allen seitten gar steyel unde fein glat hinunder, in welchem man ihm mag geholffen haben, denoch mus man bekennen, das ihm die natur fiele gab.

Wiewol dies Schlos ein schlecht ansehen hatt, dennoch siet man auch, das es der Furste Leuwe mitt grossem fleis und kosten gebauet hatt und niergends, nur da, seinen Hoff gehalten. Es empfehett die gantze spitze des berges, wie du an dem obgesetzten tzeichen verstehen magst, und beweisen sich untter der mewre allenthalben felsen. Darume ist auch der weg datzu mitt kostenn in felsen gehauet. Man fert da gar steyel hinauf, von aufgangewertz jehn nidergang, darnach komt man an der meridian-schen seitte tzum mittel des schlosses

Morast - Болото

прекрасной горе, расположенной к тому же поодаль и, как уже сказано, по сей день именуемой из-за логова в отличие от других Львиной горой) на расстоянии пушечного выстрела находится еще одна более красивая и высокая гора, и Князь Лев решил построить <1582> здесь замок²⁹ [879] и сделать его резиденцией³⁰. И действительно, это не просто красивая гора, но чудо света, которая тогда имела еще больше чудес, чем после того, как снесли ее вершину. Она лежит так высоко в чистом воздухе, что ее видно издалека со всех сторон, от Люблина она видна еще до Белза, расположенного за 10 миль. До того, как на этой горе появился Замок, она выглядела, как артиллерийская пирамида, и возвышалась в этой пустыне, как гора Синай³¹, но теперь похоже, что с нее снята шапка и одета корона, как [показывает] приложенный рисунок. Эта гора весьма скалиста, но со всех сторон выглядит чудесно зеленой без какого-нибудь кустарника. От Замковой стены спускается со всех сторон круто и ровно, в этом отношении, возможно, ей и помогли, однако нужно признать, что и природа дала ей немало.

Хотя Замок выглядит плохо, все же заметно, что он построен Князем Львом с большим усердием и расходами³², и тот нигде, кроме этого замка, не держал своего Двора. Замок занимает весь верх горы, как ты можешь понять из приложенного рисунка, а ниже стен со всех сторон виднеются скалы³³. Поэтому дорога к нему пробита в скалах с большими затратами. Там едут то вертикально вверх, от начала к спуску, потом попадают на южную сторону к середине замка на довольно длинную и сравнительно ши-

auf einen langen und tzymlich breitten plac, da wirt itzt wie in einem gartten allerley gesegt. Es ist auch umb diesen plan sonst kein gebew nur die blosse schloßmeure, ausgenomen tzur lincken hand nach occidens, da stehet gar am ende uber tzwer (dan es ist da ser schmal) ein höltzenn tzeughaus, wie dier in diesem tzeichen die No 2 weist. Auf der rechten wieder, vom thoere wertz oriens, ist ein tiefer grabe in den hartten felsenn, [880] uber <1582> den ist eine tzoehbrucke tzum Furstlichen palatze, welcher nur untter einem schindeldache stehtt wie ein groses haus tzweer des schlosses, und ubergehet noch die meurren an beiden seitten.

In diesem hause sein gar herliche saele, stueben und sonst gemecher nach aller noturft. Obene ist eine grose kappelle nach der Reussen weyse getziert, in welcher der furste seine andacht trieb. Aus dieser nach der stattwertz ist ein kapelchen mitt einem Catolschen altare, stehn doch beyde wueste. Alle thueren, pfortenn, thöre und fenster sein mitt außgehaunem steine getziert, daraus itzt tzumercken ist, das nicht ein schlechtt weesen tzu jener tzeitt auf diesem Schlosse war. Wen man uber gedachte brucke komt, geht man unter dem palace durch einen grossen thorweg hinder das haus, da komt mann erst auf einen schönen grossen vierekichten plac, der endet sich mitt dem schlosse an tzuwo hogen halbrunden turmen, nach antzeige No 3. Bey dem turme nach der statwertz siet man einen verfallenen brune, mitt grosser mue in dem felsenn gemacht. Dier ser plac oder hoff hatt umeheer auf der mewre einen gang, welcher einem die gröste augen weyde bringt als man erdencken mag. Bey gedachtem thoerwege tzur lincken seitte ist ein keller in lauteren felsenn gehauet. Auf diesem schlosse ist ein groser hauffe altfrenti-

рокую площадь, на которой ныне, как в саду, расположены всякие насаждения. На этом плане нет никаких сооружений, только одни стены замка, за исключением слева по направлению к западу, совсем в конце поперек (потому что он очень маленький) деревянного цейхгауза, как тебе на этом рисунке показывает № 2³⁴. Справа же, от ворот к востоку находится глубокий ров в твердых скалах [880], через <1582> него перекинут подъемный мост к Княжескому дворцу, крытому черепичной крышей, который стоит как большой дом поперек замка, и вдобавок с двух сторон обнесен стенами.

В этом доме просто великолепные залы, комнаты и другие покои для всяких нужд. Наверху большая часовня, убранная по Русскому образцу³⁵, в которой князь творил свои молитвы. От нее по направлению к городу расположена маленькая капелла с Католическим алтарем, Однако обе стоят пустыми³⁶. Все двери, калитки, ворота и окна украшены каменной резьбой, по чему ныне заметно, что житье в Замке в то время было совсем неплохое. Когда переходишь через упомянутый мост, идешь внизу замка по большой проезжей дороге сзади дома и попадаешь сначала на красивую четырехугольную площадь, которая завершается замком с двумя полукруглыми башнями под знаком 3. У башен по направлению к городу виден заброшенный колодезь, с большим трудом сделанный в скалах. Вокруг этой площади или двора по стене идет ход, с которого открывается наиприятнейший вид, какой только можно вообразить. На упомянутом въезде в ворота с левой стороны находится погреб, выбитый в сплошных скалах. В этом замке большой склад

scher kriegßrustunge als manigerley arm-
boste, schleider, schilde, spiesse, sturm-
hauben, handtmuelen unde sonst.

Da aber der Furste dis Schlos geendet
hette und seine eigne pershone dainne
als an einem unuberwintlichen orte be-
warte, hatt mans one tzweifel dem Her-
ren nach des Leuwen schlos genant, wel-
ches unsere Deutzen nicht feiner auß-
sprechen mögen, nur wen sies nennen
Leuwenburg, und dies were der Statt
rechtter name, welche nach dem
schlosse erbauet wart, das sie auch nach
dem schlosse [881] als <1582> ihrer mut-
ter den namen truege. Oder wie sie die
Reussen und Poelen selbst ihrem Vatter
und Erbauer nach nennen Lwow, so
fiele deuttende als des Leuwen statt,
unde so nennen sie die Latiner auch.
Nur die Deutzen alleine geben ihr einen
namenn, welcher tzuser verdorben ist,
das sie in auch selbst nicht verstehen.

Wen sie sprechen die Reusche Lem-
berg, woltte ich gerne wissen, wo der
ander Lemer berg were, wen joe aus
dem Leuwe ein Lamb sol werden. Man
weist mir aber keinen, sonderen Leu-
wenborch in Pommern, nur 12 meilen
von Dantzick, ist uns nicht unbekant,
unde ohne tzweifel hatt man
tzwuschen diesen stetten alleine solchen
underscheit in der erste gemachett, eine
genant, die Pommersche Lewenborch,
die ander wieder Reusche Lewenborg,
unde nicht von denn bergen, sonderen
von den schlösseren. Und wiewol man
dieses namens mer Schlösser oder Stette
mochtte haben, dennoch gelt solche ab-
sunderunge nur diese tzwe gedachte
ahn, welches leichte tzubeweissen were.
Das man aber diese Statt in deutzen
sprache itzt nicht dem Schlosse oder der
Borch nach nent, sonderen dem Berge,
ist kein wunder, dan wie balte ist
solchs im deutze versehn, so wol im
außsprechen als im schreiben. Umb ein

старинной³⁷ военной амуниции, как
то: арбалетов, катапульт, щитов, ко-
пий, шлемов, скорострельных мор-
тир³⁸ и других.

Когда Князь отстроил замок и соб-
ственной персоной пребывал там как
в неприступном месте, замок, без сом-
нения, по имени Господина стали на-
зывать Львиным, который наши
немцы не могли произносить более
точно, нежели Левенбург, и это было
правильное имя Города, который был
построен после замка, так что город
[881] носит имя замка, <1582> как его
матери. Или как Руские или Поляки
сами называют его по Отцу и Осно-
вателю Львов, означающий то же самое,
что «город Льва». Также называют его
и Латиняне. Только одни немцы дали
городу имя, которое слишком сильно
испорчено, так что даже сами его не
понимают.

Когда они говорят Русский Лемберг,
я бы очень хотел знать, где находится
другая гора Лемер³⁹ и когда Лев пре-
вратился в Ягненка? Но мне никакой
другой не называют, кроме небезыз-
вестного нам Левенборха в Помера-
нии, в каких-нибудь 12 милях от Дан-
цига. И без сомнения, только между
этими городами отмечена единствен-
ная разница: один назван Померан-
ским Левенборхом, второй – снова Ру-
ским Левенборгом, и по названию не
гор, но замков. И хотя можно найти
гораздо больше замков или городов с
этим именем, но такое различие го-
дится только для этих городов, что
легко можно было бы доказать. А что
в теперешнем немецком языке⁴⁰ этот
город называется не по Замку или
Бургу, а по горе, то ничего удиви-
тельного нет, ибо вскоре как в разго-
ворном немецком, так и в письмен-
ном произошла ошибка. Стоит при-
бавить на одну буковку больше, и из

buchsteblen ists tzuthuen, so hatt man aus Bo rg Be rg. Ist dennoch nichttes aus dem wege, dieweile der berg der Statt neher ist den das Schlos, unde steht die Statt auf seiner wurtzel, wirtt auch ofte von seinem schatten bedeket, aber den Leuwen soltte man also gar nicht verkert haben, dieweile die stat in heuttigen tag einen Leuwen zum waffen hat. Dieser Leuwe ist ihr von ihrem erbauer tzum ewigen kleintotte gelassen, dan er wuste ihr sonst kein grösseren tzier als den, da er sich selbst mitt schmukte. Unde das ist ein Lewe, der springet aus einem dreyturmichten toere, wie aus beygesetztem tzeichen tzuverstehen ist .

[882] Datzu <1582> ists kein lehm berg, den aus ihme alles santt tzur Statt noturft gebracht wirt. Lham dienett ihm auch nicht, dieweile er recht schaffen schön ist, darume ist ihm ander name nicht tzugeben samt der Statt tzusamen, nur Leuwenberg, wiewol man sich dem hauffenn nach mus des verdorbnen namens halten.

Was gestalt aber diese weittberumte Statt untter diesen berg und untter dies geratten ist, habe ich von den altten soe gehört. Tzu derselbigen tzeit, da der Leo diesem Schlosse den ortt umb den Lewenberg tzurichtte, warden seine diener auf einem anderen berge jegen dem Schlosse uber eines anderen, sonderlich erhaebnenn schönen berges gewar, da sie den erkundigten, kamen sie uber einen heßlichen drachen, welches, da der Furste erfuer, schafte er solchen rhatt, das der grausame worme ume kam. Verordnete auch von stundan, das auf dem berge, da der worme sein nest hette, eine kirche in S. Görgens ehre als demme, welcher auch ein solchen worm umbracht hette, gemewrt war, und machte sie seinen Reuschen Priestern tzur Pfare.

Бо рг получается Бе рг. Но это отнюдь не потому, что гора ближе к Городу, чем Замок, а Город стоит на ее подножии и часто бывает покрыт ее тенью. Но слово «лев» совершенно не должно было настолько исказиться, в особенности потому, что Город и сегодня имеет Льва своим гербом. Строителем города этот Лев дан ему навечно в качестве регалии, так как он не знал более сильного зверя, чем этот, которым он и сам себя украшал. И это лев, который прыгает из трехбашенных ворот⁴¹, как видно из прилагаемого рисунка. [882] К тому же <1582> это вовсе не гора из глины, так как весь песок из нее вывезен на городские нужды. Слово «увечный» ей тоже не годится, поскольку она наикрасивейшая, и ни горе, ни Городу, никакое иное имя, кроме Левенберг, не пристало, хотя, согласно общепринятому мнению, следует придерживаться испорченного имени.

Какой облик имел этот всемирно известный Город под этой горой и как он сложился таким, я слышал от стариков следующее. В то самое время, когда Лео определил место замку у горы Левенберг, его слуги проведали о другой, особенно высокой и прекрасной горе напротив Замка, и, когда узнали, нашли отвратительного дракона, который умер, когда князь, узнав об этом, предпринял меры. И приказал, чтобы на горе, где этот змий свил свое гнездо, была поставлена церковь во имя Св. Георгия, как победителя подобного же змея, и передана Руским Священникам как Приходская⁴².

Diese kirche ist etwan so weitt vom Schlosse wie das Dantziger Hoge thoer vom Werderschenn thoere, liegett auf einem runden berge, welcher nach aufgangwertz, welchs dan jegen derr stat, auch schlosse geht, hoch und steiell ist. Machet auch da einen raum oder eine ebne tzder statttzu, von der anderen seitte hatt er wieder das schönste feltt, welches er nicht seer ubergehet und dennoch dafon tief und breit abgesondert ist. Dieser gantze berg ist felsenn, das auch die gantze kirche auf blossen felsenn steht. Nicht weitt von der kirche weiset man des gedachtten worms gruebe im felsenn, welche man in itzige stunde die Drachenngruebe nent. Diese kirche samt dem priester gebeye begreift den gantzen spitz des berges. Bey ihr hatt der Reusche Wladik oder Bischof noch in heuttigen tag seinen sitz, und schreibet die kirche stoletznaya cerkow, das deutet [883] die <1582> Stuelkirche oder schier der Thum, wiewol in der Statt eine grössere und schönere Reusche kirche ist. Diese S. Jörgens Cerkof ist kaume so gros als S. Barbern tzu Dantzig, doch nach der Reusen weyse gebauet. Bey meiner tzeit ist sie durchaus verneuert und mit eittel neuen bildern getzierett. Welche Fietko der Reusche Maler mit grosem fleisse gemacht hatt, und wiltu eine schöne wolgetzierte kirche sehen, so gehe tzu dieser hinein, den außwendig ist sie nichts, ob sie schon mitt bleche beschlagen steht.

Bey dem baw dieser kirche fingen sich auch balte leutte tzurucken, eine den Priestern tzudienen, die anderen Gotte, sich bey dieser kirche aufhaltende Gotte tzudancken, das er diese stelle von solch einem gieftigen worme erlöset hatt. Andere wieder ihrer naruge nach, tzugefallen des Fursten Howe unnde dem folcke, das des Herr Leuwenborg stets besuchte, so lange bies

Эта церковь находится на таком же приблизительно расстоянии от Замка, как данцигские Высокие ворота от Вердеревских, поставлена на круглой горе, которая идет к востоку напротив города и замка, высокой и крутой. Образуется пространство или равнину по направлению к городу, с другой стороны тоже прекраснейшее поле, которое она не пересекает, однако все-таки и в ширину и в длину обособлено. Вся эта гора – сплошные скалы, и церковь целиком стоит на голой скале. Недалеко от церкви показывают яму вышеназванного змия, которая в настоящее время называется Драконовой пещерой. Эта церковь вместе со строением священника занимает всю вершину горы. При этой церкви Русский Владыка [Wladik], или Епископ имеет свою резиденцию, и церковь именуется «stoletznaya cerkow»⁴³, то есть [883] престольная или почти собор, хотя <1582> в Городе есть бóльшая и более красивая русская церковь. Эта церковь Св. Георгия по величине едва достигает костела Св. Барбары в Данциге, но построена в русском стиле. В мое время она была обновлена и украшена несколькими новыми иконами. Их с большим тщанием написал Фетко, русский художник⁴⁴, и если ты хочешь увидеть красивую церковь, то войди внутрь, так как снаружи она не представляет ничего, хотя уже покрыта жезью⁴⁵.

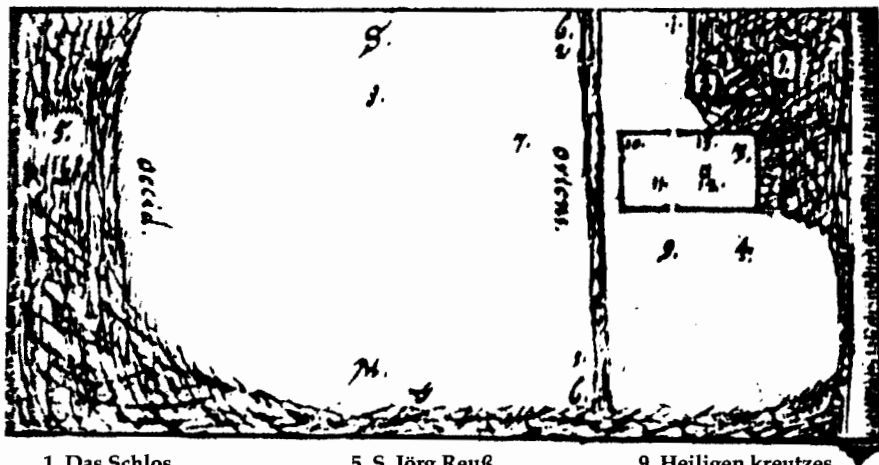
При строительстве этой церкви вскоре к ней стали прибывать люди, одни – чтобы служить священнику, другие – Богу, оставаясь при ней, чтобы возблагодарить Бога за то, что он избавил это место от такого ядовитого змия. Другие же – ради пропитания при Дворе Князя и у народа, который постоянно посещал Государя Левенборга, вплоть до того, как на

aus solcher versammlung ein gros dorf erwox, welchs sich noch heute in die voerstatt außstreckt.

Da aberr der Hertzog sahe, das da nicht schwer ankeme, eine Statt tzubawen, gefiel ihm der Thael untter dem Schlosse, welchr eine grosse ebne ist, umehar mitt bergen umfasset, nach weisendem tzeichen.

этом месте в результате скопления людей не возникла большая деревня, раскинувшаяся до сих пор в предместье.

Когда же Герцог увидел, что уже не трудно построить Город, ему понравилась Долина под Замком, равнина, со всех сторон окруженная горами, как показывает рисунок.

1. Das Schlos. Замок.	5. S. Jörg Reuß. Св. Георгия русская.	9. Heiligen kreuzes Святого креста.
2. S. Marien far. Св. Марии приход.	6. Polteflus. Река Полтев.	10. Under schlos Подзамочье.
3. Prediger Kirche. Церковь проповедников [Доминиканская].	7. S. Stentzel. Св. Стенцеля.	11. Die pfare. Приход.
4. Berndiner. Бернардинцы.	8. S. Annenn. Св. Анны.	12. Das Rahthaus. Ратуша.
		13. Armenier kirch. Армянская церковь.

[884] S. Jörgens <1582> Kirche beweiset sich nach dem Schlosse am ersten, aus der Statt gebewe, und deßweges kommt man auf den Hammel berg von Lublinn. Darnach tzielt sich das gebierge nach forgebildter gestalt und umepfahet einen tieffen weittenn thael, welcher sich nach Mitternachtwertz ser weit aufthuet unde hinder das Schlos reichende

[884] Из городских строений первой после замка показывается церковь Св. Георгия <1582> и этим путем приходят на гору Гаммель со стороны Люблина. Потом горы тянутся указанным образом и огибают глубокую и широкую долину, которая простирается очень далеко на север, а за Замком идет до Подолья. Поскольку

sich bis in die Podole giebt. Dieweile sich aber damals die Poltef in diesem Thaele hin unde her theilte, datzu untter diesem gebirge im walde ein grossen morast gemacht hette, lies sie der furste in einen graben samlen und abfueren, das ertreich außtrucken, datzu den walt außhauen. Darnach fing der Fuerste Leo untter seinem Schlosse die Statt außzumessen, daselbst freyheitt außruffen und sie aufs beste versorgen, auf das sie und sein name, waffen unde loeb mochten ewig theuren. Da auch das folk merkte, das sie gros worde waxen, an wasser unnde holtze reich sein, drengte sich iderman tzu ihr. Deßgleicher wart denen umb S. Jörgens kirche geboetten, das sie sich hinunder truegen, welchs sie gerne thatten, dieweile ihnen da das wasser leichter ankam, datzu untter dem hauffen vor den Ungern, Moldauern, Tatern ihren Nachbarn, auch for denn Masauern feher waren. Von der tzeitt ahn bis in heutigen tag nam die Statt tzue, das sich itzt ihre Voerstatt bis an S. Jörgen tziett, und solche hatt sie ringsumb sich von allen seitten, untter welchen sich 8 der vornemsten gassen befinden. Bey meiner tzeitt hatt diese Statt so zugenomen, das, da ich aus ihr tzoeh, dauchte sie sich jegen deme, wie ich tzu ihr kam, wie eine ander tzusein.

Von S. Jörgen jen Septentrion uber feltt, auch schon aufm felde, stehet ein gemewrt kirchlein tzum Heiligen kreutze, das hatt vom Rhathause her die masse, wie fern der Herr Christus das kreutze bis auf den berg Calvarie trueg, und da sich in solcher proces dem Herren ein niederfael oder sonstwas den Heiligen Evangelisten nach traf, ist dieser weg mitt einem gemewrten kreutze getzeichnet. Diese versiet die Schuestertzeche, welche es auch bey meiner tzeitt außm grunde von neues gar hueps kreutzweise gemewrt haben, und Herr Dzurdzi einn Unger und vornemer kauf-

раньше Полтев в этой долине там и сям разделялся и под этими горами в лесу образовывал большое болото, князь велел собрать в яму и отвести его воды, чтобы осушить почву и к тому же вырубить лес⁴⁶. Потом Князь Лео начал размерять Город под своим Замком, провозгласил свободу⁴⁷ и обеспечил ее наилучшим образом, чтобы он [город] и его имя, герб и слава могли цениться вечно. Когда народ заметил, как быстро растет город, богатый водой и деревом, каждый устремился к нему. Тем, которые жили около церкви Св. Георгия, предложили спуститься ниже, что они охотно и сделали, поскольку им там легче было добираться до воды, к тому же при скоплении народа они были в большей безопасности от Венгров, Молдаван, Татар, их соседей, а также Мазовшан. С тех пор до сегодняшнего дня Город продолжает увеличиваться, так что его предместье достигает церкви Св. Георгия, и так происходит со всех сторон, где под № 8 находятся главнейшие улицы. В мое время город так вырос, что, когда я оттуда уезжал и когда приезжал, казалось, что по сравнению с прежним это другой город.

От Св. Георгия на север через поле и уже на поле стоит каменная церковка Святого Креста⁴⁸, отделенная от Ратуши таким же расстоянием, как крестный путь, пройденный с Крестом Господом Христом до горы Кальвария⁴⁹, и там, на этом пути, где Господь падал или случалось что-либо еще согласно Святым Евангелистам, эти места отмечены каменными крестами. Их поставляет цех Сапожников⁵⁰, который уже в мою бытность превосходно отстроил эту церковь заново – от основания каменную по образцу креста, а Господин Джурджи,

man, hat das hoge Altar daz zu geben. Her Jacob Torossowitz Armenierr hatt auch hinder ihrem Kore lassen aufrichten eine hoge geschnittene Passig mitt den Schechern, [885] die <1582> steht aufm schönen gruenen kirchhowe mit dem angesichte nach der statt gewendt, und treibt hie das folk des Freytages ein solche andacht, als thetten sie da Christum frisch for ihren augen hengen.

Weitter hinab der Statttzu ist S. Anen kirchlein, das heltt die Schneyder tzeche. Erst war es nur in holtz gemewrt, itzt aber bey meiner tzeitt aus dem grunde steinern, daz zu hats ein schön new altar, tzu welchem allem half gedachterr Her Dzurdzi oder Jeorgi, dan sein garte stost an diesen kirchhof. Dies khirchlein theiltt die Vorstatt in tzuwo gassen, welcher eine tzum Heiligen kreutze geht, die ander nach S. Jörge, wie hiebey zuverstehenn ist.

Weitter hinunder an der rechtten hant ist ein fein gemewrt kirchlein tzu S. Stentzel geheisen, dabey ist ein gutt Spittal, doch von holtze gebaut.

Untter dem Schlosse ist bey meiner tzeit wie auf der helfte des berges ein fein Frauen kloster gebauet. Es hatt einen schönen lustigen plac ein, welchen die Frauen noch immer mitt tzukauffen erweiteren. Sie haben sich eine schöne kirche gemewrt, an grösse wie tzu Dantzig S. Elßbeten, die tzieren sie von tage tzu tage, fueren auch ihr kloster mitt einer mewre umme, darnach werden sie es selbst mewren. Itzt sein der ordenschwestern bey tzuwanzigen, und alle meine beichtkinder, denen stehet foer Jungfraw Katerinna Szaparastzonka. Diese wonte tzu Przemißl etliche jar bey unsers Ordens schwester Jungfraw Mad-

Венгр и известный купец⁵¹, дал для этого высокий алтарь. Господин Якоб Тарасович, Армянин, вместе с мелкими торговцами тоже поставил за хорами высокие резные Страсти [885], которые, <1582> обращенные лицом к городу, стоят на чудесном зеленом церковном дворе, и здесь каждую пятницу народ творит такую молитву, как если бы там заново вешали Христа перед их глазами.

Дальше ниже к Городу, стоит церковка Св. Анны⁵², которую содержит цех портных. Сначала она вся была построена в дереве, но уже в мое время от земли в камне, к тому же имеется прекрасный чудный алтарь, к созданию которого причастен упомянутый Господин Джурджи, или Георгий, так как его сад упирается в эту церковь. Эта церковка делит предместье на две улицы, одна из которых идет к Святому Кресту, другая – к Св. Георгию, как понятно из приложенного рисунка.

Дальше ниже на правой стороне стоит чудесная каменная церковка Св. Стенцеля, а при ней хорошая больница, построенная, однако, из дерева⁵³.

Под замком при мне на середине горы был построен красивый женский монастырь. У него прекрасная радостная площадь, которую женщины все время увеличивают с помощью покупки. Они построили себе прекрасную церковь Св. Стенцеля, в размерах Св. Елизаветы в Данциге, они постоянно украшают ее, обводят монастырь каменной стеной, при этом сами трудятся каменщицами. Здесь около двадцати орденских сестер, и все они мои духовные дочери, во главе с Девицей Катериной Шапарашчонкой. Она несколько лет прожила в Пшемьшле при сестре нашего

lena Dobrostayska genant, willen des ordens Tertii habitu mitt ihr antzunemen. Dobrostayska war schon von meinem Ordens Vatter Preier Andrea, da er noch tzu Przemißl Preier war, eingekleidet, aber der Orden wolte sie nicht tzur professii lassen bis sie sich einen anderen plac nicht so nahe beim kloster bekam. Und dieser Ursache halbn hette die Jungfraw grosse muhe. Da sich aber Szaparaßczonka tzu ihr gesellte, rieth sie, ihr das regiment tzulassen, dieweile sie grössers ansens warr wegen des Stams, der vermögenheit unnde außrede, sie wolte ehe alles bey dem Bapst und Orden tzuwege bringen. Schwester Magdalena, welche von fielem reyzen und umelaufen fast schwach war, auch der beuttel tzu ihr geschwechet war, hette leichtlich in solchen rhatt verwilligett. Aber da solchs der Orden merkte, [886] begunten <1582> sie sich des tzuwegern, das Schwester Madalena, welche schon maniges jar dem Orden mitt grosser mueseleicheit und kosten jhenertzeit nachging, datzu das Ordenßkleitt samt sonst etlichen Jungfrauen antrug, dessen tzuletzt sollte beraubt werden, das man ihr sollte die ehre entzucken und inn einer anderen hant das Kloster tzu Przemißl confirmieren. Wiewol auch jungfraw Katerina solcher ehren nicht gros achtte, nur verdros ihr tzuwartten, den solche dinge kommen in unserem orden ser schlefferich und mitt grosser mue. Also machte sie sich auf tzum tzum ertzbischofe in die Lemberg, erhielt bey ihme so fiele, das er ihr einen plac bey der Statt tzu ihrer andacht vergontte unde sich bey dem Bapste umb alles besorgte, was einem kloster vonnötten war. Sie wieder tzoeh in Preussen tzu Colm, da war sie im frauen kloster ein jar samt ihren Schwestern und lehrte des Ordens weyse. Darnach wendte sie wieder in die Lemberg, fing ahn kloster und kirche tzubauen, in welchem sie leeben nach der regel S. Bene-

Ордена Девине Мадлене Добростайской ради вступления в орден терциариев⁵⁴. Добростайская была уже облачена⁵⁵ Патером нашего Ордена Приором Андреем, тогда еще Приором в Пшемьшле⁵⁶, но орден не разрешал ей принести обвет, пока она не получила другого места, не столь близкого к монастырю. Из-за этого у Девинцы было много трудностей. Когда, однако, к ней подселилась Шапарашчонка, она посоветовала оставить правление ей. Поскольку она пользовалась большим уважением из-за Происхождения, состоятельности и красноречия, она прежде всего хотела все уладить у Папы или Ордена. Сестра Магдалена, почти больная от многих переездов и беготни, с опустевшим кошельком, легко последовала этому совету. Когда Орден это заметил, [886] они начали <1582> противодействовать тому, чтобы Сестра Мадалена, уже много лет следовавшая за Орденом с большим старанием и неся немалые расходы, для чего и носила Орденскую одежду вместе с несколькими Девами, в конце концов была бы ее лишена, лишена чести, и, с другой стороны, чтобы Пшемьшльский Монастырь был конфирмирован. Хотя девица Катерина не высоко ценила эту честь, ей наскучило ждать, так как подобные вещи происходят в нашем Ордене очень медленно и с большим трудом. Так она отправилась к архиепископу во Львов, получила от него так много, что он милостиво предоставил ей место у Города для ее богослужения и позаботился у Папы обо всем, что нужно для монастыря. Она снова вернулась в Пруссию в Кульм и вместе со своими Сестрами год пробыла в монастыре и разузнала Орденские обычаи. После этого снова вернулась во Львов, начала строить монастырь и

dicti. Auf einem berge hinder diesem Kloster lies der Ertzbischof eine hoge geschchnittene passig aufrichtten und begabte die leutt, da betende, mitt ablasse, auf das alle untzucht abgewendett worde, die sonst an dem ortte schwebte.

Weitter tzum Statthoere wie auf dem fusse dieses Berges stett S. Marien kirche an einem lustigen ortte in holtz gemewrt. Bey meiner tzeitt ist sie allenthalben verneuert, dem hogen Altare ist ein schön new bild aufgesetzt, inwendich durchaus mitt schönem panel belegt, neue fenster mit gemolten Scheiben, auch aussen ringßume gemaelt unde ansenlich gemachett. Diese kirche ist tzufoer der Stat pfare gewesen.

Untter dieser kirche endett und wendet sich der Berg. Unde gehett eine grosse vorstatt nach Mitternachtwertz, wie du im obgesetzten tzeichen, bey solchem kreutzlein magst verstehn. Da hatt diese gasse tzur rechten handt wie auf des berges fusse S. Johans kirchlein, ist gemawrt. Darnach ist eine schöne gemewrte Reusche kirche tzum Monastier genandt, darume das da auch [887] ein <1582> schön gemewrt haus vor ihre munche ist. Bißweilen wont da ein munch, tzwe, aber itzt vor kurtzen jaren fingen da Reusche jungfrauen tzuwonen und ein nonnen leeben fueren. Diese Tzerkow oder kirche ist auch bey meiner tzeitt durchaus verneuert und mitt schönem moelwercke getziert. Weitter dieses wegес haben die Reussen eine alte Cerkow vor kurtzer tzeitt abgebrochen, undann ihre stelle eine ander ser schöne von holtz gesetzt. Vom Reuschen Monastier einwenich weitter ist das Armenische Monastier, auch nur ein gros gemewrtes haus, wiewol sonst ander höltzen gebew dabey ist, bey dem stehen tzwe ge-

церковь, в котором они живут по уставу Св. Бенедикта. На горе за этим Монастырем Архиепископ разрешил воздвигнуть высокие резные Страсти и направил людей, дав им отпущение грехов, чтобы они избавляли ото всякого распутства, которое царило в этом месте.

Далее к Городским воротам как бы у подножья горы в приятном месте стоит деревянная церковь Св. Марии⁵⁷. В мое время она была полностью обновлена, на высокий алтарь помещена новая прекрасная икона, внутри полностью обложенная прекрасной панелью, [вставлены] новые окна с расписными стеклами и со всех сторон снаружи расписана и сделалась внушительной. Эта церковь ранее была Городским приходом.

У этой церкви Гора кончается и поворачивает. Большое предместье простирается к Северу, как показывает крестик на помещенном выше рисунке. На этой улице с правой стороны у подошвы горы стоит каменная церковка Св. Иоганна⁵⁸. Далее прекрасная каменная Русская церковь, именуемая Монастырем [Monastier], потому что там стоит [887] прекрасный каменный дом <1582> для ее монахов. По временам там живут один-два монаха, но недавно там поселились Русские девицы и привели туда жить монахиню⁵⁹. Эта Tzerkow или церковь при мне была полностью обновлена и украшена прекрасной росписью. Далее по этому пути у Русских была старая Cerkow, недавно снесенная, и на ее месте поставлена другая очень хорошая деревянная. От Русского Монастыря [Monastier] немного дальше стоит Армянский Монастырь [Monastier], всего один большой каменный дом, хотя здесь же находится и другое, деревянное, строение, при котором одна за другой

mewrte kirchen eine hinder der andern, S. Marien und S. Jakobs kirchen. Deswegs in eines Armeniers gartten haben sie ein schön kirchlein von holtze aufgericht, das heisen sie tzum heiligen kreutze, darume, das man auß diesem gartten einen apffell mitt der Passig fandt, woefon hernach.

Von Aufgang wertz in der Leemgasse, durch welche man in die Turkeye tziert, und nicht vom leeme so genant, sonderenn von der Statt Gliniano, welches deutet Leemen, ist S. Lorentzen gemeurt kirchleinn, dabey ein höltzen Spittal. Diese ist bey meiner tzeitt verneuert und auf den kirchhoff eine hoge geschnittene Passig gesetzt.

Hart vor der Statt an der Mittagichtenseite ist S. Andreas kirche samt einem Berndiener kloster, alles in holtz gemewrt. Es gehen aber die Brueder schon damitte umme, das sie alles aus dem grunde aufmewren, es war auch der ganze kirchgrundt bey meiner tzeitt schon eins manneshoch über die erde gebracht, welcher die alte kirche in sich begreufft. In dieser kirche vorm hogen alttare unter einem erhabnen steine lieget Beatus Johannes desselben Ordens Brueder, auch da verschieden, welchen Gott mit Wundertzeichen ehrt, <1582> unde [888] ista auch da deßhalb ein groß tzulauf andechtigger leutte. Bey meiner tzeitt wonten in diesem kloster gemein bey dreisig bruedern. Hinder diesem kloster weg in der gasse haben die Reussen bey meiner tzeitt an statt der alten eine schöne neue cerkef von holtze aufgerichtet. Deßwegs hinaus ist auch ein höltze katholisch kirchlein tzu S. Zoffien genant. Noch ist vor dem Halitzischen thoere eine höltzene kapelle tzum Heiligen kreutze geheissen, und dieß sein der vorstatt Gottßheuser ertzehlt, ohne das noch etliche kirchen und spitalen höltzen gewes sein, welche den Reussen gehören.

стоят две каменные церкви: Св. Марии и Св. Якова⁶⁰. По дороге в сад некоего Армянина построена маленькая деревянная церковка, ими называемая у святого креста, потому что в этом саду нашли яблоко с орудием Страстей, о чем позже⁶¹.

С востока по направлению на улицу Глиняную, которая ведет в Турцию, названную не от слова «глина», но от Города Глиняно, которое и означает «Глиняный»⁶², стоит маленькая каменная церковка Св. Лоренцо⁶³, а при ней деревянная Больница. В мое время она была обновлена, а на церковном дворе поставлены высокие резные Страсти.

Непосредственно у Города с южной стороны стоит церковь Св. Андрея с Бернардинским монастырем, оба деревянные. Братья задумали все обложить камнем от самой земли, и уже при мне на всем основании каменное строение, вмещавшее старую церковь, поднялось на высоту человеческого роста⁶⁴. В этой церкви перед высоким алтарем под возвышенным камнем лежит Блаженный Йоганн, Брат этого Ордена⁶⁵, а также прочие, которых Господь удостоил званием чуда, <1582> и [888] поэтому сюда стекается много народа. В мое время в этом монастыре жили вместе около 30 монахов. За этим Монастырем далее по улице в мое время русские на месте старой поставили прекрасную новую деревянную cerkef⁶⁶. Далее по этому пути стоит деревянная католическая церковка Св. Софии⁶⁷. А перед Галицкими воротами находится деревянная часовня Святого Креста⁶⁸. Вот и все дома Божьи в предместье перечислены, не считая нескольких деревянных церквей и больниц, принадлежащих руским.

Wiewol es die Lemberg gnugsam wurdig were, dennoch findet man nichttes alttes von ihr geschrieben, solchs hatt keine andere schuldtt, nur das sich ein Schreiber auf den anderen verlassenn hatt oder sich ein jeder geschemt, von den dingen tzuschreiben, welche schon gar beruemt waren und idermanne in den augen stacken.

Die Polnische Cronik gedenkt, das Kazimirus der Grosse sie Anno 1340 belegerte, auch so fiele thate, das sie sich ihm baltte begab. Da fuertte er grossen schatz auß ihr, tzumale aus der Reussen kirchen, untter welchem waren zwe kreutze aus lautterem golde mitt edlem gesteine besetzt, in einem war ein stucke des Heiligen kreutzes, deren eines ist noch heuttigßtags tzu Krakaw in S. Stenzels kirche.

Da nun dem Könige diese Statt gefiel, gedachte er sie tzubesseren unde in ihr solche ornunge tzumachen, das sie nicht mochtte abfallen. Fuerte ihr manigerley natzion folk tzu, untter welchen die Reussenn mochtten Europische sitten lehren, dan sie damals nachfolgten den Griechen im glauben, den Asianern in geberden. Untter anderen nationen traute der Köning den Deutzen am meisten, sowol wegen des glaubens als der glimpflicheitt, fuerte ihrer auch am meistenntzu. Unnde wiewol es sich ansehen lies, das da den Poelen regi [889] ment am <1582> besten tziente, als denen, die ihnen an sprache, an dracht und geberden neher waren, dennoch setzte ihnen der Köning ein gantzen Deutzen Rhatt. Solchs thatte er darume, das er in deme nicht alleine diese stat ansahe, sondern auch andere unde das gantze Reussen. Dan er verstund, das die neu bestrittenen Reussen eine gelinde öbercheitt bedorfitten, datzue einer solchen natzion, welcher sie nicht ungewoegen waren, so mochtte sich solchs in keiner besser befinden als in der deutzen, welche damals

Хотя о Львове никаких старинных письменных известий не находят, он того вполне достоин, и это не имеет иных причин, кроме того, что один Писатель полагался на другого или каждый стыдился обращаться к вещам, которые уже общеизвестны и любому бросались в глаза.

Польская Хроника⁶⁹ упоминает, что Казимир Великий в 1340 г. осадил город и приложил так много усилий, что тот ему скоро сдался. Он вывез оттуда огромные сокровища, в особенности из Русских церквей, среди которых были два креста чистого золота с драгоценными камнями, в одном был кусок Святого креста, один из них сейчас находится в Кракове в храме Св. Стенцеля.

Поскольку королю этот город понравился, он решил его улучшить и ввести там такие порядки, чтобы он никогда не пришел в упадок. Он привел людей разных народов, у которых Русские могли бы научиться Европейским обычаям, ибо тогда они в вере следовали Грекам, а в поведении – Азиатам⁷⁰. Среди других наций король больше всего доверял Немцам, как из-за веры, так и мягкосердечия, и больше всего привозил именно немцев. И хотя было заметно, что управлять здесь [889] более всего <1582> подобало Полякам, как людям, более близким по языку, одежде и обычаям, тем не менее Король назначил им полностью Немецкий Совет. Он сделал это потому, что имел в виду не только этот город, но и другие и всю Русь. Так как он понимал, что вновь покоренные Русские нуждаются внисходятельной верховной власти, при этом такой нации, к которой они не были бы нерасположены, и ни при каком другом народе они не смогли бы находиться, нежели при немцах,

vor anderen berumt waren und jeder man ser angenehme. Noch heuttiges tages findet man aufm Rhathause und unter den Burgern viele privilegien auf deutz geschrieben. Im Advent musste der Rhath selbst helffen, die Rorate ministrieren und dazu etlich gesang in deutzer sprache verbringen, tzumale mitt grosser sollennitas an S. Barbern tag, weichs erst bey meiner tzeit abkam. Noch heuttigs tages sein in dieser Stat die Deutzen vor anderer natzion mehr und angenehmer, sitzen auch ihm Rhatte. Unter den vornemsten geschlechtern sein eittel deutze namen, welche noch heutze betzeigen, das da von den deutzen ein gros wesen war. Wiewol viele namen gar auf polnisch getolmetzt werden oder von den nachkömlingen also geradbrecht, das sie keine deutze verstandnisse in sich haben. Es tzeigen noch die alten burger, das sich alle andere natzionen dieser Statt den Deutzen in kleidunge, in geberden nachhielten. Ich fantt noch in der erste buerger und buergerin gnug auf die deutze manier gekleidett, ob sie schon ohnne polnisch kein ander wort wuesten.

Unter diesem Kazimiro sein erst die Armenier recht in Reussen, tzumale in diese statt gekommen, welche er sonderliche privilegien gemachet hatt, auch ihnen eine eigne gasse abgesondert, welcher sie sich bis in heuttigenn tag halten.

[890] Es <1582> sein auch in der Statt tzuwe gassen fol Juden, die woenen in ihren schönen stein heuseren, haben in ighlicher gasse eine gemeuerte Schuele. Auf der Krakauschen Vorstat wont ihr auch ein gros theil, da ist auch eine große schuele von holtze bey meiner tzeit new aufgebaut. Da sie diese schuele auf der altten stelle setzten, machten sie ihr ein hoch erhaben dach, auf das sie for anderem gebewe ansehnlich stunde. Die Bau-

потому что они были знамениты и всем очень приятны. Вплоть до нынешнего дня в Ратуше и у Бюргеров хранятся многие привилегии, написанные по-немецки. В Рождественский пост городской совет должен был сам помогать служить Вечернюю мессу и исполнять некоторые песнопения на немецком языке, а кроме того, и большие празднества в день Св. Варвары, которые только при мне исчезли. Еще и донныне Немцы в этом городе преобладают среди других народов, отличаются приятностью, заседают в Ратуше. У самых знатных родов сплошь немецкие имена, которые и сегодня доказывают, что немцы имели здесь большой вес. Хотя некоторые имена переведены на польский или исковерканы потомками настолько, что потеряли немецкие понятия⁷¹. Старые бюргеры еще показывают, что и все другие нации этого Города подражают Немцам в одежде, в обычаях. Я встречал, прежде всего, достаточно бюргеров и их жен, одетых по немецкому обычаю, которые, кроме польского, не знают ни одного слова на другом языке.

При этом Казимире впервые непосредственно на Руси, прежде всего в этом городе, появились Армяне, которым он дал особые привилегии и отвел особую улица, в пределах которой они и живут до сих пор⁷².

[890] В <1582> Городе две улицы, полные евреев, они живут в своих красивых каменных домах, и на каждой улице по каменной Школе⁷³. В Краковском Предместье живет большая часть их, при мне там была заново построена большая деревянная школа. Поскольку они поставили ее на старом месте, ей соорудили высоко поднятую крышу, чтобы она была виднее, чем старая.

herren rietten ihnen aus schalkheit ein possen, liessen sie alles ferttig machen und ihr judiß Tedeum laudamus daruber singen. Darnach warden die Juden beschickt unde beschrauft, das sie sich solchs one der Bauherren rath hetten gedorst understehn, ihre Schuele vor derr Christen kirchen aus hoffart und trotz so hoch tzu erheben. Musten darume strafgelt erlegenn unde der Schuelen dach umb die helfte niedrigen, darume stet es heutthe schamphiert als were es tzerbrochen nach beystehender gestalt. Die Lembergischen Juden haltten sich dennoch vor anderen erbarer, stiller, ergeben sich auch bißweilen dem Heiligen Christlichen glauben. Es sein da bey meiner tzeit, one die ich nicht wes, tzwe tzum Heiligen tauf kommen unde darnach meine beichtkinder geworden. Der eine im Ebreischen wol gelert, den teufte der Ertzbischof und gab ihm seinen namen Johannes, lies ihm das Schneiderhandwerk leeren, welches er itzt im ehstande leebende in aller erbarcheit treibt und ist ein gutter Christ. Den anderen Teufte die selige alte Königinne tzu Warschaw, ist auch ein frommer Christ und einer der formensten Kaufleutte in derr Lemberg, auch im ehstande.

Es schikte auch Kazimirus seine gesantte jehn Avinium ad Urbanum V. bitende, das er der Lemberg ein Ertzbischof vergontte, welches der Heilige Vatter thatte.

[891] Also <1582> wart ihr erster Ertzbischof ein Polnischer Edelman mitt namen Kristinus, den weyete der Ertzbischof von Gnisenn im beysein des Königs. Darnach anno 1370 fundierte der König die Phare, umbmaurte die Statt,

Ратманы-надзиратели над строениями хитро сыграли с ними злую шутку: дали им довести дело до конца и по этому случаю пропеть еврейское *Te, Deum, laudamus*. После этого послали за Евреями и заставили признаться в том, что они без разрешения Ратманов-надзирателей из высокомерия и упрямства посмели поднять крышу своей Школы выше Христианских церквей. А потому они должны были уплатить штраф и вдвое опустить крышу, из-за чего она и теперь стоит в обезображенном виде, как будто ее разбили (см. прилагаемый рисунок). Львовские Евреи в отличие от других держатся почтительнее, тише, некоторые по временам переходят в Святую Христианскую веру. В мое время двое, кроме тех, с которыми я не знаком, приняли Святое крещение и стали моими духовными детьми. Один хорошо знал Древнееврейский, его крестил Архиепископ и дал ему его же имя Иоганн, определил обучаться Ремеслу портного, которым он теперь и занимается, живя в законном браке и пользуясь всяческим почетом, он хороший Христианин. Другого Крестила покойная старая Королева в Варшаве⁷⁴, он тоже хороший христианин и один из богатейших Купцов Львова, также женат.

Казимир направил своих послов в Авиньон к [папе] Урбану V, испрашивая его благословения на [создание] Архиепископства во Львове, что Святой Отец и сделал⁷⁵.

[891] Таким образом, <1582> первым львовским Архиепископом стал Польский Дворянин по имени Кристин, которого рукоположил Гнезненский Архиепископ в присутствии Короля. Потом в 1370 г. Король осно-

brachte ihre gassen in eine ordnung, machte auch in ihr einen königlichen palatz, darume, daß aufs Schlos tzu hoch war, vonn der tzeitn heist man diesen palac das Niedere schlos und Jens aufm berge das Hoge schlos.

Anno 1465 im Fruelinge besuchte der Köning Kazimirus Jagellen die Lemberg, und löste ser aus der versetzung Joanni Odrowonsz.

Anno 1510 verdarb der donner fiele heuser unde ein gros theil der stattmewre.

Anno 1524 liet sie von den Tattern solch ein dreuen, das Koning Sigsmundus in eigner pershone kam sie tzuschutzen.

Anno 1528 im Julio bran sie bis auf den grunt aus, das wiederfuer ihr abermals anno 15*.

Da solchs die buerger gewar warden, begunte ein ider, das holtz verlassen und tzunn tziegeln greiffen. Von dieser tzeit mewren sie sich gar prechtig, datzu hielt ihnen derr weisse stein, welchs alle berge fol sein, deßgleichen allabaster stein, dessen sie gnug haben, weis unde schwartz.

Was aber umb die rechtte Statt Lemberg tzuwissen ist, liegett sie an einem sumpfigen ortte, welcher fiele keller netzt, doch one schaden. Dan die leutte haben vor ihren heusern brunnen, in welche sich das wasser sammelt, und darnach außgezogen wirt. Sie ist gar vierekicht gebauet nach gemeiner ordnung aller polnischen stette und ann grösse Tohrn gleichende. Ihr gelegenheit wegen feltt und berge ist leichte tzuverstehn aus obgesetzter figur. Keine Statt in Poelen wes ich bas bewart als diese. Tzwoe starke mewren hatt sie umb sich.

вал приход, выстроил стены вокруг Города, привел улицы в порядок, поставил в нем королевский дворец, потому что замок находится слишком высоко. И с тех пор этот дворец называется Нижним замком, а Тот, который на горе, – Высоким.

В 1465 г. весной Король Казимир Ягеллон посетил Львов и много вырубил от назначения Яна Одровонжа⁷⁶.

В 1510 г. молния попортила много домов и большую часть городской стены.

В 1524 г. городу столь сильно угрожали татары, что сам Король Сигизмунд собственной персоной явился его защищать.

В июле 1528 г. город выгорел дотла^{76а}, что повторилось еще раз [через(?)] 15 лет*.

Когда бюргеры это осознали, все отказались от дерева и перешли на кирпич. С тех пор они строят великолепно, им помогает в этом белый камень, которым полны все горы, а равным образом и алебастр, которого здесь тоже достаточно, белого и черного.

Что нужно знать о настоящем Городе Львове, что он лежит на болотистом месте, которое подмачивает многие погреба, но безо всякого вреда. Люди имеют перед домами колодцы, в которых собирается вода, которую достают оттуда. Он построен четырехугольным по обычаю польских городов и по величине сравним с Торном. Положение города относительно поля и горы легко понять из прилагаемой фигуры. Ни один город в Польше, насколько я знаю, не сохранил иных, кроме этих. Вокруг него две крепкие стены.

* Дефект текста. По мнению С.В. Полехова, не дописаны две последние цифры.

Die erste mewre ist hoch und von allen seitten fol schöner turme, man gehet auf ihr unnter einem schindel dache bis ans Schlos. [892] Dasselbe <1582> Nieder Schlos, welchs ich nur vor einen Königlichen palac oder Hoff halte, die weile es nur tzur woenunge bereittet ist und nicht, die Statt tzubewaren, das nimt an gedachter meure einen winckel ein nach der Krakauschen Vorerstattwertz. Es ist ein schön ansehnlich gebeue, hatt inwendig einen grossen vierrechten hoff, der stost an S. Katrinen kirche, alsoe, das er sie halb in sich schleust. Tzwe seitten dieses palaces stecken gar in der Stadtmeure, die von occident und septentrion. Die anderen tzwe haben umb sich einen weitten hoff, welcher umeher mitt holtzenem gebeue als Kantzeleye, Speicher, Stelle beschlossenn sein.

Aus diesem Howe an der meridischen seite geht man in S. Katrinen kirche, dan diese seite steht von dem außwendigen hoewe, die ander schon im inwendigen, an welche der palac stost und auch einen gan von obne tzu ihr hatt. Wieder durch die thuere aus dem grossen forhoewe mus man bey tzechenn staffeln hinunder gehn. Diese kirche ist vor den Reussen gewesen wie noch all ihr gebeue außweiset. Inwendig ist sie vom paviment ahn durchaus mitt evangelischen historien und Heiligen gemoelet, alles auf reussisch. Ann grösse ist sie S. Barbern tzu Dantzich gleich, ser fleissich aus sonderlichen festen tziegeln gemewrtt.

Die ander mewre ringt diese ume, von dem Schlosse aus einer grossen pasteye umb die septentrionische seite bis an das Hallitze thoer, fol hoger turme, welche halb runt und offen stehn, dennoch hoge spitzenn haben mitt schindel gedekt. Wie nicht weit vom Krakauschen thoer hinder

Первая стена очень высокая и со всех сторон имеет прекрасные башни. По ним можно пройти под гонтовой крышей до дворца. [892] Тот самый <1582> нижний замок, который я считаю просто Королевским дворцом или Двором, поскольку он подготовлен только для проживания, но не для охраны Города, занимает в пределах названной стены угловую часть, обращенную к Краковскому Предместью⁷⁷. Это весьма солидное сооружение, имеет большой четырехугольный двор, который соприкасается с церковью Св. Екатерины, так, что он половину ее в себя вмещает. Две стены этого дворца упираются в Городскую стену – с запада и севера. У двух других большой двор, который замыкается деревянными сооружениями, как то: Канцелярией, Складом, Конюшней.

Из этого Двора с южной стороны можно пройти в церковь Св. Екатерины, так как эта стена [церкви] стоит с наружной стороны двора, а другая – с внутренней, в которую упирается дворец, и имеет ход сверху к ней. Через ворота от большого переднего двора можно так же пойти вниз по чешским ступеням. Эта церковь была [предназначена] для Русских, как до сих пор показывает все ее строение. Внутри от пола вся она расписана евангельскими историями и Святými, все по-русски⁷⁸. По величине она равняется церкви Св. Варвары в Гданьске. Она старательно сложена из особо крепких кирпичей.

Вторая стена окружает эту, от Замка от большого обверка вокруг северной стороны до Галицких ворот с высокими башнями, полукруглыми и стоящими открыто, но с высокими шпизами, покрытыми драницей. Подобно тому, как недалеко от Краковских ворот сза-

S. Marienn kirche untter dem Hoothen schlosse die Buerger ihre schießstange haben, so haben sie wieder bey diesem thoere tzwischen beiden meuren ihren schießgarten mitt einem lustigenn sommerhause. Wieder nach orientwertz haben sie ein schön gros Tzeughaus, fol guter [893] geschutze <1582> und sonst kriegsrustunge, welches alles gar ordentlich und sauber gehalten wirt, darnach baltte komt man tzu dem Halitzer thoere tzu des Buxengiessers wärkstat, welche seiden feiertt.

Wiewol die Statt von Orient etwan erhaben liegt, dennoch sein umb diese tzwee meuren ein breitter grabe gemacht, das sie ringsume wasser hatt, umb den graben wieder gehet ein wall von einem thoere tzum andern orient vorbey, auf dem stett ein geplenk oder brustwehrr von holtze geflochten und mitt leeme bestrichen, das ist foll achtelichter tuerme, auch höltzen. In diesem geplencke sein auch drey starke gemewrte Pasteyen. Dies geplencke tzoeh sich noch bey meiner tzeit weiter vom Halitzischen thoere bis tzu dem Schlosse, da begrieff es auch in sich tzwe gemewrte Pasteien. Die Pasteyen stehnn noch, das geplenk aber ist abgeworffen und an seine statt ein grosser breitter wahl geschuttet, welcher schon so hoch ist, das er sich der Stattemewre gleicht, und weht nur von dem Kotte oder graue, welchs man aus der Statt reumett. Umb dies alles geht noch ein breitter grabe.

Durch diesen neugeschuttten wall geht man tzur Stattpfoertt, hinder welcher baltte ann der rechtten hant die feyele badstuebe ist, sonst hats noch eine auf der Vorstatt untter S. Marien kirche. Sonst one diese pforte und gedachte tzwe thöre ist kein eingang tzur stat. Diese beide thöre stehen gleich gegen ein ander von Septentrion jehn meridies, des Rings occidentsche seitte vorbey, dennoch kan man von einem das ander

ди церкви Св. Марии под Высоким замком у Бюргеров находится их тир – шест с мишенью, то здесь у этих ворот располагается их стрельбище с летним домом для увеселений. Далее на восток же у них прекрасный Цейхгауз с хорошими [893] <1582> пушками и другим военным снаряжением, все это содержится в полном порядке и чистоте⁷⁹, вскоре после этого попадаешь к Галицким воротам⁸⁰, двору Литейщиков пушек, которые редко празднуют⁸¹.

Хотя Город к Востоку несколько приподнят, но все-таки вокруг этих двух стен проложен глубокий ров, повсюду наполненный водой, вокруг рва опять идет вал от одних ворот до других, на нем находится деревянная изгородь, или бруствер, сплетенный из жердей и обмазанный глиной, а в нем много восьмиугольных башен, тоже деревянных. В этом бруствере три прочно укрепленных Болверка⁸². Бруствер еще в мое время тянулся дальше от Галицких ворот до Замка, там он включал два укрепленных Бастиона. Бастионы еще стоят, а бруствер обсыпался, а на его месте насыпан еще бо́льший широкий вал, который уже такой высокий, что сравнялся с Городской стеной, и растет день ото дня из Мусора, от которого очищают Город⁸³. Вокруг всего этого идет еще один более широкий вал.

Через этот вновь насыпанный вал идут к Городским воротам, за которыми вблизи справа находится общедоступная баня, еще одна имеется в Предместье под церковью Св. Марии. В город нет иного доступа, кроме этих ворот и упомянутых двух воротных [башен]. Эти двое ворот стоят точно друг напротив друга от Севера до юга, мимо западной стороны Рынка, однако от одних другие не

nicht sehn. Uberr beyden thören sein noch in heuttigen tag taffein angeschlagen, auf welchen Heilige in priesterlicher kleidunge nach der Reussen oder Grichen weise gemoelt sein.

[894] Die <1582> Lemberg ist gar gemeuert, alle gassen sein fol köstlicher steinheuser mitt hauwerk und molwercke getziert, dennoch alles nur unter höltzenem schindel. Ander gebeu geht foer derr Ring und die Armenische gasse. Ich wes inn Poelen keinen Ring in solcher ordnung als hie. Die heuser stehn frey one gescheuer unnd geht umb den Ring vor den heuseren ein tritt mitt quadratstein glatt geplastert. Dieser ist so breit, das ihr viere raum tzusammen gehn mögen, oder par und paer einander weichen. Forne wieder gehn vom Ringe stiegenn untter diesen Triett in der heuser kellerr, uber welcher thur ist wie eine leene, auf welcher ruende sicht man den gantzen Ring an. Wil man auch sitzen, so hatt man an fielenn örten, sowol an diesen Leenen als for den heusern, angemewrte bancken. Auch ist dieser triet ettliche staffeln erhaben vom gemeinen ringe, auf das von da wagen und roß abgehalten bleiben.

Ein schön gros Rhathaus fol herlicher gemecher und mitt gleseurten dachsteinen, gelb und gruen, steht mitten aufm Ringe. Über dessen stiege oder voersahl an statt eines schlechttenn daches ist bey meiner tzeit eine schöne grosse stuebe aufgemewrt und auf den eckstein, welcher sich hoch aufziet, ist ein grosser steiner lewe in einer krone gesetzt, der heltt des Königs waffen. Vor diesem Voersahle ist bey meiner tzeit ein neuer Prenger aufricht, ist einne schöne hoge seule, deren gleich man in gantz Poelen kaume an grösse gleich findett. Oben auf

видны. Над обоими воротами еще и теперь прибиты доски, на которых изображены Святые в священнических одеждах по Рускому или Греческому образцу⁸⁴.

[894] Львов <1582> весь выстроен из камня, все улицы полны дорогих каменных домов, украшенных резьбой и росписью, однако все под деревянной черепицей. Другие строения протянулись вдоль Рыночной площади и Армянской улицы⁸⁵. Я не знаю другой Рыночной площади в Польше, которая была бы в большем порядке, чем эта. Дома стоят свободно, без ограды, перед домами вокруг Рынка дорожка, ровно выложенная квадратным камнем. Она настолько широка, что по ней четверо могут пройти одновременно или разойтись две пары. Спереди от Рынка под этой Дорожкой идут лестницы в подвалы домов, над дверями последних находится нечто вроде подъема, стоя на котором можно увидеть весь Рынок⁸⁶. Захочешь посидеть, то во многих местах как на этих Балконах, также и перед домами поставлены каменные лавки. Эта дорожка на несколько ступеней приподнята над остальной площадью, так что повозки и лошади оказываются отделенными от нее.

Посреди Рыночной площади стоит прекрасная большая Ратуша⁸⁷, изобилующая великолепными помещениями и покрытая глазурованной черепицей – желтой и зеленой⁸⁸. Над ее лестницей или преддверьем вместо негодной крыши в мое время была сооружена прекрасная большая комната, а на высоко вздымающейся каменной тумбе находится большой каменный лев в короне, который держит Королевский герб⁸⁹. Перед этим Преддверьем в мою бытность сооружен новый Позорный столб – прекрасная вы-

dieser seule steht die Justitia in königlichem kleide mitt verbundenen augen, inn der rechtten ein blosses schwert, in der lincken eine wage. Hart an ihrem rucken steht der Hencker in polnischer kleidunge, die rechte handt hellet er mitt einer rutte außgestrekt, die lincke wieder auf dem schwerde. Dieser plac oder seule ist fielen ein wunder, aber auch fielen ein schrecken, den nicht alleine wirt hie aermen der bluttige [895] Schweis <1582> außgejagt und ohrn abgeschnitten, sondern auch größmechtigen herren das blut gar außgetapft und das höbt abgeschlagenn. Wie bey meiner tzeitt unnter dem Könige Stephano tzwen Fursten aus der Wallachey umb des Turcken beger geschach. Derr erste Anno 1578. Podkowa, das ist Hueweyssen, darumme also genant, das er ein stark hueweisen mitt eignen henden vonander ries. So stark war er in den henden, das er einen thaler mit vier fingern, nur tzwe mal hin und her gewakeltt, tzerbrach. Einen grosch nagel druchte er bis an das höbt, in das festste eichbrett nur mitt einem finger. Dieser liegt in derr Reuschen kirche begraben, aber der anderr Jankula wart Anno 1582 als ein Catholik tzun Berndienern gelegt.

Am Rhathause an der occidenschenn seite steht ein schöner grosser und hoher turm, von unden fierekicht, obene aber achtekicht, welcher noch nicht außgebaut ist, darume steht er gar schlecht mitt schindel gedekt. Auf diesem turme schlecht nach den vierteln der gantze seeger eine grosse groebe glocke, und weiset der tzeier auf alle vier ortter. Es wirt daauf auch alle morgen, mittage und abend auf schalimeyen gespielt.

Hinder dem Rhathause hart angebauet ist die Scherlade, darnach die wage, hinder der stehn die fieschtroege. Wieder hinderr dem Rhathause an dem Scheerhause, gleich der wage tzum Fischmarkte aus, sein die Brotbencken,

soкая колонна, равная которой по высоте едва ли найдется во всей Польше. Наверху этой колонны стоит Юстиция в королевском платье с завязанными глазами, в правой руке обнаженный меч, в левой – весы. Вплотную к ее спине стоит Палач в польском одеянии, в правой вытянутой руке он держит розгу, левая – тоже на мече⁹⁰. Это место или колонна для многих чудо, а многим внушает страх, потому что здесь не только у бедняков выгоняют кровавый [895] Пот <1582> или отрезают уши⁹¹, но и у владетельных особ выливают всю кровь и отрубаят им головы. Так в мое время при Короле Стефане случилось с двумя валашскими Князьями по требованию Турок. Первым в 1578 г. был Подкова, то есть Hueweyssen, прозванный так потому, что он руками мог разорвать подкову. У него были такие сильные руки, что он мог разломать талер, повертев его четырьмя пальцами туда и сюда. Одним пальцем он мог вдавить по шляпку большой гвоздь в самую твердую дубовую доску. Он похоронен в Русской церкви⁹². Другой, Янкула, как Католик⁹³, в 1582 г. был погребен у Бернардинцев.

У Ратуши с западной стороны стоит прекрасная большая и высокая башня, внизу четырехугольная, вверху восьмиугольная, которая еще не достроена, поэтому она стоит, кое-как покрытая дранницей. На этой башне большой тяжелый колокол отбивает каждую четверть часа в течение суток, а стрелка показывает время на все четыре стороны. Каждое утро, в полдень и вечером здесь играют на шальмах.

Позади Ратуши вплотную стоит Суконный ряд, далее весы, а сзади рыбный садок. Также позади Ратуши рядом с Суконниками⁹⁴, прямо от весов⁹⁵ к Рыбному рынку находятся Хлебные лавки, Сапожников и Гор-

die Schuster laden und Töpferhaus. Nach diesem ist eine freye gasse, der folgenn kramer und huetter bueden, die sein bey meiner tzeit aufgesetzt und in holtz gemeurt. Nach diesen wieder die Armen kräme von holtze gebawt, wieder nach denen die Reichen kreme gemewrt, derer gasse ist bey meiner tzeit tzugewelbt, wie auch tzu Adrianoppel in der Turckeye.

[896] Die <1582> Phare kirche ist an grosse S. Petter tzu Dantzic gleich, doch anderer gestaltt, darume achte ich sie auch etwas grösser, schöner und reicher. Einen schönen hogen glokturm hatt sie, mitt solchen steinen wie das Rhathaus gedek^{*}, sonst steht die gantze kirche auch untter einem steinern dache. An sie aufm kirchhowe sein bey meiner tzeit drey kapein gemewrt. Die erste ist des Ertzbischofs schön rundt gedekt, sie hatt ihren eingang aus der kirche, diese haben die Jesuitter samt der kanzel ein, tzu den andern tzwoe geht man vom kirchhowe. Deren eine ist auch an das kor ein schön priesterheußlein gemeurt, an diesem stehtt die sakristig oder dreßkamer, uber welcher die Ertzbischöpfte bißweilen woenen, das ist alles bey meiner tzeit mitt kupffer gedektt, auch die Schuele außm grunde aufgemeurt. Deßgleichen bey meiner tzeit hatt sie auf sex altaren schöne neue bilder bekommen, untte welchen drey von Alebaster sein. Auch ist da eine schöne neue orgel an der altten stelle gesetzt.

Nach der Phare ist die vornemste des Heiligen leichnams kirche, bey welcher unser Kloster ist, Prediger ordens. Dieser wil ich unden gedencken, dieweile sich bey meiner tzeit vorm intrit des Ordens nichts sonderlichs hueb, one das man die neue orgel anfang, recht da ich

шечников⁹⁶. Затем идет пустая улица, за ней следуют мелочные лавки и сто-рожки, они были поставлены в мое время и выстроены из дерева. После этого деревянные лавки Бедняков, еще дальше каменные лавки Богатых, улица которых в мое время была перекрыта куполами, как в Адриано-поле в Турции.

[896] Приходская церковь <1582> по величине равняется Св. Петру в Данциге, но имеет другой облик, поэтому я думаю, что она больше, красивее и богаче⁹⁷. У нее прекрасная высокая колокольня, покрытая такими же камнями⁹⁸, как Ратуша, да и вся церковь тоже находится под каменной крышей. Около нее на церковном дворе в мое время были построены три кирпичные капеллы. Первая, Архиепископа, прекрасно крыта кругом, в нее есть вход из церкви, ее занимают Иезуиты вместе с канцелярией⁹⁹, в другие две вход с церковного двора. У одной из них со стороны хоров, пристроен маленький каменный домик священника, при нем стоит ризница, или комната для одежды, над ней порой по временам останавливаются Архиепископы. Все это в мое время было покрыто медью, а на этой же земле построена также каменная школа. Также при мне шесть алтарей получили новые прекрасные иконы, из коих три из алебаstra. На старом месте построен также новый орган.

После Приходской церкви знаменитейшая церковь Святого Тела¹⁰⁰, при которой находится наш Монастырь ордена Проповедников¹⁰¹. Я вспомню о нем позднее, поскольку в мое время до поступления в Орден монастырь еще не очень процветал,

^{*} Следует читать: gedeckt.

in die Lemberg und so lange daume meisterte, bis ich in den Orden kam.

Tzum Heiligen kreutze ist auch eine schöne grosse kirche und dabey ein gros Frantziskaner kloster, welchs damals noch nach dem fewre ser elende stundt, aber itzt hatt es an allem gutten ser tzu- genomen. Sie haben bey mir schon die halbe kirche mitt dachsteinen belegt, ein fein tuermlein darauf gesetzt. Eine neue orgel und tzu vier altaren schöne bilder gebauet. Auch [897] haben <1582> sie unserem nach ein gros Marienn bilt mitten in die kirche gehengt, wiewol das mitt mer kosten, auch durch dieselben meister gemachet ist, dennoch ubertrieft es unsere von mir außgesteurt. In diesem Kloster wonten tzufoer bey tzwanzig Brueder, aber itzt fast noch sofiele. Auf diesem Kirchhoeve haben die Jesuitter ihr haus, in welchem sich ihr gemeinlich drey par aufhalten.

Die Kirche tzum heiligen Geiste, ist an gröse tzu Dantzik S. Barbern gleich. Da ist dem hogen Altare bey meiner tzeit ein neuw bildt aufgesetzt. Bey dieser kirche ist auch ein gutt Spittael.

Die Reussen haben auch ihre kirche tzu unser lieben Frauen, welche sie nennen Preczista, das ist die Aller reineste. Diese hatt einen hogen turm aus eittelem quadratsteine mitt bleye gedekt. Diesen glokturm hatt bauen lassen aus eignem beuttel Konstanti Korniak, ein Grichischer Herre. Welcher ein geadelter Burger ist, dan tzufoer ein schlechtter kaufman war. Diesem gehört auch das beste haus am ringe, sonst hatt er sein reichthum in lantguttern. Er hat eine Catholische fraw vom adel, der lest er alle seine kinder in der Catholischen lere ertzien, sein, auch Mutter samt sonen und töchter, alle meine Beichtkinder. Diese Reu-

если не считать нового органа, который строился все то время, как я прибыл во Львов и вступил в Орден.

У Святого креста находится прекрасная большая церковь и к тому же Францисканский монастырь, который в то время после пожара еще пребывал в жалком виде, но теперь очень преобразился к лучшему¹⁰². При мне они уже обложили половину крыши церкви черепичными камнями¹⁰³, поставили славную башенку. Построили новый орган и к четырем алтарям поставили прекрасные иконы. А также [897] <1582> по нашему примеру повесили в середине церкви большую икону Св. Марии¹⁰⁴. Хотя на нее больше издержано, и сделана она теми же мастерами, она превосходит наш образ, подаренный мной¹⁰⁵. В этом Монастыре ранее жило около 20 Братьев, да и сейчас их еще почти столько же. На этом Церковном дворе у иезуитов собственный дом, в котором обычно пребывают пары три¹⁰⁶.

Церковь святого Духа¹⁰⁷ по величине равняется [церкви] Св. Варвары в Данциге. В мое время на высоком алтаре была установлена новая икона. При этой церкви имеется хорошая Больница.

У Руских также есть церковь нашей возлюбленной Девы¹⁰⁸, которую они называют Пречистой [Preczista], что значит чистейшая изо Всех. У нее высокая колокольня из полого квадратного кирпича, покрытая свинцом¹⁰⁹. Строительство этой колокольни на собственные средства предпринял Константин Корняк, Греческий Господин¹¹⁰. Он одворяненный бюргер, а раньше был плохим купцом. Ему принадлежит лучший дом на рынке, хотя его богатства состоят из земельных владений. Его жена – знатная католичка, ей всех детей он дает воспитывать в католической вере, а Мать

sche kirche ist nicht viele über S. Barbarn grösser. Man bauet sie itzt von grunde auf aus schönem und eittelem quadratsteinen, und war bey mir schon bis tzu dem gewölbe bracht. Ihre andacht verrichtten sie dieweile, welchs dan schon etliche jar anstett, unttter dem glokturme, tzu welchem sie vor der thuere eine buede von bretter gebauet haben. Die alte Kirche hette beystehende gestalt. Verstehe nur eine seite, und das dach ging eingebogen.

[898] Der <1582> Armenier kirche heist auch tzu unser lieben Frauen und ist grösser dan der Reussen. Das Cuer ist mitt bleye in ein kreutze gedekett, hatt in der mitte eine außgebaute letern, durch welche die kirche noch tzu anderen fensteren licht fahet. Das ander theil der kirche ist mitt solchen gleseurten steinen gedekt wie das Rhathaus, welches bey meiner tzeit die Biernatowitzinn den Bogusse Armenischen Maler ringsumme mitt schönen Evangelischen historienn maelen lies. Diese kirche hatt einen schönen glokturm mit bleye gedekt. Nicht weit von dieser kirche haben die Armenierr ihr Spittal. Die Lemberg hatt nurr drey schuelen, bey der Pfare die Catolische, bey der Reuschen und Armenischen kirche auch ihre Schuelen.

Was belangt diese beiden Secten, die Armenier und Reussen, wegen des glaubens, findet man gnug in buechern beschriben, die mitt solchen dingen umgehen, dennoch ist tzuwiessen, das die Armenier uns Catholischen sowol im glauben als in ceremonien vor den Reussen, welche sich an die Griechen haltten, neher sein. Inn deme sein sich diese beide sekten gleich, sie haltten sich der altten ehe so ser nach, das sie mitt noth ein puenklein ubertreten, tzu male die Reussen, welche auch kein bild in ihre

с сыновьями и дочерьми – мои Духовные дети. Эта Русская церковь не намного больше [церкви] Св. Варвары в Дандиге. Сейчас ее строят от самой земли из прекрасного и

полого квадратного кирпича, при мне довели уже до сводов. Тем временем уже несколько лет свои богослужения они отправляют под колокольней, к которой со стороны двери сделали деревянную дощатую пристройку. Старая Церковь имела вид, [как на] приложении. Учти, что это одна сторона, а крыша охватывает ее всю.

[898] Армянская церковь <1582> также посвящена нашей возлюбленной Деве¹¹¹, она больше, чем Русская. Хоры крестообразно покрыты свинцом, в середине поставлены фонари, из которых свет от церкви идет в другие окна. Остальная часть церкви покрыта такими же глазурованными камнями, как ратуша, которую при мне одна из Бернатовичей¹¹² заказала Армянскому Мастеру Богушу¹¹³ расписать прекрасными Евангельскими сценами. У этой церкви прекрасная колокольня, крытая свинцом. Недалеко от церкви у Армян стоит их больница. Во Львове три школы – приходская католическая, а при Русской и Армянской церкви также есть свои школы.

Что касается обеих Сект, Армян и Руских, относительно их веры все достаточно описано в книгах, которые посвящены этим темам, но нужно указать, что Армяне ближе нам, Католикам, как по вере, так и по церемониям, нежели Руские, соблюдающие Греческие [обряды]¹¹⁴. В чем, однако эти секты сходятся, так это в сохранении старины, они с трудом отказываются от малейших деталей, в особенности Руские¹¹⁵, которые не допускают в свои церкви также никаких икон, на-

kirche lassen, es sey dan nach der altfrentschen weise gemoelt. Die Armenier moelen schon ihre kirchen nach des landes gebrauch, wiewol sie sich sonst auch den alten griechischen maelren nach halten. In deme sein sich diese beide gleich, sie haben fast ein kirchen gethön, tauchen die kinder gar nakt in den Tauff, welchenn sie wie ein vierekicht ladlein mit einem höltzen liede beim alttare in der meure haben. Die Armenier schicken ihre kinder erst uber achttage nach der geburt [899] tzurb <1582> Teuffe, dieweile auch in solcher tzeit geschach die beschneidunge, an welcher statt die tauffe getretten ist. Auch sprechen sie, es ist unerbar, ein itzt geboeren kind dem prister tzuweisen oder aus der mutter leibe strax in den tauf tzustecken. Nach dem tauf nimt der Patte (welcher eine mans pershone ist) das kind auf beyde hende mit einem seidnen tuche verdeckt, datzu in iglicher hand ein brenenden kertzen und tragets also tzur Mutter. Vor ihm gehn etliche kirchen diener mitt brennenden kertzen und hinder ihm folget bis ins haus alles folk aus der kirche. Die menner folgen mitt entdedten höbtern, und nach dem sie einen drunk malmasie gethan haben (welchs eine ceremonige und gunst tzeichen ist), wenden sie aus dem hause tzurucke. Den Frauen aber in der stuebe, ehe sie tzuhause gelassen werdenn nach dem druncke, begabt man igliche mitt einem papiere foltzucker. Da ich fragte, worume die ungebettnen heren dem kinde folgten, antwortete man mir, sie folgetenn nicht so dem kinde als das sie den Heiligen Cresm beleitten, welchen der Priester aufs kindt gelegt hette. Schauett nur, wie die heiligthueme vor tzeiten geehrt warden! Acht tage wieder müssen junge leutte nach dem tauf erst dem kinde das Ceßm abwassen, woetzue ich dreymal gebraucht bin. Beyde Sekten geben das Sacrament nach gethaener beichtte in

писанных в старофранкском стиле. Армяне расписывают церкви уже по местному обычаю, хотя в целом они придерживаются [традиций] старых греческих мастеров. В чем они также сходны, составляя почти единую церковь, это в крещении совершенно нагих детей в купели, четырехугольном сосуде на деревянном основании, который находится в стене у алтаря. Армяне отправляют Крестить своих детей только после восьмого дня по рождении, [899] <1582> поскольку именно в это время совершалось обрезание, на смену которому пришло крещение. И они говорят, что неприлично показывать священнику только что вышедшего из чрева матери ребенка или тотчас совать его в купель. После крещения Крестный (это всегда мужчина) берет завернутого в шелковый плат ребенка на обе руки, в которых держит зажженные свечи, и несет его к Матери. Перед ним идут некоторые церковнослужители с зажженными свечами в руках, а в конце до самого дома следует весь народ, который был в церкви. Мужчины идут с непокрытыми головами, после того как они выпьют по глотку мальвазии (что входит в церемониал и является доброй приметой), они выходят из дома. Женщин же, [оставшихся] в комнате, перед тем как их отпустят после выпивки, одаряют бумажным пакетиком сахара¹¹⁶. Когда я спросил, почему непосвященные господа следовали за ребенком, услышал в ответ, что они шли не за ребенком, но за Святым Елеем, которым Священник помазал ребенка. Посмотрите только, как прежде почитались святые! Только через восемь дней после крещения молодые люди могли смыть Елей с ребенка, для чего трижды приглашали меня. Обе Секты после исповеди Причащают [верующих] в двух видах, ко-

tzwierley gestaltt, welchem sie wunder andechttige reverentz thuen. Ihre gemeine Pharhern leben im ehstande, steyen dennoch nicht aus dem bethe tzum altare, sondern nach gewisser enthaltunge und langem gebett heltt er messe. Fiele Munche und Nonnen haben sie, derer fußstapffen kussen die andere gemeine Priester.

[900] Am <1582> 8. Julio, welcher war der funfte Sonntag nach Pfingsten, frue, fuerte mich Kristof tzum Heyligen Leichnam, die Kirche daselbst, welche schon untter den Armeniern ein grossenn namen hette, tzuweisen. Wir gingen durch den kreutzgang, da fonden wir die thuerre, durch welche wir willens waren tzugehen, verschlossen, durch das Cuer gefiel mirs auch nicht tzugehen, dieweile man schonn dainne sang. Also lies ich die kirche unbeschauet und wendte mitt ihm tzun Reussen. Das ich dießmal nicht mochtte meines Ordens kirche tzum Heiligen Leichnam besichtigen, geschach aus sonderlichem verhengnisse Gottes, wie du nach etlichen jaren wirst hören, darumme magstu diese stelle gedencken.

Dieser Kristof, der mitt mir ging, ist Her Jacobs Sohn von einer Polchin, unde wiewol in der Vatter ertzogen hette, auch perfect des vattern sprache kontte, datzu seinen kram (untter den Armen) regierte, dennoch hielt er sich der Katholischenn kirche, in welcher er den Tauf empfangen hette, wart auch darnach mein beichtkindt. Hie gedencke ich der Armenier ihrthum. Sie sagen, es wirt ein ider selich, er sey, was sekte er wolle, wen er nur im namen der Heiligen Dreyfaltticheit geteuft ist. Sprechen auch, daß ein unerbar ding sey, die sekttte, in welcher er geteuft ist, tzuverwexeln. Meinen auch, das alle sekten Gotte gefallen, nur wegen der wercke, eine vor die ander.

In der Reussen kirche, tzu welcher dan ein blinder den andern gefuert hette,

торым они воздают удивительные почете. Их обычные Священники живут в браке, но не стоят у алтаря тотчас после постели, но совершают богослужение после определенного воздержания и длительной молитвы. У них много Монахов и Монахинь, чьи следы целуют другие обычные Священники.

[900] 8 Июля, <1582> то есть в пятое Воскресенье после Троицы, Кристоф повел меня к Телу Господню: чтобы показать Церковь, которая славилась у Армян. Мы прошли крестный ход, но дверь, через которую хотели пройти, обнаружили закрытой, а через хоры мне идти не захотелось, потому что там уже пели. Так я и не осмотрел церковь и отправился с ним в Рускую. То, что я в тот раз не смог осмотреть церковь Святого Тела моего Ордена, случилось по особому заграждению Божьему, как ты услышишь через несколько лет¹⁷, поэтому ты должен запомнить это место.

Этот Кристоф, который шел со мной, был Сыном Господина Якоба от одной Польки, и поскольку его воспитывал Отец, он в совершенстве знал его родной язык, к тому же держал его лавку (среди Бедных), но придерживался Католической веры, в которой и принял крещение, и был потом моим духовным сыном. Здесь я вспоминаю о заблуждении армян. Они говорят, что каждый, какой бы он ни был секты, спасен, если только он крещен во имя Святой Троицы. Говорят также, что недостойное дело бросать свою секту. Полагали также, что Богу угодны все секты, но по трудам, одно за другое.

В Руской церкви, к которой один слепец привел другого, мы остались в

blieben wir die gantze Liturgia uber, und vertrieben die tzeit mitt hefttigem lachen. Sie haben nur ein alttar in ihrer kirche, tzu welchem kein Weltlicher gelassen wirt. Es steht an der hōgsten stelle one bildet, den wen der Pffaffe celebriert, setzt er in die mitte ein kreutze mit heilichtumb. Man kan es <1582> wie einem tisch ringsume gehen, [901] ist auch wie ein tisch mitt langhengenden seiden und wullenen tucheren gedecket. Dies Altaer stett von dem folcke unterschieden und verdeckt mit einer wandt nach beystehender gestalt. Drey thueren seindt in dieser wandt, die deuten der gottheit pershonen, durch diese geht der Pffaffe ein und aus, und wen die tzeit komt, so steht er in der mittel tuer und weiset das sacrament in einem keliche auf dem hōbte halttende. Diese wantt reicht die kirche ubertzwer von einer seite tzur anderen, tzieret sie auch bas dan bey uns das Alttar. Und wie du merken magst, ist sie fol taffelnn mitt schönenn figuren ordentlich besetzt, uber welchen auch solch ein kreutze steth. Ich habe darnach in Grichischen und Moßkewitterschen kirchen solche grosse wende gesehen, von lautterem silber und golde fol edelgesteins. Ihre Pffaffen kleiden sich in ein linnen gewandt mitt einer stola umbgurtet wie bey uns, dauber nimt er an statt der kasel ein langes kleidt in ein tzirckel (wie sonst die mentel pflegen tzusein) geschnitten, das ist von golde und edlem gesteine gar köstlich gemacht (darnach die kirche und das fest ist), das hat in der mitte nur ein loch, da er das hōbt durch sticht, und dies deuttt das purperkleidt, in welches Christus gekleidett wart. Und ist wol tzuverstehen, das der purpur rok, nicht der braunen oder rotten farbe nach, also genant wart, sonderen ein rok dem schnitte nach also genant. In welchem

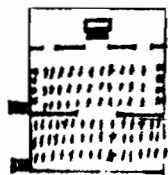

течение всей Литургии и провели время с веселым смехом. У них в церкви один алтарь, к которому не допускают никаких мирян. Он стоит на самом высоком месте без икон, так как, когда Священник отправляет богослужение, он ставит в середине крест со святынями. Его можно <1582> обойти кругом, как стол, [901] и, как стол, он покрыт свисающими шелковыми и шерстяными тканями. Этот Алтарь стоит в удалении от народа и закрыт стеной¹⁸ по прилагаемому рисунку. В этой стене три двери, они обозначают три ипостаси Бога, через них ходит Священник. Когда наступает время, он становится в средней двери¹⁹, показывает святыни в чаше, которую держит над головой. Эта стена делит церковь, простираясь от одной стороны до другой. Она украшает церковь больше, чем у нас Алтарь. И как ты можешь заметить, она полностью закрыта досками с прекрасными изображениями, расположенными в определенном порядке, над которыми также стоит крест. Позднее в Греческих и Московитских церквах я видел такие огромные стены из чистого серебра и золота, усаженные драгоценными камнями. Их Священники одеваются в льняные одежды, опоясанные порамицей, как и у нас. Поверх этого вместо ризы они носят длинную одежду, выкроенную кругом (как делают обычно и плащи) с драгоценными камнями (поэтому церковь и есть праздник), в середине которой вырезано отверстие для головы, и это обозначает багряницу, в которую был одет Христос. И вполне можно понять, что это пурпурное платье названо так не по цвету – коричневому или красному, но из-за покроя. В такое причисляется оде-

такие огромные стены из чистого серебра и золота, усаженные драгоценными камнями. Их Священники одеваются в льняные одежды, опоясанные порамицей, как и у нас. Поверх этого вместо ризы они носят длинную одежду, выкроенную кругом (как делают обычно и плащи) с драгоценными камнями (поэтому церковь и есть праздник), в середине которой вырезано отверстие для головы, и это обозначает багряницу, в которую был одет Христос. И вполне можно понять, что это пурпурное платье названо так не по цвету – коричневому или красному, но из-за покроя. В такое причисляется оде-

sich nicht tziemte tzu kleiden, nur den Königen und ihm verwandten, wie heute untter den Venedigern tzusehne ist. Hie mercke, das nicht alleine die Katholischenn pracht treiben und unnutzes kosten, wie es die geitzigen wucherer nennen. Merke noch, wie alletzeit die Römsche kirche sich vernunfttger vor anderen als die [902] Mutter <1582> vor den Töchttern beweiset. Ihre pffaffen consecrieren in geseurtem brotte, backen gar kleine runde semelein datzu. Den leutten, wen sies da in ihrer tzwierley gestalt geben, reichen sies undereins in einem kleinenn kinderleffellein, schepft erst ein wenich aus dem keliche, da lest er ein brosam ein und reichts soe den leutten. Betrachtte nur, was unrats sich mitt diesem leffellein von den groeben priestern und tölpischen folke tzutregt, unde wie die mochtte gelusten, diesen leffel in den munt tzunemen, welcher von so fielen, tzumale ungesunden begewert wart. Sie fasten den mittwoche und freytag, und onne die grosse faste haben sie noch mer grosse fasten, dan vor den Weynachtten fasten sie 6 wochen, tzu S. Petters fest bißweilen uber 6 wochenn, tzu Marien Himmelfart 4 wochen. Sonst haben sie ihre seltzame tzeremonien in allem.

In der kirche sein tzu beiden seitten formen one sessel, und uber iglichen ein knage eingemachet. Sobaltte einer in die kirche komt, steht er jegen der Himlischen pforte (welche for dem Altare ist, wie du oben verstanden hast) und segent sich tzum wenigsten drey mahl, fuert das kreutze von der erde (welche er mitt den fingern anruert) tzum höbte, darnach von der rechtten axel tzur lincken, gehet in die forme stehn und henget seinen hutt auf den knagen. Wen die formen fol sein, so ordnen sich die anderen, die kirche entzwer einer bey den andern und ma-

ваться только королям и их родственникам, как можно видеть ныне у Венецианцев. Тут заметь, что не только Католики склонны к роскоши и ненужным расходам, как их называют духовными ростовщиками¹²⁰. Заметь также, что Римская церковь всегда оказывается более разумной среди других, подобно [902] Матери <1582> по отношению к Дочерям. Их священники причащают пресным хлебом, для этого пекут маленькие круглые хлебцы. Людям, когда их двояким образом причащают, подают их всегда в маленьких детских ложечках, зачерпывают сначала из чаши, потом кладут туда эти хлебные крошки и таким образом подают людям. Только посмотри, какая грязь привносится этими ложечками грубыми священниками и глупым народом и как можно жаждать брать в рот эту ложку, которая обслюнявлена уже многими, в том числе и больными. Они постятся по средам и пятницам, не считая Великого поста, есть и другие длинные – 6 недель перед Рождеством, иногда больше 6 недель перед Св. Петром и 4 недель перед Успением Девы Марии. Кроме того, у них есть всякие странные церемонии во всем.

В церкви по обеим сторонам – лавки без спинок, над которыми укреплены крюки. Как только кто-нибудь входит в церковь, он встает перед Небесными вратами (которые находятся перед Алтарем, как ты уже мог понять) и крестится по меньшей мере три раза, ведет крест от земли (которой касается пальцами) к голове, затем от правого плеча к левому¹²¹, идет стоять к скамье и вешает шапку на крюк. Когда скамейки полны, остальные расступаются, один за другим поперек церкви и образуют за спинами стоящих впереди нечто вроде

chen hinder den voersteenden wie ein gang, darume das sie sich frey niegen mögen, dan sie biegen unnd segnen sich schier one underlaes. Wen sie beginnen vermißt tzuwerden, bringt sie der Diac in eine ordnung wieder, das einer dem anderen nicht hindere. Sie stehen one aufhören, sitzen nicht, knien auch nicht inn ihrer kirche, außgenommen wen ihnen der pfafe das sacrament in der mittel thuere auf dem heubte weiset, fallen sie alle mit dem [903] angesichtte <1582> tzur erden. Die weyber stehen hinder den mennern in einer abgetheilten kirche, aus welcher sie in der mitte durch eine weitte thuere sehn mögen, was sich ums altaer hebt. Über den weibern ist der senger Cuer, aber da die weiber stehn, ist keine forme, nur schlecht gemelde auf den wenden. Da aber die menner stehn, henges fol kronen, fol lamppen, und for den pfortten sein grosse hoge leuchtter mitt kertzen aufgesetzt. Sonst brennen sie, auch die Armenier, kleine lichtlein nach Catolischer manir.

Da wir von den Reussen kamen, traf fen wir, das die Armenier ihre messe erst anfangen, da schliechen wir auch untter sie tzuschauen, was sich heben wurde. Da ist die kirche ann allem der Reuschen gleich, nur das sie Altare mer dan eins haben und mitt bildern nach Catholischer manir tzieren, auch soe ihre Altare decken. Deßgleichen ist ihr priesterlich gewant solches schnittes wie bey uns Catholischen. Sie sitzen auch nicht in ihrer kirche, knien dennoch fiele und segnen sich auf unser weize. Ihre weyber stehn auch hindene sonderlich. Sie fasten auch alle mitwoche und freytage wie die Grichen, doch harter, dan essen keine fische. Dieser beider Sekten ceremonien tzubeschreiben, bedorfte ein sonderlich gros buch.

прохода, чтобы каждый мог свободно кланяться, потому что они кланяются и крестятся без перерыва. Если [это нарушается] и все смешивается [в толпу], Дьяк восстанавливает порядок, чтобы один не мешал другому. Они постоянно стоят, не сидят, в церкви не стоят на коленях, за исключением тех случаев, когда священник в средних дверях показывает святыни, [держа их] над головой, тогда они все падают [903] лицом <1582> в землю. Женщины стоят сзади мужчин, в особом отделении церкви, из которого они через большие двери в середине могут видеть, что происходит у алтаря. Над женщинами расположены Хоры с певчими, но там, где женщины стоят, нет скамьи, а только плохие росписи на стенах. Там же, где стоят мужчины, полно венцов¹²², ламп и перед воротами стоят высокие большие светильники со свечами. Кроме того, они, как и армяне, зажигают маленькие свечки на католический манер.

Когда мы пришли от Руских, мы обнаружили, что Армяне только что начали свою мессу, и мы пробрались между ними, чтобы посмотреть, как все будет происходить. Там церковь, похожая во всем на Рускую, только у них больше одного Алтаря, и украшена иконами по Католическому образцу, которые тоже покрывают весь Алтарь. Одежда священников такого же покроя, как у Католиков¹²³. Они тоже не сидят в своей церкви, однако много стоят на коленях и крестятся по нашему образцу¹²⁴. Их женщины также стоят сзади мужчин. Они постятся также по средам и пятницам, как Греки, но более строго, не употребляя рыбы. Чтобы описать все церемонии обеих сект, требуется особая большая книга¹²⁵.

ИЗ ЛЬВОВА ЧЕРЕЗ КИЕВ И ЧЕРНИГОВ В МОСКВУ И ОБРАТНО

[1146] Es machete sich ein reicher karowann aus nach der Moßkaw. Dieweile aber meinne Herren ser fiele wahren hetten, wardenn sie tzu rahtte, mich mitt dem Herrn Bogdan auch hinnein tzu schicken. Packeten alsoe in bellen und fesser geschliettene seide, auch [1147] turkisch <1584. *September*> getzwiernet, samt fielen turkischen seiden wahrn, nun debichte, saffian und meßin leeder, tzamlet, grobgrun, mucheier, bagasie, baumwalle, pfeffer, safran samt ande rem gewurtz, alles baltte in die dreissig tausent gulden. Diese unsere wahren legten wir auf sechtzig kolessen tzu einem rosse, ich und der herre hetten auch eine kolesse, welche ich trieb, dan dieweile das land daselbst sumpfficht ist, kan man da keine wagen, die schwer geladen werden, brauchen, dan ofters geben diese geringe gnueg tzuschaffen. In diesem karowan waren alles bey 300 wagen, alle mitt einem rosse.

Am <October> 2. Octobris, welcher der dingstag was nach Michaelis, fueren wir umb vespertzeit aus der Lemberk nach der Moßkaw des wegese, da wir sonst gewohnlich in die Turkeye tzoegen, nachtlagerten im felde, habe aber den rechttten ohrtt vergessen.

[1146] Собрался большой караван для поездки в Москву. Поскольку мои Господа имели очень много товаров, они решили отправить туда и меня с Господином Богданом. Уложили в тюки и бочки¹²⁶ шелк-сырец и шелк¹²⁷, [1147] на турецкий <1584. *September*> манер скрученный в мотки, со многими турецкими шелковыми изделиями, кроме того ковры, сафьян и толстые кожи¹²⁸, бархат¹²⁹, грубое зеленое [сукно]¹³⁰, мухояр¹³¹, стебли сахарного тростника¹³², хлопок, перец, шафран и другие пряности¹³³, всего на 30 000 гульденов. Эти наши товары¹³⁴ мы положили на 60 колясок, запряженных в одну лошадь – у меня и Господина тоже была своя коляска, которой управлял я, потому что местность тут была болотистой, и нельзя было воспользоваться тяжелыми повозками, которые были сильно нагружены, часто эти маленькие оказываются вполне достаточными. В этом караване всего было 300 колясок, все с одним конем.

<October> 2 Октября во вторник после дня Св. Михаила в полдень мы выехали из Львова в Москву обычным путем, каким ездили в Турцию, ночевали в поле, точное место я забыл.

Am 3. Octobris Futterten im Felde, darnach eilten die Herren voraus nach Gliniano, den tzoel tzuverrichtten. Die-weile die Herren tzu Hoewe gingen, wartten wir diener mit denn kolessen im kruege. Sobalte wir hinein fueren, umbfing ein armes weib ohne verhofen die gebeertzzeit, auch so hastig, das sie ihr mahn kaume von unseren augen tzur stuebe abfuerte, da sie ihm eine toechter gebar, welches dan fiele schwetzens und uberglaubens untter uns machte. Hinder der stat wieder im felde fingen wir einenn entfloegenen habicht mittm glöklein, der wart meinem herren tzugeeignet, da ich aber ein verdrossen ab dem fogel hette, war mir der Herre tzugefallen und gab [1148] ihn <1584. October> dem Christopf Zadicowitz. Nachtlagerten tzu Knieze.

Am 4. Octobris Futterten tzu Pluchow. Da wir durch Zborow tzogen, sprach ein Edelman den gestern gfangen habicht ahn, sich stellende als were er seinem brueder entfloegen, und wiewol wir merkten, das es ein quasi was, dennoch ubels tzuvermeiden, nach langem seumen und tzäncken liessen wir ihn fliegen, das, wie wir ihn uber kamen, er auch thuen sollte. Solch letztes stücke hette schier ein blutvergiessen bewegt. Dieweile wir uns aber tzankten, damitt unsere schande nich gar inn ein spot geriet, thatten ihm die fuerleutte eine schalkheitt, dan sie undersegten ihm ahm stoltzen kotzen alle fier astholtzer gar unmerklich, das er ohne tzweifel keine meile darauf gefahren ist. Aus diesem tzufal erhueb sich abermahls ein beyglaube, solchen tzank kuenftiger dinge for ein bözes tzeichenn halttende, und rewte ihnen schon die reyze. Nachtlagerten im felde.

Von diezem nachtlager liessen wir unseren alten Turkischen weg tzur rechten handt und kamen in eine andere

3 Октября кормили лошадей в поле, потом Господа поспешили вперед в Глиняно¹³⁵, чтобы устроить дела на таможене. Пока Господа ходили на Двор, мы, слуги, с колясками ожидали в корчме. Как только мы туда въехали, бедную женщину неожиданно настигло время родов, причем так быстро, что ее муж едва успел увести ее с наших глаз в комнату, как она родила ему девочку, что послужило поводом для многих наших пересудов и суеверий. За городом в поле мы поймали улетевшего ястреба с колокольчиком, который достался моему Господину, но поскольку у меня было раздражение против птиц, он в угоду мне отдал [1148] его <1584. October> Кристофу Задиковичу¹³⁶. Ночевали в поле.

4 Октября кормили в Плухове¹³⁷. Когда проезжали Зборов¹³⁸, какой-то знатный человек обратился с претензией, будто пойманный вчера ястреб улетел от его брата, и, хотя мы заметили, что это неправда, чтобы избежать неприятностей, после долгой оттяжки и препирательств отпустили ястреба, но так, как мы его получили, так же должен был получить и он. Казалось, последняя проделка могла бы привести к кровопролитию. Пока мы спорили, чтобы наш позор не превратился в насмешку, наши извозчики напраказничали, они совершенно незаметно подвезли ему на гордых подкрылках все 4 деревянных сука, так что он безо всякого сомнения не мог удалиться даже на милю. По этому случаю еще раз возникла суеверная [примета], будто подобная ссора – плохой знак для будущего предприятия, она уже испортила поездку. Ночевали в поле.

После этой ночевки мы оставили старую Турецкую дорогу¹³⁹ справа и пошли по другой местности. Уже до

jegentt. Noch vor tage fueren wir durch Andernopol, <Andernopol S.> $\frac{1}{2}$ meile von Zborow. Diese statt liegt an einem flußlein. Die heuzer, wiewol sie nach polnischer manier gebauet sein, dennoch stehen sie auf Wallachisch weit von einander. Futterten tzu Tarnopol, <Tarnopol S.> 2 meiln. So weitt forchtten wir uns noch wegen des geriessenen possens, welchen die Herren nicht baltte erfueren, da sie sein aber ihnen warden, geboetten sie frue aufzubrechen und untter ein ander gebiette tzurucken. Dies ist eine gutte stat, lieget an grossen teychen, aus welchenn man fische, tzumale karpffen nicht alleine frisch, [1149] sonderen <1584. October> auch gesaltzen und getreuet im lande weitt umefueret. Sie ist im weitten felde in einem thaele von hoeltze aufgesetzt, doch alles fein gebew, dennoch hat sie tzwe gutte gemewrte thoere, und ist bey dem einen nach der moßkawwertz ein gros stuecke mawrrs, welches tzeuget, das man wilens war, sie mitt einer mawr umetzufassen, da sie doch nochtzurtzeit umb sich hatt einen höltzenen tzaun mitt lehme beklebt. An tzwe eckenn der statt sein auch gutte gemawrte pasteien, auch ist bey ihr ein Schloes meist gemewrt. Aufm Rhatthause ist ein seger und sonst aufm Ringe fiele kreme. Im fahren sahen wir tzurr lincken an einem hoegen orte ein gemawrtes schloes, nachtlagerten aufm berge hinder dem dorffe, da die bruecke uber das wasser geht.

Am 6. Octobris Futterten wir im felde, fueren durch Szohowiec, <Szohowiec stat> 6 meiln von Tarnopol. Dieze statt lieget im felde am flues. Sie ist tzimlich groes, hatt auch einen groessen ringk in der lenge außgestrekt, in welches mitte kein Rhatthaus steht, nur kreme, darume mag er bilig nur ein Markt genent werden. Ann diesem markte sein gutte heuser, aber sonst ist sie foel nichttiges gebews. Sie ist mit aufgesetzten pfaelen

рассвета миновали Андернополь¹⁴⁰ <Andernopol S. October> в $\frac{1}{2}$ мили от Зборова. Этот город лежит на речушке. Дома, хотя и построенные в польском стиле, стоят по-валашски далеко друг от друга. Кормили лошадей в Тарнополе¹⁴¹, <Tarnopol S.> 2 мили. Поскольку мы все еще побаивались из-за разыгранной шутки, о чем Господа узнали не сразу, но, когда узнали, велели выйти рано утром и повернуть на другую дорогу. Это хороший город, лежит на больших прудах, рыбу из которых, в особенности карпов, не только свежих, [1149] но и <1584. October> соленых и вяленых, развозят далеко по стране. Стоит в широком поле в долине, с деревянной оградой, но все хорошего строения, имеет двое каменных ворот, а при них в сторону Москвы часть каменной стены, что указывает на желание окружить такой стеной весь город, но пока есть только деревянный забор, обмазанный глиной. У двух углов города два каменных бастиона, а рядом с ним замок, по большей части каменный¹⁴². На ратуше часы, и, кроме того, на рыночной площади много лавок. Проездом увидели слева на высоком месте каменный замок, ночевали на горе за деревней, рядом с мостом над водой.

6 Октября кормили лошадей в поле, проехали через Соховец¹⁴³ в <Szohowiec stat> 6 милях от Тарнополя. Этот город расположен в поле у реки. Он довольно велик, с большой площадью, вытянутой в длину, но Ратуши в центре ее нет, только лавки, поэтому его скорее можно назвать Рынком. На этом рынке хорошие дома, а в остальном [город] полон жалких строений¹⁴⁴. Он окружен ча-

samt etlichen turmen daunder umtzeunt. Vor diezem tzaune von weitem sein um die stat tzenkichte höltzer gelegt, die wehren das ahnrennen. Bey der statt im grunde ist ein fein schloes mitt etlichem new angefangnem mewrwercke, sein auch tzwe viereckichte wolgemewrte tuerme dainne. Vorm schlosse steht ein grosser gemewrter tuerm, umb den sein obene umehere kleine tuermlein mit bleye rund tzugedecket. Nachtlagerten im felde.

[1150] Am <1584. October> 7. Octobris sonderten sich unser drey kolessen von dem karowan voraustzufahren, auf das wir wie am Sontage was guttes tzu thiesche anrichtten, da fuegte Gott ein wunderlich ding uber uns, dan wir beisteren im weitten felde so sehr, das wir nicht wuesten, wo ihnn, wo aus, heften auch die Strasse verloeren, das wir uber fier stunden mit wege suchen die tzeit tzubrachten. Erschraken auch tzuletzt wegen des leebends. (Dan es hat da grose wielde felder, in welchenn offers leute ohne beichte sterben). Da wir aber erachten, das es tzur, straffe ein verhengnues Gottes was, thaetten die Herren ein geluebnuese. So sie Gott ohne leibes schaden tzu leutten brechte, wolttten sie den tag an wasser und brott faesten und ins Branzische monaster ein pfund Weyrauch geben. Ein gros wunder, kaume hetten sie dies geluebd außgesprochen, da ersaen wir einen pauern, der fuerte uns auf den wegk. Wir kamen tzu Bazilia, <Basilia stat> 2 meiln von Szohowiec. Diese statt liegt am fluesse Slucz, <Slucz flus> hatt auch grosse teiche. Selbst ist sie auch groch*, doch meist schliemmes gebews. Am ringe hatt sie kreme, ist

* Следует читать: groß.

стоколом с несколькими башнями в промежутках. Вдалеке от этого забора вокруг города разложены бревна с заостренными сучьями, которые защищают от набегов. У города в долине красивый замок с некоторыми начатыми каменными сооружениями и две большие четырехугольные хорошие каменные башни. Перед замком стоит большая каменная башня, вокруг которой маленькие башенки, крытые свинцом. Ночевали в поле.

[1150] <1584. October>. 7 Октября отделились наши три коляски, чтобы предшествовать каравану. На них мы, как и в Воскресенье, положили всякую хорошую снедь к столу. Господь явил нам чудо, потому что мы блуждали по широкому полю так долго, что не знали, куда идти и где выходить, потеряли Дорогу, так что четыре часа провели в ее поисках. Наконец, испугались за свои жизни (потому что это огромное дикое поле, на котором люди часто умирают без исповеди). Однако, когда мы сообразили, что это было наказание Господне, тогда Господа дали обет: если Господь невредимыми выведет их к людям, они будут поститься целый день на хлебе и воде и дадут Брянскому монастырю¹⁴⁵ фунт ладана¹⁴⁶. Великое чудо, едва они произнесли свой обет, как мы увидели крестьянина, который и вывел нас на дорогу. Мы пришли к Базилию¹⁴⁷, <Basilia stat> в 2 милях от Соховца. Этот город лежит на р. Случь <Slucz flus> и также с большим прудом. Сам он довольно велик, но в большинстве с плохими строениями. На рыночной площади есть лавки,

mitt holtze ume tzeunet samt etlichen höltzenen tuermen, vor welchen auch von weitten tzenkichtte höltzer liegenn. Futterten im felde, nachtlagerten auch darnach wieder im felde.

Am 9. Octobris fueren wir forbey ein stetlein, das liegt am flusse Slutz, ist mit kreutzachtigen höltzern umbtzeunt, von da sicht man noch ein ander stetlein. Ist 5 ½ meile von Bazilia, Futterten tzu Konstantinof, 1 ½ meiln. <Konstantinof S.> Dieze statt ist tzimlich groes, rings ume mit einem gekamerten parkan ohne lehm, und vor demme eine brustwehr von getzenkigem hoeltze [1151] ume-fasset. <1584. October> Wie Venedig im Meere, also liegett diese ihm kotte, das die gassen entlengst eine bruecke auf pfaelen gehett, und von der wieder in iglich haus eine sonderliche bruecke. Die heuser stehn frey weit von ander, haben meist schwartze rauch stueben, und wiert vordan selden ein kachelowe gesehn. Aufm ringe nur, welcher in der mitte hatt eine Reussische kierche und ein hauffen kreme, ist keine bruecke. Bey der statt ist auch ein groes Schloes, doch nictes anders von gebewe.

Am 9. Octobris, nach deme wir uns da aufm tzoelle musten seumen, fueren wir erst nach der futterunge von da. Nachtlagerten im felde. Erbermlich ists diezes weges tzureizen, wegen groses gewalts und ungerechtigkeit der Tzölner, dessen gleich in der welt nicht ist. Und das leidet man in allen stetchen, auch fielen doerffern. Wiewol das gantze landt inn der Podole nur mitt Reussen gefuelet ist, auch Konstantinum einen Reusischen Herren hatt, dennoch sitzen auf den Schlössern Polnische Edleitchen, die wartten des kaufmans tzum tzoelle, wie sonst der Bierschencker seiner geste.

Abermal sage ich, Erbermlich ists, und das ich ohne falsch ertzele, was uns

ogorozen деревянным [забором] с несколькими деревянными башнями, вдали перед которыми лежат заостренные колья. Кормили лошадей в поле, и потом снова ночевали в поле.

9 Октября проехали мимо городка, который лежит на р. Случь, огорожен крестообразно укрепленными кольями, оттуда был виден еще один городок в 5 1/2 мили от Базилии, кормили лошадей в Константинове¹⁴⁸ в 1 1/2 мили. <Konstantinof S.> Этот город довольно велик, окружен барбаканом из отдельных отсеков, без глины, а перед ним бруствер из заостренных [1151] бревен <1584. October>. Как Венеция в море, так этот лежит в грязи, так что вдоль улиц идут мостки на бревнах и от них к каждому дому ведут особые мостки. Дома стоят свободно, далеко друг от друга, в большинстве черные от дыма комнаты. Очень редко можно увидеть кафельную печь. На рынке, в середине которого русская церковь и масса лавок, мостовой нет. При городе большой замок, строения которого не представляют ничего особенного.

9 Октября мы были вынуждены простоять на здешней таможне и выехали оттуда только после того, как задали корм лошадям. Ночевали в поле. Ехать этим путем скверно из-за больших насилий и несправедливости Таможенников, равных которым в мире нет. От этого страдают во всех городках и многих деревнях. Хотя вся земля Подолия¹⁴⁹ наполнена только Русью и имеет также русского Господина Константина¹⁵⁰, в Замокх сидят Польские мелкие людишки и ждут купцов на таможне, как обычно продавец пива своих гостей.

Еще раз говорю: гнусно - и это я рассказываю без лжи - то, что нам

ofters begegnete. Es haltten den tzoel (es woellenn miers etliche froeme ehrliebende untter ihnen vertzeyen, welcher ich kaume drey unter ihnen gedencke). Komt man ihn ein stetlein, behuete Gott, aufs Schlos tzuploetzen oder sonst in des Herrn Tzoelners Hoef, man hielte es for verretterlich. Sondern der Wirt ist schueldig, erst die geste antzutzeigen und ihnen eine gewisse stunde aufs schloes tzumachenn. So sein solche wiertte fol schmeichlereye, wie [1152] sen <1584. October> ihren aarme so austzustrecken, das sie auf dem Schloesse und under dem schloese nemen. Diesem tzugefallen, mus der arme Kaufman die roesse voeraus tzwingen, damit der Karowan nicht seume, ihn wieder mitt maniger gefeherheit bis tzu mitternacht erjagen.

Aber wie ich geblieben bin. Es haltten den Tzoel Arme stuempfer vom adel, denen gemeinlich, wie den Kozaken ihren Nachbarn, die Weissei tzu nahe was. Diese, wen sie hören, das groesse kaufleutte vorhanden sein, machen sie sich nicht einheimisch, sehen und hören durch die spern wie das Frewlein diengt, und die wil dan gesehen und gehört sein, sowoll wegen ihrer vernunft als adelisehe sitten. Lest sich dan der Schloeser oder Schloefher tzuhause finden, pakt er sich baltte weg, vorgebende, es sein ihm wichtige gescheffe vom Knieze oder Fuersten forgefallen. Darume ubergiebt er die Kaufleutte Ihrer gnaden seinem gemaehl, sprechende, es sey ihr nicht das erste mitt kaufleitten tzuhandeln. Und war ists, die Armenier reissen ihnen oftters schalkhaftige possen. Dan untter dem groeben folcke sitzende, werden sie baltte von der freuntlichen jugent gefangen. Und das ist nicht tzubeklagen, sonderen heist: Maen, las das weib beim wokken.

Tzu Hoewe oder Schloesse mus man mitt grossen tzeremonien tretten, dieweile die gantze stat ein aufsehn hatt. Da findet mann das Hoefe Frewlein sit-

встречалось часто. Таможню держат, да простят мне некоторые, достойные честные люди, среди которых могу вспомнить двух-трех. Приходишь в городок, не дай Бог, к Замку, чтобы разместиться, а то и во Двор Господина Таможенника, и там тебя принимают не за кого иного, кроме как за изменника. Ведь Господин должен прежде всего показать гостей и продержат их некоторое время в замке. А эти хозяева так льстивы, [1152] умеют так <1584. October> простереть свои руки, чтобы купцов задержать в замке или у замка. Чтобы ему угодить, бедный Купец должен отогнать вперед лошадей, чтобы Караван не томился, а потом до полуночи с большой опасностью его догонять.

А вот как остался я. Таможню держали Голодранцы из шляхты, для которых обычно, как и для Казаков, их Соседей, Висла слишком близка¹⁵¹. Эти, если услышат о прибытии богатых купцов, притворяются неместными, смотрят и слушают как из-за загородки, будто прислуживает Девушка, и хотят быть восприняты в соответствии с их представлениями о шляхетских обычаях¹⁵². Если же владельца Дворца или Замка застают дома, он быстро собирается в дорогу, делая вид, будто ему предстоят важные дела с Князем [Книеze] или Фюрстом. При этом он передает купцов Ее милости, своей супруге, объявляя, что ей не впервой иметь дело с купцами. И вправду, Армяне часто их обманывают. Живя среди грубого народа, они скоро попадают в плен ласковой молодки. И на это не стоит сетовать, но, как говорится: «Муж, оставь бабе прялку»¹⁵³.

Во Двор или Замок нужно входить с большими церемониями, потому что за этим наблюдает весь город. Там сидит госпожа в своем парадном на-

zende ihnn ihrem ostertags kleide und gleist unter dem eyerweis gleich were sie vernietzt. Umb sie heer sitzt ein Frau-entziemmer, welches sie in der eiel aus dem stetlein auftrieb, die gleissen auch wie die frawe, neygen sich das nicht vonnöten [1153] ist, <1584. October> da hat man was tzu lachen, wen man die Armuth in der Hoffart rocke siet. Da wirt man auch ihnen, wie Gott der bekumerten leit wes tzutemperieren.

Was den tzoel aber belangt, ist nicht gnug, das man von denn rossen, von den wagnen, von iglichem pundl oder fasse wahrs tzaelt, noch ohne das, welches sie heissen thaem und brucken gelt, fördern sie eine verehrung. Und diezes letztgedachte ist dem Kaufmane so ein schwere burde, das sich einer entsetzt, des weges tzureysenn. Solche unkristliche verehrunge mus mann offentlichen und nicht untterm arme, sondern auf einer schönen schuessel voer sich tragenn. Sie mitt hoeflichen tzeremonien Ihrer Gnaden ubergeben. Damitte die Herren hernach desto mer tzu lachen hetten, war ich gemeinlich der gabentraeger, dieweile mich Warschaw hette in die Hoeffsitlein geschraubet, und macheten sich die Herren bißweilen gar unpolnisch, als kemen sie erst gar aus Armenien, das ich alles wegen ihnen tolmetzen mueste, und nach jenem sprichworte: Iglich leid hatt sein freud. Bey ihrer gnade stet ein ungeschorner baure ins herren kleide, den nentt sie auf eh-selmans duchs ky, dem gebeut sie, die gabe aufzudecken. Sobalte sie die besehen, hebt sie an tzutzornenn und darnach wie voerm gruetz kasten tzudinggen.

Ir tzoern ist, man sey durch ihrt weit-tes gebiette mitt so fielen wegen und rossen tzoegen, so grossen schatz fue-rende, denoch giebt man ihr tzum spotte

ряде, и сияет белилами¹⁵⁴, как будто ими залита. Возле нее сидят Придворные женщины, которых она в спешке пригнала из городка, они блистают так же, как госпожа, [полагая, что] кланяться необязательно. [1153] <1584. October> Смехотворно смотреть, как Бедность рядится в Придворные одежды. Видимо, так Бог отчасти смягчает [жизнь] обездоленным людям.

Что же касается пошпины, то недостаточно оплатить ее от лошадей, от повозок, от каждого пудка или бочки товара, и внести сверх того так называемые плотинные или мостовые деньги, они требуют почестье¹⁵⁵. А это последнее – такое тяжелое бремя для Купцов, что каждый содрогается от ужаса пускаться в этот путь. И это нехристианское почестье нужно нести открыто не под мышкой, а нести перед собой на роскошном блюде. И передавать его Их Милости с придворными церемониями. Дабы потом Господа могли вдосталь посмеяться, я обычно выступал подносителем почестья, поскольку Варшава меня немного обтесала в придворных обычаях. И Господа порой держали себя не по-польски, как будто они только что явились из Армении, а я должен был постоянно переводить им, но по пословице: на всякое несчастье есть счастье¹⁵⁶. Подле Их милости стоит неостриженный крестьянин в господском платье, которого они по-ослиному называют дих¹⁵⁷ – князь [такой-то с окончанием] -кий, которому они приказывают открыть подношение. Как только они это увидят, они начинают гневаться и потом торгуются, как у ларя с крупой.

[Причина] их злости в том, что по их огромным владениям передвигается такое число возков и лошадей, нанося великий ущерб¹⁵⁸, а им в на-

so wenig. Behuette Gott, das man ihr sollte des Fursten, Königs gedencken oder fragen, vonn wanen ihr solche freiheit diese gaben, welche sie nicht viel tzoel genent haben, tzuför[1154]dern. <1584. October> Manichmahl batten wir durch Gott, das man das kind nente und sagete, was sie haben wolten, jah das wolten sie nicht thuen.

Wir gelobten bey treuen tzuthun, was sie heissen worde, nur das sie geboeten, war aber vergebens. Diese verehrungen kosten grausam fiele, und ofters, je mehr man tzuelegt, je weniger sie gestielt werden, auch tzörniger werden. Da wil nicht alleine die frawe ein tzamlet tzun par kleideren haben, sondern auch der Tochter, so dem Sohne, nun seiner gnaden auch, tebicht aufn tisch, auch auf die siedel, nun wurte in die kuchin, oh wie ist der unverschamte geitz tzuvertzehlen. Hatt man sich dan mitt Ihre Gnaden vertragen und geht schon ab, da umbringt einenn erst das Frawentzimmer und die her hoefdiener mitt solchem wimseln, daß kein betler vor der kirche besser tröffe. Nicht eine frewde machte ich ofte den Herren in ihren traurenn. Dan da sich gebuerte, tzum geringsten etliche grossen tzugeben, stach ich ein par neuwe gleisende dantziger pfenninge tzu, sprechende, es were Armenische muntze aus der erde waxende, wie dan wahr ist, und dieweile sies nicht kennen, hieltten sie fiele dafon und glaubeten die rede nach ihrem verstande. Aus manigem hoewe gingen wir weinende und fluchende, aus anderen wieder lachende, den ofte unsere bueben die halbe gabe tzuruke stoelen und ein tzank und argwon untter ihnen liessen. Und nachm Polnischen sprichworte takiemu tako, solchem soe.

Am 10. Octobris fueren voerbey Ostropol, <Ostropol stat> so fiele als Schaerffeldt, 2 meiln. Dieze liegt am Slucz, ist mitt aufgerichtten pfalen um-

смешку дают так мало. Упаси Бог упомянуть Князя, Короля или спросить, откуда у них такое право требовать эти дары, которые не могут быть названы пошлиной. [1154] <1584. October> Много раз мы просили во имя Господа, чтобы они назвали ребенка¹⁵⁹ и сказали, что хотят иметь, но, уввы, они не хотели этого делать.

Мы клятвенно обещали сделать то, что они назовут, но только, что они просили, и это было тщетно. Эти почестья стоили чудовищно дорого, и частенько, чем больше положишь, тем менее они успокаивались и становились злобнее. Тогда хотели не только стамед на пару платьев жене, но и Дочери, и Сыну, а также Их милости, ковер на стол и на скамью, приправы на кухню, о, бессовестная алчность бесконечна. Если договоришься с Их Милостью и уже выходишь, то сначала тебя окружает вся Девичья и господин хозяйский слуга с такими стенаниями, которые и не снились никакому нищему перед церковью. Но я приносил и радости своим Господам в их печалях. Существовал обычай одаривать хотя бы несколькими грошами¹⁶⁰, я совал пару новых сияющих данцигских пфеннигов, говоря, что это Армянские монеты, растущие из земли, что это правда, и поскольку их никто не знал, они их высоко ценили и верили всем речам по собственному разумению. Из многих дворов мы выходили с плачем и проклятиями, из других же – напротив, со смехом, потому что наши парни выкрадывали половину даров, что вызывало у них споры и зависть по Польской пословице: takiemu tako – «каждому свое».

10 Октября мы проехали Острополь, <Ostropol stat> то есть Острое поле¹⁶¹. 2 мили. Лежит на Случе, укреплен стоящими кольями, вдоль

geben, umb welche ein grabe geht, vorm graben aber [1155] sein <1584. October> tzuwe mahl tzenckige höltzer gelegt. Hinder der statt ist eine brucke uber ein wasserlein, an welchem muelen liegen, auch schöne teiche machet. Ich gink etlicher gescheftehalb in die statt, welche tziemlich gros ist und hatt vonn dem thoere bis aufn ring eine brucke. Die heuser stehn iglich sonderlich und bauen sich itzt die leutte fein. Aufm ringe steht eine reusische kirche und am Ringe ein Schlos mit lehem bestrichen, doch nichts sonderliches. Hinder der statt beweisen sich felsen im erdreich, welche da sonst selten voer kuecken.

Fueren durch ein dörfflein, da ist ein runder hogel wall vorm teiche aufgeschuettet, ohne tzweiwel in kriegesleuften. Vor diezer Weehr steht ein reusiß kirchlein untter etlichen tannenbeumenn.

Futterten tzu Lubartow, <Lubartow st.> 2 meiln vom Ostropol. Diese lieget am flues Tethera, <Tethera flues> ist mitt kreutzhöltzern beschuetzt. Am Ringe steht ein tzerfalen schloes und mitten aufm ringe eine Reusche kirche. Sonst ist alles schlim gebeies, auch hat sie ein grossen teych. Nachlagerten im walde.

Am 11. Octobris Futterten tzu Czudnow, <Czudnow stat> welche lieget an der Tethera, 4 meiln von Lubartow. Sie ist tziemlich groes und mit kreutzhöltzern umgesetzt. Sie hatt kleine heuser, die stehn unordentlich und weit von einander mitt erde bedeket nach der Asier art, sein aber stark von runden höltzern aufgesetzt. Bey derr statt auf einem felsichten berge steht ein gut Schloes, unter welchem der flues rinnett, da auch eine bruecke uber ist. Nachlagerten im walde.

Am 12. Octobris Futterten und nachtlagerten auch im walde, welcher ser gedeichte und vonn wilden thieren gefehrlich ist. Am 13. October Futterten voer Zytomiers <Zitomir stat> am flues

которых идет ров, а перед ним [1155] <1584. October> в два ряда положены бревна с острыми суками¹⁶². За городом находится мост через речушку, на которой расположены мельницы, устраивают хорошие пруды. Из-за некоторых дел я пошел в город, он довольно велик и вымощен от ворот вплоть до рынка¹⁶³. Дома стоят каждый поодиночке, люди строят красиво¹⁶⁴. На рынке находится руская церковь, а у Рынка - Замок, обмазанный глиной¹⁶⁵, но ничего особенного. За городом поднимаются скалы, которые, впрочем, видны редко.

Проехали по деревушке, там высокий насыпанный из пруда круглый вал, без сомнения, в военных целях. Перед этим Укреплением стоит руская церковь под несколькими елками.

Кормили лошадей в Любартове¹⁶⁶, <Lubartow st.> 2 мили от Острополя. Он расположен на р. Тетере, <Tethera flues> защищен деревянными крестовинами. У Рынка находится разваленный замок и посередине рынка Руская церковь. Все остальное плохого строения, в городе есть большой пруд. Ночевали в лесу.

11 Октября кормили лошадей в Чуднове¹⁶⁷, <Czudnow stat> который стоит на Тетере, 4 мили от Любартова. Довольно велик и окружен деревянными крестовинами. В городе маленькие дома, поставлены беспорядочно и далеко друг от друга, по-Азиатски покрыты землей, но крепко сложены из круглых бревен. У города на скалистой горе находится хороший Замок, под которым течет река, с мостом через нее. Ночевали в лесу.

12 Октября кормили лошадей и ночевали также в лесу, очень густом и опасном из-за диких зверей. 13 Октября кормили лошадей перед Житомиром¹⁶⁸, <Zitomir stat> расположен-

Kamien[1156]ka <1584. *October Kami-enka flus*> gelegen, welcher da nicht weit hinder der statt in die Tethera feyt, 8 meiln von Czudnof. Sie liegt hart am walde mit kreutzhöltzern umbgeben, ist ser schlecht und nach der Taternn arbeit fast wueste. Aufm Ringe steht eine reusische kierche oder Cerkew, und beim ringe auf einem felsen berge liegt ein schlöslein, unter welchem ein schön steinern flueslein leufft.

Am 14. Octobris fueren wir erst nach der futterunge von da, dan wir mochten uns mitt Ihrer Gnaden wegen der gaben nicht vertragen. Des Stetleins name legt sich aus Kornmeß, aber wir musten da mitt pfeffer messenn. Hinder der statt ist einhalbfiertel meils feldt, da traffen wir uns mit einem Karowan aus der Moßkaw, der gehörte dem Ramadan Czeleby, turkschen kaufmane, welcher uns in fielen nuetzlichen dingen berichtete. Nachtlagerten im walde. Dan wie wir voer bis tzu Czudnow gros unubersehlich felt hetten, also fordan bis an die Moßkaw grausame wietnuessen.

Am 15. Octobris durch Korrestischow, <*Korestischow S.*> 5 meiln von Zithomiers. Diese liegt an der Tethere, uber welche ist eine brucke, auch eine uberfuer, dan das wasser tzerreisset ofters die brucke. Sie ist mit kreutzhöltzern bewahrt, auch hat sie ein Schioes mitt Ihro Gnaden bey sich liegende. Futterten im walde und nachtlagerten auch dain, und steht gedachte statt gar im walde.

Am 16. Octobris Futterten wir tzu Brussilow, *Brussilow S.*> 5 meiln von Korestischow. Diese liegt im walde an einen flus, ist mit kreutzhöltzern umbsetzt. Es ist ein wuest stetlein, hatt am Ringe ein schlos, und in mitte des riengs eine cerkew. Nachtlagerten im walde.

[1157] Am <1584. *October*> 17. Octobris fueren wir vorbey einen hogen run-

ном на р. Каменка, <1584. *October Kami-enka flus*> [1156] которая недалеко за городом впадает в Тетеру, 8 миль от Чуднова. Он расположен у самого леса, окружен деревянными крестовинами, очень скверен и после Татарской работы почти пуст. На Рынке русская церковь или Cerkew, а у рынка на скалистой горе – маленький замок, под которым бежит прелестная каменная речушка.

14 Октября выехали оттуда только после того, как задали корм лошадям, так как не могли договориться с Их Милостями относительно даров. Название города сложено из меры ржи¹⁶⁹, но мы там должны были мерить фунтами перца. За городом лежит поле в одну восьмую мили, мы встретили на нем Караван из Москвы, принадлежавший Рамадану челеби, турецкому купцу¹⁷⁰, который рассказал нам много полезного. Ночевали в лесу. Как раньше до Чуднова были необозримые поля, так, начиная отсюда до Москвы, страшные чащобы.

15 Ноября через Корестишов¹⁷¹ <*Korestischow S.*> 5 миль от Житомира. Лежит на Тетере, через нее есть мост и перевоз, так как вода часто сносит мост. Защищен деревянными крестовинами, имеется также Замок с Их Милостями. Кормили лошадей в лесу и ночевали там же. Указанный город стоит полностью в лесу.

16 Октября кормили лошадей в Брусилове¹⁷², <*Brussilow S.*> 5 миль от Корестишова. Лежит в лесу на реке, окружен деревянными крестовинами. Это пустой городок, около Рынка замок, а в середине рынка церковь¹⁷³. Ночевали в лесу.

[1157] <1584. *October*> 17 Октября проехали мимо высокого круглого

den waell, der liegt ihm diecken walde, hat ein klein felt umb sich und ist von weits mit einem graben umbgeben. Die inwoner nennen ihn das Los, <Los> ich ging ihn obene rings umme. Futterten im walde. Fueren uber den flues Roman. *Roman fl.*> Nachtlagertenn im walde, beim flusse Boerßgowka <Boersgofka fl.> genant, 8 1/2 meiln von Brussilow.

Die Reussen, dieweile sie hören wie eine mechtige statt Kiof was, das sie ist gewesen der sietz ihrer Fuersten, das sie die kronik wegen ihres krieges unde wichtiger geschichte ofters gedencket, das man noch heutthe das köstliche werk der kierche Zophie vor augen hatt, auch etliche meilen umher tzerstört gemewrs siet, sprechen sie, die Statt sey sieben teutzer meilen weit gewesen, gleuben auch ihrer fiele, es sey Troya am selben orte standen. Und derhalb sprechen sie, man habe diesem wasser dofonn solchen namen geben, das dabey derr Barßcz markt was, und an dem orte, da wir lagen. Kiow achte ich, ist wol groes gewesen, aber nimmer nach der Reussenn meilen, eine deutze meile, wen sie gefierekt wirt, machet sie eine groese statt, Dantzick hatt sie kaume und schetze, das sie kaume grösser ist gewesen als itzt Dantzick in allem ist. Das mochte sein, ob gleich diezer ohrt weit von der stat wie itzt was, dennoch konte er ein barßcz platz oder merkt geheissen werden, all ob man gleich sein tage keinen barßcz daauffe feyel hätte. Datzu kaufen die Reussenn seldom oder niemmer barßcz, sondern machet in ein jeder selbst in seinem hauze, dieweile er ihr tegliche speise und drank ist. Solte [1158] man <1584. October> nach barßcz vor einen pfenning etliche meilen loeffen, der sollte auch wol balte weins wierdig sein. Ist darume eine grobe irrunge (doch nicht wunder) untter dem groben folcke, das da Kiow in ihrem floer was auf 7 meilnn ausgestreckt, nier-

вала, стоящего в глухом лесу с небольшим полем вокруг, окружен вдали рвом. Жители называют его Лось¹⁷⁴. <Los> Я прошел кругом по верху вала. Кормили лошадей в лесу, переехали через реку Роман¹⁷⁵, <Roman fl.> ночевали в лесу у реки Борщовки¹⁷⁶, <Boersgofka fl.> 8 1/2 мили от Брусилава.

Русские, поскольку они слышали, каким могущественным был город Киев, что он был столицей их Князей, что его часто упоминают летописи в связи с его войнами и другими важными событиями, что еще сегодня видны драгоценные творения церкви Софии, как и простирающиеся на несколько миль разрушенные сооружения, говорят, что Город занимал 7 немецких миль¹⁷⁷ в ширину¹⁷⁸, а многие из них верят, будто Троя находилась на этом месте¹⁷⁹. И поэтому они говорят, что этой реке дали такое имя потому, что там находился Борщевой рынок, прямо на том месте, где мы расположились¹⁸⁰. Киев, я думаю, был довольно большим городом, но [считая] отнюдь не в русских милях, а одна немецкая миля, взятая в квадрат, составляет большой город, Данциг вряд ли имеет [такие размеры], и я считаю, что вряд ли он был больше, чем теперешний Данциг в целом. Это могло быть, несмотря на то, что данное место находится далеко от города, но оно могло быть названо борщевым рынком или местом, даже если в те времена борщ не поступал в продажу. К тому же Русские покупают борщ редко или никогда, потому что каждый готовит его сам у себя дома, поскольку это их повседневная еда и питье. [1158] Если бы <1584. October> за борщом на 1 пфенниг нужно было бы нестись за несколько миль, он, скорее, стоил бы, как вино. Поэтому это грубое заблуждение (но не удивив-

gends barßcz feyel was nur an diesem orte, tzu welchem itzt von Kiow 1^{1/2} meilen sein. So wes man auch, das Troya in klein Asien baltte bey dreyhundert meiln von Kiow liegt.

Am 18. frue kamen wir in die beru- emte stat Kiow, <Kiow statt> und tzo- gen ein bey einem Armenier mitt namen Abraham welchem die fuesse auf einer Moßkawschen reyze abgefroeren waren, deßhalbe nur auf den knien ging. Das dir nicht wunder neme, wie wir uns bey einem Buerger mochten mitt so fielenn wagen behelffen, so wiesse, das die statt nicht nach unser heimut manier heuser hatt, sondern woenen alle in hoe- wen nach Turkischer weise oder besser geredt nach der Griechen weise, von welchen sie ihre Religion haben, sie auch nachfolgen ihm gebewe und sitten, gleich wie wier gerne den Welschen nachthuen. In Griechen oder itzt Tur- keye tziern die mewren statt und gas- sen, aber hier tzu Kiow gehett man tzwueschen demm höltzenen gebewe und tzeunen wie auf einem folkreichen doerffe durch verworrene unordentliche gaessen. Iglich hoeff hatt seine grossen baumgarten, Koelgarten unnd fiele ge- bewes, sowol foers fieh als for die men- schen und das tzerriessen hin und her gesetzt als jagte eins ander. Iglich haus hat seine badstuebe nach gestalt bey [1159] uns <1584. October> der feylen, doch wie kleine kemerlein. Diese hietzen sie fast alle tage ein nach der Moßke- witter weyse, welche sich stets waschen doch ohne tzeremonien, und vorwar wunderlichenn, dan sie kriechen meist- teils mit nassem leibe in die kleider un- abgetrewt, das ich auch im frost gesehen habe, wie manigem das haer aufm heubte tzusamen gefroeren was. Solch stetigs waschen brauchen die im eh- stande sein am meiesten nach der

тельное) грубого народа, будто Киев по площади занимал 7 миль, что борщ нигде не продавался, кроме как в этом месте, удаленном от Киева на 1 1/2 мили. Кроме того, известно, что Троя находится в Малой Азии едва ли не в трехстах милях от Киева.

Рано утром 18-го мы пришли в зна- менитый город Киев <Kiow statt> и остановились у одного Армянина по имени Абрахам, у которого ноги были отморожены во время Москов- ской поездки, поэтому он ходил толь- ко на коленях. Чтобы ты не удив- лялся, как у одного Горожанина мог- ло разместиться такое количество по- возок, то знай, что в этом городе дома не нашего образца, но все живут во дворах, [устроенных] по Турецкому образцу или, точнее говоря, по об- разцу Греков¹⁸¹, от которых они имеют и религию¹⁸², они охотно следуют ему и в строительстве, и в обычаях, по- добно тому, как мы повторяем италь- янские. В Греции или теперешней Турции стены украшают город и ули- цы, а здесь в Киеве идешь между де- ревянными строениями и заборами, как в очень населенной деревне, по беспорядочно запутанным улицам. Каждый двор имеет большой сад, Ого- род и много построек как для скота, так и для людей, которые, разрезая двор, расставлены там и сям, будто го- нятся друг за другом¹⁸³. В каждом дворе своя баня по образцу [1159] на- ших <1584. October> платных, но это как маленькие каморки. Они топят бани почти каждый день подобно мо- сковитам, те постоянно моются безо всяких церемоний, и порой чудно, как, не вытершись, надевают одежду на голое мокрое тело, так я видел од- нажды в мороз, как у некоторых смер- зались мокрые волосы на голове¹⁸⁴. В таком постоянном мытье по образу Турок, от которых они заимствуют все

Turcken art, von welchen sie alle fant-
zaun nemen. Der heuser tzeune sein
dennoch huebsch von aufgesetzten
brettern glatt tzusammen fuegt, auch sonst
ist die Stat, wiewol von hoeltze
denoch guts gebews, nur selten
eine stuebe mitm kachelofen. Es
sein die heuser mit schindeln ge-
dekt, welche noch einmal so gros
sein wie die bey den Poelen, das sie mer
brether dan schindel mögen genent wer-
denn.

Diese Statt liegt am Niepr, <Dniepr
flus> einem wasser an grösse der Tho-
naw gleich, von den Latinern Borysthe-
nes genant. Ein ser fischreicher flues,
welcher nach besuchunge der Litawn
und dieser Reussen, ins Polnischen Kö-
nigs gebiete fermischung niempt im
Euxinischen Meer, untter wacht der Ko-
saken, welcher Kiof foel ist. Dann erö-
bern sie was von ihren nachbarn, Tur-
ken, Tatern oder Moßkwitern, das ver-
bassen sie hie gerne.

Kiow liegt im tieffen thaele tzwue-
schen hogen bergen dreyekicht außge-
strekt, alsoe, das eine seitte am Niepr ist,
welchen dir in obgesetzter figuer No. 4
deuttet, die anderen tzwo setten stoesen
an die berge, welche dir durchs ver-
dunckelte werden angetzeit. Aus dem
weissen pletzlein in der mitte erachte die
gelegenheit der statt. No. 5 weiset den
wek [1160] unser <1584. October> an-
kunft uber einen hogen waldiegen
bergk. Von welcher seitte die statt ein
wenig raums hatt tzwueschen sich unde
dem berge und ist mitt aufgesetzten
kreutzhöltzern beschiermt. Von der an-
deren seitte hengt ihr der steile bergk
gar aufm halse, das sie da anders
schuetzes nicht bedarb. Vom
wasser wieder sein ihr die tzeune
der gaertenn an statt der mawre.

Da wir von dem berge fueren,
hetten wir tzur lincken den

выдумки¹⁸⁵, нуждаются чаще всего на-
ходящиеся в браке. Заборы же дворов
построены очень мило из стоячих,
ровно пригнанных друг к другу до-
сок, вообще же в Городе хотя и
деревянные, но очень хорошие
постройки, только редко встре-
чаются горницы с кафельными
печами. Дома покрыты драни-
цей, вдвое больше, чем у Поляков,
так что их скорее можно назвать до-
сками, чем драницей.

Этот город лежит на Днепре, <Dni-
epr flus> реке, по ширине равной Ду-
наю, и Латиняне называли его Борис-
фен. Это богатая рыбой река, кото-
рая, посетив Литву и эту Русь, во вла-
дениях Польского Короля впадает в
Эвксинское море, под охраной Коза-
ков, которыми Киев переполнен. Там
они подграбливают кое-что у своих
соседей – Турок, Татар и Московитов,
что охотно здесь и сбывают¹⁸⁶.

Киев лежит в глубокой долине
между высокими горами, простер-
шись треугольником¹⁸⁷ так, что одна
сторона обращена к Днепру, как на
прилагаемом рисунке обозначает
№ 4, две другие упираются в горы, на
рисунке изображены зачерненными.
По белому пятнышку в середине
можно понять расположение горо-
да¹⁸⁸. № 5 указывает путь нашего про-
езда [1160] <1584. October> по высо-
кой лесистой горе¹⁸⁹. На той стороне,
где между городом и горой осталось
немного места¹⁹⁰, он защищен рас-
ставленными деревянными крестови-
нами. С другой стороны крутая го-
ра¹⁹¹ наступает городу прямо
на горло, поэтому здесь не тре-
буется никакой защиты. Со
стороны реки стеной служат
заборы усадеб¹⁹².

Когда мы спускались с горы,
то с левой стороны была краси-

schönsten platz, einem ringe gleich, welchen meist polnisch Katholisch folk bewoent, an deme nach antzeiunge No. 3 stehet auch eine kirche und kloester mit unsers Ordens brueder. Diese ist von S. Jacinto fundiert, aber nicht an itzigem orte. Sonderen an einem anderen orte, itz weitt von der statt gelegen, da man sie noch siet, gemewrt, aber gar in grundt verwustet. Itzige kirch und kloester ist aber aus holtze. Dieselbige aber, welche ich sahe, aber nie dainne gewesen bin, vertzerte unvorsichtigkeit durchs fewr vor etlichen jaren unterm Preier ampt Paters Jordani Kowalkowski, an welches statt die kierche wieder aufzubauen, wolten mich die Patres setzen, aber nach weyerunge wart geschicket Pater Felix Budzale, <Budzale> welcher, nach deme er sie fertig gemacht, dainne begraben wart. Tzu jener tzeitt wart sie kaume von fier bruedern bewont, aber itzt von tzwiefach so fielen, und wext von tage tzu tage.

Die No. 2 tzeiget die stelle unser herberge, aber das ende des weges von No. 5 tzue deutet die staht des Ringes, welcher dan besser ein mercklein genant wirt, dieweile er enge ist. Am ringe steht Unser Frauen [1161] Cerkef <1584. October> gemewrt, doch klein und alt, datzu ann etlichen örtern tzerborsten, fieleicht im fewre, sie ist mitt schindeln gedekt, hat in der mitte ein rundel nach Griechischer weyze von brettern. Ihr glokturm ist auch höltzen. Jegen der cerkef umehrer sein kreme. Bey dieser gemaurten steht auch eine cerkef von holtze, vonn der nicht weitt ist der Kaufleute Karwasar aus holtze aufgebawt. Uber der Stat aufm hogen berge liegt ein gros Schloes, doch schlechts gebewes von hoeltze mit lehme bestriecken. Auf diezem wonten die besten leute desselben weges, dan sie schonden nicht so den Kaufman wegen der gaeben wie die an-

veyshaya ploshchad', podobnaya rynku, naselennaya po preimushchestvu pol'skim Katolicheskim lyudom¹⁹³, na ney pod № 3 stoit cerkov' y monastyr' brat'yev nashogo Ordena. Oni byli osnovany Sv. Yacekom¹⁹⁴, no ne na etom meste, a na drugom, nyne raspolozhenom daleko ot goroda, okruzhennom, kak i seychas eshe zаметно, kamennoy stenoy, no razrushennoy do osnovaniya. A tepereishnaya cerkov' y monastyr' derevyannyye. Oni, odnako, kotoryye ya videl, ni razu ne pobывав внутри, iz-za neostorozhnosti pogibli ot ognya neskol'ko let nazad pri Priorstve Patera Yordana Kowalkovskogo. Na eto mesto, chtoby vostanovit' cerkov', ottsy hoteli postavit' menya, no posle osvyasheniya byl prislann pater Feliks Budzale, <Budzale> kotoryy, posle togo, kak ee zakonchil, byl poхoronен там же¹⁹⁵. V to vremya brat'yev bylo edva li chetvero¹⁹⁶, tepерь их вдвое больше i den' ot dnya pribavlyayetsya.

№ 2 pokazivaet mesto nashogo postoyalogo dvora, a konec puti № 5 oboznachayet mesto Rynka, kotoryy skoree mozhет быть назван rynochkom, poskol'ku on ochень uzkiy. Na rynke stoit [1161] kamennaya cerkov' [Serkef]¹⁹⁷ <1584. October> Nashей Dевы¹⁹⁸, no staraya i malen'kaya¹⁹⁹, k tomu zhe v nekotorykh mestakh povrezhdenная, veroyatno, ognem, pod draniцей, v seredine y nee kruglyy kupol po Grеческому obrazcu, pokryt doskami. Ее колокольня также derevyannaya. Naprotiv cerkvi krugom торговоe лавки²⁰⁰. Ryadom с etoy kamennoy cerkovью stoit eshe odna derevyannaya cerkov', a nevдалеке ot nee – Kupеческий Karavan-saraya, vystroyennyy также iz dereva²⁰¹. Za Gorodom na vysokoy gore bol'shoy Zamok, no ploхого derevyannogo stroeniya, obmazannyy глиной²⁰². V nem жили luchshie

deren. Nicht wenig ursache dieser gutigkeit war, das die frawe daauf eine geboerne Armenierinne was, doch Catholisch, dieweile ihr Herre ein Polnischer Edelman war.

Dan Kiow hat gnug Armenier, die haben da auch ihre kirche von hoeltze, ihrer aber wenich können die Armenische sprache, nur reusisch, und heuraten auch mit den Reussen, welchs sonst ser wieder ihr gesetzte ist. Weiter findett mahn keine Armenier wonend, deßgleich petziert unsers Ordens Kloester alle Katholische kierchen.

Vom Schlosse ahn bies tzum Niepr strecket sich der bergk weiter doch etwan högerr, alsoe, dasß Schlos wie auf einem sonderlichen berge liegt, welcher wie aus dem anderen gewokxen ist. Baes tzuverstehen dieses berges gelegenheit, so wisse, es strecket sich die stat entlengst ein hoger steyler berg, von demselben oben ab sondert sich der berg, auf welchem das Schlos ist, also das tzuwueschen dem Schlosse und grossen berge [1162] ein <1584. October> thael ist. Aufm högsten berge ist weittes felt, in welchem ist ein platz hart nach der statwertz mitt einem walle und graeben umgeben, der begreiffet in sich so fiele platz als ungefehr die Dantziger Speicher. Wiewol die inwoner diesen umbgrabenen plac die Statt nennen, dennoch ist augenscheinlich das alte Schloes, umb welches sich die statt von allen seitten hatt gebauet, sowol aufm berge als auch wie itzt daunden.

Bey 800 jare nach Christi geburt erbauete sie der Reussen Fuerste Ky, von welchem sie auch Kyow geheisen wirt, welches ein weysende wort ist also gesagt, des Kyes, aber Ky in Polnischer

люди [встреченные] на этом пути, так как они были не так взыскательны к Купцам по поводу даров, как другие. Немаловажной причиной этой доброжелательности было то, что супруга была урожденная Армянка, хотя и Католичка, а господин – Польский Шляхтич²⁰³.

В Киеве достаточно Армян, у них даже есть деревянная церковь²⁰⁴, однако немногие из них знают Армянский язык, [владеют] только руским и женятся только на Руских, это обычно совершенно противно их закону. Далее [по пути] не найдешь жилищ армян²⁰⁵, равным образом Монастырь нашего Ордена представляет все Католические церкви.

От замка до Днепра простирается гора, [чем] далее, [тем] несколько выше²⁰⁶, таким образом, что Замок расположен как бы на особой горе, которая вырастает из другой. Чтобы лучше понять расположение этой горы, знай, что вдоль города идет высокая крутая гора, от которой сверху отделяется [другая], на которой стоит Замок, так что между высокой горой и замком [1162] <1584. October> лежит долина. На самой высокой горе наверху большое поле, на котором в сторону города есть место, окруженное валом и рвом. Оно приблизительно такой же величины, как Данцигские хлебные склады²⁰⁷. Хотя жители называют это пустое место Городом, это, очевидно, старый Замок, вокруг которого со всех сторон строился город, дома стоят как на горе, так и теперь в долине²⁰⁸.

Около 800 г. от Рождества Христова его построил Руский Князь Кий, от которого и город назван Киевом, это значимое слово указывает, что Куес, а в Польском языке Ку²⁰⁹ – это пал-

sprache ist ein knuttel, darume nent man ihre Buerger lachender weyse die knuetel tragerr. Hernach Anno 990 Wlodimirs auch Reussen Furste, untter welchem das Landt tzunam, tzumale diese Statt, schickette tzu Basilio und Konstantino orientalische Keysern, umm Annam ihre Schwester tzur ehe bittende, welche, da sie ihm als ihr unwirdigenn Heyden versagt wart, verwilligte er in den tauf. Welchen tzu empfahen, da er tzu Konstantinopel kam, verblendte er auf die augen. In solchem leide, da er tzur braut schikte, lies er ihr sagen, das sie so unglukselich were, auf welches sie antwortte, so balte er geteufte worde, verliesse ihn die blindtheit, wie dan Got solchs werkte. Also kerte er mit freuden in sein land, in welchem er seine under[1163] thaenen <1584. October> tzum Taufe brachte, also das ihr tzu tausenden im Niepr getauft warden. Die Griechen wie die Armenier tauchen das kindt gantz in den tauf. Also haltten sich die Reussen der Griechen in heutigen tag.

Dieser Wlodimirs fuerte mitt sich aus Griechen allerley suptile handtwerks leutte, mitt welchen er in seinem lande fiele schöne kirchen und klöster aufrichtte. Auf diesem obgedachten berge, im auch altten Kiowischenn itzt gedachten Schloesse, bauete er eine schöne grosse kirche, nach fantzauen und namen S. Sophie tzu Konstantinopel, welche noch meistthels in heuttigen tag steht.

Am 19. October gieng ich mitt Stefan aufn bergk, das alte Schloes tzubeschauen, tzumale S. Sophien kierche. Dieser itzt gedachte Stephan, ein freudiger, tugentsamer, gottfuerchtiger juengling meines altters, war ein geborner Armenier hie aus Kiow. Sein Vater ein frommer mahn und wie der Sohn eine aufrichtige schöne pershoen, welchen der Köning Sigismundus umb seiner

ка, поэтому горожан в насмешку называют палконосцами²¹⁰. Позднее, в 990 г.²¹¹, Владимир²¹², также Русский Князь, при котором Страна расширилась, как и этот Город, направил к Василию²¹³ и Константину²¹⁴, восточным Императорам, [посольство] просить себе в жены Анну, их Сестру, который, когда та отказала ему как недостойному ее Язычнику, согласился креститься. Он прибыл в Константинополь, чтобы принять крещение, но тут ослеп. В этом горе он отправил невесте сообщение, как она будет несчастна, на это она ответила, что, едва он будет окрещен, слепота его исчезнет, как и сбылось по воле Божией. Итак, он с радостью вернулся на родину, где привел к Крещению своих [1163] подданных²¹⁵, <1584. October> так что тысячи их были крещены в Днепре. Греки и Армяне во время крещения кунают детей целиком в купели. Того же придерживается Русь вслед за Греками донныне.

Этот Владимир привез с собой из Греции разных искусных мастеров²¹⁶, с [помощью] которых возвел в своей стране много красивых церквей и монастырей²¹⁷. На названной выше горе в упомянутом уже старом Киевском Замке он построил большую красивую церковь по образу и во имя Софии Константинопольской, большая часть которой стоит до сегодняшнего дня²¹⁸.

19 Октября я со Стефаном отправился на гору, чтобы осмотреть старый Замок, а также храм святой Софии. Этот Стефан, веселый, трудолюбивый, богобоязненный юноша моих лет, был Армянином, урожденным здесь, в Киеве. Его отец, благочестивый человек, как и сын, честный и прекрасный, которого Король Сигизмунд за его мужественные поступки

* Следует читать: meisttheils.

mähnlichen thatten willen tzum Edelmane machte und mitt einem dörfte bey Kiow gelegen begaebte. Dieser kam ohne verletzungen seiner edelen tugent datzu, das er sich auf die furmanereye begab und fuerte auch auf dießmahl seines Sohns Herren whaer. Selbst kontte er nicht ein wort Armenß aber sein sohn Stephan gar woel unnd gutt Turkisch datzu. Diese sprachen lernete er tzu Kamieniec bey einem Armenier, tzu welchem ihn der Vatter sehr jung thate. Bey 14 jahn wart er tzu Kamieniec von seinem einigen Herren unnd iderman [1164] wert <1584. October> gehalten, da er aber negstvergangne reize mitt seinem Herren in unserem Karowane nach der Turkeye reyzete, begab sichs dennoch wunderlichen. Dan da wir uns ihm wenden hinder Choczyn uber den Niestr setzten, mochtten wir nicht aus der uberfuerr bringen ein Arabisch ros, welches ich leitte und es der Herre darnach voer 140 gulden verkaufte. Da es uns aber seumete mit murmeln der uberfuerr, setzte ich mich darauf und machte es mitt gefahr oder sage ich, mitt gewalt auf den uwer springen. In dem springen schuettelte es mir den tzoem aus der handt und begunnte ser tzurennen. Ich hielt mich nur des sattels, doerste auch nicht abspringen, dan das felt foll kleines schedlichen diestel bueschts ist. Gott war da sonderlicher weise mitt mir, das mir nicht einige foerchte tzum hertzen trat, doe doch der gantze Carowan erschraek, tzumale mein Herre fiele rats erdenckende. Dieweile das ros aber vorm strauche tzu meinem gelucke nicht gar den willen hette mitt rennen, begunnte es sich nur immer aufzuspannen, hin und her wendende. In deme mitt verwunderen idermenniglichen kam Stefan (mitt welchem ich tzuofer nie einiges wort geredt) mit gewalt laufende, springt dem roesse blienderweise unter den hals und erwueschts

возвел в Дворянское звание и пожаловал ему деревню под Киевом. Тот принял, не унижая собственного достоинства, за извоз и на этот раз повсюду возил Господ своего сына. Сам он не знал ни одного Армянского слова, а его сын Стефан [владел] им вполне, да еще совершенно свободно и хорошо Турецким в придачу. Эти языки он выучил в Каменце²¹⁹ у одного Армянина, к которому отец направил его еще совсем юным. В 14 лет его высоко ценили в Каменце и его собственный Господин, и все другие, [1164] и <1584. October> когда он в предшествующей поездке со своим Господином ездил в нашем караване в Турцию, он вел себя великолепно. Когда на обратном пути мы, повернув за Хотином, переправлялись через Днестр, мы не могли с перевоза²²⁰ вывести [на берег] Арабского скакуна, которого вел я и которого потом Господин продал за 140 гульденов. Так как это нас задерживало, а перевозчик ворчал, я сел на коня и заставил его с опасностью, или, лучше сказать, силой прыгнуть на берег. Во время прыжка он выдернул из моей руки уздечку и пустился вскачь. Я удержался только за седло, но не мог спрыгнуть, потому что поле было покрыто мелкими колючими кустами чертополоха. Чудесным образом Бог тогда был со мной, так что я не испытывал никакого страха в сердце, однако же весь Караван испугался, в особенности мой Господин, придумывая многие советы. На мое счастье, у коня не было охоты скакать по кустарнику, и он только стал вскидываться, поворачиваясь туда и сюда. В это время, ко всеобщему удивлению, Стефан (с которым я раньше не обменялся ни словом), стремительно подбежав, влепую прыгнул под шею коня и схватил его за уздечку. С тех пор мы оба очень

beim tzuengel, von welcher stundeahn wier ein ander gewoegen woerden. Und wiewol, dennoch hetten auf dieser reise nicht so fiele tzeitt, das ich ihm wie biellich gedankt hette. Er aber, wie hernach bekante, begerte lengst meiner kuntschaft, schemte sich aber, mich antzusprechen. Aber vonn [1165] diesem <1584. October> tage ahn hette er wunderlichen fleis, das er seines herren loes wuerde und in meines herren dienst keme, welches dan warlichen nichtes anders was, nur das ihn Gott mir auf den Moßkawschen wek tzum diener machte, dan er war auch voer schoenn in der Moßkaw gewesen. Da ich von Lueblin kam, wie negst gedacht, fandt ich ihn schon dienende jegen uns uber beym Derr Mikolay, dieweile meine Herren schon mit gesinde beladen warn. Derr ist auf Armenisch pfaffe. Bey diesem pfaffen warden wirr mitt einander bekant, das ich ihm vor jene wolthaet dankte und verehrte, auch sagte er mir wieder, das er meinentwegen in die Lemberg kam und mir begerte ewiger diener tzusein. Und warlichen hat er mir wie ein geborner underthaen alletzeit gedienet, einn juengling, tzu welchem sich von allen seitten das gluecke roelte, dan strax in der Lemberg bot man ihm eine erbare jungfrawe mit guttem brautschatze.

Da er aber sahe, das [1166] ich <1584. October> in den orden trat, er mich nachfoelgte. Und wiewol er fiele tuegende dem orden gemesse in sich hette, tzumale an keußeitt so klar wie ein kriestael, denoch mochte er nicht aufgenommen werden. Da err solchs sahe und im datzu froet gemacht wart, das er mich in sieben jahren nicht mochte tzu sichte kriegen, packete er sich dieselbige woche meines intrits aus der Lemberg in Littauen tzu einem woelhabenden Edelmane seinem Schwager. Sonst werde ich ernach auch dieses juenglings gedenken.

расположились друг к другу, хотя у меня в течение этой поездки не было особого времени выразить ему как следует свою благодарность. Он, однако, что выяснилось позднее, давно желал знакомства, но стеснялся заговорить со мной. Но с этого [1165] <1584. October> дня он прилагал немалые усилия, чтобы уйти от своего господина и поступить на службу к моим, что на деле привело только к тому, что во время Московской поездки Бог превратил его в моего слугу, так как он уже ранее побывал в Москве. Когда я пришел из Люблина²²¹, и, как сказано далее, нашел его служащим напротив нас у Дерра Миколая, в то время как мои Господа уже были обеспечены прислугой. Дерр – по-армянски священник. У этого священника мы и познакомились, так что я поблагодарил и выразил ему уважение за то доброе дело, он же ответил, что приехал во Львов ради меня и желал остаться моим слугой навечно. И действительно, он мне всегда служил как урожденный подданный, юноша, которому счастье валило со всех сторон, так, именно во Львове ему предлагали почтенную (скромную) девушку с хорошим приданым.

Когда он [Стефан] увидел, что [1166] я <1584. October> вступил в Орден²²², и [когда я это сделал] он последовал за мной. И хотя он, чистый, как кристалл, имел много добродетелей, соответствовавших Ордену, в особенности целомудрие, он не мог быть принят²²³. Когда он это увидел и к тому же понял, что в течение семи лет он не сможет меня видеть, он за неделю собрался из Львова в Литву к одному состоятельному Дворянину, своему свойственнику. Впрочем, после я упомяну еще этого юношу.

Gleich wie der Bischof Onias in Egipten bauete einen tempel nach aller gestalt des Jerusalemischen, gleicher weise thathe gedachter Fuerste Wlodimirus mitt dieser Zophien kierche jegen der tzu Konstantinopel. Sie ist wol an gestalt die Kiowische der Konstantinopolitanischen ehnlich, aber nicht an groese, schöne oder köstlicheitt. Der Heilige Mertter Isidorus ist ihr Ertzbischopf gewesen. Itziger tzeit stehet sie weitt von leutten im felde, darume wuesten wir nicht, wie wir hinein komen soltten. Meines dunkens haben dieser kierchen verschoenet in kriegsleuften, nicht alleine die Chriesten, sondern auch die Thaettern, dan sie stehett noch gantz, und pflaget ihre geistlicheit auf gewiesse tzeit ihre andacht dainne volbringen. Außgenomen riengsume ist sie vom regen eingespuelet. Das da aber eingefallen, ist nichtes anders, nur ein gangk herume an die kirche gemewrt, uber welchem noch ein gang gink. Sie hatt keine verschlossene thuere, sondern ihre thuere ist mitt schlechttten brettern verschlagen. Tzu glucke funden wir ein loch, aus welchem ein stucke mawrs gefallen was, durch das kamen wir auf [1167] den <1584. October> oberen gangk, von welchem noch hien und heer gantze stucke stehen, aus welchen man mag verstehen der kirchen gestalt, da sie in folkomenheit stundt. Solchen ausernn gank hatt die tzu Konstantinopel nicht, es were dan, das ihn die Turcken abgebrochen hetten. Von diesem gange komt man aufn gang in die kierche, welcher sich bey dem altare endet nach gestalt wie von deme tzu Konstantinopel gedacht ist. Außgenomen das die seulen aus mangel der materie nur von tziegel gemewrt sein, welche nach Grichischer weise solche masse haben wie sonst bey uns die stueben fleisen.

Von dem äuseren gange auf diesen, der inwendig ist, gehn drey thueren in

Подобно тому как Епископ Ониас²²⁴ построил храм в Египте по образцу иерусалимского храма, так же [поступил] князь Владимир²²⁵ с этой церковью Св. Софии²²⁶, Киевская по облику подобна той, что в Константинополе, но не по величине²²⁷, красоте и богатству драгоценностей. Святой Мученик Исидор был ее архиепископом²²⁸. В наше время она стоит вдалеке от людей в поле²²⁹, поэтому мы не знали, как туда попасть. По моему разумению, в течение войн ее берегли не только Христиане, но и Татары²³⁰, так как она стоит совершенно целая, и ее духовенство имеет обыновение в определенные дни проводить в ней свое богослужение. Единственное исключение в том, что дождь оmyвает ее повсюду. И что там только обрушилось, так это галерея вокруг церкви, над которой шла еще одна галерея. У нее нет закрытых дверей, но все двери забиты плохими досками. По счастью, мы нашли дуру, где выпал кусок стены, через него мы поднялись на [1167] <1584. October> верхнюю галерею, от которой там и сям еще сохранились целые фрагменты²³¹. Отсюда можно было представить весь облик церкви, когда она стояла в целости и сохранности. Такой верхней галереи нет в той церкви, которая в Константинополе, но, возможно, ее разрушили Турки²³². С этой галереи можно пройти в другую, [ведущую] в церковь, которая кончается у алтаря и имеет такой же вид, как и галерея в указанной константинопольской церкви²³³. За исключением того, что колонны из-за отсутствия материала выложены лишь кирпичом, который по Греческому образцу имеет такой же размер, как у нас плитки для [постройки] домов²³⁴.

С внешней галереи во внутреннюю ведут три двери посередине каждой

mitthe iglicher seitte, die sein in der kirche fierekicht aus weissem mermelsteine aufgesetzt. Sonst siet man da anderen mermelstein nicht, nur das noch an allen fier ecken der kierche weitte runde turme sein mitt windeltreppen außgefuelet, die sein mit schönenn roten mermelsteinen fleisen belegt, doch gar rauh ungepoliert. Diese fleisen, welche dan gros sein, schlepft das folk auf ihre kirchhöwe und tzeichnen ihre greber damit.

Sonst ist der inwendige gang mit tzielgen geplastert, doch meysterlich von roesen und schönen altfrentischen tzuegen, aber der voerdste gank ist so verfallen, das seinn wenig uberbliebene pawiment gar im grause steckt, die kirche aber undene ist mit schönen gleseuerten allerleyfarbe steinen gar meisterlich belegt. Diese 4 gedachte windeltreppen, dunkt mich, sein nicht anders, nur das sie auf ein unverdekten [1168] gank <1584. October> fuerten oder, wie mans sonst heiest, auf ein plattes dach, welchs uber dem eusseren gange gink, auf welchem man tzulies, das sichs folk spatzierweise verlueßtete. Inwendig ist die kierche noch unversehrt, allenthalbe durchaus köstlich gemoelt und stark verguedet. Da das hoge altar ist, steht an der wandt ein Marien bilt so hoch, fast wie die gantze kierche, so spielernew antzusehn, als wers heutte fertig gemacht. Untter dem bilde ist das Altar, welches einen höltzenen deckel auf fier seulen uber sich hatt, damitte man vom gange nicht gar frey daauf sehe, welches dan antzeiget, das jenes tzu Konstantinopel auch so stund. Vorm altare, wiewol man die Hiemmelischen thueren schon in anderre Cerkewe genommen hatt, dennoch seinn da geblieben tzwe schöne groesse taffeln, auf einer ist gemaelt der Salvator, auf der anderen die geberein Gottes nach Griechischen

стороны, которые внутри со всех четырех сторон выложены белым мрамором. Кроме этого, мрамора нигде не заметно, только еще в широких круглых башнях во всех четырех углах церкви²³⁵ с винтовыми лестницами; они выложены великолепными красными мраморными плитами²³⁶, но совсем грубыми, неполированными. Эти плиты, которые очень велики, народ растаскивает на церковные погосты и отмечает ими свои могилы.

Внутренняя галерея вымощена кирпичами, но очень мастерски розетками и красивыми старофранкскими узорами, но внешняя галерея так разрушена, что ее мало где сохранившаяся вымостка совершенно утопает в траве; внизу же церковь выложена прекрасными глазурованными разноцветными камнями. Четыре упомянутые винтовые лестницы, сдается мне, вели только на ненакрытую [1168] галерею или, <1584. October> как иначе говорят, на плоскую крышу, которая находилась над наружной галереей, на которую выпускали, чтобы народ развлекался, прогуливаясь. Церковь внутри еще не повреждена, хотя вся покрыта драгоценными фресками²³⁷ и сильно позолочена²³⁸. Там, где находится высокий алтарь, на стене стоит образ Марии, очень высокий, почти как вся церковь²³⁹, по виду такой новый, будто он только сегодня завершен²⁴⁰. Под образом находится Алтарь, имеющий деревянное покрытие на четырех столбах²⁴¹, чтобы с галереи туда невозможно было бы смотреть; он таким образом указывает, что такой же и так же стоит в Константинополе. Перед алтарем, хотя Царские врата уже забраны в другую церковь, все-таки остались две прекрасные большие иконы, на одной написан Спаситель,

sitten, welche sich grössehaelb nicht leicht in anderer cerkef fuegen mochtten. Wunderlichen ists, das alle gewelbe dieser kierche mit steinern kruegen sein tzusamen gesetzt. Erstlich ist das gewelbe eines (griechischen verste so, nichtt so wie bey uns) tziegels dicke, auf das sein strax die kruege gesetzt mit dem halse unden und darnach mitt kalcke tzusamen tzoegen. Die kruege sein schne weies und haert, in allem den gemeinen kruegen gleich, das so man einen gantz aus dem gewelbe briengt, lest er sich baes [1169] den <1584. October> andere nuetzen. Das runde mittel derr kirche steht noch unterm bleye, doch ser tzerrisen, auch ist noch das kreutze daauf, sonst ist das bley abgenommen und an seine stath mit brettern bedeckt. Über der groesen kierchthuere von Niedergankwertz ist ein groesser gruener stein nach gestalt eines spiegels, von diesem ist wunderlich halttens unterm folcke, tzumale, man habe in diesem Spiegel ersehen, was voer geheimnuese mann nur begerte, und ertzelen dessen etliche geschichtlein. Meines dunckens aber, die-weile diesem lande mangelt ahn mermel, porfier und alabasterstein oder solches ohne unerhörten kosten nicht kan tzu wege gebracht werden, hatt man diese kierche durch einen suptielen griechischen töpfer mit schönen glesourten stenen getziert. Dan solche dienge gehn noch heutthe untter den Griechen im schwange, wie auch bey des Turken grabe gedacht ist.

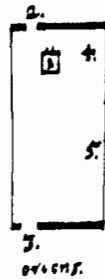
Diese angehengte figur tzeuget die gelegenheit des alten Kiowischen schloses, in welchem S. Zophia ligt, wie das quadrat mit No. 1, bey welcher gehet die groese straese aus einem thoere tzum anderen. Das thoer bei No. 2 ist nicht weitter von der grossen kirche als das Dantziger

на другой – Рождество Христово по греческому образцу²⁴²; они из-за величины не могли быть легко перенесены в другую церковь.

Удивительно, что все своды этой церкви усажены каменными кувшинами²⁴³. Во-первых, свод слоем в один (греческий конек, стало быть, не такой, как у нас)²⁴⁴ кирпич, на который насаживается кувшин горлом вниз и затем скрепляется известью. Кувшины ярко-белые и твердые, в целом похожие на обычные; так что их можно целиком вытащить из свода и употребить [1169] для <1584. October> других нужд. Круглая середина церкви стоит еще под свинцом, но очень поврежденным; также над ней есть еще крест, в остальных местах свинец снят и вместо него покрытие досками. Над большими церковными воротами на Западной стороне находится большой зеленый камень наподобие зеркала, о котором в народе ходит чудесная молва, например, [что] в этом зеркале можно увидеть, тайны, какие пожелаешь испытать²⁴⁵. Рассказывают и другие подобные басни²⁴⁶. По моему мнению, однако, поскольку в этой стране нет мрамора, порфира и алебаstra, или все это из-за неслыханной дороговизны не может быть сюда доставлено, эту церковь с помощью прекрасного греческого гончара украсили прекрасными глазурованными камнями²⁴⁷. Поскольку и теперь у греков такие вещи в ходу, также [оформляются] могилы турок:

Этот приложенный рисунок показывает расположение старого Киевского замка²⁴⁸, на котором Св. София [указана] как квадрат № 1, у которой большая улица идет от одних ворот к другим. Ворота под номером 2 не далее от большого храма, чем Данцигская ратуша от

Ratthaus von der Kuerßner gasse und heist die Gueldene pforete. Die thuere dafon sol tzu Gniesen aufm Thueme sein und von schlechtem golde. Ich haltte schier, das sie von Korintischem messing und vergueldet was, nach der Griechen gemeinem brauche. In diese thuere hauete König Boleslaw Chabri, da er diese Stat und Schloes mitt gewalttiger hantt einnam. [1170] Das <1584. October> schwert, mit welchem er den haw thatte, helt man auch aufm Thueme tzu Gniesen unnd wirt genant Sczerbic (Ausgeschaert), darume das es vom gedachten hau eine schar bekam. Dies schwert, schreibt man, habe ihm der engel vom himmelbracht, darume auch in fielen nöten damitte obgesiegt.

Anno 1074. Belegerte Kiow Bolesław der Kuene so lange, das sie sich ihm hungershalbe ergab. Da er ins schloes riet, hieb er auch in diese thuere wie sein Altvater, aber Chabri erwarb mit seinen tuegenden die Königliche krone, welcher dieser Dreiste verloer nach töttunge S. Stanislai.

Darnach Anno 1415 belegerte sie Ediga der Tatersche Keyser, verbrante sie und verherzte alles umbher, aber das Schlos mochte err nicht gewinnen, wiewol er grossen fleis daume hette. Von dieser tzeit ging auch die Statt gar tzu druemel, bis in heuttigen tag. Dies Gueldene thoer steht noch, ist aber meistthels verfallen und beweiset sich, das oben eine kapelle was nach der Reussen weise, welche ihre thöre obene mitt schönen kirchlein tzieren, es also Gotte und gewissen Heiligen in schutz befehlen, solche andacht haben sie auch fieleicht von den Griechenn gnommen.

Wie in der figur No. 4 weiset, umb den trent nicht weitt von einander stehen fuenf tzerfallene kirchen schönes gebewes. Wo wieder No. 5 steht, ist S. Michels Cer-

Скорнячного переулка, и называются Золотыми воротами²⁴⁹. Двери оттуда, должно быть, находятся в Гнезненском соборе²⁵⁰ и плохого золота. Я твердо полагаю, что они сделаны из Коринфской меди²⁵¹ и позолочены по принятому у Греков обычаю. В эти двери вломился король Болеслав Храбрый, когда он вооруженной рукой захватил этот Город и Замок²⁵². [1170] <1584. October> Меч, которым он рубился, сохраняется в Гнезненском соборе²⁵³ и называется Щербец, поскольку он получил выбоину [во время] указанной схватки. Этот меч, как пишут, ему принес с неба ангел, поэтому он победил с ним во многих битвах²⁵⁴.

В 1074 г.²⁵⁵ король Болеслав Смелый так долго осаждал Киев, что тот из-за голода сдался ему. Когда он скакал в замок, он ударил в эти ворота, как и его Дед, но Храбрый своими доблестями добился Королевской короны, которую этот Наглец потерял после убийства Св. Станислава²⁵⁶.

Потом в 1415 г.²⁵⁷ город осадил Едигей, Татарский Царь, сжег его и разорил все вокруг. Но Замка он не сумел захватить, хотя и прилагал к этому большие усилия. С того времени вплоть до сегодняшнего дня Город приходил в совершенный упадок²⁵⁸. Эти Золотые ворота еще стоят, большей частью разрушены, но, оказывается, наверху была часовня по обычаю Руских, которые украшали свои ворота сверху красивыми церковками²⁵⁹, вверяя их защиту покровительству Господа и некоторых Святых. Это посвящение, они, вероятно, заимствовали у Греков²⁶⁰.

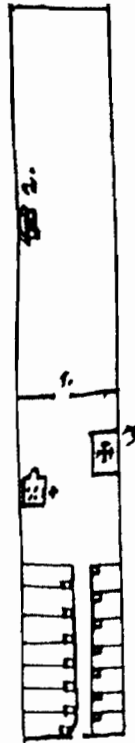
Как показывает № 4 на рисунке, разделенные небольшим расстоянием, недалеко друг от друга стоят пять разрушенных храмов чудесного строения²⁶¹.

kew, die stehet noch gantz und wont ein pfaffe dabey. Ihr ober rundel ist ser helle verguldet, aber der rant umehar ist vonn bleye, dieweile nicht gnug des goldes was.

[1171] Die <1584. October> ursache aber, das diese kierche mit golde betzoegen ist: da Ediga, wie gedacht, die statt gewan, lieffen die weiber tzu Schlosse und geloebtenn Gotte, so er sie beschiermt, wolttten sie ihr geschmeide tzu vergueldunge dieser kirche geben, welchs sie auch thaetten, nach deme sie Gott von des Heyden handt bewarte.

Eine halbe meile von Kiow ist ein beuermt Monaster und dabey ein Cemiterium nach Römischer weise, in gantz Poelen ser beruemt, welches die Reußen Pietziara heissen unnd fiele schwetzens dafon treiben. Ich begerte es tzu sehn, darume am 21. Octobris, da die Hern am Sontage aufm Schlosse tzu gaste waren, stiegen wir tzu rosse, ich und Stephan, rietten ubers alte schlos, durch thoer, welches mit No. 3 in obgesetzter figur vertzeichnet ist, welches dan so verstörtt ist, als wers nie gewesen, dan was nicht fauel ist, tregt tzielgel tzuhause von diesem berge.

Wir kamen tzum Monaster, welches in einem schönen groessen doerffe liegt aufm berge am Niepr. Vorm thoere, welchs gemeurt ist, unnter einer kapelle stiegen wir ab und fuerten die rosse beim tzoeme. Strax hinder dem thoere hebt sich eine lange gasse ahnn, in welcher von beiden seitten die muenche ihre tzellen haben. Und hatt iglich sein sonderlich heußlein und garten, alles fein von hoeltze ge-

Где сто-ит № 5 – это церковь [Cerkew] Св. Михаила, она еще совершенно цела и при ней живет священник. Ее верхний купол очень ярко позолочен, но края вокруг [покрыты] свинцом, так как золота было недостаточно²⁶².

1171] <1584. October> Причина, по которой эта церковь покрыта золотом, [следующая]: когда Едигей, как сказано, захватил город, все женщины убежали в Крепость и дали Богу обет, если он их сохранит, они желали отдать свои украшения на позолоту этой церкви, что они и сделали после того, как Господь спас их от рук Язычников²⁶³.

В полуmile от Киева находится знаменитый Монастырь и Кладбище по Римскому образцу, очень знаменитый во всей Польше²⁶⁴, который Руские называют Печеры и очень много о нем рассказывают²⁶⁵. Я хотел его видеть, поэтому 21 Октября, когда Господа в Воскресенье были в гостях в Замке, мы – я и Стефан, сели на лошадей и поскакали через старый замок, через ворота, которые обозначены № 3 на вышеуказанном рисунке²⁶⁶, который так разорен, как нигде, потому что [все], кому не лень, тащат с этой горы кирпич к себе домой.

Мы подошли к Монастырю, который расположен в прекрасной большой деревне на горе над Днепром. От ворот, которые находятся в стене под часовой²⁶⁷, мы спешили и повели лошадей под уздцы. Прямо за воротами поднимается вверх длинный переулок, вдоль которого с обеих сторон монахи имеют свои кельи. И у каждого свой отдельный домик и сад, все искусно по-

bauet. Wen man diese gasse durchkommen ist, hatt man einen ser groessen platz, auf deme steht tzur lincken hantt eine groese gemewrte Cerkew tzur aller Reinesten genant (Preczista), dan so nennen die Reusen Unser liebe Fraue. Der gloktuerm ist von holtze und ein seger daauf, welchs in dem lande schon ein wunder ist.

Balte bei dieser kierche steht noch eine grosse gemewrte kirche, [1172] aber <1584. October> gar verwuestett und verdorben, im dorfe sein auch höltzene kirchen. Jegen der kirche uber tzur rechnen handt, wie das kreutzlein weiset, ist ein groes schön haus aus holtze gebauet, da waren die muenche wie am feyertage tzusamen. Sobaltte man unserr vom vordersale gewahr wart, verstanden sie, das wir von dem Kaufleuten aus der Lemberg waren. Da kam geschwinde ein munch tzu uns und bath uns vom eldsten auf broet und methе, wier dankten freuntlich, entschuldigten uns wegen des essens und drinkens, dieweile wir wenig tzeit hatten, baten nur, das mann uns verguenne, die kierche und Petzara tzubesichtigten.

Also kam balte der glöknier und machete uns die thuere an der seite, wie das kreutzlein tzeitget, auf, und ich gab ihm drankgelt drey Litausche pelchen. Ohne diese thuere sein noch tzuе andere, alle aus eisen, und ist die Cerkew wol und köstlich getziert, hat auch ein fuerstlich grab von allabastr und marmelstein. Darnach gab uns gedachter Vitricus von einhalben groschen waxlichtlein und fuerte uns tzum alten mane, welcher den schluessel tzur pietzare hette, tzu deme gingen wir in einenn groessen, doch schlechten garten, wie dier No. 1 tzeitget, in deme nicht weit von der thuerre war des Pietzarniken heußlein. Dieser fuerte uns von seinem hause im selben gaerten

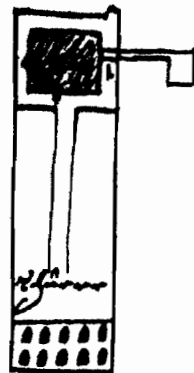
2.

строено из дерева²⁶⁸. Когда пройдешь этот переулок, [окажешься] на большой площади, на которой слева стоит большая каменная церковь [Cerkew] Пречистой [Preczista]²⁶⁹, так русские называют Нашу дорогую Деву²⁷⁰. Колокольная башня из дерева²⁷¹, на ней часы, что в этой стране является чудом²⁷².

Невдалеке от этой церкви стоит еще одна большая каменная церковь, [1172] <1584. October> но совершенно пустая и разоренная²⁷³; в деревне были и деревянные церкви. Против церкви справа, как указывает крестик, стоит большой красивый дом, построенный из дерева, там были монахи, [собиравшиеся] как в праздник, вместе²⁷⁴. Как только мы вошли в приходную, они поняли, что мы от Купцов из Львова, тогда к нам быстро подошел монах и [предложил нам] от старейшего хлеб и мед, мы любезно поблагодарили, но, извинившись, отказались от еды и питья, поскольку у нас было мало времени, мы только попросили, чтобы нам позволили осмотреть церковь и Печеры.

Вскоре пришел звонарь и открыл нам двери с той стороны, где указывает крестик. И я дал ему на чай 3 Литовских pelchen²⁷⁵. Кроме этих дверей, были еще двое других, все железные, а церковь [Cerkew] была прекрасно и богато украшена²⁷⁶, в ней была также княжеская гробница из алебастра и мрамора²⁷⁷. После этого вышеуказанный Витрикус дал нам свечи по полтора грошей и отвел нас к старцу, у которого [хранился] ключ от Печер. С ним мы пошли в большой, но плохой сад, как тебе показывает № 1. В нем недалеко от ворот [находился] домик печерника²⁷⁸. Он провел нас в этот самый сад вниз по горе до ворот, ведущих в Пе-

berg nieder bis tzu der thuere, da mann in die Pietzare geht. Es ist der ingang mit einer gegitterten thuere verschlossen, an dem orte, da No. 2 tzeiget, alles aus holtze unterr einem berge. Unser iglicher nam ein licht in die hant und gingen so hinein. Von der [1173] thuer <1584. October> an geht in den berg ein gerader, doch steiel hinunder gank, so hoch und breitt, das eine pershoene raume daine gehen kan, alenthalb in einen haerten lehm fein glatt abgestochen, etwan so langk, wie von der Beutler gasse tzur Pfaffengase. Aus diesem komt man in einen grossen fiereckichten kreutzgank, der ist gerade in den berg gegraben so breit, das ihr drey tzusamen stehn mögen. In diesem kreutzgange sein von beyden seitten wie oewen ins ertreich gemachet, einer beim andern und einer aufm andern, da stoest man die gestorbenen muenche oder sonst forname leute hinein und verschmiert sie dainne mitt lehme. Dieweile dan hie die körper in der kuele liegen, verderben sie nicht, sonderen trewen tzusamen, das sie in kurtzer tzeitt ohne stank mochten obene haltten werden. Der schwartze strich, mitt diesen .: punktlein getzeiget, deuttet ein gros durchgraben fenster, fol thoeten gebein stopft. Bey No. 1 geht ein genglein tzu einer kapele, da ist ein altaerr. No. 2, da ist ein gros loch mitt höltzeren verbauet, das sol in die 50 meiln unter der erde gehn, ist sonst von natuer. Er wies uns da fiele körper, die man vor heilig helt, auch andere wierdiger gedechnuese. Auch stunden etliche höbter, aus derer tzeenen troefte oel in undergesetzt gleslein. Man helt es ser rehnlich in dieser Pietziare, ist auch keine feichtigeitt. Das merklichste dauchte mich da, das man uns einen gantzen riesen tzeiget.

черы. Там под горой вход с зарешеченной и запертой дверью, который показывает № 2, все из дерева²⁷⁹. Каждый из нас взял по свече в руку, и так мы вошли внутрь. От самой [1173] двери <1584. October> в горе идет прямой, но круто [спускающийся] вниз проход, такой высоты и ширины, что 1 человеку достаточно места идти по нему, повсюду тонко и четко вырезанный в твердом известняке, почти такой же длины, как от улицы Кошельников до Поповской улицы²⁸⁰. По этому ходу достигают большого четырехугольного перекрестка, который вырыт в горе таким широким, что вы можете стоять втроем [все] вместе²⁸¹. В этом перекрестке с обеих сторон сделаны как бы печи²⁸² в грунте одна рядом с другой и одна над другой, туда заталкивают покойных монахов и других знатных людей и замазывают их там глиной. Поскольку там тела лежат в прохладе, они не портятся, но только ссыхаются, так что через короткое время могут храниться наверху без вони. Черная черточка с этими тремя точками .: показывает большое выкопанное окно, заполненное костями мертвых²⁸³. У № 1 идет маленький ход к часовне, где есть алтарь²⁸⁴. № 2 – там большая дыра, обшитая деревом; она идет, очевидно, на 50 миль под землей²⁸⁵, но она природная. Нам показали там много тел, которых считают святыми, и других достойных памяти. А также стояли некоторые головы, зубы которых источали капли масла в подставленные чашечки²⁸⁶. Это содержится очень чисто (опрятно), в этой Печере нет никакой сырости. Самым замечательным из того, что мы там увидели, мне по-

Ich gab dem kerl tzuwe litausche groschen und dankte vor seinen guttenn willenn.

Die Ursache war, das wir tzu Kiow so lange seumten. Wir legten da die wahrenn ab und kauften tzuwe grosse Komegen, welche [1174] man <1584. *Octobris*> sonst tzu Dantzick Schmacken, dunkt mich, nent. Sie sein den Weisselkanen gleich, doch mit brettern so verdeckt, das dainne den wahren kein regen schadt, und arbeiten die kerls oben aufm deckel, nicht wie sonst um den deckel am boert. Nach deme wir die waehren daein gebracht hetten, ginger* wir auch im namen Gottes am 25. October hinein.

Am 26. Octobris legten wir ab und fueren auf dem Niepr eine meile jegen stroems, alda begaben wir uns tzur rechten hant in die Dziesna, <*Dziesna flus*> welche auch ein tzimlich gros wasser ist. Balte hinder Kyow wies man mir aufm wasser uber den Niepr wie menschen fueßstapfen vom Heiligen Jacincto getreten, mit noett hette ich mich dies wundertzeichen Gottes lassen einreden, wen ichs nicht hette mitt fleise gesehen. Mitt welchem den so geschieht, wie tzu Jerusalem mit den fußstapfen, da Christus tzu Himmel fuer, ob man gleich stets erde von der stelle niemt, dennoch verleschen seine heilige fusstapfen nichtt bis in heutigen tagk, unde mindert sich da auch nicht die erde, wiewol man von dieser stele erde nimt und schöne paternosterleinn daraus machet, welche sowol die Turcken als Christen mit reverentz tragen.

In der Dziesna fueren wir voerbey ein doerf tzur lincken, gerechent nach dem auffahren und nicht nach des wassers flues. Am 27. Octobris wieder voerbey ein doerf tzur lincken, darnach eines

казалось, был целый великан²⁸⁷. Я дал парню два литовских гроша²⁸⁸ и поблагодарил за доброжелательность²⁸⁹.

Причина того, что мы так надолго задержались в Киеве: мы сложили там товары и купили две большие Комяги²⁹⁰, которые, [1174] <1584. *Octobris*> как мне представляется, в Данциге обычно называются Шмаками. Они похожи на ладьи на Висле, но так покрыты досками, что товарам внутри не вредит никакой дождь, и молодцы работают наверху на палубе, а не как в других местах, – под палубой на борту. После того как мы уложили туда товары, мы и сами 25 во имя Божье взошли туда.

26 Октября мы отчалили и проплыли по Днепру одну милю против течения, оттуда направились направо в Десну, <*Dziesna flus*> довольно большую реку. Вскоре после Киева мне показали над Днепром как бы человеческий след, оставленный Святым Яцинкто, и я с трудом дал себя убедить в этом чудесном Господнем знаке, которого я при всем желании не мог увидеть²⁹¹. С этим такая же история, как в Иерусалиме со следом, где Христос вознесся на небо: несмотря на то, что постоянно с этого места берут землю, она все-таки не исчезает вплоть до сегодняшнего дня, и там земли не убывает, хотя землю с этого места берут и делают красивые шарики четок, которые с почтением носят как Турки, так и Христиане.

По Десне мы проплыли мимо деревни с левой стороны, считая по направлению плавания, а не по течению реки. 27 Октября снова деревня слева, потом одна справа. 28 Октября

* Возможно, следует читать: gingen (?).

tzur rechtten. Am 28. Octobris vorbey ein doerf Szukin <Szukin doerf> genant, dies arندیerte ein Armenier, der nam die herren tzugaste, beschikte mich auch reich [1175] lichen <1584. October> mitt essen und drincken. Am 29. Octobris fueren wir voerbey, da uns tzur rechtten in die Dziesna fiel der flues Ostro <Ostro fl.> (Scharf), ist nicht breitt aber tieff und geschwiendt. Nachtlagerten an der selbigen seitte vor dem stetlein Ostro, <Ostro S.> 12 meiln von Kiow. Diese haben die Tatern und Moßkewitter dazzu gebracht, das ich sie so klein nennen mues. Am wasser hatt sie ein schloes, welchs nur ein waehl ist, welcher oben einen tzaun hatt von aufgesetzten brettern, steht fast alles im walde. Am 30. Octobris abents kamen erst die Herren tzu mir von gedachter gastereye. Ihro Gnaden were da gerne reich von uns worden, darume warden wir ihrr kaume loes am letzten Octobris. War auch die letzte schinderinne, wiewol die erste und letzte am wasser.

Wir <November> kamen am 2. Novembris in des Moßkwitters gebiet, 6 meiln von Ostro. Am 4. Novembris nachtlagerten wir hinder der Statt Czerniehof, <Czerniehof S.> die lieget tzur lincken bey tzwoe buexen schuesse vom fluese, vom Mittage jehn Mitternacht ausgestreckett und ist nicht weit von allen seitten mitt strauch unde walt umbtzeunt oder umbwoxen, liegt, dunkt mich, 6 meiln von der grentze.

Die Dziesna leuft da forbey vom Aufgange jehn Niedergangk, daselbst nicht weit ist ein höltzen schloeslein mitt lehme bestriechen, von welchem bies tzum ecke der statt gehet ein tzaun von aufgesetzten pfoelen. Wiewol die statt schlecht höltzen gebews ist, dennoch sein tzeichen, das sie etwan eine der vornehmsten was.

мимо деревни с названием Шукин²⁹², <Szukin doerf> которую арендовал один Армянин²⁹³, позвавший в гости господ, а мне прислал также [1175] богатое угощение <1584. October> едой и питьем. 29 Октября мы миновали место, где справа в Десну от нас впадает река Остро, <Ostro fl.> неширокая, но глубокая и быстрая. Расположились на ночлег на той же стороне перед городком Остро²⁹⁴ <Ostro S.> в 12 милях от Киева²⁹⁵. Его Татары и Московиты довели до того, что я должен назвать его уменьшительным именем. У воды в нем есть замок, представляющий лишь вал, на верху которого забор из поставленных досок²⁹⁶, почти весь стоит в лесу. Только вечером 30 Октября ко мне вернулись Господа из гостей с упомянутой пирушки. Их милости охотно поживились бы за наш счет, поэтому мы едва отделались от них в последний октябрьский день. Тогда была последняя обираловка, а на воде – первый и последний.

2 Ноября мы <November> добрались до земли Московита: в 6 милях от Остро. 4 Ноября мы ночевали за городом Чернигов²⁹⁷, <Czerniehof S.> он лежит слева в двух пушечных выстрелах от реки, протянувшись с юга на север и недалеко со всех сторон огражден растущими кругом кустами и лесом. Лежит, как мне кажется, в 6 милях от границы²⁹⁸.

Десна там протекает с востока на запад, там же невдалеке находится маленький деревянный и плохо построенный замочек, обмазанный глиной²⁹⁹, от которого до угла города идет забор из поставленных кольев³⁰⁰. Хотя город состоит из плохих деревянных строений, однако заметно, что некогда он был одним из славнейших³⁰¹.

Es sein sieben gemawrte kierchen daihne, feines gebewes nach Griechischen sietten, auch ohnne [1176] tzweifel <1584. November> von Griechen und umb die tzeit da Kiow. Untter diesen gedachten kierchen seinn tзве ziemlich groes, stehn aber unverdekt, dan ihm vergangenen kriege mitt dem König Stephano hetten sie die decher abgeworfen und vom gewelbe der kirche geschoessen, aber die mittel rundel waren gar eingefallen. Viere stehn noch gantz, nur das sie an etlichen orten bauellig sein, ene aber ist gar in grundt verfallen. Gleicher gestalt wie man sich verhelte auf der mitthe, wie gedacht, in der Wallacheye oder Turkeye, also helt sichs auch in der Moßkaw.

Man beschrieb da unsere pershoenen unde unsere wahren. Dennoch gehet hie alles leiderlichen tzue und nicht one sonderlichen trost, dan wen einem die beschriebnen wahren geraubet woerden, tzaelt sie ohnne vertzug der Groeßfuerste unde suchen sich den Reuber tzum vergelden.

Am 6. Novembris legten wir da ab und fueren weitter. Dieweile es heftig begunnte tzufrieren, warden die Herren tzu rahte am 7. Novembris, das man tzurucke jehn Czerniechow schikete nach fuerleutten. In deme begegneten uns leutte aufm kane, die fuerten fische jen Czierniechow, tzu denen saessen auf nach der statt mein Herre und Alexander, uns abr hiessen sie der wagen waertten, da der Snow <Snof fls.> in die Dzieszna fehlt. Also kamen wir auf die nacht tzum Snow, so file gesagt als Troems, darume dient da billich tzuschlafen.

Mein Herre kam in der nacht, den fuerten wir auf die ander seitte tzue uns samt dem fuermaene, das roeß wart [1177] auch <1584. November> ubergeschwemt, aber der wagen blieb an der anderen seitte, und felt dieser flues in

Там семь каменных церквей, одна – искусной постройки по Греческому образцу и, без [1176] сомнения, <1584. November> [создана] Греками и во времена Киева³⁰². Среди этих указанных церквей две довольно большие³⁰³, но стоят непокрытыми, т.к. во время прошедшей войны с Королем Стефаном³⁰⁴ крыши были сорваны и стреляли со сводов церквей, а средние купола совсем обрушились. Четыре [церкви] стоят еще целыми, но в некоторых местах готовы обвалиться, одна полностью упала на землю³⁰⁵. Облик же внутри [храмов], таков, как выясняется, – [и в церквях] в Валахии³⁰⁶ и в Турции³⁰⁷, такого же придерживаются и в Москве.

Там переписали нас самих и наши товары³⁰⁸. И хотя здесь все идет мучительно, некоторым утешением служит то, что, когда что-нибудь грабят из переписанных товаров, Великий князь без задержки выплачивает [ущерб за утраченное], и разыскивают Разбойников³⁰⁹ для возмещения.

6 Ноября мы отчалили оттуда и поехали далее. Поскольку стало сильно подмерзать, 7 Ноября Господа решили, что нужно послать за извозчиками³¹⁰ обратно в Чернигов. В тот же день мы встретили людей на ладье, которые везли рыбу в Чернигов. К ним подсели мой Господин и Александр [и двинулись] к городу, нам же велели дожидаться возов там, где Сновь <Snof fls.> впадает в Десну³¹¹. И так мы подошли на ночь к Снови, что значит не что иное, как, как Трёмс, поэтому там [было] дешево переночевать³¹².

Мой Господин вернулся ночью, мы переправили его на другую сторону к нам [1177] <1584. November>> вместе с извозчиком, лошадь также переплыла, но телега осталась на другой стороне. А эта река впадает в Десну

die Dzieszna tzur lincken, 3 meiln von Czerniechow. Fielen dauchte, das wir noch mochten tzu waser bis jehn Nowogrodek komen, wir trautenn aber nicht dem heftigen froeste, dan wir förchteten etwan in der wueste von ihm berant werden, welches groese gefehrlicheitt bringt. Dan so balte es gefriert, besuchen die Tatarn, auch Kozaken die dörrffer und was ihn aufm wege trieft. Dan diese beide haben da gar nahe ihre behausungen, tzumale die Tatarn, welcher grentze gar nahe ist, und sich mitt den Moßke-witern in der nachbarschaft soe verhalten, das des wintters alles folk ausn dörrfern tzuer statt fleucht. Und ohne das halten sie da an fielen orten wacht auf hoegen boemen wintters und somers, welcher wir menigen antraffen.

Am 8. Novembris fueren wir ein flach weges die Dzieszne hinauf, da der Snow tzum andren mal hinein feltt. Wir fueren den Snow hinauf, doch mit schwerer arbeit, dan nur ein wenig in der mitt un-gefroeren war. Also kamen wir an den ohrt, da unser Alexander mit 11 wagen wartte. Die wagen und roesse brachten wir ueber und lueden so fiele daauf als wir mochten, liessen sie auch gewisser ursache haeb voraus fahren, und mitt ihnen Herr Jany Griche, Kriestoeff und Athabe. Mein Herre aber samt Alexandro wendten von neues tzu rucke nach der statt, mehr wagen tzuhoelen. Mich aber liesen sie im walde bey dem [1178] meisten <1584. November> theile der wahren samt tzwen knaben und sex kerln, welche auf der komege arbeiten.

Dieweile aber ein grosser schne fiel, wendten jene fuerleutte nach schlitten tzu hause, welche da waren voraus gefahren, und liessen die Herren bein wahren im walde, diese kamen tzu mir frue am 10. Novembris, da lies ich sie samtt

слева в 3 милях от Чернигова. Многим казалось, будто мы еще можем добраться по воде до Новогородка. Но мы не верили сильному морозу, так как боялись быть застигнутыми им в пустынном месте, что грозило большими опасностями. Так как, едва замерзает, Татары, а также Казаки³¹³ посещают деревни и все, что им ни встретится на пути. Так как и те, и другие имеют свои поселения рядом, в особенности Татары, граница с которыми совсем рядом, и они так обращаются [расправляются] с Москвитами по соседству, что зимой весь народ бежит из деревень в города³¹⁴. И кроме того, и летом, и зимой они повсюду держат сторожей на высоких деревьях, многих из них мы встречали.

8 Ноября мы проехали по ровному пути вверх по Десне туда, где Сновь впадает [в нее] второй раз. Мы еще проехали и вверх по Снови, но с большим трудом, так как не замерзшим оставалось совсем небольшое [пространство] в середине реки. И так мы добрались до места, где [нас] ожидал наш Александр с 11 возами. Мы переправили и лошадей, и возы, и нагрузили на них, сколько смогли и по некоторым причинам отправили их вперед, а с ними господина Яни Грека³¹⁵, Кристофа и Атабе. Мой Господин вместе с Александром снова вернулись обратно в город, чтобы добыть еще возов. Меня же оставили в лесу с [1178] большей <1584. November> частью товаров вместе с двумя мальцами и 6 парнями, которые работали на комыге.

Поскольку шел сильный снег, эти извозчики, которые отправились вперед, вернулись домой за санями и оставили Господ и товары в лесу. Эти [последние] вернулись ко мне рано утром 10 Ноября, и тогда я распоря-

den rossen auf der komege ubersetzen. Desselben abents kam mein Herre samt Alexandro und brachten mitt sich fuerleute nach notturft, die hoelten wir alle ueberr.

Am 11. Novembris legten wir die wahn auf schlietten und fueren tzu lande. Die ledigen komegen schikten wir mitt den schippern wieder tzu Kiow, das man sie da verkaufte. Diesen gantzen tag fueren wir durch waltt, in welchem wir auch nachtlageretten, und dieweile kein waser tzubekomen was, musten wir mit schne kochen.

Am 13. Novembris kamen wir tzu den Hernn, die da waren voraus gefahren, die legten auch die wahren auf schlietten und fueren mit uns. Wir kamen tzu einem wasser, welchs tief was, und an breite wie die Joepen gasse, das machette uns schwere arbeit, dan wir muesten eine brucke dauber tzimren. Also felletten wir sex hoge beume, welche, nach deme sie von den esten gereiniget waren, kopelten wir sie tzusammen wie eine trefft, stoesten sie darnach aufs wasser und macheten eine bruecke. Daus Strauch ubertzwerch geleggt. Hinder dieser bruecke nachtlageretten wir und tzuendten sie darnach ahn, dan wirr förchtten stets, reuber ubern hals tzubekomen, deßhalb mitten wir auch die [1179] landtstrase <1584. November> und drehetten uns auf den winckelweglein mitt gnug mue und arbeit tzu tage und tzu nachte.

Am 14. durch eittel walt, nachtlagereten hinder einem gutten dorfe, aus welchem alles folk tzur statt getzogen war, das es ohne einigen menschen und fieh stund.

Am 15. Novembris fueren wir durch einen bergichten waltt, Futterten bey einem weißerlein, nachtlagereten vor Novogrodek <Novogrodek> auf der voerstatt. Diese auf Teutz New schloßlein geheissen, liegt 21 meiln vom Snow. Ist in

дился переправить их вместе с лошадьми на комыге. В тот день вечером прибыл мой господин с Александром и привели с собой извозчиков, сколько было нужно, мы все перегрузили.

11 Ноября мы сложили товары на сани и отправились сушей. Пустые комыги мы отправили с кормчими снова в Киев, чтобы они их там продали. Весь этот день мы ехали по лесу, где и ночевали. А поскольку нельзя было добыть воды, мы вынуждены были готовить [пищу] со снегом.

13 Ноября мы добрались до Господ, уехавших вперед, они также переложили свои товары на сани и поехали с нами. Мы прибыли к потоку, который был глубоким, и по ширине равного Joepen gasse³¹⁶. Это заставило [нас совершить] тяжелую работу, потому что нам пришлось перекинуть [сооружать] мост над ним. Итак, мы свалили 6 высоких деревьев, которые, после того как мы их очистили от сучьев, соединили как плот, столкнули потом на воду и сделали мост. А сверху на него наложили хворост. Мы переночевали за этим мостом и потом его сожгли, так как мы постоянно боялись внезапного нападения разбойников [и] поэтому также избегали больших дорог и [1179] петляли по окольным проселкам <1584. November> с большим трудом днем и ночью.

14 [Ноября проехали] через редкий лес, ночевали за какой-то хорошей деревней, все жители которой переселились в город, так что она стояла без единого человека и [без всякого] скота.

15 Ноября мы ехали по густейшему лесу, кормили лошадей у речушки³¹⁷, ночевали в предместье Новгородка³¹⁸. <Novogrodek> По-немецки он называется Новым Замочком, лежит в 21 миле от Снови, он построен в

1884
Mensch

Meßweinversteuern mündel, hat jeder der von
 davon nicht in selbst blieben wir hat
 die in Grundsatz, oder bei und in über,
 bei Daraus ist man das auch enthalten
 ihrer mündel haben und schrift ist. Das
 gehören ist für mich ein großen Plebeus
 welcher Plebeus an allem schuldig ist, das
 gedungen der Land geschworen der Oberland
 hier, nur das selbige unter anderem
 einen weissen hat tragen und das wir
 der allezeit Hure; aber ab dem die die
 von und Meßweinsteuer für mündel und
 was anders nicht können, eine Egerer
 und Egerer. Das ist geschworen und gesch
 weiffene. Wiewol ist mich bei der die
 den und ihren fichte mündel in blieben
 mündel. Sie hat in mich die erste ein
 der Dingen, die Dingen in Dingen
 die unbedeutliche Plebeus ist, sein Plebeus Eger
 von der fichte man die die und die
 handhaben. wie ist das in der Meßwein
 keine andere sehen hat.
 Daraus furchungen was die wegen dem Ple
 ist aber, die furchungen wie die Egerer
 Plebeus furchungen hat, und letzten die
 Plebeus hat davon auf, das die erst
 38. Nov. weissen geschworen, das ist und
 Plebeus hat und 39. Nov. hat und
 Plebeus hat auf mündel in mündel.
 Am 20. Nov. hat Plebeus was in einem
 Plebeus hat, 9. mündel von Plebeus der
 Plebeus hat die Plebeus Plebeus durch
 Plebeus hat Plebeus Plebeus, die Plebeus

einem schönen raumen felde gebauet, welches liebliche berge mitt walde fol wesserlein mitt fiesch und wilpret außgefueht umbringen, datzu geht bey ihr die Dzieszna (odr auf Moßkвитers Desna). Die statt liegt etwan erhaben, fol schoener höwe, alles aus holtze. Umb die Statt geht ein perkan foll tuerme, alles mitt lehme bestrichen, samtt einem tieffen graben, vor welchem ist noch ein getzeune von aufgerichtten pfaelen. An der statt ist ein hoeltzen schloes mitt stercken tuermen befestett. Oben umeher geht ein gangk, untter welchem bis tzur erde ist das schloes mitt lehme bestrichen. Hinder der statt wieder im felde ist ein beruemet Monaster mitt einer schönen gemeurten kirche. Die Muenche dieses klostern gehen gar nach aller gestalt unsers ordennkleides S. Dominici. Nur das ahn ihnen alles schwertz ist, und hinden in der kagel aufm höbte tragen sie eins tellers gros inwendig ein rund steif papier kreutzweise uberstiepfet, und also gehn meistens die [1180] Moßkewitterschen <1584. November> Muenche, sonst gehn die anderen auch in solcher kleidunge, wie sonst die in Griechenlandt oder bey uns in Poelen, darume siet man, das auch untter ihrer muenche leeben anderscheitt ist.

Deßgleichen ist hie auch ein Frauen klösterr, welcher kleit an allem ehlich ist unsers gedachten Ordens Schwestern De Observantia, nur das unsere unterm mantel einen weissen rok tragen und diese wieder alles schwertz, woe ab den die Reusen und Moßkwitter ihre muenche und nonnen anders nicht nennen, nur Czerce und Czerniec, das ist Schwertze und Schwertzchine. Wiewol sich auch bey den Griechen und ihnen finden Muenche in kleidern neglferbe.

Hie sahe ich auch die ersten winter kirchen, dan dieweile in diesem lande

прекрасном ровном поле, которое окружают красивые холмы с лесами, полными речушек, изобилующих рыбой и дичью. К тому же у города протекает Джисна (или, по-Московитски, Десна). Город лежит на небольшом возвышении, полон прекрасных деревянных домов. Вокруг города идет стена со многими башнями, обмазанными глиной, и глубокий ров, перед которым еще одно ограждение из поставленных жердей³¹⁹. У города [стоит] деревянный замок, укрепленный могучими башнями, поверху расположен ход, под которым вплоть до земли замок покрыт глиной. За городом, снова в поле – знаменитый монастырь с прекрасной каменной церковью³²⁰. Монахи этого монастыря ходят [одетыми] совсем по образцу нашего ордена Св. Доминика. Только на них все черное и сзади под капюшоном на голове они носят круглую прочную бумагу величиной с тарелку, укрепленную крестообразно. И так ходит большинство [1180] Московских <1584. November> монахов³²¹, но другие ходят в таких одеждах, как монахи в Греции или у нас в Польше, из этого видно, что у их монахов тоже жизнь различается.

Также есть здесь и Женский монастырь, одяние [монахинь] которого во всем похоже на [одежды монахинь] нашего указанного Ордена сестер De Observantia, только что наши под плащом носят белое платье, а эти также все черное, отчего Русские и московиты иначе не называют своих монахов и монахинь, как Czerce и Czerniec, то есть чернецы и черницы³²². Правда, у Греков и у них Монахи ходят также в пурпурных одеждах.

Здесь я впервые увидел первую зимнюю церковь. Поскольку в этой

unerleidliche keltte ist, sein kleine Cerkwen, die hietzt man wie bey uns die badstueben, wie es dan in der Moßkaw keine andere oefen hatt.

Unsere herberge war da jegen dem schlose uber, da fertigten wir die Czerniechofschen fuerleitte ab und legten die wahren anderen auf, das wir erst spate am 18. Novembris weitter tzoegen, doch ich und mein Herr fueren erst am 19. Novembris aus und traffenn tzum vorigen aufm nachtleger im walde.

Am 20. Novembris Futterten wir in einem doerfe heist Sluczask, <Sluczask> 8 meiln von Novogrodek. Vor diesem doerfe stehn tzwe huebsche höltzene kirchen beieinander gantz einer gestalt, nur ubertrift [1181] eine <1584. Novem-ber> die ander einwenig an höge.

Hie ist eine Fehre uber den Sudost, <Sudost Aus> aber man wolte uns nicht uberfueren, sondern wies uns hinauf in walt, da das wasser schon befroeren was. Da wir an den ohrt kamen, welcher uns gewiesen wart, warden wir balte einer neuenn und groessen arbeit gwahr, dan sich das waser kaume berant hette, und man mit noth darauf gehn mochte, dennoch kreffte es der grosse frost. Also warden wir tzuraethe, jaegten die rosse bey einem jehnseite uber, hautten auch einen weg im walde und am wasser aus, darauf die rosse gerade und geschwinde mochten lauffen, darnach banden wir eine seule von baste tzusamen gedreht an die koleße, welche noch disseitt des wasers stund, und am andern ende jenseits warden die rosse angespant und in geschwindigkeit aufm gemacheten wege getrieben, das also die schlitten augenblicklicher weise ubergerueket warden, aber mitt groesser gefahr aufm duennen knasternden eyse, welchs auch so ser brach, das wir kaume uber kamen, und

strane [bывает] невыносимая стужа, существуют маленькие церкви [Cerkwen], которые топят так же, как у нас бани, так как в Москве не имеется никаких иных печей³²³.

Наш постоянный двор был прямо напротив замка, там мы разгрузили черниговских извозчиков и положили товары на другие [повозки], так что только поздно [вечером] 18 Ноября двинулись дальше, но я и мой господин выехали лишь 19 Ноября и догнали передних на ночевке в лесу.

20 Ноября мы кормили лошадей в деревне под названием Случеск³²⁴ <Sluczask> в 8 милях от Новогородка. Перед этой деревней стоят две прекрасные деревянные церкви рядом друг с другом, совершенно одинаковые, только одна немного превышает [1181] <1584. Novem-ber> другую по высоте.

Здесь через Судость <Sudost Aus> есть паром, но нас не захотели перевозить, а указали нам [дорогу] в лес, так как вода уже замерзла. Когда же мы пришли к месту, которое нам было указано, мы вскоре подверглись необходимости [произвести] новую и большую работу, так как вода едва подернулась льдом и по ней едва можно было ходить; все-таки сильный мороз ее укрепил. Итак, мы приняли решение, по одной перегнали лошадей на другую сторону, прорубили и проложили дорогу в лесу и у воды, по которой лошади могли бы бежать напрямую и быстро; после этого привязали скрученный из луба канат к коляске, все еще стоявшей по эту сторону дороги, а по ту сторону – к другому концу мы припрягли коней и спешно погнали их по проложенной дороге, так что сани в мгновение ока, однако с большой опасностью, были переправлены по тонкому крошившемуся льду, который раз-

war dies wasser breitter dan der Dantzi-ger Markt.

Nach dieser schweren arbeit unnde grossen mue war noch kein ruen, die-weile eine sorge die ander jagte, dan auf die nacht kamen tzu uns botten vom Novigrodischen Woywodon, die gebotten, das wir wieder tzurucke wendten. Das es war schreiben vom Groẞfuersten komin, das man keine fremde in die Moẞkaw Hesse. Die rechte ursache solches geboets mochten wir [1182] nicht <1584. November> wiessen.

Damitt wir aber mitt bitte oder geschencke fort mochten komen, schikten wir den Herrn Alexander mitt den Boeten tzum Woywodon tzu rucke am 21. Novembris, und wir mit dem karowan fueren tzwoe meilen weitter in das do-erf Sohutiew, <Sohutiew> welchs an der Desne liegt, daselbst antwort tzuwart-ten.

Am 26. Novembris kamen Boetten und hiesen uns ohne vertzueg wieder nach Novogrodek wenden, welchem wir von stundahn gehoersam liesten. Am 27. Novembris kam tzu uns aufm nachtlager Waẞil Setni (Setni ist ein tzu-name des ampts, das er hundert kriegs-knechte regierte), welcher vom Novi-grodschen Woywodenn unsernthalb tzum Groẞfuersten geschickt wart. Mitt diesem schiketen wir auch einen deut-zen brief, von mir geschrieben, an Ha-rigo einen Armenier, bittende das er unns durch seinen fleis foerderte. Dar-ume inuste ich deutz schreiben, das Ha-rigo keine schrieff kontte und in der Moẞkaw fiele deutzenn woenen, welche im den brief leichte uberlaesen.

Am 28. Novembris kamen wir wieder eines meist anderen weges tzu Novo-grodek, da wartt uns in der statt ein schöner hoef gereumet, welcher den

бился, едва мы перешли, здешние воды были шире, чем Данцигский Рынок.

После этой тяжелой работы и больших усилий покоя не наступило, поскольку одна забота погоняла другую: ночью к нам приехали гонцы от Новгородокского Воеводы, которые передали нам, что мы должны снова вернуться назад, что пришло послание от Великого князя, чтобы не пускать в Москву никаких иноземцев. Настоящей причины [1182] такого запрета мы не могли <1584. November> узнать³²⁵.

Чтобы мы могли двигаться дальше, [добившись этого] с помощью просьбы или подарков, мы 21 Ноября послали Господина Александра с гонцом к воеводе назад, а мы с караваном проехали две мили в деревню Сохутьев³²⁶, <Sohutiew> которая находится на Десне, чтобы там дожидаться ответа.

26 Ноября прибыли Гонцы и приказали нам без промедления вернуться в Новгородок, чему мы тотчас послушно последовали³²⁷. 27 Ноября к нам в ночной лагерь пришел Василий Setni (Setni – это название должности [человека], который возглавляет сто воинов)³²⁸, которого ради нас Новгородокский Воевода послал к Великому князю. С ним мы отправили также письмо на немецком языке, которое я написал Армянину Ариго, прося его помочь нам своим усердием. Я должен был писать по-немецки, потому что Ариго не знал никакой грамоты ни на каком языке, а в Москве жило много немцев³²⁹, которые легко могли прочитать ему письмо.

28 Ноября мы снова прибыли в Новгородок, но большей частью по другой дороге. Там в городе нам был освобожден дом, принадлежавший

Czertzen tzugehoerte, die da ihr Monaster vor der statt hetten, daselbst legten wir die wahren ab und raueten nach jener arbeit, doch ungehrne.

Ungefehr uber 8 tage wendte wieder gedachter Waßil tzu uns ein und beklagte sich, das man ihm aufm wege in anderer Herren gebiethe nicht tzulies, nach der Moßkaw tzutzien, hette dennoch die briewe [1183] foert <1584. November> geschicket und aufs beste bestellt. Wieder uber etliche tage kam der Kniass (oder Fuerste) Chorostinski, statt und schlos tzubesichtigen, obs tzur noth wol verwahrt waren. Man lies darum geschuetze ab und besserte, was baufelig war, musste derhalben eine heimliche feide verhanden sein. Dieser Knias, nach deme er auch andere umbligende flekkenn versorget hette, wendt er wieder tzu Novogrodek einn am 23. Decembris. <December> Da er sich aber nach derr Moßkaw bereitte, baten wir ihn, das er unsers anligns beim Großfuersten eingedenk bliebe. Desselben tages bekamen wir briewe vom Groeßfuersten, das wir mochten ohne einigen widerstandt in die Moßkaw tziehn. Die Fuerleutte aber, welche wir lengst gedingt netten, beredten uns, das wir nicht aufm weg plötzten, sondern wartten bessers frosts und mehr schnees.

Eines vergas ich hie foer tzugedenkenn, das ist, etwan tzwoe tage nach deme wir tzu Novogrodek kamen, kam tzu uns einer aus Poelen (oder aus Reusen des Königs Palatin) von Mogilow, der beklagte sich, das seinn Vatter und sonst fiele erschlagen weren, ihr gantzer Karowan weg gefuert unnd er kaume entruenen. Solcher moerdt und reube-reye war unserem Karowan bereitt, wie wir solches hernach in erfahrung kamen.

чернецам [den Czertzen], у которых был Монастырь [Monaster] под городом³³⁰. Там мы сложили товары и отдыхали после той [проделанной] работы, но неохотно.

Приблизительно через 8 дней к нам снова обратился указанный Василий, что на пути на земле других Господ³³¹ его не допустили проехать в Москву, однако он <1584. November> переслал письма [1183] дальше и наилучшим образом [все] устроил.

Еще через несколько дней прибыл в город Князь [Книасс] (или Furst) Хоростинский³³² осматривать город и замок, [чтобы установить] защищены ли они в случае необходимости. Поэтому заменили орудия и исправили все, что обветшало. Должно быть, имелись какие-то тайные козни врагов. Этот Князь [Книас], после того как позаботился и о других окрестных местечках, 23 Декабря <December> опять вернулся в Новогородок, но так как он снова собирався в Москву, мы попросили его, чтобы он не забывал и о нашем ходатайстве перед Великим князем. В тот же день мы получили послание от Великого князя, что мы можем двигаться в Москву безо всяких препятствий. Извозчики же, с которыми мы уже давно заключили соглашение, уговорили нас, чтобы не бросались в путь тотчас, но подождали более крепкого мороза и большего снега.

Однако я забыл здесь упомянуть, что спустя два дня после того, как мы прибыли в Новогородок, к нам пришел один человек из Польши (или с Руси из Королевского воеводства³³³) из Могилева³³⁴ и жаловался, что его Отец и кроме того многие другие были убиты, весь их караван уведен прочь и он едва скрылся. Такое же убийство и грабеж ждали и наш караван, как мы позднее узнали об этом.

Dan unser karowan fuerte seyde und deßgleichen theure wahren bis in die Statt Moßkaw, aber die Mogilander tzwiebeln, wahnuesse, pettersilgwurtz nur in die nahen stette. Dennoch gefiel es Gott, uns soe tzubehuetten.

[1184] Anno <1585. *Januarius*> Christi 1585 am 4. Januarii kamenn tzu uns als in ihren hoff drey Czernce des Novogrodschen monasters aus der Moßkaw und rueten tzwoe stuenden, ehe sie tzu ihren bruedern gingen. Diese waren vom monaster geschickt, das man nach thoette ihres eltsten einen andern aus ihnen an seine statt setzte. Da man ihnen aber in der Moßkaw einen wieder ihr verhoffenn und freyheitt convermierte, erschluengen sie ihn aufm wege. Wie aber diese thatt abging, wes ich nicht.

Es ist ein beruemt dörf fol Fuerleutte, das heist Bryny. Inn demselben, da sie von grosen Kaufleutten hörten, machten sich auf bei sechtzik ledige schlitten und kame uns tzudiene am 6. Januarii. Also machten wir unns loes derer, welche wir voer angenomenn hetten und behielten diese mitt besserer retschafft aufn wegk.

Also nach deme wir anderthalb mont mitt muessiggank und gastereye tzugebracht hetten, dan wir pflagen beim Woyewoden tzuessen und ehr bey uns, erdachtten mumereye und dantze mitt grossem aufsehen der Statt, alles aufs köstlichste, darnach am 8. Januarii vor mittage ruerten wir wieder nach der Moßkaw, strax aus der statt auf das eies der Desne. Wir traffen tzu leutten, die waren aufm eise eingebrochen und ihnen tzwe rosse versoffen, auch sich und die wahren kaume gerettett, welchs uns dennoch ein wenig foerchte einjagte.

In diesem fahren nachtagerten wir hinder dem anderen doerfe, welchs uns

Так как наш караван вез в Москву шелк³³⁵ и подобные же дорогие товары, а могилевцы – лук, орехи, корень петрушки только в ближайшие города³³⁶. Но все-таки смилюстивился Господь нас охранить.

[1184] 4 Января 1585 года <1585. *Januarius*> из Москвы пришли к нам как на свой двор три чернеца Новогородокского монастыря и отдыхали два часа, прежде чем отправились к своим братьям. Они были посланы монастырем, чтобы после смерти старшего назначили одного из них на его место. Но поскольку в Москве им поставили³³⁷ другого вопреки их надеждам и уставным грамотам³³⁸, они по дороге убили его. А как это произошло, я не знаю.

Эта знаменитая деревня, полная Извозчиков, называется Брыны³³⁹. Вот в ней-то, когда они слышали о богатых Купцах, было приготовлено около 60 порожних саней, и 6 января [извозчики] поступили к нам на службу. Таким образом, мы освободились от тех, которых мы наняли раньше, и приняли и удержали этих, отправившись с ними в путь с лучшим снаряжением.

Итак, после того как мы полтора месяца провели в праздности и гостеванье, так как мы имели обыкновение обедать у Воеводы, и он у нас, [и] придумывал потехи и танцы, все чрезвычайно дорого, [что вызывало] большое уважение [в] Городе, – после этого 8 января перед полуднем мы снова двинулись в Москву, прямо из города по льду Десны. Мы встретили людей, которые оказались на разбившемся льду, у них утонули две лошади, они же сами едва спаслись и [сохранили] товары, что все-таки нагнало на нас некоторого страху.

В эту поездку мы расположились на ночь за другой деревней, находив-

tzur lincken lag. Aberr [1185] wissen <1585. *Januarius*> kan ich nicht, obs an der Desne oder sonst wasser war, dan wir dreheten dem schnee nach hin und her, das ob wir gleich bißweilenn auf anderen fluese oder sehe fueren, dauchte mich alles die Desne tzusein.

Am 9. Januarii Futterten wir nicht, sondern nachtagerten hinder Sohutiew, ist 24 vierst von Nowgrodek, baltte 5 meiln, dan 5 vierst machen eine deutze meile. Darume mag ein Vierst, nach welchen die Moßkewiter ihr landt ausmessen, einer Welschen meile glichen werden, welcher auch fuenwe in eine Teutze getzoegen werden.

Am 10. Januarii Futterten nicht, nachtagerten vor Trubczask, <Trubczask> 4 meiln vom nachtlager. Diese statt liegt tzur lincken an der Dzießne auf einem hohen berge, doch von der anderen seite schlecht feltt. Ist im vergangenen kriege von den Poelen verbrandt, das sie itztt fast wueste stehtt. An statt einer gemewrten kirche, welcher noch etliche stuecke tzusehen sein, stett itzt eine höltzene. Vom schlosse bis ans wasser geht berg under eine hoge stiege mitt erdtreiche verdeckt, durrch dieselbe erstiegen die Poelen das Schlos.

Am 11. Januarii nach mittage vonn da. Es schreibt der Heilige Nazyanzenus, <in vita Basilii> das da fiele fromer Christen vor dem tiranischenn Maximiano ihr haeb und gutt verliessen, nur in den wiltnussen sich aufhaelttende in grosser mueselicheitt verlie ihnen Gott nur den einigen trost in ihrem elende, das ihnen allerley wiede thier, hiersche, hinde und deßgleichen recht in die hende lieffen und sich one einige muhe fahen liessen, welcher sie etliche tzur narunne, [1186] die <1585. *Januarius*> an-

шейся слева от нас. [1185] Однако я не могу знать, <1585. *Januarius*> лежала ли она на Десне или какой-либо иной реке³⁴⁰, так как мы поворачивали [в зависимости от высоты] снега то туда, то сюда, так что ехали мы подчас по другой реке или озеру, мне все [время] казалось, что это была Десна.

9 Января мы не кормили лошадей, но расположились на ночь за Сохутьевым³⁴¹, в 24 верстах от Новогородка, скорее в 5 милях, так как 5 верст [viererst] составляют одну немецкую милю. Поэтому верста [vierst], которой Московиты меряют свою страну, может быть уподоблена Итальянской, пять которых также пересчитываются на одну Немецкую милю³⁴².

10 Января не кормили лошадей, расположились на ночь перед Трубчешком³⁴³, <Trubczask> который находился в 4 милях от места ночевки. Этот город лежит слева от Десны на высокой горе, но с другой стороны [от него] плохое поле³⁴⁴. В прошедшей войне³⁴⁵ [он] был сожжен поляками, так что теперь стоит почти пустой. На месте каменной церкви, от которой еще видны некоторые части, стоит теперь деревянная. Из крепости вплоть до воды идет гора, внизу с очень крутым подъемом, покрытым землей, по которому именно Поляки и взобрались в Замок.

11 января после полудня [выехали] оттуда. Святой Назианзин³⁴⁶ пишет в житии Василия, что когда многие благочестивые Христиане из-за тиранства Максимилиана³⁴⁷ бросили все свое имущество и пребывали только в диких местах с большими тяготами, Господь подал им только единое утешение в их жалком состоянии, что всякие дикие звери, олени и самки оленя и прочие бежали [им] прямо в руки и давали себя ловить безо всякого усилия, некоторые имели их для пропи-

deren tzu ergetzung in ihrem kreutze hetten. Also gehett Gott mitt denen ume, die ihn in der wueste suchen, das auch die fөгel muessen in die handtt fliegen und das broett in den schoes fallen. Die wieder weltliche uberfluessigkeit in den wiltnuessen suchenn, wie wier damals, die empfahen von denn walthieren nictes nur schrecken, und jagen ofte die trewen bleter des baumes eine angst ein, wie uns hie geschach. Dan abents, so balte wir aufs nachtleger stunden nach gemeiner gewonheit, ein theiel der fuerleutte versorgten die rosse, die andern felletten samt den herren holtz und die junge buersch bereitte das essenn. Dieweile man aber in den groessen wieltnuessen des holtzes uberfluessig hatt, schon man sein nicht, sonderen legget fuenf oder sex grosser fewre, umb welches sich das folk in den grossen froesten legt und denoch seine werme auf die rosse außgeust. Damitt aber das fewr in den schlaffenden kein schade thue, mus es alletzeit einer bewachen, derr ihm tzuerschert, dan es werden etliche grosse und gantze böme angetzuent. Solche wacht aber dorstenn wir den Moßkewiterschen fuerleutten nicht vertrauen, damitte sie nicht eine schalkheit in den wahren thatten, darume muste alle nacht umetzech einer aus uns wachen. Tzu glucke traef sichs auf mich, diese nacht tzuwachen. Da nun alle schliefen, in warheit wunderbarlichen! wiewoll es ein heftiger frost was, denoch sas ich bey der mechtigen gluett nur ihm [1187] hemde. <1585. *Januarius*> In deme erhueb sich ein prausten unter den roessen, das ich sie beschrie. Da ich aber aufsahe, wartt ich vor mich kaumme fuenf schriette weitt gewahr eines heslichen grossen beers als immer mueglich was. Diese bestig stund gar stille und sahe mirr recht schaerf in die augen, hatte auch solchs fieleicht eine lange weile gethan ehe ichs gewar wart,

тания, [1186] <1585. *Januarius*> а другие – для забвения и развлечения во время своей крестной муки. И Господь так обходился со всеми, кто искал его в пустыне, что и птицы летели в руки, и хлеб падал в полы. Те же, что ищут мирских излишеств в пустынях, как мы тогда, те ничего не получали от лесных зверей, кроме страха [такого, что] даже дрожащие листья часто внушали ужас, как случилось там с нами. Однажды вечером, как только мы остановились на ночлег, по обыкновенной привычке часть извозчиков заботилась о лошадях, другие вместе с господами рубили дрова, и молодой парень готовил еду. Но поскольку в очень глухих местах дров имеется в избытке, их не берегут, но раскладывают пять или шесть больших костров, вокруг которых в большие морозы ложатся люди, и к тому же тепло их [костров] достигает лошадей. Но чтобы огонь не навредил спящим, все время один должен сторожить, чтобы поддерживать огонь, так как некоторые большие деревья поджигали целиком. Но поскольку такую вахту мы не могли доверить Московитским извозчикам, чтобы они не учинили какого-либо плутовства с товарами, поэтому один из нас должен был по очереди нести охрану. На счастье, в ту ночь выпало сторожить мне. Когда все заснули, я тем не менее – поистине чудесно – из-за сильного жара сидел в одной [1187] рубашке. <1585. *Januarius*> Вдруг у лошадей поднялся какой-то шум, так что я на них прикрикнул. Когда же я поднял глаза, обнаружил перед собой на расстоянии каких-нибудь пяти шагов одного из отвратительных больших медведей, каких только можно встретить. Этот зверь стоял совершенно тихо и пристально смотрел мне прямо в глаза и, вероятно, делал это долгое время,

dan wiewol die rosse lengst schoeben, dauchte mich, das sie der bröckelende schne tzu solchem bewegte. Dieweile auch der beer ser stielle stund und pechschwertz was, sach ich ihn eine gutte weile ahn, ehe ich ihn erkennen mochte vor dem blendenden hellen fewre. Da ich ihn nun erkante, wie ich von den kerls gelert was, nam ich brenendes fewr und warfs ihm entjegen, weckete die fuerleute geschwinde. In deme erschraken die rose vor dem thiere, das sie sich alle abriesen und lieffen gar tzerstreitt, das wir die gantze nacht und aufm morgen schier tzum mittage genueg tzuthuene hetten, ehe wir sie wieder fingen, und hette nicht derr gedeichte walt geharn und das glate eis, es were mehr arbeit umb sie gewesen. Aber etliche der unseren warden krank, auch mein herre, aus schrecken, dan sie wuessten auser schlaffe und wuesten nicht, was sich hueb, dan da sie das getuemel der rosse hörten, dauchte sie, es moerder tzusein.

Morgends aufm anderen nachtlager wieder erschrekten uns die tzweige, welche wir neulich abhieben vonn den bewmen, welche wir tzum fewre bereiten. Dan dieselben ruetzte der wind aufm glatten eyse hin und her mit ei[1188]nem <1585. *Januarius*> geknaster, welchs wir nicht balte verstunden, sondern meineten, der gestrige beer were uns nachgefolgt, jegen welchen sie sich ruesteten mitt buexen und ander gewehr. Dan man sagt, wer sich eins am heissen wasser verbrent, der paustet darnach das kalte.

Am 13. Januarii mochten wir nicht mer aufm eise fahren, dieweile es moer was, darume begaben wir uns von der Dziesne tzu lande beim dorffe Iwancza <*Iwancza D.*> bey der lincken hinauf.

Am 14. Januarii futterten wir hinder einemm dörrffe, da beisterte ich so sehr, das ich kaume wieder tzu den unseren

прежде чем я его заметил. Хотя лошади уже давно фыркали, мне казалось, что их побуждал к этому хрустящий снег. Пока медведь стоял очень тихо и был черен, как смертный грех, я довольно долгое время смотрел на него, прежде чем смог узнать его от ослепительно-яркого огня. Когда же я его узнал, взял, как был научен парнями, горящую головню и бросил в его сторону, быстро разбудил извозчиков. Тем временем кони настолько испугались зверя, что сорвались и разбежались в совершенно разные стороны, так что у нас на целую ночь и утро почти до полудня хватило дел, прежде чем мы их снова нашли, и если бы не порубки в высоком лесу и не гладкий лед, с ними было бы еще больше работы. Но некоторые из наших от испуга заболели, и также мой господин от страха, так как со сна они не знали, что произошло, и, когда они усыпались возню лошадей, им показалось, что это убийцы.

На следующий день на другом ночлеге нас снова испугали ветви, которые мы только что срубили с деревьев, приготовленных для костра. Так как ветер на гладком льду двигал их туда и сюда с таким треском, [1188] <1585. *Januarius*> что мы не сразу поняли, но думали, что нас преследует вчерашний зверь, против которого все снарядились ружьями и другим оружием. Ибо говорят: «Обжегшись на горячей воде, потом дуют на холодную»³⁴⁸.

13 Января мы не смогли больше ехать по льду, так как он был мокрый. Поэтому мы поднялись с Десны на берег у деревни Иванча, <*Iwancza D.*> слева вверх по течению³⁴⁹.

14 Января мы кормили лошадей за одной деревней, там я так сильно хромал, что едва добрался снова до на-

traef. Daselbs begaben wir uns von neues aufs eies, aber die möricheitt des eyses machte uns so beistern, das wir in der nacht einen pauren mitten, der uns auf die landtstrase brachte tzur lincken des wassers dem auffahren nach. Alda traffen wir uns mit etlichenn Armenischen kaufleuten, die kamen schonn aus der Moßkaw und sagten, das wir eine gwinreiche tzeit verseumt hetten. Dan der Sziwersche Car oder Keyser were gefenklich bracht unde mitt ihm ein grosser raub von köstlichem rauchwercke, welchen die Littauen tzu sich geriessen hetten. Da verstunden wir erst, wes ursache man uns von der Moßkaw aufhielt, welchs nur der Kaufleute aus Littaan anstewr was. Wiewol sich auch meuttereye erhueb tzuwueschen dem Könige und jungen Moßkwiterischen Groeßfürsten nach toette seines Vaters, welcherr verschied am 8. tage vergangen Mertzmondes.

[1189] Am <1585. *Januarius*> 15. Januarii futterten wir im schönen großen doerff Suponin oder Sapoim, auch Sapaim gehesen. <*Sapaim D.*> Hinder diesem im walde an der Desne auf einem hoegen vwer liegt ein schön kloester, geheissen das Szwinski monaster, <*Swinski monaster*> aber gemeinlich wirts von der statt Brannsk, welche nur eine meile dafon ist, Brannski monaster genant. Ist von Trubczask 13 meilen. Wir liessen die Fuerleutte nach der Statt fahren und wendten selbst mit unseren schlitten tzum monaster. Dan die Heren opfferten da ihr geluebnuese, welches sie im Podolischen felde beisternde thaten. Brachten weyrauch, seffe, wuertze und pfenige. Also traffen wir tzu ihnen untterr der Vesper, welche sie mit grosser andacht und tzeremonien verbrachten, dan sie hielten dem altten kalender nach der Heiligen Drey könige abent, welcher bey unseren Armeniern der Christ abent was. Ich kan nicht verste-

ших. Оттуда мы снова отправились по льду, но его влажность заставила нас так терзаться, что мы ночью встретили одного крестьянина, который вывел нас на проселочную дорогу слева от реки, по движению вверх. И так мы встретились с некоторыми Армянскими купцами, которые уже шли из Москвы и сказали, что мы пропустили прибыльное время. Так как Сибирский Царь или кейзер³⁵⁰ был приведен пленником и с ним огромная добыча из драгоценной пушнины, которую приобрели литовцы. Там мы впервые поняли, по какой причине нас задерживали перед Москвой: [добыча] была предназначена лишь для Купцов из Литвы³⁵¹. К тому же возникла распря между Королем³⁵² и молодым Московитским Великим князем³⁵³ после смерти его отца, который скончался в 8-й день прошедшего Марта месяца³⁵⁴.

[1189] <1585. *Januarius*> 15 Января мы кормили лошадей в красивой большой деревне Супонин или Сапоим, <*Sapaim D.*> также называвшейся Сапаим³⁵⁵. За нею в лесу на Десне на высоком берегу лежит прекрасный монастырь, называемый Швинский монастырь, <*Swinski monaster*> однако его обычно называют по городу Брянску³⁵⁶, расположенному лишь в одной миле от него, Брянским монастырем³⁵⁷. [Он находится] в 13 милях от Трубческа. Мы отпустили Извозчиков ехать в Город, а сами на своих санях повернули к монастырю. Тогда Господа пожертвовали там все³⁵⁸, что было обещано согласно обету, данному во время мучений в Подольском поле³⁵⁹. Принесли ладан, мыло, пряности и пфенниги. Итак, мы попали к ним во время Вечерней службы, которую они проводили с большим благоговением и церемониями, так они согласно старому

hen, was es vor ein gebew was, da sie sungen, ich haltte schierr, das es ihr schlaefhaus was, dan man fuerte uns stiege auf an einen ort wie in einem kreutzgank, der war gar werme eingehietzet. Keinen owen sahe man da, so war das gewelbe, welches gar lege uber uns hang, nicht beroechert, sein mag, das es ein kloester owen hette. Aus bestehendem tzeichen magstu verstehen die gestalt des gebews, sofele meine augen erreichten. Alles ists schön gemewrt, und bey No. 1 verstehe die stiege, da man uns hinauf fuerte, da stunden wir jegen dem altare, woe die drey strichlein sein, hinder uns war sonst nimantt, aber die Czerce sungen, da [1190] dier <1585. Januarius> das 2 tzeigt. Aus dieser andacht fuerte man uns tzur kirchen, welche verschlossen stund, wart aber strax aufgemachet. Es ist eine schöne und fast new gemarte kirche, fol köstlicher kleinöter. Dan nicht aleine die priesterliche kleider und meßbucher mit golt und edlem gesteine getziert sein, sondern auch die wand der kirche. Dan fast alle bilder sein mit sielbern und gueldenem bleche fol edelgesteins beschlagen. Sie hatt ein rundel mitt weissem bleche gedecket, und vor der kirche stehenn von weits tzwe glocktuerme fol glocken.

Die Moßkwitter haben etliche tzereemonien, welche mir ser schwer ankamen, wiewol sie erbar und Christlich sein, in denselben erdreistete ich mich hie bey diesem monastier. Wen sie eine kierche veruber gehn, thuen sie ihr als einer stelle Gotte geweiht die ehre, ney-

календарю отмечали канун [праздника] Трех Святых королей, который у наших Армян является Рождественским сочельником. Я не могу понять, что это была за молитва, которую они тогда пели. Я почти уверен, что это были их кельи³⁶⁰, так как нас провели вверх по лестнице к одному месту, как бы к перекрестку, где было очень тепло натоплено. Там не было видно ни одной печи, весь свод, который нависал над нами, не был закопчен [дымом], возможно, монастырь имел печь³⁶¹. На прилагаемом рисунке ты можешь понять облик здания, насколько проникал мой взор. Все было прекрасно выстроено из камня, и под № 1 я понимаю лестницу, по которой нас ввели наверх, там, где находятся три черточки, мы стояли перед алтарем. Кроме нас, никого не было, но Чернецы [Czerce] пели там, где [1190] тебе <1585. Januarius> показывает № 2. После этой молитвы нас повели к церкви, которая стояла закрытой, но сейчас была отперта. Это прекрасная и почти новая каменная церковь³⁶², полная драгоценных сокровищ³⁶³. Не только одеяния священников и богослужebные книги³⁶⁴ украшены золотом и благородными камнями, но также и стена церкви. Там почти все иконы обиты [обложены] серебряным и золотым листом, украшенным драгоценными камнями. Она [церковь] имеет круглый купол, крытый белой жстью³⁶⁵, и перед церковью в некотором отдалении стоят две звонницы, увешанные колоколами³⁶⁶.

У Московитов есть некоторые церемонии, от которых приходится туго, хотя они благочестивые и Христианские. На это я осмелился здесь, в этом монастыре. Когда они проходят мимо церкви, они оказывают ей честь как месту, посвященному Богу,

gen sich jegen ihr und segnen sich. In der leutte stueben, an den vornemstern örtern hengen köstliche bilder mitt goltt und edelem gesteine beschlagen in gros-sen ehren. Sobalte man dan tzu ihnen hinein komt, ehe man ein wort machet, ehret man Gott und seine Heiligen durch ihr gemeide, neiget sich mitt dem höbte lege jegen die bilder und segentt sich, darnach erst gruest man die inwoner. Auch tragen sie bilderlein am halse, vor welchen sie bethen. Wie unsere fu-erleute, so balte sie aufs nachtlager kamen, hengten sie die bildlein vom haelse an die want, an den Schlitten oder ahn baum und neigten sich [1191] dafuer. <1585. *Januarius*> Wen ich in die stueben kam und das folk strax gruessete, weiseten mich eine auf die bilder, dan ihnen dauchte, ich were ihrer nicht gwar worden, die anderen wieder schemeten sich, dan sie meinten, ich verachtte ihre schlechte bilder, gewonen den andere ausm kastenn und hengten sie auf, und aber anderre meinten, ich were ein Turk oder Tater. Damitt aber die Herren ihre kuertzweile hetten, gaben sie mich vor einen Juden aus, dan man wes in der Moßkaw nicht böser folk als die Juden, es wirt auch böser nicht gewünscht, nur das man tzum Juden werde oder eines Judenn kindt sey, wirt auch keiner ins lantt gelassen. Wen sie ofte tzulieffen mich tzusehen, sich wundernde, das ich einem menschen gleich was, fragten sie, wie ich ins landt dorfte, dieweils verboten war, sagten unsere wieder, das mich der Konstantinopelsche Patriarche tzum menschen geweyet hette und mich tzum Maßkawschen Mitropolit tzu teufen schickt, darume hette mich der Großfuerste muessen verguennen hinnein tzukomen. (Dan gedachter Patriarch ist bey ihnen wie bey uns der Bapst, und Metro-polit das hoebt aller geistlicheitt des landes. So werden sie beredet, das, nach deme die Juden Christum kreutzigten,

преклоняются перед ней и осеняют себя крестным знамением. В жилых помещениях на самых почетных местах висят драгоценные иконы, обитые золотом с драгоценными камнями. Как только к ним кто-нибудь входит, прежде чем скажет слово, выражает почтение Богу и его святым на иконах, преклоняет голову и крестится. Только тогда приветствует хозяев³⁶⁷. А также они носят иконку на шее, перед которой молятся, как наши извозчики, [которые] едва прибывают на ночлег, вешают иконку с шеи на стену, на сани или на дерево и преклоняются [1191] перед ней³⁶⁸. <1585. *Januarius*> Когда я входил в комнату и тотчас приветствовал народ, одни указывали мне на иконы, так как им почудилось, будто я их не заметил; другие же стыдились, так как полагали, что я презираю их плохие иконы, доставали другие из сундуков и вешали их; а иные думали, будто я Турок или Татарин. Но Господа ради собственной забавы выдавали меня за еврея, так как в Москве не знают более злого народа, чем евреи; ничего более злого не желают, кроме как стать Евреем или сыном Еврея, и ни один [еврей] не допускается в страну³⁶⁹. Когда они часто прибежали, чтобы разглядывать меня, очень удивлялись, что я похож на человека, [и] спрашивали, как это я смог [приехать] в страну, пока было запрещено³⁷⁰, наши отвечали, что Константинопольский Патриарх³⁷¹ меня посвятил в человека и послал к Московскому Митрополиту³⁷² крестить. Поэтому Великий князь дол-жен был позволить мне въехать [в страну] (Так как указанный Патриарх у них – как у нас Папа; и Митрополит – глава всего духовенства страны. Так их убедили [уговорили], что после того, как Евреи распяли Христа, все они полу-

bekamen sie alle sewkoepfe, welche gedachter Patriarch mit seinem seggen verwandelt.)

Wahr ists, es hatt untter ihnen so ein schöns suptiles, auch kunstreichs folk als jeh bey uns, dieweile sie aber niergends ausm lande reysen, auch keine buecher habenn, [1192] beredt <1585. *Januarius*> man sie ofte unmuegliche dinge, nicht alleine die gemeinen, sondern auch vornemen, wie jehns: Krakaw ist wol so groes als des moßkwitters landt, in welcher ist S. Stentzels kirche so gros als die stat Moßkaw, alles mitt klarem golde gedeckt, tzu dieser kierche kan man anders nicht komen, dieweile sie aufm berge Sinai steht, nur mus acht tagelang bergauf faren auf dem rothen meere in sielberen komegen. Da ist so eine grosse glocke, das man sie in der Fastnacht anfehert tzuschockelen und alle tage neue stricke anbindet, leuttet sie am Ostertage und komtt ihr schal auf Pfingsten in die Wieelde. Steffen und Christof waren meister inn diesen luegnen, umb welche sie tzuhören das folk mitt hauffen wie tzur predigt rahn, und sprachen nur ach, ach, ach, das unsere augen so selich weren, diese wunderliche dinge tzusehen. Wir wieder stunden von weitten und lachten, das kaume leeben in uns blieb.

Ich aber von diesem Brinnschen kloester ahn wolltte nicht mehr Jude sein, verdreistee mich darume im segnen und neygen. Aber ohne tzweifel haben die Muenche auch unser da gelachtet. Dan da wir nur den Jani Griechen einich ihrer Sekte untter uns hetten, sahen wir alle auf ihn, und wie er sich ruerte, thatten wir ihm alle nach, dieweile wir uns sonst in ihren ceremonien nicht wuesten tzubehelfenn.

[1193] Vom <1585. *Januarius*> kloster wendten wir den fuerleutten nach und

чают овечьи головы, которые указанный Патриарх преобразует своим благословением).

Воистину среди них есть прекрасные, хитроумные и искусные люди, как когда-то у нас, но поскольку они никуда не выезжают из страны³⁷³ и у них нет никаких книг³⁷⁴, [1192] <1585. *Januarius*> им зачастую [можно] внушить немислимые вещи, не одним только простым, но и знатным, как-то: Краков – такой же большой, как вся земля московита, в нем церковь Св. Стенцеля так же велика, как город Москва, вся покрыта чистым золотом, и, поскольку она стоит на горе Синай, к этой церкви нельзя добраться иначе, как только ехать в течение восьми дней вверх по горе на красном море в серебряной комяге³⁷⁵. Там есть такой большой колокол, что его начинают раскачивать в канун Великого поста, и каждый день привязывают новые веревки, он звучит на Пасху, и его звон на Троицу доходит до Вильны. Стефан и Кристоф были мастерами этой лжи, и, чтобы их послушать, народ прибегал толпами, как на проповедь, и говорили только: «Ах, ах, ах, как были бы блаженны наши глаза, если бы увидеть все эти необыкновенные вещи...» Мы же стояли в отдалении и смеялись так, что у нас едва душа оставалась в теле.

Но я, начиная с этого Брынского монастыря, не хотел больше оставаться Евреем; поэтому мне было досадно креститься и кланяться. Но, без сомнения, и монахи тогда смеялись над нами. Так как среди нас из их Секты³⁷⁶ был лишь один Яни Грек, и все мы смотрели на него, и, как он двигался, мы все следовали ему, в то время как иначе мы не сумели бы справиться с их церемониями.

[1193] Из <1585. *Januarius*> монастыря мы повернули вслед за извоз-

erjagten sie bey Bransk, <Bransk> da sie sich uber die gefroerne Deßne macheten. Diese statt lieget an der Deßne auf einem hogen uwer alles höltzen gebews mitt schönen kierchenn. Im vergangnen kriege ist sie fast von den Polen verwuestet, darume bauete sie sich itzt, tzu-male das schloes, welches groes ist, machet man sterk und umschuettet es mitt einem hogen walle.

Baltte hinder der Desna hebet sich ahn der Bringsche waltt, 23 meilen lang und so gedeichte, das nur ein enger wek dadurch gehet, welcher von beyden seiten verschlossen und vor den reubern bewachtet wirt. Aufm nachtlager inn diesem walde warden eimem Furmane tzwö rosse gestoelen, das die thuere tzum walde nicht half.

Am 16. Januarii, da wir uns auf der futterunge seumten, dan die Herren pflegten ihrer da mitt speise und drank, dieweils bey ihnern Christtag was, kamen etliche unser Fuerleute mit geschreie tzurucke und beklagten sich, das man ihnen mitt gewalt rosse außspante. Also wuescheten wir mitt hast auf tzu jehnen Edelleutten, und nach langem tzancke bekamen wir die rosse wieder.

Wir nachtlagerten hinder dem Zizdrinsken oder Trycin monastier, <Toycin monastier> 12 meiln von Bransk. Hinder diesem strax leuft untter einen bruecken weg die Ziezder, <Zizdra Aus> von welchem es den namen hatt. Troycin ist es gehenen von seiner kierche tzur Heyligen Dreyfaltigkeit. Ist klein doch fein von holzte gebauet. Wir fueren spate in die nacht vor gedachten Boyarn.

[1194] Am <1585. Januarius> 17. Januarii fueren wir vorbey das Drohofanski Monastier, <Drohofanski monastier> welchs uns hart tzur lincken war wie das vorige tzur rechten, doch schle-

чками и догнали их у Брянска³⁷⁷, <Bransk> когда они переправлялись через замерзшую Десну. Этот город лежит на Десне на высоком берегу, все строения деревянные, с чудесными церквами. В прошлую войну он был почти опустошен Поляками, поэтому сейчас он отстраивался, в особенности замок, который [довольно] велик, его укрепляют и защищают вокруг высоким валом.

Вскоре за Десной на 23 мили простирается Брянский лес³⁷⁸, такой густой, могучий, что по нему идет лишь одна узкая дорога, запертая с обеих сторон, которую стерегут от разбойников. На ночлеге в этом лесу у одного Извозчика украли двух коней, так что ворота в лес ничему не помогли.

16 Января, когда мы опоздали на кормежку, так как Господа угощались кушаньями и напитками – у них было Крещение, с криками вернулись некоторые из наших Возниц и пожаловались, что у них силой выпрягли коней. И вот мы стремительно набросились на тех Знатных людей и после длительной перебранки снова получили своих коней

Мы расположились на ночлег за Жиздринским или Троицким монастырем³⁷⁹ <Toycin monastier> в 12 милях от Брянска. Непосредственно за ним под мостом проделывает свой путь Жиздра³⁸⁰, <Zizdra Aus> от которой он и получил свое имя. Троицыным он называется от своей церкви Святой Троицы. Он маленький, но хорошо построен из дерева. Поздно ночью мы поехали ранее указанных Бояр [Boyarn].

[1194] <1585. Januarius> 17 Января мы проехали мимо Дрогошанского Монастыря³⁸¹, <Drohofanski monastier> который был вплотную слева от нас, как предшествующий справа,

chttter und 6 meiln dafon. Futterten nicht, sondern fueren auf Taters der Furleutte behausunge tzu. Hinder der thue-re des waldes siet man tzur rechten von weytten ein schön dörf.

Nach dieser thue-re sein $\frac{3}{4}$ meile jehn Brinny, <Brinny dorf> welches doerf schön und gros ist, auch vor anderen weit beruemt, 6 meiln von gedachtem monaster. Wir kamen in der nacht dahin, dieweile wir aber hetten vorausgeschickt, empfang man uns uberr die masse lieblichen und pflegte unser mitt essen und drincken nach wunsch. Im fahren von anfang des doerfs bis tzur herberge waren in die tzwanzig fewre gelegt, bey welchen das folk wie jubilierte auf domren, fiedeln, lieren und pfeiffen. Vom gange aus der herberge spielte man auf schalmeyen als mans tzu Dantzick nicht besserr machet. Keinem lande, duenkt mich, sein die lieren gemeiner als diesem, und kan schier ein ider darauf. Die domren wes ich auf deutz nicht tzunennen, diese sein nichtes, nur eine halbe laute.

Am 19. Januarii fertigten wir ab die Fuerleutte, welche uns nicht gefiellen oder denen nicht geluestte weiter tzutzienn, wuegen die wahren und legten sie auf andere, mitt welchen wir uns am 20. Januarii nach mittage weiter aufen [1195] wegk <1585. Januarius> machten. Nachtlagerten im dorff Zierdiow, <Zierdiow> 3 meiln.

Am 21. Januarii durch Serensk, <Serensk> 3 meiln. Welche die Tattern so verheert haben, das kaume fuef heußlen uberbliebenn. Da das schlos ist gewesen, steht ein höltzen kierchlein, ohne welches noch sonst 3 kierchen der statt tzusehen sein, das auch tzumercken, der

но уже и в 6 милях оттуда. Лошадей не кормили, но поехали к жилищу Татар – Извозчиков³⁸².

За воротами леса справа издалека видна красивая деревня. За этими воротами в $\frac{3}{4}$ мили [расположены] Брыны, <Brinny dorf> деревня, которая и хорошая, и большая, и широко знаменита среди других, [она] в 6 милях от указанного монастыря. Мы прибыли туда ночью, поскольку мы послали заранее [весть], нас приняли сверх меры любезно и позаботились о нас, [снабдив] едой и питьем по желанию. По дороге от начала деревни до постоянного двора были разложены двадцать костров, у которых народ как бы изливал свой восторг на домрах, скрипочках, лирах и свистках³⁸³. На мостках у постоянного двора играли на шальмяях так, что в Данциге не делают этого лучше³⁸⁴. Ни одной стране, кажется мне, не свойственны лиры более, чем этой, и почти каждый может играть на них. Домры [domgen], которые я не знаю, как назвать по-немецки, представляют собой не что иное, как половину лютни.

19 Января мы отделались от тех Извозчиков, которые нам не нравились, или у которых не было охоты двигаться дальше, взвесили товары и переложили их на другие [сани], на которых 20 Января после полудня отправились в дальнейший [1195] путь. 1585. <Januarius> Расположились на ночлег в деревне Жердев³⁸⁵ <Zierdiow> в 3 милях.

21 Января через Серенск³⁸⁶, <Serensk> 3 мили, который Татары так опустошили, что едва осталось 5 домишек. Там был замок, стоит деревянная церковка, кроме нее в городе еще три церкви. Стоит отметить, что злоба проклятых Язычников скорее

verflucheten Heiden griem, ehe der Christen kierchen verschoent, dan sonst unsere nachbar, die nicht wollen Heyden genant sein. Futterten im doerffe Muchin, <Muchin D.> 1 meile. Nachtlager-ten im doerffe Waraxin, <Waraxin> 3 meiln.

Am 22. Januarii in der nacht uber den flus Uhra, <Uhra flus> hinder welchem lieget die statt Towarkow, <Towarkof> 12. dierst*. Diese haben die Tatern auch fast wueste gemacht. Vonn dem Brinnschen walde bis hieher heten wir meist feltt, aber weitter tzur Moßkaw waltt. Futterten im dorffe Jeßenky, <Jeßenky> 3 meiln. Nachtlagerten im dorffe Kyow. <Kyow D.>

Am 23. Januarii uber den flus Lußa, 3 meiln, Futterten tzu Borowsk, <Borowsk>, 3 meiln. Diese Statt stehet offen und ist von den Tatern ser tzu nichte worden. Denoch sein gute Kierchen und heuser dain, hatt auch fiele kreme. Hinder der Statt leufft die Porotwa. Am selbigen fluesse aufm berge liegt ein alt hoeltzen schloes mit lehme bestriecken, in deme ist ein gemewrt kierchlein ohne die höltzenenn dainne. Hinder der statt ist ein monastier mitt einer gutten gemäwrten kierche. Auch ein ander im walde tzur seitt dieser statt.

Nachtlagerten im dorffe Mialka <Mialka>, [1196] 4 meiln. <1585. Januarius> Am 24. Januarii uber ein flueßlein, Futterten im dorffe Swinioria, <Swinioria> 4 dierste. Nachtlagerten im dorffe Sukin, <Sukin D.> 3 meiln.

Ame 25. Januarii und Freytag gar frue, kamen wir in die beruemte Stadt Moßkaw <Moßkaw statt> welche den Stuel des Moßkwitterschen Großfuerstens heltt und ein höbt des gantzen lan-

щадит Христианские церкви, нежели наши соседи, не желающие быть названными Язычниками. Кормили лошадей в деревне Мухин³⁸⁷, <Muchin D.> 1 миля. Расположились на ночь в деревне Вараксин³⁸⁸, <Waraxin> 3 мили.

22 Января ночью [переправились] через реку Угру³⁸⁹, <Uhra flus> за которой лежит город Товарков³⁹⁰, <Towarkof> 12 верст. Этот [город] Татары также почти опустошили. От Брынского леса досюда у нас было в основном поле, но дальше к Москве [идет] лес. Кормили лошадей в деревне Ясенки³⁹¹, <Jeßenky> 3 мили. Ночевали в деревне Киов³⁹². <Kyow D.>

23 Января [переправились] через реку Лужу³⁹³, в 3 милях, кормили лошадей в Боровске³⁹⁴, <Borowsk> через 3 мили. Этот город стоит открыто и почти уничтожен Татарами. Тем не менее в нем есть хорошие Церкви и дома³⁹⁵, имеется много лавок³⁹⁶. За Городом течет Поротва³⁹⁷. На этой же реке на горе находится старый деревянный замок, обмазанный глиной³⁹⁸. В нем есть каменная церковка³⁹⁹, [но] без дерева внутри... За городом монастырь с хорошей каменной церковью. И еще один в лесу в стороне от этого города⁴⁰⁰.

Расположились на ночлег в деревне Мялка⁴⁰¹, <Mialka> [1196] 4 мили. <1585. Januarius> 24 января [переврались] через речушку⁴⁰², кормили лошадей в деревне Свинёра⁴⁰³, <Swinioria> 4 версты. Ночевали в деревне Сукин⁴⁰⁴, 3 мили.

В пятницу 25 Января спозаранку прибыли в знаменитый Город Москву⁴⁰⁵, <Moßkaw statt> где находится Престол Московитского Великого князя⁴⁰⁶ и [который] является главой

* Следует читать: wierst.

des ist. Diese liegt an dem fluese Moßkaw <Moskaw flues> von welchem sie den Tauf empfangen (uber welchen wir tzu ihr einkamen), in einem weitten und ser schönen auch fast ebenen felde.

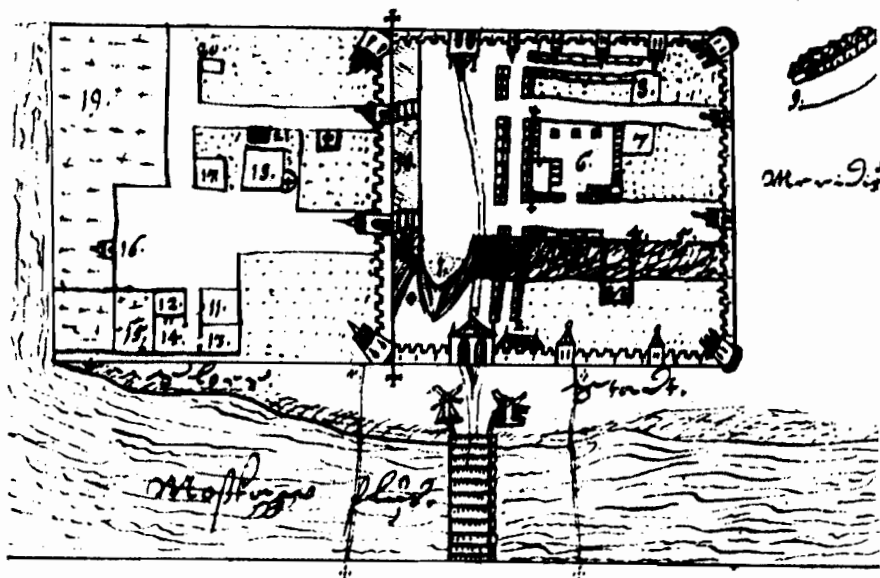
Die Moßkaw ist nicht fiele breitter als tzu Dantzik die Muttlaw, uber dieselbe geht eine bruecke von grossen runden höltzern auf tzwoe leynen gereiget, welche gar aufm wasser liegt, und nach des fluesses aufsteyen oder abnemen getzogen wirtt, wie in folgender vorbildunge tzumercken ist.

[1197] Dieweile meines Schreibens vornemenn nicht ist, land oder stette gar tzuertzelen, nur meinem wandern tzugefallen etwas des gedenkwierdigsten vortzulegen (den schon lengst alle lander mit ihren Stetten eigne Croniken im druke haben), darume uberhuepffe ich dieses gedachten wassers anfang unde

[столицей] всей страны. Он лежит на реке Москве, <Moskaw flues> от которой принимает талые воды (через которые мы приехали к ней) в широком, очень красивом и почти ровном поле⁴⁰⁷.

Река Москва не намного шире, чем Муттлау⁴⁰⁸ в Данците, через нее идет мост из больших круглых бревен, укрепленных в ряд на двух канатах, которые лежат прямо на воде и подтягиваются, когда вода поднимется, или опускаются⁴⁰⁹, если она уходит, как можно заметить на следующем изображении⁴¹⁰.

[1197] Поскольку в своем сочинении я не намерен рассказывать все о стране или городах, но только изложить что-то наиболее примечательное, случившееся со мной во время моих странствий (так как уже давно все страны с их Городами описаны в напечатанных Хрониках⁴¹¹), я пропу-

План Москвы. Подписи: слева над рекой и под стеной – Schloss (Замок); справа – Stadt (Город); на реке слева от моста – Mosskau flus (река Москва); под № 9 – Meridies (ЮР)

ausgang, nur melde, was sich ofters da-
auf tzutregt. Es ist so groes, das auch
grosse komegen daaufe gehen, unde
wirt daauf kauffenschaf bis in die Tur-
keye getrieben. Sobalthe es aber befreiert,
machett man umb die bruecke eine nicht
alleine bahn mitt stroe streuen und was-
serbegissen, sonderen nimt einen gros-
sen platz ein, welchen dier gedeuet
wirtt tzwueschen den duenen strich-
lein und weitter. Sobalthe sie nun
diese bahn (untter welcher keine
balken sein, spricht der Jude) vor fe-
ste achtten, bauen daauf bueden, die
Tiefler, Dreßler, Töpfer, Buetcher,
Radmacher, Fleischer, Fiescher und
sonst fiele handwercker und kramer.
Tzwueschenn dem wasser wieder und
der Stattnaur setzen sie garkuechen und
ander fewrwerk auf. Und diese alle mu-
essen sich, wiewol auf einem grossen
platze, dennoch auch in grosser enge,
hinder dem thoerre sommers tzeit be-
helffen. Welchen platz dier tzeitet die
weisse stelle hinder dem thoere, durch
welche der weg von der bruecke gehett.
Von der bruecke inns thoer war damals
so steyel tzufahren [1198] als <1585. Ja-
nuarius> woltte man eine want aufklet-
teren.

Das sich das folk tzu dieser stelle
drengt, ist die ursache, das alles wasser
inn die Statt ausm fluesse durch dies thor
gehoeht wirtt, dan die Statt hatt keine
bruennen. So ist hie ein ewiges fahren
one aufhören, dennoch ohne tzank und
mischunge, dan behutte Gott, das einer
dem anderen wieder seinen willen soltte
foer treten, nur mus sich einer hinder
dem anderen haltten. Und eine helfte
der bruecke haltten die einfahrenden, die
ander die außfahrenden, auch ist das
thoer, wie du siest, deme tzugefahllen
underschossen. Aber wegen der kramer
aufm eyse gehett (wie sie sagen) seldom
ein jaer ohnne merklichen schaden ab,
das ofters nicht alleine wahren, sondern

скаю [описание] истоков и устья этой
указанной реки, только сообщаю, что
там часто происходит. Она так велика,
что по ней также ходят большие ко-
мьяги и по ней торговля ведется вплоть
до Турции⁴¹². Как только она замер-
зает, засыпают сеном и поливают во-
дой не только дорогу с одной колеей,
но и вокруг моста занимают много ме-
ста, как тебе обозначено между
двумя тонкими черточками и ши-
ре⁴¹³. Как только эта дорога (под ко-
торой нет никаких бревен, говорит
Еврей⁴¹⁴) считается крепкой, на ней
строят лавки Столяры, Плотники,
Горшечники, Бочары, Колесники,
Мясники, Рыбники и многие другие
ремесленники и торговцы⁴¹⁵. Между
рекой и Городской стеной они устраи-
вают кухни, горны и другие мастер-
ские, для которых требуется огонь.
И все они в летнее время должны об-
ходиться одной большой площа-
дью⁴¹⁶, в большой тесноте за воротами.
Эту площадь тебе показывает белое
пятно за воротами, там, где идет до-
рога от моста. От моста к воротам
нужно было ехать по такой крутизне,
[1198] как будто <1585. Januarius> хо-
чешь взобраться по стене⁴¹⁷.

Что народ так напирает в это ме-
сто, имеет причиной то, что всю воду
в Город доставляют через эти ворота,
так как в Городе нет никаких колод-
цев⁴¹⁸. Так что здесь ездят беспре-
станно, однако без свар и сумятицы,
ибо упаси Господь, чтобы один обо-
шел другого без его воли, все должны
держаться только друг за другом. Од-
ной стороны моста придерживаются
въезжающие, другой – выезжающие;
и ворота, как ты видишь, вследствие
того разделены. Но поскольку лавоч-
ники ходят по льду, (как они говорят)
редкий год обходится без заметного
ущерба, так как часто тонут не только
товары, но и люди. Так как много на-

auch leute undergehen. Dan fiele folk schleift da und komen in die gewonheutt, das sie nicht achten, obs schon untter ihnen knastert, bis sie gar fliessen, da ist dan erst wunder tzusehen.

Die Moßkaw samt ihrem Schlosse, Kitaygrad gehesen, liegen in der ebene, beide (meines dunckens) einer grosse und gar fierekicht, welcher iglichs an gröse ich achte Thoern gleich.

Die Statt ist mitt einer fast neuen schönen mewre fol stercker tuerne umbfangen. Vom waser gedencke ich nur ein thoer, deßgleichen nur eines vom Aufgange jegen diesem uber und diesem gleich, an den anderen tzwoe seitten sein auch tzu tzuwe [1199] thören <1585. *Januarius*> fast jegen einander gestellet, aus welchen tzuwe nicht so der Statt als dem Schlosse sollen tzugerechnet sein. Aber von denenn wirt hernach weiter gedacht in beschreibunge des Schlosses.

Georgius Brune, welcher in seinen köstlichen buechern genug eigentlichen abcontrofeiet Stette aus Italien, Hißpanien, Frankreich und Deutzlanden legett auch die Moßkaw, doch soe, das sie nur dem hörsagen unde ubelen verstande nach gemoel ist. Dieweile sie aber nicht fiele kruemes in sich hat, kan sie auch von mir schliemmen moelerr dennoch vorgebildet werden, wie auch schon geschehen ist. Nun verstehe aus meinem gemeelde die Statt soe. Der platz vonn der bruecke hinder dem thoere, welcher sich vom Mittage jehn Mitternacht tziert und helle tzeyget, ist schlecht, das err gar wenig berg auf tziert. Was aber nach diesem verdunckelt stehet, deutten ein fast hogen und steyelen berg, welcherr darnach tzum ende der Statt schlecht außgehet. Das verdunckelte wieder tzwischen der Statt unde dem Schlosse deutet einen ser tieffen graben ohne wa-

roda pribredaet tuda i prihodit po privyчке, to oni ne obraščajut vnimania, čto treščit li [лед] pod nimi, пока они совершенно не поплывут, тогда, наконец, можно увидеть необычайное.

Москва вместе с ее замком, именуемым Китай-городом⁴¹⁹, лежит на равнине. Оба, по моему разумению, одинаковой величины⁴²⁰ и совершенно четырехугольные, каждый из которых, как я считаю, по размерам равняется Торуни⁴²¹. Город окружен почти новой прекрасной стеной с мощными башнями⁴²². От воды, мне думается, [ведут] одни ворота, равным образом с востока напротив этих и равные им; с двух других сторон также двое [1199] ворот, <1585. *Januarius*> расположенных почти напротив друг друга. Из них двое должны быть причислены к [воротам] не Города, а Замка. Но о них речь пойдет дальше, в описании замка.

Георгий Бруне, который в своих драгоценных книгах достаточно обрисовал города Италии, Испании, Франции и Германии, и в том числе Москву, так изобразил ее, как только можно по слухам и со скверным пониманием⁴²³. Но тем не менее, поскольку в ней немного лавок, то она все же может быть изображена и мною, плохим рисовальщиком, как это уже и случилось. Теперь разберись в Городе по моему рисунку так. Площадь от моста за воротами, которая тянется с Юга на Юго-запад и нарисована светлой, ровная, она занимает небольшую часть горы. То же, что за этим изображено заштрихованным, обозначает почти высокую, крутую гору, которая затем к краю Города кончается равниной. Еще одно затемненное место между Городом и Замком обозначает очень глубокий ров без воды, который кон-

ser, welcher sich auf dem legen platze beim $\diamond$ endett. In diesem graben ist des winters was tzusehen, tzumale jegen abends oder wen der mond scheint, findet man da haufweise etliche hundert leutte ihre kuertzweile treibende. An statt der schreit-schue binden sie untter die fue-se ein eychen bretlein eines daumes dicke, einer hand breit und 5 spannen lang, vorne spitz und aufgebogen, mitt einer angebundenen schnuer, die hebt er in der hant, stoest sich mitt einem stoke bergk ab, das er fast in einem augenblike [1200] den <1585. Januarius> dritten theil der anderen seitte aufrient. Und wiewol diese narische verwoegenheit gnug gefערlichkeit tzeiget, dennoch beschiermtt Gott wunderlichen.

Numero 1 deutet die stelle der Heiligenn Dreyfaltigkeit kirche, die steht, wie du siest, auf einem tzugespietzten berge. Sie ist achteckicht, fast nach beistehender gestalts fundament so getzogen, das sie mitt allen enden den tzierckel ruert. Wieder hatt sie neuen spitzen und riengs ume einen gang, alles von tziegeln serr meisterlich, duerch unde duerch fol leistung mitt manigerley geflochtenen tzeugen, ist aber noch nicht außgebauet. Das mewrwerk steht wol felttig, ist aber nicht getuencket, auch soltte sie sein innen und aussen gemalt und ihre spitzen vergueldet.

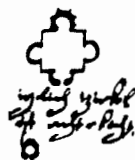
Bey ihr steht einn glokter-erm nach beistehender ge-

[Алевизов,
Львиный ров]

[Завязка для
ноги]

iglich tzirkel ist achteckicht - каждый кружок восьмиугольный

чается на ровном месте у $\diamond$ ⁴²⁴. В этом рву зимой можно кое-что увидеть, порой под вечер или когда светит луна, там находится толпа в несколько сотен человек, проводящих свободное время. Вместо обуви для ходьбы они подвязывают к ногам дубовую палочку, толщиной в большой палец, шириной с ладонь и длиной 5 пядей, заостренную и загнутую спереди с приданным к ней шнуром⁴²⁵, который держат в руке, толкаются палкой вниз по горе, так что почти в одно мгновение [1200] <1585. Januarius> взлетают на треть другой стороны. И как ни опасным представляется это дурацкое приращение, тем не менее Господь чудесным образом охраняет [от беды].

Номер 1 обозначает место церкви Св. Троицы, которая стоит, как ты видишь, на горе, сужающейся кверху. Она восьмиугольная, и основание выведено почти по прилагаемому образцу так, что всеми концами касается круга⁴²⁶. Кроме того, у нее новые шпили⁴²⁷ и гульбище вокруг, все очень мастерски [сделано] из кирпича, повсюду резьба с различными перештетениями⁴²⁸, но [церковь] еще не достроена. Каменные стены вполне готовы⁴²⁹, но не покрыты известью, кроме того, она должна быть расписана внутри и снаружи, а ее шпили позолочены.

Рядом с ней стоит колокольня⁴³⁰, [соответствующую]

staltt, und in solchen hengen auch bey anderen kirchen die glocken in einer schlecht aufgerichteten mewre. Keine glocke wirt geschockelt, nur vom hertzen bis auf die erd hinunder hengt ein strik, da man mitte leuttet, und hatt diese kirche ihm ansehen eine solche gestalt.

No. 2 deuttet das Tzolhaus samt derr wage. Hinder welchem verstehe aus den kröplein der leutte heuser, welche nicht, wie sie gedachter Braun hart an einander moelen lest, stehen, sonderen weit von einander, also das noch eins dazwischen stehn mochte, woraus du leicht erachten magst, das da nicht so fiele heuser in der statt sein wie bey uns, auch nicht so fiele folk dainne wont wie bey uns, tzumale [1201] dieweile <1585. *Januarius*> sie nicht wissen, was da ist im keller woenen, gedencke auch keinen keller inn der Moßkaw, welcher sollte untter der erde sein. Und also verstehe auch an anderen örtern die puenktlein, dazzu wisse, das in der mawre meist Adell wontt und auf den Vorstetten die Buerger. Die strichlein, welche wie liettern gehn, deutten eittel kram laden, in welchem man findet, was man schier erdencken mag. Es wirt in dieser Statt so grosse kaufenschaft getrieben, gleich lege sie an dem Meere.

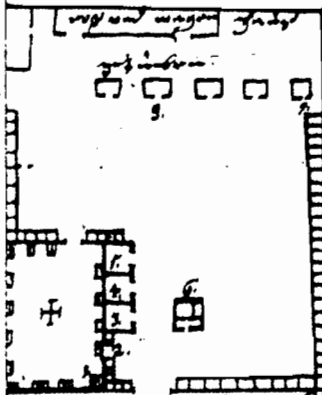
Auf dem grossen platze vorm schlosse von der Heiligen Dreyfaltigkeit bis tzum thoerre ist sonst der krautt, obs, milch, brottmerkt; da stehn des wintters ein hauffen Furleutte mit Schlitten, des sommers mitt wagnen, auf welchen nur eine molde liegt, da sitzt man auf und lest sich umb einen geringen lohn fueren, wohin man wil, dan die statt den Voerstetenn nach ist grausam groes, das manich kramer oder kaufman eine grosse meile wegess tzuhause hette,

щая] прилагаемому рисунку, и на ней висят колокола, как и при других церквах на плохо возведенной стене⁴³¹. Никакие колокола не раскачивают, но из сердцевины вплоть до земли спускается веревка, которой двигают язык⁴³². И эта церковь выглядит как на прилагаемом рисунке⁴³³.

№ 2 обозначает Таможню⁴³⁴ вместе с важней⁴³⁵. Сзади них, уразумей из точек, обозначаются жилища людей, которые стоят не так, как их нарисовал упомянутый Браун⁴³⁶ на своем рисунке – вплотную друг к другу, но далеко одно от другого, так что еще одно смогло бы уместиться между ними. Из этого ты легко можешь понять, что в городе не так много домов, как у нас, и не так много народа живет в нем, как у нас⁴³⁷. [1201] В то же время <1585. *Januarius*> они не понимают, что значит жить в подвале. Представь, что в Москве нет ни одного погреба, который находился бы под землей⁴³⁸. И обрати также внимание на точки в других местах, знай об этом, что в пределах стен живет в основном дворянство⁴³⁹, а в Предместьях – Бюргеры⁴⁴⁰. Полоски, которые идут как буквы, обозначают мелочные москательные лавки⁴⁴¹, в которых можно найти почти все, что только можно выдумать. В этом Городе ведется такая обширная торговля, будто он лежит у Моря⁴⁴².

На большой площади перед замком от церкви Святой Троицы до ворот иное: капустный, овощной, молочный, хлебный ряды⁴⁴³. Зимой там стоит масса Извозчиков с Санями, летом – с возками⁴⁴⁴, на которых лежит одна только лохань⁴⁴⁵, туда садятся, и за незначительную плату их везут, куда хотят, так как город из-за Предместий чудовищно велик⁴⁴⁶, так что многие лавочники и торговцы должны проделывать очень долгий путь

...als man von dem ...
 ...des ...
 ...
 ...

...
 ...
 ...
 ...
 ...
 ...
 ...
 ...
 ...

«Записки» М. Груневега. Рукопись, л. 1202

deme tzugefallen hatt sie fiele garköchen, in welchen man gutte und renliche speise findet, unde wir ofte daraus kauf-ten.

Von allen seitten der statt sein Voer-
stete, aberr die groeste von Aufgange,
alles aus holtze, doch fol gemewrter kir-
chen und klöster, so wol vor die frauen
als vor die menner, die singen und leut-
ten tag und nacht.

Die gasse von der Heiligen Dreyfal-
tigkeit tzur rechtten handt, da hastu an
der stele Numero 3 S. Barbern kierche
aus dem berge aufgemewrt, unt-
ter dieserr [1202] schenkt <1585.
Januarius> man wein und sonst
niergendts. Aus der gedachten
gasse hatt man ein wenig berg-
sunder intrit tzur kirche, und
wieder aus den gassen unterm
berge schlechten intriet tzum
keller.

Jegen dieser kirche an der anderen
seite der gasse ist der Karwaser, inn
welchem ale außlender müssen stehn,
und wir auch wonten. Diesen deuttet
die 6 Rings umme ist der Karwasar mitt
hogen tzugespitzten
pfalen ausgetzeunt,
tzu welchem, wie du
siest, nur einne thue-
re ist. Das kreutze
tzeuget ein ser gros
gewelbe fol runder
Schornsteine, in die-
sem kochenn sich die
fremden und haben
ihre hertte an den
wenden, unseren
tzeuget im winckel
No. 1. Es ist kein fen-
ster daihne, dan hat
lichts genug durch
die legen schuer-
stene. No. 2 einen
grossen keller oder

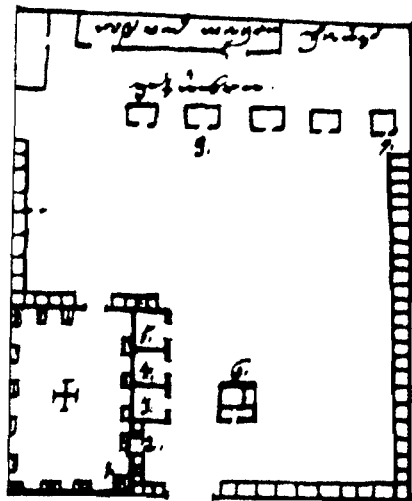
домой, вследствие этого там много
харчевен, в которых можно найти
много хороших и чистых кушаний, и
мы часто покупали их там⁴⁴⁷.

Со всех сторон город окружают
Предместья, но самое большое – с Вос-
точной стороны⁴⁴⁸, все [построено] из
дерева, но много каменных церквей и
монастырей, как женских, так и муж-
ских, где поют и звонят днем и ночью.

Переулоч от Святой Троицы по
правую руку, там ты найдешь под но-
мером 3 – церковь Св. Варвары⁴⁴⁹, вы-
строена на горе⁴⁵⁰, под нею
[1202] продают <1585. *Janua-
rius*> вино в розлив, и больше
нигде⁴⁵¹. Из указанного пере-
улочка немного вниз по горе на-
ходится вход в церковь и снова
из переулочка под горой плохой
вход в погребоч.

Напротив этой церкви на другой
стороне переулочка находится Гостинный
двор⁴⁵², где должны останавливаться
все иностранцы⁴⁵³, и мы там тоже
жили. Его обозна-
чает № 6⁴⁵⁴. Гости-
нный двор со всех
сторон огорожен
высокими заострен-
ными кольями, в
него, как ты ви-
дишь, ведет лишь
один вход. Крест
обозначает очень
большое сводчатое
здание со множе-
ством круглых ды-
мовых труб, в нем
готовят себе все
иноземцы, и у них
свои очаги у стен⁴⁵⁵,
наш обозначен в уг-
лу № 1. Там нет ни-
каких окон в стене,
так как достаточно

groß und wagen – кони и повозки;
Haus – дом, Stuben – избы

die thure datzu unter der kuchen umb fewrs noth. No 3 meines Herren kramlade aus holtze, dan one die kuchen ist da nichts gemewrts. No.4 Merten Mamonowitzs kram, eines beruemten kaufmans aus der Wilde. No.5 Manoelens, des vornemsten kaufmans aus Kyow, und dis sein die vornemsten laden und drey mal groesser als die anderen. Sonst gehen umeher laden, wie du siest, eine uber der andern. No. 6 des Verhuettters haus. No. 7 in der behaelffen wir unns bis uns eine neue gebauet wart. Dan [1203] da <1585. *Januarius*> wir kamen, waren nur tzwe stuebenn, diese und die ander dabey, dan andere waren abgebrandt, sobaldte wir aberr kamen, setzte man drey schöne newe auf, und wir wonten in der, die mitt No. 8 getzeichent ist.

Dieser hof begreift meines duenckens so fiele als der Tohrnische ringk, und dieweile er in der mitte ser raume ist, tziet man da alle wunder tzu markt, ein ider beweiset da alle seine kuenste und stuecke. Ist ungepflastert wie die statt, darum ists tzu regens tzeiten schlim tzugehen, wiewol es nach noturft hat höltenn bruckwerk. Des wintters bringt man aus den grossen Seen ein hauffen schlitten fol gefroernerr fiesche, auch eingesaltzene mitt asche, den sie haben nicht die fuelle von saltz.

Nun die gasse weitter hinauf, bey S. Barbern tzeugen dier No. 22 der Englischen hoef. No.4 und 5 sein kierchen. No. 7 ist eine kirche mit einem vergueldten tuerm, diese hatt eine geborstene glocke, welche, so balte man sie leuttett, heulen die hunde, das einen grauen mues. No. 8 S. Nikiaus kirche, bey welcher alle eyde gethan werden. No. 9 die Teutze gasse. Es hatt da fiele Teutzen erbarer leutte, welche der Großfuerste aus

света проникает через отверстия труб. № 2 – большой подвал или дверь туда под кухней на случай пожара. № 3 – это лавка моего Господина, тоже деревянная, так как, кроме кухни, тут нет ничего каменного. № 4 – лавка Мартина Мамоновича⁴⁵⁶, знаменитого купца из Вильны⁴⁵⁷, № 5 – Мануйлы, знатнейшего купца из Киева⁴⁵⁸, и эти его знаменитые лавки в три раза больше, чем другие. Кроме того, кругом идут лавки, как ты видишь, одна за другой. № 6 – дом сторожа, № 7 – изба, которой мы обходились, пока нам не построили новую. [1203] Так как тогда, когда <1585. *Januarius*> мы туда приехали, было только две избы: эта и еще другая рядом, все остальные сгорели. Но как только мы прибыли, поставили три другие новые, и мы жили в той, что обозначена № 8⁴⁵⁹.

Этот двор, по моим представлениям, вмещает столько же, сколько Торуньский Рынок⁴⁶⁰, и поскольку там в середине много места, туда на рынок привозят всякие чудеса, и каждый показывает все свое искусство и фокусы⁴⁶¹. Он не замощен, как и город⁴⁶², поэтому там очень трудно ходить во время дождя, хотя по необходимости сооружается деревянная мостовая. Зимой доставляют с больших озер⁴⁶³ массу саней, наполненных замороженной, а также засоленной в золе рыбой, так как у них недостает соли⁴⁶⁴.

Теперь далее вверх по переулку, около [церкви] Св. Варвары № 22 показывает тебе Английский двор⁴⁶⁵. № 4 и № 5 – это церкви⁴⁶⁶. № 7 – церковь с позолоченной башней⁴⁶⁷, у нее надтреснутый колокол, при звоне которого собаки воют так, [что] от этого можно поседеть, № 8 обозначает церковь Св. Николая⁴⁶⁸, где совершаются все присяги⁴⁶⁹. № 9 – это Немецкий переулоч. Там много немецких по-

der Iflantzen jегentt dahin getrieben hatt, und darume mitt ihnen spielet nach seinem gefallen. Dennoch lest er ihnen mer freyheitt als seinen Moßkwittern. Ihnen ist frey, inn seidenen kleidern und silbern ge[1204]schmeide <1585. *Januarius*> tzuзgehen, stueben mit kachelöwen tzuhaben, metth und bier schencken etc., anderen aber nicht.

So baltte wir nun in diese Statt kamen, woegen wir die wahren im Tzoelhouse, gedencke aber nicht was ursache, die-weile sie auch voer tzu Brynn auf der wage waren. Nach dem wegen gebot uns des Großfuersten Schatzmeister, das wir alle wahren aufs schlos in die Schatzkamer fuerten. Dan es ist da die weise, das mann alles dem Großfuersten presentiert ehe man was verkauft, gefehlt ihm den etwas dafon, das behelt er und tzaelts strax nach genuegen ohne ein-nige mue.

Also fueren wir ins Schlos uber den graben, welcher mit No. 10 getzeichnet ist, durchs tohr negst der Heiligen Dreifaltikeitt, welchs hoch und das schönste unter allen ist. Auf diesem thoere schlecht ein seger, nach gemein den tag in 24 stunden theilende, aber wens eine stunde aufm tag ist, so schlecht er eins und sovordan bis tzur nacht schlechts wieder eins, das wen er des abendts achte schlegt, schlegt er wieder frue tzu morgens 16 und solcher sey tzu Jerusalem nach meldunge der Heiligen Schriefft gewesen.

Von diesem thoere gehett eine gasse, in der mewrt man baltte hinderr diesem thoere eine neue Cerkow. No. 18 ist die stelle, da der Moßkwitter einne schöne grosse hoge kirche nach Römischerr oder Catholischer weise gemewrt hatt, tzu [1205] gefallen <1585. *Januarius*> des

чтенных людей, которых Великий князь туда пригнал из Ливонской земли⁴⁷⁰ и поэтому поступает с ними по своему усмотрению. Тем не менее он предоставляет им больше свободы, нежели своим Московитам⁴⁷¹. Им позволено носить шелковые платья и серебряные <1585. *Januarius*> [1204] украшения⁴⁷², иметь избы с кафельными печами⁴⁷³, продавать в розлив мед и пиво⁴⁷⁴ и т.д., но остальным это запрещено.

Тотчас по прибытии в этот Город, мы взвесили товары в таможе, но не подумали о причине этого, так как они уже перед Брынью побывали на весах. После взвешивания Великокняжеский Казначей⁴⁷⁵ приказал нам отвезти все товары в замок в Казну⁴⁷⁶. Так как там существует обычай, что прежде чем что-либо продавать, все представляется [показывается] Великому князю, и если ему что-либо из этого понравится, он удерживает это и платит вполне достаточно безо всякого труда⁴⁷⁷.

Итак, мы поехали в Замок через ров, обозначенный № 10, через ворота⁴⁷⁸, ближайšie к Святой Троице, высокие и самые красивые изо всех. На этих воротах звонит колокол-благовестник⁴⁷⁹, по обыкновению деля день на 24 часа⁴⁸⁰. Но когда [бывает] один час дня, они бьют один, и ночью снова один, а если вечером они бьют 8, то снова рано утром 16, и так же было в Иерусалиме по сообщению Святого Писания⁴⁸¹.

От этих ворот идет переулоч⁴⁸², где почти за воротами ставят новую церковь (?)⁴⁸³. № 18 [обозначено] место, где Московит построил высокую красивую церковь по римскому или католическому образцу⁴⁸⁴, [1205] чтобы понравиться <1585. *Januarius*> дочери

Polnischen Königes Sigmundi tochter, die ihm war tzur ehe gelobett (so hat man mich berichtet). Bey dieser, wie das kreitzlein weiset, stehet ein groser hoeger achtekichter tuerm mitt weisem bleche rundtzu bedecket, fol glocken in den fenstern. Bey dieser kirche ist so eine grosse glocke, das ich sie schierr aller glocken herre achte, dieweile ich die tzu Wien gesehen habe, welche der Erffuertschen gleicht wirt. Diese hengt wie andere offen unverdeckt, darume wiert sie weitt und ser lieblichen gehört. Auch wirt untter allen nur diese alleine geschockelt. No. 17 ist eine schöne Cerkow mitt 5 mechtig grossen vergueldeten rundein, welcher gestalt ich hie bey setze, tzuweisen wie die rundele aus dem dache steien, oder was ich rundele heise, und verstehe das mittelste wol fier mal groese dan die anderen.

rundel - купол

rundel und so rundachtig und glat; купол и все кругообразно и гладко

No. 16 deuttet das thoer tzu Keyserlichen palatzern. No. 19 deuttet die gestalt des platzes, welchen die pallätzer einhaben, soweit die ++++ reichen. Und alles, was mit diesen kreitzlein getzeichnet ist, stehet mit so köstlichen, kunstreichen, sehr schönen gebewen besetzt als man irgendts finden mag. Nicht alleine tzur noturft, sonderen auch tzur wollust und uberflus als da sein tzierliche subtile tuerme, genge, platte decher, schöne kirchleinn oder kappellen auf den dechern, somerheuser. Etliche gedecket mit dachsteinen [1206] gleseuert <1585. *Januarius*> und ungleseuert, etliche mitt weisem bleche, etliche mitt vergueldtem. Eine kapelle beweiset sich

польского короля Сигизмунда, которая была обещана ему в невесты (так мне рассказывали)⁴⁸⁵. При ней, как указывает крест, стоит большая высокая восьмиугольная башня, кругом покрытая белой жостью⁴⁸⁶: много колоколов в окнах. При этой церкви находится такой огромный колокол⁴⁸⁷, что, я прямо полагаю, он может считаться господином всех колоколов, в то время как я в Вене видел такой, который равен [по величине] эрфуртскому⁴⁸⁸. Этот висит, как и другие, открыто, без крыши, поэтому его слышат далеко и [звон] его очень приятен. К тому же только этот один раскачивали. № 17 – это прекрасная церковь с 5 могучими большими позолоченными куполами⁴⁸⁹, вид которых я показываю здесь на поле, как купола поднимаются из крыши или то, что я называю куполами; я понимаю, что средний из них в четыре раза больше, чем другие⁴⁹⁰.

№ 16 обозначает ворота в императорские дворцы⁴⁹¹. № 19 обозначает вид площади, занятой дворцами, которую ограничивают ++++. И все, что обозначено этими крестиками, занято очень красивыми зданиями, какие едва ли можно найти в другом месте. Не только по необходимости, но также ради удовольствия и в качестве излишества воздвигаются изящные башни, переходы, плоские крыши, красивые церковки или часовни на крышах, беседки. Некоторые покрыты [1206] глазурованной <1585. *Januarius*> или неглазурованной плиткой, некоторые – белой жостью, некоторые с позолотой. Там нахо-

da, in welcher die Großfuerstinne meist betett, die hat ein guelden dach mitt eingelegtem schmelztwercke, ser subtil und lieblich gedeket. Ich schreibe, wie miers gedaucht hat, dan man lies uns niemahls hinderr das thoer No. 16.

No. 11 ist eine groese fast neue kirche tzu S. Michel gehesen, diese ist mitt weissem bleche gedeckett und hatt neuen rundele. No. 13 die Kantzeley. No. 14 ein offener hoff, da wir unsere wahren ablegten. No. 12 die Schatzkamer, uber der ist ein schön kirchlein mitt neuen vergueldden rundelen, in dieser bettet der Großfuerste gemeinlich. No. 15 ein köstlicher palac, tzu welchem aus diesem hoewe bei der schatzkamer eine stiege gieng oder geht. Von diesem palatze sahe mich der Großfuerste, von welchem hernach weiter.

Vom anderen thoere wieder in der gasse tzur lincken handt ist eine tzerkow mittm + getzeichnet, da weiset man mitten in der kirche mitt seidenem Gewande bedecket eines Heiligen leichnams, welchen sie nennen S. Olexi. Das schwertze ploklein bey No. 21 Tantzhaus.

No. 20 des Moelers haus, von welchem allen hernach weiter. Wiewol Fuerstliche palatzer alle gemewrt sein, auch dafoer fiele kirchen und gebewe, dennoch hats meistels hoeltzene hoewe.

[1207] In <1585. *Januarius*> die Moßkaw fliesen hie auch andere wasser, wie du eines hart an dem Schlosse siest, derer namen gedencke ich nicht. Hinder der Stat von aufgang ist auch ein sonderlich wasser, an welchem fiele badstuben stehn. Es sein da in die dreissig feygle badstueben nicht weit von einander, aber klein wie stueblein. Ofte gehen sie ins bad, waschen sich, doch nimmer recht. Die Herren wuschen sich hauf-

дится часовня⁴⁹² с позолоченной крышей, покрытой литыми вставками, очень изящно и красиво, в основном там молится великая княгиня⁴⁹³. Я пишу о том, как мне это представлялось, ибо нас ни разу не впускали за ворота № 16⁴⁹⁴.

№ 11 – это большая, почти новая церковь, названная в честь Св. Михаила⁴⁹⁵, она покрыта белой жстью и имеет новые купола. № 13 – это Канцелярия⁴⁹⁶, № 14 – открытый двор, где мы сложили свои товары. № 12 – это Казна, над которой находится чудесная церковка с новыми позолоченными куполами⁴⁹⁷, в которой обычно молится Великий князь⁴⁹⁸. № 15 – это роскошный дворец⁴⁹⁹, к которому от этого двора у казны вела или ведет лестница. Из этого дворца⁵⁰⁰ меня видел Великий князь, о котором речь пойдет ниже.

Из других ворот⁵⁰¹ снова в переулок⁵⁰², с левой стороны церковь⁵⁰³, обозначенная +, там показывают в середине церкви накрытую шелковым Покровом гробницу Святого, которого они называют Св. Олексием⁵⁰⁴. Черное пятнышко при № 21 – Танцевальный дом⁵⁰⁵.

№ 20 – дом художника⁵⁰⁶, о котором все будет изложено далее⁵⁰⁷. Хотя княжеские палаты⁵⁰⁸ все возведены из камня, так же, как многие церкви и здания, однако у большинства дворы деревянные.

[1207] В <1585. *Januarius*> Москву впадают туттаже и другие реки, как ты видишь одну из них вплотную к Замку⁵⁰⁹, названия которых я не помню⁵¹⁰. За Городом с востока тоже есть особая река, на которой стоит много бань⁵¹¹. Там на ней находится 30 платных бань недалеко друг от друга, но маленьких, как клетушки. Они часто ходят в бани⁵¹², но никогда [не делают этого] правильно. Господа мылись

weise alle tzwo wochen bey den Deutzen, das ich samt anderen jungen die-weile muessen des krams wartenn, und warden darnach am anderen tage, gemeine des mittwoches, tzur badstube gelassen. Dieweile aber die Moßkwitter gar bloes auf welsch baden, heurten die Herren uns vieren, mich, Stefane, Görge und Athaben, eine badstube und gaben alle mahl von uns fieren so fiele, als sonst von funftzig Moßkwittern geben wirt, welchs ihnen ein gros wunder ist oder was, und hetten sich wes tzuwundern. Dan wen die Moßkwitter baden, welchs sie dan gemeinlichen alle tage, auch mer dan ein mahl thuen, werffen sie ihre kleider tzum geringsten faden von sich, laufen in die badstube haufweise und schlagen sich mit laubbesmlein, spuelen sich mit kaltem wasser ab, und kaum etliche vatter unserlang loffen sie wieder heraus und kriechen unabgedreuet in ihre kleider. Auch so, das ihnen des [1208] wintters <1585. *Januarius*> ihr haer aufm höbte tzu eißzapfen wirt, wie ich solchs mench mahl sahe, und wierft kaume ein quertner vors bad. Sie tragen ihr höbt mit der kolbe nach deutzer manier, die wirt ihnen auf offener gasse gemacht, dan die halbier gehn mitt einem stuellein ume, und so ließ ich mich auch scheren. Aber wen ich mit meinen vorgedachten Kompanen tzur badstube gieng, schiktenn wir einen kessel voraus, das man uns wasser dainne warmte, verschraubten uns ihm bade, und musste der Bader huetten, das sich kein Moßkwitter entdeckte bis wir wegfueren. Da lief den so ein hauffen folks tzu, sich unser verwundernde, dan ihnen war wunderlich, das wir alle jung und so verschamt waren, das wir unser eine stunde lang pflegten und nach dem bade weiß anlegten, auch nur unser so wenig eine gantze badstube einnamen und keine beesem förderten.

вместе каждые две недели у Немцев⁵¹³, а я по большей части в это время вместе с другими молодыми должен был сторожить лавки, поэтому нас отпускали в баню в другой день, обычно в среду. В то время как Московиты по итальянскому образцу моются совершенно нагими, господа нанимали для нас четверых – меня, Стефана, Георга и Антаба баню⁵¹⁴, и каждый раз давали за нас четверых столько же, сколько пятьдесят Московитов, что для них было чрезвычайно удивительно, или они делали вид, что удивляются. Так как, когда Московиты моются, что проделывают каждый день, а иногда и больше одного раза в день, они сбрасывают с себя все до последней нитки, толпой бегут в баню и бьют себя березовыми вениками⁵¹⁵, обмываются холодной водой и, едва успеешь прочитать несколько «Отче наш», снова выбегают и залезают, не вытираясь, в свои одежды. Еще я видел, как [1208] зимой <1585. *Januarius*> у них заледеневают волосы на голове, таких людей я видел многократно, и [каждый] бросает едва ли квартнер⁵¹⁶ за купание. У них на голове волосы с чубом, постриженные в круг на немецкий манер⁵¹⁷. Это делают им прямо на улице, и там повсюду цирюльники расхаживают со своим стульчиком⁵¹⁸, и я также решился постричься. Но когда я с моей вышеназванной Компанией отправлялся в баню, мы прежде посылали заранее котел, чтобы нам сперва там согрели воду, заперли в бане, и банщик должен был следить, чтобы ни один москвит не появился, пока мы не уедем. Тогда собиралась толпа людей, дивившихся на нас, так им было поразительно, что мы все такие молодые и такие стыдливые, что мы мылись целый час и после бани одевались в белье, а так же, что нас было так мало, а мы занимали

Dies wunder brachte ich tzuwege, das mich nicht mueglichen dauchte, mich bloes ins bad tzubegeben, dan sonst andere, wiewol aus sonderem lande, fragten nictes darnach, sondern hieltens mitt den Moßkewittern.

Diese gedachten badstueben stehn vor der statt vom Aufgangewertz etwan tzur Deutzen gasse geneigt. An derselben seitte vorm Schlosse ist ein schloes mit einer weitten viereckichten mewre [1209] auf <1585. *Januarius*> einem schlechten place, Nizni grod (oder das underschlos) geheissen. Die mewre stehet fast new und ist wenig gebew daine tzusehen. Anno 1571 am Himmelfarts tage brantten es die Prekopschen Tater gar aus samt der gantzen statt, dafon sie noch in heuttigen tag ser duenne ist. Dennoch wart jenßmal das Fuerstliche schloes errettet.

Nach deme wir alle unsere wahren in die Schatzkamer gebracht hetten, pakten wir sie auf und liessen sie so liegen, dem Großfuersten tzubeschauen, gingenn selbst dafon in den karwasar. Dasselbst muesten wir uns behelffen unser achte in einem stueblein, in welchem schon 5 pershonen woenten. Axent ein Armer mit einer gekauften balch Katherin, dan solchs ist da frey und keine schande. Aber das weib, welche dan kaume 15 jaer hette, sas von uns abgesondert in einem kemerlein und lies sich nach Turkschen sitten nimer sehen. Wieder wonte da Juri ein Grieche mit seinem jungen, das Gott vergebe, und Mustafa einn Tuercke. Also musten wir uns mitt diesen getzieffer umb der wermde willen so lange behelffen, bies man uns eine stuebe aufbaute.

Am 27. Januarii, dieweile man da nicht wes, was ist Sontag feyren, dan

целую баню и не требовали никакого веника.

Я не обращал внимания на это удивление, поскольку мне казалось невозможным нагим отправиться в баню, тогда как прочие также из нашей страны, ничего не спрашивая об этом, держались, однако, вместе с московитами.

Эти названные бани стоят перед городом с Восточной стороны, несколько ближе к Немецкому переулку⁵¹⁹. На той же стороне перед Заком стоит замок с широкой четырехугольной стеной [1209] на <1585. *Januarius*> неудобном месте, называемом Нижний город [Nizni grod] или Нижний замок⁵²⁰. Стена стоит почти новая, и внутри нее заметно очень мало строений. В 1571 г. в день Вознесения⁵²¹ его полностью выжгли перекопские татары⁵²², как и весь город, почему он и доньше остается почти пустым. Тем не менее в тот раз Княжеский замок уцелел.

После того как мы перенесли все наши товары в Казенную палату, мы их распаковали и оставили их так лежать, чтобы Великий князь мог их рассмотреть, а сами же ушли оттуда в гостинный двор. Там мы в восьмером должны были ютиться в избенке, где уже жило 5 человек. Аксень, Армянин, с купленной девкой Катериной [жил], так как такое там свободно и не позорно. Но женщина, которой едва минуло 15 лет, сидела отдельно от нас в маленькой каморке и по Турецкому обычаю не позволяла никогда себя видеть. Кроме того, там был Юрий Грек со своим юношей, да простит его Бог, и Турок Мустафа. И со всеми этими чудовищами мы должны были находиться ради пребывания в тепле до тех пор, пока нам не построили избу.

27 Января, поскольку там никто не знает, что такое праздновать Воскре-

man auch alda im Osterfest die krame offen helt, auch alle handtwercker klappern und arbeiten, den freitag feiren sie sonst etli[1210]cher <1585. *Januarius*> maese baes, gebot man uns tzu Schlose. Dieweile es Sontag war, gingen wir alle hinauf nach unsers landes weise in neuen kleidern, mit verwundern des folks, dieweile sich kaume die Moßkwiterschen Fuersten kaume so prechtig haltten als unsere Armenier mit ihrem gesinde. Was der Großfuerste bedorfte, behielt man und tzaelte es, das ander fuererten wir in den Karwasar. Alda uberfiel uns undereins ein groes unglucke, auch gluecke.

Gluecke der maese, das mir der Schatzmeister ein mechtiger Herre, ser gunstig wart, verehrte mir ein köstlich tuch mit seide und golt außgenehet und einen seidenen beuttel, nonnen arbeit serr kunstreich gemacht. Thaete etliche gewelbe auf und fuerete nur uns tzwoe, mich und meinen herren hinein, des Groeßfuerstens schatz weisende, uber welchen mich duenkt, keines monarchen reicher ist, dan was in der welt köstlichs unde kunstreiches mag erdacht werden, findet man da. Es schikete mich auch dieser Herr (welcher, duenk mich, ein tzunamen hete Godonow), dieweile ich in der Moßkau woente, alle wochen tzum geringsten ein mael, tzwoe die besten speisen von seinem tische, deßgleichen drank, auch bißweilen alle tage, tzutzeiten auch tzwoe, drey mal des tages, und were ich so dreist gewesen, das ich ihn worume hette angesprochen, one tzeiwell hette ers mir nicht abgeschlagen ahl [1211] wers <1585. *Januarius*> was grosses, und so entbot er sich auch, welchs er dan in kurtzer tzeit sehen lies, wie ihr balte hören werdet. Dieser Godonow (wie mich duenkt am namen) hette seinen hoof nicht weitt vom Karwasar, darume, wen er tzu schloesse

сенье, так как там даже в Воскресение Христово держат лавки открытыми, также все ремесленники стучат и хлопчут, пятницу празднуют они [1210] несколько <1585. *Januarius*> более, приказали нам идти в Замок. Поскольку это было Воскресенье, мы все вышли, по обычаю нашей страны, в новых одеждах к удивлению народа, так как едва ли кто-либо из Московитских Князей выглядел так роскошно, как наши Армяне со своими слугами. Все, что понадобилось Великому князю, они удержали и заплатили, остальное мы отвезли на Гостиный двор. Там на нас свалилось и большое несчастье, и счастье.

Счастье в том, что Казначей, влиятельный Господин⁵²³, был ко мне очень милостив, пожаловал мне драгоценную ширинку⁵²⁴, расшитую шелком и золотом, и шелковый кошель работы монахинь, сделанные очень искусно. Открыл некоторые сводчатые кладовые и провел только нас двоих – меня и моего господина – внутрь Великокняжеской казны, показывая [ее содержимое]: мне кажется, ни один монарх мира не богаче его, там находится все, что только есть в мире драгоценного и художественного, что только мыслимо. Также этот Господин (кажется, по имени Годонов), пока я жил в Москве, каждую неделю, по крайней мере один-два раза, посылал лучшие кушанья со своего стола, а также напитки, а по временам даже каждый день, а иногда даже два-три раза в день. И если бы я был таким дерзким, чтобы попросить его, то он, без сомнения, не отказал бы мне в чем-то большем [1211] и <1585. *Januarius*> уведомил бы об этом, что он вскоре и показал, как вы далее услышите. У этого Годонова (так, мне кажется, его звали) был свой двор недалеко от

rieth oder vom schlosse, welches dan alle tage gemeinlichen tzwe mahl mueste sein, underlies er seldom, das er nicht sollte sein vor meinen kram (dieweile er dem thoere nahe war) gekommen. Bißweilen wen er mich mueßsig fandt, schikte er das roß tzu hause, setzte sich tzu mir eine stunde, tzwe mit meines Herren grossen gefallen, auch nutze. Dan dieser Herr schob wieder vor anderen, wem er mochte, tzu unserem krame. Dieser von heuttigen tage ahn erwarb mir vom Groeßfuersten einen brief, das ich stets nach allem gefallen mochte alleine umegehn inn der gantzen stat und voerstatt. Dann andere fremde gingen niemmer auß ohne einen beygestellten, welchem man tzaelen mueste und nicht alletzeit haben mochte. Ich aber wart vor derr Heiligen Dreyfaltigkeit kierche außgerueffen und iderman gewiesen, welchs sonst keiner erlangte, wiewol sie fleissig darume thatten, sonderen musten mit dem tzugesatzten nach den geringsten dinglein gehen. Bißweiln traf ich ihn auf der gasse oder lief ihm gerne entjegen, machte ihm auf Moßkwitters unter dem folke ehrerbittung mit seinem grasen [1212] gefallen, <1585. *Januarius*> da nam er mich bey der handt und fuerte mich aufs melichste bis tzu meinem herren. Welches mich so ehrte, das mich iderman lieb gewahn und mehr glaubten unde vertrauten dan sonst imandt aus den unseren. Darume nam ich gantzlichen fuer, das meinige aus der Poelen auf baldste in die Moßkaw tzubringen und mich da vermehlen, dieweile mir da ein jeder sein kindt guente.

Unglueke wieder. Dieweile wir tzu Nowogrodek woenende etliche wochen

Гостиного двора, поэтому, когда он скакал в замок или из замка, где он каждый день должен был по два раза бывать, по дороге он редко пропускал возможность остановиться перед моей лавкой (поскольку она была близко от ворот) и подходил. По временам, когда он находил меня праздным, он отправлял лошадь домой, присаживался ко мне на час-другой к большому удовольствию и пользе моего Господина. Так как этот Господин подталкивал также и других, кого он мог, к нашей лавке. С нынешнего дня он получил для меня грамоту от Великого князя, что я всегда по своему усмотрению могу один передвигаться по всему городу и предместью⁵²⁵. Так как остальные иностранцы никогда не выходили без пристава⁵²⁶, которому они должны были платить, да и не каждый раз могли его позвать. Меня же выкрикнули перед церковью Святой Троицы⁵²⁷ и каждому указали, чего обычно никто не добивался, и, как бы усердно они ни действовали, но вынуждены были выходить по малейшим делишкам с назначенным [приставом]. Время от времени я встречал его на улице или охотно спешил ему навстречу, оказывая ему перед всем народом знаки почтения по-Московски к его большому [1212] удовольствию. <1585. *Januarius*> Тогда он брал меня за руку и мало-помалу вел меня к моему господину. Это придавало мне особую честь, так что каждому я был любим, и мне оказывали большее доверие, чем любому другому из наших. Поэтому я окончательно решил привезти все свое добро из Польши как можно скорее и тут жениться, поскольку там меня каждый удостоил бы своим дитятей.

Еще одно несчастье. В то время, как мы, живя в Новогородке, несколько

muesig giengen, und da man der feyde gedachte tzuwueschen dem Könige und Großfürsten, auch deßhalbe nicht fehlich auf der strase vor den Reubern was, gefiels meinem Herren, die wahren so tzuversorgen, das wen ein unrath tzuschlage, dennoch der schade mochte gemindert werden, wart also tzurathe, die seide in derr baumwule tzuverstecken. Dan wir heten in die 20 grosse secke fol baumwulle und sex packen seide, wie sie in der Turckeye gebunden waren, an welcher tzwe ein esel genug tzutragen hatt. Wir treneten die baumwulle auf, welche ser hart eingestoessen was, machten in der mitte ein loch, unde nach des masse bunden wir belichen seide und der köstlichsten wahren tzusammen, stoestens in gedachtes loch, bestopftens wieder mitt baumwulle, negtens tzu, und die öbrige baumwulle verkaufeten wir tzu Novogrodek.

[1213] Am <1585. *Januarius*> 28. Januarii, da wir anfangen, die wahren außtzulegen, kamen die Tzölner und namen meinem Herren alle dasseinige mit gewalt aufs schloes, sprechende, es were vertzoellt, dieweile er hette die seide in der baumwolle verleuchent. Dies machte uns traurig gnueg, und war dieses eine ursache der Grieche, welcher mit uns fuer, der wolte sich vor seiner Religion beweisen, tzumale da er stets in die Moßkaw reisete, aber das meinem herren nur das erste mahl was. Ich wueste nichts von diesem, dan da sich der herre mit den tzöllnern vertruueg, schoeb er mich weg, sonst hette ichs verschweien wiederrahnten.

Am 11. Februarii <*Februarius*> tzogen wir in die neue stube, so fiele als unser tzusammen aus der Lemberg kamen, ohne den Griechen. Unde am 16. Februarii tzogen wir in den grossen kram an die kuechen.

Von dem tage ahn, als man unsere wahren tzu schloesse nam, wiewol we-

недель провели в безделье и думали о распре Короля и Великого князя, почему на дорогах встало много Разбойников, моему Господину пришло на ум так позаботиться о товарах, чтобы в случае несчастья все-таки уменьшить ущерб, и [он] решился запрятать шелк в хлопок. Тогда у нас было 20 больших мешков с хлопком и шесть упаковок шелка, связанных еще в Турции, из них два такие, которые осел⁵²⁸ едва мог тащить. Мы вскрыли хлопок, который был очень туго засунут, сделали в середине дыру и слоями связали маленькие кипы шелка и драгоценнейшие товары, засунув [их] в указанную дыру и снова заткнув ее хлопком, заделали ее, а лишний хлопок продали в Новогородке.

[1213] <1585. *Januarius*> 28 Января, когда мы начали выкладывать товары, пришли Таможенники и силой забрали у моего Господина все его [товары] в замок, заявляя, что он промьгтился⁵²⁹, поскольку запрятал шелк в хлопок. Это нас серьезно опечалило, и виной тому был Грек, который ехал с нами, который хотел свидетельствовать согласно своей Религии, поскольку он постоянно ездил в Москву, а мой господин – только в первый раз. Я ничего об этом не знал, так как, пока мой господин вел переговоры с таможенниками, он отослал меня прочь, иначе я мог бы уговорить его умолчать [об этом].

11 Февраля <*Februarius*> мы, все, кто приехал из Львова, без Грека перебрались в новую избу⁵³⁰. И 16 Февраля переехали в большую лавку около кухни.

С того дня, как наши товары забрали в замок, мы, как ни мало было

nig hofnunges was, dennoch lieffen wir stets tzum schlosse bittende, das man uns dies ubersahe. Da brachte Herr Godonow so fiele tzu wege, das man uns alles ohne die baumwolle samt der seide tzurucke gab, welches uns dennoch troeste, wiewol noch in der Schatzkammer blieb in die siebentaesent polnische guelden wert. In deme nach verstreueunge fieler gabenn kam ein Gesantter vom Könige, durch den erbatan wir den Großfuerstenn, das man uns alles erst im Martzio tzu henden stellte.

[1214] Nach <1585. *Februarius*> laut der Mutter schrieft im Altten buche gebaer meine Schwester Barbara ihr ander kindt und ersten Sohn am 26. Februarii frue umb 6 uhr. Das was am Diengstage nach Sexagesima. Aufn morgen wart er geteufet vom Sewoltz Schnietter und der Petter Heningschen. Empfang den namen Friederich nach seinem Vatter, welchen ihm auch der moend und Sontags buchstabe F wies.

In diesem moende, wie gedacht, gab man uns die aufgehalttenen wahren wieder, dessen ich und mein Here erfreuet warden, aber denselben tag kam jehnem falschen nachbar tzeitung aus der Lemberg, das dem altten Heuchler sein junges und sehr liebes weib bey der gebuert ihres ersten Kindes geblieben war, welches ihn fast unsinnig machte und bekante, das sie fast die stunde gestorben was, in welcher er willens wartt, meinen Herren tzuverrahten, bat auch aufs Osterfest meinen Herren um vertzeiunge, welches err als ein gedueldiger gerne thaette.

Ich lies mich golt reyben unde etliche bildlein moellen bey des Großfuersten moeler, welcher ihm Schlosse moelte und woente, diese dienge lies mir der Here auf meine seitte tzugewin, dann beide geltten wieder ser wol in der Wallacheye, das aus einem guelden tzehne werden, wen nicht der tzoel und fuer-

надежды, все-таки постоянно бегали в замок, прося, чтобы нам это [дело] пересмотрели. Тогда Господин Годонов приложил немало усилий, чтобы нам отдали все с шелком, [но] без хлопка, что нас, однако, утешило, хотя в Казне осталось [товара] на семь тысяч польских золотых. Между тем после раздачи многих даров⁵³¹ прибыл Гонец Короля⁵³², через которого мы просили Великого князя, чтобы нам все отдали на руки уже в марте.

[1214] Согласно <1585. *Februarius*> записи моей матери в Ветхом Завете моя сестра Барбара родила второго ребенка и первого сына 26 Февраля в 6 часов утра. Это было во вторник после Sexagesima⁵³³. На следующий день он был окрещен Зевольтом Шниттером и Петером Хениншеном. Получил имя Фридриха, которое ему указали имя отца, месяц и буква воскресения F.

В этом месяце, как кажется, нам отдали задержанные товары, чему и я, и мой Господин обрадовались. Но в тот же день к этому лживому соседу пришло сообщение из Львова, что у старого Хейхлера умерла родами первого ребенка его молодая и любимая жена, что почти свело его с ума, и [он] признался, что она умерла почти в тот же час, когда он решил предать моего Господина, и умолял моего Господина ради Пасхи простить его, что он, как [человек] терпеливый, охотно сделал.

Я дал натереть золото⁵³⁴ и заказал написать несколько иконок⁵³⁵ Великокняжескому художнику, который и писал и жил в Замке⁵³⁶. Эту сделку Господин предоставил к моей собственной прибыли, так как они стоили в Валахии очень дорого⁵³⁷, так что один гульден превратился бы

lohn. Ich verrichtte gemeinlich meine geschefte mit diesem Maeler in seinem krame in der Bielder gase, aber eins, dieweile seine frawe inn die wochen komen was, batt er mich [1215] ser, <1585. Aprilis> das er mich mochte in seinem hause sehen, also gelobte ich ihn aufn Sontag tzubesuchen, dan wir gleichwol feyrten unangesehen der inwonner weize.

Also machete ich mich tzu ihm auf am Sontage Judica in einem schlietten. Da empfang er mich ser freuntlichen, ehrte mich mitt essen und driencken unde wies mir die köstlichsten bilder als woe mögen in der welt gefunden werden. Er hette des ser fiele tzusammen getragen aus den kierchen, klöstern unde Großfuersten schatze, uber welchen ich die tzeit tzutrieb vom mittage bis tzu abend, da fuer ich wieder tzum Karwasar, und die Herren pflegten ihrer untter den Deutzen.

Keine nation maelet so suptile dinge als die Moßkewitter. Es ist tzu hören unmueglich. Vor ein bildlein am halse tzutragen kaume tzwe mans finger breit und lang, etwan nach dieser beistehenden mase, hundert taler nur dem Maler, aber wen mans bewegt, ist nicht thewr dan sie malen pershonen, deren complexion und alles in solcher höge wie das strichlein stehett gar eigentlich außgemachet wirt, das sie im kleinen nichtes underlassen, was das groesse underhat. So einer fiele kupferstuecke gesehn hat, habe ich sie auch gesehen, ist mir aber noch kein so suptile kupferstuecke vorgekommen als ich tzehn mal kleiner und suptiler bildlein aus oellfarbe da sahe. Sonderlich eines einer mittelmesigen hand gros, auf dem war der kalender des gantzen jares, igliches tages heiligen mit seiner Historig,

in десятках, если бы не пошлина⁵³⁸ и плата за проезд. Я договорился обо всех делах с этим Художником в его лавке в Иконном ряду⁵³⁹, но однажды, когда его жена должна была скоро родить, он очень приглашал [1215] меня <1585. Aprilis> к себе домой, так что я пообещал посетить его в воскресенье, так как мы праздновали [его], не обращая внимания на обычаи жителей.

Итак, я отправился к нему в воскресенье Judica⁵⁴⁰ на санях. Он дружелюбно принял меня, оказав мне честь [и угостив] обедом и питьем⁵⁴¹, показал мне драгоценнейшие иконы, какие только могут быть найдены в мире. Он их много принес из церквей, монастырей и Великокняжеской казны⁵⁴², за [рассматриванием] которых я провел время от обеда до вечера, потом поехал снова на Гостинный двор, а Господа проводили время у немцев.

Ни один народ не рисует таких изящных вещей, как Московиты⁵⁴³. Это невозможно описать. За иконку, которую носят на шее, шириной и длиной едва в два пальца, приблизительно такой величины [платят] 100 талеров⁵⁴⁴ только художнику, но если рассудить, то это недорого, так как они пишут людей, комплекция которых и все в такую величину, как стоит штришочек, и все, собственно, так выделано, что они не упускают ничего в маленьком размере, что имеется в большем. Такого типа медных вещичек каждый видел много, и я видел их тоже, но мне не доводилось встречать таких изящных медных вещичек⁵⁴⁵, как я видел там, – в десятки раз меньших – и изящных иконок масляными красками. В особенности одна со сред-

datzwu[1216]schen <1585. Aprilis> die sontags ewangelien samt der gantzen passig, welches maelwerk mer dan tзве tausend taler gekostet hat, und ich ge-leubes. Darume ist ihre moelereie das gröste wunder in ihrem lande.

Dies bilder schauen hette schier unser etliche ums leben gebracht der ursache, das bei leibes verluet geboeten war, keinem fremden ohne sonderlichen uhrlob und Statdiener ins Schloes tzutretten oder aufzunemen. Darume wart ich verspehet, wie ich schon ausem Schlosse fuer. Mir mochte man nichtes sagen, dann ich rhan geschwinde heraus und war der meinunge, das, wie mir freiheit war geben, in der statt ume tzugehen, also desgleichen frey war im schlosse. Nach meinem abscheit aber nam man den Maeler, eine erbare und reiche pers-hon, mit grosser ungesteumicheit aus seinem hause und legten ihn gefenglich.

Aufn morgen am 8. Aprilis, O guettiger Gott, wie groes bewies sich da deine Vetterliche liebe jegen mich deinemm nichtigen kinde. Da sahe ich, Herre, das den du bewarest, stehett hinder einer spinwebe wie hinder einer eysenen thuere. Wir lesen vom Heiligen Priester Felix, da ihn tzur tzeit der verfolgunge des Stathaltters diener mit ungesteumicheit sucheten, funden sie ihn nicht ihm hause, sonderen traffen ihn auf der gase ahn, doch verblendte Gott ihre Augen, das sie ihn nicht erkannten und selbest [1217] fragten, <1585. Aprilis> ob er ihn nicht gesehen hette. Er fragte sie wieder, was gestalt der Felix were, welchen sie sucheten (und recht gefraget, dan keiner siet seine eigne gestalt), es verdros ihnen aber tzuseumen, lieffen derhalb weiter. In der tzeit verbarg sich der Heilige in einem winckel der gasse, in welchem ihn

нюю кисть руки: на ней был календарь на целый год, святые каждого дня со своим житием⁵⁴⁶, [1216] к тому же <1585. Aprilis> воскресное евангелие со всеми страстями⁵⁴⁷, роспись которого стоила более двух тысяч талеров⁵⁴⁸. И я верю этому. Поэтому их живопись представляет великое чудо в их стране.

Осмотр этих картин едва не привел некоторых наших к гибели из-за того, что под угрозой смерти любому иноземцу запрещено входить или быть принятым в Замок без специального разрешения и Городского пристава. Поэтому я припозднился, когда выезжал из Замка. Мне не могли ничего сказать, так как я выбежал очень скоро и полагал, что коль скоро мне была предоставлена свобода передвижения по городу, то так же свободен я был и в замке. Но после [моего] отбытия художника, человека почтенного и богатого, стремительно забрали из его дома и заточили [в тюрьму].

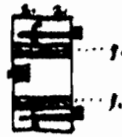
Утром 8 Апреля. О, Боже милостивый, как велика оказалась тогда Твоя Отеческая любовь ко мне, Твоему ничтожному дитяти. Тогда, Господи, я увидел, что тот, кого Ты оберегаешь, стоит за паутиной, как за железной дверью. Мы читали о святом священнике Феликсе⁵⁴⁹, когда во времена преследований слуги Наместника неумоимо искали его, они не нашли его в доме, а встретили на улице, но Господь ослепил их Глаза, и они его не узнали и спрашивали его самого, [1217] <1585. Aprilis> не видел ли он его. Он переспросил их, как выглядел Феликс, которого они искали (и правильно спросил, так как никто не видит собственного облика), им стало досадно из-за задержки. И поэтому они побежали дальше. Тем временем Святой спрятался за углом улицы, там

von stundahn eine spinne mitt ihrem webell verdeckte. Das, da den suchenden von einem Heyden die stelle gewiesen wart und sie den spinwebel dafoer sahen, auf den weisenden tzornig warden sprechende, eine fliege solte wol den spinwebel tzureissen, sey geschwiegen was Felix vermochte. Daher spricht man. Bey wem Gott ist, wirttzur mewr spinwebel. Bey wem er nicht ist, wirt die mewr spinwebel. Gleich diesem, nicht ohne sonderlich mirakl Gottes, welchen ich da in noth bey mir fandt, ergings mir an vorgetzeigetem tage. Dan die-weile ich aus meines Herren geboth unter den kramen in der Statt ume ging und schuld einnam, fuerte man denn maler heßlich in ketten gespannt in denn karwasar, mich tzuerkennen. Sobaltte ich tzum karwasar kam und ihn verschlossen fandt, wunderte mich solch ungewonlich verschliessen, dachte aber, es were einem was gestoelen oder etwan einer betrogen, den so verschleust man ihn. Da mir aber das gelt schwer tzutragen war, klopfete ich mitt unsteumicheit an, das man mich muste einlassen. Ein mechtig gros wunder! sie liessen mich ein, und war bey dem thore sex statdiener, die mich alle kanten, dennoch erkantte mich da keiner, sahen [1218] alle <1585. Aprilis> von mir mit abgewendetem angesichte nach dem Maeler, welcher mitt grossem rumor und tzulaufe wart gefuert von einem krame tzum anderen vom thore nach der rechten handt, und muste ein jederr herfuertreten und sich beweisen, das ihn der Maeler erkante, welcher den auch meinen namen (aus göttlichem verhengnuesse und tzu meinem gelucke) in derr truebsal gar vergessen hette, und ob man ihm gleich unser aller namen ertzehlte, auch meinen darunder gedachte, sprach er, es were noch ein ander name. Da ich ins thore kam, fragte ich die Schergen, was der aufruer bedeutete, aber sie rekten alle

его в тот же момент паук накрыл своей паутиной. Так что, когда один Язычник указал преследователям на это место, то они увидели перед собой паутину, и разошлись на доносчика, говоря: должно быть, муха разорвала паутину. Умолчим о том, в каком состоянии был Феликс. Поэтому говорят: «С кем Бог, тому паутина становится стеной, с кем Его нет, тому стена становится паутиной». Подобно этому, не без особого чуда Господня, которое я испытал на себе, находясь в беде, случилось и со мной в вышеуказанный день. Так как, когда я по распоряжению своего Господина ходил по лавкам в Городе и собирал долги⁵⁵⁰, художника, отвратительным образом закованного, везли на Гостинный двор, чтобы опознать меня. Когда я пришел на Гостинный двор и обнаружил его запертым, я удивился такому необычному закрытию, но подумал, что у кого-то что-то украдено или как-нибудь кто-то обманут, что его так заперли. Но так как мне тяжело было тащить деньги⁵⁵¹, я настойчиво постучал туда, чтобы меня впустили. И, о великое чудо! Они меня впустили, и у ворот было шестеро городских приставов⁵⁵², которые [1218] <1585. Aprilis> меня знали, но ни один из них меня не признал, все они с равнодушным видом смотрели мимо, на Художника, которого с ужасным шумом и гамом водили от одной лавки к другой с правой стороны ворот, и каждый должен был выходить оттуда и показываться, чтобы Художник его опознал, который в горе совершенно забыл и мое имя (по божьему промыслу и к моему счастью), и когда ему тотчас перечислили все наши имена, и мое в том числе, он сказал, что это было другое имя. Когда я вошел в ворота, я спросил Приставов, что значит все это вол-

die heiser aus nach dem maeler und antwortten mir nichtet, da doch sonst ihr liebstes gespreche nur mit mir was.

Mitt dem Maeler giengen sie schon die stueben vorbey und wendten nach derr kuchen wertz, naheten auch tzu unserem krame. Den Herren fandt ich vor dem Ambar oder krame mit einem gelt tzelende, der von ihm nicht wenig gekauffet hette, so brachte ich auch nicht wenig mitt mir, welches ich baltte in den kram warf und tzum herren trat fragende, was das rumor deutte. Der Herre vertzehlte mich in turkischer sprache, weme sie sucheten, da ich ihm aber antwortte, das ichs war, versterte er von grossem schrecken, darume merkte der Moßkwittersche kaufmann, was wir geredt hetten, riett derhalb meinem Herren, das ich ihn ein fas kroechte, [1219] er <1585. Aprilis>x> woltte mich obene mitt seide bedecken, welches dem Herren alles gefiel, ich aber foerchte mich spottes, darumme woltte ichs nicht thuen, sonderen batt, das sie nur so tzusamen vorm krame saessen unde mich daihne mein foertel sehen liessen. Wie ich gieng in meinem weittenn gefuetterten umnems rocke, stieg ich mitt den tzeen aufs tzwer holtz, welches die thuere tzusammen heltt, nach deutunge No. 1 und mitt den fingern hengte ich mich oben an die thuere nach tzeugungunge No. 2.

Ein gros wunder Gottes, alle kantten mich, dan keiner untter allen fremden stach ihnen mer in den augen als ich, dennoch fragte damals keiner nach mich meinen Herren, wo ich were, und wie sie darnach mit verwunderen bekanten, das keiner an mich gedacht hette, da sie doch sonst gemeine meiner gedachten. Sie kamen tzu meinem Herren, der stellte sich mitt gedachtem kaufmane so geschafftigt, das er sich nicht die tzeit lies, in den kram tzuehnen, sonderen sagte den

nenie, no vse oni vytjanuli golovy v storonuхудожника и ничего мне не ответили, хотя раньше разговаривали со мной любезнейшим образом.

Они уже обошли с Художником избы и повернули к кухне, приближались и к нашей лавке. Господина я нашел перед амбаром⁵⁵³ или лавкой с кем-то считающим деньги, кто купил у него немало. И я принес немало с собой, что я быстро бросил в лавке и подошел к господину, спрашивая, что значит весь этот шум. Господин рассказал мне по-турецки, кого они искали. Когда же я, однако, сказал ему, что это был я, он оцепенел от великого испуга. Поэтому московский купец заметил, что мы разговаривали, поэтому крикнул моему господину, чтобы я забрался в бочку⁵⁵⁴, [1219] он <1585. Aprilis> хотел сверху накрыть меня шелком, это все понравилось Господину, я же боялся насмешек над собой, поэтому не хотел ничего делать, но просил лишь, чтобы они все вместе сидели перед лавкой и смотрели на мои фортели. Как я ходил в моем широком, обрамленном мехом платье, я на десяти [пальцах] поднялся на деревянную притолоку, которая держит двери, по рисунку № 1⁵⁵⁵, и повис сверху на двери на десяти пальцах по рисунку № 2.

Великое чудо Господне, все знали меня, потому что никто не попадался им на глаза чаще, чем я, тем не менее никто тогда не спросил обо мне у моего Господина, где же я; и как они потом с удивлением признались, что никто обо мне не подумал, так как они были обо мне другого мнения. Они подошли к моему Господину, который представился настолько занятым делами с указанным купцом, так что у него не было времени идти в лавку,

Schergen, das sie selbst gingen unde sucheten, es were niemand daihne (verstehe diese Schergen sein gemeine vom Adel, untter welchen etliche armuthshalbe dem Schlosse dienen, die anderen muessen tzur buesse dienen).

Es dauchte ihnen ein grosses, das ihnen der Herre den kram vertrauete, uber welchen reicher in der Moßkaw nicht wahr, da man sonst ungerne einen uber die schwelle lest. Darume ermante einer den anderen, das sie sich höfflichen darinne hielt[1220]ten. <1585. Aprilis>x> Also tratten ihrer sexe hinein, die schaueten untter die bancken und in die winckel. Einer aus ihnen ruerte die thuere so ser, das er sie fast tzuthaette, und sich ahn mich rieb, dennoch wart er meiner nicht gewahr, darnach machete er die thuere so geschwinde auf, das ich mich nicht mehr erhalten mochte unde mit einem gepoltter auf die fuesse fiel, welches mich erst erschrekete, dan tzufoer forchtte ich mich nicht als ein unschuldiger und der moßkwitters grobes recht nicht wuste, nur das ich mich dem Herren tzugefallen verbarg. Da wieder die Schergen das gepoltter hörten, warden sie uneinich und stoes einer den andern ausem krame auf jenen scheldende, als hette er mit seiner grobheitt was herunder geworfen und schaden gethaen.

Da sie also niemand funden, fuerten sie den betruetzten maler in jehnen grossen schweren kethen tzu schlosse in die gefengnuese. Das folk wart auch ausem Karwasar getrieben und tzugeschlossen. Da ging mein herre heimlich tzurathe, was mitt mir tzu thuene were. Gott wolle es ihn und alle den ihrigen tzu ewigen tzeitten lohnen, es waren da in die tzwanzig vorneme kaufherrnn aus Poelen, diese alle, da sich ihnnenn unmuéglich dauchte, mich beim leben tzubehalten, warden sie so bitterlich weinende als hetten sie schon meinen thoet angesehen. Steffan von Kiow war bey

но сказал Приставам, чтобы они шли сами и искали, там внутри никого нет (представь, эти Приставы – обычно из Дворянства, некоторые служат в Замке из-за бедности, другие должны служить в качестве наказания).

Им показалось большой [честью], что Господин доверил им лавку, богаче которой в Москве не было, так как в иных случаях их очень неохотно пускают через порог. Поэтому один предупредил других, чтобы они вели себя там прилично. [1220] <1585. Aprilis> Итак, шестеро из них вошли, они смотрели под лавками и по углам. Один из них двинул дверь так сильно, что он почти закрыл ее и задел ею меня, но меня не обнаружил. Потом он открыл дверь так быстро, что я не смог больше удержаться и с грохотом упал на ноги, что меня испугало впервые, так как раньше я не боялся, как невиновный, и не знал грубого права москвитов, я прятался только, чтобы угодить Господину. Когда Приставы слышали грохот, у них произошла размолвка, один выталкивал другого из лавки, ругая, что тот своей грубостью что-нибудь сбросил и нанес ущерб.

Так как они никого не нашли, они отвели огорченного художника в тех же огромных тяжелых цепях в замок в тюрьму. Народ выгнали из Гостиного двора и заперли [его]. Тогда мой хозяин стал тайно решать, что же со мной делать. Да благословит Господь Бог его и всех его [близких] на вечные времена, тогда там находились двадцать знатных купцов из Польши, все они, когда им показалось невозможным сохранить мне жизнь, горько оплакивали меня, как будто уже были свидетелями моей смерти. Стефан из Киева присутствовал на этом совете,

diesem ratschlage, ich aber saes im [1221] krame <1585. Aprilis> verschlossen, dieser bewies sich daemals so trewe, das er gantz vor mich begerte tzu sterben, bin auch des gewisse, das er solches alles one tzweifel bewiesen hette.

Tzuletzt wart ich da auch tzu ihrem ratschlage berueffen, welcher mir gar nicht gefiel, dan sie erdachten eittel forteile, die sich nicht fuegen wolten jegen deme, das mich die gantze Moßkaw kante und noch datzue heutthe geseen hette. Darume batt ich sie, unbemuet tzuseinn, und bloes bekennen, was geschehen was. Dan ich traueete Gotte, als ein unschuldiger errettet tzuwerden, tzumale da der Godonow, welcher mer im Lande geboet dan der Großfuerste selbst, mir gar tzugewoegen war. Datzu hette der Großfuerste seine Tochter oder Schwester, welcher dan so grob von sinnen was, das Godonow alles selbst muste versehenn. Hette man mich im krame gefunden, freylichen were ich mitt schande und schmach tzu Schlosse trieben, dieweile man da mitt solchen gar groeb und unverschamt handelt. Da ich aber sahe, das mich Gott so wunderbarlicher weise vor ubel behuette, traueete ich ihm weiter tzu. In suma, ich brachts datzu, das die Herren so fiele ihr aus Poelen waren, tzusammen schwueren, das mein schade ihrer aller schade sollte sein, so mir unrecht wiederfuere. Auch das sie mitt dem Könige dreuten, so man mir wolte pein anlegen oder tötten. Also schicketen die Herren einen Schergen tzu Schlosse, und kuen[1222]digten, das, wenchenn man suchete, schonn vordanden were, nur das man die stunde sagte, wen er vor gerichte sollte komen, batten auch, das der Karwasar offen stunde. Also hies man den Karwasar aufmachen und mich morgenn tzwoe stunden aufn tag stehen.

я же сидел запертым [1221] в лавке. <1585. Aprilis> Тогда он показал себя настолько верным, что хотел бы умереть вместо меня, и я уверен, он доказал бы это без всякого сомнения.

Наконец и меня призвали на их совет, который мне совершенно не понравился, так как они придумали всякие фортели, которые не могли быть осуществлены с тем, кого знала вся Москва и которого к тому же видели сегодня... Поэтому я просил их быть невозмутимыми и лишь признать то, что случилось. Я так доверял Богу и, как невиновный, надеялся быть спасенным, да и Годонов, который в стране распоряжался больше, чем сам великий князь⁵⁵⁶, был ко мне очень расположен. К тому же у великого князя была [женой] его Дочь или Сестра⁵⁵⁷, сам же он был столь слаб умом⁵⁵⁸, что обо всем должен был заботиться Годонов. Если бы меня нашли в лавке, меня бы, без сомнения, с позором и оскорблениями привели бы в замок, поскольку с такими там обращаются грубо и бесстыдно. Когда же я увидел, что Господь таким чудесным образом спас меня от гибели, я доверял ему и далее. В итоге я добился того, что Господа, сколько их ни было из Польши, все вместе поклялись, что моя беда должна быть их общей, если меня осудят несправедливо. И также что они будут угрожать Королем, если меня будут пытать или убьют. Итак, Господа послали Пристава в замок и объявили, [1222] что человек, которого ищут, уже обнаружен, пусть только укажут время, когда он должен явиться на суд, и просили также, чтобы Гостиный двор был открыт. Итак, приказали открыть Гостиный двор, а мне завтра в два часа пополудни явиться в суд.

Am 9. Aprilis versamleten sich alle ausem Polerlande tzusamen, gros und klein, Herr und knecht, in die achtzig pershonen, und ordenten sich in eine procesig tzu dreien, namen mich untter sich und gingen so aufs beste geschmucket tzu schlose mitt solchem tzulauffe des folckes. Wir verhoeffeten, das uns der Großfuerst begerte tzusehen, darume schmueketenn wir uns so. Man fuerte uns in die Kantzeleie. Da sas der gantze Fuerstliche (aber wie sie sprechen, Keyserliche) Rahtt so lege wie sonst bey uns die weiber auf derr schwele. Und das darume, das es eine schwertze stuebe was, wiewol sie gemewrt und gewelbet war, dennoch hette sie nur ein schmöcher owen. Da ich untter diesen Herren den Godonow und sonst etliche guenstige ersahe, verging mirr alle foerchte und loebte Gott in meinem hertzen. Ich dregte mich ungeruefen foer, dan die Herren aus den unseren wolttten ertzelen und wuestenns nicht tzumachen. Darume tratt ich foer mit gewoenlichen tzeremonien, grueste sie, batt um urlob tzureden, welches, [1223] da <1585. Aprilis> mir gestattet wart, ertzelte ich alles warhaftig, das sich tzuwueschen mir und dem maler tzugetragen hette. Man brachtte auch den maeler in seiner grossen kethe und huefeysen, gar verblichen, dan er wart gemerttert. So baltte ich ihn ersahe, grueste ich ihn freundlich mitt verwunderunge der Moßkwitter. Ich aber begunte förchtsam werden, da ich sahe, das man den maler so grausam ubel hielt und so schwer gepeinigt hette, das er nicht stehen mochte, datzu laute stente. So merkt ich auch an dem Godonow, das, so baltte ich mich erklerte, derselbe tzusein, er hertzlich betruedt wart, begunte sich auch jegen mich gar fremd tzustellen, hette auch sonst fiele tzeichen, die mich engstigten.

9 Апреля собрались все из Польской земли, все вместе – оптовики и розничные [торговцы], Господа и слуги числом 80 человек⁵⁵⁹, и построились в процессию по три человека, захватили с собой и меня, и отправились в наилучших нарядах к замку при огромном стечении народа. Мы надеялись, что Великий князь захочет нас увидеть, поэтому мы так и разделись. Ввели нас в Канцелярию⁵⁶⁰. Там уже сидел весь Княжеский (или, как они говорят, Царский) совет⁵⁶¹, такие толстые, как у нас беременные женщины. Это была темная, хотя и каменная, и побеленная комната, все же там была лишь дымившая печка. Когда я среди этих Господ заметил Годонова и некоторых благорасположенных [ко мне] людей, у меня исчез страх, и [я] возблагодарил Господа в своем сердце. Я протиснулся незванным вперед, так как Господа из наших хотели рассказать и не сумели этого сделать. Поэтому я выступил с обычными церемониями, поприветствовал их, попросил разрешения взять слово, [1223] что <1585. Aprilis> и было мне разрешено, правдиво рассказал все, что произошло между мной и художником. Привели и художника в его огромных цепях и железах, совершенно побледневшего, так как его пытали⁵⁶². Как только я его увидел, я дружелюбно поприветствовал его, к большому удивлению Московитов. Но и я начал побаиваться, так как видел, как чудовищно жестоко обращались с художником и как тяжело его мучили, что он даже не мог стоять, да еще громко стонал. Я заметил также по Годонову, что, как только я объявил себя тем самым, [кого искали], он искренне расстроился и стал вести себя со мной, как с незнакомым, кроме того, были и другие признаки, которые меня пугали.

Man fragt den Maler, ob ichs dann wer, er sagte ja, da gebott man mir, das ich von neuwes form maeler ertzehlte unsern handel. Da auf solchs der maler sprach, dem allen were soe, hies man ihn in die gefengnuse furen und einen pfaffen rueffen, schrien im nach mit scheltworten, du betrieger und keyserlicher mörder. Der Keiserr hat dich auß sonderlicher lieb untter uns edelleute tzu schlosse getzogen, und du heigest die bilder aus Keiserlichem schatze und schleppest Poelen ohne Beisteher (oder Schergen) tzu Schlosse, nicht one argwon Keiserliches lebennds. Mich fragte man auch, ob ich nicht mitt vertereereye umegeunge oder nicht die bilder mitt gieft geschmiert hette, wes [1224] ich <1585. Aprilis> mich entschuldigte. Dennoch wolttten sie entlichen, das ich in die gefengnuse geunge. Da drengten alle polnischen Herren mitt einem schrecklichen und schreienden getuemel tzu sprechende, es were nichts anders, nur das man Konigliche Mayestat tzu Polen ein posse riese und von seiner Mayestat so schentlichen hielt. Dieweile man Konigliche underthanen so verdecktlich hieltte, soltte man ihren schuldigern gebietete, ihre schuldt tzutzalen, so wolttten sie dieselbe stunde ihre Moßkaw reumen. Und hetten uns nicht dörben ausem lande gehenen. Was vor glubnusse des Großfuerstens ist dis, sprachen sie, das man dem Konig tzugesagt hatt, seine Kaufleitte tzu schutzen und schiermen, da man sie in stetiger gefengnuse helt und umb kinderwerk triebuliert, diese rede hielt Manuelo aus Kiow, ein ansehlicher Armernier untter den Moßkwiternn, buertig aus Kaffa, ser beredt und mein grosser freundt (der mich alle morgen tzu mich anpochende weckete, dan ich lag alleine im krame und die Herren in der stuebe. So hette dieser gewonheit, frue aufzustehenn). Tzuletzt nach Tuerkischer weise knasterte er mitt den tzeihen,

Спросили Художника, тот ли я самый, он ответил: «Да», тогда мне приказали еще раз рассказать о нашем деле перед художником. После того как художник сказал, что все было так, велели отвести его в тюрьму и позвать священника, кричали ему вслед ругательства: «Ты обманщик и царский убийца»⁵⁶³. Царь из особой милости вытащил тебя в замок наряду с нами, знатными людьми, а ты утаиваешь иконы из Царской казны и тащишь поляка без пристава (или Schergen) в замок, не без опасений за царскую жизнь». Меня спрашивали, не замыслил ли я измены и не поливал ли я иконы ядом⁵⁶⁴, от чего [1224] я <1585. Aprilis> отказался. Тем не менее в конце концов они пожелали, чтобы я отправился в заточение. Тут двинулись все польские паны со страшным шумом и криками, говоря, никак-де его Величество Польского Короля держат за дурака и столь его Величество бесчестят. «Если Королевских подданных считают такими подозрительными, то их должникам следует повелеть срочно заплатить долги и они тотчас покинут вашу Москву. И нет права вышибать их из страны. Что это за обещание Великого князя, – говорили они, – которое было дано их Королю, беречь и охранять их Купцов, что их держат в постоянном заточении и мучают из-за детской чепухи»⁵⁶⁵, – эту речь держал Мануйло из Киева, почитаемый среди Московитов Армянин, уроженец Каффы, очень красноречивый и мой большой друг (который каждое утро будил меня стуком, так как я лежал один в лавке, а Господа – в избе. У него была привычка рано вставать). В конце он по турецкому обычаю скрежетал зубами, с силой швырнул шапку на землю, разорвал кафтан до пояса, говоря: «Увы, увy нам, что мы

Schmies den huet mit gewaltt auf die erde, rieß den rok vom halse bis tzum guertel auf sprechende: weh, weh uns, das wir uns jemahls mit diesem unmenschlichen lande besudelten.

[1225] Solche <1585. *Aprilis*> geberde des Manuelen, von welcher den die gantze Moßkaw fiele hielt, war grausam anzusehn und machette beyde seiten förchtsam. Wir förchtten uns, das vor gerichte solche dreistigkeit nicht ein neues uebl brächte, der Raht wider dachte, das ihm was sonderliches vom Könige eine solche dreistigkeit machette. Dennoch fieng Godonow plötzlich an tzureden, etlicher masen ertzörnt, mitt solchen wortten. Manoelo, deiner unverschamten dreistikeitt in Keiserlichem angesichte begangen, sein wir selbst schuldig, des Gott und dem Heiligen Niccoiao erbarmen muesse. Du hast dich versehen und gemeint, du saesst mitt mir uber den Shachen, und nicht daran gedacht, das du itzt nicht vor Godonow, sonderen vor Keiserlichem rechte stehest. Scheme dich, das du solchen tzweywel jegen unser vernuenft bewiesen hast, oder westu nicht, das wir alletzeit mitt den Fremden gemechlicher handeln dan mitt den unsern. Hat dich mein trauriges angesichte ursache tzu solchem hoffertigen tzoerne geben, das ich nach gewonter weise itzt keine freundlicheitt jegen dier beweise, bedencke, so du vernuenft hast, du west wol, wie fiele ich von dem Bueben halte, welchen ich vor mich sehe wie einen ubertretter des starcken Keyserlichen geboets, wie kan ich frölich sein, meinen soen in der letzten noett sehende.

Inn solcher rede fiel immer Manoele garr ertzörnet, tzumale do ihm die hofart tzugerechent wartt, aber die Herren legten sich mitt gelimpflicheitt darein, [1226] fielen <1585. *Aprilis*> dem Rhate

некогда замарались в этой бесчеловечной стране!»

[1225] На подобное <1585. *Aprilis*> поведение Мануйлы, с которым вся Москва считалась, было очень тяжело смотреть. Обе стороны от этого испугались. Мы боялись, как бы такая решительность на суде не принесла нового несчастья; совет же, напротив, думал, что столь решительным его делало какое-то королевское отличие. Тем не менее Годонов, слегка разгневанный, неожиданно начал говорить так: «Мануйло, в твоей непристойной дерзости, учиненной в присутствии [советников] Царя, мы виноваты сами. чего упаси Господь и Святой Николай. Ты опознался и полагаешь, что сидишь со мной за Шахматами⁵⁶⁶ и не подумал о том, что ты стоишь не перед Годоновым, но перед Царским судом. Стыдись, что ты вопреки нашему разуму высказал такие сомнения: или ты не знаешь, что мы всегда поступаем [по отношению] к Иностранцам более гостеприимно, чем [по отношению] к своим. Или мое печальное лицо дало тебе причину для такой высокомерной злобы? Подумай, что я не обнаруживаю [по отношению] к тебе обычной доброжелательности, обдумай это, если ты разумный человек. Ты прекрасно знаешь, как хорошо я отношусь к Парню, которого вижу перед собой в качестве человека, преступившего строгий Царский запрет. Как я могу радостно созерцать моего сына, находящегося накануне смертного часа?!»

Мануйло, все еще совершенно рассерженный, прервал эту речь, так как ему приписали высокомерие, но Господа примирительно вмешались, во время повалились в ноги⁵⁶⁷ [1226]

tzu rechter tzeit tzufuese und stielten die sache, doch mitt hellem geschreye. Ich trat tzum Godonow und fiel ihm tzu fusse danckende, das er sich nicht schemte, so ein grosser Herre wie derr ander Keyser, mich einen Sohn tzunenen. Batt durch Gott, das er sowol thate und tzu Keyserlicher Mayestat ginge, meinentwegen wegen solcher ubertretunge um vertzeiunge bathe, das auch Ihre Mayestat nicht von mir solche straffe anfinde, sondern die aufgeheberte ruthe als mein Allergnedigster Keyser nieder legte, mich nicht anders tzu dachte, nur wie jehnem, welcher Ihrer Keyserlichen Mayestat ewige gluckselicheit gunet etc.

Also ging der frome Godonow samt sonst tzuween Herren tzum Grobtfuersten, vonn welchem er nach einer stunde mit guter bottschaft kam sprechende. Wiewoll sich Keyserliche Mayestat wegen dieses juenglinges billich tzu ergern hatt, tzumale da sich sein Herre auch nicht unlengst aufm tzole unrecht bewies. Datzu wes, das offentlich außgeruffen recht wiedertzuruffen untter der gemeine nicht one ergernuesse und schaden abgeht, dennoch aus sonderlicher gnaden ubersieht Keyserliche Gnaden diese ubertretunge, erlests, daduerch beweisende, das Keyserliche Gnade Koniglicher gnade tzu Poelen Untertthane nicht so unachtsam helt, wie man vor ihm heltt oder sagett.

[1227] Nach <1585. Aprilis> solcher gnade ertzeltunge dancketenn alle Herren fleissig mitt grosser wuenschunge und tzeremonien Keyserlichen Gnaden nach des landes sitten. Darnach warden sie frölich unter einander und vertruegen sich aufs beste. Da sie aber nachm Karwasar wendten, wolte mich Godonow nicht mitt ihnen lassen, sonderen

<1585. Aprilis> совету и успокоили дело, правда, с громким криком. Я по дошел к Годонову и повалился ему в ноги, благодаря за то, что он, такой великий Господин, как любой другой Кейзер, не постыдился назвать меня «Сыном». Просил его ради Господа, чтобы он так же сделал и отправился ради меня к Царскому Величеству просить прощения за меня в связи с нарушением [запрета], чтобы Его Величество не приказал наказать меня таким образом, но чтобы Всемиловейший Царь повелел выпороть меня отмененными [советом] розгами, и чтобы его Милостивый государь думал обо мне не иначе, как лишь о таком, который желает Его Царскому Величеству вечного счастья и пр.

Итак, благочестивый Годонов пошел с двумя другими Господами⁵⁶⁸ к Великому князю, откуда через добрый час вернулся, неся добрые вести. «Хотя его Царское Величество легко начинал сердиться из-за этого юноши, тем более что совсем недавно его Господин пропгграфился на таможне, к тому же знай, что повторное объявление открыто провозглашенного передо всеми права не обходится без злобы и убытка, тем не менее из особой милости Царская Милость смотрит сквозь пальцы на это нарушение, прощает, доказывая тем, что его Царское Величество не оставляет без внимания Подданных его Королевского Величества Польши, как о нем думают и говорят».⁵⁶⁹

[1227] После <1585. Aprilis> расказа о такой милости, все Господа старательно и с большим рвением и церемониями поблагодарили Царскую Милость⁵⁷⁰ по обычаям страны. После этого все стали радостны и лучшим образом помирились. Когда же они отправились на Гостиный двор, Годонов не хотел меня отпустить

befohl mich, bei ihm tzubleiben, er worde ihnen auf die fuesstapfen folgen und mich mitt sich in den karwasar bringen. Auf solches rief Steffan, aber nicht lebendig, und wiewol Godonow sagte, behuette Gott lebendig und gesundt wil ich ihn dem Bogdane geben, dennoch hetten sie alle einen argwon von solchem begeren und erhueb sich ein gros gelautt von neues. In deme fragte mich Godonow, ob ich nach den Heren wolte einhalb stuendlein vertzien, mich dauchte nichts anders tzusagen nur jah, wiewol mich dies bleiben nichtes guttes dauchte, dennoch vertrauete ich dem Godonow fiele. Nachdem aber die herren meiner gesuntheit halb versichert waren, wendten sie tzum karwasar und ich blieb aufm schlosse, dennoch beengstiget doch unmerklich, aberr Gott der Allmechtige verwandelte da gar mein trauren in freude.

Dan da sie nach abtriet unser Herren den maler gar tzum thoette wolten verurtheilen in meiner jegenwerttigkeit, schaffete ich bey dem Rahte so fiele mitt bitten ahn, das die Herren das andermal hinauf tzum Großfuersten giengen und umb des Malers leben baeten, tzumale das die Großfuersten alle Paelm sontage ihrer eine gewisse tziel der gefangenen außlassen, auch die den thoett verschueldigt habenn. Solche meine heftige bitte wegen des [1228] Malers <1585. *Aprilis*> von mir einem fremden warr allen tzuhörenden Moßkwittern wunderlich und ser angenehme, warden mir auch deßhalb guenstig. Also werte mir meiner bitte nach des Malers leben, welcher solte abgehauett werden. Dennoch wart dem Hencker gebotten, das er ihm dreysig plag gebe mitt einer riemenen peitze. Deme und tzeen anderen, welche bey solcher straffe muesten tzu tzeuge stehn, verhieß ich saffian tzu stieweln samt anderem geschencke, das sie mit den schlegen gemechlich thaetten.

с ними, но приказал остаться с ним, он хотел последовать за ними и привести меня с собой на Гостинный двор. На это Стефан крикнул: «Но не живого». Хотя Годонов ответил: «Храни Господь, живого и здорового, я хочу отдать его Богдану», тем не менее у всех возникло подозрение из-за такого обращения, и снова поднялся шум. В это время Годонов меня спросил, не хотел бы я задержаться на полчаса после Господ. Мне не оставалось ничего иного, кроме как сказать «Да», хотя мне это пребывание отнюдь не казалось хорошим. Но я все-таки очень доверял Годонову. После того как пань полууверились относительно моего здоровья, они направились в Гостинный двор, а я остался, все же с опаской, хотя и незаметной. Но Всемогущий Господь превратил мое доверие в радость.

Так как после ухода наших Господ они в моем присутствии хотели приговорить художника к смерти, но я приступил к Совету с такими просьбами, что Господа во второй раз отправились наверх к Великому князю просить о [сохранении] жизни художнику, [уверяя] что Великие князья всегда в Вербное воскресенье⁵⁷¹ отпускают определенное число заключенных, в том числе и тех, кто совершил преступления, [наказываемые] смертью. Такие мои горячие просьбы за [1228] Художника, <1585. *Aprilis*> мои – чужеземца, были для всех слушавших Московитов удивительны и очень приятны, поэтому они и были по отношению ко мне милостивы. Итак, я обратился с моей просьбой о помиловании Художника, который должен был быть обезглавлен. Приказали палачу⁵⁷² нанести ему тридцать ударов ременной плеткой⁵⁷³. Ему и десяти другим, которые должны присутствовать при таких наказа-

Der Grosfuerste begerte mich tzusehen, da wies man mich ihm doch unwissenderr weise. Dan er samt seinem Freylein sahen von oben herab durch ein gegitter aus dem gemache bey dem schönen kirchlein, welches im schlosse (vor gemoelt) mitt No. 15 getzeichnet ist, und Godonow schertzte dieweile mitt mir, ehe er aufs roß tzuhaue saes vor der kantzley, welche getzeichnett ist mitt 13. Darnach fuerte er mich schon um Vesperßzeit nebens dem rosse tzu meinem Herren, tzu welchem er sich auch lies von haue essen bringen so fiele, das er uns sexe nebenst sich satt machete, und vertzehlete, wie ich auch den maeler erbetten hette, und lachte meiner, das ich nicht wueste, da er mich dem Großfuersten wies. Ertzelte auch erst treulichen, in was gefahr ich gewesenn was, und was Gott da mitt mir rechttschaffen wunders gethan hette. Mein Herre verehrte ihm einen kostlichen gueldenен czaprak untter den sattel, wolte ihn aber nicht, sonderen dieweile er ihm gefiel, gab er 30 gulden dafuer.

[1229] Am <1585. Aprilis> 14. Aprilis und Palmtage, sahe ich den Großfuersten das erste mal in einer procesige vom Schlosse aus S. Michels kierche tzurr Heiligen Dreyfaltigkeit in solcher ordnung. Ein altter hoger baum mitt seinen esten ann der wuertzel abgehauen, war auf einen schlietzel geheftett, das er aufricht stundt, alle seine tzweige waren mitt bletternn von weissem papiere in gruen wax getauchett beklebett und fol epffel gehengt. Der schliette war auch bis auf die erde mitt tebichten bedeckett und stunden untter dem baume fier knaben in schönen weissen kirchen kleidern, die sungен. Acht rosse tzogen den schlitten, wel-

ниях⁵⁷⁴, я пообещал сафьяна на сапоги⁵⁷⁵ и другие подарки, чтобы они умеряли удары.

Великий князь захотел меня увидеть, но ему показали меня незаметным образом. Так как он со своей супругой смотрел сверху вниз через решетку из покоя у маленькой церкви, которая в замке (как нарисовано) обозначена № 15. И в это время Годонов шутил со мной, прежде чем сел на коня, [чтобы] ехать домой, перед канцелярией, которая обозначена № 13. Потом уже во время Вечерни он отвел меня рядом с лошадько к моему господину, куда велел принести еды из дома, причем так много, что кроме себя он досыта накормил нас, шестерых, и пересказывал, как я вымолил и художника, и смеялся надо мной, что я не знал, как он показывал меня Великому князю. А также впервые честно рассказал, в какой опасности я находился, и что Господь проделал со мной настоящее чудо. Мой господин почестил его драгоценным шелковым чепраком под седлю⁵⁷⁶, но он не захотел его [принять], но, поскольку тот ему понравился, он дал за него 30 флоринов⁵⁷⁷.

[1229] <1585. Aprilis> 14 Апреля и в Вербное воскресенье я впервые увидел великого князя в процессии от замка из церкви Св. Михаила к Святой Троице⁵⁷⁸, [шествовавшей] в таком порядке. Старое высокое дерево с ветвями, обрубленное у корня, было укреплено на саях⁵⁷⁹ так, что оно стояло прямо, все его ветви были оклеены листиками из белой бумаги, обмакнутыми в зеленый воск, и сплошь увешаны яблоками. Сани были покрыты коврами вплоть до земли, а под деревом стояли 4 мальчика в красивом шелковом церковном одеянии, которые пели. 8 лошадей тянули сани, прямо за которыми следовала боль-

chem strax nachfolgte eine grosse schaer der Geistlichenn, alle tzu paeren ihn köstlichem mesgewande, und trueg iglicher ein kreutze, bild oder buch alles fol edelgestein und perlenn, diesen folgte der Großfuerste von weittens. Vor dem Großfuersten giengen bey tzehen paer, die spreitten von beiden seitten jegen ein ander stehende rocke aufn weg, fieleicht aus denen, die aus der gefengnuesse aufs fest erledigt waren. Über diese kleiderr ging der Großfuerste und fuerte bey einem tzuegel das roes, auf welchem der Mitropolit saes. Und wuesten die letzten mit ihren kleidern, nach deme das ros voruber was, die fördersten so tzueroelen, das dem grosfuersten alletzeit kleider untter den fuessen waren.

Der Groeßfuerste gieng in seinem Keyserlichen gewande, welches schniet was nach des landes gemeiner weise. Ein langes kleidt, von welchem bis tzu den soelen noch eine spanne lang bleibet, ist das oberkleid mitt ermeln, in welche sie, wie du aus diesem bilde verstehen [1230] kanst, <1585. *Aprilis*> beide armen stekken, und ist nicht uberig breitt, nur nach notturf eine altfrentsche tzierliche und erbare dracht. Die gemeine tragt am leibe wie die Poelen ein Supan, doch one kolner und mit pentlitzten gebremt, dieses kleid ist köstlich aus seidenem tuche, auch gueldenem stuecke. An statt des kolners verdecken sie den hals mitt einem steiwen* borten, eine handt breit von perlen, golde und gesteine gehaftet, der gehet forne gar tzue, also das der kien darinne lieget. In den ohren tregt iderman kleinöter nach beistehender gestalt, langlechtig und am grossen ringe.

шая толпа Духовных лиц, все по парам, в роскошных церковных одеяниях, и каждый нес крест, икону, или книгу⁵⁸⁰, все сплюшь [покрытые] драгоценными камнями и жемчугом. За ними в отдалении шествовал Великий князь⁵⁸¹. Перед Великим князем шло около десятка пар⁵⁸², которые расстилали на дороге с обеих сторон, стоя один напротив другого, однорядки⁵⁸³, вероятно те, которых ради праздника выпустили из темниц. По этим одеждам шел Великий князь⁵⁸⁴ и вел под уздцы коня, на котором сидел Митрополит. И последние со своими платьями бросались догонять передних, как только видели, что конь миновал их [одежды], чтобы у вели-

кого князя под ногами все время были платья. Великий князь шел в Царском одеянии, сшитом по обычаю этой страны. Длинное платье⁵⁸⁵, от подола которого до земли оставалась одна пядь, это верхняя одежда с горностаями, в которую, как ты можешь понять из этого рисунка, [1230] <1585. *Aprilis*> суют обе руки, но оно, впрочем, не шире, чем необходимо - старомодная⁵⁸⁶, изысканная и внушающая почтение одежда. Простые люди носят на теле, как Поляки, Жупан⁵⁸⁷, но без воротника, окаймленный лишь петлицами⁵⁸⁸, это одежда дорогая из шелковой материи с золотой нашивкой. Вместо воротника они прячут шею в полосатый бортик шириной с ладонь, с прикрепленными жемчужинами, камнями и золотом, который спереди сходит на нет, так что подбородок лежит на нем⁵⁸⁹. В ушах все но-

* *Следует читать:* streiwen.

Aufm höbte tragen sie wie bey uns eine kolbe und alle nur weysse schöne glate filtzhuette nach beistehender gestalt. Weib und Man gehn nur in stieweln meist rotter ferbe.

Der Großfuerste, welcher hie inn seinem vornemsten Keyserlichen geschmuecke fort tratt, hette einen uberrok von rottem tzamede, ringsume einer gutten handt breitt fleisig gehaftet mitt köstlichen perelen und gleissendem edelgesteine. Aufm höbte einen rott tzametten huet mitt tzoebeln unterschlagen, welche die Kuerßner ungleublich theuer schetzten und hielkten gewisse, das keine bessere in der welt waren. Aufm hutte trueg er eine gueldene Keiserliche kröne mitt einem kreutze ubertzwey, in welches mitte die welt mitt einemm kreutzlein stundt, nach aller gestalt wie man die Teutzen Keyser maelt. Diese war kunstreich gemacht und fol teurer edelgesteine setzt. In der rechten handt trueg er einen köstlichen schwertzen staef fol goltt und edelgesteine, bey deme gieng er, in der [1231] lincken <1585. Aprilis> wieder tzeppel vom roere tzusamen gebunden wie eine feder und am finger den tzuegel des rosses, welches mitt weisser lewent bedeket was, auch köpf und hals damite beneget, also das es mochte einen esel deuten. Aufm rosse saes der Mitropolit uber tzwerch beide fueße an einer seitte halttende in einem breitten schwertzen kardinaels huette mit hängenden tzoellen und segnete das folk mitt einem kleinen gueldenen kreutze in der handt. Sie seumten nicht uber einn vierttel stuende tzur Heiligen Dreyfaltigkeit, da wendeten sie wieder ins Schloes in vorgedachter ordnung. Ich war damals kaume tzwoe schritte vom

сят драгоценности по приложенному образцу, длинные и на больших кольцах⁵⁹⁰. На головах у них так же, как и у нас, чубы и у всех только белые красивые войлочные шапки, как на приложенном рисунке⁵⁹¹. Женщины и Мужчины ходят только в сапогах, большей частью красных⁵⁹².

Великий князь, который здесь выступал в своем самом торжественном Царском убранстве, был одет в верхнее платье⁵⁹³

красного стамеда⁵⁹⁴, тщательно украшенном на всех полах и концах драгоценным жемчугом и ярко блестящими камнями – полосой в широкую ладонь. На голове у него шапка⁵⁹⁵ красного стамеда⁵⁹⁶, подбитая соболями, которые Скорняки ценят невероятно дорого⁵⁹⁷ и уверенно считают, что на свете нет ничего лучшего. На шапке у него была золотая Царская корона с крестом наверху, в середине которой стояло яблоко с крестиком, все по образцу того, как рисуют Немецких кайзеров⁵⁹⁸. Она была очень искусно сделана и вся усажена многочисленными драгоценными камнями. В правой руке он держал, опираясь на него, драгоценный черный посох, украшенный золотом и драгоценными камнями⁵⁹⁹, [1231] в левой руке <1585. Aprilis> – пучок тростин, связанных вместе, как перья, и на пальце – поводья коня, который был покрыт белым левантином⁶⁰⁰, и голова и шея его были им обернуты, так что это могло обозначать осла. На коне сидел верхом Митрополит [Mitropolit]⁶⁰¹, держа обе ноги с одной стороны, в широкой черной кардинальской шапке со свисающими краями. Он благословлял народ маленьким золотым крестом [который держал] в руке. Они провели не более четверти часа у Святой Троицы и затем верну-

Großfuersten, war auch ohne Statknecht, dan wiewol mir das außgehen verboten war, erwarb mir Godonow wieder von diesem tage ahn.

Am Oster Dingstage sahe ich in wieder reittende, dan er riet in ein Monastier bettenn, stieg vor S. Barbern kirche vom rosse unde gieng hinein, da war er kaume drei vaterunser lang, stieg wieder jegen unserem Howe auf, darnach bey der anderen kierche wieder ab und von newes auf und riet ins felt. Hette damals reittende eine schlechte gueldene krone auf, da er aber tzuruecke kam, war er in einem gemeinem weissen hutte. Dieser Großfuerste mitt namen Fiedur war eine mittelmessige pershoen, mochte etliche und tzwanzig jaer haben, eine Taterse fisonomey, rundes angesichtes mitt engen, saurenn, halb toet-ten augen mitt karger vernunft.

Vergangene Faste erhaschete man ihm Karwasar tzwe groesse betrieger, einen mahn unde weib. Das weib war eine elende fettel, die hette sich in geliegene kleider schön außgeputzt, eine mutze mitt perlen boerten gebremt, am haelse ein perrein kolner, gueldene ringe auf [1232] den <1585. Aprilis> fingern, das angesichte weis unde roeth geferbet als eine der vornemsten eine, unde deuttet dies beistehende bild der moßkwitterschen weiber dracht. In der Moßkaw ists keine schande, das angesichte tzumalen, und ferbens aus den fornemsten, man unnde weib, auch der Groeßfuerste selbst alle tage, uns fremden hieltten sies vor eine grobheit, das wirs nicht thatten. Nun, gedachtes

лись в Замок в указанном порядке. Я был тогда в каких-нибудь двух шагах от великого князя, но был без Городского пристава⁶⁰², так как мне было запрещено выходить. Годонов меня разыскал и выручил с этого дня.

Во вторник на Пасхальной неделе⁶⁰³ я снова увидел его верхом на коне, он ехал молиться в Монастырь⁶⁰⁴, спустился с коня у церкви Св. Варвары и вошел внутрь, но пробыл там не больше трех «Отче наш»⁶⁰⁵, поднялся снова на лошадь перед нашим двором, затем снова спешился перед другой церковью⁶⁰⁶, снова вскочил на коня и уехал в поле⁶⁰⁷. Тогда, когда он скакал туда, у него на голове была плохая золотая корона⁶⁰⁸, а когда он возвращался, он был в обычной белой шапке. Этот Великий князь по имени Федор был человеком среднего роста, вероятно, несколькими годами старше двадцати, с Татарской физиономией, круглым лицом с узкими чистыми полумертвыми глазами, со слабым рассудком⁶⁰⁹.

Во время прошедшего поста на Гостином дворе поймали двух больших обманщиков – мужчину и женщину. Женщина была жалкой толстухой, она разоделась в пристойную одежду: шапку, окаймленную жемчужной по-

лосой, на шее – жемчужный воротник, золотые кольца на [1232] <1585. Aprilis> пальцах, лицо накрашено белилами и румянами, как у самой знатной⁶¹⁰; и этот приложенный рисунок изображает женскую одежду. В Москве не считается зазорным румянить и белить лица, и самые знатные – и мужчины, и женщины – раскрашиваются, и даже сам Великий князь каждый день. За то, что мы этого не делаем, нас, чужаков, считали грубия-

weib ersahe ihre tzeit, da es umb unse-
ren krham gedränge wart. Kam mit er-
baren sitten tzu meinem herren spre-
chende, sie woltt fiertzig lietter seide
nemenn, tzwanzig bar tzaelen, datzu
strax, nur das ihr die anderen tzwanzig
auf tzwoe wochen geborgt wurden, des
woltte sie klenöter tzu pfande geben, die
ich ihr nachfolgende sollte hoelen. Mein
Herre verwieligte in alles. Ich setzte sie
nieder, gab ihr brantwein tzudrincken,
legte ein hauffen seide vor sie, das sie
hette, wo ihne außtzu lesen. Mein Herre
an ihre pershon sehende befol mir, das
ich ihr nicht über dem halse stunde, nur
gedachte, wie fiele ich ihr voerlegte,
datzu war sonst ein geschrey vom
folcke. So hette dies Gottlose weib in ih-
rem korbe tzwanzig littern tzugerichte-
ter seide also. Sie hette flax töklein so
fleissig tzusammen gepresset nach aller
gestalt der seide und nur die höbtlein
mitt seide bewunden, auch den flax ge-
wickelt in pappiere, aus welchem seide
genommen was, und mitt demselben
tzwierne gebunden, das ihm an gestalt
der anderen seide nichtes abgieng. So
weltzte sie die [1233] seide <1585. *Apri-
lis*>> hin und heer bis sie den wexell
verbracht hette, da woltte sie tzalen, nur
das man ihr tzum geringsten eine lieter
tzugebe, da wir solchs nicht thuen wol-
ten, machete sie sich weg. In deme fiel
mir ein argwon ihn, das sie nicht etwan
eine verblekte lietter hette verwexelt,
dan das thuen sie ofte oder nemem rot
vor schwertz etc., also binde ich hastig
auf und finde den falsch. Falle ge-
schwinde aus dem krame und erjagte sie
vor dem thoere, fuerte sie beim perlen
koller vor meinen herren, da nam ich ihr
unsere seyde wieder und lohnte ihr die
arbeit, das sie mein ihr tage gedachte.

нами. Так, эта названная женщина
выбрала время, когда в нашей лавке
была толкотня. Подошла с умильным
видом к моему хозяину, говоря, что
хочет взять 40 литер⁶¹¹ шелка, 20 – за
наличные, причем тотчас же, но
только обязательно [при условии],
что другие 20 будут даны ей в кредит
на две недели, и она оставит в залог
этого драгоценности, которые в по-
следствии должен и принести⁶¹². Мой
господин согласился на все. Я усадил
ее, дал ей брантвейна, разложил пе-
ред ней гору шелков, чтобы у нее
было из чего выбирать. Мой госпо-
дин, глядя на ее внешность, приказал,
чтобы я не стоял у нее над душой, но
только помнил, сколько я ей всего
разложил. К тому же тут начался ка-
кой-то крик в толпе. Так эта Безбож-
ная женщина заимела в своей кор-
зинке 20 литер приготовленного шел-
ка. Она старательно сложила кипу⁶¹³
льна наподобие шелка, и только вер-
хушку обвила шелком, а также завер-
нула лен в бумагу от того шелка, от-
куда он был вынут, и дважды обер-
нула его и завязала теми же нитями,
так что по виду не отличить было от
других шелков. Она вертела шелк
[1233] <1585. *Aprilis*> туда и сюда,
пока производила замену, потом за-
хотела платить, если ей дадут одну
литру сверху⁶¹⁴. Но поскольку мы не
хотели этого делать, она удалилась.
Это вызвало только подозрение, не
сменяла ли она какой-нибудь литр
выцветшего шелка, как они делают
часто, или берут красный вместо чер-
ного⁶¹⁵ и т.д. Поэтому я быстро раз-
вернул и нашел обман. Быстро выбе-
жал из лавки и догнал ее еще до во-
рот, привел ее за жемчужный ворот-
ник к моему хозяину, забрал у нее
наш шелк и вознаградил ее за работу
так, чтобы она вспоминала обо мне
всю жизнь.

Aber gedachtter kerl kam tzum Joan des Mammowitzen diener in solcher gestalt. Sie, das ist er und noch einer, macheten sich tzu bruedern, untter denen hielt sich der eldste hastig und tzörnig, der juengste wieder gar sanftmuettig. Sie kamenn mitt einem schlietten in den karwasar als schon außfahrende leutte. Hette der jungste zwe secke an allem einer dem anderen gleich, in einem waren hundert rubel, die machen 333 gulden 10 groschen, im anderen waren nur körperne scherbel. Sie warden des kaufs umb seide eins mit dem eldsten brueder der Joan. Da schuettet er das gelt aufn tiesch dem Joan tzutzehlen, und dieweile er tzelte, trued der junge die seyde und verwahrte sie ihm schlietten. Als Joan gethehlt hette, spricht er, ir must noch vor tzuwo liettern tzelen oder tzuwo tzuruke geben, erst bat der Moßkwitter, das er auf solch eine bare sume umb tzuwo lie- [1234]tern <1585. Aprilis> seide nictes spreche, darnach hueb er an tzu tzornen, erwieste das gelt wiederr alles in den sak und verknuepfte es, hies auch die seide wieder bringen. Da nam der junge das gelt tzu sich vom alttenn mit muermeln sprechende, ich habe die seide im schlietten sowol gelegt und ihr tzugefallen alles aufgeruert und sol wieder von neues aufwerffen. Bittett den brueder, das er aufn weg so fiele tzeitt nicht unnutze tzubringe und were nicht rath, geltt tzuhaue fueren, das er lieber ein parr liettern seide tzurucke woerffe. Aber der eldste schalt den Joan und ging aus dem karwasar, hies dem brueder die seide ausem Schlitten werffen und sich nachfolgen. Der junge rief ihm nach, gehe nur tzum thoere und habe keine sorge, ich wil dir balte nachfolgen. Da bat der junge den Joan, das er auf seinen brueder nicht tzörnete, dieweile man ihm auß der her-

А тот парень, он пришел к Иоанну, слуге Мамоновичей, таким образом. Они, то есть он и еще один, притворились братьями, старший из них был тороплив и раздражен, младший же – добродушен. Они прибыли с санями на гостиный двор как уже отъезжающие люди. У младшего было два мешка, совершенно одинаковых, в одном было 100 рублей, что составляет 333 флорина 10 грошей⁶¹⁶, в другом – медный хлам. Они договорились о покупке шелка сообща, Иоанн со старшим братом. Он вытряхнул деньги на стол, чтобы Иоанн сосчитал. Пока тот считал, младший отнес шелк и припрятал его в санях. Когда Иоанн сосчитал, он сказал, [что] они должны заплатить еще за две литры или две литры отдать обратно. Сначала Московит просил, что-де при такой сумме наличными [1234] <1585. Aprilis> нечего и говорить о двух литрах шелка, потом он начал злиться, собрал все деньги снова в мешок и застегнул его⁶¹⁷ и велел снова принести шелк. Тогда младший забрал деньги у старшего, ворча: «Я уже положил шелк в сани и, в угоду вам, все перевероршил и теперь снова должен развязывать». Просил брата, чтобы тот не тратил столько времени попусту перед дорогой и, если не стоит везти деньги домой, лучше отдать две литры шелка. Но старший ругал Иоанна, идя с Гостиного двора, велел брату выкинуть шелк из саней и следовать за ним. Младший крикнул ему вслед: «Иди только к воротам и не заботься ни о чем, я за тобой скоро последую». Тогда младший стал просить Иоанна, чтобы тот не сердился на брата, так как ему при выезде с постоянного двора слишком много на-

berge fahrende des brantweins tzufile eingeredt hette, und worde ihm dis alles nachem schlaffe leidt werdenn, gab ein par liettern tzurucke nebenns dem sacke mitt den scherbeln und pakte sich weg.

Gott wes, das ich mich nicht loebe. Ich hette mir diesen kaufman geguent, darume hette ich auch ein auge auf ihn, tzumale da sich das gebler untter ihnen erhueb, beguntte ich argwonich tzuwerden, trat nahe und sahe dem handel tzue. Da Joan den sak mit freyden empfang, legte er ihn als ein itzt getzeltes gelt tzu winckel, da rieb ich ihm so lange [1235] die <1585. Aprilis> ohren, das er den tzugeknuepfen sak auftrennete und den falsch befand mitt erschreckunge. Also erhaschetten wir den jungenn bößwicht (den der altte war schon dafon), namen die seide wieder, droeßten ihm das fell, setzten in darnach vor die kuchen inn eine kette gespannt, da saes er bis tzu abendes. Wiewol er grosse wiederwertigkeit ausstanden hette, dennoch danckte er, das man ihm das seinige nicht geruert hette, welchs ihm untter den Moßkwitern nicht wiederfahren were. Darume spricht man. Gewin mitt sicherheitt ist gutt in warheitt.

Am 8. Junii <Junius> und Pffingstae-bende sowol nach dem Altten als neuen kalender, tzoegen etliche Kaufleutte, Armenier von Kamieniec, auß der Moßkaw tzu hause, bey denen war mein Herre willens, wahren nach der Lemberg tzu schiecken. Dan wir hetten schon tzuwe mael waren tzu hause geschiecket, soeders wir in der Moßkaw woenten. Dieweile wir aber auch selbst willens waren, in kurtzer tzeitt abtzureyzen, wiederriet ich dem heren so dies schiecken, das er mich tzu sonderlichem gluecke gehorchte. Den am Pffingstdingstage kam Auak mit einem

лили брандвейна и все это после сна заставляет его страдать, отдал обратно две литры шелка и мешок с хламом и собрался в путь.

Богу ведомо, что я себя не хвалю. Мне нравился этот купец, поэтому я приглядывал за ним. Так как между ними возникла свара, я начал подозревать неладное, подошел поближе и стал следить за торгом. Как только Иоанн получил мешок с хламом, он положил его, как только что сосчитанные деньги, в угол, тут я стал кричать ему в уши до тех пор, [1235] 1585. <Aprilis> пока он не открыл застегнутый мешок и с ужасом не обнаружил подделку. Мы схватили младшего злодея (старшего уже след простыл), отобрали шелк, отдубасили его, потом посадили на цепь около кухни, где он и сидел до вечера. Хотя ему пришлось выдержать большую неприятность, тем не менее он благодарил, что не тронули его [имущество], чего у Московитов не случилось бы. Поэтому говорят: «Надежная прибыль воистину хороша».

8 Июня <Junius> в канун Троицы как по старому, так и по новому календарю⁶¹⁸, некоторые Купцы, Армяне из Каменца, покинули Москву и отправились домой. С ними мой господин хотел послать товары во Львов⁶¹⁹. Ведь мы уже два раза посылали товары домой, пока жили в Москве. Но поскольку мы сами вскорости собирались ехать, я так отсоветовал господину посылать, что он меня, к счастью, послушался. Так как во вторник на Троицыной неделе⁶²⁰ пришел Авак с одним Дьяком и сказал, что Разбойники разорили кара-

Notario und sagte, das die Röber den Karowan tzerhissen hetten, die Herren erschlagen und alle wahren auf den rossen weggetragen. Wir gingen strax tzu Schlosse unde liessen das ins buch schreiben. Aufn morgen fuer mein Herre samt anderen nach den leichnamen.

Am 15. Junii kamen sie tzurucke und brachten den erschlagenen Andream, einen der vornemsten Armenier aus Kamieniec. Die anderen waren ser gewundet, tzumale Herr Jacob, der blieb lahm an einer handt. Nach deme wir den leichnam unde die [1236] gewundenen <Junius> vom Schosse brachten, begrueben wir ihn im Deutzen begrebnuesse, und aufm morgen an der Heiligen Dreyfalttigkeitt tage begingen wir sein begrebnuesse nach Armenischer weise mitt einer köstlichen maltzeit, uber welche ich kochmeyster gesetzt wart, auch alles mitt loeb außrichtte, koste uber hundert polnische guelden.

Aufn morgen am 17. Junii sahe ich die Großfuerstine, da sie tzur kirche fur hinder dem karwasar. Sie hette auch wie der Großfuerste dreyhundert reutter, untter denen waren hundert Tatter mitt boegen. Die Moßkwitter aber mitt schiesrörn. Sie fuer in einem köstlichen schlitten mitt rotem scharlatt bis an die erde verdecket, das sperdtuch hette vor etliche schnietlein, da sie durch sehen mochte, sonst riengs ume gantz vernehet, das wen sie ein oder außsteien woltte, muste mans von der erde empor heben. Mitt etlichen gueldenen knoepfen fol edelgesteins war das gesperd getziert und obene hindene auch foer mit manigerley ferbe strausfedern bestocket. Ihre dracht war nach gestalt wie ich voer gebildet habe. No. 2 des Frauntzimers schliten, und in solchen lassen sich die edelwei-

ван, убили Господ и увезли все товары на лошадях. Мы отправились прямо во Дворец и велели все записать в книгу⁶²¹. Наутро мой Господин вместе с другими поехал за трупам.

15 Июня они вернулись и принесли убитого Андрея, одного из знатнейших армян из Каменца. Остальные были сильно ранены, также Господин Якуб, у которого отнялась одна рука. После того, как труп и [1236] и раненых <Junius> принесли из замка, мы его похоронили на Немецком кладбище⁶²² и на следующий день, день Святой Троицы⁶²³ устроили его похороны по Армянскому обычаю с роскошным угощением, на котором я был назначен кухмейстером, все на славу приготовил, потратил больше 100 польских гульденов⁶²⁴.

Утром 17 Июня я видел Великую княгиню, когда она ехала к церкви за Гостиным двором. Ее сопровождали, как и великого князя, 300 всадников, среди них сотня Татар с луками, Московиты же с пищалями. Она ехала в роскошном возке (санях), крытом вплоть до земли красным скорлатом, полог спереди имел несколько небольших разрезов, через которые она могла смотреть⁶²⁵, но кругом все было занавешено, так что, когда она хотела войти или выйти, должны были поднимать [полог] с земли. Застежки были украшены несколькими золотыми кнопками с драгоценными камнями и наверху, сзади и спереди усажены страусиными перьями разных цветов⁶²⁶. Ее одежда была такова, как я раньше нарисовал. № 2 – во-

ber winter und somer schlepfen. Hal-
tens vor eine grosse ehre, wen sie sich
selden sehen lassen.

Am 26. Julii <Julius> vor mittage
kam in die Moßkaw der Tatersche Key-
ser von Krime, welcher vor dem
Turcken entran und sich dem Grosfu-
ersten underwarf. Diesem schikte der
Grosfuerste seine Hoeweleitte auf eine
meile weg es entjegen und lies ihn
statt[1237]lich <1585. Julius> einhoelen.
Er war eine junge starcke pershone.
Es lag damals auch ein Heydenscher Key-
ser in der Moßkaw gefenglich, welches
gesinde trug eine seltzeme dracht von
bunttem futter.

Es ehrt kaume eine nation der welt
ihre herren uber die Moßkwitter. Dan
gruessen sie sich oder drincken sie sich
tzue, an statt des worts habt dank, spre-
chen sie, Gott geb unserm Hern ge-
sundtheit. Desgleichen wenn sie schwe-
ren oder einander dreuen, sprechen sie:
das so wahr der Keyser gesund sey,
oder, O Gott gebe, das nur der Herre
gesundt sey.

Sie haben sonst von ihrem Herren
eine gutte silberne muntze in beigetzei-
chenter Gröse langlichtig, auf einer
seite schrift, auf der andern ein geher-
nister mitm spiese aufm rosse, diese
heissen sie Kopeiken, und thun wie bey
uns ein grosche, derer gehen hundertt
in ein Rubel, welchs bey ihnen die
högste tzael ist. Sonst sein auch
halbe kopeigken, die heissen sie
Dengi, und diese haben wieder ihre
halben Denißki genannt.

Nur ein mahl sahe ich mich mit
foer gedachtem maler nach jehnem

зок для Придворных дам, в таких
знатных женщин возят и зимой, и ле-
том. Считается большой честью, ког-
да они изредка позволяют себя ви-
деть.

26 Июля <Julius> до полудня в Мос-
кву приехал Татарский Царь,⁶²⁷ из
Крыма⁶²⁸, который убежал от Турка⁶²⁹
и покорился Великому князю. Ему
навстречу за милю [до города] Вели-
кий князь послал свою Дворцовую
стражу, приказал принять его [1237]
с почестями. <1585. Julius> Это был
молодой сильный человек. Тогда же
в плену в Москве находился один
Языческий Царь⁶³⁰, его челядь носила
своеобразную одежду из пестрого
меха.

Ни один народ мира не почитает
своих государей больше, чем Моско-
виты. Когда они здороваются друг
с другом или произносят пожелания,
когда вместе пьют, вместо слов «Спа-
сибо», они говорят: «Бог дай здо-
ровье нашему Государю». Подобным
образом они говорят, когда клянутся
или друг другу угрожают. «Это
правда, да будет Царь здоров» или
«Дай Бог только, чтобы государь был
здоров»⁶³¹.

У них есть Государева хорошая се-
ребряная монета⁶³² размером, как на-
рисовано рядом, продолговатая⁶³³, на
одной стороне – надпись⁶³⁴, на дру-
гой – человек в доспехах с копьем на
лошади⁶³⁵. Они называют их Копейки
[Кореiken]⁶³⁶, [они] ходят, как у нас
гроши, сотня составляет один
Рубль [Rubel], что у них является
самой большой единицей⁶³⁷. Кро-
ме того, есть также полкопейки,
их называют Денги [Dengi]⁶³⁸, и
эти также имеют половины, на-
зываемые Денежки [Denißki]⁶³⁹.

Только один раз я виделся с ху-
дожником, о котором рассказы-

leide. Ich begegnete ihm auf die brucke spazierend, da gingen wir tzu winckel und er-tzehnten erst recht, was sich mit uns tzugetragen hette. Ich verhoffte scheltwortte tzuhörenn, aber er dankte ser, wiewol er noch schwach was und von jehner tzeit her erst aussm bette gestanden, dan ihn die merter gar tzerriessen hette und die pritze gewundet. Alle bilder, die ich angeruert hette, muessen die goldtschmiede und maler reinigen, waschen, so förchte mann [1238] sich <1585. Julius> vor vergieft.

Godonow war mir der gröste freunt, saes manichmal mit mirr eine stunde, tzuwe uber dem Schachspiele. Fiele dinge brachten da die betruetzten Deutzen durch mich tzuwege von diesem Herren. Sie sein ein gefangenes folk aus Ifland dahin getrieben, dennoch lest ihnen der Großfuerste solche freyheit gleich weren sie in ihrem vaterlande, mer dan sonst den Moßkwitern. Aberg was hielfts, uber ein jaer, tzwanzig, auch ehe schickt er sie in eine andere stat, damitt das groebe folk von ihnen lehre heußlichen tzusein, datzu erbarcheit, dan sie sein sonst heßlich, unverschamt, datzu sodomitisch. Dajegen deutze natzion verschamt ist und wes nicht von solchem bestialischen wesen.

Er schikete diesen Somer fiele Deutzen mitt weib und kinde tzu wasser jehn Kasan, etlichen erbat ich, das man noch ein jaer folgte, den anderen etliche jaer.

Mier freyete er auch eine erbare, ser vermögene jungfraue mitt namen Anastasia von 12 jaren, ein einiges kind, tzu welchem mir mein Herre ser rieth, ich verstund auch anders nicht, nur das ich

вал выше, после его мучений. Я встретил его гуляющим на мосту, мы отошли в уголок и только теперь впервые правильно рассказали, что с нами приключилось. Я ожидал услышать бранные слова, но он очень благодарил, хотя он был еще слаб и с того времени впервые встал с постели, т.к. пытки его совершенно истерзали, и побои палками ранили. Все иконы, к которым я прикасался, серебряник и художник должны были очистить и вымыть⁶⁴⁰, так они боялись [1238] <1585. Julius> отравления.

Годонов был моим самым большим другом, частенько сидел со мной часок-другой за Шахматами⁶⁴¹. В ту пору при моем посредничестве и с помощью этого Господина удрученные Немцы устроили много дел. Это пленные, пригнанные сюда из Ливонии, однако Великий князь предоставляет им такую же свободу, как если бы они находились в своем отечестве, большую, чем Московитам⁶⁴². Но что подлаешь, за один год и лет двадцать [назад] или раньше он посылает их в другой город⁶⁴³, чтобы грубый народ от их учения стал домовитым, к тому же честным, так как они отвратительны, бесстыдны, да к тому же содомиты⁶⁴⁴. Немецкая нация, напротив, очень стыдлива и ничего не знает о подобных скотских обычаях.

Этим Летом он послал много Немцев с женами и детьми водным путем в Казань⁶⁴⁵, некоторых я вымолил, чтобы им дали еще один год, другим – несколько лет.

Ко мне сваталась также одна благопристойная, очень состоятельная девушка по имени Анастасия 12 лет⁶⁴⁶, единственная дочь, которую мне мой господин очень советовал,

schuldig war, in ehstantt tzutretten und das mirs in der welt nicht besser treffen worde, darume gab ich meinen willen daein, woetzue mich die jungfrawe selbst reizte. Schickete mir auch ehe gaben, datzu köstliche, ehe dan ich ihr. Dennoch wart mir das hertze vonn dem tage ahn so bedruekt, das ich nie [1239] mals <1585. *Julius*> so fröliches gemuets wart als foerr.

Die Moßkaw ist ein land, in welchem der Wintter gar tzu kalt ist und der sommer gar tzu hes, darume kan man da keinen gutten oebis oder suebtitel gewexe ertziehen. Vergangner wintter war so kalt als kaume bey menschlicher gedechtnuesse gewesen war. An fielen örtten wies mann uns die hartte erde, wie sie von grosser kelte geboersten war, wie sonst vom erdbidem. Manigen tag wart kein kram aufgemachet und musten die leutte dem froste tzugefallen feuren. An einem tage versamleten sich etliche heren tzu uns, meinen herren tzu Schlosse tzubeleiten und vor ihn bitten, das uns mochten die verhaltenen wahren tzugestelet werden. Da war so ein heftiger frost, das, wiewol wir uns alle warm angetzoegen hetten, auch aus einer wermen stuebe gingen, noch nicht tzu des Karwasars thoere kamen, alle musten mit lauffenden fuesen in die stuebe tzuruecke wenden, und dauchte uns unmueglich, tzu schlosse komen; diesen morgen erfroerren etliche pershoenen, die da waren nach wasser ausgangen. Es wunderte uns sehr, das den gantzen tag heftig fewr inn unserm oewen bran, dennoch alles in der stuebe tzu eyse ward. Das toenlein mit dem wasser, da wir aus kocheten, stund am oewen auf der banke also, das es der flamme erreichete, dennoch frörs so, das alles dainne tzu eise wart. Es war ein unerhörter froest,

я иначе не понимал, что я должен вступить в брак и что мне в мире ничего лучшего не встретится, поэтому я дал свое согласие, к тому же сама девушка меня очаровала. Посылала мне также более дорогие подарки, чем я ей. Однако с того самого дня у меня на сердце было так тяжело, что я никогда [больше] [1239] не был <1585. *Julius*> в таком радостном настроении, как раньше.

Москва – страна, в которой зима чересчур холодная и лето – чересчур жаркое: поэтому там нельзя выращивать никаких хороших овощей или нежных растений. Прошлой зимой было так холодно, как едва ли случилось на человеческой памяти⁶⁴⁷. Во многих местах нам показывали замерзшую землю, которая растрескалась от страшного холода, как будто от землетрясения. Многие дни никакие лавки не открывались, и люди из-за холода должны были разводить огонь в печи. Однажды у нас собрались некоторые господа, чтобы сопроводить моего господина в Замок и просить у него, чтобы нам были возвращены задержанные товары. Тогда был такой жестокий холод, что мы, хотя и надели на себя все теплое и вышли из теплой избы, но не дошли даже до ворот Гостиного двора, как вынуждены были бегом вернуться, и нам казалось невозможным дойти до замка; в это утро несколько человек замерзли, которые в то время вышли по воду. Нас очень удивило, что в нашей печи целый день горел сильный огонь, и тем не менее в избе все заледенело. Бочонок с водой, откуда мы брали для готовки, стоял на скамье рядом с печью, так что его достигало пламя, тем не менее было так холодно, что все в нем превратилось в лед. Это был неслыханный мороз,

werte aber nicht über sechs Stunden so hart. Kein Land hat mehr gebrechlicher Leute als dies [1240] wegen <1585. Julius> der Kälte, welche auch in Mutterleibe viele gebrechlich macht.

Gedachte Reuber fieng man zum meisten Theile, und werden zwei bei unser Zeitt gerichtet, die anderen behielt man noch gefänglich. Die wahren hetten sie zum meisten Theile in die Erde vergraben, die gewann man aus und gab sie ihren Herren, aber das Verloernte wartt aus des Großfürsten Schatzes getzahlt.

Vorgedachter Autor moelet die Moskewitterschen Häuser hart an einander, da sie doch, wie schon gedacht, weit von einander stehen. Aus dieser bestehen der Madleye, in hast ohne Masse gezogen, magst du leicht verstehen die gemeine Gestalt der Häuser, welches sich in zwei Theile seidet, unter und ober Wohnung, eines dem anderen an allem gleich, und scheiden dier diese die aufsteckenden Kreuzlein. Wenn man in die Thüre kommt, hat man nichts, nur aus dem Hause zur rechten Hand eine Kammer, zur linken wieder die Stube. Zum Oben gebeweghet man von außen, wie du verstehen magst. Die Stube ist würdig, das sie beschrieben werde,

однако такой жестокий продолжался не более 6 часов. Ни в одной стране нет большего количества преступников, как в этой, [1240] из-за <1585. Julius> холода, который превращает многих в преступников уже в материнском чреве.

Большую часть Разбойников, о которых было рассказано, поймали, и два были осуждены уже при нас, остальных еще держали в заточении. Товары они по большей части закопали в землю, их достали оттуда и отдали их господам, а за потерянное было уплачено из Великокняжеской казны.

Вышеназванный автор⁶⁴⁸ рисует московские дома тесно расположенными друг к другу, на самом же деле, как уже говорилось, они стоят далеко друг от друга. По этому приложенному наброску, нарисованному впопыхах без масштаба⁶⁴⁹, ты легко можешь представить общий облик домов, которые делятся на две части – нижнюю и верхнюю жилья, совершенно подобные друг другу, и их разделение [показывают] тебе крестики, выставленные снаружи. Когда входил в дверь⁶⁵⁰, не находишь ничего⁶⁵¹, кроме каморки с правой стороны дома, и с левой – еще комната. В верхнее помещение ходят

dan man leidet dainne kein ungemach vom rauche, wiewol sie seinn fol ist, nach polnischer weise aussern bachoewen. Die stuebe hatt an drey seitten tzu par fensterlein, ist in sich tzimlich hoch, ihre wende werden ofte gescheurt, so weis als bei uns die teller, ist sonst mit teichten [1241] behangen, <1585. Julius> tzumale hinder dem tische. Sie ist one das dach tzwiefach gedecket. Die oberste decke untter dem dache andtworttet dem pawiment, dan tzwueschen ihn unde den wenden helt sich die wermde auf. Die ander decke wieder ist nur tzurr tzier der stuebe, in derselbigen ist uber dem oewen ein loch oder fenster einn wenich weitter dan der oewe reichett. Durch dies loch tziet sich aller rauch ausm oewen tzum fenster hinaus und drehett sich nur tzwueschen beiden decken, also das die stuebe undene selden geschmöchert wirt, datzu mag man dreiste in derr stuebe gehen, dan der bodem heltt den wint auf, das der rauch one verihren grade auß gehe. Wen man einhietzen wil, steigt einer vom oewen auf den deckel und schauet, durch welcher seitte fenster der windt einwehet, das machet er tzu, und da es friedsam ist, machet er auf. Solcher boen dient ihnen sehr tzu trewen, tzu sewren etc.

Aus obgemoelten woltte ich dier die stuebe inwendig deutten, nur hastig spoet wart selden gutt. Das untter No. 1 deutet die gelegenheit der stuebe, welche rinengume bancken hat und lange tiesche, wie hie mit No. 1 getzeichent. Fiele stueben sein

снаружи⁶⁵², как ты можешь понять. Комната достойна того, чтобы быть описанной. Там не испытывают ни малейшего неудобства от дыма, хотя бы им было все полно, по польскому образцу без трубы снаружи. Комната с трех сторон имеет по паре окошечек, сама по себе довольно высокая, ее стены⁶⁵³ часто скоблят, так же на-бело, как у нас тарелки. Кроме того, [она] вся завешена коврами⁶⁵⁴, [1241] <1585. Julius> в особенности, позади стола. Она, помимо крыши, имеет еще два перекрытия⁶⁵⁵. Верхний потолок под крышей соответствует настилу, ибо между ним и стенами задерживается тепло. Второй же потолок же является лишь украшением избы, в нем над печью есть отверстие или окно немного выше, чем достигает печь. Через это отверстие весь дым из печи выходит наружу в окно и кружится только между двумя потолками, так что комната внизу редко бывает закопчена, к тому же по ней смело можно ходить, потому что пол задерживает ветер, так что дым

беспрепятственно выходит прямо наружу. Если хотят согреться, кто-нибудь поднимается с печи на перекрытие и смотрит, через окно с какой стороны дует ветер, закрывает его и, когда становится спокойно, открывает. Такое перекрытие хорошо служит им для сушки, квашения и т.д.

Нарисовав, как выше, я хотел тебе отчетливо показать комнату, но быстро хорошо не бывает⁶⁵⁶. [Рисунок] № 1 объясняет обстановку комнаты⁶⁵⁷, в которой по сторонам имеются чистые лавки и длинные сто-

На нижней части рисунка надписи: owe – печь, Stube – комната)

auch, die den oewen strax bey der thuere haben.

Am *<Augustus>* 5. Augusti nach mittage wendten wir alle gesund nach der Lemberg, als wie wier daraus tzusamen gekomen waren, nur ich hette den tag das fieber heftig, welchs mich schon in den fier[1242]ten *<1585. Augustus>* tag aneinander hielt, und solchs durch meiner jungkfrauen lekerbißlein, datzu meine unvernunft. Ser gienk sie damite umme, das man mich schwachen ungereiset liesse, ich war auch wie ein kranker nicht dawieder, aber mein herre, welcher ohne mich wenig außrichtte, bewegte mich auf den wegk. Der Herre, tzu gefallen meiner schwacheitt, gab mir die gantze kollesse ein und behalf sich selbst bey anderen, denen tzugefallen etlicher geschefte halben blieb er noch im karwasar und schikte mich bey den fuerleuten voeraus. Wir nachtlagerten hinder Sukin, 15 wierst, da wart ich aus solcher grosen schwacheit so plötzlich erledigt, das sich iderman verwunderen muste, und hetten sie nicht meine böse ferbe gesehen, datzu wie mich das fieberschuetterte, auch das keine speise in mich wolte, es were ihnen ein argwöhn erwoexen. Welches dennoch ein recht wunder Gottes was, durch seinen diener S. Dominicum, an welches festtage meine außfahrt war. Mich trömte in der nacht, wie mir meine tzugeschlagene junkfrawe ein schönes kind in windeln reichete und baet, das ichs ihr kaufte, da ich ihr in deme wolte tzugefallen sein, tzoch mich ein brueder S. Dominici ordens beim rocke und ried mich solchs ab, sprechende es were nur eine katze mit [1243] einem *<1585. Augustus>* menschen angesichte, wies nur da strax ein ander schön aufgewindelt kneblein in einer gueldenen wiege halt-

ly, как здесь нарисовано под № 1. Имеется также много комнат, где печь расположена прямо у двери⁶⁵⁸.

<Augustus> 5 Августа пополудни все мы в полном здравии двинулись в обратный путь во Львов, как и выехали из него вместе вчетвером, только у меня в тот день был сильный жар, который держался у меня уже четвертый [1242] день *<1585. Augustus>* кряду, и все это из-за лакомств моей девушки и к тому же моего неразумия. Она твердо задумала, чтобы мне, слабому, разрешили не выезжать, и я также, как больной, был не против этого; но мой господин, который без меня мало с чем справлялся, склонил меня к отъезду. По случаю моей слабости господин предоставил мне целую коляску⁶⁵⁹, и сам устроился с другими, ради них из-за некоторых дел сам остался на Гостином дворе, а меня выслал вперед с извозчиками. Мы переночевали под Сукиным, 15 верст, там я настолько неожиданно избавился от страшной слабости, что каждый должен был удивиться, и, если бы они не видели моего дурного цвета [лица] да к тому же, как меня трепала лихорадка, а также что никакая пища не шла мне в горло, это вызвало бы у них подозрение. Но это было истинным Господним чудом, с помощью его слуги, Св. Доминика⁶⁶⁰, в праздник которого состоялся мой выезд. Ночью мне приснилось, как предназначенная мне девушка подала мне прелестного ребенка в пеленках и просила, чтобы я его купил, но когда я хотел ей в этом уступить, один брат ордена св. Доминика потянул меня за платье и отговорил меня от этого со словами, будто это только кошка [1243] *<1585. Augustus>* с человеческим лицом, и

tende, tzu deme riet er mich, das ichs kaufte. Da ich mitt dem kaufschlage umeging, erwachete ich tzu tagens tzeit, befannt mich folkommenlich gesund und mein hertze gar von der brautlacht gewendt, das sich recht mein gemuette mitt des tages Fest der Verwandlung Christi uberein trug.

Am 6. Augusti Futterten wir im felde, nachtlagerten auch darnach weiter im felde. Da kam mein herre auf die nacht tzu unns und brachte mir etliche verehrung von meiner braut, aber ich sprach, sie worde keinen mahn von mir haben. Warr auch willens, ihr den tzusproch abtzusprechen durch einen brief, mann lies mirs auch wie tzu und schiktenn ihr dennoch nicht den brief förchthalb. Mein herre war meiner gesuntheithalb sonderlichen froe und geloebte, Gotté tzur dankbarkeit dem Armenischen spittal in der Lemberg tzehen guelden, welche er auch gab. Ich wieder lernetete aus vergangner nacht, das nicht alle tröme tzuuerspotten sein.

Am 7. Augusti Futterten im felde, fueren durch Borowsk, 39 verst von Sukin, nachtlagerten im felde. Am 8. Augusti Futterten im felde, fueren durch Towarkow, von Borowsk, mer dan 45 verst, nachtlagerten bey der Uhra. Am 9. Augusti liessen wir uns uberfueren, Futterten im felde, von danen weiter nachtlagerten auch im felde.

[1244] Am <1585. Augustus> 10. Augusti durch Serensk, Futterten im felde, nachtlagerten tzu Briny, 62 vers von Towarkow. Am 11. Augusti nach mittage von da, nachtlagerten im Brinschen walde. Am 12. Augusti Futterten im walde hinder dem Drohoßasken monaster, nachtlagerten auch weiter im walde. Am 13. Augusti Futterten beim

totчас указал мне другого – прекрасно запеленутого младенца, находившегося в золотой колыбели, и посоветовал мне его купить. Когда я управился с покупкой, проснулся при свете дня, почувствовал себя совершенно здоровым и [с] сердцем, полностью отвлеченным от брака, так что мое настроение вполне соответствовало Празднику Преображения Господня⁶⁶¹.

6 Августа мы кормили лошадей в поле и ночевали потом также в поле. К ночи нас догнал мой господин и принес мне некоторые подношения от моей невесты, но я заявил, что она не получит меня в мужья. Имел намерение отказаться от своего обещания письменно, мне позволили, и все же мы не послали ей письма из-за страха. Мой господин был очень доволен моим выздоровлением и обещал Господу в знак благодарности [пожертвовать] Армянской больнице⁶⁶² во Львове десять гульденов, которые и отдал. Я же прошлой ночью усвоил, что не все сны заслуживают насмешки.

7 Августа мы кормили лошадей в поле, проехали через Боровск в 39 верстах от Сукина, ночевали в поле. 8 Августа кормили лошадей в поле, проехали через Товарков более 45 верст от Боровска, ночевали на Угре. 9 Августа нас перевезли, [мы] кормили лошадей в поле, удалившись оттуда, ночевали в то же поле.

[1244] <1585. Augustus> 10 Августа [проехали] через Серенск, кормили лошадей в поле, ночевали у Брыни, в 62 верстах от Товаркова. 11 Августа после полудня [выехали] оттуда, ночевали в Брынском лесу. 12 Августа кормили лошадей в лесу за Дорогобужским монастырем⁶⁶³, ночевали далее в лесу. 13 Августа кормили ло-

Troycin monaster, nachtlagerten im walde. Am 14. Augusti Futterten im walde, nachtlagerten an der Desna jegen der stat Bransk.

Wir hetten schon von Briny voraus geschickt, lodzen tzukauffen, dieselben kuppelten wir tzwe und tzwe tzusammen mitt dicken höltzern überbunden, in die legten wir die wahrn am 16. Augusti und stiegen auch selbst nach mittage hinein und flosen dem wasser nach. Fueren ein dörflein vorbey tzur rechtten hand liegende, darnach das Swinski monaster an derselben seite auf einem hogen uwer, hinder deme blieben wir über nacht.

Am 17. Augusti vorbey an derselben seite ein doerf Lopoß <Lopoß D.> genant. Am 18. Augusti Futterten bey einem dörfle Wiekowska <Wiekowska> genant an gedachter seite, an derselben noch vorbey fier dörffer, nachtlagerten beim dörfle Axßenowska. <Axßenowska D.> Am 19. Augusti tzwe dörffer am selben uwer vorbey, Futterten beim dörfle Radothin, <Radothin> noch an der seite vorbey tzwoe doerffer samt Truebczask, nachtlagerten im walde wie dan allenthalb um das wasser groes waltt ist, und tzur rechten des fluesses hoch uwer, tzur lincken aber meist ser flach, deßhalben [1245] umb <1585. September> des wassers außbruch setzen sich da selden dörffer. Am 20. Augusti Futterten im walde, fueren vorbey Sohutiew an derr rechtten seite, nachtlagerten, da der Sudost infeltt. Den 21. Augusti vorbey das dörfle Kamin, <Kamin> noch eins Oczkin, <Oczkin> Futterten beim dörfle Pußkare, <Pußkare> nachtlagerten vor Novogrodek. Am 22. Augusti nach deme wir da noch gefuttert hetten, fueren wir etliche dörffer vorbey und nachtlagerten darnach im walde. Am 23. Augusti nachdeme wir

шадей у Троицына монастыря⁶⁶⁴, ночевали в лесу. 14 Августа кормили лошадей в лесу, ночевали на Десне за городом Брянском.

Уже из Брыны мы выслали вперед [людей, чтобы] закупить лодки [lodzen], мы соединили их по две, скрепив толстыми брусьями, и сложили в них товары 16 Августа, поднялись на них сами после полудня и поплыли по течению. Проехали мимо деревеньки, лежавшей справа, потом Свенский монастырь на той же стороне на высоком берегу, за ним остановились на ночевку.

17 Августа мимо деревни, названной Лопосс, <Lopoß D.> на той же стороне. 18 Августа кормили лошадей около деревни, названной Вековска, <Wiekowska> на той же стороне, мимо четырех деревень там же, ночевали у деревни Аксеновка. <Axßenowska D.> 19 Августа [проплыли] мимо двух деревень на том же берегу, кормили лошадей у деревни Радотин, <Radothin> еще на [той же] стороне – две деревни вместе с Трубческом, ночевали в лесу, так как вдоль воды всюду большой лес, на правой стороне – высокий берег, справа же большей частью низменно, поэтому [1245] из-за <1585. September> разлива воды здесь редко ставят деревни. 20 Августа кормили лошадей в лесу, проехали мимо Сохутьева с правой стороны, ночевали [там], где впадает Судость. 21 Августа мимо деревни Камин, <Kamin> потом еще одной Очкин, <Oczkin> кормили лошадей у деревни Пушкари, <Pußkare> ночевали у Новогородка. 22 Августа, после того как мы там еще покормили лошадей, проехали мимо нескольких деревень и за-

etliche dörffer vorbey gefahren waren, Futterten wir beim dorffe Meßin, <Meßin> nachtlagerten im walde. Am 24. Augusti forbey ein dorf Obolonia <Obolonia> geheissen, das ligt an der lincken seitte, Futterten am selben uwer beim dörffe Eibothin, <Eibothin> nachtlagerten im walde. Am 25. Augusti wart ich gewar an der lincken seitte, da der flus Seim <Seim fl.> in die Deßne felt, Futterten nachtlagerten im walde. Am 26. Augusti deßgleichen. Am 27. Augusti auch soe. Am 28. Augusti frue tzu Czerniehof, nach mittage und nach dem tzollen von da, nachtlagerten im walde, da hetten uns baltte die mucken (welche uns den gantzen wegk umb die ohren pfieffen) aufgefressen.

Am 29. Augusti begegnete uns eine komege von Kiow, die tzerschoes an einem holtze, wartt fol wassers, und hetten wir sie nicht gerettet, so weren alle wahren dainne vom wasser verdoerben. Am 30. Augusti, deßgleichen am letzten, Futterten wir und nachtlagerten im walde.

Am 1. Septembris <September> umb mittag kamen wir tzu Kiow, da fueren wir die [1246] wahren <1585. September> aus den kanen in forige alte herberge. Am 6. Septembris machte sich der Herre samt etlichen wahren von mir nach Lutzko aufn jaermarkt. Am 8. Septembris furen umn mittag unsere fuerleutte aus Kiow, aber ich und Chatzko folgten ihnen aufn morgen erst nach, dann man behielt uns aufm schlosse tzugaste.

Am 9. Septembris stund Chatzko frue auf, willens nach der Pietzare tzu reitten, aber ich wolte mich nicht von den fuerleutten seumen, darume muste er mir nach. Sein gröstes begeren was, in der Petzare tzusehen tzwe beruemte Bohatter, welcher geruch ist, das sie

ночевали потом в лесу. 23 Августа, после того, как проехали несколько деревень, кормили лошадей у деревни Мессин, <Meßin> ночевали в лесу. 24 Августа миновали деревню, названную Оболонь, <Obolonia> что лежит с левой стороны, кормили лошадей на том же берегу у деревни Ейботин, <Eibothin> ночевали в лесу. 25 Августа я ездил на левую сторону, где река Сейм <Seim fl.> впадает в Десну, кормили лошадей, ночевали в лесу. 26 августа – тоже. 27 Августа – тоже так. Утром 28 Августа – в Чернигов, после полудня и после таможни оттуда, ночевали в лесу, там нас вскоре сожрали комары (писк которых всю дорогу раздавался у нас в ушах).

29 Августа нам встретилась комяга из Киева, которая разбилась о какое-то дерево, была полна воды и, если бы мы ее не спасли, то все товары в ней были бы испорчены водой. 30 Августа также в последний раз мы кормили лошадей и ночевали в лесу.

1 Сентября <September> около полудня мы прибыли в Киев, там мы [1246] вывезли товары <1585. September> из лодей на прежний старый постоянный двор. 6 сентября Господин с некоторыми моими товарами собрался в Луцк (Lutzko)⁶⁶⁵ на ярмарку⁶⁶⁶. 8 Сентября около полудня наши извозчики уехали из Киева, но я и Чацко последовали за ними только на следующий день, так как нас задержали в гостях в замке.

9 Сентября Чацко встал рано, намереваясь направиться в Печеры, но я не хотел отстать от извозчиков, поэтому он должен был за мной последовать. Его сильнейшим желанием было увидеть в Печерах двух знаменитых богатырей [Bohatter], о кото-

wieder die Heydenn streittende, etliche jahr in lieblicher gesellschaft mitt einander tzubrachtten. Da nun ihrer einer nach dem thoete ist in diese petzare gelegt, kam tzu ihm der ander uber etliche jaer und sprach, bruder ruecke an eine seitte, den es ist tzeit, das ich mich tzu dier lege und auch ruhe. Also sol der erste dem anderen bei sich stelle gemacht haben. Diese tzwe stehn noch heuttiges tages auf der erde, beyde in einem sarche unverfallens leibes. Diesem nicht fast ungleich schreibet Leander in seinem fuenften buche, von tzwe brueder unsers Ordens Petro und Benedicto, welche im kloster Montis Pesusulani ihre andacht sonderlichen tzusammen trieben. Da sie nun eins beide in schwere krankheit fielen, fragte man den Petrus, wie er sich gehette, worauf er antwortte, [1247] woel, <1585. September> dan uber etliche tage sterbe ich und werde in die ewige freude genommen, dessen tzum wahrzeichen folgt mir Frater Benedictus desselben tages nach. Also verschied Petrus nach etlichen tagen, und da ihn die bruederr tzugrabe truegen, erhörte Benedictus das singen und fragte, weme das geschege, man sagte ihm, dem brueder Petro, der were gestorben. Da rief Benedictus, tragt mich mit ihm, dan ich habe von Gotte wissenshaft, ihm strax nachzufolgen. Verschied auch balte und wart im nachgetragen.

Also fueren wir aus Kiow, von welcher wir 1 1/2 mein Futterten hinter der Borščowka, Fueren vorbey Bylgrodek <Bylgrodek> oderr Weisschlößlein, 1 1/2 meiln, ist ein fast wuestes stetlein höltzen gebews, an etlichen örtern mit kreutzhöltzern umschranket. Sie hatt ein wenig feldes umb sich, ist auch ihrer von weitten ein geschuetter wahl. Nachtlagerten bey dem Los im walde.

рых ходил слух, что они сражались против Язычников и несколько лет провели друг с другом в добром согласии. Когда один из них был положен после смерти в эти Пещеры, через несколько лет к нему пришел другой и сказал: «Брат, подвинься, пришло время и мне лечь рядом с тобой и отдохнуть». Итак, первый должен был освободить ему место рядом с собой. До сего времени эти двое находятся на земле в одном гробу нетленными телами. Нечто почти схожее пишет Леандр⁶⁶⁷ в своей пятой книге о двух братьях нашего Ордена, Петре и Бенедикте, которые вместе молились в нашем монастыре в Монпелье⁶⁶⁸. И когда однажды оба они тяжело заболели, Петра спросили, как он себя чувствует, на что он ответил: [1247] «Хорошо, <1585. September> так как через несколько дней я умру и буду удостоен вечной радости, знаком истинности чего в тот же день за мною последует Брат Бенедикт». Итак, Петр скончался через несколько дней, и, когда братья несли его на кладбище, Бенедикт услышал пение и спросил, с кем это случилось. Ему сказали, что это скончался брат Петр. Тогда Бенедикт вскричал: «Отнесите меня вместе с ним, так как у меня есть знамение от Господа последовать тотчас за ним». Вскоре он также отошел и был отнесен ему вслед.

Итак, мы выехали из Киева, на расстоянии 1 1/2 версты кормили лошадей за Борщовкой. Проехали мимо Белгородка <Bylgrodek> или Weisschloesslein 1 1/2 мили, [это] почти пустой городок с деревянными строениями, в некоторых местах огорожен деревянными крестовинами⁶⁶⁹. Вокруг него мало полей, но вдали есть насыпной вал. Ночевали у Лося в

Am 10. Septembris Futterten im walde, nachtlagerten auch im walde hinder Brusilow. Am 11. Septembris Futterten im walde darnach durch Korestischof, nachtlagerten im walde. Am 12. Septembris Futterten im walde, fueren durch Zitomirs, nachtlagerten im walde. Am 13. Septembris Futterten und nachtlagerten im walde. Am 14. Septembris Futterten im walde, fueren durch Czudnow, da ging ich mitt Chatzken aufs schloes und trieben unser gelach aus der stumpffer hoffart. Nachtlagerten im felde. Am 15. Septembris Futterten im walde, fueren durch Lubartow, und nachtlagerten im walde. Am 16. Septembris beisteren wir, das wir nicht auf Ostro[1248]pole <1585. *September*> tzukamen, Futterten im felde, nachtlagerten tzu Konstantinow. Futterten noch da am 17. Septembris, nachtlagerten im felde. Am 18. Septembris Futterten im felde, fueren durch Bazilia, ich und Chatzko nachtlagerten tzu Zohowiec, aber die fuerleutte im felde. Dieweile es da Jarmarkt was, sonderten wir uns vonn den fuerleutten, in der Stat etliche geschefte tzuerrichten, nicht der kannen nach wie sonst der Schreyberchen weise ist. Am 19. Septembris Futterten in einem dörffe, da sahen wir von weits tzur rechtten hant ein gemewrt schlos. Nachtlagerten im felde. Am 20. Septembris fueren wir durch Tarnopolie Futterten im felde, fueren durch Andernopell, nachtlagerten im felde. Am 21. Septembris Futterten tzu Pluhow. Durch Zloczew, nachtlagerten tzu Knieze. Am 22. Septembris durch Gli-niano, Futterten in einem kruege, nachtlagerten in Konstantins kruege. Am 23. Septembris, welcher war der mantag vor Michelis, kamen wir gesundt tzu hause inn die Lemberg, aus welcher wir fueren vorm jaere, am dingstage nach

лесу. 10 Сентября кормили лошадей в лесу, ночевали также в лесу за Брусилowym. 11 Сентября кормили лошадей в лесу, после [того, как проехали] через Корестишов, ночевали в лесу. 12 Сентября кормили лошадей в лесу, проехали через Житомир, ночевали в лесу. 13 Сентября кормили лошадей и ночевали в лесу. 14 Сентября кормили лошадей в лесу, проехали через Чуднов, там мы с Чацко пошли в замок и смеялись над глупыми дворянскими обычаями. Ночевали в поле. 15 Сентября кормили лошадей в лесу, проехали через Любаров и ночевали в лесу. 16 Сентября мы заблудились и не добрались до Острополя, [1248] <1585. *September*> кормили лошадей в поле, ночевали в Константинове. Кормили лошадей там еще 17 Сентября, ночевали в поле. 18 Сентября кормили лошадей в поле, ехали через Базилию, я и Чацко ночевали в Соховце, а извозчики в поле. Поскольку там была Ярмарка, мы разъединились с извозчиками, чтобы устроить в Городе кое-какие дела: не из-за лодок, но, как обычно, по делам писаришек. 19 Сентября кормили лошадей в одной деревне, там увидели издалика с правой стороны замок, окруженный стенами. Ночевали в поле. 20 Сентября проехали через Тарнополь, кормили лошадей в поле, проехали через Андернополь, ночевали в поле. 21 Сентября кормили лошадей в Плухове. Через Злочев, ночевали в Князе. 22 Сентября через Глиняно, кормили лошадей в корчме (на постоялом дворе), ночевали на Константиновом постоялом дворе. 23 Сентября, в понедельник перед [днем Св.] Михаила благополучно прибыли домой во Львов, откуда уехали за год до этого, во вторник по-

Michaelis. Und gesterne war aus der Turkeye kommen unser Matschop Herr Nickel, der Aswadurin Brueder, das wirr gleich beider reyzen wahren in der wage wegen liessen und tzuhause fueren. Am 24. Septembris, an welchem auch meine Herren Nurbek und Aswadur (oder Bogdan) vom Lutzier merrkt einkamen. Dieweile aber tzu Lutzko nichttes verkauffet ward, worden die Herrenn tzurahte, alle Moßkwittersche wahrn [1249] in <1585. September> die Turkeye schicken mitt dem Karowan, welcher sich ruestte, uber etliche tage außzufahren.

сле [дня Св.] Михаила. А накануне из Турции вернулся наш товарищ господин Никель, брат Асвадура, так что мы тотчас взвесили на важне все товары из обеих поездок и увезли домой. 24 Сентября, когда и мои господа Нурбек и Асвадур (или Богдан) прибыли с Луцкого рынка. Поскольку в Луцке ничего не было продано⁶⁷⁰, господа решили все московские товары⁶⁷¹ [1249] послать в <1585. September> Турцию с караваном, который снаряжался, чтобы выехать через несколько дней.

Комментарий

- ¹ Это обычное для стилистики Груневега выражение для обозначения особой значимости какого-либо города Речи Посполитой.
- ² Этот термин Груневег употребляет исключительно по отношению к Галицко-Волынской земле. Подоллия постоянно указывается отдельно (см. коммент. 6).
- ³ В описании самого Гданьска сады не привлекли особого внимания Груневега. А города-спутники были, вероятно, более зелеными.
- ⁴ Изобилие садов в Украине отмечали не только иностранные путешественники по Украине, но и исследователи ее этнографии.
- ⁵ Вокруг города жили городские крестьяне (*Кись Я.П.* 1962. С. 156–159).
- ⁶ Подолье, по определению Н.Г. Крикуна – Подоллия, занимает области верхнего и среднего течения Буга и левобережье среднего течения Днестра. Топоним известен с конца XIV в. В 1432–1434 гг. западная часть Подолья отошла к Короне Польской в качестве Подольского воеводства, восточная – к Великому княжеству Литовскому как часть Волыни, в 1566 г. превратилась в Брацлавское воеводство этого же княжества, а с 1569 г. стала частью Речи Посполитой под названием Подолья (*Крикун М.Г.* 1993. С. 6–8).
- ⁷ Груневег употребляет этот термин для обозначения Молдавии.
- ⁸ По дороге в Константинополь в 1582 г. Груневег пересек Дунай. Он пишет о чудовищно огромных рыбах, которые в соленом и вяленом виде вывозятся в Польшу и другие страны, и удивительной их дешевизне. За хлеб ценою в грош рыбак якобы отдавал 4–5 большущих карпов, коих в Гданьске нельзя купить и за 3 талера (2, 712).
- ⁹ Струдель – сладкий рулет с фруктами (яблоками и пр.).
- ¹⁰ Возможно, речь идет о «Морском хлебе» типа сухарей со специями, который был предназначен для длительного хранения. Груневег упоминает, что гданьский хлеб отправляли даже в Калькутту (1, 281).
- ¹¹ *Магерка* – от слова *Maugar* (*венг.*) – шапка из грубой материи с пером. В русском языке – заимствование XVII в. (*Беркович Т.Л.* 1981. С. 17).
- ¹² *Кучма* – меховая шапка руси и украинцев.
- ¹³ Странно, что Груневег не знает термина «колпак». Вопреки мнению А. Бус, «шапка» не имеет прямого отношения к дамским чепцам (*Vous A.* 2008, 4. S. 653); отдельные исследователи термин «шапка» считают германизмом (Ср.: *Беркович Т.Л.* С. 10), а «колпак» – несомненным тюркизмом (Там же. С. 13). Шапка-колпак – собирательное понятие для мужских головных уборов в России – была не только символом принадлежности к какой-либо национальности, но и престижным признаком. «Московиты», еще не пережившие трагедии «национального» угнетения, пытались изжить его разными способами. Их войлочные колпаки имели высокую и острую вер-

шину, что представлялось символом свободных людей на Руси и в России. Высокими шились и меховые шапки, как о том свидетельствует гравюра с изображением русских послов в Регенсбурге в 1576 г. О длительном существовании этого символа, вплоть до конца XVIII в., можно судить по знаменитой гравюре с изображением сейма 3 мая 1791 г., где часть послов была представлена в шапках, а часть – в высоких колпаках. Таким образом, художник разделил профранцузскую партию – партию шапок и прорусскую – партию колпаков, жестоко враждовавших уже в середине века. Так, на сейме 1756 г., по уверению Екатерины II, «почти все представители русской партии были перебиты» (Записки императрицы 1859. С. 184).

¹⁴ Тюрбан.

¹⁵ О поляках Груневег умалчивает, однако можно полагать, что купцы еще не поддались шляхетской сарматской моде на длинную одежду.

¹⁶ *Мальвазия* – сладкое десертное вино из Монемвасии, очень популярное в Средние века и в Новое время.

¹⁷ 21 января.

¹⁸ Не исключено, что именно этим путем в Москве оказалась часть молдавской посуды, пополнившей казну, хотя основная ее часть, вероятно, попала туда вместе с Еленой Волошанкой (Орешников А. 1927).

¹⁹ Поскольку во Львове, как и в Гданьске, актуально было изучение иностранных языков, то и печатание книг на польском, русском, в начале XVII в. – и на армянском развивалось активно (Исаевич Я.Д., Запаско С.С. 2005. С. 31–33).

²⁰ Армяне прибывали сюда волнами – первая относится к XII–XIII вв. и связана с захватом г. Ани сельджуками в 1064 г. и разрушением города монголами в 1239 г. Армяне названы уже в привилегии короля Казимира Львову на магдебургское право 1356 г. С 1364 г. во Львове существовала архиепископия с двумя церквями и одним монастырем. Вторая волна переселения армян связана с падением армянского королевства в Киликии в 1375 г. В 1402 г. они получили подтверждение привилегии на торговлю с «Татарией». А в 1519 г., дабы предотвратить споры армянской общины со львовским городским советом, король Сигизмунд I Старый утвердил переведенный с армянского на латынь армянский статут, что вслед за ним делали и его преемники – польские короли в 1548, 1574, 1576 и 1588 гг. Стефан Баторий уравнивал армян с бюргерами Львова в 1578 г. (Bues A. 2008, 4. S. 1548). Во второй четверти XVI в., согласно мнению М. Капраля, население состояло из 38% поляков, 24% – «руси», по 8% – немцев и евреев, 7% армян. По религиозному признаку в конце этого же века деление было несколько иным: 50–55% католиков, 20–25% – евреев и 5–10% – армян (Капраль М. 1996. С. 67–81).

²¹ Неумеренные похвалы в адрес львовских властей выглядят смехотворными на фоне реальной борьбы с ними горожан (Шустова Ю.Э. 2004, Лукашова С.С. 2008).

²² *Посвящены, букв. опоясаны* – термин отражает особенности средневекового

Армянский переулок. Акварель А. Каменобродского, конец XIX в.

обряда. Однако сам процесс одворянивания или нобилизации купечества характерен для конца XVI – XVII в.

²³ Речь идет о лютеранах, которых, по наблюдениям М. Капраля, в городе действительно не было вовсе.

²⁴ Вероятно, автор имел в виду Берлин на р. Шпрее.

²⁵ Радауне – это левый приток Мотлавы, разделяющий Старый город и Главный город (*Glówne miasto*) Гданьска.

²⁶ Выражения «пустыня» и «дикая пустыня» во времена Груневега и позднее обозначали незаселенные местности в Восточной и Центральной Европе, по преимуществу степные.

²⁷ Лев – символ евангелиста Марка в эпоху крестовых походов широко распространился во всей Европе. Город Львов не отстал от общей моды «львиной» эпохи (*Hutny-Pery-Smith C.R.* 1997. Р. 40, 42; *Бондаренко П.* 1993. С. 7–9). Однако, по мнению Я.Р. Дашкевича, лев как герб галицких князей был принят только в начале XIV в. после смерти Льва Даниловича (около 1300 г.), который ранее использовал обычный родовой знак Рюриковичей (*Дашкевич Я.* 1993. С. 32–33; ср.: *Румянцева В.В.* 1987).

²⁸ Не случайно современный украинский историк Н.Ф. Котляр называет его «буйным князем» (*Котляр Н.Ф.* 1999. С. 126).

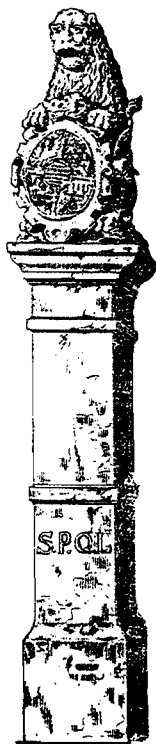
²⁹ Сообщение неточно. Город поставлен кн. Даниилом Галицким, которого Груневег в другой связи именует «русским лжекоролем» (2, 577). Определение спорно, так как осенью 1253 г. в вольнском городе Дорогичине Даниил Галицкий после восьмилетних переговоров с папой Иннокентием IV принял от его послдов королевскую корону. Позицию Груневега по отношению к князю Даниилу, вероятно, определили его противодействие католицизации Галиции и Вольны и участие в походах мазовецких князей на ятвягов в 1254–1257 гг. (*Котляр Н.Ф.* 1999. С. 128–129; *Матузова В.И.* 1999. С. 145–152).

Что же касается строительства города, то Я.Д. Исаевич не исключает непосредственного участия Льва Даниловича, сына Даниила Галицкого, в строительстве города, разрушенного во время монгольского нашествия в 1259 г. Польский историк начала XX в. А Чоловский относил строительство замка ко временам Казимира Великого (*Вуес А.* 2008, 4. S. 656). Рассказ же о победе над львом – яркий пример народной этимологии.

³⁰ Украинские ученые XIX и XX вв. (Б. Зиморович и Р. Мохытич) утверждают, что поселение на месте Львова существовало в XII в., хотя имя город действительно получил от князя Льва Даниловича.

Армянский собор. Литография Й. Своболы

Лев перед ратушей.
Рисунок Т. Рыбковского, 1906

³¹ Гора Синай знаменита тем, что именно на ней Моисей получил заветы Бога. Сравнение приравнивает Львов к другим религиозным центрам Вселенной, в том числе и Иерусалиму.

³² Привычка «счетовода» следить за расходами дала себя знать и в этой характеристике строительной деятельности князя Льва.

³³ Рисунок Ф. Ковалишина воссоздает облик Высокого замка.

³⁴ Сохранилось и архивное фото арсенала.

³⁵ То есть православному.

³⁶ Описи Высокого замка 1495, 1558 и 1570 гг. общаются лишь об одной капелле (Bues A. 2008, 4. S. 657).

³⁷ Груневег употребляет термин «старофранкский» как синоним западноевропейского средневекового оружия.

³⁸ Возможен перевод: ручная мельница, которая употреблялась не только для изготовления муки, но и пороха. Это два каменных жернова диаметром 30–40 см и весом 30–40 кг (Bues A. 2008, 4. S. 657).

³⁹ Далее автор принимается за лингвистические изыскания, подобные тем, что он предпринял ранее с фамилией Одровонж, которую возводил к сочетанию слов Oder+wasser.

⁴⁰ Груневег не делает различия между верхне- и нижненемецким языком.

⁴¹ Груневег очень точно описал городской герб (Sochaniewicz K. 1933; Львів. 1996. С. 61–66).

⁴² Создание церкви на месте, которое связывалось с пребыванием змия или дракона – символа язычества, соответствовало общей тенденции периода двоеверия и создания культа святых (Федотов Г.П. 1923. С. 11–35; Толстой Н.И. 1992. Р. 341–348).

Львовский арсенал.
Современное фото

Высокий замок. XVI–XVII вв.

⁴³ Довольно удачная транслитерация, свидетельствующая о владении руским языком.

⁴⁴ По мнению Я.Д. Исаевича, это Федор Сенкович. Это утверждение оспаривает В.С. Александрович, поскольку во Львове работали несколько мастеров с тем же именем. См. подробнее: *Александрович В.С.* 1998. С 46–48.

⁴⁵ Она была основана в XIII в., в XV в. одета в камень, с 1539 г. – кафедральный собор (*Zimorowicz* 1835. S. 113).

⁴⁶ В XIX в. среднее течение реки Полтеф было забрано в трубу (*Bues A.* 2008, 4. S. 660).

⁴⁷ Неясно, что в данном случае имел в виду Груневег. Обычно в таких выражениях речь идет о магдебургском праве.

⁴⁸ Несохранившаяся церковь Св. Креста была построена в XV в. Груневег видел ее уже как каменную постройку 1568 г.

⁴⁹ *Кальвария* – Голгофа. Во времена Груневега и донныне многочисленные в Польше одноименные пункты являются центрами особого почитания Св. Креста.

⁵⁰ Сведения Груневега относительно практической деятельности цеховых ремесленников существенно дополняют сведения цеховых статуты (*Ковальский Н.П., Виноградов Г.* 1986).

⁵¹ Георгий Бойм, львовский бюргер венгерского происхождения, оставил заметный след в истории города (*Loziński Wl.* 1892. S. 116).

⁵² Была построена и перестроена в XV в.

⁵³ Снесена в XVIII в. (*Markowski F.* 1974. S. 67–78).

⁵⁴ По инициативе М. Добростайской в 1591 г. был основан доминиканский монастырь в Пшемысле, начавший действовать с 1595 г. Он находился в непосредственной близости от Самбора. Сообщение о том, что о. Венцеслав был духовным отцом монахинь, может пролить свет и на время его общения с Мариной Мнишек.

⁵⁵ Возложение одежды знаменовало первый шаг к принятию монашества.

⁵⁶ Патер Андрей был приором с 1580 г. С ним вместе о. Венцеслав посещал в июле 1594 г. Ю. Мнишка. См. подробнее раздел «Духовный отец Марины Мнишек и его крах».

⁵⁷ Основанная в XIII в. деревянная церковь в XIV в. была перестроена в каменную. Она была приходской церковью Немецкой общины до возведения кафедрального собора.

Печать Львовской рады, XIV в.

Катерина Боим. Неизвестный художник, XVII в.

- ⁵⁸ Создание этой церкви относится к 60-м гг. XIV в. (Кос Г. 1992. С 34–36; Bues A. 2008, 2. S. 663).
- ⁵⁹ Это базилианский монастырь Св. Онуфрия, основание которого Б. Карпович относит ко времени Льва Даниловича. См. также: *Stopka Krz.* 2009. S. 153.
- ⁶⁰ Монастырь был упразднен в XVIII в. Армяне прибывали сюда волнами – первая относится к XII–XIII вв. и связана с захватом г. Ани сельджуками в 1064 г. и разрушением города монголами в 1239 г. Армяне названы уже в привилее короля Казимира Львову на магдебургское право 1356 г. и единственные из названных в его привилее купцов разных национальностей (евреев, татар, сарацин, руси) сумели создать собственные органы самоуправления и судопроизводства, что позднее подтвердили Александр (в 1505 г.) и другие короли, хотя периодически происходили конфликты армянских войтов с всесильными магнатскими семьями (*Капраль М.* 2002. С. 136–143).
- В 1588 г. у армян во Львове было 20 больших торговых помещений, у католиков – 9 и у руси – 7. Около 1600 г. во Львове жило около 100 армянских семей, однако именно в этот год Сигизмунд III ограничил число армянских лавок до 73 и строго регламентировал розничную торговлю спиртными напитками (*Bues A.* 2008, 4. S. 1549). Армянский квартал находился к северу от Старого города вокруг армянской церкви, в предместье церкви Св. Иоганна и на Подзамочье.
- ⁶¹ Армяне с XIV в. поддерживали особые отношения с доминиканцами, как и во времена Груневега (именно им показывали особое яблоко с орудием страстей – 2, 1179). Присутствовали на важнейших церемониях – встречали магистра ордена Ипполита Мариа Бекариа а Монтерегали 15 января 1594 г. (3, 1586). Такую позицию занимали армяне и в Каменце-Подольском (2, 923).
- ⁶² Глиняно – в Средневековье этот городок был важным транзитным пунктом по пути в Константинополь/Стамбул (его неоднократно посещал и М. Груневег). Он появился на европейских картах в самом начале XVI в. Так, на страсбургской карте Клавдия Птолея – Мартина Вальдземюллера 1513 г. он значится как *Glinam* (УНКС XV–XVII 2006. С. 23).
- ⁶³ Церковь в XVII в. была перенесена в другое место (*Bues A.* 2008, 4. S. 664).
- ⁶⁴ Строительство началось в 1600 г. Каменные стены монастыря в значительной части сохранились.
- ⁶⁵ Ян из Дукля, монах бернардинского монастыря, скончавшийся в 1494 г., канонизирован в 1732 г. (*Bues A.* 2008, 4. S. 664).
- ⁶⁶ Богоявленская церковь в конце XVIII в. была снесена.
- ⁶⁷ Церковь Св. Софии построена в 1594 г. женой купца Станислава Ханеля. Некий Ганс Ханель, знатный и богатый купец, в молодости, в 80-е гг., был лютеранином, и весь город во главе с епископом безуспешно пытался вернуть его в лоно католического правоверия. Это удалось лишь Груневегу, уверившему грешника в близости скорой смерти и грядущих мучениях ада. В награду патер получил два дорожных сундука «еретических» книг для сожжения (3, 1211).

Синагога «Золотая Роза».
Акварель А. Каменобродского.
конец XIX в.

Львовские евреи. Рисунок Ю. Коссака

⁶⁸ Капелша не сохранилась.

⁶⁹ Хроника Мартина Бельского.

⁷⁰ Обращает на себя внимание исключение греков из европейцев.

⁷¹ Процесс полонизации немецкого населения во времена Груневега принял уже необратимый характер. (Вогиска М. 1996. S. 186, 206).

⁷² См. выше, коммент. 20.

⁷³ Они долго сохраняли традиционный облик и веру.

⁷⁴ Анна Ягеллонка.

⁷⁵ Урбан V в 1363 г. обратился с посланием к гизненскому архиепископу относительно строительства во Львове кафедрального собора. А в 1412 г. при папе Иоанне XXIII Галичское католическое архиепископство было перенесено во Львов (Vives A. 2008, 2. S. 667).

⁷⁶ Ян Петрович Одровонж (†1486) – староста Львовский в 1465 г., воевода Подольский с 1476, воевода Руский с 1479 г.

^{76a} Пожар был 3 июля 1527 г. (Исаевич Я. 1980. С. 108).

⁷⁷ Дворец полностью снесен в конце XVIII в.

⁷⁸ Свидетельство Груневега уникально.

⁷⁹ Городской цейхгауз построен в 1555–1556 гг., а после пожара 1571 г. выстроен заново (Vives A. 2008, 2. S. 668).

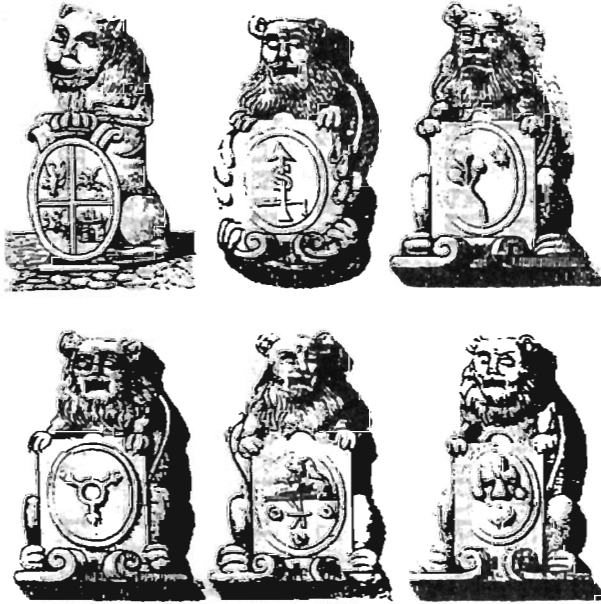
⁸⁰ Галицкие, как и Краковские, ворота снесены в конце XVIII в.

⁸¹ Литейный двор пушек и колоколов основан в 1468 г. Замечание о редких праздниках у литейщиков свидетельствует об интенсивности их работы.

⁸² Болверк – защитное сооружение, вынесенное вперед от основной стены.

⁸³ Любопытное сообщение о санитарии в городе начала Нового времени, как и последующее – о городских банях.

⁸⁴ Помещение на воротах икон с изображениями святых служило оберегом. Однако во Львове, по-видимому, не было надвратных церквей, как в большинстве городов и монастырей в Восточной Европе.

Консоли со скульптурами львов на старой ратуше.
Гравюра на дереве, XIX в.

Городской
позорный столб

⁸⁵ Ее облик можно представить по акварели А. Каменобродского.

⁸⁶ Это сообщение Груневега подтверждено в ходе археологических раскопок (Тречубова Г.А. 1969. С. 154-156).

⁸⁷ Готическое здание ратуши было построено в конце XV в., перестроено в 1619 г., снесено в XIX в.

⁸⁸ Подобный тип покрытия был широко распространен в пределах Речи Посполитой в конце XVI – начале XVII в., что и зафиксировано на всех ранних панорамах города.

⁸⁹ Видимо, аналогичный сохранившимся еще в XIX в. консолям старой ратуши.

⁹⁰ Лев и позорный столб впоследствии неоднократно изображались, но донныне сохранился лишь столб 1596 г. Консоли известны лишь по изображениям XIX в.

⁹¹ 5 августа 1595 г. Груневег был, по-видимому, свидетелем еще более страшного наказания – казни молодого человека, соучастовавшего в драке, где погиб пьяный булочник, оскорбивший пьяных же спутников и драчунов (З, 1215).

⁹² Иван Подкова, выдавал себя за члена рода Баториев, предводитель 1000-го отряда запорожских казаков, сверг молдавского господаря Петра Хромого, захватил Яссы, провозгласил себя господарем под именем Иона III, правление которого было кратковременным (двухмесячным), под натиском Петра Хромого вынужден был бежать в Польшу в начале 1578 г. Однако по требованию султана был схвачен и обезглавлен 16 июня 1578 г. Тело его казаки выкрали и похоронили в Каневе под Черничей горой. Подкова стал героем народных песен и литературных произведений, в том числе поэмы Т.Г. Шевченко. Памятники ему установлены во Львове и в Черкассах.

⁹³ Януль Сасул – сын господаря Петра Рареша, с 1579 г. стал преемником Петра Хромого. Высокими палочками и борьбой с православием господарь-потеранин вызвал

неудовольствие народа, во внешней политике придерживался прогабсбургской и, соответственно, антиосманской позиции. По требованию султана был захвачен поляками, принял католичество, но тем не менее был казнен 28 сентября 1582 г.

⁹⁴ Дом торговцев сукнами, как правило, самых богатых купцов, о чем свидетельствует аналогичное строение в Кракове.

⁹⁵ Весы хранились в специальном помещении (важне) и согласно магдебургского права находились в ведении городского совета.

⁹⁶ Ремесленные организации Львова начали формироваться в XIV в. Так, торговцы имели свою печать с изображением весов и круговой надписью «+SIGILLUM+MERCATORUMX» уже во второй половине этого столетия (*Гавриленко В.* 1993. С. 23).

⁹⁷ Кафедральный собор, строившийся в 1370 г. и перестраивавшийся в 1480 г., сохранился с многочисленными позднейшими реконструкциями.

⁹⁸ Под «камями» в данном случае Груневег, как явствует из дальнейшего изложения, понимает глазурованную плитку.

⁹⁹ Проникновение иезуитов во Львов приходится на то же время, что и в Короне Польской, то есть на начало 80-х гг. XVI в., когда они утвердились во всех крупных городах Речи Посполитой.

¹⁰⁰ Сохранилась в перестроенном барочном стиле.

¹⁰¹ Проповедников, т.е. доминиканцев.

¹⁰² Францисканская церковь Св. Креста снесена в XVIII в.

¹⁰³ Глазурованную черепицу автор называет по-разному – то в развернутом виде, как здесь, то просто «камями», то «камями для крыш».

¹⁰⁴ В Польше был очень развит культ Девы Марии. Образ Марии Победительницы был создан (по утверждению Р. Бискупского) по заказу доминиканцев в конце XV в. (*Biskupski R.* 1991. S. 27. Ср.: *Александрович В.* 1998. С. 152–161) в традициях сербско-македонской школы (находится в Гданьской церкви Св. Петра, принадлежащей розенкрейцерам) и получил широкое распространение и в Речи Посполитой. С 1751 г. она изображалась в короне.

¹⁰⁵ Привычки «счетовода» остались прежними и во время пребывания в монастыре.

¹⁰⁶ Груневег хорошо осведомлен о жизни львовских иезуитов, что заставляет предполагать, что у него с ними были особые отношения.

Печать Львовского купеческого цеха, XIV в.

Подворье Успенской церкви. Рис. Я. Матейко

Schreib den Erbauungsmagistrat zu Danzig
 in dem Namen Gottes Amen
 Ich bin der Herr von
 Danzig
 zu Danzig

Ich habe den Herr von Danzig
 in dem Namen Gottes Amen
 Ich bin der Herr von
 Danzig
 zu Danzig

Первый лист рукописи М. Груневега

Г. Мемлинг. Страшный суд.
ок. 1461 – 1473 гг.

Большой журав на р. Мотлаве в Гданьске.
Современный вид

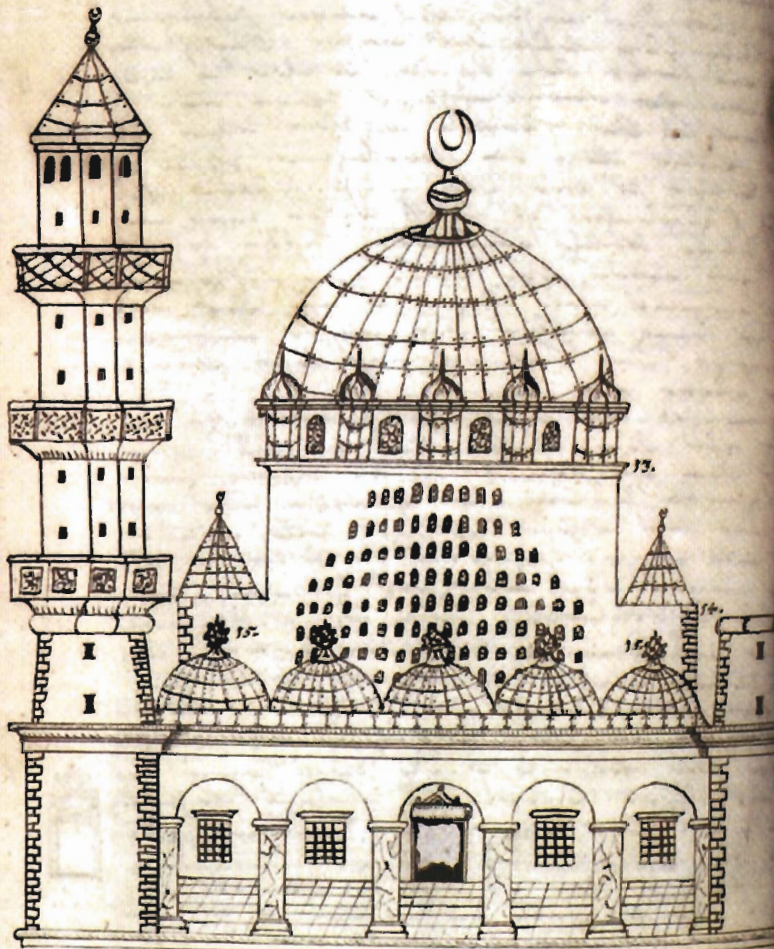

Богоматерь. Мозаика центральной апсиды. Собор Св. Софии в Киеве

Позднеготический шпиль (1478) главного нефа Мариинского костела в Кракове.
Современный вид

Zeitlicher Mezzan.

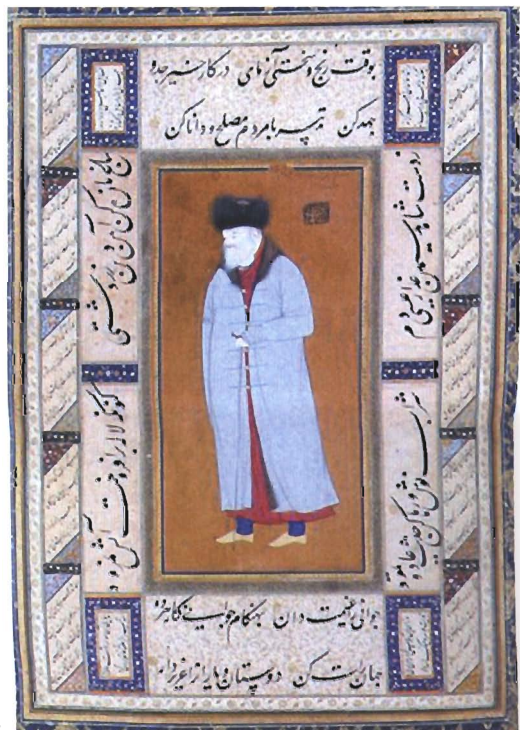

1055

Мечеть в Эдирне. Рисунок М. Груневега

Лев Сапега. Неизвестный художник, начало XVII в.

Русский посол.
Персидская миниатюра

Киевский князь Ярослав.
Фреска собора Св. Софии
в Киеве

Борис Годунов.
Легендарный портрет

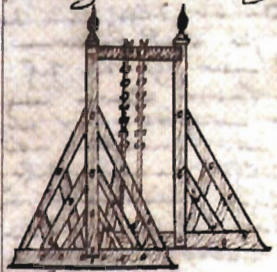
Ипподром. Начало состязаний. Фр.

Фреска собора Св. Софии в Киеве

1582.
 1710. 2.

...der ... der ... der ...
...der ... der ... der ...
...der ... der ... der ...

...der ... der ... der ...
...der ... der ... der ...
...der ... der ... der ...

...der ... der ... der ...
...der ... der ... der ...
...der ... der ... der ...

1028

Качели. Рисунок М. Грунева

П. Брейгель. Детские игры, 1560

Св. Георгий. Икона XI в. Успенский собор Московского Кремля

Св. Дмитрий Солунский. Мозаика.
Собор Михайловского Киевского монастыря

Богоматерь Одигитрия.
Успенский собор Московского Кремля

Богоматерь Свенская.
Брянский Свенский монастырь

Богоматерь Лорето. Икона XVI в.
Мариинский собор в Кракове

Богоматерь. Статуя в Санта-Каса
в Лорето. Общий вид и фрагмент

non in stemmata civium interposita suis fenestris similiter excussa omnia.
15. In Templo fenestra magna sub maiorem portam excussa, Item alia in Sniello S. Nico
16. In duobus hipocaustis pernes portas destruxerunt 5 fenestras, unam fornacem ponam, 7
seras nonas, duas citias magnas.

29. Fr. Seruacius suprior ista cura fuit testor
manu propria

Fr. Adamas Luna Sacerdos

Fr. concelag Gulamens

Fr. Augustinus sacerdos
Fr. Deerrandus sacerdos

Fr. Petrus sacerdos

Fr. Abraham sacerdos

Печать Успенского братства
с изображением Башни Корнякта

Константин Корнякт.
Изображение на надгробной хоругви,
1603 или 1669

¹⁰⁷ Известна с XV в.

¹⁰⁸ Это Успенская, или валаншская, церковь, построенная в 1572–1578 гг., стала центром ставропигии – Успенского братства (Исаевич Я.Д. 1996).

¹⁰⁹ Колокольня закончена в 1580 г., верх достроен в 1695 г.

¹¹⁰ Константин Корнякт, грек с о. Крита, прославился не только возведением колокольни, но и строительством собственного особняка на Рыночной площади (PSB. Т. XIV. S. 82–83).

¹¹¹ Построена в 1363 г., сохранилась со многими переделками.

¹¹² Бернатовичи – богатейшие кушцы Львова, по сравнению с которыми хозяева Груневега выглядят мелко-средними. Специализировались по преимуществу на вывозе в Османскую империю талеров (Кривонос В.Д. 1988).

¹¹³ Произведения этого мастера, скончавшегося в 1605 г., не сохранились. Сообщение Груневега уникально (Александрович В.С. 1998. С. 89–126).

¹¹⁴ В данном случае Груневег мог иметь в виду вообще православных (как «москвитян», так и «русь» Речи Посполитой). Поэтому здесь возможно употребление термина «русские», как это и предлагает Е.Е. Рычаловский.

¹¹⁵ См. предыдущий коммент.

¹¹⁶ Таким образом, к концу XVI в. сахар уже прочно вошел в быт львовских армян и руси.

¹¹⁷ Дополнительные сведения об этом отсутствуют.

¹¹⁸ Престолы могли быть и в иной форме – ковчега, блока из сплошной кирпичной или каменной кладки. Алтарная преграда – иконостас.

¹¹⁹ Царские врата, которые далее Груневег называет Небесными.

¹²⁰ Поразительно откровенное замечание.

¹²¹ Порядок православного крестного знамения (справа налево) отличается от католического и протестантского (слева направо). Еще в античности сложилось представление о правом как правильном и благоприятном, которое распространялось и на богов – правых и левых. Акт крестного знамения у христиан выражает причастность к Богу, однако разную: либо это обращение к Богу, либо обращение Бога к человеку, который оказывается объектом действия. В XII в. в церкви сосуществовали обе формы знамения. При этом ссылались на то, что Христос пришел от Бога Отца

в мир (сверху вниз), потом в преисподнюю (налево) и, наконец, взшел к Отцу (направо). Сторонники иного способа (справа налево) ссылались на то, что Христос пришел от Бога (т.е. направо) и крестом сокрушил дьявола (налево). В XIII в. к этому были добавлены и другие аргументы: благословляющий кого-то другого делает те же движения, а крестящийся произносит: «Во имя Отца, Сына и Святого Духа. Аминь». Ситуация не прояснилась и в XIV в. В защиту крестного знамения справа налево вспоминали о том, что правую руку Иисуса Христа пригвоздили к кресту первой, а левую – уже потом. Лишь после Тридентского собора (1545–1563) в условиях начавшейся Контрреформации, когда для консолидации церкви потребовалась унификация обряда, папа Пий V в 1570 г. установил порядок крестного знамения слева направо, который приняли и монофизиты, а том числе и армяне. Б.А. Успенский объясняет, что в этом случае сохраняется единый порядок крестного знамения и благословения, не зависящий от объекта, что свидетельствует о его первичности и связи с процессом катехизации, т.е. приуготовления людей к принятию таинства крещения, но в зависимости от возраста сложились различные обычаи крестного знамения. Взрослые, а именно они были первыми христианами, повторяя движения священника, крестились слева направо, детей крестил лишь священник. Б.А. Успенский полагает, что крестное знамение слева направо было древнейшим, полностью соответствуя Символу веры. В результате сложились два разных типа приобщенности к Богу: католический, где главным было обращение человека к Богу, и православный, где ведущим было обращение Бога к человеку, объекту божественной благодати. Это различие было закреплено и в формулах крещения («Крещая тебя во имя Отца и Сына и Святого Духа» у католиков, «Крещается раб Божий во имя...» – у православных), разрешения после исповеди. См. подробнее: *Успенский Б.А.*, 2004.

¹²² Хоросы и паникадила.

¹²³ Несмотря на сходство с католиками в обрядах и обычаях, львовские армяне проигнорировали Брестскую унию, и даже после 1630 г., когда Армянская апостольская церковь приняла унию, разрывавшую духовные связи армян Речи Посполитой с Эчмиадзином, армяне Львова долго и упорно протестовали против нее (*Банчик Н.* 1992. С. 7–9).

¹²⁴ Груневег отмечает первые признаки формирования армяно-католической церкви. В соответствии с унией 1596 г., принятой армянами после некоторого сопротивления, богослужение с середины XVII в. велось как по-армянски, так и на латыни, в годовой цикл церковных праздников наряду с «вардаваром» (Днем Св. Григория-просветителя), вошел и католический День непорочного зачатия (*Банчик Н.Я.* 1993. С. 105–110).

¹²⁵ В 1574 г. Ян Ласицкий издал посвященную этой теме книгу *De religione Armeniorum*, впрочем, неизвестно, был ли Груневег с ней знаком. Мнение Я.Д. Исаевича о том, что Груневег рисует Львов чисто православным и «русским» городом (*Исаевич Я.* 1980. С. 107), не соответствует действительности. Напротив, Груневег старательно перечисляет католические храмы и монастыри, дважды пишет о иезуитах, что свидетельствует о его близости с ними.

¹²⁶ Бочки были обычной в Средние века и в начале Нового времени тарой, в особенности при морских перевозках.

¹²⁷ Шелковая пряжа.

¹²⁸ На ярмарках иногда устанавливались ограничения на продажу некоторых сортов и размеров кож. Так, в 1495 г. произошел конфликт луцких шевцов с купцами. Первые приобретали кожи «малые неварунковые, телятины, баранины, козины», тогда как истари разрешалось приобретать только великие кожи «володые и яловичие» (*Сидоренко О.Ф.* 1994. С. 37–38). В связи с этим возможен перевод не «толстые», а ярмарочные.

¹²⁹ Смешанная шерстяная ткань.

¹³⁰ Грубая шерстяная ткань.

¹³¹ *Мухояр* – старинная пестротканая материя из льняных и шерстяных нитей различной окраски. Термин происходит из арабского *michajjar* для обозначения тканей из козьей шерсти. Упоминается в описи имущества царя Ивана IV в 1582 г. На Руси так называли привозные бухарские хлопчатобумажные ткани с шерстяными и шелковыми нитями.

¹³² Первое свидетельство о ввозе в Москву сахара, правда, отличного (в виде жмыха) от того, что употребляли во Львове и в Нюрнберге, где уже 4 января 1560 г. была ярмарка сахара (1, 247). Вероятно, дело в степени обработки. Однако уже в 1604 г. через Холмогоры в страну поступали разные сорта сахара – дорогой «головной» (в виде голов) по 6 руб. пуд, «делный» (вероятно, колотый) в коробках по 4 руб., «чиненный» и леденцы по 2 руб. (Западноевропейские купцы 1992. С. 15, 18, 19, 26).

¹³³ Пряности и сухофрукты (изюм, винные ягоды, чернослив) привозились и через Холмогоры. Высоко ценился черный перец (по 6–7 руб. пуд), значительно ниже шел «дикий» (по 1 руб.), имбирь в патоке, цвет мускатный, гвоздика, коринка, ядра миндальные по 2 руб. пуд (Там же. С 22, 24),

¹³⁴ Ср.: коммент. 127. Кроме того, у Груневега были венгерские ножи (как ни странно, ножи не только ввозили, но и вывозили из Москвы, правда, в более раннее время; так, в 1532 г. некий Федор вез их оттуда (подробнее см.: *Крин'якевич* I.П. 1953. С. 11–12), небольшие столбики соли и мелкие турецкие деньги – аспры, которыми он в Киеве одарял церковных сторожей. Груневег нигде не упоминает о ввозе в Россию европейских монет. Трудно, однако, предполагать, что ввоз ефимков из Европы осуществлялся исключительно морским путем через Холмогоры.

¹³⁵ О происхождении названия Глиняно Груневег рассуждал в рассказе о Львове (см. коммент. 62). Он так часто бывал в этом городе, лежавшем по пути в Константинополь (караван и ночевал там, торговцы пользовались тамошней корчмой), и устраивал дневные кормежки лошадей, что не нашел даже нужным охарактеризовать его, но в дальнейшем постоянно называл его «городом».

¹³⁶ Не исключено, что Кристоф Задикович был родственником (братом?) Томана Задиковича, одного из старост Львовской армянской общины (*Stopka Krz.* 2009. S. 150).

¹³⁷ Плухов – это деревня на торном пути в Молдавию и Константинополь, недалеко от которой находилась православная церковь и в которой автору довелось неоднократно и ночевать, и кормить лошадей (2, 691, 795, 850, 874, 875).

¹³⁸ Груневег поведал историю создания Зборова. Город в чистом поле строил пан Самуил Зборовский и делал это столь успешно, что на протяжении четырех лет – с 1582 по 1586 г. – он превратился в приятный «городок» (2, 696). Видимо, со слов владельца Груневег повторил, что название городу тот дал от своей фамилии, хотя обычно фамилии, оканчивающиеся на *-ский*, напротив, происходят от наименования земли или поселения (*Яковенко Н.Н, Боряк Г.В.* 1987). Судьба Груневега и С. Зборовского в последний раз пересеклась в августе 1584 г., когда хозяин направил Мартина с двумя возами товаров в Люблин, где король созвал сейм по делу Зборовского, которого там же и казнили (2, 874).

¹³⁹ Эта дорога вела в Константинополь. В период крестовых походов по ней двигалось христианское воинство, еще ранее ее использовали римляне, обустроившие мостовые и установившие каменные указатели пути, почему она у сербов в Средневековье именовалась «царским путем».

¹⁴⁰ Город или, скорее, городок Андернополь идентифицировать не удалось. Отсутствие сведений о нем можно объяснить стрессом из-за описанной ранее ссоры со шляхтичами из-за птицы. Судя по названию, его возникновение можно отнести к середине XVI в., к периоду увлечения шляхты античностью. Первое предположение, будто автор поместил сообщение о каком-то ином городе, неточно назвав его

Адрианоподем, несостоятельно. Об истинном Адрианополе он рассказал ранее, начав историю города с сообщения об упоминании его в Римском мартирологе в связи с тем, что он был родиной епископа Филиппа, казненного при императоре Юлиане Отступнике (361–363), и столицей Фракии, где, как и в Малой Азии и в Причерноморье, проповедовал хорошо известный русским летописцам апостол Андрей. И лишь после этого рисует облик города Адрианополь, получившего имя от римского императора филэллина Публия Элия Трояна Адриана (117–138), провозгласившего программу возрождения эллинизма. Город вплоть до XVI столетия сохранял в центре античную строгую планировку улиц, а за чертой античного прямоугольника выросло азиатское предместье с узкими и кривыми улочками с предместьями харчевен (Тахтакали, мечетями, Домом шелка) и обычными домами турецкой знати. Он описывает и внутренности дома с их мужскими и женскими половинами, внутренним двором с кипарисами и фонтаном и т.д. (2, 726–730). И, верный своим торговым интересам, завершает рассказ описанием Дома шелка и обычных лавок торговцев-ремесленников, которые на ночь владельцы защищали протянутыми вдоль улиц веревками. Здесь изготавливалась одежда разного рода вплоть до риз христианских священников. Поинтересовался он и обязанностями ремесленников платить пошлину султану и кади – судье (2, 729–732).

¹⁴¹ О Тарнополе (нынешнем Тернополе), основанном в 1540 г. Яном Амором Тарновским и в 1548 г. получившим магдебургское право (*Bues A.* 2008, 2. S. 876), Груневег в других местах не пишет, так как он побывал в нем только во время московской поездки.

¹⁴² В этом отношении замок отличался от подавляющего большинства небольших или средних западноукраинских замков, среди которых преобладали деревянные, в связи с чем итальянец Маласпина пренебрежительно называл их «хорошо сложенной кладкой дров» (*Loziński W.* 1964. S. 14), которую от поджога или пожара лишь отчасти спасала обмазка глиной.

¹⁴³ В 1557 г. Соховец стал рыночным местечком, принадлежавшим Зборовским (*Bues A.* 2008, 2. S. 876). Однако Груневег назвал его городом, и на обратном пути из Москвы армяне попали туда во время ярмарки 18 сентября. Кроме того, там располагались какие-то учреждения, скорее всего таможня, где его господа вынуждены были оформлять «письменные дела». Заслуживает внимания рисунок деревянного оборонительного заграждения (ср. раздел «В торговых поездках по Европе»).

¹⁴⁴ Соховец принадлежал к тем городам, которые застраивались стихийно безо всякого участия архитектора, их было большинство (*Herbst St.* 1954. S. 13).

¹⁴⁵ О монастыре см. ниже. Сообщение о готовности дать милостыню в Брынский монастырь свидетельствует о том, что армяне были хорошо осведомлены о дороге в Москву.

¹⁴⁶ Ладан – смола кедра, в Средневековье в основном ливанского (отсюда древнерусское название – ливан), традиционно принадлежал к импортным товарам (с Кипра – темьян-ладан, из Ликии на юго-западном побережье Малой Азии – черный темьян-игофит, из Палестины с горы Ливан – темьян белый) не только на Русь (письменные сведения об этом восходят к XI – началу XII в. См. подробнее: *Александр, диакон* 1999. С. 97; *Каштанов Д.В.* 2001. С. 39–46), но и в Европу. Ладан в Россию поступал и северным путем. Почти каждый корабль, прибывавший в 1604 г. в Холмогоры, имел значительные партии ладана, измерявшиеся пудами (Западноевропейские купцы 1992. С. 15, 20, 26). Даже в конце XVIII в. Вольтер в уста одного из своих персонажей «восточной» повести «Письма Амабеда» одноименного жреца вложил сочувствие европейцам, вся жизнь на протяжении всего лишь 18 веков была лишена многих вещей, которые «делают мир приятным» – «перца, гвоздики, чаю, кофе, сахара, шелку, хлопчатой бумаги, лаку, ладану» (*Вольтер Ф.-М.* 1931. С. 141). И если Вольтер ладан поставил на последнее место, то в предшествующие века в католической Ев-

ропе и тем более в православной России ладан ценился как необходимейшая в богослужении вещь.

¹⁴⁷ *Базилия* – город на р. Случь, правом притоке Горыни, которая справа же впадает в Припять. Название происходит от второго имени его основателя киевского воеводы (1559–1608) кн. Константина Василия Константиновича Острожского (*Janas E., Klaczewski W.* 2002), который, продолжая родовые традиции (уже его отец, второй по богатству князь в Литовском княжестве, выставлявший 426 всадников согласно ревизии 1528 г., троцкий воевода 1522–1530 гг. Константин Иванович Острожский в 1507 г. получил привилей Сигизмунда Старого, а в 1519 г. – подтверждение на основании местечка в Звягели с правом воскресной торговли и устройства ярмарки на День св. Дмитрия – см.: *Зяць А.* 2003. С. 42; *Кром М.М.* 2007. С. 125, 127, 135), активно участвовал в локационном процессе второй половины XVI в. Помимо тех мест, где побывал Груневег, кн. К.К. Острожский выступил основателем Александрии в 1594 г. (Там же. С. 61, 111). Базилия же в 1574 г. получила городское право, а в 1631 г. – подтверждение магдебургского привилея (Там же. С. 97, 157). В 1597 г. в этом городе был похоронен доминиканец Феликс (*Bues A.* 2008, 3. S. 1236; *SG.* Т. 1. S. 120). Однако сам К.В.К. Острожский оставался верен православию, защищая его от католиков духовным оружием (о чем свидетельствует Острожская библия печати Ивана Федорова 1581 г.), и обороняя свои владения от набегов иноверных татар.

¹⁴⁸ Судя по названию, с одной стороны, и плотности маленьких городков (названий которых автор записок не сообщил) в этой опасной для жительства приграничной полосе (которая в одном из королевских привилеев 1554 г. А.Ф. Порицкому на создание города да «именю его Вышегороде», прилегло к полю», названа «полем на Украине». – *РГАДА. Ф.* 389. Оп. 1. Кн. 35. Л. 172; цит. по: *Зяць А.* 2003. С. 72) – с другой, можно предположить, что и Константинов или его замок основан князем К.В.К. Острожским, в 1561 г. получил магдебургское право, содержавшее право устраивать ярмарки (*SG.* Т. IV. S. 363). К сожалению, современные исследователи волынских и вообще западноукраинских локаций – и польский, и украинский, по этому поводу не высказались.

¹⁴⁹ Территория верхнего и среднего течения Буга и левобережье среднего течения Днепра в 1569 г. стала частью Речи Посполитой. Предшествующая история этой земли (см. подр. коммент. 6) обеспечила ее раннюю известность в Западной Европе. Топоним Подолье, равно как *Russia, Glinam, Leopolis*, появился на европейских картах весьма рано. Так, уже на Восьмой страсбургской карте 1513 г., сделанной М. Вальдземюллером на основе птолемеевской схемы, Подолия помещена между Гиперборейскими горами и Эвксинским морем, тогда как *Leopolis* оказался внутри отрогов этих гор (*УНСК XV–XVII ст.* С. 22–23).

¹⁵⁰ Кн. Константин Василий Константинович Острожский.

Константин Острожский.
Литография К. Замойской
с оригинала XVI в., 1822

Грош Сигизмунда II Августа

- ¹⁵¹ Фразеологизм или пословица, не имеющая русских аналогий. Здесь «Висла» – символ королевского двора, столицы и соответствующих обычаев и манер, которых должны и впряме придерживаться все польские «сарматы».
- ¹⁵² Перевод Е.Е. Рычаловского: «Как прислуживает Девушка, и ведут себя сообразно их разуму и шляхетским обычаям»; перевод Е.Р. Сквайрс: «Как прислуживает девушка, и ее и видеть, и слышать позволяется, так как она и разумна и держится по-шляхетски».
- ¹⁵³ В тексте рассказа о московской поездке Груневег очень часто употребляет пословицы, которые уже в это время стали предметом внимания итальянских филологов (Manutio P. 1575).
- ¹⁵⁴ Эта мода, весьма распространенная на территории Российского царства, захватила коронные и «литовские» земли Речи Посполитой в меньшей степени и, видимо, позднее Россию.
- ¹⁵⁵ Почестье и в России даже XVII в. было весьма обременительным для торговцев. Монастырские крестьяне Калмыковы в качестве почестья воеводам по волжскому пути закупали сахар, лимоны и т.д. (Вулих Е.З. С. 62).
- ¹⁵⁶ Русский аналог этой пословицы: «Не было бы счастья, да несчастье помогло».
- ¹⁵⁷ *Dux* (*дам.*) – князь (не имеет отношения к польскому слову *duch* (Bues A. 2008, 2. S. 879, № 2274). *Ehselmans duchs* – игра слов: вместо по-дворянскому (*edelmans*), что было бы логично, потому что шляхетские, в том числе и княжеские польские, фамилии часто кончаются на *-ский*, Груневег пишет, меняя одну букву, – «по-ослиному». Такую же операцию он производит и со словом *dux*, заменяя его польским «духом». Е.Е. Рычаловский предлагает иной вариант перевода: «Неостриженный крестьянин в господском платье, которого они на языке черни называют «Удары палкой»».
- ¹⁵⁸ Нельзя не согласиться с доводами землевладельца. Караван в 300 повозок, сопровождаемый не менее чем 600 конниками (см. подр. раздел «Счетовод» за работой), действительно может нанести много вреда и дорогам, и пастбищам владельца.
- ¹⁵⁹ То есть точно сказали – возможно, тоже пословица.
- ¹⁶⁰ В употреблении были еще гроши Сигизмунда Августа.
- ¹⁶¹ Город на Случе – «на татарском пути» – был заложен князем Константином Василием Константиновичем Острожским в 1576 г. (Бевзо О.А. С. 129), в 1579 г. в нем было уже 309 домов и 32 лавки на рынке. В 1580 г., когда князь уже построил замок и начал строительство места, город получил локационно-магдебургский привилей, по классификации Н.П. Ковальского – А. Заяца – «на фундацію местечка», с разрешением на устройство двух ярмарок в год (SG. Т. VII. S. 694; Bues A. 2008, 2. S. 880; Заяць А. 2003. С. 79, 98, 100, 108, 112; Ковальский Н.П. 1983. С. 15). Возможно, этому поселению предшествовало другое – г. Случ, который есть на Восьмой карте М. Вальдземюллера 1513 г. (УНСК XV-XVII ст. С. 23).

- ¹⁶² Эта система защитных сооружений в более позднее время широко использовалась при устройстве усадеб (Миронов В.В., Наулко В.В. 1987. С. 123).
- ¹⁶³ По-видимому, к 1584 г. ратуша еще не была построена, хотя согласно привилею 1580 г. подобное строительство разрешено (Заяць А. 2003. С. 113–114).
- ¹⁶⁴ Исследователь градообразования на Волыни XVI – первой половины XVII в. А. Заяць указывает, что новые местечки строились в виде прямоугольников или квадратов, а некоторые из них, в том числе Острополь, заселялись исключительно свободными людьми (Заяць А. 2003. С. 113–114).
- ¹⁶⁵ В отличие от большинства несостоявшихся в реальности вновь основанных поселений городского типа второй половины XVI в. (51 из 70), на которую приходится пик подобного локационного процесса (115 поселений, тогда как в первую половину их было только 29. См.: Заяць А. 1993. С. 90), Острополь имел замок, хотя и деревянный, что обеспечило ему успешное развитие в дальнейшем (Там же. С. 54, 134–136).
- ¹⁶⁶ Несмотря на плачевное состояние города, заложенного в 1340–1382 гг. кн. Любартом Гедиминовичем, в 1579 г. он получил городское право (SG. Т. V. S. 375; Bues A. 2008, 2. S. 880). Любарт вел активное строительство и в других городах.
- ¹⁶⁷ Чуднов находится на р. Тетерев, он в XV в. входил в систему защитных пунктов Киевской земли. Стены и башни замка строились по разверстке местными землевладельцами. В 1478–1482 гг. 32% населения Чуднова, насчитывавшего 130 «дымов» и 23 корчмы, составляли «слуги», в обязанность которых входило несение военной службы, что освобождало их от других податей и повинностей (РИБ. 1910. Т. XXVII. Стб. 169–170; *Łowmiański H.* 1974. S. 192–194). Во второй половине XVI в. принадлежал К.В.К. Острожскому, в 70-е гг. того же столетия насчитывал 142 дома. С 1582 г. дважды в год устраивались двухнедельные ярмарки (SG. Т. I. S. 714–715; Bues A. 2008, 2. S. 881; *Bobiński W.* 2000. S. 301–305).
- ¹⁶⁸ Поселение на месте Житомира сложилось еще в Киевской Руси. В 1478–1482 гг. он насчитывал 191 «дым» и 20 корчем, как и в Чуднове, в нем было много «слуг» – 23% (*Łowmiański H.* 1974. S. 194). С 1566 г. в нем киевский воевода вершил суд и расправу. После Люблинской унии вошел в состав Короны (SG. Т. XIV. S. 901–914; Bues A. 2008, 2. S. 881; *Bobiński W.* 2000. S. 295).
- ¹⁶⁹ Народная этимология. Жито – рожь, мир (от глагола мерить) – мера.
- ¹⁷⁰ Рамадан, возможно, как и все купцы, традиционно занимавшиеся торговлей с Россией, в том числе и товарами из султанской казны, получал почетное «звание» «челеби». В 1548 г. в Москве появился Мустафа Челеби = Муслуг-ад-дин (РГМ XVI в. Т. 1. С. 168–170), а в 1561 г. – Мехмед (*Bennigsen A., Lemerrier-Quellejay Ch.* 1971. P. 371–377; *Berindei M.* 1986b. P. 94).
- ¹⁷¹ Ныне г. Коростешів Житомирской обл., располагается на р. Тетерев. В описании Киевской земли 1478–1482 гг. указано, что в Коресцешове, где, как и Житомире, находились дворы-фольварки с 6–7 человеками челяди (*Łowmiański H.* 1974. S. 193). Впервые упоминается в 1499 г. в привилее великого князя Александра Александровича Кмита. С 1566 г. принадлежал семейству Олизаров, а с 1581 г. – Адаму Олизару Волчкевичу. Замок выстроен в 90-е гг. XVI в. (SG. Т. XV, 2. S. 127; *Bobiński W.* 2000. S. 319; Bues A. 2008, 2. S. 882).
- ¹⁷² Брусилон на р. Здвиж, притоке Тетерева, его владельцами до середины XVI в. были Брусилонцы, а потом Бутовичи. С 1574 г. город получил право устраивать три ярмарки в год, однако тогда же, в 1574–1585 гг., он три раза подвергся нападению крымцев, последствия первых двух и наблюдал Груневег (SG. Т. I. S. 389–390; *Bobiński W.* 2000. S. 211–212; Bues A. 2008, 2. S. 882).
- ¹⁷³ Транслитерация русского слова, женский род существительного передан артиклем (*eine cerkew*).

¹⁷⁴ Лось. В исторических источниках подобный топоним отсутствует (известна лишь волость Лосичи, Лошици, Лошичи на Ворскле и Мерли. См.: *Русина О.В.* 1998. С. 129, 133, 134). Польские и украинские историки предполагают, что Груневег ошибся и что речь идет о Белогородке, находящемся на пути из Житомира в Киев. Видимо, однако, автор «Записок» передает, как и указывает сам, неофициальное наименование поселения местными жителями.

¹⁷⁵ На самом деле Ирпень (Рпень в средневековых источниках).

¹⁷⁶ Борщовка – приток Ирпени. Борщаговка – ныне район Киева, наименование которого – пример народной этимологии, связанной, однако, по мнению Л. Похилевича, с некоторыми реальными фактами, а именно расположением на этой реке монастырских сооружений, где паломников кормили борщом с тамошних огородов (*Похилевич Л.* 1864. С. 17). ¹⁷⁷ Одна русская миля (верста?) соответствовала пяти немецким. – *Коммент. Е. Русиной.*

¹⁷⁸ Преувеличение размеров Киева, характерное для многих хронистов, писавших о Речи Посполитой XVI–XVII вв. (А. Гваньини, Э. Лясоты и других), исходило из искреннего желания продемонстрировать могущество этой страны.

¹⁷⁹ Троя находилась на этом месте – на этот раз речь идет отнюдь не о «грубом заблуждении грубого народа» (как пишет Груневег ниже), но о мнении просвещенных киевлян, знающих о том, что такое Троя благодаря древнерусской повести о Трое (Троянские сказания 1972). Если среди польской элиты в это время распространилась идея о происхождении народа от сарматов, которая стала системообразующей не только для XVI–XVIII вв., но сохранилась – в модифицированном виде – и позже, наложив отпечаток на психику польского (*Лескинен М.В.* 2002), русского и украинского народа до наших дней, то киевская элита, не удовлетворенная сравнительной молодостью своего народа, еще только превращавшегося в украинский, но по-прежнему именовавшегося Русью, дополнила или скорее модифицировала эту идею трактовкой Трои как прародины Киева.

Во весь голос об этой теории, правда, применительно не к Киеву, но Киевской земле, сообщил Михалон Литвин уже в середине XVI в. (*Михалон Литвин* 1994. С. 99). Однако тогда же у нее нашелся и противник – М. Стрыйковский, указавший нелепость этой идеи хотя бы потому, что «Троя находилась на море в Малой Азии» (*Strzykowski M.* 1846. Т. 1. С. 155). Этот же «географический» аргумент использовал о. Венцеслав.

Подобные теории не умерли не только в XX, но и в XXI столетии. Так, в прошлом столетии патриоты Руси – украинские и русские археологи во главе с академиком Б.А. Рыбаковым – упорно развивали теорию происхождения славян от трипольцев третьего тысячелетия до н.э., не в силах смириться с фактом сравнительно позднего проникновения славян на «исконно русские территории» (*Хорошкевич А.Л.* 2011).

Вопрос о времени основания Киева долго оставался спорным, Палеолитические, неолитические, энеолитические (так называемой трипольской культуры) стоянки служили обоснованием мысли, подобной той, что изложил Груневег, разумеется, с поправкой, что эти стоянки «не представляли бесперывной исторической традиции развития» (*Брайчевский М.Ю.* 1964. С. 27). Тем не менее начало истории города или протогорода связывали с населением, оставившим зарубинецкую (II в. до н.э. – II в. н.э.) и черняховскую (II–III вв. н.э.) культуры (Там же. С. 39–52), считавшиеся подавляющим большинством археологов восточнославянскими. (Более современные взгляды на эти культуры см.: *Седов В.В.* С. 594–605.) Деятельность легендарного Кия относили ко времени не раньше VI–VII вв. (*Брайчевский М.Ю.* 1964. С. 63), это устойчивое заблуждение усердно насаждали Б.А. Рыбаков, а в 70-е гг. – А.Н. Сахаров (см.: *Хорошкевич А.Л.* 2011). Лишь выход в свет в 1993 г. обобщающего сборника под редакцией И.П. Русановой «Славяне и их соседи в конце I тысячелетия

тия до н.э. – первой половины I тысячелетия н.э.» несколько затормозил вал псевдонаучных политико-романтических построений.

Однако предыстория Киева сохраняет еще много спорных вопросов. Как утверждают археологи, «следов прямого перехода от древнейшей пражско-корчакского типа, связанных с правобережной племенной группировкой славян, к археологическим культурам VII–VIII вв. (волынцевской и др.), представляющим левобережные и южные племенные группировки, нет». М.А. Сагайдак разгадал загадку нескольких стерильных слоев суглинка, перекрывавшего на Замковой горе и Подоле (там их 14 на протяжении столетия с конца VIII до конца IX в.) культуры ранних славян (Луки Райковецкой и Волынцевской). М.А. Сагайдак объясняет появление этих слоев резкой активизацией геологических процессов в конце VIII – конце IX в., в связи с чем население вынуждено было временно покидать затопляемые пойменные низины. Справедливости ради стоит отметить, что идея прерывистости развития поселения на месте будущего Киева была высказана в 1974 г. не археологом, но историком (*Шаскольский И.П.* 1974. С. 70–72). Возрождение поселения на Подоле в районе Житного рынка произошло в конце IX в., к этому же времени относятся первые погребения на Старокиевской горе (*Сагайдак М.А.* С. 107, 103–104). Возвратившееся на будущий подол Киева население занималось по преимуществу торговлей, о чем свидетельствуют находки византийских монет, импортных бус из сердолика и хрусталя (*Толочко П.П.* 1981. С. 366–370; *Он же* 1983. С. 171–173).

¹⁸⁰ Не исключено, что на этот раз Груневег не вполне точно определил происхождение топонима. Речь могла идти о небольшом рынке в местечке, получившем название от зарослей хорошо известного в Восточной Европе сибирского борщевика, высокого, до двух метров, зонтичного растения, быстро распространяющегося вдоль рек, дорог и т.д., молодые побеги которого, как и сныти, годятся в пищу, а стволы, напротив, ядовиты. Отсюда пословица «Были бы борщевик да сныть, а живы будем».

¹⁸¹ В оценке характера застройки Киева единодушны и хронисты, прежде всего Э. Лясота и Г.Л. де Боплан (*Боплан* 2004. С. 150, 151), и археологи (*Толочко П.П.* 1976. С. 111), и историки (*Білоус Н.* 2008. С. 78). – *Коммент. Е. Русиной.*

¹⁸² Однако исполнение соборных и уставных православных положений было затруднено в период введения григорианского календаря (*Кириллова Л.А.* 2006. С. 19).

¹⁸³ Площадь усадеб в древнем Киеве, сохранявшаяся весьма устойчиво, колебалась от 300 до 320 кв. м (*Сагайдак М.А.* 2007. С.104).

¹⁸⁴ О размерах бань-мылен, располагавшихся на дворах усадеб, судить очень трудно как раз и из-за их конструкции (черные бани с огромной печью-каменной). Они известны в основном по этнографическим, а не археологическим материалам (*Бломквист Е.Э.* 1956. С. 337–344.). Однако имеются и археологические наблюдения в Великом Новгороде XI–XIII вв. (*Хорошев А.С.* 1998) и в Москве XV в. (*Рабинович М.Г.* 1964. С. 206–208). Их обычно ставили у мостовой – подальше от жилых помещений и с целью создания условий для слива воды. Наряду с баниями-мыльнями в Новгороде XIII в. строились чистые двухкамерные бани-пятистенки (*Хорошев А.С.* 1998. С. 304, 305). К последнему типу бань принадлежала, вероятно, и та, которую посещал Груневег. Можно полагать, что это была общественная баня, сдававшаяся на откуп. Такие бани, их устройство и финансовая эксплуатация известны в Новгороде начала XVII в. по так называемым «банным книгам» времени шведской оккупации Новгорода (*Хорошевич А.Л.* 2004. С. 130–136).

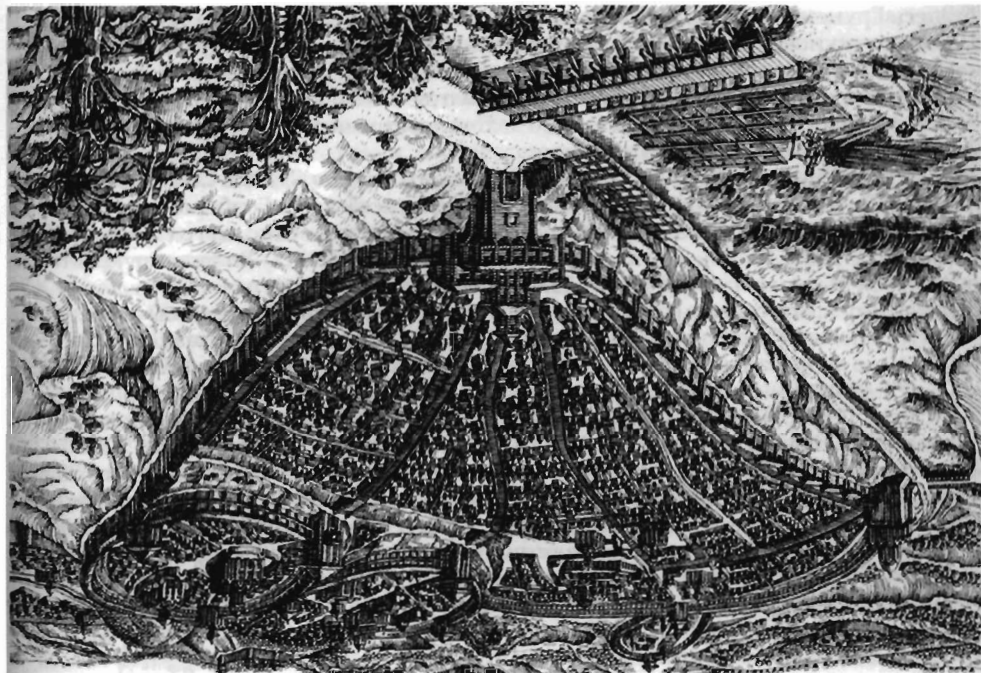
¹⁸⁵ Непереводимая игра слов: *fantasma* – необузданное франтовство, *zaun* – забор.

¹⁸⁶ Однако Груневег не пишет о морских походах запорожских казаков, уже в его время почти регулярных (см. подробнее: *Боплан* 2004. С. 62, 63, 155, 191, 257, 261–267).

¹⁸⁷ Своеобразие формы города отмечалось и позднее (Там же. С. 148, 149).

¹⁸⁸ Это низменная часть города – Подол.

- ¹⁸⁹ О.В. Русина идентифицирует их путь со старой дорогой на Белгород по горе Глубочице, которая завершалась у рынка (позднейшая Красная, или Контрактовая, площадь) (*Bues A.* 2008, 2, S. 885).
- ¹⁹⁰ Это может быть между р. Почайной и горой Щекавицей.
- ¹⁹¹ Замокская гора.
- ¹⁹² Археологи обнаружили на Подоле в районе ул. Хоревой три ряда клетей из поставленных на ребро досок (*Сагайдак М.А.* 2007а. С. 7–22; *Сагайдак М.А.* 2007б. С. 10–103).
- ¹⁹³ Хлебный (Житный) рынок в той части города, которая называлась Бискупщина, находившаяся под юрисдикцией киевского католического епископа (*Bues A.* 2008, 2, S. 885).
- ¹⁹⁴ Яцек (Гиацинт) Одровонж (1183–1257), ученик св. Доминика (канонизирован в 1234 г.), основатель Данцигского, Львовского ордена предингеров, Краковского, Подкаменного, Киевского доминиканских монастырей, канонизированный в 1594 г. (2, 806; 3, 1216). Один из главных героев сочинения Груневега, житие которого он поместил в самом начале своего сочинения (1, 299–301; 2, 808; 3, 1182), его чудеса и с ним связанные о. Венцеслав описывал неоднократно (2, 580, 831, 898). В 1228 г. Яцек Одровонж посетил Киев и за чудесное излечение дочери кн. Владимира Рюриковича получил право поставить монастырь Девы Марии, который, по предположению киевских археологов, находился на Оболони. На Владимирской улице обнаружены остатки ротонды, которую одно время ошибочно считали теремом кн. Ольги (*Комеч А.И.* 2007. С. 129). Г.Ю. Ивакин датировал ее концом XII – началом XIII в. (*Ивакин Г.Ю.* 1996. С. 112–114). В 1233 г. доминиканцев изгнали, в 1238 г. они вернулись. Но после нашествия Батыя монастырь уже не возродился. Из Киева Одровонж привез алебастровый образ Богоматери (2, 885). Его могила находится в Троицком соборе Вавеля (3, 1097).
- ¹⁹⁵ Каменный храм, построенный в 1599–1602 гг., был освящен еп. Казимирским (*Bobinski W.* 2000. S. 83–85) В XVII в., между 1618 и 1640 г., монастырь был перестроен, и, по свидетельству доминиканца середины века Петра Развидовского, при этом был использован не только камень, но и расплавленный свинец от Иоакимфовской церкви (*Сборник материалов 1874.* Т. 2. С. 102). По сведениям киевского митрополита Варлаама Ясинского 1691 г., с этой целью был использован камень знаменитой церкви Бориса и Глеба в Вышгороде (*Закревский Н.В.* 1868. Т. 1. С. 450; *Bues A.* 2008, 2, S. 886).
- ¹⁹⁶ А еще раньше, в 1589 г., там вообще оставался один монах. Это обнаружил И. Верещинский по прибытии в Киев в качестве католического епископа (*Верещинский И.* 1894. С. 405; *Bues A.* 2008, 2, S. 886).
- ¹⁹⁷ Транслитерация указывает на то, что храм был православным.
- ¹⁹⁸ Богородицы.
- ¹⁹⁹ Это церковь Богородицы Пирогошей 1131 г., по завершении ее строительства прекратились те страшные заносы, от которых страдало население Подола в IX в. «За 218 лет – период между заселением участка и сооружением церкви пирогощи – уровень дневной поверхности Подола вырос более чем на 10 м, тогда как за 869 лет после возведения церкви и до наших дней уровень вырос немногим больше чем на 2 м» (*Сагайдак М.А.* 2007б. С. 102). В 1613–1614 гг. была отремонтирована, позднее перестроена, а в 1935 г. снесена (*Bues A.* 2008, 2, S. 886).
- ²⁰⁰ Груневег, в отличие от Михалона Литвина, который сообщает о транзите в Москву через Киев разных «каменьев, шелковых [одежд], вытканых золотом, шелков, курений, благовоний, шафрана, перца и других пряностей» (*Михалон Литвин.* 1994. С. 99), не пишет, чем там торговали. Но, судя по находке английских торговых пломб времен Елизаветы I, которые придельвалась к сукнам (*Климовский С.И.* С. 50–51), можно полагать, что, кроме названных Михалоном, в Киев во времена Груневега ввозились и английские сукна.

Киев XI–XII вв. со стороны Лядских ворот (по М.А. Сагайдаку)

²⁰¹ Е.В. Русина предполагает, что караван-сарай находился на месте позднейшего Гостиного двора (Bues A. 2008, 2. S. 886).

²⁰² Считается, что замок на холме (позднее Замковой, Фроловской, с XVII в. Киселевской горе) – создание кн. Владимира Ольгердовича конца XIV в. Однако, по наблюдениям археологов, здесь же находилась и военная администрация города и в X в., здесь наряду с «городом Владимира» в XI в. возникли «город Ярослава» с ярко выраженным скандинавским типом находок, «город Изяслава» (Сагайдак М.А. 2007б. С. 104–107, 129).

Уничтоженный крымским ханом Менгли-Гиреем в 1482 г. замок Владимира Ольгердовича был снова восстановлен. В 1570 г. королевские ревизоры, указав материалы, из которого он был построен (сосновые бревна) и различные сооружения в нем (дома воеводы и киевской знати, церкви, цейхгауз и т.д.), сочли его состояние плачевным, как сообщил Э. Лясота в XVII в. (Bues A. 2008, 2. S. 886).

²⁰³ Матыш (Матеуш) Воронецкий (1561–1615), подвоевода Киева.

²⁰⁴ Эта Армяно-григорианская церковь Рождества Богородицы, поставленная на каменном фундаменте и разрушенная в 1482 г. (Ивакин Г.Ю. 1996. С. 146–151) Об одном из киевских армян – Стефане – Груневег рассказывает ниже. – *Коммент. Е. Русиной.*

²⁰⁵ Впрочем, сам Груневег позднее рассказывает об арендаторе – армянине.

²⁰⁶ Старокиевская гора.

²⁰⁷ Они расположены на Мотлаве в удобном для погрузки на корабли месте.

²⁰⁸ *Город* – древнерусский град, площадь которого в начале XIII в. достигала 80 га, позднее старый или верхний град. – *Коммент. Е. Русиной.* Ср.: Раппопорт П.А. 1967.

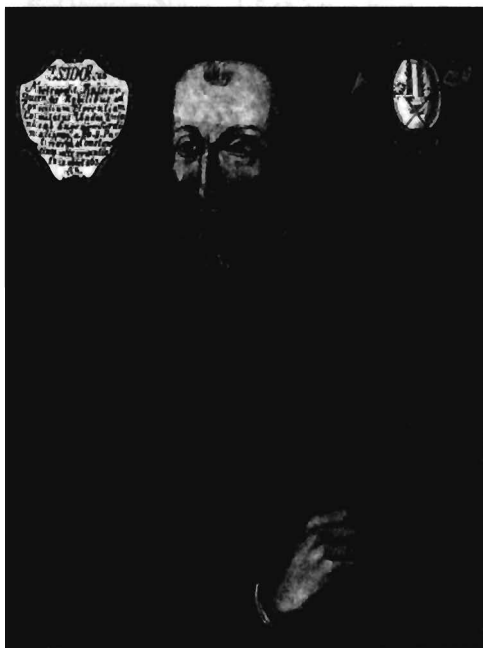
²⁰⁹ *Ку* – естественно, это латиница.

- ²¹⁰ Здесь Груневег нечаянно раскрывает подоплеку возникновения «тройной» теории возникновения Киева. Из его рассказа неясно, кто именно шутил так оскорбительно для киевлян, скорее всего, это были поляки, вероятно, шляхта, ведшая свое происхождение от сарматов. Естественным ответом на эти насмешки стала «тройная теория». Показательно, что ни о каком перевозчике Кие из древнерусских летописей Груневег даже не упоминает.
- ²¹¹ Дата крещения восходит к «Хронике» Бельского (*Исаевич Я.* 1982. С.115; *Bues A.* 2008, 2. S. 888). Она же значится и в «Записках о Московии» С. Герберштейна. 1000 г., а со ссылкой на Ц. Барония – 1008 г., значится в Патерике Сильвестра Косова 1635 г. (*Косов С.* 2007. С. 25). Согласно изысканиям А.В. Поппэ, Владимир крестился 8 апреля 988 г. на Пасху (*Poppe A.* 1976. S. 242-243).
- ²¹² Владимир Святославич (†15 июля 1115 г.), сын Святослава Игоревича, «креститель Руси», «новый Константин», Владимир Красное Солнышко, почитавшийся на Руси с XI в., но официально причисленный к лику святых в конце XIII в. (*Поппэ А.В.* 1996. С. 479-480).
- ²¹³ Василий II Багрянородный, сын императора Романа из Македонской династии, соправитель Иоанна I Цимисхия, византийский император (январь 976 – 15.XII. 1025). Согласно изысканиям А.В. Поппэ, Василий в мае – июне 987 г. направил кн. Владимиру просьбу о помощи против узурпатора Варды Фоки. Тот согласился и оказать помощь, и креститься при условии женитьбы на его сестре Анне. Русские войска в январе–феврале 988 г. разбили мятежников под Хрисополем и в апреле – июле 989 г. захватили союзный мятежникам Херсонес. В Богоявление 988 г. – 6 января был крещен Владимир, на Пасху или Троицу – киевляне, а летом состоялось бракосочетание с Анной (*Поппэ А.* 1978. № 2. С. 45-58). О крещении княгини Ольги ср.: *Литаврин Г.Г.* С. 41-52).
- ²¹⁴ Константин VIII (960-1028), византийский император из Македонской династии (1025-1028), соправитель Василия II Болгаробойца с 976 по 1025 г.
- ²¹⁵ Массовые погребения по христианскому обряду (трупоположение в деревянном гробу) на некрополе Десятинной церкви подтверждают это сообщение (*Каргер М.К.* 1951. С. 84-93).
- ²¹⁶ Вероятно, и у него, как и у Ярослава, греческих мастеров было немного, и в строительстве участвовали и местные горожане из найма (*Комеч А.И.* 2007. С. 149, 163).
- ²¹⁷ Возможно, он приписывал инициативе Владимира и строительство церкви Св. Георгия и Св. Ирины, возведенных Ярославом (*Комеч А.И.* 2007. С. 153).
- ²¹⁸ Перевод термина *fantzaun*, по крайней мере дважды употребленного автором, не претендует на точность, так как отсутствует в доступных переводчиках словарях.

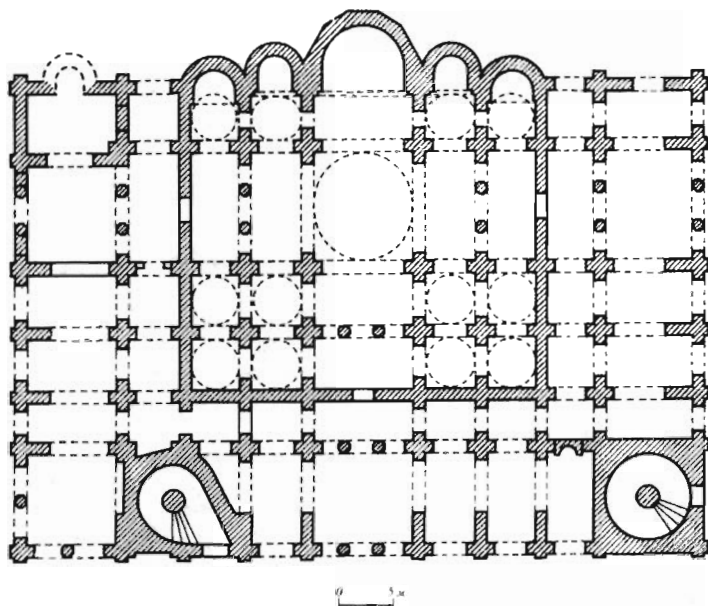
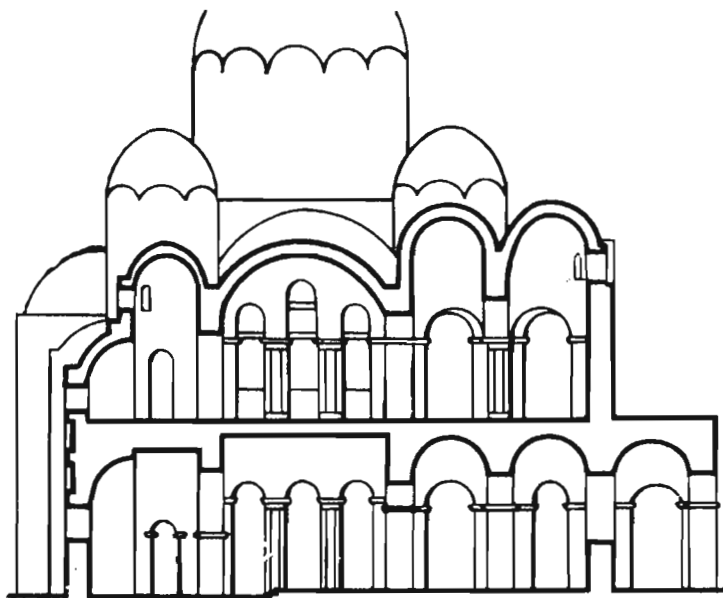

Княгиня Ирина. Деталь копии Софийской фрески А. фон Вестерфельда, 1651

- ²¹⁹ *Каменец-Подольский* – древнерусский город Галицко-Волынского княжества, со второй половины XIV в. – административный центр Подолии. Замок к середине XVI столетия был уже полностью каменным, имел 16 башен. В городе же, соединенном с ним мостом, насчитывалось 12–14 тыс. человек: руси, поляков, армян, действовали три рынка, бывшие центрами Руской, Польской и Армянской частей города, имевших собственное управление и, соответственно, ратуши. Мощная армянская община занимала южные кварталы города (*Петров Н.Б.* 1987. С. 12–13). Город был последним крупным торговым центром на территории Речи Посполитой, поэтому здесь купцы запасались хлебом местной выпечки, не подверженным плесени, а лишь усыхавшим (2, 742).
- ²²⁰ К сожалению, автор не указывает его типа – был ли это паром или ладья, неизвестно. В ту пору были распространены весельные плоскодонки – кояги, которые и могли служить для переправы через реки повозок и лошадей.
- ²²¹ В августе 1584 г.
- ²²² Речь идет об ордене проповедников, обычно именуемом доминиканским.
- ²²³ Вероятно, ему не хватало специальных теологических познаний.
- ²²⁴ *Ониас (Ония)* – еврейский первосвященник, IV в. в династии (†145 г. до Р.Х.), выехал в Египет и пользуясь покровительством Птолемея Филометра, в Илиопольской провинции в Леонтополисе к северо-востоку от Каира воздвиг храм, подобный иерусалимскому, который, однако, не приобрел такого значения, как последний (ср.: *Bues A.* 2008, 2. S. 890).
- ²²⁵ Груневег ошибочно приписывает честь сооружения Софийского собора Владимиру Святославичу. Возможно, от своего информатора, знатного киевлянина, он слышал рассказ о Десятиной церкви (дворцовом княжеском храме, возведенном византийскими мастерами – *Комеч А.И.* 2007. С. 127, 129), и перенес эти сведения на Софийский собор. Тем более, что и Софийский собор возводили греки (*Высоцкий С.А.* 1974. С. 122–126).
- ²²⁶ Софийский собор в Киеве возведен Ярославом Мудрым в 1037–1045 гг. (*Комеч А.И.* 2007. С. 163). Странно замалчивание Груневегом деятельности Ярослава Мудрого, сестра которого, Мария Добронег, не позднее 1039 г. стала женой польского короля Казимира (1039–1058).
- ²²⁷ Площадь ее внутреннего пространства – 1365 кв. м, а общая внешняя – 2310 кв. м.
- ²²⁸ Киевский митрополит Исидор, с большой помпой отправленный великим князем Владимирским и Московским Василием II в Италию, участвовал во Флорентийском соборе 1437 г., однако уния в Москве не была принята, и он, «легат от ребра св. Петра», после кратковременного заточения покинул Русь, был константинопольским па-

Портрет киевского митрополита Исидора.
Музей истории религии, Львов

Собор Св. Софии в Киеве. 1030–1040-е гг. Продольный разрез по крайнему северному нефу и план. Реконструкция А.И. Комеч

триархом-униатом в Италии, где и скончался в 1462 г. Характеристика как «мученика» восходит к изданному в 1595/96 г. Дж. Воторо сочинению *Le relationi universali* (Bues A. 2008, 2. S. 890). События Флорентийской унии ускорили разделение восточно-европейской православной церкви на Киевскую и Московскую митрополюю. В Москве 15 декабря 1448 г. был поставлен новый митрополит Иона (ПСРЛ. Т. 27. Ч. 115), а спустя 10 лет, 21 июля 1458 г., еще одним Митрополитом всея Руси стал ученик Исидора Григорий Болгарин, поставленный папой Калистом III (1455–1458) и признанный польским королем и великим князем Литовским Казимиром IV Ягеллоном (Голубинский Е.Е. 1900. С. 504–507).

²²⁹ Это вершина Замковой горы.

²³⁰ О чем свидетельствуют ханские ярлыки русским митрополитам.

²³¹ Такая галерея в реконструкции А.И. Комеча отсутствует (Комеч А.И. 2007. С. 148).

²³² Такой галереи в Константинополе не было изначально.

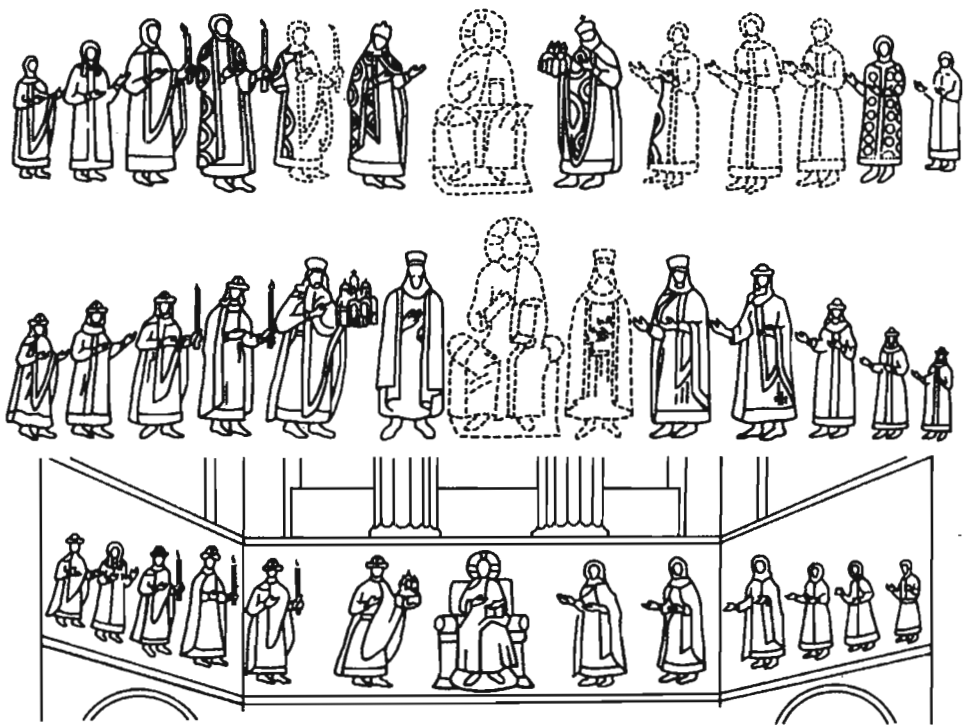
²³³ Это были тройные двухъярусные аркады (Комеч А.И. 2007. С. 149).

²³⁴ 27×31×3,5 см. О размерах кирпича см.: Раппопорт П.А. 1979.

²³⁵ В действительности – только в двух. См. план: Комеч А.И. 2007. С. 148.

²³⁶ Это красный шифер из Овруча. Мысль о том, что мраморные плиты были не местного происхождения, а привезены откуда-то, убедительно опровергается А.И. Комечем (Комеч А.И. 2007. С. 155).

²³⁷ Прекрасное воспроизведение сохранившихся доныне фресок см: Попова О.С., Сарбьянов В.Д. 2007.С. 188–189. 222–226, 229–262).

Фреска главного нефа Софийского собора в Киеве.
Реконструкция С.А. Высоцкого – Ю.А. Коренюка

- ²³⁸ Груневег не заметил ни русских, ни армянских граффити (Высоцкий С.А. 1985. С. 23–39).
- ²³⁹ Мозаичный образ Марии Оранты имеет в высоту 5,45 м, а купол храм достигает 29 м.
- ²⁴⁰ Воспроизведение см.: *Попова О.С., Сарабьянов В.Д.* 2007. С. 201–202.
- ²⁴¹ *Киворий* – напрестольная сень, считался обобщенным изображением распятия, погребения и Воскресения Христова, завета Господня и троном Христа. Их в Древней Руси делали из камня, дерева и металла.
- ²⁴² В настоящее время отсутствуют.
- ²⁴³ Это обычные глиняные кувшины. Это так называемые «голосники» для улучшения акустики.
- ²⁴⁴ В переводе Я.Д. Исаевича, который пользовался микрофильмом рукописи, представленным ему А.В. Поппэ, текст, заключенный автором в скобки, отличается от воспроизведенного в немецкой публикации 2008 г.: «грецкого зразка (следует изображении квадрата), а не (следует изображение прямоугольника), як у нас» (*Исаевич Я.* 1982. С. 209). Боплан вообще считал, что свод состоял исключительно из кувшинов, соединенных друг с другом (*Боплан* 2004. С. 148/149).
- ²⁴⁵ Несмотря на неопределенность указания Груневега о местоположении этого «зеркала», А.И. Комеч сопоставляет его с изображением Спасителя на мраморе, расположенном в Софии Константинопольской справа от главного портала при входе из нартекса в основное помещение, перед которым внутренне исповедовались все входящие (*Комеч А.И.* 2007. С. 156).
- ²⁴⁶ Согласно Эриху Лясоте, зеркало находилось в углублении и было разбито из ревности женой царя, увидевшей его ухаживание за язычницей.
- ²⁴⁷ Речь идет о мозаике размером от 0,25 до 1 кв. сантиметра.
- ²⁴⁸ О киевском замке см.: *Раппопорт П.А.* 1967.
- ²⁴⁹ Это парадный въезд в замок с 1137 г., носящий название по образцу константинопольских ворот. Конструкция подобных ворот восходит к римскому времени – арочный и сводчатый проезд, невысокий ярус над ним и боевая площадка. В Византии на воротах для усиления их неприступности устанавливали иконы (*Комеч А.И.* 2007. С. 166). В Киеве ворота стояли поперек земляного вала с деревянными конструкциями – клетями, заполненными грунтом, а на самих воротах высотой около 12 м к 1040 г. была поставлена церковь Благовещения.
- ²⁵⁰ Эти бронзовые двери были отлиты в 1175 г. и предназначались для собора в Гнезно. В киевском происхождении гнезненских дверей был уверен еще Михалон Литвин (*Михалон Литвин* 1994. С. 64).
- ²⁵¹ Легированная медь, изготавливавшаяся в Коринфе.
- ²⁵² Болеслав I Храбрый (992–1025), 14 августа 1018 г. завладел Киевом, славившимся своим богатством и роскошью и считавшимся вторым городом после Константинополя. Так, Титмар Мерзебургский насчитывал в нем более 400 церквей и 8 рынков (*Титмар Мерзебургский* 2005. С. 163, 178).
- ²⁵³ Гнезно в 999–1038 гг. и с 1076 г. – столица одноименного архиепископства (*Королюк В.Д.* 1957. С. 133). Бронзовые двери немецкой работы изображают сцены из жизни чешского епископа Войцеха, обращавшего в христианство жителей Поморья, убитого пруссами и причисленного к лику святых (*Михалон Литвин* 1994. С. 111, коммент. 36).
- ²⁵⁴ Это коронационный меч польских королей второй половины XII–XIII вв. Легенда восходит к Галлу Анониму (*Галл Аноним* 1971).
- ²⁵⁵ На самом деле событие относится к 1079 г. Ошибочная дата заимствована Груневегом у Мартина Кромера.
- ²⁵⁶ Болеслав II Смелый, польский король с 1058 г. (1039–1079). Святой Станислав, в миру Щепановский (1030 – 11 апреля 1576) – краковский епископ, глава антикоролевской

оппозиции духовной и светской знати (*Королюк В.Д.* 1957. С. 153), чудовищным образом убитый королем (см. краткую и полную редакции его жития: *Plezia M.* 1987. S. 135–137, 251–331), на основании протокола его посмертных чудотворений был канонизирован в 1253 г. (*Ibid.* S. 169–234) Болеслав же, на которого папа наложил интердикт, бежал в Венгрию.

²⁵⁷ Польские хронисты Бельский и Стрыйковский относят нападение золотоордынского эмира Едигея – Идигу к 1416 г.

²⁵⁸ Существует и другая теория – о нападении хана Ахмата.

²⁵⁹ На полях ее изображение.

²⁶⁰ Это мнение М. Груневега, как «фиксирующее существовавшую в XVI в. точку зрения и могущее оказать исторически верной оценкой ситуации», приводит А.И. Комеч в своей характеристике Золотых ворот (*Комеч А.И.* 2007. С. 156).

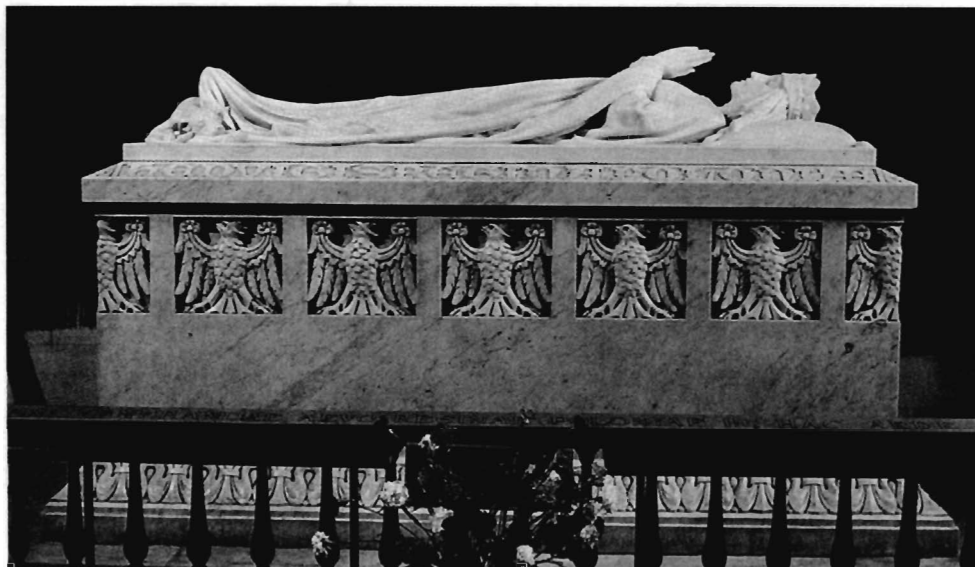
²⁶¹ По-видимому, это были Благовещенский храм, Ирининский и Георгиевский монастыри, заложенные в 1037 г. (*Комеч А.И.* 2007. С. 163, 166, 167).

²⁶² Михайловский златоверхий монастырь основан в 1108 г. киевским князем Святополком (Михаилом) Изяславичем и завершен до его смерти в 1113 г. Купол действительно был позолочен, что и отмечено в Лаврентьевской летописи, стало быть, задолго до Едигея (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 283). Разобран в 1935 г. и восстановлен на рубеже XX–XXI вв. по обмерам 30-х гг. Храм в отличие от более ранних имеет высоко устроенные хоры, что создает впечатление особого вертикализма (*Комеч А.И.* 2007. С. 383, 384, 400), что, впрочем, не отражено ни в описании, ни в рисунке Груневега на полях рукописи. Некоторые мозаики оказались сохранены (*Попова О.С., Сарабьянов В.Д.* 2007б. С. 527–529, 550).

²⁶³ Матвей Меховский возводит название монастыря к тюркскому *altym bassina*, но относит его к Софийскому собору. Сообщение Груневега о позолоте купола после нашествия Едигея – легендарно.

²⁶⁴ Он был хорошо известен и в Российском царстве, тем более, что земли, на которых располагались владения Киево-Печерского монастыря, вместе с Новгородом-Северским и Стародубом при Иване III и окончательно при Василии III отошли к Великому князю всея Руси, а его сын, царь Иван, по сообщению Михалона Литвина, не спешил возвратить их монастырю (*Михалон Литвин* 1994. С. 102). Однако после поражения в Ливонской войне монастырь стал настойчиво требовать получения «милостинной дани», «пошлинной милостыни» с северских городов. В 1583 г. печерский архимандрит Мелентий (Мелетий) Хребтович Богуринский обратился с соответствующим челобитием к царю Ивану Васильевичу, и в августе того же года тот «приказал... Печерского монастыря про угодья в северских городах сыскати пистцовыми книгами». Оказалось, что «старые книги в пожар погорели», в связи с чем ближнему дьяку, главе Посольского приказа Андрею Шелкалову, велено было разузнать об этом в самих северских городах (*Каиштанов С.М.* 2002. С. 193–200). Что он, видимо, и исполнил, но не «на зиме», как рассчитывал царь, а позднее. В связи со смертью царя вопрос остался нерешенным. 12 октября 1585 г., то есть за 9 дней до посещения Киево-Печерского монастыря Груневегом и его спутником Стефаном, тот же архимандрит повторил свое челобитие. Печерские посланцы, священник Феофил и слуга Мартин Хотков, добрались в ноябре 1585 г. в Чернигов, а в декабре – и в Москву. Царь Федор Иоаннович вскоре, по предположению издателя цитируемых далее документов, между 6 и 27 декабря, «приговорил... послати в Киев в Печерской монастырь милостыни 250 рублей, да 50 рублей денег за оброк, что с тех сел, которые были за монастырем в государевых северских городех» (*Каиштанов С.М.* 2005. С. 193). В 1628 г. печерские старцы снова прибыли в Москву, и в деле об их приезде дьяки Посольского приказа, как установила Е.В. Русина, процитировали грамоту царя Федора. Эта традиция свободного проезда монахов по дань, которая «с давних часов хоживала з украинских северских городов з Стародуба и з Нового-

- родка к тому монастырю», в 1540 г. была узаконена королем Сигизмундом I, а в 1571 г. это право монахов Киево-Печерского монастыря собирать дань на территории Российского царства было подтверждено королем Речи Посполитой Сигизмундом II. Исследовательница привела аналогичные сведения относительно Никольского Пустынского монастыря в Путивле, который в 1511 г. получил жалованную грамоту великого князя Василия III. Таким образом, вплоть до 1586 г. эти монастыри сохраняли свои земли на территории Российского царства, а позднее получали фиксированную денежную милостыню (*Русина Е.В.* 2012. С. 448–451).
- ²⁶⁵ Печерский монастырь был основан Антонием в середине XI в. (*Артамонов Ю.В.* 2002. С. 20–32).
- ²⁶⁶ На полях план Печерского монастыря.
- ²⁶⁷ Троицкая надвратная церковь, построенная около 1106 г. Этот закомарный храм, с одной стороны, продолжает византийские архитектурные традиции, а с другой – стал прообразом многих древнерусских храмов (*Комеч А.И.* 2007б. С. 386–389).
- ²⁶⁸ Деревянные строения келий, находившихся под одной крышей, застал еще в 1638 г. Афанасий Кальнофойский (слева от входа их было 18, справа – 11). Деревянные кельи были сменены каменными в XVIII в.
- ²⁶⁹ Груневег правильно называет собор просто Богородицы, как он и именовался в патерике Киево-Печерской лавры, а не Успения Богородицы, как с XVII в. (*Комеч А.И.* 2007б. С. 368).
- ²⁷⁰ Церковь Успения Богородицы 1073–1077 гг., «самый грандиозный памятник архитектуры второй половины XI в.» (*Комеч А.И.* 1987. С. 268) по размерам приближается к Десятинной церкви и Киевскому Софийскому собору (*Комеч А.И.* 2007б. С. 168). Реконструирована в 1470 г. Граффити из церкви привели С.А Высоцкого к выводу о том, что наряду с приезжими мастерами в ее сооружении участвовали и киевляне (*Высоцкий С.А.* 1985. С. 39).
- ²⁷¹ Это самое раннее свидетельство о сооружении деревянной колокольни, которая была сменена в 1731–1744 гг. каменной.
- ²⁷² Первые часы на Руси появились в 1415 г., в Киеве же во второй половине XVI в. они находились на одной из башен замка.
- ²⁷³ Это развалины каменной трапезной, пострадавшей от землетрясения 1230 г.
- ²⁷⁴ Это деревянная трапезная, на месте которой в 1684–1694 гг. была воздвигнута каменная.
- ²⁷⁵ Литовская монета, подражание польским полугрошам Сигизмунда III.
- ²⁷⁶ Успенская церковь Киево-Печерского монастыря действительно имеет мозаики и фрески, описанные Павлом Алеппским в 1654 г., выполненные константинопольскими мастерами, прибывшими согласно Печерскому патерику в 1083/84–1089 гг. На мраморной алтарной преграде находились тронные образы Спасителя и Богоматери, на темплоне находился деисус. «Наместная» икона Богородицы, явившейся художникам в Константинопольском Влахернском монастыре в короне – в образе царицы, скопированная в Трирской псалтыри и послужившая прообразом для Богоматери Свенской, стала первым чудотворным образом Киевской Руси. Богоматери, восседавшей на троне и державшей обращенного к зрителю Младенца Иисуса, поклонялись основатели монастыря Антоний и Феодосий (*Попова О.С., Сарабьянов В.Д.* 2007б. С. 470–472).
- ²⁷⁷ Это мраморная гробница со скульптурой знаменитого Константина Острожского (ок. 1460–1530) работы львовского скульптора Себастьяна Чешека, выполненная по заказу сына покойного киевского воеводы Константина Василия Острожского (1527–1608) в 1579 г. В церкви находилась и гробница более раннего киевского наместника случского князя Симеона Александровича – Семена Омельковича († 1470 г. См.: *Любавский М.К.* 1892. С. 245; *Русина О.В.* 1998. С. 122; *Кром М.М.* 2007. С. 162), восстановившего храм через 249 лет после его разорения Батыем.

Саркофаг Константина Острожского

²⁷⁸ Судя по жалованной грамоте царя Федора от декабря 1585 г., их – не столько «обитателей монастырских пещер», по определению С.М. Каштанова, сколько монахов монастыря, обитавших при пещерах, – было всего шестеро.

²⁷⁹ Это Ближние Пещеры, которые произвели столь сильное впечатление на Груневега, что в 1602 г. он сравнивал с ними римские катакомбы. Однако, признавая киевские Пещеры более обширными и красивыми, о. Венцеслав не мог не отдать пальму первенства по святости итальянским, в частности катакомбам св. Калиста, «в 100 раз» по этому признаку превосходившим киевские (З, 1339, 1362). Видимо, пребывание в Италии в юбилейный для христианства год усугубило его непримиримость к «проклятым еретикам», в число которых, наряду с традиционными турками и евреями, впервые попали караимы, а также «руская и армянская секты» (З, 1106).

²⁸⁰ Это улицы Данцига. См. план города, с. 35 наст. изд.

²⁸¹ Максимальная ширина прохода в Ближних Пещерах 1,5 м.

²⁸² Груневег сравнивает эти углубления не с обычными, но хлебными печами своего времени.

²⁸³ Есть предположение, что это жертвы Батыева нашествия.

²⁸⁴ Церковь Св. Антония XI в. В ней сохранились фрагменты капители алтарной преграды Киевского Софийского собора и капитель кивория – на престольной сени (См. подробнее: *Архипова Е.И.* 2007. С. 579, 581).

²⁸⁵ Легенду о далекой протяженности пещер вплоть до крупнейших русских городов опровергали в XVII в. Афанасий Кальнофойский, Йоганн Гербинус и другие.

²⁸⁶ Эта жидкость считалась целительной.

²⁸⁷ Его называли Чоботок. Э. Лясота объясняет прозвище легендой, будто на него враги напали, когда он надевал второй сапог. Не успев этого завершить, он стал защищаться сапогом, которым и сокрушил всех врагов. А. Кальнофойский оспаривает убеждение простого народа, будто Чоботок и есть Илья Муромец, погребенный по соседству (*Закревский Н.* 1868. Т. 2. С. 652).

Гданьская комяга на р. Мотлаве. Гравюра Й.Ф. Шустера, 1770 (по рис. Ф.А. Лормана)

- ²⁸⁸ Это могли быть или гроши Сигизмунда II Августа чеканки до 1571 г., когда закрылся виленский монетный двор, или Стефана Батория после 1578 г., когда в Литве чеканка возобновилась (Рябцевич В.Н. 1968. С. 48; Табл. 10. № 5, 6; Табл. 13. № 5, 6).
- ²⁸⁹ В этом описании Киево-Печерского монастыря отсутствует упоминание о женской обители, находившейся около монастыря, где в 1585 г. находились 33 старицы, которым царь Федор отправил по рублю. (Каиштанов С.М. 2005. С. 195). Хотя В.В. Зверинский полагал, что Вознесенский Киево-Печерский монастырь, располагавшийся напротив Святых ворот лавры, был основан в 1566 г. (Зверинский В.В. 1897. Т. III. С. 41), С.М. Каштанов сомневается в этом, считая, что община еще не приобрела статуса монастыря (Каиштанов С.М. 2005. С. 187), что подтверждает и текст «Записок» Груневега. На следующий год, 28 марта 1586 г., Стефан Баторий своим привилеем передал монастырю с. Василево, впоследствии – скорее всего, после 1591 г. – считавшееся принадлежащим печерским старицам (Там же).
- ²⁹⁰ Это ладья без мачты прямоугольной формы длиной 17–24 м, шириной около 10 м и грузоподъемностью 30–70 тонн, передвигаемая 7–12 гребцами. Первоначально комягой, как следует из самого термина (комель – нижняя часть ствола дерева), называлось малоподвижное, но устойчивое сооружение, изготовленное из двух долбленых колод, соединенных боками (Лебедева А.А. 1987. С. 323). Именно такое средство передвижения на воде нарисовал Груневег в рассказе о возвращении из Москвы.
- ²⁹¹ Подобные камни являются объектом поклонения во всей Европе как способствующие переходу из земного в другой мир. Вода из этих следов служила для лечения глазных и кожных болезней и укреплению ног (Beckherrn С. 1893. S. 374–429; Baruch М. 1907. S. 32–82; Уртанс Ю.В. 1987. С. 69–73; Уртанс Ю.В. 1988. L. 92–106; Urtans J. 1996a. L. 131; Idem 1996b. L. 7–9; Александров А.А. 1995. L. 157–177). Чертовы камни широко распространены и на Псковщине (Формозов А.А. 1965. № 5. С. 130–138; Он же 1969. С. 147–148. Он же 1983. С. 12–18).
- ²⁹² Скорее всего, это Богданчиково (Vasmer, Brauer 1981. Bd. 10. S. 406).

- ²⁹³ Аренда в конце XVI – первой половине XVII в. была очень распространена на территории Речи Посполитой. Ее брали по преимуществу евреи, что вызывало большое неудовольствие мелкой шляхты.
- ²⁹⁴ Город Остер, расположенный в устье одноименной реки (ныне Востр), левого притока р. Десны (СНМ Черниговской губ. 1866. № 12; СССР 1967. С. 317; *Vasmer, Brauer*. 1973. Bd. 6. S. 482), был транзитным пунктом на пути из России в Османскую империю «до турок», которого не мог миновать ни один караван. Замок, существовавший уже в середине XVI в. (его описание 1552 г. см.: АЮЗР. 1886. Ч. VII. Т. 1. № 63. С. 595), в 1571 г. подвергся реконструкции, что, однако, не очень обезопасило жителей города, как и превращение города в староство после образования Речи Посполитой в 1569 г. Для жителей этого города пограничные конфликты всегда оставались более чем актуальной проблемой (*Загоровский В.П.* 1991. С. 27). «Остриан чернеговцы многих побили и повешели не поодиожды» (*Анпилогов Г.Н.* 1967. С. 127). Ср.: *Шафонский А.Ф.* 1851. С. 144, 428–429.
- ²⁹⁵ Дорога в Москву традиционно проходила через Остер – Киев. В первом из этих городов взималось мыто (АЮЗР. 1905. Ч. VII. Т. 3. № 1. С. 7. 1570 г.). Торговля Киева с Путивлем продолжалась и во время Ливонской войны, в чем Сигизмунд Август упрекал горожан в послании войту, бурмистру и всем мещанам в 1567 г. (Там же. Ч. VIII. Т. 5. № 69. С. 162–163; *Ковальский Н.П.* 1985. С. 19).
- ²⁹⁶ На полях – изображение замка. Тип изгородей в России был разный – вертикально вбитые колья с острыми концами, как у Хутеериса (*Щенников А.А.* 1980. С. 130–143; *Малков Ю.Г.* 1983. С. 338–353), или штакетник из пересекающихся наклонных жердей, который изображен на гравюре «Крепость Яма» у Олеария (*Олеарий А.* 1906. С. 9).
- ²⁹⁷ Чернигов – один из древнейших городов Руси. Он находится на Десне – левом притоке р. Днепр. В Древней Руси город площадью более 40 га был столицей независимого княжества со сложной системой обороны, сооруженной в XI в. (*Раппопорт П.А.* 1956. С. 113; *Он же* 1967. С. 189) и многочисленными церквями. Разорен монголо-татарами. В XIV в. вошел в состав Литовского княжества, а до 11 августа 1500 г. – княжества всея Руси, поскольку на сторону Ивана III перешел черниговский князь Семен Иванович (сын Ивана Андреевича Можайского), державший город с июля 1486 г. (*Логвин Г.Н.* 1980; *Кром М.М.* 2007. С. 77, 200).
- ²⁹⁸ На протяжении XVI в. граница не передвинулась. Еще в 1510 г. здесь сидел литовский дьяк (АЗР. Т. II. С. 74).
- ²⁹⁹ Следы его, ныне прослеживавшиеся археологически, в частности Б.А. Рыбаковым, были легко заметны в XVIII в. (*Рубан М.* 1777; *Шафонский А.Ф.* 1851).

Чернигов. Пятницкая церковь.
Конец XII – начало XIII в.
Реставрация П.Д. Барановского

³⁰⁰ Ein tzaun von aufgesetzten pfoelen – оборонительное сооружение такой системы восходит еще к древнерусским временам (*Раппопорт П.А.* 1967). О конструкции его можно судить лишь по раскопкам в Новгороде Великом. Частокол-тын, по мнению ряда археологов, достигал высоты 2 м (*Засурцев П.И.* 1963. С. 45; *Он же* 1965. С. 62; *Колчин Б.А.* 1985. С. 172).

³⁰¹ В конце XVI в. город был крупным экономическим центром. Торговля в Чернигове ограничивалась отнюдь не только местным уровнем. В 1584 г. в Чернигов, по сообщению воеводы И. Бибикова, приезжали «из Любеча торговые люди Ермак да Пантелейко с товарищи». Их товар был рассчитан не только на местное потребление – это были соль и сукна, традиционные товары импорта в Россию и одни из главных предметов оптовой торговли (РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 1. 1584 г. Л. 6 об. Указ черниговскому воеводе А.Д. Звенигородскому).

В XVII в. город, видимо, было не очень большой. Во всяком случае после Смутного времени среди денежных доходов, которые взимала казна, преобладали платежи с оброчных земель и озер, в том числе оброчный мед; доходы с городского хозяйства представлены лишь оброками с бань и лавочным (*Веселовский С.Б.* 1912. Стб. 64).

³⁰² Донеыне сохранились Спасо-Преображенский собор 30-х гг. XI в., где был похоронен кн. Игорь Северский, герой «Слова о полку Игореве» (это пятиглавый трехнефный собор с башней, в которой находится лестница (См.: *Раппопорт П.А.* 1970. С. 19; *Комеч А.И.* 1975. С. 9–26; *Могилевский И.* 1928), и Борисо-Глебский середины XII в. (шестьстолпный храм с галереей вокруг). От Благовещенской церкви XII в. остались лишь нижние части. Это был шестьстолпный храм с мозаикой. На рубеже XII–XIII вв. была воздвигнута Пятницкая церковь – четырехстолпный храм с высоко поднятым центром здания, тремя ярусами закомар. Сооружение его приписывается Петру Милонегу, архитектору кн. Рюрика Ростиславича (*Барановский П.* 1948). Еще две церкви – небольшой бесстолпный Ильинский храм и трехглавый собор Елецкого монастыря с маленькой часовней с апсидой, встроенной в юго-западный угол собора, – также относятся к домонгольскому времени (*Раппопорт П.А.* 1970. С. 25–26).

Археологически изучены остатки Михайловского храма 1174 г., по типу приближающегося к небольшим дворцовым храмам – трехапсидным четырехнефным сооружениям (*Беляев Л.А.* 1974. С. 3–18). В городе было два монастыря – Успенский Елецкий и Ильинский Троицкий Болдинский в окрестностях города на Болдиных горах (ПСРЛ. Т. IX. С. 105. 1074 г.).

³⁰³ Одним из этих храмов, вероятно, был Благовещенский собор.

³⁰⁴ Ливонская война. См. подробнее: *Новодворский В.* 1904.

Ворота со звонницей второй половины XVI – XVII вв. Спасо-Преображенского монастыря в Новгороде-Северском.
Современное фото

- ³⁰⁵ Возможно, это были церкви в Елецком Успенско-Богородицком монастыре, основанном в 1069 г., разоренном в 1239 г. и восстановленном в 1500 г., и Пятницком на Пятницком поле, где располагался торг, основанном в XV в. и упраздненном в 1786 г. (Зверинский В.В. 1892. Т. II. № 794, 1103).
- ³⁰⁶ По-видимому, Груневег в соответствии с русской традицией именует Молдавию Валахией. Так, Елена Стефановна, дочь молдавского господаря, в Княжестве всея Руси превратилась в Волошанку. Его зарисовки молдавских церквей находятся на л. 93б, где он сравнивает русские деревенские церковки с молдавскими и валашскими. «На Руси сельские церковки имеют тот же облик, только они совсем маленькие и жалкие, но увенчаны большим крестом, но сами имеют такой же облик, как и другие сооружения» (Bues A. 2008, 1. S. 702).
- ³⁰⁷ Речь идет о славянских юго-восточных землях, население которых придерживалось православия, т.е. в первую очередь Сербии и Болгарии.
- ³⁰⁸ В таможене, которая, видимо, отдавалась на откуп (ААЭ. Т. I. № 277. С. 313). Здесь взимались основные пошлины – тамга, мыто, осмичее и явка, существовавшие с конца XIV в. (АИ. Т. I. № 215. С. 408–409. 30 октября 1584 г.). Пошлины в первой четверти XVI в. были равны 7 деньгам с рубля и 4 деньгам с пуда (Герберштейн С. 2008, I. С. 285), в 60-е гг. того же столетия с купцов из Короны Польской и Великого княжества Литовского брали 4%, а с купцов из Крыма и Турции 16 денег с рубля – 8% (Фехнер М.В. 1956. С. 120).
- ³⁰⁹ Как это ни парадоксально, жители «Московии», причем не только ее южных, но и северных и северо-западных областей (Великих Лук, Можайска), бежавшие из родных мест, пополнили ряды казачества, в том числе и запорожского, не только в конце XVI, но и в начале XVII в. Об этом факте неоднократно писали король Стефан Баторий и канцлер Ян Замойский, используя его в дипломатических переговорах с Россией и Османской империей (Брехуненко В.[А.] 2011. С. 128–129, 132–133). В знаменитом реестре запорожцев 1581 г. 10,5% процента носили прозвища «Москвитин», «москвитин». См. также коммент. 56.
- ³¹⁰ Груневег пишет об извозчиках по пути от Киева до Москвы, автора заинтересовал их обычай молиться перед своими путевыми иконками, об изобилии их в Москве и услугах, которые они оказывали купцам и жителям Москвы. Такое внимание к этой теме понятно, ведь для странствующего каравана извозчики были необходимы. Это был знакомый сюжет, ибо и во всех торговых городах Северной Германии, Южной Балтики и городов средневековой Руси люди этой профессии были очень многочисленными (Кивимяэ Ю. 1981, Lk. 54–65; Казакова Н.А. 1954. С. 272–276).
- ³¹¹ Шафонский А.Ф. С. 143.
- ³¹² Непереводимая игра слов: *Troems-traeumen* – мечтать, сниться; гидроним Сновь Груневег возводит к существительному «сон».
- ³¹³ *Kozaken* – именно на 60–80-е гг. XVI в. приходится основной поток беженцев на юг центра и формирование казачества на Дону. Особую роль при этом играли Северские земли (Stökl G. 1953. S. 136–142).
- ³¹⁴ Число жителей городов умножалось из-за начавшегося описания южнорусских земель, усилилось бегство крестьян, которые, стремясь избавиться от закрепощения, бежали с насиженных мест и жили разбоем (Корецкий В.И. 1970. С. 120–121, 432–433; Зимин А.А. 1986. С. 128–129).
- ³¹⁵ Яни Пачо, грек с острова Крит, жил во Львове с 1555 г., был связан с семьей Корнякта. Ездил на Балканы и в Османскую империю, торговал лошадьми из Добруджи, турецким оружием, текстилем и кожей (Stopka Krz. 2009. S. 161).
- ³¹⁶ Узкая улица, ныне Пивна, в самом центре Гданьска, по соседству с домом Груневегов (Voguska M. 1967. S. 193). См. план г. Гданьска, с. 35 наст. изд.
- ³¹⁷ Это правый приток р. Десны, в устье которой стоит сам город. Возможно, Груневег имел в виду р. Ручей.

- ³¹⁸ Новгород-Северский – один из древнейших городов Древней Руси, с большой площадью городища (*Раппопорт П.А.* 1967. С. 189), первоначально входил в состав Черниговского княжества, на протяжении части XI–XII вв. сохранял самостоятельность, после Батыева похода вошел в состав Брянского княжества, в конце XIV в. был завоеван литовским князем Ольгердом, который передал его Дмитрию-Корибуту. После завоевания города Витовтом и обращения Свидригайлы за помощью к Москве началась борьба Московского княжества за его земли. В 1454 г. сюда бежал И.Д. Шемяка, сын которого, Семен Иванович Шемяка, в 1487 г. потерял свое княжество. В апреле 1500 г. взят войсками Ивана III. Договором 1503 г. этот переход был закреплен (*Любавский М.К.* 1929. С. 125; *Он же* 1996. С. 248; *Русина О.В.* 1998. С. 115–117; *Кром М.М.* 2007. С. 75–76). ³¹⁹ Описание Груневегом оборонительных сооружений одной из окраинных, наиболее южных, крепостей соответствует той роли, которую она играла согласно отечественным источникам: отсюда на охрану границ России выходили не только помещики, но даже посадские люди «с посадом» «на смесную на путивльскую сторожу» (АМГ. 1890. Т. I. № 16. С. 20). Кроме того, на эту службу до 1577 г. отправляли ратников «государевым наймом» (Там же. № 18. С. 28). Нужда в подобной охране возникала, вероятно, потому, что собственных сил в Путивльской крепости, занимавшей сравнительно небольшую площадь (*Раппопорт П.А.* 1967. С. 189), не хватало.
- ³²⁰ Спасо-Преображенский монастырь, основанный в XII в. (см.: *Зверинский В.В.* Т. II. 1892. С. 70; *Строев П.М.* 1877. Стб. 519; *Денисов Л.И.* 1908; Московские монастыри 1990).
- ³²¹ Груневег не совсем точен в сравнении монашеских одежд. Доминиканцы под черной мантией с черным куколем (верхней одеждой) носили белую рясу с белым капюшоном, а православные – черные длинные одежды с неизменным куколем типа капюшона или клобуком (*Лукина Г.Н.* 1990. С. 28).
- ³²² Монастыри *De observantia* (поклонения Деве Марии, благоговейного отношения к достойным людям) появились в XIV в., как и терциарии орденов францисканцев, бенедиктинцев и доминиканцев. При характеристике православных монахов и церкви о. Венцеслав не только транслитерирует русские термины, но и, переводя их на немецкий, снабжает немецкими же суффиксами и окончаниями множественного числа: Schwertz-chin-e, Cerkw-en. Примечательно, что к транслитерации русского существительного Груневег добавляет немецкое окончание множественного числа.
- ³²³ *Tempest S.* 1997.
- ³²⁴ Деревня Случеск (Случовск, Случевск) – деревня на р. Судость (СНМ Черниговской губернии 1866. № 3385; *Vasmer, Brauer.* 1877. Bd. 8. S. 376).
- ³²⁵ Запрет въезда в Москву, неизвестный по русским источникам, объясняется, видимо, некоторой напряженностью отношений России с Речью Посполитой, с одной стороны, и угрозой нападения османских и крымских войск.
- ³²⁶ Идентификация д. Сохутьев затруднительна. Известно лишь, что в Лихвинском округе Калужской губ. существовало поселение Сухачево (Бутырки). См.: СНМ Калужской губернии 1914. С. 50; *Vasmer, Brauer.* 1977. Bd. 8. S. 659.
- ³²⁷ Задержка армян на границе могла быть связана с бегством М.И. Головина, 18 декабря 1584 г. прибывшего к границе – Усвяту (*Эскин Ю.М., Граля И.* 2000. С. 455–460).
- ³²⁸ Сотник – Груневег дает правильное определение этого термина. По мнению М.М. Крома, сотники в Великом княжестве Литовском, будучи представителями местного мещанского и волостного населения, заботились о государственных нуждах (*Кром М.М.* 2007. С. 169).
- ³²⁹ Действительно, там находились не только пленные со времен Ливонской войны, но и те из них, кто поступил на службу к великому князю. В Москве вплоть до 1591 г. существовали Ругодивская и Юрьевская слободы. Местонахождение их неизвестно.

Возможно, хотя бы одна из этих слобод находилась в Немецком переулке, обозначенном на плане Груневега (см. л. 1196). В первой из этих слобод жили выведенные из Нарвы в 1558 г. немцы до тех пор, пока по указу Федора Иоанновича они не были переселены в Нижний Новгород. Один из дворов принадлежал Андрею Волкеру, затем он перешел подьячому Максиму Маркову, а затем самостоятельно вернувшегося из Нижнего Индрику Тернору. На него в 1588 г. претендовал Анисим Михайлович Радишевский (РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. № 1. Л. 1). Поселения ливонских пленников находились на Чертольской улице, в Бронной (Бронничьей) слободе. Отдельные лица жили у бояр, в частности у Романовых (*Шеламанова Н.Б.* 1965а. С. 180–182; *Она же* 1965б. С. 50).

- ³³⁰ Городские подворья практически были у всех монастырей, расположенных в сельской местности. Владение подобными дворами особенно актуально было в приграничных районах, часто подвергавшихся вражеским нападениям. Не исключено, что речь идет о Новгород-Северском пустыньском монастыре, получившем в 1500 г. от путивльского наместника Богдана Глинского имение в Киевском повете (LM-5. № 178. Л. 202. Ср.: *Кром М.М.* 2007. С. 112).
- ³³¹ Не исключено, что речь идет о Московском уезде.
- ³³² Хворостинин Андрей (Старко) Иванович – воевода Путивля еще в 1586–1587 гг. (РГАДА. Ф. 141. Приказные дела старых лет 1589. № 1. Л. 72. 1 сентября 1589 г.), в 1602 г. – Старко воевода в Цареве-Борисове (*Барсуков А.П.* 1897. С. 119).
- ³³³ Русь в Королевском воеводстве – Груневег не совсем точен. После унии 1569 г. Русью в пределах Польской короны Речи Посполитой считались Львовщина, Волинь и Подолье. Могилев же принадлежал к той части территории Великого княжества Литовского, которая в конце XVI в. называлась Белой Русью, совр. Беларусь, но по-прежнему считалась Литовским княжеством. В отечественной литературе предложен термин «Литовская Русь» (*Думин С.В.* 1991; *Кром М.М.* 2007. С. 7).
- ³³⁴ Жители Могилева вели весьма активную внешнюю торговлю за пределами своего города (*Lowmiański H.* 1958. S. 525–547). Среди 643 торговых людей и их услуги, прибывших в Москву с послом Речи Посполитой Яном Скратошиным в 1570 г., находились и могилевские купцы (Сб. РИО. Т. 71. С. 750–761). В одном только 1583 г. через Брест в Россию проехали Карп Иванович и Андрош Рахманович, каждый с 19 подводами, и Федор Прошин с 11 (*Мелешко В.И.* 1988. С. 107–134).
- ³³⁵ Это обычный ассортимент товаров, привозимых в Москву с «Востока» (см. подробнее: *Фехнер М.В.* 1956).
- ³³⁶ Для могилевцев, поддерживавших регулярные связи с этим районом, такой набор товаров довольно типичен. Овощи были постоянным предметом экспорта, поскольку огородничеством и собирательством занималось весьма значительное число горожан: в 1604 г. – 17% (*Мелешко В.И.* 1988. С. 107–108, 111, 152–153, 156–157).
- ³³⁷ Поставление настоятеля происходило в Москве, в нем, как правило, участвовали митрополит, собор и царь.
- ³³⁸ Как правило, привилегии польских королей и великих князей Литовских после перехода земель в состав Великого княжества всея Руси подтверждались главой этого последнего государства (*Русина Е.В.* 2012).
- ³³⁹ Село расположено в знаменитых по русскому эпосу Брынских лесах (*Любавский М.К.* 1909. С. 57, 81). В XIX в. известны два одноименных поселения: Брыны Толстошеево в округе Жиздра и Брыны Тургенево в Мещевском округе (*Vasmer, Brauer.* Bd. I. S. 548). Речь, видимо, идет о деревне извозчиков на одноименной реке, притоке Жиздры, притоке Оки. Брынь была традиционным пунктом на пути из Москвы на юг (*Сыроечковский В.Е.* 1935. С. 223. Зафиксирован уже в 1502 г.)
- ³⁴⁰ Возможно, правый приток р. Судости, правого притока р. Десны.
- ³⁴¹ Видимо, это Сухачево-Бутырки в Лихвинском у. Калужской губ. (СНМ Калужской губернии 1914. С. 50; *Vasmer, Brauer.* Bd. 8. С. 659).

- ³⁴² Подобные сведения сообщал и С. Герберштейн (*Герберштейн С.* 2008, I. С. 287, 445, 687).
- ³⁴³ Трубчеськ Брянского у. Орловской губ. (СНМ Орловской губернии 1871. № 12; СССР 1971. С. 60; *Vasmer, Brauer.* Bd. 9. 1979. S. 192). Возник не позднее XII в. . От XII–XIII вв. сохранилось городище (*Раннопорт П.А.* 1973. С. 207). Бывший удел Новгород-Северского княжества до 1379 г. вошел в состав Великого княжества Литовского, где до середины XV в. управлялся наместниками и вновь обособился в качестве удела трубецких князей во второй половине столетия. Однако до 11 августа 1500 г. трубецкие князья перешли на сторону Ивана III (Сб. РИО.Т. 41. С 318), что в 1503 г. было закреплено русско-литовским договором. Незрелость городской жизни и отсутствие посада в Трубчеське исследователи объясняют общей замедленностью развития в этом районе (*Русина О.В.* 1998. С. 148–149,163; *Кром М.М.* 2007. С. 158). В свете характеристики Груневега можно думать, что главной причиной этой «замедленности» было пограничное положение Северной земли в Средневековье и в начале Нового времени бывшей ареной военных конфликтов соседних государств, а в конце XV в. – княжества всея Руси, что в 1503 г. было закреплено русско-литовским договором.
- ³⁴⁴ При описании обратного пути Груневег объясняет причины такой характеристики поля: оно находилось на низменности и часто затоплялось во время разливов реки.
- ³⁴⁵ О влиянии Ливонской войны на развитие земель современного Черноземья см.: *Загоровский В.П.* 1994; *Падин В.А.* 1968.
- ³⁴⁶ Св. Назианзин (ок. 329 – ок. 390). Имеется в виду *Oratio theologica XLIII* в память смерти Вазилия (*Bues A.* 2008, 2. S. 97). Его сочинения были хорошо известны на Руси уже в XII в.
- ³⁴⁷ Римский император Марк Аврелий Валерий Максимилиан (285–310).
- ³⁴⁸ Русская аналогия: «Обжегшись на молоке, дуют на воду».
- ³⁴⁹ Известно несколько поселений с подобным наименованием: Иванчева дер., Иваншева дер. на Оке (ДДГ 1952. С. 334, 338), Иванцово Скотский в Стародубском у. Черниговской губ. (СНМ Черниговской губернии 1866. № 3355). Скорее всего, это Иванча на одноименном ручье и ручье Селезеновка в Сосницком у. Калужской губ. (СНМ Российской империи 1866. № 2972).
- ³⁵⁰ Речь идет, видимо, о сибирском хане Кучюме или его брате, царевиче Магмет-Куле, которого «привели» к царю Федору Иоанновичу (РГАДА. Ф. 79. Кн. 16. Л. 26 об.).
- ³⁵¹ Вероятно, это те торговые люди, числом 200 человек, которые прибыли вместе со Львом Сапегой (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 16. Л. 32).
- ³⁵² Король Стефан Баторий.
- ³⁵³ Федор Иоаннович (1584–1598).
- ³⁵⁴ Иван IV Васильевич Грозный.
- ³⁵⁵ Супонево на р. Десне Брянского у. Орловской губ. (СНМ Орловской губернии 1871. № 880; *Vasmer, Brauer.* Bd. 8. S. 644).

Кинокефалы, поклоняющиеся Гекате. Миниатюра, XII в.

- ³⁵⁶ Брянск во второй половине XV в. (с 1454 по 1471/86 г.) принадлежал выезжему из Владимирского и Московского княжества Ивану Андреевичу Можайскому, а с 1486 г. управлялся семь раз сменявшимися наместниками до мая 1500 г, когда он был взят войсками Ивана III (*Кром М.М.* 2007. С. 73, 74, 113 165, 166, 203, 233).
- ³⁵⁷ Свенский Успенский, или Брянский, монастырь на правой, очень высокой стороне р. Сейма (у Груневега ошибочно – Десны) в устье р. Свени (Свини) в трех верстах от Брянска, основан в 1288 г. (*Зверинский В.В.* 1887. С. 52; *Он же* 1892. Т. I. № 420; *Строев П.М.* 1877. Стб. 906; *Иерофей, архим. Брянский* 1866).
- ³⁵⁸ Особое почитание Брянского Свенского монастыря во второй половине XVI в. обусловлено пребыванием в нем чудотворной иконы XIII в. – так называемой Богоматери Свенской, восседающей на троне и держащей Младенца Иисуса с поднятыми и распростертыми руками, которым поклоняются киевские святые Антоний и Феодосий. Воспроизведение иконы см.: *ИРИ.* Т. 1. 2007. С. 471, ил.
- ³⁵⁹ О мучениях в Подольском поле 7 октября 1584 г.
- ³⁶⁰ В оригинале точнее – спальный дом, однако вряд ли это были кельи или больница. План Груневега исключает и возможность того, что это была трапезная. Последние обычно имели форму простого прямоугольника. В монастырской трапезной в 1641 г. находилась зеленая изразцовая печь. В XVII в. под трапезной и под Успенской церковью находились погреба (*Иерофей, архим. Брянский* 1866. С. 122).
- ³⁶¹ Замечание Груневега, видимо, вызвано особенностями конструктивного устройства зданий этого типа. От находившихся внизу кухонь теплый воздух по специальным каналам в стенах расходился по всему сооружению.
- ³⁶² Спасская каменная церковь, построенная в 1558 г. стараниями настоятеля Иосифа Неелова.
- ³⁶³ Особенно много царских пожертвований поступило в монастырь в 1558 г. при Иосифе Неелове, а также после смерти царевича Ивана Ивановича в 1582–1583 гг. В 1582 г. игумен Варлаам получил тарханную грамоту. Среди царских пожалований по царевиче Иване Ивановиче находились предметы из его казны – три платка стоимостью 105 руб. и ферезовые спорки, а также два колокола в 40 и 200 пудов, а по опальным времен опричнины – либо 66, либо 77 окладных образов (судя по ссылкам архим. Иерофея на вкладную книгу) стоимостью 208 руб. 11 алт. 4 д. и 7 книг, во вкладной оцененных в 66 руб. 1 гр. В 1583 г. в монастырь было пожертвовано 100 руб. и специально на «поручную милостыню» еще 7 руб. В 1585 г. монастырь получил камчатый стихарь и 8 руб. на устройство больницы (*Иерофей, архим. Брянский* 1866. С. 178, 150, 180).
- ³⁶⁴ Частично из царских пожалований по опальным. Среди них были и старинные рукописные книги, в частности пролог 1506 г. (*Иерофей, архим. Брянский* 1866. С. 156).
- ³⁶⁵ Такое покрытие – свидетельство благосостояния монастыря.
- ³⁶⁶ Возможно, среди них были и трофейные ливонские. В ходе Ливонской войны в плен попадали не только люди и пушки, но и колокола (*Лобин А.Н.* 2010; *Опарина Т.А.* 2010).
- ³⁶⁷ Приблизительно то же самое о церемонии входа в дом рассказывают и другие иностранцы (*Тарасов О.Ю.* 2011. С. 490).
- ³⁶⁸ Существовала даже особая категория путевых икон, как правило, медных или бронзовых. Традиция, восходящая к Византии, ныне возродилась у автомобилистов, во всяком случае московских. Этому содействовали и выставки путевых икон («Россия в пути» в ГМИИ им. А.С. Пушкина в 2000 г.; выставка в Саратовском музее им. А.Н. Радищева в 2005 г.).
- ³⁶⁹ Эта «забава» могла возникнуть только там, где уже ранее сложилась традиция презрения к евреям, воспитанная давней религиозной, в особенности католической, традицией и усугубленная социально-экономической практикой. Евреи в течение XVI в. в Речи Посполитой, в особенности на юго-востоке, благодаря магнатам за-

няли престижные и доходные должности владельцев корчем и арендаторов, что уже в середине XVI в. вызвало резко полемические выпады латинского писателя литовской великокняжеской канцелярии в 1534–1542, 1547–1555 гг. Венцеслава Миколаевича (*Михалон Литвин* 1994. С. 88). Что же касается России того же времени, то в ней антисемитизм подогревался фанатизмом Ивана Грозного, считавшего себя наместником Бога на земле, который призван был покарать евреев за грех предательства Иисуса Христа. Отсюда зверское истребление евреев в Полоцке после его захвата царскими войсками в 1563 г. и воспитание антисемитизма у царских подданных, доверчиво внимавших изложенной ниже легенде об овечьих головах у крещенных евреев. Торговля евреями в России отнюдь не поощрялась (Сб. РИО. Т. 59. № 21. С. 340). Некоторые иностранцы XVII в., посещавшие и описывавшие этот город, отмечали нелюбовь русских к евреям и подчеркивали их отсутствие в русской столице (*Корб И.Г.* 1906. С. 55).

³⁷⁰ Официального запрещения въезда евреям в Россию не сохранилось. Сообщение Ж. Маржерета об истреблении всех российских евреев, со времени которого не допускался их въезд в страну (*Маржерет* 2007. С. 129), касалось событий после взятия Полоцка 25 февраля 1563 г. (*Хорошкевич А.Л.* 2003. С. 329–334). В.Д. Назаров, опираясь на сообщение псковской летописи (ПЛ, 2. С. 244), относит его к 15–26 февраля – на день отъезда царя из Полоцка (*Маржерет* 2007. С. 219–220).

³⁷¹ Пахомий II (1584–1585).

³⁷² Митрополит Дионисий, бывший игумен Хутынского монастыря под Великим Новгородом, хиротонисан в 1581 г., †13 октября 1586 г. (*Макарий* 2007. С. 269–271).

³⁷³ Заблуждение Груневега. Прежде всего, активную внешнюю торговлю вели купцы северных и северо-западных городов. Обобщение их торговой практики в Амстердаме содержит Торговая книга 1575 г., туда добиралось большое количество русских из Архангельска, о чем свидетельствуют многочисленные судебные дела, отложившиеся в голландских архивах. Важно подчеркнуть и другое – убеждение М. Груневега, что путешествия расширяют культурный горизонт (*Dybas B.* 1999. С. 143–162).

³⁷⁴ Думается, это утверждение обусловлено «библиотечным опытом» его отца и знакомством Груневега с церковно-патристической литературой Италии и Речи Посполитой (в частности, продукцией Мамоничей, активно издававших церковно-религиозную литературу и не менее активно ввозивших ее в Россию). Ко времени пребывания Груневега в «Московии» к огромному количеству рукописных книг добавились и первые печатные дофедоровского периода (их насчитывают 6: Триодь постная, узко- и широкошрифтные «безвыходные» три Евангелия, Псалтыри), Апостол 1564, Андроника Невежи и Петра Мстиславца, конечно, еще не вполне удовлетворявшие общего спроса (*Леонид* 1883; *Викторов А.Е.* 1878; *Протасьева Т.Н.* 1959. С. 156–195). В Москве существовал Печатный двор, на котором два года жил Анисим Михайлович Радишевский, были в Москве и «печатных книг учиники», обитавшие на дворе некоего Кляуса (РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. № 1. Л. 1. Посольский приказ. № 1. 19 сентября 1588 г.) За Земским (Судным) двором находилась друкарня, или печатный двор (*Штаден Г.* 2008. Т. 1. С. 171). Уже в 1580 г. в Москве был Книжный ряд (*Бахрушин С.В.* 1952. С. 148), где до 1604 г. был приобретен Часослов Петра Мстиславца с читательскими записями на русском, итальянском и английском языке, осевший в Бодлейанской библиотеке в Оксфорде (*Голенченко Г.Я.* 1989. С. 8–10). Книжный ряд действовал и во время пребывания Груневега в Москве (ХКЧМ 1585/86 г. С. 63).

Ввозились и книги, напечатанные за пределами России – в Литве. Изданное в Заблудовской типографии Г.А. Ходкевича в 1569 г. «Евангелие учительное» быстро нашло путь в Россию – вопреки русско-литовской войне. Уже 8 марта 1580 г. Семен Аникиевич и Максим Яковлевич Строгановы вложили один экземпляр в Троицкую церковь на Сылве, а 13 марта 1586 г. другой экземпляр был пожертвован в Казань

ский Новодевичий монастырь, чуть позднее третий был в руках вдовы кн. З.И. Сугорского Пелагеи, а в 1596 г. – в Никитском монастыре в Москве, 20 января 1597 г. корелянин Тит Матвеев сын Романов вложил такое евангелие в один из храмов Новгорода (Голенченко Г.Я. 1988. С. 7; *Исаевич Я.Д.* 1989. С. 148, 149. См.: БАН. № 17; ГНБ. 1.1.19а; ГИМ. Щап. 8). Львовский апостол 1574 г. Дж. Горсей в 1575 г. приобрел в Москве, а евангелие 1575 г. издания Петра Тимофеевича Мстиславца, – в 1577 г. оказались в Ярославле, Вологде, Пустоозере на Печоре и в конце 70-х гг. достигли Русского Севера – Ондоксы и Соловков, Александро-Свирского монастыря, Ярославской вотчины Глинских, а Библия 1581 г. – тоже вскоре Кириллова монастыря, Москвы (?), Усолья (*Исаевич Я.Д.* 1989. С. 151, 153–155, 164, 167, 169; См.: Библиотека Королевского колледжа в Кембридже. Ref. 50; ГНБ. XVII.11.11; XXII.1.12; РГБ. № 1355; № 4357; ГНБ. IV. 4, 14; РГБ. № 1443, 7). Судьба Виленского евангелия 1580 г. печатника Василия Гарабурды, равно как и Евангелий Мамоничей 1595–1597 гг., сложилась аналогичным образом. В конце 80 – 90-х гг. XVI в. эти евангелия вкладывали и вблизи Москвы, и на Севере (Голенченко Г.Я. 1988. С. 11–14).

Утверждение Груневега об отсутствии книг в России тем более удивительно, что он находился в ее столице вместе с одним из представителей рода Мамоничей, жил и имел лавку на Гостином дворе рядом с ним и даже помог одному из их слуг разоблачить обман русских покупателей. Возможно, как раз соседство Мамоничей, ввозивших в Россию большое количество книг, и вызвало это странное замечание.

Несмотря на его неточность замечания, в нем все-таки содержалось зерно истины: книг в России в конце XVI в. катастрофически не хватало.

³⁷⁵ Судно, ходившее по Днепру и Висле. 25 декабря 1528 г. 1000 бочек жита должны были быть отправлены из Пинска (Полоцка, Витебска, Берестья, Мельника, Каменца, Слонима) в Киев. Богуш Боговитинович «маеть комяги наняти и тое жыто спустити водою до Киева» (LM-15. № 225. С. 289–290).

³⁷⁶ Наименование православия сектой типично для католика, да еще доминиканца.

³⁷⁷ Город Брянск на правом берегу р. Десны в 1159–1167 гг. входил во Вщижское, а в 1167 г. – в Северское княжество. После монгольского нашествия в городе поселился Роман Михайлович Черниговский, во второй половине XIII в. город стал центром и Черниговского епископства, существовавшего до 1499 г., когда Брянск вошел в состав Княжества всея Руси. В 1356 г. литовский князь Ольгерд отнял город у кн. Василия Александровича Смоленского и отдал его своему сыну Дмитрию. На рубеже XIV–XV вв. Брянском владел Александр Патрикеевич из рода Гелиминовичей, а с апреля 1465 г. до середины 80-х гг. XV в. – кн. Иван Андреевич Можайский, отнимавший земли у бояр (*Кром М.М.* 2007. С. 73, 74, 77, 165). После кратковременного пребывания в городе сына последнего, кн. Андрея, Брянск перешел в управление наместников, сменявшихся каждые два года, в результате на протяжении полутора десятков лет с 1485 г. до конца века в Брянске произошло семь перемен местной власти. К концу последнего десятилетия отношения наместников и городского населения резко обострились из-за попыток временщиков, пытавшихся опереться на бояр, которым в 1496–1497 гг. раздавались волости, наложить на мещан новые повинности: то в 1496 г. топить бани наместников, то в 1499 г. поставлять им подводы (Там же. С. 77, 164, 167, 169, 193). Воспользовавшись ситуацией, в апреле 1499 г. великий князь всея Руси Иван III направил рать Якова Захаревича, в мае овладевшую городом, из которого бежали бояре, мещане же принесли присягу новому государю (Там же. С. 112, 113, 233, 243).

³⁷⁸ Сохранялся вплоть до XX в. В XVIII в. в этих лесах скрывались раскольники.

³⁷⁹ Троицкий-Драгошанский или Дорогошанский монастырь в устье р. Дорогошанки, левом притоке р. Жиздры, левом притоке р. Оки в ее верхнем течении, в 27 верстах от селения Жиздра в устье р. Бредня и Лагутинка в р. Жиздру (СНМ Калужской губернии 1863. № 3; *Vasmer, Brauer.* Bd. 3. S. 292). По данным В.В. Зверинского, мона-

- стырь основан в середине XVII в. и упразднен в 1764 г. (*Зверинский В.В.* 1892. Т. I. № 214; Т. II. № 1265).
- ³⁸⁰ АЮЗР. 1863. Т. I. № 103. С. 105–109; Материалы для статистики 1839. С. 197.
- ³⁸¹ *Drohossanski monastier* – видимо, речь идет о Болдино-Дорогобужском монастыре, основанном Антонием в 1079 г. как Богородицком и находившемся в 15 верстах от Дорогобужа на Болдиных горах на Днепре (СНМ Смоленской губернии 1859. № 5; *Vasmer, Brauer.* 1966. Bd. 3. S. 80; ДДГ 1952. С. 63, 164, 355, 436). В 1239 г. он был разрушен Батыем и восстановлен в 1528 г. под названием Троицкого по сооруженной там церкви. В 1649 г. была построена Ильинская церковь, а в 1679 г. – заново Троицкая церковь, после чего монастырь стал называться Ильинско-Троицким (*Зверинский В.В.* 1887. С. 63, 70), и, кажется, до 1892 г. ошибочно разделен на два – в Черниговской и Смоленской епархии (*Зверинский В.В.* 1892. Т. I. № 214).
- ³⁸² Немецкий термин *behausung*, употребленный автором, ясно показывает неординарность этого поселения, возможно, его временный характер.
- ³⁸³ Груневег приводит стандартный набор русских музыкальных инструментов, упоминаемых и в русских источниках, в особенности середины и второй половины XVII в., когда все они с 1648 г. были запрещены (СлРЯ XI–XVII вв. 1977. Вып. 4. С. 155, 313; 1981. Вып. 8. С. 237). В Парижском словаре москвитов перечислены музыканты – печельник, думерник, цымбальник, смычник, дудник, сурначей (ПСМ. 2002. С. 113). Он, однако, не назвал варгана (*Успенский Гавриил* 1811). М. Гутри приводит названия почти тех же музыкальных инструментов, что и Груневег. Это *dudka, rojock, gelejka, sipovka, la swirelka, balalajka, goudok, gousli, loschki* (*Guthrie M.* 1795. P. 19, 21, 24, 29, 30, 31, 32). О домрах, гудках, лирах и свистках см.: *Вертков К.А.* 1975. С. 275; *Поветкин В.И.* 1989. С. 51–62; *Он же* 1997. С. 179–185.
- ³⁸⁴ В устах Груневега это весьма лестное сравнение.
- ³⁸⁵ Жердево, Жердава, Жердово (*Vasmer, Brauer.* 1966. Bd. 3. S. 281; СНМ Черниговской губернии 1866. № 2671).
- ³⁸⁶ *Serensk* – город домонгольского времени на р. Серене, левом притоке Жиздры, городище которого превышало 3 га (*Никольская Т.Н.* 1971). В течение XIV – большей части XV в. находился в составе Великого княжества Литовского. Дмитрий Федорович Воротынский, которому принадлежал Серенск, до декабря 1489 г. перешел на службу Ивану III, что и было зафиксировано договором 1494 г. (Сб. РИО. Т. 35. С. 40, 81, 89, 229; ПСРЛ. Т. VIII. С. 219, 225–226; АЮшк 1898. Ч. I. С. 15, 129; *Лихачев Н.П.* 1888. С. 439. См. подробнее: *Кром М.М.* 2007. С. 90–91, 199). В XIX в. – это Серенск в Мещевском у. Калужской губ. (СНМ Калужской губернии 1914. № 1566; *Vasmer, Brauer.* Bd. 8. 1977. S. 243).
- ³⁸⁷ Мухин – в Мещовском у. Калужской губ. (СНМ Калужской губернии 1863. № 2863; *Vasmer, Brauer.* Bd. 6. 1973. S. 18).
- ³⁸⁸ Известны два населенных пункта с таким названием: на р. Березуи в Перемышльском у. и Вараксин-Полтевка на р. Путинка Малоярославецкого у. Калужской губ. (СНМ Калужской губернии 1863. № 3749, 1909; *Vasmer, Brauer.* Bd. 1. 1966. S. 642). Груневег упоминает второй из них.
- ³⁸⁹ Левый приток р. Оки в ее верхнем течении.
- ³⁹⁰ Средневековый город – ныне Товарково – находится на правой стороне р. Угры в ее нижнем течении. Одноименная волость на р. Угре упомянута в духовной Ивана IV (ДДГ 1952. № 104. С. 440, 441). В XV в. она принадлежала Василию Шемяичу и Василию Стародубскому. В XIX в. деревня с этим названием находилась в Мещовском у. Калужской губ. (СНМ Калужской губернии 1863. № 2069; *Vasmer, Brauer.* Bd. 9. 1978. S. 112; *Соколова И.И.* 1975).
- ³⁹¹ В 1613 г. в Вепрейской волости Боровского у. существовала д. Ясенки (*Ермолаев С.* 1992. С. 90), в XIX в. – это деревня Подольского у. Московской губ. (СНМ Московской губернии 1862. № 4433; *Vasmer, Brauer.* Bd. 4. S. 563).

- ³⁹² Киев – в XV–XVI вв. известны два поселения: «у Москвы за Клязьмой» (с. Киевское), и одноименная деревня Рузского у. (ДДГ 1952. С. 345, 401). В XIX в. существовало два Киова: Киово Спасское и Киово-Кочалова на р. Битцовская (СНМ Московской губернии 1862. № 549; *Vasmer, Brauer*. Bd. 4. 1969. S. 144 и 153). Скорее всего, Груневег писал о Киове на р. Битцовская.
- ³⁹³ Правый приток р. Протвы, она протекала по Боровскому, Медынскому и Малоархавскому у. (*Vasmer M.* 1965. Bd. III. S. 130–131). Вдоль нее в середине XV в. располагались волости, и эта местность именовалась «Лужа с волостями» (ДДГ 1952. С. 29, 31 и др. по указателю).
- ³⁹⁴ Г. Боровск на р. Протве, в конце XIV – середине XV в. – центр Серпуховско-Боровского княжества, уже в XIV в. был центром сельской округи: село на Репне в Боровске упомянуто в духовной Ивана Ивановича (ДДГ 1952. № 4. 1358 г. С. 15, 17), слобода Василия I существовала до 1390 г. (ДДГ 1952. № 13. С. 38). В начале XV в. к Боровску относилось несколько волостей. В это время Боровск стал значительным торговым центром. Его князь Владимир Андреевич Серпуховский и Боровский передал этот город одному из своих сыновей, Семену, с «тамгою, и с мыгы, и с селы, и с бортью, и со всеми пошлинами». Показательно, что в этом перечислении на первом месте стоят доходы от торговли (Там же). Из пятидесятной дани в Орду на долю Боровска приходилось 33 руб. (ДДГ 1952. № 17. С. 46, 49). Создание Пафнутьева монастыря на окраине города подняло роль Боровска (Материалы для статистики 1839. С. 187).
- В Княжестве всея Руси Боровск превратился в обычный центр сельской округи: Иван III оставил Боровск Василию III «с волостями, и с путми, и з селы, и со всеми пошлинами» (ДДГ 1952. № 89. С. 355).
- ³⁹⁵ *Киселев И.А.* 1989. С. 52–54.
- ³⁹⁶ В городе существовал особый квартал, в XVII в. именованный Торговищем, а «у Торговища на площади» стоял древний храм Параскевы Пятницы, покровительницы торговли (*Фехнер М.В.* 1972. С. 210).
- ³⁹⁷ Ныне Протва, левый приток р. Оки в ее среднем течении.
- ³⁹⁸ Сохранилось его описание в дозорной книге 1621 г.: «Рублен городнями, а у города двои ворота – одни косые к торговищу с двема затворы, да перед вороты же срублены тарасы, а у тарасов щит спускной, а другие ворота к реке Пратве прямые с одним затвором, а на обоих воротах башни, на городе же 4 башни глухих, да у города же к реке Паратве тайник» (Боровск 1888. Цит. по: *Фехнер М.В.* 1972. С. 206).
- ³⁹⁹ Видимо, это Никольская церковь «близ Торговища на горке» конца XVI в., в XVIII в. переименованная в Благовещенскую с приделом Николы Чудотворца (*Фехнер М.В.* 1972. С. 206, 210).
- ⁴⁰⁰ Неясно, какие монастыри имел в виду Груневег. Наиболее известен Пафнутьев Боровский монастырь, основанный в 1444 г. в устье р. Истры при ее впадении в Протву и получивший свое название от своего создателя (*Амвросий* 1811. Ч. III. С. 432; *Маркелова В.Н.* 1981. Вып. 2). Наряду с ним существовали Рождественский монастырь с каменной Воскресенской церковью, основанный в 1467 г. и упраздненный в 1763 г., и Покровский монастырь в с. Высоком (Высоцкий-Петровский – у Зверинского), основанный в первые годы XV в. (возможно, в 1410 г., в пору процветания Боровска, тогда столицы княжества Владимира Андреевича Серпуховского и Боровского) и упраздненный в 1764 г. (*Зверинский В.В.* 1892. Т. II. № 754).
- ⁴⁰¹ Малькова на р. Наре (левом притоке р. Оки), в XIX в. принадлежала Боровскому у. Московской губ. (СНМ Калужской губернии 1863. № 519; *Vasmer, Brauer*. 1970. Bd. 5. S. 383).
- ⁴⁰² Возможно, р. Свинорка.
- ⁴⁰³ В XIX в. именовалась Свиноры (СНМ Московской губернии 1862 (Т. 24). № 2875; *Vasmer, Brauer*. Bd. 8. 1977. S. 131).
- ⁴⁰⁴ Ныне район Солнцево на юго-западе Москвы.

⁴⁰⁵ Город на одноименной реке, впервые упомянутый в 1147 г., с конца XIII в. – столица Московского княжества, с 1485 г. – Княжества всея Руси, с 1547 г. – Российского царства (см. подробнее: История Москвы 1997).

⁴⁰⁶ В соответствии с польско-литовской традицией Груневег именуется главой Российского царства лишь «московским государем», отказывая ему в титуле «царя», «самодержца» (причем первого именовавшегося таковым официально), равно как и сокращая «географические» пределы его власти, в первую очередь за счет определения «всея Руси». Традиция эта сложилась еще на рубеже XV–XVI вв. и прочно сохранялась на протяжении всего XVI в., несмотря на то, что из-за этого титула разразилась русско-литовская война начала XVI в. См. подробнее: Герберштейн С. 2008, I. С. 103, 105, 111; Флоря Б.Н. 1978. С. 22–24; Хорошкевич А.Л. 1980. С. 100–101. Польские дипломаты, паны Рады и представители администрации Речи Посполитой 80-х гг. XVI в. ограничивались словами «великий государь великий князь всея Руси» (РГАДА. Ф. 79. Кн. 16. Л. 1 об., 8 об., 9, 35, 36 об. (верующая грамота Стефана от 29 декабря 1585 г.), 60 об. (послание панов Рады того же времени). Лишь в записи посольских речей Михаила Гарабурды (Там же. Л. 37 об.) по стертому добавлены слова «Божью милостью».

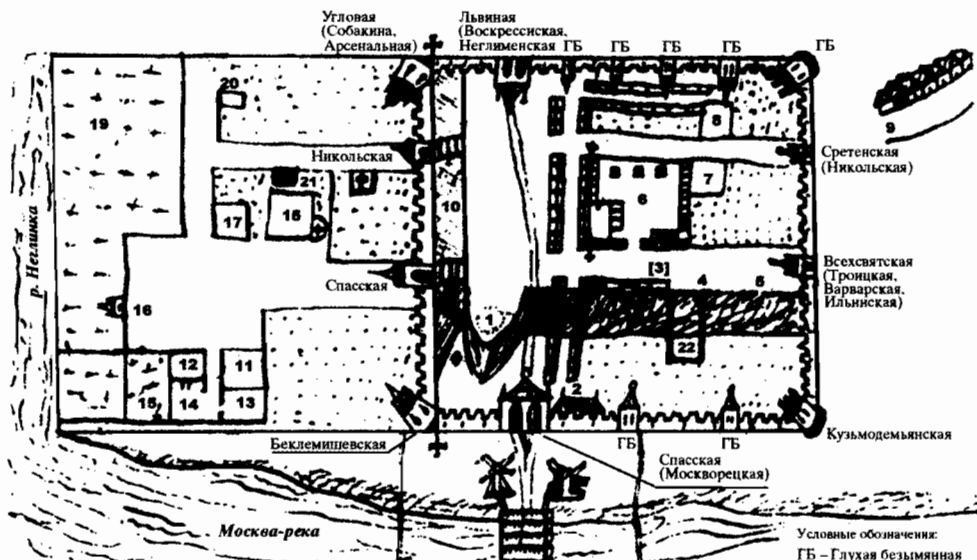
Полный титул в 1584 г. звучал так: «Великий государь царь и великий князь всея Руси, владимирский, московский, новгородский, царь казанский, царь астороканский, государь псковский и великий князь смоленский, тверский, югорский, пермский, вятский, болгарский и иных, государь, и великий князь Новгорода Низовские земли, черниговский, резанский, ростовский, ярославский, белозерский, лифляндский, удорский, обдорский, кондинский и всея Сибирские земли и северные страны повелитель и иных» (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 15. Л. 12 об. – 13 об., 60, 66, 72 об. – 73, 78 об., 103 об., 10416. Л. 125, 210, 233. 1586 г.).

⁴⁰⁷ Посетивший Москву в сентябре 1476 – январе 1477 г. и опубликовавший свое «Путешествие в Персию» в 1487 г. А. Контарини писал, что город окружают большие леса (Барбаро и Контарини. С. 22). Их исчезновение в результате массовых вырубок в окрестностях города заметил во время пребывания в Москве в 1517 и 1526 гг. имперский посол С. Герберштейн (Герберштейн С. 2008, I. С. 201). Расширение околородной территории за счет превращения лесов в «поля» зафиксированы такими московскими микротопонимами, как Воронцово поле, Кучково поле и др.

⁴⁰⁸ Мотлава – правый, довольно узкий приток р. Вислы в самом ее низовье, на котором располагались основные торговые склады города Гданьска.

⁴⁰⁹ Предмет постоянного удивления иноземцев, хотя такие же были и на Висле. Наплавной мост – *die schwebende Brücke* – описан К. Буссовым (См.: Буссов К. 1961. С. 109, 235) и весьма сходен с тем, что представлен на рисунке Груневега, на Петровом плане Москвы начала XVII в. (Памятники архитектуры Москвы 1982. Вкладка). Однако сравнительно с более поздними изображениями рисунку Груневега содержит важное отличие: на нем есть две конструкции, на первый взгляд напоминающие ветряные мельницы у Тверских ворот Земляного города из книги «Избрание на царство Михаила Федоровича Романова» 1672 г., т.е. спустя почти сто лет после Груневега. Основу этих конструкций составляют треугольник (слева) или перевернутая буква Г (справа), на которых укреплены крылья. Они ясно видны на левой. Это четыре крыла, правда, у верхних лопасти шире, чем нижние, которые, в придачу, не ровные, а слегка изогнутые. На правой конструкции прогнуты и верхние «крылья», а нижние вообще мало соответствуют этому определению. К ним от правого и левого края «живого моста» ведут, видимо, перевитые жгутом веревки. На самом же деле это не мельницы, а ворота для опускания или подъема моста в зависимости от уровня воды.

⁴¹⁰ На плане Москвы, в отличие от подлинной территории Кремля и Китай-города, Груневег изобразил обе эти части города в виде прямоугольников, почти равных

Реконструкция плана Москвы М. Груневага
с русскими обозначениями башен.

На схеме восстановлены неправильно обозначенные Груневым номера
(№ 18 вместо № 19, № 8 вместо № 9) и добавлен № 3 (церковь Св. Варвары)

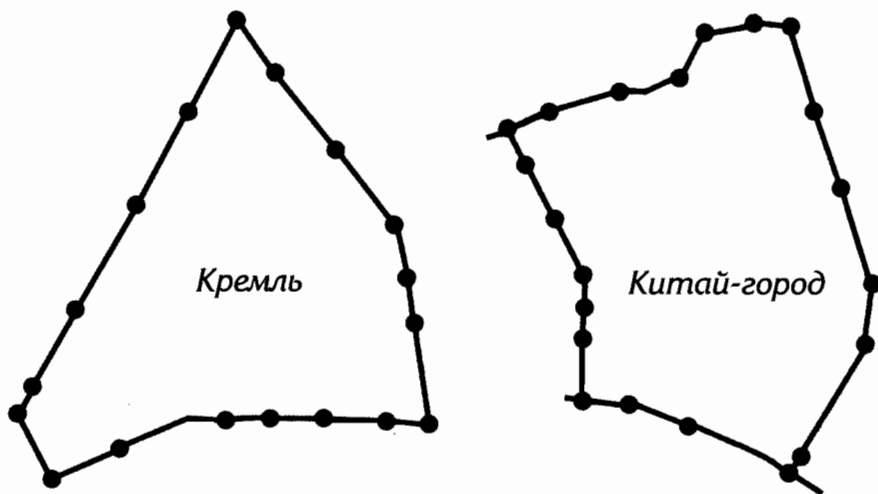

Схема границ территории Кремля и Китай-города в XV–XVI вв.
(по изданию: Памятники архитектуры Москвы 1982. С. 260, 350)

по величине, Кремль даже несколько превосходит по размеру Китай-город. Однако представления или воспоминания Груневега о Кремле весьма смутны. В этой части столицы он оставил много пустых мест, не обозначил даже кремлевских башен со стороны Москвы-реки и Неглинной. Зубцами он снабдил лишь китайгородскую стену и восточную часть Кремлевской стены. Сам Кремль по существу изображен вообще без стен.

Китай-город представлен весьма схематично. Здесь две с половиной улицы: Варварская, или Варварская, от Фроловских (Спасских) ворот Кремля к Всесвятским (Варварским) воротным башням Китай-города, и Ильинская, проведенная им от Кремля к Ильинским воротам Китай-города. Начало третьей улицы, начинавшейся у Никольских кремлевских ворот, он расположил почти вплоты к северной стене Китай-города. Однако это тупик, который не доходит до китайгородской стены, а завершается около монастыря Николы Старого. От Москворецких ворот до Воскресенских он провел дорогу, проходящую вдоль рядов. Последние же на его рисунке двумя порядками параллельны восточной стене Кремля и спускаются почти вплоть до южной стены Китай-города, немного не доходя до нарисованной у самых Москворецких ворот Таможенной избы. В начале XVII в. (до 1626 г.) здесь располагались Сапожный, Красный, Скобяной ряды (*Забелин И.Е.* 1884. Ч. 2. Стб. 1107, 1108, 1120). План Груневега наглядно поясняет, почему восточная часть Китай-города носила название Зарядья. Ряды на его схеме расположены и на обеих сторонах условно называемого «Никольского тупика», они с двух сторон – с южной и восточной – примыкают к Гостиному двору, который на рисунке занимает огромную территорию между Варварской, Ильинской улицами и Пожаром, будущей Красной площадью. Правда, на Ильинской улице лавки совсем не изображены.

Во внимании к расположению торговых помещений и заключается одна из главных особенностей плана Москвы Груневега. Если К. Буссов в Смутное время (1608 и 1612 г.) старательно фиксировал оборонительные сооружения и отмечал расположение войск, то торговый подмастерье больше интересовался торговыми «точками» и кварталами, а также Таможенной избой. В свете его плана становится, например, понятно, почему знаменитый голландец Ян де ла Валле – Иван Белобород русских источников, ведший огромную торговлю в России, имел свой двор в Никольском тупике.

В целом для плана Груневега характерны схематизм и выборочность изображаемых объектов. Нет улицы от Богоявленского монастыря к церкви Иоанна Предтечи, стоявшей у «пяти улиц» на Варварке, хотя она находилась в непосредственной близости от Гостиного двора. «Пять улиц» – это Варварка, Юшков пер. (у Английского двора, некогда принадлежавшего гостю Юрию Урвихостову), Ипатьевский, Косой и Псковский пер. (*Тихомиров М.Н.* 1952. С. 68; *Базилевич К.В.* 1952. С. 68, 119). Нет и Константино-Еленинских ворот, от которых, по мнению исследователей, и шла Варварская улица. Видимо, ко времени Груневега путь к ним был уже затруднен Покровским храмом. Ильинская же улица, по схеме Груневега, выходила почти к Никольским воротам Кремля.

У плана Москвы Груневега есть и другая особенность. В отличие от авторов всех иных ранних планов русской столицы, Груневег указывает особенности рельефа города. Так, Троицкую церковь (храм Василия Блаженного) он поместил на высоком холме. Некоторый намек на аналогичный холм, или, вернее, всхолмление, можно увидеть к востоку от Варварской церкви. Первым из иноземцев Груневег отмечает место жительства немцев, отнюдь не в Замоскворечье – в Болвановье или в Болванове близ позднейших Серпуховских ворот, и не на Кокуе за Яузой (*Бахрушин С.В.* 1952. С. 194–195), а вблизи Лубянской площади.

⁴¹¹ Речь идет, прежде всего, о «Хронике» Г. Шеделя (*Schedel H.* 1493), многочисленных польских хрониках (в первую очередь Кромера) и изданиях второй половины XVI в.,

- среди которых Груневег чаще всего упоминает сочинение Бруна – Г. Брауна – *Civitates orbis terrarum* (см. подробнее: Козак Я., Полишенский И. 1980. С. 84–94).
- ⁴¹² С присоединением Казани и Астрахани для центра России открылась возможность прямых экономических связей со странами Востока – Турцией и Ираном (см. подробнее: Фехнер М.В. 1956; Бушев П.П. 1976. С. 36, 39–47). До этого преобладали пути по Дону и Днепру (Сыроечковский В.Е. 1935; Он же 1932. № 3).
- ⁴¹³ О зимнем мосте через Москву-реку предшественники Груневега не писали. О торговой же площадке на замерзшей Москве-реке известно уже из сообщения А. Контарини и краткого изложения его сведений у И. Барбаро (Барбаро и Контарини 1971. С. 133, 158, 203–204, 228). Однако набор товаров, продававшихся на Москве-реке, у Контарини и Груневега различается. Если у венецианца – это по преимуществу продовольственные товары – зерно, мясо, дичь, конский фураж (сено) и дрова, то Груневег, посетивший Москву через 110 лет после венецианца, в качестве торговцев и владельцев временных лавок на реке называет почти исключительно ремесленников, производивших «промышленные товары», – столяров, гончаров, колесников, ремесленников-шорников. Он не пишет об изобилии мяса и о неразрубленных тушах, как Контарини и Барбаро, но все-таки упоминает о мясниках и рыбаках.
- ⁴¹⁴ Сообщение об информаторе-еврее вносит существенную поправку в представления о том, что в России не было евреев.
- ⁴¹⁵ Об этой торговле («большой торг на замерзшей реке») см.: Английские путешественники 1938. С. 78.
- ⁴¹⁶ См. комментарий к плану Груневега на л. 1196. Примечательно, что самую площадь Груневег не называет никак. Это будущая Красная, которая после нападения крымского хана Девлет-Гирея в 1571 г. и сожжения им столицы именовалась «Пожаром».
- ⁴¹⁷ Ныне это территория Васильевского спуска.
- ⁴¹⁸ Это сообщение вызывает сомнение, первый колодец в Кремле упомянут под 1471 г. (ПСРЛ. Т. 25. С. 292). «Кладязь площадной», т.е. на Соборной площади, упомянут в Лицевом своде 70-х гг. (ПСРЛ. Т. 12. С. 141). Он, по М.Г. Лекомцеву, изображен на миниатюре XV в. (Лекомцев М.Г. 1998. С. 110). Публикацию миниатюры см: Мокев Г.Я., Черный В.Д. 1980. № 1. С. 92–94). Наличие водопоглощающих колодцев, притом многочисленных, доказывают русские посольские книги (Сб. РИО. 1887. Т. 59. С. 489; 1892. Т. 71. С. 178, 436, 575). Качество воды, несмотря на уверения русских приставов при литовско-польских послах («в колодезех вода жива» или «свежа», «колодези добры, лутче речные воды»), было не вполне удовлетворительным. В 1566 г. и русские вынуждены были с этим согласиться: «А на еству послом вода велети возити с реки с Москвы от Живого мосту» (Сб. РИО. Т. 71. С. 329–330, 342. См.: Хорошкевич А.Л. 1996а. С. 123).
- ⁴¹⁹ Странная ошибка Груневега: вместо Кремля он написал Китай-город, в дальнейшем изложении замком именуется Кремль.
- ⁴²⁰ *Einer grosse* – ошибка: Китай-город по размерам превосходит Кремль.
- ⁴²¹ Очевидная ошибка Груневега. Кремль обычно схематично изображают в виде треугольника, Китай-город имеет больше сходства с четырехугольником. В Китай-городе те ворота, которые ведут к Живому мосту, правильно изображены двухарочными. Это Спасские (Водяные, Москворецкие). Они расположены между Беклемишевской (Москворецкой) башней Кремля и тремя глухими башнями Китай-города, включая и круглую угловую Кузьмодемьянскую, находящимися вдоль реки. От Спасских ворот Кремля М. Груневег нарисовал дорогу вдоль стены Кремля, ведущую к другим двухпролетным воротам – Львиным (Куретным, Воскресенским). Вторая магистраль, у которой пишет автор, соединяет ворота Кремля, по-видимому Спасские, с прямо противостоящими им – Всехсвятскими (Варварскими). Кремлевская стена, к которой примыкает Китай-город, снабжена четырьмя башнями, начиная с Беклемишевской, за ней, предположительно, следуют

Спасская, Никольская, Угловая (Собакина, Арсенальная). Южная сторона Китай-города также изображена с четырьмя башнями. Кроме угловой Кузьмодемьянской, вероятно, можно идентифицировать Варварскую (Всехсвятскую), Троицкую (Ильинскую). Сретенская (Никольская) отсутствует, так как Никольская улица не доведена до южной стены Китай-города. В стене Китай-города вдоль Неглинной автор схемы поставил, кроме Львиной проезжей и Угловой (Безымянной), еще четыре башни (все глухие), которые идентифицировать не удалось (Памятники архитектуры Москвы. 1982. С. 261–262, 350–351).

⁴²² Неясно, о каком городе идет речь. Если это Кремль или Китай-город, то вряд ли можно говорить о «почти новых стенах», ибо Кремлевские были воздвигнуты в конце XV – начале XVI в., а китайгородские – в 30-е гг. XVI в. Не исключено, что это стены Царьграда, действительно новые, они были поставлены незадолго до появления Груневега в Москве. Если это так, то сомнительно утверждение о «мощных башнях», что более соответствует Кремлю или Китай-городу.

⁴²³ Braun G. 1572. Описание Гданьска, на которое Груневег ссылается неоднократно, было помещено во втором томе 1575 г.

⁴²⁴ Это так называемый Алевизов ров, выложенный камнем и кирпичом и ведший от Москвы-реки до Неглинной (крестик в тексте рукописи отсылает читателя к плану Москвы). Сооружение его начал Алевиз Фрязин в 1508 г. (ПСРЛ. Т. XIII. С. 8. См. также: Т. VI. С. 247; Т. 20. С. 380; Т. 26. С. 299; Т. 28. С. 342). Этому архитектору ныне отождествляют с Алоизио да Карезано (Каркано) (Выголов В.П. 1997. С. 242). Ров использовался то как зверинец, то как место публичных забав.

⁴²⁵ Об использовании и конструкции этого спортивного снаряда упоминал уже Герберштейн (Герберштейн С. 2008, I. С. 383), который сообщил и русское название его – арты, правильное нарты (ПСРЛ. 1965. Т. XII. С. 61; Сб. РИО. Т. 95. 1892. С. 89; Isachenko A. V. 1957. S. 505). Представления о размерах лыж у обоих авторов почти совпадают: шесть ладоней (palma) у Герберштейна и пять пядей – у Груневега.

⁴²⁶ Груневег сообщает первоначальное наименование асамбля, позднее получившего наименование собора Василия Блаженного. Каменная церковь, посвященная Св. Троице, была построена в 1553 г. В 1554 г. к ней были пристроены деревянная церковь Покрова на Рву (имеется в виду Алевизов ров 1508 г.) и шесть приделов. Строительство каменного сооружения из девяти храмов заняло шесть лет, с 1555 по 1561 г. Во времена Груневега ансамбль был известен и под другим названием. В ружной казенной росписи 1584/85 г. он именуется Покровом Святой Богородицы, «что на рву у Фроловских ворот», «что в Китай-городе у Фроловских ворот», с приделами – Покровским, Троицким, Николы Великорецкого, Входа-Иерусалимским, Александровским (Александра Свирского), Григория «Великой Арменьи», Киприана и Устиньи, Патриаршим – Трех патриархов (ДАИ. Т. I. № 131. С. 190. См.: Снегирев В.Л. 1853). В начале XVII в., судя по данным К. Буссова, наименование храма Василием Блаженным еще не утвердилось: в его сочинении – это просто храм (Templum), Иерусалимская церковь (Буссов К. 1961. С. 185, 245). Груневеговское описание фундамента и подпись под его планом свидетельствуют о том, что принцип «восьмиугольности» был проведен последовательно: храм имеет восемь приделов, вписанных в круг, и каждый придел также восьмиугольный, но вписан в полукруг.

⁴²⁷ Сообщение о шпильях вносит новые детали в историю строительства собора. При обсуждении данного фрагмента в ГИМе 13 ноября 2011 г. Л.А. Беляев высказал предположение, что речь могла идти о шлемовидных навершиях, однако приложенный автором рисунок, при всей его миниатюрности, не оставляет сомнений относительно формы шпилей. Показательно, что только при описании Троицкого собора автор употребил термин *spitzen*, при описании куполов церкви Богородицы Пирогощей в Киеве, одного из черниговских храмов и Успенского собора в Мо-

сковском Кремле он использовал термин *rundele*. Купола изображены и на львовском Успенском храме.

⁴²⁸ Действительно, собор Покрова на Рву украшен кирпичным орнаментом двух видов: в нижнем цоколе составлен из трех кирпичей, поставленных на тычок с закругленным ложком, и чередующихся с ними трех кирпичей с закругленными тычками, положенных на постель (Баталов Л.А. 1996. С. 393. Прим. 29).

⁴²⁹ Само строительство было завершено в 1561 г. О нем и символике приделов см.: Флайер М.С. 1998. С. 40–50.

⁴³⁰ У Груневега находится наиболее раннее изображение звонницы, которое, как это ни парадоксально, почти полностью совпадает с тем, что содержит миниатюра Жития Антония Сийского XVII в. (ее публ. см.: История Москвы 1952. С. 120). Н.А. Бакланова относила эту колокольню к числу кремлевских. На рисунке Груневега звонница представлена в виде четырехъярусного сооружения с четырьмя пролетами, которое покоится на очень высоком подклете. На миниатюре, как и на более позднем плане «Кремленаграда», ярусов только три. В подклете арочный портал, на миниатюре Жития Антония Сийского он украшен почти барочными рельефами. Справа и слева от него – у Груневега ромбовидные углубления над прямоугольными углублениями. На миниатюре нет прямоугольных углублений, а место ромбов заняли круглые розетки.

На первом ярусе висит огромный колокол, форма которого ничем не отличается ни на миниатюре, ни на рисунке Груневега. Только на миниатюре несколько больше толстый язык, который опускается ниже края колокола. Кроме того, на миниатюре колокол украшен горизонтальными кругами. Наконец, здесь же отчетливо видна конструкция, с помощью которой колокол приводился в движение и из него извлекался звук (см. следующий комментарий).

На втором ярусе рисунка Груневега помещены три колокола, на миниатюре – их только два, на третьем – и там, и там по два. На четвертом, который имеется только у Груневега, – помещен один небольшой колокол.

Звонница на рисунке Груневега завершается равноконечным крестом, укрепленным на полумесяце с приподнятыми концами, на миниатюре вместо последнего яруса изображен барабан купола с тремя узкими окнами (одно в центре больше других). На куполе – восьмиконечный крест, на концах горизонтальной перекладины – по две развешивающиеся веревки (?).

На плане «Кремленаграда» трехъярусная конструкция совсем с другими пролетами, приспособленными исключительно для небольших колоколов, причем их по три на каждом ярусе. Форма звонницы – не сужающаяся кверху, а прямоугольная. Звонница завершается тремя шатрами с восьмиконечными крестами. Кроме того, на плане «Кремленаграда» со стороны Лобного места к звоннице примыкает стена, сверху которой наружная лестница ведет на второй ярус, звонница увенчана тремя шатрами. Со стороны Москвы-реки нарисованы высокие ступени до верху подклета («Кремленаград»).

Видимо, рисунок Груневега передает наиболее ранний вариант колокольни, следующую стадию (или аналогичного сооружения) представляет миниатюра Жития Антония Сийского, следы перестройки заметны в ликвидации четвертого яруса и изменении завершения звонницы: купол на барабане вместо четвертого яруса. Третий этап перестройки, причем довольно основательно, можно видеть на плане «Кремленаграда». О четвертом можно судить по изображению в книге А. Олеария, в 30-е гг. XVII в. это была двухъярусная и трехпролетная звонница, поставленная на широкой палате с обходной галереей. Первый ярус соответствовал так называемому палатному типу, второй – типу «на столпах» (Баталов Л.А. 1996. С. 247, 397, прим. 76).

Сравнение рисунка Груневега, миниатюры Жития Антония Сийского и плана «Кремленаграда» ставит вопрос о датировке Жития, которое, видимо, относится к самому концу XVI в. или рубежу XVI–XVII вв.

⁴³¹ Подобная стена изображена лишь на гравюре А. Олеария. Судя по ней, стена проходила по направлению к Варварской улице.

⁴³² Вариант перевода: «С помощью которой звонят». Этот способ извлечения звука получил особое распространение в России лишь во второй половине XVII – XVIII вв. До этого времени звон «в языки» производился в основном лишь на самых малых колоколах. Наиболее древним же способом извлечения звука из колоколов, пришедшим на Русь из Западной Европы, был другой – раскачивание самого колокола при свободном положении языка. Большая часть колоколов, в том числе все благовестники, т.е. самые крупные колокола, были оцепными, т.е. намертво укрепленными с помощью маточника на матице – вале квадратного сечения, который вращался в железных «гнездах» с помощью приделанного снизу шеста-очеп, веревка от которого спускалась до самой земли, что ясно показывают миниатюры Лицевого летописного свода XVI в. (*Кавельмахер В.В.* 1985. С. 39–40, 48, 73, 74. Здесь же объяснение отсутствующего даже в словаре В.И. Даля слова «очеп» – шеста, как своего рода журава или журавля для спуска и подъема грузов, раскачивания детских колыбелей и даже в качестве шлагбаума). Если отождествление звонницы на рисунке Груневега и на миниатюре Жития Антония Сийского правильно, то можно думать, что и крупный колокол, изображенный на них, тоже был оцепным.

⁴³³ Изображены Троицкий собор и тесно примыкающая к ней колокольня. Рисунок Груневега, изображающий Троицкую церковь (храм Василия Блаженного), показывает, что колокольня непосредственно примыкала к церкви. Сам храм не намного выше колокольни, он приземист, отдельные притворы имеют почти одинаковую высоту. Можно предположить, что очень высокий подклет завершается обходной галереей. Впрочем, на этом нельзя настаивать, т.к. рисунок очень мал. Странно представлен центральный шатер, он скорее напоминает пологий купол, на котором не маковка, но очень широкий крест.

⁴³⁴ Мытный двор с конца XV в. располагался около Москворецкого моста к северу от одноименных ворот, на его территории археологи находят счетные бирки (палочки с зарубками). В устье Яузы вплоть до XIX в. существовал Мытный переулочек между Москворецкой улицей и Зарядским пер. (*Гастев М.* 1841. С. 133; *Мартынов А.* 1881. С. 120). Позднее, в XVI в., ближе к берегу была поставлена Таможенная изба. Название избы происходит от тюркского слова «тамга», означавшего «клеимо владельца, печать, подать, пошлина» (*Фасмер М.* Т. IV. С. 18). Рядом с Мытным двором находи-

лась церковь Николы Мокрого на Великой улице Великого посада на территории Поречья у пристани при слиянии Яузы и Москвы-реки, где останавливались речные суда (ПСРЛ. Т. 24. С. 187; ДДГ 1952. № 28. С. 72. 1433 г.). В летописи впервые упоминается под 1468 г. (ПСРЛ. Т. XVIII. С. 219. См. подробнее: *Тихомиров М.Н.* 1957. С. 44, 46, прим. 1). Эта церковь фигурирует уже в Записи о душегубстве, датированной 1456–1461 гг. и содержащей установления Софьи Витовтовны 1425–1433 гг. (АСЭИ 1964. Т. III. № 12. С. 28; *Кучкин В.А.* 1987. С. 65). На этой территории археологами найдены деревянные счеты.

⁴³⁵ Весовая, где товары взвешивались, за что взималась соответствующая пошлина – «весчее». По сообщению С. Герберштейна, с одного пуда воска следовало платить четыре деньги (*Герберштейн С.* 2008, I. С. 285). Груневег не упоминает о взвешивании серебра, которое в XVII в. производилось, видимо, именно там. Во всяком случае приобретение «весков», «что весят деньги», осуществлялось за счет Гостиного двора («з Гостиного двора торговому человеку за вески... 6 алт. 4 д. дано» – *Веселовский С.Б.* 1912. С. 116).

⁴³⁶ Ср. выше: Брун, то есть Браун.

⁴³⁷ Справедливое замечание о городе, в котором на каждой усадьбе был собственный сад и огород (*Бахрушин С.В.* 1952. С. 161–162). Груневег правильно пишет о свободном расположении домов, что подтверждается археологическими и письменными данными. Соображение о плотности населения в столице, как правило, не принималось во внимание другими иностранцами, писавшими о Москве.

⁴³⁸ На этот раз Груневег заблуждается. Так, в 1485 г. стали делать погреб на казенном великокняжеском дворе (ПСРЛ. Т. 25. С. 330; Т. VI. С. 236, 237). О нем, вернее о них, упоминает и Штаден (*Штаден Г.* 2007, I; 2008. С. 163). Погреб с ледниками были открыты археологами (*Рабинович М.Г.* 1964. С. 191–265). Штаден сообщает о подвалах, в которых погибли спасавшиеся там от пожара 1571 г. люди, в основном немцы, с женами и детьми (Там же. С. 179, 433, 435). Погреб сооружались и в других зданиях как место хранения товаров и других предметов, куда не может проникнуть огонь (Там же. С. 81, 83, 371), и, конечно, на Опричном дворе в Александровской слободе (Там же. С. 187).

⁴³⁹ Неясно, в пределах каких стен – кремлевских, китайгородских или Белого города. Если речь идет о двух первых частях, то автор прав. Процесс вытеснения ремесленников из Кремля и заселения знатью Китай-города начался еще в XV в. (*Флоря Б.Н.* 1996).

⁴⁴⁰ Об этом свидетельствуют такие названия отдельных кварталов, как Гончары, Кожевники, Мыльники и др.

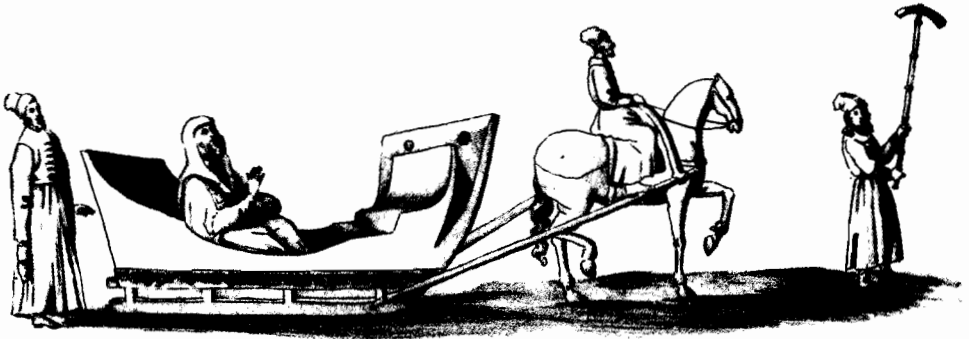
⁴⁴¹ После реконструкции прилегающей к Кремлю территории в 1493 г. лавки располагались на территории нынешнего ГУМа, спускались вниз к Москворецкому мосту и занимали территорию западной части будущей Никольской улицы. На рисунке Груневега лавки изображены и на территории нынешнего Охотного Ряда.

⁴⁴² Объемы московской торговли вызвали постоянное удивление иностранцев, да и было, чему удивляться. В 80-е гг. XVI в. Большой приход взимал с торговли в столице 12 тыс. руб., т.е. в 1,7 и 2 раза больше, чем с таких старинных центров торговли, как Тверь, Нижний Новгород и Великий Новгород (соответственно 7,7 и 6 тыс. руб.). Лишь Казань по объему торговли (11 тыс. руб. прихода в Большую казну) приближалась к Москве (см. подробнее: *Флетчер Дж.* 1906. С. 57).

⁴⁴³ Известны русские наименования некоторых из перечисленных торговых рядов – Овощной, Житный (*Альшиц Д.Н.* 1949; *Веселовский С.Б.* 1912).

⁴⁴⁴ О существовании извозчиков в средневековых северо-западных русских городах упоминают словари Томаса Шрове (*Einn Russisch Buch* 1997. S. 43–44) и Тонниса Фенне (*Tonnies Fenne I. P.* 288), московских – иностранцы XVII в. и приходо-расходные книги московских приказов и монастырей. За доставку 1000 драниц с Москвы-

Выезд Питирима, митрополита Сарского и Подонского

реки к зданию приказов в Кремле извозчик Иван Купрянов в 1613/14 г. получил 10 алт., т.е. столько же, сколько иконописец за один образ (*Веселовский С.Б.* 1912. С. 111). Традиция стояния извозчиков на Красной площади дожила до начала XX столетия (*Кантерева-Шамбиннаго Т.П.* 2009. С. 209).

⁴⁴⁵ Конструкцию саней хорошо передают рисунок А. Хиршфогеля к книге С. Герберштейна «Записки о Московии» и рисунок с изображением митрополита Сарского и Подонского Петра (Питирима), в конце жизни (†1673) патриарха Московского, из собрания РГАДА. Сани, в которых иерарх «и зимой и летом ездил в церковь», действительно напоминают лохань.

⁴⁴⁶ Ко времени пребывания Груневега в Москве была заселена вся территория Белого города, т.е. 533 га.

⁴⁴⁷ Редкое свидетельство, отсутствующее у других приезжих мемуаристов.

⁴⁴⁸ Действительно, именно здесь располагались слободы Гончарная, Кожевники.

⁴⁴⁹ Время ее строительства неизвестно. Судя по упоминающейся в летописи в середине XV в. и в московской Записи о душегубстве 1456–1461 гг. «Варьской» (Варварской) улице, она была воздвигнута ранее этого времени, если полагать, что улица получила свое наименование от имени святой, которой была посвящена церковь. Впрочем, существует другое объяснение названия улицы – от слова «варя» (АСЭИ 1964. Т. III. № 12. С. 28; *Тихомиров М.Н.* 1957. С. 46; *Кучкин В.А.* 1997. С. 65). В таком случае название улицы нельзя связать с церковью. Увиденный Груневегом храм восходит к 1514 г., его строил Алевиз Фрязин по заказу и на средства гостей Василия Бобра, Федора Вепря и Юрия (Юшки) Урвихвостова (ПСРЛ. Т. VI. С. 254; Т. VIII. С. 255; Т. 23. С. 200) либо двух последних (ПСРЛ. Т. 30. С. 141), освящал ее сам митрополит Варлаам (*Выголов В.П.* 1997. С. 238).

⁴⁵⁰ Китайгородская гора круто спускалась к Подолу, давно и плотно заселенному (*Полежаев Б.* 1796; *Рудольф М.Ф.* 1848; *Скворцов В.А.* 1913).

⁴⁵¹ Торговля вином в розницу в России в целом была запрещена. В 1584–1598 гг. царь Федор разрешил лучшим псковским людям держать питье «про себя», т.е. не на продажу, в течение двух недель без пошлин и без явки (ААЭ. Т. III. № 134). Такой же запрет действовал и в Москве, где владельцам тайных корчем грозила кара – конфискация напитков, штраф 2 рубля и торговая казнь (хлестание бичами на Торгу (*Штаден Г.* 2008, I. С. 75, 125, 241). Исключение составляли иностранцы, так, корчемством с продажей вина промышлял в опричнину Г. Штаден (Там же. С. 355, 359 и др.). Однако бывали, по словам того же опричника-корчмаря, что и им этот вид торговли запрещался. Видимо, исключение было сделано и для купцов, заказчиков

возведения храма Св. Варвары и их наследников. Возможно и иное. Здесь на территории прежней «вари», принадлежавшей князьям (Тихомиров М.Н. 1947. С. 171), население сохранило привилегию не только изготавливать, но и торговать в розницу горячительными напитками.

⁴⁵² *Der Karwaser* – Груневег употребляет восточный термин. В Москве с начала XVI в. в письменных источниках упоминаются «гостиные дворы» (ДДГ 1952. № 89. С. 354, 361. 1504 г.). Видимо, в данном случае речь шла о главном гостинном «дворе» для иноземных торговцев. В 1514 г. к окончанию строительства церкви Св. Варвары это был Панский двор: церковь была поставлена «против Панского двора» (ПСРЛ. Т. 30. С. 141).

Панский гостинный двор на Варварке впервые упоминается в перемирной грамоте 1537 г. Возможно, этот двор в течение XVI в. последовательно менял свое наименование. В 30-е гг. он носил альтернативное название «Литовского» (Сб. РИО. Т. 59. СПб., 1887. С. 2), с середины 50-х – Послова или Литовского (Там же. С. 458, 490, 531, 553, 564, 622; Т. 71. 1892. С. 165, 177), а с 1563 г. – Посольского, хотя не исчезает и название Литовский (Там же. Т. 71. С. 196, 341, 435). Видимо, в это время произошло разделение Послова двора и Гостиного. С 1555 по 1560 г. Литовский двор находился на Успенском Вражке (в районе Брюсовского пер.), с 1563 по 1570 г. у церкви Всех святых на Кулишках. Во времена Груневега (с 1577 по 1585 г.) он находился на Покровской улице (Шеламанова Н.Б. 1965б. С. 50–51; Белокуров С.А. 1906. С. 80–83; История Москвы 1952. Т. 1. С. 160–168; Фехнер А.В. 1949. С. 114). Гостинный двор Груневега, вероятно, находился напротив того места, где и ныне стоит здание, построенное по проекту Дж. Кваренги (Памятники архитектуры Москвы 1982. С. 433).

⁴⁵³ Уже в завещании Ивана III 1504 г. был установлен порядок пребывания гостей-«иноземцев» «на гостиных дворах», правда, тогда к ним были приравнены и гости из Московской земли, и из уделов (ДДГ 1952. № 89. С. 361). Лишь при Василии III был выделен гостинный двор для иностранцев.

План двора показывает, что его территория делится на несколько зон: производственную – торговые лавки справа от входа, еще несколько по левой от входа стороне двора; производственно-бытовую – три большие лавки вдоль кухни и сама кухня; жилую и бытовую, состоящую из изб, конюшни и «каретного» сарая. Эта третья зона отгорожена от остальных жилыми избами.

⁴⁵⁴ Этот номер, как далее и № 22 (Английского двора на Варварке), 4, 5 и 7 – неназванных церквей там же, № 8 – церкви Св. Николая, № 9 – Немецкой улицы, относится к плану г. Москвы.

⁴⁵⁵ На рисунке изображено каменное сооружение со сводчатым порталом и острокопечной крышей, над которой возвышается целый ряд труб на разном уровне, верхняя находится на коньке крыши. Последняя нарисована как бы покрытой черепицей, трубы завершаются покрытиями, защищающими их от дождя.

⁴⁵⁶ Мартин Мамоич был не единственным представителем семейства Мамоничей, побывавших в России. Богдан Мамонов сопровождал посла Речи Посполитой, «писаря и секретаря» Льва Ивановича Сапегу, добравшегося до Москвы 21 марта 1584 г. (РГАДА. Ф. 79. Кн. 15. Л. 16, 18 об.). Оба купца принадлежали к одному из наиболее влиятельных семейств столицы Литовского княжества. Выходцы из Могилевщины, они обосновались в столице Литовского княжества с 1568 г. Первым известен Кузьма Иванович (†1607), ставший бурмистром и в 1574 г. заложивший типографию (*Iljaszewicz T.* 1936; *Rec.: AW.* 1939. S. 266; *Зернова А.С.* 1959; 400 лет русского книгопечатания 1964; *Каспрчак Е.И.* 1964. С. 209–211; *Swierk A.G.* 1995. S. 46–47). Лукаш Мамонич (†19.X. 1606), владетель нескольких каменных домов в Повилье, 20 декабря 1585 г. был назначен литовским казначеем (скарбным) (*Urządnicy centralni* 1994. № 1459. S. 183; *Korotajowa K.* 1974. S. 464–466); виленским мещанином был и Иван (Ян) Мамонич, торговавший как с Люблином (через армянина Криштофа Тарасо-

вича из Львова), так и со Львовом (АСД 1867. Т. III. 08.03.1583. С. 316, 318). В начале XVII в. Лукаш Мамонич владел имением Войнаршиским в Ошмянском повет (АСД. 1867. Т. III. № 37. С. 66).

Мартын Мамонов жил в Москве весьма длительное время, возможно, он приехал сюда вместе со Львом Сапегой после смерти Ивана Грозного (РГАДА. Ф. 79. Кн. 16. Л. 32) и здесь торговал беспошлинно на Посольском дворе. «А з достальным товаром остались многие гости вилневиц Мамоничи и иные, а жили по полугоду, а иные и болши» (РГАДА. Ф. 79. Кн. 16. Л. 52 об. Речь Вас. Щелкалова).

⁴⁵⁷ Немецкий термин *Wilde* для обозначения г. Вильно встречается и в «Записках о Московии» Г. Штадена (*Штаден Г.* 2008, I. С. 102, 222).

⁴⁵⁸ Эрих Лясота, побывавший в Киеве в 1594 г., также упоминает этого армянского купца. Судя по тому, что этот богатейший армянин стоял на Гостином дворе, можно думать, что в 1585 г. еще не существовало Армянского двора, который в конце века находился недалеко от Лубянской площади (в современном Армянском пер. См.: *Бахрушин С.В.* 1952. С. 160, 170; *Белокуров С.А.* С. 81–83).

⁴⁵⁹ Под № 6 на схеме двора значится дом сторожа – неременная принадлежность любого крупного московского двора, усадьбы или монастырского подворья (Кирилло-Белозерского, Троицкого и др.). В связи с наличием в пределах двора конюшни и сарая для телег (и/или саней) можно предполагать, что некоторые иноземцы пердвигались на собственных лошадях и телегах. Нумерация жилых помещений на рисунке не вполне соответствует тексту. № 7 – это самая левая изба, № 8 на рисунке заменен № 9.

⁴⁶⁰ Торунь был одним из крупнейших торговых центров Пруссии, однако, думается, Груневег несколько преувеличил размеры московского Гостиного двора.

⁴⁶¹ Речь идет о скоморохах – «гудцах и прегудниках», ср. л. 1194.

⁴⁶² Вторая половина этого утверждения не совсем точна. В конце XV в. часть Китай-города в районе нынешнего Исторического проезда была вымощена щебенкой. Однако основным видом мостовых были деревянные двух типов – горизонтальными бревнами или в конце XVI в. – квадратными щитами. Известно, что в районе Посольского двора «мосты мостили» в 1570 г. (Сб. РИО. Т. 71. С. 636–637). «Мостки» находились и у Казенной палаты, и у Благовещенского собора (РГАДА. Ф. 79. Кн. 16. Л. 34), а в 1614 и 1617 гг. – «мостили позад Казанского дворца» и «у Разряда» (*Веселовский С.Б.* 1912. Стб. 115, 526).

⁴⁶³ Белоозеро, Ильмень-озеро, Клецино и др. Однако рыба поступала не только из озер, но и рек.

⁴⁶⁴ Несмотря на многочисленные солеварни на побережье Ледовитого океана и Белого моря – в районе Уны, Неноксы, в Поволжье, в Ст. Руссе (*Коломинский С.* 1913; *Рабинович Г.С.* 1973) – местная соль отнюдь не покрывала потребностей населения России. В связи с этим традиционно импортировалась тонкая и чистая лонбургская, чрезвычайно дорогая, соль, грубая морская соль из Франции (из Бруажа) и Португалии. В Москве же в 1585 г. зафиксирована цена соли, в 3–5 раз превышавшая ее цену на севере (*Маньков А.Г.* 1951. С. 176). Недостаток соли в стране ощущался вплоть до XIX в.

⁴⁶⁵ Английский двор. Первоначально принадлежал Василию Бобру (Памятники архитектуры Москвы 1982. С. 441, 448), а позднее одному из «его братьи» – Юрию Урвиховостову (*Тихомиров М.Н.* 1957. С. 48), передан англичанам в 1565 г. Пожалование подтверждено в 1584 г. царем Федором Иоанновичем (Сб. РИО. 1883. Т. 38. С. 176–179). По Горсею, грамота гласила: «Жалуем всем английским купцам дом Юрия... прямо против церкви Св. Максима за торгом, они будут по-прежнему проживать в этом доме, как и раньше» (*Горсей Дж.* 1990. С. 154).

⁴⁶⁶ Вероятно, одной из них был храм Свв. Бориса и Глеба, впервые упомянутый под 1434 г. («Того же лѣта мѣсяца ноября 12 день преставися рабъ божи Максимъ, иже Христа ради уродивыи, положен бысть у Бориса и Глѣба на Варварьскойи улицы за

- Торгом, а погребен бысть нѣким мужем благовернымъ Феодоромъ Кочкина». – ПСРЛ. Т. 30. С. 133) и до 1657 г. вошедший в качестве придела церкви Свв. Максима Исповедника и Максима Блаженного, построенной в XVII в. (*Забелин И.Е.* 1894. Ч. 2. С. 24, 389; *Фехнер М.В.* 1949. С. 119). Вторым храмом предположительно могла быть церковь Иоанна на пяти улицах, впервые упоминаемая в 1468 г. (ПСРЛ. Т. VIII. С. 154).
- ⁴⁶⁷ По мнению А.Л. Баталова, это церковь Св. Петра «Красный звон».
- ⁴⁶⁸ Возможно, это церковь Николы Старого одноименного монастыря, с середины XVI в. известного как Николо-Греческий. Собор впервые упомянут в 1390 г. (ПСРЛ. Т. XV. С. 122).
- ⁴⁶⁹ Видимо, Груневег не ошибается, крестоцелование «не на криве» не запрещалось Стоглавом (Стоглав 1985. С. 300). В церкви Св. Николая могли заключаться торговые сделки, почему она, вероятно, и привлекла внимание Груневега. В связи с ее общественной ролью в Степенной книге храм назван «иже у великого креста» (ПСРЛ. Т. XXI. С. 372). Выделение этого храма как находившегося вне Никольского монастыря представляется неправомерным (Ср.: *Фехнер М.В.* 1949. С. 116, 118–119). Показательно, что Степенная книга не дает топографических указаний, на схеме Груневега будущая Никольская улица не доходит до Никольских ворот, а сам храм помещен на Ильинской улице, первоначально – до строительства церкви Ильи в 1519 г., носившей название Дмитриевской.
- ⁴⁷⁰ О существовании немецких поселений в Китай-городе см.: *Шеламанова Н.Б.* 1965. На схеме иностранных поселений и захоронений, составленной Л.А. Беляевым (История Москвы 1997. Т. I. С. 118), указанного Груневегом Немецкого переулка нет. Затруднительно идентифицировать его с каким-либо известным ранее местом жительства немцев в пределах Белого города. Может быть, немцы были расселены между псковичами? Возможно, речь идет о тех немцах, которых вывел в Москву еще Василий III, часть их оказалась и в других городах Руси, в частности в Переславле-Залесском. Массовое же переселение немцев из Ливонии было произведено великим князем в самые первые годы Ливонской войны. 6 апреля 1585 г. император Рудольф II в ответе на посольство Л. Новосильцева среди других претензий требовал отпустить пленников Ливонской войны – Еремея Ремера, Магнуса Павла и Николая фон Бибериша (РГАДА. Ф. 32. Оп. 2. № 9. Прага). Ср.: сл. прим.
- ⁴⁷¹ Часть немцев, поступивших на царскую службу, была приравнена к русским. 13 апреля 1586 г. дьяк Елизарей Вылузгин при обсуждении вопроса о возвращении пленных ливонцев говорил Михаилу Гарабурде: «А немец лифлянский, которые у нас служат, живут на поместьях, а иные торговые люди торгуют с нашими людьми с торговыми, ино тех отпустить непригоже» (РГАДА. Ф. 79. Кн. 16. Л. 54). Возможно, именно первая категория немецких людей упомянута в отрывке челобитной подъячего Печатного приказа (*Морозов Б.Н.* 1998. С. 85–86. № 3. 1570–1590-е гг.), которую, видимо, нельзя датировать временем ранее окончания Ливонской войны (Ср.: Там же. С. 82).
- ⁴⁷² Русским женщинам Стоглав предписывал: «...украшати себя... не плетением золотом и серебром и ризами многоценными» (Стоглав 1985. С. 367). Внимание Груневега к одежде иностранцев вполне понятно, ибо и на родине автора существовали строгие правила ношения одежд разного качества в зависимости от социального статуса (*Möller A.* 1886; *Bogucka M.* 1972. S. 178).
- ⁴⁷³ Производство поливных печных изразцов началось в Зарядье в первой трети XVI в., в основном преобладали зеленые (*Дзвонковский С.Л.* 1995. С. 74–76; *Беляев Л.А.* 1992. С. 8–21; *Векслер А.Г.* 1992. С. 138–148; *Дзвонковский С.Л.* 1992. С.195–211; *Выголов В.П.* 1975. С. 282–317). Их конструкция, видимо, была близка польской (*Dąbrowska M.* 1987; *Busko S.* 1995). Знакомство русских мастеров с иностранными кафельными печами не прошло бесследно, русские печные наборы начала XVII в. по стилю повторяли аналогичные немецкие готические и позднеготические (*Немцова Н.И.* 1993. С. 33–

34). Плоские поливные плитки для настилки полов в Москве стали производить уже в XIV в. (Беляев Л.А. 1994. С. 62, 161; Он же 1991. С. 52–53).

⁴⁷⁴ Этим правом во время опричнины (1565–1572) успешно воспользовался Генрих Штаден, открывший корчму на Рождественской улице.

⁴⁷⁵ Как правило, казначеев было два, так, в тексте расходной книги Чудова монастыря в записи от 23 сентября 1585 г. глагол при подлежащем «казначей» стоит во множественном числе – «взяли» (ХКЧМ 1585/86 г. 1996. С. 66). Главным из них был окольничий. Вряд ли это мог быть Владимир Васильевич Головин, несомненно, занимавший эту должность с 31 мая по 24 декабря 1584 г. (ДАИ. Т. I. № 131. С. 195; *Казанский* П. 1847. С. 117, 121; РГАДА. Ф. 89. Кн. 72. Л. 228 об., 230 об., 231, 250; ПСРЛ. Т. 34. С. 229–230; ДАИ. Т. I. С. 189–195; *Савва В.И.* 1917. С. 278, 347–376). В декабре оказался в опале его предшественник и двоюродный брат П.И. Головин (*Зимин А.А.* 1986. С. 122). С 25 декабря 1584 г. по 11 февраля 1585 г. окольничего казначея не было, и в это время должность казначея исполнял один Деменша Иванович Черемисинов (ДАИ. Т. I. № 131. С. 195, 198). В отсутствие окольничего казначея последний один раз руководил Г.В. Годунов. В записи под 30 декабря 1584 г. о выдаче жалованья дьячкам церкви Рождества Богородицы на сеньях читаем кроме обычной формулы («по приказу Деменши Ивановича Черемисинова») и другое сообщение: «А казначею Деменше Ивановичу Черемисинову государевым словом говорил Григорий Васильевич Годунов» (ДАИ. Т. I. № 131. С. 195).

С 12 февраля 1585 г. окольничим казначеем стал Иван Васильевич Траханиотов (ДАИ. Т. I. № 131. С. 198–199), который находился в этой должности и 23 сентября 1585 г., и в апреле 1586 г. (ХКЧМ 1585/86 г. С. 66; РГАДА. Ф. 79. Кн. 16. Л. 98 об.). Свою должность сохранил и Д.И. Черемисинов. Кого имел в виду Груневег в этом сообщении, определить невозможно. Не исключено, что он, как и позднее (л. 1210), говорил о Б.Ф. Годунове, Г.В. Годунова он, по-видимому, не знал.

⁴⁷⁶ Русская «казна», термин происходит из *тюрк. yaznā, крымско-тат. yazna, тат. yāzinā* (*Фасмер М. Т. II. С. 160; Смолина К.П.* 1990. С. 116), термин вошел в русский язык в XIV в. В данном случае обозначает помещение, примыкавшее к Благовещенскому собору, где хранились сокровища государя.

⁴⁷⁷ Об этом порядке сообщают многие иностранцы. Ср.: *Герберштейн С.* 2008, 1. С. 275.

⁴⁷⁸ Фроловские, позднее Спасские ворота с надвратной церковью Св. Афанасия. Впервые упомянуты в летописи в 1490 г. Названы по надвратной церкви Фрола и Лавра (ИМ. С. 53). Башня заложена в марте 1491 г. Пьетро Антонио Солари и Марко Фрязиным, первый завершил ее строительство к сентябрю того же года (ПСРЛ. Т. VI. С. 38; Т. 25. С. 332; Т. VIII. С. 221; Т. 28. С. 156, 157).

⁴⁷⁹ Колокол-благовестник. Первые московские часы («часобитня», по определению В.В. Кавельмахаера) были установлены Лазарем Сербиним в 1404 г. на башне за церковью Благовещения в Кремле (ПСРЛ. Т. XVIII. С. 281; *Кавельмахаер В.В.* 1985. С. 66). В конце XV в. функции часов выполнял «городной часовой» колокол, стоявший почти на Соборной площади (ПСРЛ. Т. XXIV. С. 236). На плане «Кремленаграда» виден и этот колокол, и колокол на Фроловской (Спасской) башне, который и унаследовал функции часов с боем 1404 г.

⁴⁸⁰ Речь идет об апостольских постановлениях III в., сочинениях Климента Александрийского, Тертуллиана, Афанасия Великого, Василия Великого. Иерусалимские уставы, сложившиеся около середины VI в. и дополненные в XI в., сохранились лишь в списках XII–XIII вв. (*Мансветов И.* 1885. С. 1, 6, 9, 81, 82, 168, 177, 181; *Лебедев П.* 1890; *Гавриил, архим.* 1886; *Нестеровский, еп.* Ч. II. 1900).

⁴⁸¹ Это разделение суток совпадало с основными службами в 3 часа – перед литургией и в 9 – перед вечерней и чтением Священного Писания – так называемыми часами (в 1 час, 3, 6 и 9 часов), которые в обычные дни включали псалмы, тропари, кондаки, а в пасхальные – воскресные песнопения и молитвословия.

- ⁴⁸² Большая улица (ДДГ 1952. № 86; *Мартынов А.* 1888; *Миллер П.Н., Сытин П.В.* 1938).
- ⁴⁸³ Это могла быть перестройка собора Вознесенского монастыря, заложенного великой княгиней Евдокией, вдовой Дмитрия Донского, в 1407 г. (АФЗХ. Ч. 1. № 24. С. 46; Троицкая летопись. С. 61), но не законченного даже в 60-е гг. XV в., либо Троицкая церковь на Кирилловском подворье (последняя существовала до 70-х гг. XV в. (АСЭИ 1958. Т. II. № 150. С. 87).
- ⁴⁸⁴ Это церковь Рождества Христова (с 1555 г.), первоначально именовавшаяся церковью Воскресения Христова, которую в 1532–1535 гг. начал возводить Петрок Малый (Петро Ганнибал). Она была закончена в 1543–1552 гг. (№ 23 на плане «Кремленаграда»). Это трехъярусное однокупольное сооружение, фасады первого и второго яруса расчленены пилястрами и карнизами, между которыми располагались ложные или настоящие довольно большие прямоугольные окна. Оно завершается многочисленными килевидными кокошниками, на которых, по-видимому, безо всякого шатра, покоится главка (Ср.: Памятники архитектуры Москвы 1982. С. 323). В юго-западном углу церкви находилась круглая винтовая лестница с земли. Церковь ориентирована с севера на юг, эта, по выражению В.В. Кавельмахаера, «ренессансная архитектурная кулиса» разделила Ивановскую и Соборную площадь (*Кавельмахаер В.В.* 1993. С. 100–101).
- ⁴⁸⁵ Молва ошибочно приписывала итальянизмы церкви желанию Ивана IV угодить будущей невесте – дочери Сигизмунда I Старого – Екатерине Ягеллонке. Проект женитьбы Ивана IV на Екатерине Ягеллонке, сестре Сигизмунда II Августа, относится к 1567 г. (ПСРЛ. Т. XIII. С. 407; *Зимин А.А.* 1964. С. 261), невзирая на то, что еще в 1561 г. она стала женой герцога Финляндии Яна (Юхана), брата шведского короля Эрика XIV и будущего короля Юхана III Вазы (*Czapliński W.* 1966. S. 218–220).
- ⁴⁸⁶ Церковь Иоанна Лествичника и колокольня Ивана Великого – одно из древнейших каменных сооружений Кремля – была построена в 1329 г. (ПСРЛ. Т. XVIII. С. 91). Уже тогда это была восьмигранная колокольня с церковью в нижнем этаже (*Кавельмахаер В.В., Панова Т.Д.* 1995. С. 66, 72–73, 75–78). Существовавшее в 1585 г. сооружение, трех- или двухъярусный восьмигранный столп с очень маленькой церковью внутри, заложено Боном Фрзыным в 1505 г. на новом месте и завершено в 1508 г. Это два нижних и часть третьего яруса современного здания, в 1599–1600 гг. надстроено до настоящей высоты (ПСРЛ. Т. 28. С. 337–338; Памятники архитектуры Москвы 1982. С. 267, 323; *Подъяпольский С.С.* 1995. С. 98–99). В нижнем ярусе на северо-восточной и северной стороне в 1532 г. была сооружена церковь Воскресения Христова.
- ⁴⁸⁷ Груневег называет его в соответствии с летописной традицией, которая знает лишь одно определение – «большой» или «большой благовестник». Так именуется и колокол в 1521 г. (ПСРЛ. Т. 30. С. 146), и колокол Василия III 1532 г., упавший с колокольницы во время пожара 1547 г. (ПСРЛ. Т. 29. С. 51) и грозненский колокол 1550 г. (ПСРЛ. Т. XIII. С. 161). Последний колокол, по Штадену, висел между церковью и башней (*Штаден Г.* 2008, I. С. 168/169). Думается, предположение В.В. Кавельмахаера о том, что грозненский колокол носил название «царь», при всей привлекательности и логичности этой версии (*Кавельмахаер В.В.* 1993. С. 90–93), опровергается приводимыми им самим летописными сообщениями.
- Тот колокол, который видел Груневег в 1585 г., мог быть описан в стихотворении митрополита Исы, побывавшего в Москве вместе с патриархом Иоакимом в 1586 г. Его прозаическое изложение – с арабского на арабский – сохранил Павел Алеппский. Это «высокий огромный колокол, перетягивающий всякий вес: тридцать юношей нужно, чтобы раскатать его веревками, скрученными из сердцевины конопли» (*Павел Алеппский* 1896. Вып. 3. С. 101). В.В. Кавельмахаер подчеркивает, что колокол, как и его предшественник 1532 г., был очепным, т.е. издавал звук при качании его самого (*Кавельмахаер В.В.* 1993. С. 94). Это несколько противоречит сообщению Груневега о способе звукоизвлечения из русских колоколов. См. л. 1200.

- ⁴⁸⁸ Вспоминая о посещении Вены в июне 1602 г., о. Венцеслав привел немецкую половицу о том, что «в Страсбурге самая высокая башня, в Вене самый красивый храм, а в Эрфурте самый большой колокол» (3, 1296). В Вене подобный колокол весом 220 центнеров находился на колокольне храма Св. Стефана (3, 1420) а эрфуртский колокол «Глорियोза» мастера Герарда Ву (1497) в действительности весил 11 450 кг (Bues A. 2008, 3. S. 420).
- ⁴⁸⁹ Успенский собор, «что на площади». Древнейший каменный храм был построен 4 августа 1326 г. – 14 августа 1327 г. (ПСРЛ. Т. XVIII. С. 89; Т. XV. Вып. 1. Стб. 44). Тот храм, который видел Груневег, был возведен Аристотелем Фиораванти. Это был митрополичий собор, который также пользовался ругой. 9 октября 1584 г. ему из казны было пожаловано два пуда ладана по 6 руб. пуд (ДАИ. Т. I. № 131. С. 192).
- ⁴⁹⁰ Рисунок на полях весьма схематичен и имеет мало сходства с реальным. Впрочем Груневега интересовали лишь купола и способ их размещения на крыше.
- ⁴⁹¹ Неожиданное появление определений «царь» и «царское» (собственно *Kaiser, kaiserlich*) по отношению к Федору Иоанновичу, которого ранее Груневег называл исключительно великим князем, объясняется ситуацией суда Боярской думы и некоторым страхом, который «преступник» начал испытывать во время ее заседания.
- ⁴⁹² Здесь находились церковь Иоанна Предтечи, «что за дворцом у старых конюшен» или «у старого Конюшенного двора» с приделом Св. Уара (ДАИ. Т. I. № 131. С. 190, 191), церковь Спаса на Дворце с приделами Спиридонья Великого, Павла Фивейского и Ивана Кушника, Трех святителей, Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоуста, Семиона Богоприимца. Этим мелким церковкам полагалось и меньше ладана из казны (церковь Спаса 11 декабря 1584 г., 29 января, 2 февраля 1585 г. – 1 меньшая гривенка ладана ценой 3 алт. без 2 д. – Там же. С. 194, 197, 198).
- ⁴⁹³ Капелла, где молятся в основном великие княгини, – церковь Рождества Богородицы, «что на сенех», или даже «что на сенех у царицы», основанная в 1393–1394 гг., входила в число ружных кремлевских церквей. На протяжении 1584 г. ее причт практически ежемесячно получал царское жалованье ладаном: 20 сентября – 3 гривенки, 13 ноября – 2, 14 декабря – праздничное жалованье протопопу, трем попам и двум дьяконам по «сукну доброму» ценой 2 руб., а также 2 гривенки ладана, 30 декабря жалованье 2 дьячкам такими же сукнами и 2 гривенки ладана, 17 января, 11 февраля, 9 марта – по 3, 11 и 28 апреля, 19 мая, 1 июля и 1 августа – по 2 гривенки ладана (ДАИ. Т. I. № 131. С. 190–206; Павлович А.Г. 1998. С. 153).
- ⁴⁹⁴ Боровицкие ворота.
- ⁴⁹⁵ Церковь Св. Михаила Архангела – каменный храм был возведен в 1333 г. (ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Стб. 46, 47, 51, 56), в 60-е гг. XV в. он был снабжен деревянными приделами (Симеона Дивногольца – в 1468 г., апостола Акилы и Воскресения Христова – в 1471 г. См.: ПСРЛ. Т. 25. С. 281, 290); существующий ныне построен в 1505–1508 гг. венецианцем Алевизом Новым, которого предположительно отождествляют с венецианским архитектором Альвизе Ламберти да Монтаньяна (*Подьяпольский С.С.* 1975. С. 252–279). О статусе этого храма свидетельствует размер годового жалованья (во время пребывания в Москве Груневега оно было равно 2 пудам 10 гривенкам ладана на 13 руб. 1 полтину (ДАИ. Т. I. № 131. С. 194). Здесь же в приделе находилась церковь Иоанна Предтечи (Там же. С. 194, 201).
- ⁴⁹⁶ Приказы, здание которых было построено из дерева.
- ⁴⁹⁷ Благовещенский собор, небольшой одноапсидный каменный храм, был сооружен либо в конце XIV – начале XV в., либо незадолго до 1404 г. (*Кучкин В.А.* 1997. С. 74). Фрагменты его сохранились в подклете здания конца XV в. 18 июля 1416 г. собор был разобран и воздвигнут новый – трехапсидный четырехстолпный (*Воронин Н.Н.* 1962. С. 161; *Гращенков А.В.* 1995. С. 84–92; *Федоров В.И.* 1974. С. 112–129; *Федоров В.И., Шеляпина Н.С.* 1972. С. 223–234; *Кучкин В.А.* 1976. С. 293–297). И этот храм сменен

в 1485–1489 гг. новым, окруженным галереями-папертьями на подклетах, со всходом, заканчивающим северную паперть. Крытая южная паперть в 1489 г. была преобразована в придел Василия Неокесарийского. На рубеже XV–XVI вв. порталы приобрели ренессансное оформление. При восстановлении собора, пострадавшего от пожара 1547 г., в 1562–1564 гг. придел был обновлен, южное крыльцо покрыто, а над углами галереи выстроены четыре одноглавых придела. В 1585 г. известны приделы, «что у Благовещения на паперти» – Василия Кесарийского (1 гр. ладана 30 декабря. С. 196), собор Пречистой Богоматери, собор Архангела Гавриила, Входеоерусалимский, Егорьевский – Георгиевский (то же – 26 декабря. ДАИ. Т. I. № 131. С. 195, 196, 200, 201). Благовещенский собор получал ругу так же часто, как церковь Рождества Богородицы: 27 сентября, 7 и 19 октября, 7 октября, 23 ноября, 3 и 23 декабря, 12 января, 14 февраля, 4 и 22 марта, 7 и 19 апреля, соответственно, по 4, 3, 3, 2, 3, 2, 3, 3, 5, 3, 3, 3 гривенок, всего 40 гривенок (ДАИ. Т. I. № 131. С. 190–194, 197, 200, 201, 203. ср.: Павлович Г.А. 1998. С. 145–147).

⁴⁹⁸ Храм с самого начала был домовым великокняжеским храмом, что закреплено и его названием – «собор Благовещения Пречистой, что на сенех». С 1572 г. Иван Грозный после четвертого неканонического брака, когда ему был запрещен доступ к церковным службам, находился в это время в приделе в южной паперти, который стал личной молельней царя. И при его сыне храм оставался домовым царским храмом. Как правило, царские духовники были священниками этого храма. Не был исключением и духовник царя Федора – благовещенский протопоп Елиуферий. За одно только причастие он получил 8 марта 1585 г. 12 аршин бархата венецианского гладкого по 1 руб., 13 аршин камки венецианской червчатой по 19 алт. 2 д. на 7 руб. 19 алт., а кроме того, из Большого прихода 50 руб. денег (ДАИ. Т. I. № 131. С. 200).

⁴⁹⁹ Это Грановитая палата, построенная в 1487–1491 гг. итальянскими архитекторами Марко Фрязиным и с 1490 г. – Пьетро Антонио Солари (†1493 г.), сыном миланского зодчего Гуинифорте. Название ее происходит от облицовки фасада рустом (белым камнем, обтесанным на четыре грани). В Парижском словаре москвитов это сооружение названо *pallato bollochaja* (большая палата) (ПСМ 2002. С. 127).

⁵⁰⁰ С боярской площадки.

⁵⁰¹ Никольских. Впервые упомянуты в 1446 г. (ПСРЛ. Т. 25. С. 268), названы по надвратной церкви Николая Мирликийского. В марте 1491 г. Пьетро Антонио Солари и Марко Руффо заложили башню на новом месте.

⁵⁰² Будущая Никольская ул. Кремля.

⁵⁰³ Это храм в честь Чуда Михаила Архангела в Хонях, воздвигнут митрополитом Алексеем после его поездки в 1357 г., по преданию, на территорию, принадлежавшую татарам и переданную ему ханшей Тайдулой за исцеление ее от слепоты. Каменный собор Чудова монастыря построен в 1365 г. (ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Стб. 79). В 1431 г., по А.В. Гращенкову, или между 1473 и 1476 гг., по Кучкину, возведен новый каменный храм (Гращенков А.В. 1991. С. 199; Кучкин В.А. 1980. С. 9), который был разобран в 1501 г. Его заменил новый, освященный в 1503 г. (ПСРЛ. Т. 28. С. 335, 337–338; Выголов В.П. 1978; Малков Ю.Г. 1977. С. 368–387). Его декор представлял компромисс между ренессансной ордерной и московской системой. Собор, неоднократно перестроенный, был снесен в ночь с 16 на 17 декабря 1929 г. в связи с постройкой нового административного здания.

⁵⁰⁴ Митрополит Киевский и всея Руси, московский чудотворец (†1378 г.).

⁵⁰⁵ Возможно, это Потешные хоромы XVII в., упомянутые в 1613 г. В это время они имели не менее 4 дверей и 7 окон (Забелин И.Е. 1882. С. 8, 9). А. Вельтман поместил Потешный дворец недалеко от Троицких ворот (Вельтман А. 1843. С. 68 и План Москвы). Видимо, Груневег не совсем точно понял назначение этого здания. Здесь происходили совершенно не похожие на обычные танцы развлечения. В Дворцовых разрядах второго и третьего десятилетия XVII в. часто говорится о том, что государь

«тешился на Дворце» медведями, против которых в одиночку выходили храбрцы, в лучшем случае отделявавшиеся разорванной одеждой и мелкими ранами (*Забелин И.Е.* 1882. С. 201–203, 222, 331, 336). Единственное место в пределах Кремля, где могли происходить эти жестокие игрища, и было Потешными хоромами. «18 сентября 1572 г. Суббота Осетр дьяк Данила Бартенева бил, да и медведем его драл, да и в избе дьяк был с медведем, да и подъячи из избы из сытницы сверху метались вон из окон» (НЗЛ. С. 167; *Шереметев П. Б.м., б.г.* С. 9). Медвежьи шкуры употреблялись и для совершения жестокой казни. В последний путь новгородский владыка Леонид в 1575 г. отправился именно в таком наряде: «Опалися царь Иван Васильевич на архиепископа новгородского Леонида и, взя к Москве, и сан на нем оборвал, и, в медведно ошив, собаками затравил» (ПЛ. 2. С. 262).

«А в те поры» – сентябрь 1572 г. «в Новагороде и по всем городам и по волостем на государя брали веселых людей, да и медведи описывали на государя». «21 сентября поехал из Новагорода на подводах к Москве Суббота и с скоморохами и медведей повезли с собой на подводах к Москве» (НЗЛ. С. 167; *Шереметев П. Б.м., б.г.* С. 10).

⁵⁰⁶ Локализация его по плану Груневега затруднительна. На первый взгляд представляется, что этот дом был у Боровицких ворот, что мало вероятно из-за близости к Дворцовому комплексу.

⁵⁰⁷ См. л. 1214f. Судя по местонахождению дома, иконописец принадлежал к числу дворцовых, в XVII в. именуемых «кормовыми» (*Викторов А.* 1877. С. 128. 1615). Помимо икон («государев ангел и другие святые»), они расписывали «полотняные» (походные) церкви, «царские двери по тафте, с сенью и с столбцы», вместе с «травщиком» и «знаменщиком» участвовали в создании знамени: «делано знамя немецкое тафты бурския разными цветы» (Там же. С. 105–107, 127. 1614 г.; *Забелин И.Е.* 1882. С. 18). Бажан Савин писал государева ангела. См. также коммент. к л. 1216.

⁵⁰⁸ Часть стен, окружающих дворцы, видна на плане «Кремленаграда». Обращает на себя внимание множественное число – «дворцы», что соответствует, видимо, многочисленности сооружений. Насколько прав Груневег относительно материала, из которого они были построены, трудно быть уверенным.

⁵⁰⁹ Река Неглинная.

⁵¹⁰ Реки Яуза с притоками Черногряжкой и Чечерой и ее притоком Ольховкой, Черторый с Сивкой, Рачка. Их местонахождение см. на картах С.З. Чернова «Памятники археологии второй половины XIII–XVI вв. на территории Москвы» и И.А. Бойцова «Памятники археологии исторического центра Москвы второй половины XV – первой трети XVI в.» в 1-м томе «Истории Москвы с древнейших времен до наших дней» (История Москвы 1997. Приложение).

⁵¹¹ Река Яуза. Бани обычно располагались вдоль реки во избежание возгорания деревянных сооружений от искры, поскольку бани топились дровами (*Герберштейн С.* 2008, I. С. 441), однако на его плане Москвы показаны лишь мельницы.

⁵¹² Бани («мовницы») присутствуют на страницах русских источников начиная с летописных рассказов о княгине Ольге, о строительстве каменной бани в Переяславе Ефремом Скопцом, постриженником Киево-Печерского монастыря, в бытность владыкой в этом городе, Вопросании Кирика второй четверти XII в., где указано, что омовение в бане обязательно должно сопровождать обряд крещения латинянина «по русскому обряду» (РИБ. 1909. Т. VI. Стб. 21–62. Ср.: *Герберштейн С.* 2008, I. С. 179). А.Г. Бобров усматривает в привычке русских, о которой часто пишут все иностранцы более позднего времени, с одной стороны, пережитки язычества, а с другой – форму освобождения христиан от этих пережитков (*Бобров А.Г.* 2004. С. 98–120). Популярность царских бань объясняется предпринимаемыми царской властью противопожарными мерами. Топить бани, или «мыльни», на усадебном дворе в XVII в. можно было только по указным дням (Московская письменность 1968. II.

- № 64. С. 77. 10.IV.1667). При возникновении пожара обычно производилось расследование, кто «баню топил и парился», обвиняемые оправдывались: «У меня на дворе огня не было, я бани не тапливал», «бани у меня никак не топили, и ни в одной деревянной хормине для береженья огня не было» (Московская письменность. II. № 10–12. С. 48–49. 1633 г.). К сожалению, известны лишь конструкции усадебных бань-«мылен» в Москве и Новгороде. В Москве баня XV в. представляла собою однокамерный сруб 3,6×3,8 м, занятый большой глинобитной печью и полом из тонких жердей, к которому примыкал предбанник (*Рабинович М.Г.* 1964. С. 206–208). В Новгороде домонгольского времени имелись бани и такого типа, и деревенские черные бани, и двухкамерные бани-пятистенки (*Хорошев А.С.* 1998. С. 302–306). Общественные – царские бани конца XVI в., вероятно, были большего размера по типу двухкамерных срубов-пятистенок (Ср.: *Бломквист Е.Э.* 1956. С. 337–344).
- ⁵¹³ Об устройстве этих бань сведений не сохранилось.
- ⁵¹⁴ Порядок и условия пользования банями были, по-видимому, разными для дипломатических представителей и торговых людей, с одной стороны, и в разные десятилетия XVI в. – с другой. Дипломатов пристав обеспечивал дровами для бани согласно государевой памяти. С бань, которые отдавались на откуп, взимался оброк, что хорошо известно по документам XVII в. (*Веселовский С.Б.* 1912. Стб. 64, 516. Чернигов, Валуйки. 1614, 1617 гг.). Соответственно откупщики царских бань взимали плату с посетителей
- ⁵¹⁵ Березовые веники, см. л. 1208 – *beesem* (der Besen) – веник, вряд ли это можно переводить как «метла», для этого существовал особый термин «голики веничные» (Московская письменность 1968. II. № 84. С. 88. После 26 октября 1674 г.). Груневег совсем не упомянул мыла, хотя оно было уже неперменной принадлежностью быта (*Ключевич А.С.* 1971. С. 63–65, 75–76).
- ⁵¹⁶ Квартнер – $\frac{1}{4}$ копейки, «полуденга» («новгородки» Русской торговой книги 70-х гг. XVI в.) с весовой нормой 0,17 г (Записки 1851. Т. I. С. 115; *Мельникова А.С.* 1989. С. 29–31).
- ⁵¹⁷ Подобная стрижка сохранялась до XIX в. и называлась «под горшок». Позднее Груневег пишет о чубе (см. л. 1230).
- ⁵¹⁸ Видимо, в это время еще не существовало специального места – Вшивого ряда. См.: *Демкин А.В.* 1997.
- ⁵¹⁹ Это указание несколько противоречит плану города на л. 1196, где Немецкий переулок нарисован к северу от Китай-города.
- ⁵²⁰ Китай-город на плане Москвы Груневега расположен к югу от замка. Наименование «Нижний город» русским источникам неизвестно, вероятно, поэтому топоним полонизирован, как и некоторые другие. Описание стены Груневегом совпадает с описанием Дж. Горсея: «Стена... высокая и красивая, украшенная большими медными орудиями» (*Горсей Дж.* 1990. С. 59). Однако сообщение о «плохом месте», редком населении и «почти новой стене» указывает скорее на территорию Земляного города. В оценке числа жителей Груневег повторяет наблюдения папского легата Антонио Поссевино, посетившего Москву за четыре года до Груневега (*Поссевино А.* 1983. С. 43).
- ⁵²¹ 26 мая. В русских летописях датировка колеблется от 23 до 25 мая (*Зимин А.А.* 1964. С. 453. Описание этого пожара см.: *Горсей Дж.* 1990. С. 56–57; Ср.: ПСРЛ. Т. 34. С. 191).
- ⁵²² Груневег называет их по польско-литовскому образцу. Это татары Крымского ханства, занимавшие в основном территорию Крымского полуострова, соединенного с материком перешейком Перекоп.
- ⁵²³ По Флетчеру, казначеем был Степан Васильевич Годунов, дворецким – Григорий Васильевич (†1598), конюшим – Борис Федорович, будущий царь, а кравчими – Федор Александрович и Иван Васильевич Годуновы.
- ⁵²⁴ Ширинка – косынка, обычное праздничное подношение верующих в церковь.

⁵²⁵ Документы подобного рода не сохранились. Однако подобный шаг вполне вписывается в общее направление политики Годунова (Czerska D. 1977).

⁵²⁶ На этой должности, как правило, находились дети боярские.

⁵²⁷ Аналогичный порядок существовал и для объявления заповеди. Стоит отметить, что церковь Василия Блаженного в это время выполняла роль общественного центра.

⁵²⁸ Ослы на родине о. Венцеслава использовались крестьянами в качестве тягловой силы и в первой четверти XVII в., как свидетельствует гравюра И. Дикмана 1617 г.

⁵²⁹ Арест товаров хозяина Груневега за протаможье. В Речи Посполитой промыто наказывалось конфискацией товаров, половина которых поступала королю, половина – мытникам (Бершадский С.А. 1882. Т. 1. С. 107; Мелешко В.И. 1988; С. 140). В России штраф за неуплату таможенных пошлин обычно уплачивался в иностранной монете, которая в XVII в. поступала в Большую таможенную (Веселовский С.Б. 1912. Стб. 753. 1613 г.). Быстрая реакция Мытного двора в Москве на неуплату таможенной пошлины на границе с Речью Посполитой показывает высокий уровень организации налоговой службы России.

⁵³⁰ Переезд в новую избу. Поскольку в Москве в Лесном ряду продавались готовые срубы, и притом не очень дорого («струб избный» стоил вместе с установкой 5–7 руб. (Веселовский С.Б. 1912. Стб. 617. 1617 г.), то строительство новых изб, как правило, не занимало слишком много времени.

⁵³¹ Видимо, при дворе Федора Иоанновича коррупция процветала... Это была либо почесть для успешного продвижения дела как знак особого уважения к получателю ее – приказному человеку, а возможно, и откровенные взятки – посулы, поскольку грань между почестью и посулами была весьма зыбкой (Демидова Н.Ф. 1987. С. 141–146; Седов П.В. 1996. С. 142, 146), что и отмечали иностранцы, жаловавшиеся на взяточничество в московских приказах (Флетчер Дж. 1911. С. 85; Маржерет 2007. С. 134).

⁵³² Гонец короля – Лукаш (Лука) Сапега (†1626), двоюродный брат Льва Сапегы (Солвьев С.М. 1989. Т. 7. С. 198), который вернул трех полоняников.

По мнению польской стороны, оставались долги царской казны некоторым торговым людям из Речи Посполитой за товары, приобретенные самим Иваном IV. Этот вопрос обсуждался 30 ноября 1581 г. (РГАДА. Ф. 79. Кн. 12. Л. 168–171). Еще при жизни первого царя Янушу Корибутович Збаражский, Альбрехт Радзивил и писарь Михаил Богданович Гарабурда вместе с Никитой Романовичем Юрьевым на переговорах о мире в Бешковичах занимались этим вопросом (Там же. Кн. 13.

Л. 526–623). После смерти Грозного «перед послы их (иноземных купцов) роспрашивали и отказ им тогда ж учинен, а с ыными с московскими гостями их судили и росправа им учинена». Видимо, слабость позиций России заставила царя Федора компенсировать отчасти купеческие долги, при Михаиле Гарабурде «государь... для напоминанья Стефана короля, хоги было и не довелось давати ничего, велел тем литовским торговым людем дати из своей государевой казны двесте рублев... и ответ письменной Михаилу Гарабурде дан» (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 12. Л. 196 об.).

⁵³³ *Sexagesima* – в католическом календаре второе воскресенье перед Пепельной средой, началом 46-дневного предпасхального поста. Это преходящий праздник, который может отмечаться – в зависимости от празднования Пасхи – в любое воскресенье февраля–марта. Племянник Мартина Груневега был крещен 27 февраля 1585 г. в Данцигском Мариинском костеле. В крестильной книге запись: «Фридрих, отец Фридрих Кобис, суконник с Широкой улицы, мать Барбара» (*Bues A.* 2008, 2. S. 927. № 2455).

⁵³⁴ Золотые монеты, как импортные, так и местного производства, в конце XVI – начале XVII в. использовались в качестве наградных (*Спасский И.Г.* 1961. С. 92–131). Так, участники обороны Новгород-Северского после победы над воинством Лжедмитрия 20 января 1605 г. получили «угорские» и «золотые в пять угорских», и «московские золотые» и «золотые вполы московского» (АМГ 1890. № 42. С. 66–72). Вряд ли они имели хождение в качестве крупных номиналов, как полагал В.М. Потин (*Потин В.М.* 1979. С. 5–20). В XVI же и XVII столетии импортные золотые шли на «иконное письмо». Для позолоты на иконы и миниатюры шло так называемое «твореное золото», которым, в частности, прописывались миниатюры Евангелия 1591 г., вклад Д.И. Годунова в Троицкий Костромской монастырь (*Кожина Ю.А.* 1929. С. 67). В 1688 г. Карп Золотарев, участвовавший в создании икон для церкви Св. Иоасафа Индийского в подмосковном с. Измайлове, должен был получить «на ростворки прописки светов и венцов... десять золотых червонных» (*Сборник материалов* 1889. С. 17).

⁵³⁵ Речь, несомненно, идет об очень распространенных в конце XVI в. небольших иконах – «пядницах», т.е. размером около пяди или четверти старого аршина (ХКЧМ 1585/86 г. С. 63; *Савваитов П.* 1886. С. 34–39, 87, 117). Это первое свидетельство о заказе иноземцами икон, в XVII же в. практика подобного рода стала обычной, однако для этого требовалось разрешение.

⁵³⁶ Хотя Груневег не называет его по имени, можно предположить, что это был Посник Дмитриев сын Ростовец, дважды упомянутый в ружной книге Казенного приказа 1584/85 г., один раз как иконописец («писал он с чюдотворного Пречистыя образа в Смоленску образ» и за это 30 сентября 1584 г. был пожалован добрым сукном за 2 руб. и 2 руб. денег из Большого прихода), а второй раз как знаменщик («знаменовал на государев... Ивана Васильевича всея Руси... гроб... покров бархат венецицкой, черн гладкой, садиле жемчюгом с дробницами»). В связи с этим поручением С. В. Бахрушин считал его дворцовым «знаменщиком» (*Бахрушин С.В.* 1952. С. 142). За эту более чем ответственную и почетную работу Посник Ростовец 30 марта 1585 г. получил «сукно аглинское доброе» (ДАИ. Т. I. № 131. С. 190, 203). Обращает на себя внимание, что оплата труда Посника Дмитриевича Ростовца была значительно выше, чем у его коллег. Постник Дмитриев сын Ростовец XVII в. не упоминается.

⁵³⁷ Груневег был достаточно хорошо осведомлен об этом, поскольку Львов поддерживал активные торговые связи с Молдавией, которую автор «Записок» по российской традиции именовал Валахией (*Подградская Е.М.* 1986). Население исторической Молдавии исповедовало православие, поэтому искусство русских иконников там ценилось высоко. Об этом свидетельствуют сохранившиеся в монастыре Путна на севере современной Румынии иконы из двух ярусов храмового иконостаса – апостольского и праздничного (*Sabados M.* 2009. P. 109–116), снабженные (за исключением одной)

русскими надписями. Первый храм в монастыре Путна был построен по заказу молдавского господаря Стефана Великого в 1469–1470 гг., но иконостас предпочтительнее отнести к 1484 г. или последующему времени не только потому, что храм сгорел в 1484 г., но и в силу исторических обстоятельств, а именно: женитьбы в 1483 г. князя Ивана Ивановича, старшего сына Ивана III Великого, на Елене «Волошанке», дочери Стефана Великого, что упрочило отношения двух государств (Орешников А.В. 1915).

Иконы апостольского яруса написаны московскими художниками последней четверти XV в. Несмотря на то что иконография апостольского чина в русском искусстве XIII–XVI вв. характерна лишь для сопровождения (часто окаймления) других композиций, где в центре представлен Спаситель, московское происхождение мастеров доказывает рисунок, приемы моделировки, гармония колорита. Иконография отдельных икон восходит к русской, а точнее – к московской традиции. Так, в иконе «Апостол Петр» воспроизводится иконография икон из Успенского собора во Владимире, 1410-х гг. (ГРМ), из Троицкого собора в Троице-Сергиевом монастыре, около 1425–1427 гг., из Успенского собора Кирилло-Белозерского монастыря, около 1497 г., из Ферапонтова монастыря, около 1502 г. (ГТГ). Икону «Апостол Павел» можно сопоставить с произведениями из Владимира (ГРМ), из Ферапонтова монастыря (ГТГ), однако в иконе из Путны – широкий силуэт, яркие, эффектно переливающиеся одежды.

Необычное для русских икон XV в. строение доски, с так называемым двойным ковчегом («двухступенчатыми» полями) и отличная от московских икон тяжелая древесина досок заставляют думать, что иконы были написаны не на Руси, а там, куда пригласили иконописцев. Не вполне обычны и лики, с тонкими изогнутыми носами. При написании икон из Путны мастер учитывал свое знакомство с какими-то произведениями, виденными им не на Руси, а на Балканах, вроде Хиляндарского чина 1360-х гг., с его характерной структурой носатых ликов. Прибывшие в Молдавию русские мастера не воспроизвели русскую иконографию, а выполнили работу в духе заказанной им традиции, характерной для стран Юго-Восточной Европы византийской культурной ориентации.

В монастыре Путна находятся три иконы праздничного ряда: «Рождество Христово», «Сошествие во ад» и «Вознесение», написанные на местных досках. На первых двух живопись исполнена заново в XVI в. (?), а хорошо сохранившееся «Вознесение» представляет собою чистейший образец московского искусства XV в. В XVI в. они по заказу епископа Анастасия (1558–1572), игумена монастыря в Путне до 1558 г., были украшены драгоценными серебряными окладами. «Сошествие во ад» – в 1566 г., «Вознесение» – в 1568 г., а «Рождество Христово» – в 1570 г.

Иконы апостольского и праздничного чина из храмового иконостаса в монастыре Путна в Румынии помогают понять характер культурных связей между странами православного мира в поствизантийский период: если до XV в. главным источником художественных кадров был Константинополь, то во второй половине столетия и русские мастера тоже стали выезжать за пределы своей страны. В XV в. известен и другой факт работы русских живописцев за рубежом Руси: а именно псковских фрескистов в капелле Св. Креста на Вавеле в Кракове, в 1470 г., по повелению короля Казимира.

Сообщение же Мартина Груневега содержит сведения о новой (торговой) форме проникновения произведений русского искусства в православные страны Европы. Судя по записи в синодике Быстрицкого монастыря имен Ивана IV, Анастасии, Ивана-царевича, Евдокии, Федора, Юрия, русские государи и в конце XVI в. поддерживали связи с православной церковью Молдавии (Яцимирский А.И. 1899. С. 5). Можно предполагать, что и они отправляли единоверцам произведения отечественных мастеров. – *Коммент. Э.С. Смирновой.*

- ⁵³⁸ Пошлины взимались не только в Москве, но и в пограничных городах по пути следования. Так, в Остре в середине XVI в. с возвращавшихся из Москвы купцов взималось по 1 грошу с человека, не считая поклона (РГАДА. Ф. 389. № 563/3. Л. 50 об.).
- ⁵³⁹ Иконный ряд упоминается и в русских источниках раньше, чем другие. Наряду с дворцовыми иконописцами (см. коммент. к л. 1204 и 1216) при каждом монастыре были собственные иконописцы. Так, при Груневеге в Чудовом монастыре действовал старец Семион (ХКЧМ 1585/86 г. С. 64, 67, 68, 71, 72), кроме того, монастырь покупал – «променивал» иконы у Ждана Никитина и Лукьяна Максимова, работавших, видимо, вместе (Там же. С. 72, 74), Третьяка Тимофеева (Там же. С. 143), Дмитрия Барышникова (Там же. С. 75, 77, 118). Фамилия последнего указывает на связь с рынком либо его самого, либо его отца. При этом цены на его иконы были значительно выше, чем у других: две гривны за образ вместо 9 алтын, как у остальных (Там же. С. 71–73). Правда, один раз и у него, как и Третьяка Тимофеева, монастырь купил дешевые иконы «на роздачу» – по 7 алтын образ (Там же. С. 75, 143). Впрочем, монастырь приобретал (по-видимому, ранее июня 1586 г.) и более дорогие образа, правда, с серебряными сканьми с финифтью окладами по 2 рубля (Там же. С. 143). В 1613/14 г. положение иконописцев, работавших на рынок, было более оформлено: «Иконного ряду иконописец» Иван Власов продал образ Владимирской Богоматери, «что взят во Владимирскую четверть» за 11 алтын (*Веселовский С.Б.* 1912. С. 116), цены же с учетом инфляции Смутного времени, видимо, остались прежними.
- ⁵⁴⁰ 7 апреля 1585 г. Это пятое воскресенье предпасхального поста, наименование которого происходит от начала 42-го псалма: *Judica me, Deus* – «Суди меня, Господь».
- ⁵⁴¹ Такое гостеприимство, вообще характерное для Средневековья (*Reyer Н.С.* 1987), на Руси, судя по немецко-русским словарям, особенно типично для Пскова.
- ⁵⁴² Эти иконы могли находиться у иконописца на «реставрации» – починке, как это делали и многие высшие церковные иерархи, отдавая их, например, крылошанину Чудова монастыря Филарету (ХКЧМ 1585/86 г. 1996. С. 63; ср.: *Малицкий Г.Л.* 1954).
- ⁵⁴³ К сожалению, эти, можно сказать, «бытовые» иконы наряду с крестом – неизменная принадлежность каждого верующего вплоть до 1917 г. сохранились очень плохо, а посему и не привлекли специального внимания искусствоведов. Исключение составляет монография Т.В. Николаевой (*Николаева Т.В.* 1983).
- ⁵⁴⁴ 1 талер = 33–36 коп. (*Мельникова А.С.* 1989. С. 34).
- ⁵⁴⁵ Кресты, иконы, панагии. См. подробнее: *Гнутова С.В.* 1993. С. 7–20.
- ⁵⁴⁶ Подобные минейные иконы хорошо известны в XVII–XVIII вв. В XVI в. преобладали иконы с изображениями 12 святых (*Савваитов П.* 1886. С. 37).
- ⁵⁴⁷ Речь могла идти о знаменитом Евангелии 1571 г. (*Постникова-Лосева М.М.* 1974. С. 129; *Она же* 1962. С. 16) либо о более новом типа того «Евангелия тетр в десть на бумаге, обложено бархатом синим, евангелисты серебряны басмяны позолочены», которое дала вкладом княгиня Борятинская в Чудов монастырь (ХКЧМ 1585/86 г. С. 46), или о так называемом Ананьевском евангелии, написанном частично чернилами, частично золотом, украшенном золотыми точками по всему полю, инициалами и заставками с мотивами старопечатного орнамента и неовизантийского типа (цветами в кругах). Евангелисты, кроме Марка, изображены на фоне сложнейших архитектурных пейзажей (*Свирин А.Н.* 1964. С. 128–129).
- ⁵⁴⁸ Груневег утверждает это, вероятно, со слов своего хозяина. Эта сумма представляется экстраординарной. Для сравнения укажем, что стоимость изготовления евангелия по распоряжению новгородского и псковского архиепископа Макария в 1532 г. составляла 100 руб. Она включала все расходы – плату писцу, иконо- и златописцу, злато- и серебрукузнецу, сканному мастеру, а также стоимость израсходованного золота и серебра (*Трутовский В.* 1915. С. 289–291). В данном случае стоимость гораздо выше. Если принять цену талера за 36 копеек (*Спаский И.Г.* 1988. С. 13), то художник

должен был получить 72 000 коп., т.е. 720 руб. Если же исходить из более точных сведений 1576 г. (33–34 копейки) или 1588 г. (Там же. С. 27), правда, последнее сообщение относится к Германии (Потин В.М. 1977. С. 67), то плата должна быть несколько иной: соответственно 660–680 руб. или даже 540. Неизвестно, в каком году было создано это евангелие, но в бытность Груневега в Москве в 1585 г. шуба «хребты белы» стоила 12 руб., а шуба «бархат бурской шолк червчат да зелен на соболах» – 14 руб. (Маньков А.Г. 1951. С. 214–215). Сравнение оплаты работы художника с ценой предметов тогдашней роскоши и одновременно наиболее распространенной формы царского пожалования, показывает высокую оценку труда художника, которая была под силу лишь царской казне.

Дворцовые художники получали из казны вознаграждение, как правило, сукном, обычно по 4 аршина за заказ на человека (Викторов А. 1877. С. 105–107, 127, 128; Забелин И.Е. 1882. С. 18). В расходных книгах казны за 1613–1615 гг. приведены имена 18 иконописцев: в 1614 г. – Бажен Савин, Иван Хворов, Иван Паисейн, Степан Михайлов, Бажен Савельев, Богдан Соболев, Григорий Ржевитин, в 1614 г. – иконописец Третьяк Пестрый имел 9 товарищей, в 1615 г. – Алексей Марков, Левонтий Тимофеев, Аким Гаврилов, Осип Ларионов, Петрикей Ларионов, Прокофий Никитин, Степан Орефьев, Конон Алексеев, Михаил Новоторжец, Петр Иванов и Иван Петров (Викторов А. 1887. С. 105–107, 127, 128; Забелин И.Е. 1882. С. 18, 21). В их число в 1613 г. не входит самый знаменитый художник начала XVII в. – Прокопий Чирин (Чиринов), названный отдельно от других (Там же. С. 128). Видимо, в это время он работал самостоятельно. Судя по описанию Груневега, и его знакомый художник был такого же ранга.

30 сентября 1617 г. дворцовыми иконописцами, «кормовыми иконниками», были Прокопий Чирин, Иван Паисейн, Степан Михайлов, Осип Поспеев (или Поспелов), Бажен Савин, Григорий Ржевитин, Богдан Паисейн, Иван Герасимов. Знаменщик Федор Басов, правильщики Яким Гаврилов, Прокофий Ярцев, Афанасий Степанов, Степан Истомино делали проект – «знаменовали» книгу жития Сергия Чудотворца (Забелин И.Е. 1882. С. 139–140).

⁵⁴⁹ Священник Феликс де Нола († около 260 г.) (Bues A. 2008, 2. S. 928).

⁵⁵⁰ Кредит в торговле с иностранцами практиковался давно, сведения об этом сохранились с XV в. (Kleinenberg I. 1981. S. 51–63; Хорошкевич А.Л. 1977. С. 125–140). Как правило, по преимуществу кредиторами выступали приезжие, как и на этот раз. Впрочем, бывали и исключения. Английскому купцу Антону Маршу русские бояре и купцы в 1583–1584 гг. предоставили огромный товарный кредит на сумму 12 000 руб. (Сб. РИО. Т. 38. С. 217–221; см. подробнее: Хорошкевич А.Л. 1997. С. 127, 135, 192). Однако о кредитных сделках с залогом данных не было, хотя такая практика в немецко-белорусской торговле конца XVI в. существовала. В «заставу» (заклад) отдавали недвижимое (дома) и движимое (товары) имущество (Мелешко В.И. 1988. С. 137–138).

⁵⁵¹ Отсутствие крупных денежных единиц (рубль был лишь счетной единицей) создавало определенные трудности в крупной торговле, необходимо было считать на копейки и деньги. См. ниже л. 1234, 1237.

⁵⁵² *Städtiener-Scherge* – стрелец, пристав (ср. л. 1218, 1219).

⁵⁵³ Фасмер М. Т. IV. С. 18.

⁵⁵⁴ Обычная тара для упаковки почти любых товаров (в том числе, пушнины).

⁵⁵⁵ Рисунок показывает конструкцию двери. В середине ее находится весьма массивный накладной замок, над ним и под ним – поперечные брусья, тоже массивные (в них укреплялись доски, из которых были набраны двери. См.: Рабинович М.Г. 1964. С. 217. Рис. 96в; Громов В.В. 1979. С. 198) и, наконец, над верхней и под нижней поперечной – накладные петли, подобные нынешним воротным, состоящие из собственно петли, с помощью которой дверь навешивается на косяк, и длинного крыла.

Они, в свою очередь, в последней трети имеют декоративно оформленные поперечины, вероятно, усиливавшие прочность соединения железной петли и деревянной дощатой двери. Поэтому петли имели название «жиковин» (Там же. С. 199). Такие же петли использовались и в русских домах с наружной стороны, как явствует из рисунка русской избы на л. 1240. Судя по тому, что Груневегу пришлось наступить на деревянную поперечину двери, чтобы ухватиться за притолоку, дверь была довольно высокой.

⁵⁵⁶ См. подробнее раздел наст. изд. «Российское царство и Речь Посполитая в середине 80-х годов XVI в.».

⁵⁵⁷ Сестра Бориса Федоровича Годунова, Ирина, была выдана замуж за царевича Федора весной (скорее всего, в марте) 1575 г. Через девять дней после смерти Федора (6 января 1598 г.) приняла постриг в Новодевичьем монастыре под именем Александры (Зимин А.А. 1986. С. 14, 19, 215, 288 и др.)

⁵⁵⁸ Наблюдения Груневега о царе Федоре (ср. л. 1231) вполне соответствовали не только сведениям других иностранцев (по словам Льва Сапеги из послания от 10 июля 1584 г. папскому легату в Речи Посполитой Болоньетти, «великий князь мал ростом, говорит тихо и, кроме того, нудно. Ума у него немного, а многие говорят – и совсем нет. Когда во время аудиенции сидит в своем царском уборе, то, смотря на скипетр и державу, усмехается» (Акты Тургенева. Т. 2. № III. С. 2–3; Соловьев С.М. 1989. С. 191–192, 196–197; Зимин А.А. 1986; Морозова Л.Е. 1996. С. 38–42), но даже нелестным характеристикам дипломатов на официальных переговорах. Так, в 1586 г. русским послам пришлось возражать панам радным, будто «нам государство государя нашего по грехом учинилось. А мы над государством государя своего никоторого греха, кроме милости Божией и благоденства не видим. А вы еще о том з Богом не беседовали, а человеку того не дано знать, што вперед будеть. И государя нашего укоряете. И хто укоряет государя, тому Бог судит и месть ему воздаст. А по писаному, хто злословит царя, тот смертию да умрет». Российские же дипломаты не скупились на комплименты своему государю – «дородной государь, и разумной, и счастливой... правит свое государство сам и против всех своих недругов стоять готов...» В особенноти их вдохновляла идея многочисленности войска, содержавшегося царем: «А людей у него, у государя, много, вдвое против преждево, по тому к людем своим государским милостив, и жалованье людем своим дает, не жалуюя своей государьской казны. И люди ему, государю, все с великим раденьем служат и вперед служити хотят и против всех его недругов все померети хотят, да по его государеве вере к Богу Бог ему, государю, на враги одоленье дасть» (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 16. Л. 355 об. – 356). Таким образом, личностная характеристика царя, типичная для иноземных представителей, общавшихся или просто видевших его, как Груневег, у российских дипломатов плавно превращалась в оценку государства и его военных возможностей, что, вероятно, в тот период неустойчивости отношений Российского царства и Речи Посполитой было не совсем лишним.

Однако, несомненно, вопрос о недееспособности царя Федора был крайне болезненным для российских дипломатов. «А кто ево, государя, укоряет, и над тем ему, государю, болшую победу Бог покажет, и царство ево миром оградит и детей ему, государю, Бог даст и царствовати на веки устроит, так надеемся по ево государеву прошенью ему от Бога милости» (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 16. Л. 356 об. Ср.: л. 369 об. – 370). Тема продолжения царского рода звучала неоднократно (Там же. Л. 371). Острой она была и для самого царского семейства. Видимо, за значарские услуги сам царь Федор 23 января 1585 г. пожаловал Антонииду Бокееву 9 аршинами доброй червчатой камки по 17 алт. за аршин, общей стоимостью 4 руб. 28 алт. и червчатым сукном за 2 руб. без четверти (ДАИ. Т. I. № 131. С. 197). Это пожалование записано в расходной книге казны без объяснения причин подобной милости.

⁵⁵⁹ Из них, видимо, только 20 были купцами.

- ⁵⁶⁰ Вероятно, суд над иконописцем происходил в Верхней палате судных дел Казенного приказа (19 апреля, т.е. через 10 дней после суда, четверем сторожам этого приказа было пожаловано по рословскому сукну. ДАИ. Т. I. № 131. С. 204). Поскольку иностранца нельзя было впустить в царский дворец, Дума должна была заседать вне его. Некоторая необычность ситуации отражена нестандартностью записи о жалованье сторожам в ружной книге Казенного приказа.
- ⁵⁶¹ Боярская дума во главе с кн. И.Ф. Мстиславским, в это время она состояла из нескольких группировок – бояр Захарьиных-Юрьевых-Романовых, родственников первой жены Ивана IV, князей Шуйских и Годуновых – Д.И. Годунов, Б.Ф. Годунов, И.В. Годунов (Зимин А.А. 1986. С. 108–109, 121). Общее число ее членов превышало 30 человек.
- ⁵⁶² О видах этих пыток патетически писал кн. А.М. Курбский в своей «Истории о великом князе Московском»: «Не сковороды ли и печи, не жестоко ли бичевание и когти острые; не клещи ли, изобретенные ради терзания тел человеческих; не иглы ли под ногти, биение и резание по суставам; не потрение ли веревками пополам не только мужей и жен благородных... произведены от него (царя Ивана IV. – А.Х.)?» (РИБ. Т. 32. СПб., 1913. С. 191–192). Ср.: «...не скаврады ли и печи, не бичевания ли жестокие и ногти острые, не клещи ли раждеженные торгания ради телес ч[e]л[о]в[е]ческих, не игол ли за ногти биение и резание по составом, не претрения ли вервыми напылы не токмо муж, но и жен благородных и другие безщисленные и неслыханные роды мук на неповинных произведенные» (Ерусалимский К.Ю. 2009. II. С. 288).
- ⁵⁶³ По-видимому, художник был обвинен в злом умысле на государя, или в посягательстве на государево здоровье, или просто в измене, т.е. в нарушении личного обещания верности государю. Казнь за это преступление предусматривалась статьей Судебника 1550 г. (где шла речь о «крамоле», и 1-й ст. II главы Уложения 1649 г. (Тельберг Г. 1912. С. 61, 70; Рогов В.А. 1992. С. 47, 48). Возможно, это обвинение было сопряжено с другим – в чародействе и колдовстве, судя по дальнейшему рассказу Груневега.
- ⁵⁶⁴ Отравление было, по-видимому, одним из распространенных преступлений. Судя по пастырским правилам, появившимся на Руси в результате южнославянского влияния XII и XIV–XV вв., отравление входило в число грехов, в которых верующие каялись на исповеди и за которое несли соответствующее наказание (Смирнов С. 1913. С. 41, 47, 127, 243, 254, 255, 271, 325–328, 392–394, 415). Отравление могло оказаться и результатом колдовства, наговора (См. подробнее: Новомбергский Н.Н. 1906. С. 112, 114; Он же 1907).
- ⁵⁶⁵ Речь шла о долгах, сделанных еще Иваном IV.
- ⁵⁶⁶ Это была одна из наиболее популярных игр в Древней Руси (Линдер И.М. 1967). Шахматы находят при раскопках в Кремле в слоях начиная с XIII в. К первой половине этого столетия относят белокаменную фигуру животного с большими ушами. Однако более распространены были абстрактные фигуры из лосиного рога. В XIII–XIV вв. в Москве преобладали импортные шахматы, изготовленные в западнорусских городах (Кользин А.М. 1998. С. 120–121. Ср.: Рыбина Е.А. 1991. № 4; публикацию шахмат из новгородских раскопок см.: Бочаров Г.Н. 1969. С. 100. № 48). Известны и деревянные шахматные фигурки XVI в., найденные при раскопках в самой Москве (История Москвы 1952. Т. I. С. 136).
- Шахматы были одним из наиболее любимых развлечений Ивана IV, которому он часто предавался в обществе Годунова, несмотря на запрещение Стоглава (Стоглав 1985. С. 368). Шахматы оказали влияние и на тогдашнюю моду. Стоячие воротники нередко украшались в «шахматичу». В имуществе кн. А.М. Курбского значился подобный предмет: «украшенный (унизанный перлами) жемчугом воротник московский с жемчужными (перловыми) пуговицами, за который заплачено в Мо-

скве 12 рублей московских (что составляет 16 коп. литовских)» (Иванишев Н. 1849. С. 25, (38), [43]).

⁵⁶⁷ Челобитье – обычный способ что-либо просить у властей, унаследованный от времен иноземного ига (Веселовский Н.И. 1911).

⁵⁶⁸ Трудно сказать, с кем именно (Павлов А.П. 1992).

⁵⁶⁹ Трудно сказать, кто это был. Либо глава Думы И.Ф. Мстиславский, который в 1586 г. вынужден был принять схиму в Кирилло-Белозерском монастыре, либо И.П. Шуйский, повторивший судьбу И.Ф. Мстиславского в 1587 г. (Скрынников Р.Г. 1978. С. 42–43). Но к ним Годунов не испытывал доверия. Маловероятно и участие его родственников в челобитье царю. Показательно, однако, что Годунов отправился к Федору не один, а в сопровождении думцев. Показательна и мотивировка прощения – доказательство царской милости по отношению к подданным польского короля.

⁵⁷⁰ Груневег в данном случае не различает титула польского короля и царя Федора.

⁵⁷¹ Стоглав, однако, не предусматривал освобождения преступников, он лишь запрещал суды в великие церковные праздники (Стоглав 1985. С. 371).

⁵⁷² Эта должность на протяжении XVI столетия стала штатной и весьма выгодной. Сохранилось даже надгробие палача.

⁵⁷³ Наказание плетьюми.

⁵⁷⁴ Русские источники не сообщают о привлечении свидетелей к этому роду казни.

⁵⁷⁵ Сафьян часто употреблялся как эквивалент денег. Так, в Черкасах в середине XVI в. ордынские караваны должны были выдавать и старосте (тижмы тебеньки сафьян), и подстаросте сафьян наряду с камкой александрийской на золоте, литр шелку, ковер, а подстаросте, кроме того, – $1/2$ литра шелку и гривенку перца (РГАДА. Ф. 389. № 563/3. Л. 8 об.).

⁵⁷⁶ Это подстилка под седло поверх потника, изготавливавшаяся из различных материалов (Даль В.И. 1955. Т. IV. С. 582). Слово тюркского происхождения (Фасмер М. Т. IV. С. 315). У Груневега – наиболее раннее сообщение о бытовании этого предмета в России. В имуществе Годунова уже к 1588 г. было много турецких предметов – «зеркало турецкое булатное», «башмачки турецкие», «два полавонника турецкие, полосаты, полосы белы да черны, да желты да лазоревы, две приволоки камка турская на желтой земле», сулея турская (Викторов А. 1877. С. 6–8). Годунов в своем пристрастии к бытовой «туречине» не был исключением, турецкие одежды и многочисленные сорта шелковых тканей и другие предметы быта проникали и в монастыри, куда эти импортные вещи поступали в качестве вклада (например, «чюга турская скорлатна червчата» (ХКЧМ 1585/86 г. С. 46).

⁵⁷⁷ 30 флоринов – т.е. 9 руб., если исходить из равенства 100 руб. 333 флоринам 10 грошам, приведенного на л. 1231. Судя по материалам расходных книг 1584–1702 гг. (См.: РГАДА. Казенный приказ. Ф. 396. Включ.: Оруж. палата. Расходные книги 1584–1702 гг. В вышеназванном фонде хранятся и описные книги 1582–1584 гг. регалий и драгоценностей казны), он мог позволить себе такую покупку.

⁵⁷⁸ Из Михайло-Архангельского собора к Св. Троице – т.е. к Покровскому собору, где был Входеоерусалимский придел, церемония шествия на ослити хорошо описана А. Олеарием и А. Мейербергом в XVII в. В этой церемонии особое значение придавалось церкви Входа в Иерусалим. Эта процессия воспроизводила вход Иисуса Христа в Иерусалим в Вербное воскресенье. «...Образ царя, триумфально входящего в град неверных, – пишет последний исследователь этого ритуала М. Флайер, – воскресал... в римских метафорах императорского adventus, унаследованных иконографией Вербного воскресенья. В границах той же символики возвращение Ивана в Москву победителем Казани проецировало образ библейского Иерусалима на самую столицу, теперь Новый Иерусалим» (Флайер М.С. 1998. С. 42). Входеоерусалимский придел занимал место главного западного входа в храм и по своим разме-

рам отличался от остальных. Здесь в 1584 г. было два попа в отличие от остальных, где служили по одному священнику.

В этот придел за два дня до Вербного воскресенья 1585 г. была пожалована 1 гривенка ладана, а по случаю этого праздника весь причт собора получил сукна, в основном рословские, в зависимости от иерархии самих приделов (четыре человека Покровского придела получили и двухрублевые сукна, и по 30 алт., и рословские по четыре гривны, остальные попы каждый по 30 алт. и рословские сукна (ДАИ. Т. I. № 131. С. 203).

⁵⁷⁹ Их конструкция, видимо, была достаточно традиционной. Даже в XVIII в. они порой напоминали корыто.

⁵⁸⁰ Книги – это в первую очередь Евангелие. Наряду с этим выносились и хоругви, образец которых конца XVI в. сохранился. Эта хоругвь – с изображением Дмитрия Солунского в воинских доспехах со стягом, где была вышита комета с хвостом в левой руке и с крестом – в правой (*Свирин А.Н.* 1963. С. 93).

⁵⁸¹ Передвижение царя пешком должно было, по мнению М. Флайера, лишний раз напоминать о возвращении из казанского похода, когда Иван Грозный таким же образом вступал в столицу (*Флайер М.* 1998. С. 43).

⁵⁸² Участники процессии, стелившие перед царем и митрополитом одежды, именовались термином «робята», молодые слуги (СлРЯ XI–XVII вв. 1997. Вып. 22. С. 169). Предположение, что это были помилованные преступники, несостоятельно.

⁵⁸³ В XVII в. это были однорядки, которые шились без пуговиц и петель. В казне Ивана IV находилась «однорядка сукно червчато, завязки толстые, шолк вишнев и бел» (*Викторов А.* 1877. С. 2).

⁵⁸⁴ Этот обычай сохранялся и в XVII в. 26 марта 1616 г. «дано государева жалованья робятам, которые на Вербное Воскресение слали перед государем и перед митрополитом однорядки, Митке Васильеву с товарищи, пятидесяти трем человеком, по 6 денег человеку, итого рубль 18 алт. 4 денги», 14 апреля 1622 г. этих «робят» было уже 100, а в качестве вознаграждения они и получили по однорядке рославского сукна по 10 алт. однорядка (*Забелин И.* 1882. С. 97, 297).

⁵⁸⁵ В XVII в. это одеяние именовалось «платно». А. Вельтман приравнивает его к византийской порфире. По его определению, это была пунцово-золотая атласная багряница с горностаевым исподом. Наряду с атласом в качестве материала использовался бархат, аksamит. Сохранившийся в Кремле экземпляр, принадлежавший Ивану IV, был сделан из парчи, ворот, рукава, полы и подол подложены серебряным кружевом. Платно по праздничным дням или в связи с торжественными событиями заменяло опашень (*Строев П.М.* 1844. С. 14. 14 апреля 1633 г.; *Савваитов И.М.* 1896. С. 103; *Вельтман А.* 1844. С. 46, 42 – Пояснительный словарь). О крое платна дает представление рисунок Груневега на л. 1229.

⁵⁸⁶ Термин «старофранкская» в данном случае совершенно неуместен, однако автор пользуется им в описании и Львова, и Софийского собора в Киеве.

⁵⁸⁷ Жупан – узкая мужская шелковая одежда, которую носили поверх рубашки.

⁵⁸⁸ Пример такого одеяния, но более тщательно и дорого отделанного, приводит описание казны Ивана Васильевича: «Кафтанец короткий, бархат венежитской, петли и кисти золоты, пуговицы и ворворки жемчужны» (*Викторов А.* 1877. С. 1). Возможно, в груневеговском описании зипуна соединились черты кафтана и зипуна.

⁵⁸⁹ Алам – в XVI–XVII вв. прикрепляемый накладной воротник – «ожерелье пристяжное», «ожерелько стоячее» (первоначальное значение XIV в. из *кыпчакско-тюрк.* – украшение на платье. См.: *Фасмер М. Т. I.* С. 68). Описание такого воротника, уже как «ожерелья», сохранилось в описной и приходно-расходной книге Большой государственной шкатулы 1624–1641 гг.: «Ожерелье пристяжное, низано по атласу по червчатому жемчугом гурмышским в шахматы, 15 шахматов, а в шахмате по 16 зерен, итого 240 зерен» (*Викторов А.* 1877. С. 236; С. 189; ср.: *Вельтман А.* 1844. Пояснительный

словарь. С. 1; Московская письменность 1968. № 7. С. 213. 7–9 XII.1676). Изображение пристяжного воротника см. на летучем листке Г. Вайгеля 1563 г., которое восходит к гравюре Эрх. Шена, изображающей Василия III (*Kappeler A.* 1972. III. 2a, 2b). Европейская мода на пристяжные воротники зафиксирована и в литературе (*Сервантес С.* 1935. С.441). Подобные ожерелья поступали в Россию и через Холмогоры. Так, в 1604 г. на одном из голландских кораблей находилось «8 черелей муских канутелных, 4 стоячих, 4 отложных по 20 руб. ожерелье» («канутильные з жемчугом, два сажоны по червчатому, два по рудожелтому бархату») (Западноевропейские купцы 1992. С. 17, ср. с. 22). В Речи Посполитой жемчужные воротники стоили от 15 коп. литовских грошей, их иногда приобретали и в Москве, например, за 12 руб. московских в начале 70-х гг. XVI в. (*Сас П.М.* 1989. С. 92; *Ковальский Н.П., Виноградов Г.Н.* 1986. С. 17).

Наряду с пристяжным воротником использовались и пристяжные запястья. Сохранились запястья царя Федора, украшенные 409 крупными жемчужинами, 185 алмазами, 10 изумрудами и 6 яхонтами (*Вельтман А.* 1844. С. 46). Пристяжной очень высокий воротник и запястья изображены Груневегом на рисунке на л. 1229.

В Россию тем же северным путем привозились огромные партии жемчуга разной величины и качества (Западноевропейские купцы 1992. С. 15–17).

⁵⁹⁰ Серьги редко упоминаются в письменных и изобразительных источниках. Русский князь Иван на свой колпак пришел серьги из сестрино приданого, которые одолжил у матери (ДДГ 1952. № 87 С. 349–350. См. подробнее: *Рабинович М.Г.* 1986. С. 83). В описи имущества Большого Тихвинского Богородицкого Успенского монастыря XVII в. при чудотворном образе значатся «серги серебряные позлоченые старые болшово жемчюги рогатого на золотых спнях оплетены золотом и серебром. Да в посках у серег колца и бубенчики золотые» (*Абеленцева О.А.* 2005. С. 307). Уникальное сообщение Груневега не находит подтверждения ни в иностранных гравюрах, ни в русских письменных источниках или отечественном изобразительном материале XVI в. Однако рисунок, детально передающий особенности крепления драгоценных камней, не оставляет места для подозрения в неточности этого сообщения. Кажется, мода на ношение серег была распространена и за пределами России. Так, англичанин Роберт Шири, служивший у шаха Аббаса I, носил «серьгу в виде маленького кольца с алмазом» (*A Chronicle of the Carmelites* 1939. P. 120; цит. по: *Магилина И.В.* 2009. С. 278).

⁵⁹¹ Изображение колпака находится на боковом поле л. 1230. Это остроконечная шапка с отворотами (иногда узкими меховыми) – «полками» или «полицами», к которым прикреплялись пуговицы и запоны, и одной или двумя прорехами, (ДДГ 1952. С. 349; *Вельтман А.* 1844. Пояснительный словарь. С. 22; *Савваитов П.* 1896. С. 44–45; *СлРЯ XI–XVII вв.* 1980. Вып 7. С. 253). На рисунке Груневега изображена именно такая шапка, правда, прорех на ней не заметно.

Колпак русского князя представлен Г. Хиршфогелем на гравюре базельского издания «Записок» Герберштейна (*Kappeler A.* 1972. III. № 1). Здесь он имеет широкую меховую опушку. На летучих листках – недатированном венском, 1576, 1579 и 1582 гг. – Иван IV, иногда выдаваемый просто за русского князя, изображен в колпаке, полицы и тулья которого украшены узором из камней или вышивки, расположение их на тулье дает возможность угадать место «прорех» (*Kappeler A.* 1972. III. За, 3б). Возглавлявший русское посольство в Регенсбург в 1576 г. кн. Сугорский на гравюре Петтерле одет в очень высокий колпак, на тулье которого запоны расположены в три «этажа» (последний помещен на самой макушке колпака), а высоко поднятые полицы с разрезом спереди плотно покрыты густым растительным узором. Колпаки остальных членов посольства не имеют украшений на тулье – то косоклинной, то полосатой, то гладкой, лишь полицы трех колпаков расшиты, но значительно скромнее, чем колпак кн. Сугорского, остальные восемь колпаков

просто с меховой опушкой. Видимо, к 1576 г. такая опушка уже потеряла значение маркера высокой знатности, став принадлежностью колпака не только знати, но и дворянства, и купечества. Изменилась несколько и форма этого головного убора. Хотя и в это время преобладали остроконечные колпаки, но наряду с ними появились колпаки со смятой и опущенной вниз верхушкой, а также без полиц спереди, а лишь отворотом сзади и с прямоугольным завершением, на котором был закреплен хвост белки (?). Оба эти вида колпаков принадлежали рядовым членам посольства. Разумеется, колпак царя Федора в отличие от колпака рядовых москвичей не был, очевидно, лишен украшений. Так, за находку «запонки» с государева колпака подвойский С. Филиппьев в сентябре 1584 г. был пожалован дорогим двухрублевым сукном и 2 руб. денег (ДАИ. Т. I. № 131. С. 189). В описи имущества Ивана IV значился «колпак камка гурская, на бели розные шолки с золотом; полицы низаны жемчугом по желтому отласу, с картофелью, кисти шолк зелен с серебром» (Викторов А. 1877. С. 2). Дворцовые колпачники и шапочники снабжали головными уборами не только государя, но и царя. Так, золотойшей Мартын Петров, Юрий Андреев и Богдан Григорьев в мае 1585 г. были вознаграждены сукнами и денежным жалованьем (каждому по 2 руб.) за то, что делали Ирине Федоровне «шляпу большого наряду» (ДАИ. Т. I. № 131. С. 195, 206. Ср.: Бахрушин С.В. 1952. С. 142, 143).

Представление о польских колпаках того же времени дают сохранившиеся в Щецине экземпляры этого головного убора поморских князей Казимира VI (1557–1605), Филиппа II (1573–1618), Ульрика (1589–1622) (см.: Januszkiewicz B. 1995. S. 103). Они не имеют отворотов, но им также свойственна остроконечная форма.

⁵⁹² Точно то же сообщает и Герберштейн (*Герберштейн* С. 2008, 1. С. 251). Это, как правило, были мягкие сафьянные сапоги (Викторов А. 1877. С. 1), «обычные притачные», барановые, телятинные, с тиснением (Бахрушин С.В. 1952. С. 143; ил. на с. 147), у знати – с узкими и загнутыми вверх носками, как и изображено Г. Хиршфогелем в 40-е гг. XVI в., Петтерле – в 1576 г. (*Kappeler* A. 1972. Ill. 1, 9a) и самим Груневегом на л. 1229. На сафьянные сапоги – ичетыги, чедыги, которые надевали на босу ногу или в качестве комнатной обуви (*Вельтман* А. 1844. Пояснительный словарь. С. 17; *Савваитов* П. 1896. С. 43; СЛРЯ XI–XVII вв. Вып. 6. М., 1979. С. 358), по татарскому обычаю сверху надевались башмаки. Царь Михаил Федорович на торжественной процессии в Вербное воскресенье в 1633 г. был обут в башмаки рытого бархата и красные чулки из куфтери. Впрочем, не исключено, что все это было поверх обычных сафьянных красных сапог – ичетыг.

⁵⁹³ Видимо, Груневег описал еще одно одеяние – кафтан из камки, который почти полустолетием позже надевал на зипун царь Михаил Федорович (*Строев* П.М. 1844. С. 14; *Савваитов* П. 1896. С. 52. Изображение см.: *Kappeler* A. 1972. Ill. 9 a–c).

⁵⁹⁴ Стамед – шерстяная косонитная ткань вроде сукна (*Савваитов* П. 1896. С. 130; *Фасмер* М. Т. III. С. 744). Камка-адамашка широко употреблялась в царском быту (*Забелин* И.Е. 1882. С. 266, 328, 673. 1621, 1628, 1631). Возможно, название этой ткани соответствует английскому термину *stamin*, ткани из гребенной шерсти, камвольной ткани (*Миллер* В.К. 1985. С. 828), которая изготавливалась в Норфолке, где главным центром ее производства с середины XV в. до 1708 г. был г. Норвич (OED. 1989. Vol. XVI. P. 478).

⁵⁹⁵ Это исключительно мужской головной убор (*Лукина* Г.Н. 1990. С. 27), который на протяжении XIV–XVI вв., особенно в XVI в., приобрел значение великокняжеской и царской регалии («шапка Мономаха»). В казне Ивана Васильевича была «шапка скорлатна, низана жемчугом, с соболями, с черным околлом, кисть золота» (Викторов А. 1877. С. 2). Известно описание другой собольей шапки царя Федора, «верх коей сделан клином из золотой парчи, усеян алмазами». Среди шапок с меховыми опушками гравюры на дереве Петтерле 1576 г. только одну можно считать собольей.

Однако соболи входили в состав подарков императору, они изображены на той же гравюре (Kappeler A. 1972. III. 9a).

⁵⁹⁶ Судя по цене, на русском рынке это сукно, именовавшееся «стамбред», было среднего качества. Половинка такого английского сукна в Холмогорах в июле 1604 г. стоила лишь 3 рубля с четью, уступая другим вдвое, а «лундышу» – лондонскому даже больше (Западноевропейские купцы 1992. С. 15).

⁵⁹⁷ Пара соболей достигала цены 150 руб., сорок стоил около 300 руб.

⁵⁹⁸ В описании короны интересно упоминание о «государственном яблоке», вероятно, заимствованном из Священной Римской империи, где Reichsapfel, символ власти над Вселенной (почему о. Венцеслав и применяет термин die Welt), уже ранее был в употреблении. Ни одна из сохранившихся корон не соответствует ни описанию Груневега, ни его рисунку. На последнем изображена корона с высокими дугами, на перекрещении которых в центре находятся небольшое яблоко и четырехконечный крест. От нижнего обруча отходят пять зубцов, два из них, справа и слева, остроконечные, лопасти трех в центре высокие прямоугольные с овальными закруглениями и круглым завершением в центре зубца. Ср. описание короны И. Пернштейна, 27 мая 1575 г. (Пернштейн И. 1876. С. 13), который сравнивал царскую корону с папской тиарой, и Г. Кобенцеля, видевшего корону императора Священной Римской империи (Там же. С. 151). Общее описание короны не дает возможности идентифицировать ее ни с одной из сохранившихся до нашего времени «шапок». В большей степени приближается к этому описанию астраханская корона «с городками».

⁵⁹⁹ Это обычная регалия светской и церковной власти (о семантике посоха см.: Stoekl G. 1972. S. 27; Герб и флаг России. 1997. С. 150, 177, 193–194; Савваитов П. 1896. С. 102; ДРГ. II. 57–59, 63–65). Фантастичны изображения скипетра на гравюрах Э. Шена и на первом немецком переводе жизнеописания Ивана IV П. Одерборна (Kappeler A. 1972. III. 2a, 11). На миниатюрах Лицевого свода 70-х гг. XVI в. крестовина посоха великого князя имеет вогнутую форму, вероятно, таким же был и посох царя Федора, можно предполагать, что посох великого князя не уступал по богатству изображенный митрополитскому (Чернецов А.В. 1987; Голубцов А.П. 1911. С. 87–106). Ко временам Ивана III А. Вельтман относил два княжеских посоха: «индейский» (эбенового дерева) в серебряной золоченой оправе, на рукояти которого была изображена сцена борьбы льва с крокодилом, и посох с басменной мелкотравчатой чеканкой, с орлиными головами на рукояти, в клювах птиц – «скважины» для подвязки (Вельтман А. 1844. С. 43, 45; Там же. Пояснительный словарь. С. 45–46). Возможно, Груневег видел именно «индейский» посох.

⁶⁰⁰ Левантин – восточная шелковая ткань (Фасмер М. Т. III. С. 472).

⁶⁰¹ Митрополит Дионисий, непреременный участник всех церковных торжеств и царских пиров по этому случаю. 25 сентября 1584 г. на праздник преподобного Сергия Радонежского он служил у Рождества Пречистой, а потом в Столовой палате и был награжден 10 аршинами венецианской камки, 25 декабря на Рождество Христово митрополит снова во дворце и снова получает такой же дар – камка по 10 алт., всего на 6 руб., кроме того, ему был явлен кубок – «орех индейский, окован серебром», но за него митрополиту из Большого прихода выдали 9 руб., на Благовещение митрополит «молебен пел», за что 25 марта 1585 г. был вознагражден 13 аршинами венецианской камки по 20 алт. и 9 рублями за тот же «явленный» ему кубок, равно как и на Пасху 11 апреля, когда митрополит служил в Успенском соборе (Викторов А. 1877. С. 190, 194, 201, 203). Странным образом, его участие в церемонии «шествия на осляти» осталось невознагражденным.

⁶⁰² Неясно, почему на этот раз о. Венцеслав употребил отличный от прежнего термин – букв.: государев слуга.

⁶⁰³ 23 апреля 1585 г.

⁶⁰⁴ О набожности Федора ходили легенды (Соловьев С.М. 1989. С. 191).

- ⁶⁰⁵ Измерение кратких промежутков времени длительностью чтения тех или иных молитв сохранялось в русском быту вплоть до XX в. (так, считалось, что яйцо после закипания воды сварится вкрутую после трехкратного чтения молитвы «Богородица, Дево, радуйся»).
- ⁶⁰⁶ Видимо, это церковь Бориса и Глеба.
- ⁶⁰⁷ Охота и развлечения, связанные с дикими зверями, были одними из самых любимых занятий царя Федора. Недаром в ружной книге Казны 1584/85 г. часто упоминаются его пожалования охотникам и псарям – 23 февраля, рожечникам – 25 февраля, а 11 мая охотник Ю. Глазов был вознагражден дорогим двухрублевым сукном за то, что «медведь его ободрал», когда «тешился государь на царицны Иринины именины, медведи, и волки, и лисицами» (ДАИ. Т. I. № 131. С. 199, 205).
- ⁶⁰⁸ В 1585 г. известно о двух шапках – так называемой Мономаха и казанской. Ни к той, ни к другой определение «плохая» неприложимо. Возможно, существовала «корона», подобная той, что весьма схематично изображена Э. Шеном в 20-е гг. XVI в. по образцу «Генеалогии» Г. Бургмайра (*Zimmermann H.* 1915. S. 62–64)? Правда, относительно этой короны Груневег не сообщает, что она подобна тем, в которых изображают немецких императоров, как он это сделал ранее при описании Вербного воскресенья (см. л. 1229).
- ⁶⁰⁹ Федор Иоаннович родился в 1557 г., стало быть, ему в это время было уже 28 лет. В характеристике Федора Груневег не оригинален: единственное отличие его сообщения – он рассказывает о полумертвых глазах Федора. Ср. л. 1221.
- ⁶¹⁰ Румяна и белила были обычной косметической принадлежностью русских женщин. Так, в имуществе великой княжны Елены Ивановны в 1494 г., судя по его полной описи, были специальные емкости для этого – белильницы. Такими же пользовались и в XVII в. (*Забелин И.Е.* 1869. С. 614, 615). При торговле пленными в Крыму продавцы также использовали и румяна, и белила: «...более красивых мальчиков и девушек, которые попадают в толпу пленников... хорошоенько откармливают, одевают в шелк, белят и румянят, чтобы продать подороже» (*Михалон Литвин.* 1994. С. 73).
- ⁶¹¹ 1 литра – византийская мера веса, равная $\frac{3}{4}$ фунта, т.е. приблизительно 300 г.
- ⁶¹² Кредит в торговле таким дорогим товаром, как шелк, предоставлялся покупателю уже в 30–50-е гг. XVI в. Так, Тимофей Окулов Бусурменов признавал за собой долг Ивану Прокудину «за шолк полтретьяцатого алтын» (*Кошелева О.К.* 2001. С. 255).
- ⁶¹³ *Docke* – кипа или штука (применительно к тканям).
- ⁶¹⁴ В средневековой торговле существовала практика «наддачи», «пополонка», т.е. дополнения некоторого количества товара без оплаты его покупателем. В особенности это практиковалось при оптовых покупках пушнины и воска (*Лесников М.П.* 1948. С. 61–93; *Он же* 1951. № 5. С. 451–459; *Клейнберг И.Э.* 1968. С. 32–46; *Kleinenberg I.E.* 1981. S. 51–63). В рыночном российском обычая наддача практиковалась и в СССР вплоть до его развала.
- ⁶¹⁵ В России всегда особенно моден был красный цвет, поэтому черный, вероятно, ценился дешевле.
- ⁶¹⁶ Флорин, золотая монета, чеканившаяся во Флоренции с 1252 г., весом около 3,5 г (*Lopez R.S.* 1955. P. 22–31; *Bernochi M.* 1966. P. 65–67; *Kiersnowski R.* 1969. Cz. 1. S. 84–92), либо венгерская приблизительно того же веса (3,558 г) и чеканившаяся с 1325 г. (*Rehy L., Probszt G.* 1958. S. 25, 94–95. № 1. Taf. XXII. Подробнее см.: *Потин В.М.* 1979. С. 14–16). Более вероятно второе предположение как в силу того, что на территории Речи Посполитой и России именно венгерские флорины имели особое распространение (*Потин В.М.* 1979. С. 15–19), так и в силу особенностей самой записи Груневега, в которой флорин сочетается с грошами, типично польской монетой. Указанное Груневегом соотношение флорина и рубля несколько расходится с данными предшествующего полувека, собранными В.М. Потиним: в 1532 г. венгерский золотой был равен 100 денгам (*Трутовский В.* 1915. С. 291), в 1543–

1560 г. – 20 алтынам, или 60 деньгам (*Греков Б.Д.* 1924. С. 91–92; 49, 81; *Guagnini A.* 1600. P. 154–206), около 1575 г. – 17 алтынам 3 деньгам, т.е. 54 деньгам (Русская Торговая книга 1851. Т. 1. Разд. III. С. 117), в 1585 г., по «Запискам» Груневега, – лишь 30 с небольшим денгем. Если верить этому автору, то на протяжении середины и второй половины XVI в. происходил процесс укрепления рубля и падения стоимости венгерского золотого. Однако в дальнейшем эта тенденция не сохранилась, и после Смуты начала XVII в., в 1614 г., венгерский золотой вернулся к прежней стоимости 1575 г., т.е. к 54 деньгам за флорин (РИБ. 1884.Т. XI. С. 80).

⁶¹⁷ Трудно сказать, как запирались мешки в конце XVI в. Возможно, вплоть до XVI в. на Руси употреблялись сложной конструкции деревянные цилиндры для закрытия мешков, такие же, как были обнаружены в Новгороде при раскопках ранних слоев. В этих цилиндрах находились взаимно перпендикулярные каналы. В продольный вдевались бечевки или ремешки, закрепляемые деревянной пробкой в поперечном канале (*Янин В.Л.* 1980. С. 24–26; *Он же* 1981. № 2. С. 36–40; *Он же* 1998. С. 338–340).

⁶¹⁸ 8 июня этого года следовало считать 15-м. Стефан Баторий потребовал введения нового календаря во Львове в 1583 г., в результате было достигнуто соглашение католического архиепископа Суликовского с православным епископом Гедеоном Балабаном. Права православного населения были гарантированы охранительными грамотами короля от 21 января 1584 и 18 мая 1585 г. (*Сумцов Н.Ф.* 1888. С. 2, 4, 8). В данном случае дата 8 июня дана по григорианскому календарю.

⁶¹⁹ Подобная практика была очень развита в то время, тем более, что армяне Каменца Подольского были тесно связаны со львовскими армянами и виленскими купцами. Так, 17 марта 1583 г. армянин из Каменца, купив товар в Бресте, отправил его на родину на возе Ивана Мамонича (АСД. Т. III. Вильно, 1867. С. 318).

⁶²⁰ По григорианскому календарю – 11 июня 1585 г., а по юлианскому – 2 июня.

⁶²¹ По-видимому, в книгу Разбойного приказа, первоначально носившего название *избы*. С 1555–1556 гг. его деятельность регулировалась Уставной книгой (*Носов Н.Е.* 1983).

⁶²² Немецкое кладбище находилось недалеко от Данилова монастыря (*Беляев Л.А.* 1994). Вряд ли армяне воздвигли надгробие на могиле каменчанина.

⁶²³ 16 июня 1585 г.

⁶²⁴ Употребление термина «гульден» с определением «польский» подтверждает предположение, что и в других случаях речь шла о золотых.

⁶²⁵ Рисунок представляет необычную конструкцию: возок на санях с расширяющимся довольно высоким верхом, безо всяких окон, лишь спереди наверху четыре прорези. Тип этого возка резко отличается от тех саней, в которых передвигались княгини согласно миниатюрам Лицевого свода.

⁶²⁶ Страусиные перья, вставленные в золотые и серебряные трубки, употреблялись в основном для украшения конской головы (*Савваитов П.М.* 1896. С. 100). Возок боярынь был лишен страусиных перьев и изображен меньшим по размерам.

⁶²⁷ Груневег по русскому обыкновению называет беглеца «царем», употребляя не вполне точно немецкий термин, соответствующий русскому «император», из-за которого за полустолетие до этого были жаркие споры с польскими королями и их дипломатами.

⁶²⁸ Ислам Гирей-хан (1584–1588).

⁶²⁹ Султан Мурад III (1569–1584).

⁶³⁰ Возможно, это один из плененных «князцов», захваченных отрядом И. Мансурова в Сибири, поданных или союзников хана Кучума (1569–1598) (*Никитин Н.И.* 1987. С. 14).

⁶³¹ Этот способ приветствия, весьма своеобразный, сохранялся и в XVII в. «Да споди де здоров был государь царь и великий князь Михаил Федорович всея Руси на многие лета» (*Новомбергский Н.* 1911. № 1, 34, 37, 97. С. 1, 43, 45, 161). Иногда эта формула

приобретала более правильный вид: «Дай Господи ...» (Там же. № 15, 54. С. 13, 68. 1625 и 1631 гг.). См. приложение «Величание государя».

- ⁶³² Монетная регалия в Московском княжестве еще с конца XV в. принадлежала великому князю, однако в конце XV – начале XVI в. еще сохранялись местные особенности (Мельникова А.С. 1989. С. 16). После реформы 1535–1538 гг. чеканка монеты полностью сосредоточивалась на государевых дворах, а право откупа было ликвидировано (Спаский И.Г. 1977. С. 229). Сведения Груневега о высоком качестве русской монеты подтверждаются и другими источниками (Потин В.М. 1977. С. 77).
- ⁶³³ Поскольку монеты чеканились из расплющенной проволоки, их форма далеко не всегда была правильной, круглые монеты встречались довольно редко (Спаский И.Г. 1955. С. 238–239; Он же 1977. С. 232, 235).
- ⁶³⁴ Во времена Груневега это было: «царь и князь великий Иван всея Руси», «царь и великий князь Иванъ всея Руси», «царь и великий князь Федоръ всея Руси», «царь и князь великий всея Руси Федор». Надпись из-за неправильной формы не всегда попадала полностью на металл. Чаще всего исчезало первое и последнее слово. Отсутствие на многих монетах слова «царь» поддерживало распространенную и более того – господствовавшую в Речи Посполитой иллюзию, будто настоящим титулом русского государя были только слова «великий князь». Возможно, ходили и более ранние монеты: «князь великий Иван», «князь великий и государь всея Руси», чеканившиеся до 1547 г. Видимо, однако, Груневег не очень вдавался в подробности титулатуры, т.к. он не воспроизвел легенду на монетах. Об организации чеканки, в частности о сдаче иностранной монеты на Денежный двор, Груневег не пишет, стало быть, его хозяева (в отличие от английских, голландских и немецких купцов, пользовавшихся Северным морским путем) в Москву ее не привозили.
- ⁶³⁵ В летописных сообщениях о реформе 1535–1538 гг. речь шла не просто о «человеке», но о «князе великом» (ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 3. С. 570–571).
- ⁶³⁶ Эта денежная единица была введена в результате реформы 1535–1538 гг., на ее ключевом этапе, т.е. в 1538 г. (Мельникова А.С. 1989. С. 17, 20, 24). Название происходит от вида оружия: копьё на деньгах 1535–1538 гг. сменило меч, который держал в руке всадник при Василии III: «Князь велики Иван Васильевич учини знамя на денгах князь велики на коне, а имея копьё в руке, и отголе прозвашеся денги копейные» (ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 3. С. 570–571). Копейки весом 0,68 г в момент реформы чеканились в Новгороде и Пскове, просто денга, или новая московка, весом 0,34 г – в Москве, а позднее и в Твери (Мельникова А.С. 1989. С. 39). Употребление Груневегом нового наименования новой денежной единицы свидетельствует о том, что в столице этот термин уже вполне утвердился, вопреки мнению А.С. Мельниковой, относящей этот факт лишь к концу XVII в. (Там же. С. 29).
- ⁶³⁷ Однако только счетной, как и не упомянутые Груневегом полтина, гривна, алтын.
- ⁶³⁸ После реформы 30-х гг. XVI в. это была «денга новгородская», определение постепенно отпало, осталось только «денга». Употребление этого термина в уменьшительной форме для России нехарактерно.
- ⁶³⁹ В данном случае Груневег ошибается: пол-денги именовалась полушкой. По определению И.Г. Спасского, это была «крохотная пленочка серебра с изображением птицы (или летящей птички) на одной стороне и легендой – на другой» (Спаский И.Г. 1977. С. 233). На московских полушках надпись вязью гласила «государь» (Гайдук П.Г. 1995. С. 290–300; Мельникова А.С. 1980. С. 83). Ошибка Груневега в наименовании «денги» и «полушки» свидетельствует о том, что ему, торговавшему дорогим импортным товаром, нечасто приходилось иметь дело с этими мелкими номиналами русской денежной системы. Эта денежная система появилась в княжестве всея Руси в результате реформы 1536–1537 гг. (Мельникова А.С. 1989).
- ⁶⁴⁰ Скорее всего, для подобного мытья использовалась освященная вода (Сумцов Н.Ф. 1890. С. 221).

⁶⁴¹ О шахматах см. коммент. к л. 1225.

⁶⁴² Видимо, уже в это время у Бориса Годунова сложилась его позиция по отношению к этой категории пленников. См. подробнее: *Опарина Т.А.* 2009. Вып. 70 (1–2).

⁶⁴³ В частности, известно о пребывании немцев в Казанской земле. Так, к северо-востоку от Казани вдоль р. Казанки по Арской дороге во владениях кн. Бакшанды Нурушева вплоть до начала XVII в. жили «немчины» Анца Сонталева и Данилко, латыш Якушко Дербьшев, во владениях кн. Камая Смиленева – немчин Анца Кутляров, «дятчане» Михалко Григорьев и Истомка (ПККУ 1602–1603. С. 116, 118).

⁶⁴⁴ Несмотря на грозные запрещения Стоглава (Стоглав 1985. С. 296).

⁶⁴⁵ В Писцовой книге 1584–1585 гг. остались следы земельной политики царя Федора по отношению к немцам, чьи деревни в Пехорском стане Московского уезда были переданы Трице-Сергиеву монастырю. Т.А. Лаптева, обратившая на это внимание, предполагает, что владельцы их, несмотря на русские имена и фамилии, не приняли православие. Поэтому исследовательница ставит вопрос, «не вероисповедными ли причинами была вызвана конфискация земель» у «царского немчина» Николая Матвеева и «немчина» Олександра Яковлева (*Лаптева Т.А.* 2006. С. 285).

⁶⁴⁶ В России это был уже брачный возраст для девушек. Такой порядок сохранился и в XVII в. (*Crummey R.* 1983. P. 237, № 36), и в XVII–XIX вв. (пример ларинской няни из романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин» показывает сохранение такого обычая в крестьянской среде начала XIX в.).

⁶⁴⁷ Думается, это некоторое преувеличение, ибо такой же необычный холод проник и на территорию Юго-Западной Руси в 1586–1588 гг. (*Борисенков Е.П., Пасецкий В.М.* 1983).

⁶⁴⁸ Речь снова идет о Г. Брауне.

⁶⁴⁹ Рисунок изображает стандартный дом, обычный для Русского Севера, тип которого дожил до XIX в.: с высоким подклетом, крытый, по-видимому, досками (*Шмелева М.Н.* 1987. С. 72). Рисунок представляет двухэтажное деревянное сооружение, сложенное из одиннадцати-двенадцати бревен. Одноэтажные постройки, например, на плане Тихвинского посада 1678 г. (*Сербина К.Н.* 1951. Приложение. Прорисовки его фрагментов см.: *Громов М.М.* 1979. С. 186, 188–197), имели по 6–7 бревен, чему в целом соответствует и рисунок Груневега. Жилище, изображенное Груневегом, разделено на три равные части-клетки (*Забелин И.Е.* 1895. С. 19–41). В Москве существовал специальный стандарт бревен, предназначенных для строительства изб. Их длина колебалась от 2 до 4 сажени, а площадь внутреннего помещения достигала 12–25 кв. м. Диаметр бревен был, несомненно, больше, нежели считают специалисты: не 20–30 см, а по крайней мере 40–50. Высота достигала сажени и сажени и 10 вершков (2 м 65 см. Ср.: *Громов В.В.* 1979. С. 187, 198).

На рисунке Груневега жилище имеет обычную для XVI столетия высокую двускатную кровлю (*Громов В.В.* 1977. С. 190), увенчанную зубчатым коньком, поддерживавшим установленный там резной гребень, с двумя маковками на обоих концах. Слева от зрителя и от лестницы на каждом этаже по три маленьких окошечка по фасаду, а не на торцевой стороне (ср. реконструкцию по миниатюрам Лицевого свода: Там же. С. 191), одно из которых наверху, два других – пониже. Это теплые помещения с печами, что наглядно показывают клубы дыма, вырывающиеся из двух верхних окошечек каждого этажа, – горница или изба и подъизбица. Справа – только по одному окошечку, но по крайней мере втрое больших, чем слева. По-видимому, это летние помещения – клетки. Рисунок Груневега представляет интерес и для понимания русских миниатюр Лицевого свода: на них, как уже отмечалось в литературе (*Громов В.В.* 1977. С. 186), избы изображены с тремя окошками и дверью, клеть – с двумя окошками и дверью. Появление больших окошек на рисунке Груневега – вероятное свидетельство изменения материала, используемого при их изготовлении (Ср.: *Рабинович М.Г.* 1964. С. 243).

Крыша на рисунке Груневега покрыта в 4 ряда, судя по размеру нарисованных пластин, видимо, досками – драницами, пластинами толщиной в 1,5–2 см и длиной в сажень, часто упоминаемыми в русских источниках того времени (*Рабинович М.Г.* 1964. С. 204), но не лемехом, шедшим, как правило, на покрытие церковных куполов или фигурных крыш бочкообразного типа – бочкой (ср.: *Громов В.В.* 1977. С. 195, 198; *Он же* 1979. С. 200; *СлРЯ XI–XVII вв.* 1981. Вып. 8. С. 203). Под них стелились берестяные полотноща.

⁶⁵⁰ О двери см. подробнее на л. 1219 рукописи. Дверь дома по своим пропорциям явно отличается от двери лавки, изображенной там, которая значительно выше, а может быть, и уже.

⁶⁵¹ Это сени, «врубленные» между избой и клетью из бревен такой же величины. Рисунок Груневега и его описание жилища соответствует формуле: «горница на подзибце, да сени на подсене, да клеть на подклету» (АЮБ. 1857. Т. I. С. 388–389) или более скромной: «Горница на жилом подклету, против нее повалуш с чердаком, промеж ими сени» (*Забелин И.Е.* 1918. С. 463). По мнению В.В. Громова, подобный тип дома характерен для боярских дворов и дворов состоятельных горожан (*Громов В.В.* 1977. С. 196). Показательна терминология Груневега: теплое зимнее помещение он именует *stuebe*, летнее холодное – *kamer*, что точно соответствует русским терминам «изба» и «клеть».

⁶⁵² Лестница, довольно крутая, завершается небольшим балконом над верхним потолком нижнего этажа (об этом свидетельствует тот факт, что крестики находятся над 5–6 бревнами снизу). Крыльцо второго этажа, видимо, укреплено на «выпусках» – выступающих балках верхнего потолочного покрытия (а отнюдь не «на бревнах, врубленных в основной сруб» (ср.: *Громов В.В.* 1979. С. 195). Система крепления самой лестницы на рисунке не обозначена. В установке крыльца Груневега, кажется, допустил неточность: на рисунке оно оказалось на одно бревно выше уровня верхнего потолочного перекрытия. Над крыльцом – двускатная крыша с такими же декоративными маковками на концах конька, как и на коньке дома. Именно эта часть конструкции жилища считалась наиболее престижной, поэтому крыльцо украшалось со всевозможной тщательностью (ср.: *Маковецкий И.В.* 1962. С. 35, 37).

⁶⁵³ Груневег не пишет о материале, из которого были сделаны окна, но, судя по сравнению с тарелками, можно думать, что он видел стеклянные окна. Впрочем, не исключено, что это были окна из бычьих пузырей.

⁶⁵⁴ Очевидно, Груневег общался лишь с богатыми горожанами, в частности дворцовым художником, и изображенный им деревянный дом принадлежал состоятельному человеку. Описания внутренних помещений Груневег не оставил, однако наружная лестница на второй этаж характерна и для богатых новгородских домов (*Бочаров Г.Н.* 1969. С. 78).

⁶⁵⁵ *Gedeckt* – эта конструкция характерна не только для Северо-Восточной Руси, но и Юго-Западной. Вердум, который побывал на Подолии и Волыни во второй половине XVII в., писал: «...в русских домах нет труб, а только печка. По всем сторонам избы находятся отверстия, которые отворяют, соображаясь с ветром, для выпуска дыма» (*Пташицкий С.* 1878. Т. 199. С. 90. Ср.: *Головацкий Я.Ф.* 1878. С. 693). Существовали и полукурные избы, когда труба была проведена только в сени, так что дым выходил на горнице или чердак (*Чубинский П.П.* 1878. С. 389). Однако Груневег – первый, кто столь подробно рассказал о конструкции потолков и дымовых окошек. Ранее считалось, что горизонтальные потолки возникли лишь в XVIII в., а до того были сводчатые, прибитые к бревнам крыши, – «подволока» (*Громов В.В.* 1977. С. 189, 198; *Он же* 1979. С. 188–189). Горизонтальный дымоход выкладывался, видимо, из глины, как и печи, или кирпичей (*Синчук И.И., Зайцева О.Е.* 1997. С. 250).

Однако в это же время имелись и трубы для вытяжки дыма из избы – дымницы. Круглые глиняные кольца от дымоходов найдены и в Москве (*Рабинович М.Г.* 1964.

С. 243). Производство керамических труб было налажено в Москве в XVII в. (*Рабинович М.Г.* 1949б. С. 98). По письменным источникам известны и железные задвижки. В приделе Николы Сольвычегодского Благовещенского собора еще до 1579 г. имела печь, дым из которой выходил в трубу. «Два заслона железные у трубы печные» записаны в описи этого собора 1579 г. (*Савваитов П.* 1886. С. 93). Заслонки же устья печи были, вероятно, керамическими (ср.: *Синчук И.И., Зайцева О.Е.* 1997. С. 244–251). В царских покоях XVII в. весь печной прибор был уже железным (*Забелин И.Е.* 1895. С. 140–141), а сами печи украшались поливными изразцами.

Все это касается лишь деревянных построек. На л. 1241 находится рисунок каменного двухчастного строения с крыльцом. На заднем плане виден лишь верх здания – часть стены с довольно большим окошком, двускатная кровля с таким же зубчатым коньком и неотчетливо нарисованными маковками. Возможно, и здесь крыша в три ряда покрыта драницами. К этому зданию на переднем плане примыкает одноэтажное сооружение с четырьмя такими же крупными окнами, как и то, что изображено на строении заднего плана. Это одноэтажное здание имеет крышу с небольшим наклоном и низкое крыльцо со сводчатым входом, поставленное на высокий постамент. Архитектурный стиль каменных зданий весьма лаконичен. О родстве с деревянными сооружениями напоминает лишь крыша.

⁶⁵⁶ Немецкая пословица.

⁶⁵⁷ Квадратная в плане изба (*stuebe*) имеет вход в середине одной из стен. Видимо, это вход из сеней. Подобный интерьер, по В.В. Громову, характерен именно для XVI в. По диагонали от входа находится прямоугольная печь. Стены обозначены двумя параллельными линиями, которые, однако, около печи исчезают. Неясно, скрывается ли за этим особенность конструкции самой избы или речь идет лишь об особенностях рисунка. На нем трудно различить лавки и столы. Судя по длине и значку внутри прямоугольника, «длинные столы» располагаются у левой от входа стены избы вдоль или под окнами, изображенными на рисунке в левой части всего здания. В обычае того времени были неподвижные, пристенные лавки (*Бломквист Е.Э.* 1956. Т. С. 422). Какие хотел изобразить Груневег, неясно, т.к. прямоугольнику на его рисунке достаточно далеко отодвинуты от стен. Справа от входа на рисунке помещен еще один прямоугольник, назначение которого из текста неясно. Маловероятно, чтобы здесь у входа могли располагаться лавки или нары, которые, судя по этнографическим данным, настилались сбоку от печи (*Громов В.В.* 1979. С. 189; *Бломквист Е.Э.* 1956. 236), т.е. на том месте, где Груневег поместил, если правильна их интерпретация, «длинные столы». Возможно, именно этот прямоугольник справа от входа и изображал стол. Однако форма прямоугольника, более широкого, нежели «столы» слева, отчетливо свидетельствует о том, что Груневег имел в виду именно лавку или нары. Кроме того, освещенность этой части помещения не располагала к установке здесь стола. По этнографическим данным здесь находилась специальная лавка – коник, ложе главы семьи (*Громов В.В.* 1979. С. 199).

⁶⁵⁸ Это сообщение Груневега позволяет более чем на сто лет передатировать появление печей у входа, которые ранее считались восходящими к XVIII в. (*Громов В.В.* 1979. С. 190).

⁶⁵⁹ Груневег употребляет термин *kolessa*, известный и по другим памятникам XVI в. Ср.: КПМ ВКЛ. Т. 1. С. 23.

⁶⁶⁰ Святой Доминик – испанец Доминго де Гусман Гарсес (1170–1221), с 1196 г. – католический священник, участник дипломатической миссии епископа Диего де Асеведа, направленной кастильским королем Альфонсом IX в Данию. Во время поездки в Лангедок имел возможность понять размах альбигойской ереси (*Карсавин Л.П.* 1912) и решил посвятить себя ее искоренению. Несколько лет он провел на юге Франции, в 1206 г. основал в Пруйле женскую общину. В 1209–1213 гг., во время крестового похода против альбигойцев, возглаленного графом Симоном де Бонфором,

убедился в бесполезности применения силы против еретиков и в 1214 г. в Тулузе создал первую общину своих единомышленников. Часть их вошла в орден проповедников, девизом которого было: «Восхвалять, благословлять, проповедовать» (Laudare, benedicere, predicare). Устав ордена был утвержден папой Гонорием в 1216 г. Движение сторонников Доминика захватило несколько стран, и в 1218–1219 гг. во время визитации французских, итальянских и испанских монастырей он разделил их по территориальному признаку на ряд провинций во главе с «провинциалами», подчиняющимися Великому магистру. На востоке Европы в 1233 г. Яцек Одровонж (1183/85–1257), в монастыре Гиацинт, основал доминиканский монастырь в Киеве, прославив его собственными чудесами (в связи с чем был причислен к лику святых в 1594 г.). Отец Венцеслав застал драматический период попыток отделения провинции Св. Гиацинта на территории Руси от Польской (сам же инициатор этой попытки в последней трети жизни оказался в пределах Польской провинции). Киевский доминиканский монастырь с некоторыми перерывами просуществовал до конца XVIII в.

⁶⁶¹ 6 августа.

⁶⁶² Отец Венцеслав, памятуя о госпиталях в родном Данциге (*Bogucka M.* 1998b. S. 145–154), постоянно обращал внимание на существование подобных учреждений в других городах.

⁶⁶³ См. л. 1194: Болдин-Дорогобужский монастырь.

⁶⁶⁴ См. л. 1193: Жиздринский Троицкий монастырь на р. Жиздре, правом притоке р. Оки.

⁶⁶⁵ В Луцкую гродскую книгу был занесен универсал Сигизмунда Августа 1571 г. «Ко всем князьям, панам, урядникам и обывателям» о свободном пропуске турецких купцов, направлявшихся с товарами в столицу России. Караван должен был в качестве вижа сопровождать шляхтич Войтех Трошка, полномочия которого удостоверял особый королевский лист (*Левицкий А.* 1889. № 165. С. 20). В 1573–1576 гг. в книгу занесены новые сообщения о московских поездках (*Левицкий А.* 1890. № 579. С. 55; *Левицкий А.* 1891. № 275. С. 24). Груневег, однако, ни разу не упоминает о подобном сопровождении. Видимо, к его времени эти поездки стали настолько обычными, что не нуждались в особой охране.

⁶⁶⁶ Ярмарки в Луцке, как и во многих других городах Великого княжества Литовского и Речи Посполитой XV–XVI вв., были основной формой торговли. Согласно привилею Александра Ягеллона 1497 г., здесь разрешалось проводить три недельные ярмарки: две – на православные праздники (за неделю до Вознесения Господня и днем св. Михаила) и одну – перед католическим (днем св. Агнессы). В условиях поликонфессионального населения традиция приурочения ярмарок к церковным праздникам была поддержана и в XVI в. Длительность ярмарок до двух недель и увеличение их числа за счет православных дней св. Илии и дня св. Семена и католического праздника Трех королей ввел Жигимонт-Август своим привилеем от 29 декабря 1552 г., подтвержденным Стефаном Баторием в 1576 г.

Город получил и «право склада». Привилеи предусматривали систему мер по организации торговли: разрешалось иметь свои весы (важницу), возле которой следовало соорудить воскобойню. На отливках-кругах производители получили право ставить свой знак ради удостоверения качества воска. В городе устанавливалась единая местная мера весов.

Благодаря постоянному транзиту на запад и север Луцк занял одно из ведущих мест среди городов страны. Местом проведения ярмарок служил Луцкий замок, куда и съезжались купцы из разных городов Речи Посполитой и соседних стран – турецкие, валашские, польские. Всем им, равно как и киевлянам (согласно привилею 30 ноября 1570 г. (Каталог документів 1982. № 61. С. 43), разрешалась вольная торговля, при оптовой торговле они освобождались от уплаты мыта, обложению

которым подлежали спиртные напитки и пряности (гданьское пиво и рейнское вино, перец, имбирь, калган, гвоздика, шафран, сахар-«цукор»). Среди других товаров важное место занимали соль, кожи, волы, зерно и другие продовольственные товары, ткани (сукно люнское-лондонское, разные сорта немецких), косматый товар (то есть пушнина).. Тем не менее луцкие мещане отстаивали свое право на сбор мыта, что неоднократно приводило к конфликтам, например армянского купца Александра Скиндера, не уплатившего мыто за шафран, с писарем луцкой конторы Давидом Марковичем, другого мещанина Луцка, продавшего турецкого коня, с неким Матвеем Еловичем-Малинским, не выкупившим своего залога за коня (А.В. Бортникова).

⁶⁶⁷ Леандр (около 534–596) – уроженец Картахены, бенедиктинец, епископ Севильский (578–589), был знаком с Григорием Великим, в 579–589 гг. посещал Византию, участник Толедского собора 586 г., выступал против арианства в сочинениях «Похвала и триумф церкви», «Против ариан» (утрачены), «Наставление девам и о презрении к миру».

⁶⁶⁸ Монпелье, недалеко от Авиньона. В 1364–1367 гг. была построена готическая капелла Свв. Бенедикта и Германа, о которых рассказывает о. Венцеслав. Здесь с VIII в. действовала медицинская школа, унаследовавшая традиции античной и арабской медицины, а с 1248 г. при Доминиканском монастыре – шестилетняя школа высшей ступени, подготавливавшая проповедников. Требования к будущим проповедникам предъявлялись весьма высокие, и если М. Груневег, выдержавший экзамен по богословию, им удовлетворял, то едва ли можно согласиться с мнением о его недостаточной образованности.

⁶⁶⁹ Такого типа ограждение Груневег описывал на пути из Львова в Москву.

⁶⁷⁰ Трудно сказать, чем объяснялась неудача армянских торговцев в Луцке – их собственным нежеланием торговать в розницу и, соответственно, платить мыто или отсутствием спроса на тот специфический товар, который они везли из Москвы.

⁶⁷¹ О составе этих товаров можно получить представление по тем дарам, которые возвращавшиеся из Москвы ордынские караваны должны были выдавать местным властям. Так, в Каневе староста получал «шубу сибиркову» (без колнера, т.е. воротника), «колпак шлык лисий» и другие «товары коштовные» (РГАДА. Ф. 389. № 563/3. Л. 23). При этом мыто головное уплачивалось из расчета по два гроша от копы, а «поклон по доброу воли» «собольими» и другими тамошними товарами (Там же. Л. 38).

ПРИЛОЖЕНИЯ

«МОСКОВИЯ» И «МОСКОВИТЫ» В «ЗАПИСКАХ» ГРУНЕВЕГА

В данном разделе рассматриваются мелкие, рассыпанные по всему тексту упоминания о России – по терминологии Груневега, «Московии» и ее обитателях – «московитах». Здесь и воспоминания-замечания, возникшие по аналогии с другими странами и их бытом в соответствии с собственным опытом торговца и патера, отраженным в основном описании путешествия в «Московию», и совершенно новые сведения о самой восточной европейской стране. Они касаются как материальной культуры, так и духовной, как внутреннего положения «Московии», так и ее внешней политики, да и отношения автора к этой стране.

Поскольку почти половину «светского периода» жизни Груневег провел как странствующий торговец, и описание этого периода чрезвычайно информативно, обратимся сначала к тем сведениям о торговле России, которые не вошли в описание его путешествия в Москву.

Прежде всего, следует отметить интенсивность внешней торговли с югом. В «Записках» неоднократно упоминаются люди, которые ездили в Москву, собирались туда или возвращались оттуда в 70-х – начале 80-х гг. Еще в 70-е гг. XVI в. в Москву ездил знаменитый греческий купец из Константинополя – некий Перман, убитый на обратном пути в караван-сараях недалеко от Адрианополя за несколько лет до появления там армянского каравана (2, 726). А 5 сентября 1582 г. в Каменце хозяин Груневега Богдан-Ащвадур надеялся встретить караван из Москвы, но его еще не было (2, 692). Караван прибыл 15 сентября, а вслед за ним – из Львова и Османской империи – три каравана. Таможенники осмотрели львовский караван и искали железо, сталь и оружие (2, 695). Турецкий отправился во Львов, а две повозки двинулись вместе со львовским караваном. Они принадлежали Мелашу, брату Ащвадура. Турецкие товары взял Ащвадур в Москву, а повозки загрузили деньгами. В Османскую империю армяне ввозили по преимуществу деньги, в основном талеры, которые приносили наибольший доход, иногда различные сорта пушнины из Москвы, русскую красную юфть, рыбий зуб для ножей (2, 695).

Груневег в описании путешествия в Москву был крайне скуп в перечислении товаров, которые его хозяева вывезли из России (хотя с удовольствием рассказал о своей прибыльной покупке иконок). В Османской империи же, где товары «московитов» пользовались большим спросом, он увидел, как не-

которые из них вошли в быт мусульманского населения страны. Так, ко времени пребывания в Хотиме 19 сентября 1582 г. Груневег отнес описания интерьера молдавских и турецких жилищ, в которых важное место занимали ковры. Во время еды турки расстилали на середине топчана, накрытого уже ковром, круглую кожу диаметром с днище винной бочки¹, вырезанную из цельного куска красной «московитской» юфти. По краям и в центре она украшена цветами из красного, желтого и коричневого сафьяна и вышита шелком. Кроме того, по самому краю приделаны колечки, в которых продернут шнур, стягивающий кожу. На нее устанавливают солонку, кладут хлеб и ложки. Приступая к еде, сбрасывают шлепанцы и устраиваются вокруг приготовленной «скатерти», пряча ноги под себя. По окончании еды шнуром стягивают скатерть, выкидывают кости, промывают ее теплой водой, сушат, и она снова как новехонья (2, 702–703).

Если в данном случае использование русской юфти создавало лишь бытовые удобства, то второй подобный случай дает основание для более широкого вывода. Во время пребывания в Эдирне 26 апреля 1583 г. каменецкий армянин Чацко показал Мартину знаменитую новую мечеть, выход из которой во внутренний сад не имел дверей, а выход во внешний сад был занавешен московской красной юфтью, которую можно было поднять, скатать, и снова опустить, как штору (2, 787). Видимо, происхождение этой «двери» из сугубо православной страны не служило препятствием для ее использования в мусульманском храме. Недаром и на протяжении всего XVII в. на юг вывозились по преимуществу кожи и меха, считавшиеся традиционными «московскими» товарами², роль которых можно сравнить с современными нефтью и газом.

Замечание об одежде татар Добруджи («У женщин и мужчин татар – одинаковая одежда, украшают голову московитским вывернутым крашеным лисьим шлыком» – 2, 716) полностью соответствует данным русских посольских книг по сношениям с Крымом, переполненных требованиями татар о присылке пушнины, в первую очередь лис³.

Для исследователей экономической истории Руси и России интересно сообщение об использовании закупавшегося в стратегических размерах на востоке Европы воска⁴ (1, 119). В гданьских цехах – у нарушителей устава вместо штрафных денег брали только воск, который еще не был в употреблении, и изготавливали из него свечи. Это мельком брошенное замечание дало Груневегу повод для прославления цеха, в котором состоял его отец. Братство, в котором нет любви и единства мертво, как погашенная свеча, а Братство Марии Магдалины капеллы торговцев при костеле Св. Марии благодаря хорошему порядку расцветает, как зажженная свеча.

«Записки» Груневега дают представление о роли торговли русской пушминой для развития ремесла соседних стран на примере его знакомца Мартина Реслера из Меммингена (Швабия). Его отец, Фейт (Витус) Реслер, жил на Рынке, что само по себе было показателем высокого социального положения, в доме с каменным образом Марии и железным фонарем, т.к. хозяин его был то бюргермейстером, то членом рата и возвращался домой поздно. Он специализировался на пушной торговле, причем крупнооптовой, и держал у себя во вместительном доме большое число скорняков (1, 238).

Что касается импорта, в частности тех товаров, которые везли армяне, то их Груневег перечислил в самом начале своего рассказа о московской поездке. В остальных частях «Записок» (в повествовании о достоинствах других городов) встречаются лишь случайные упоминания об этом. Вот они: вислицкий хлеб (хлеб с луком), который вывозится до Калькутты и Москвы (1, 280), львовские орехи величиной с куриное яйцо, которые, после того как они высушены, большими бочками вывозятся в Москву (2, 652). В последнем случае речь идет о грецких орехах, об употреблении которых хорошо известно по материалам археологических раскопок в Новгороде⁵. Вскользь брошенное Груневегом замечание указывает лишь один из путей распространения грецких орехов в России и еще раз показывает роль Москвы как крупного торгового центра, что, впрочем, в доказательствах не нуждается.

Говоря о международном положении России, символизировавшемся в то время титулом главы государства и признанием этого титула со стороны других государей, Груневег пишет: «Великий москвит и Турок вымаливают его [польского короля] милости, чтобы он звал их братьями себе» (1, 288). В этом сообщении обращают на себя внимание все три части: именование главы государства «москвитом», во-первых, во-вторых, определение к этому термину «великий», и, в-третьих, претензия на равноранговость с польским королем.

Что касается первого термина – «москвит», то он в полной мере соответствует литовско-польской традиции, сложившейся еще в конце XV в., когда великий князь всея Руси Иван III, ранее просто великий князь Владимирский и Московский, принял новый титул, скрывавший и одновременно прокламировавший программу так называемого «собирания Руси». Эта программа, проводившаяся в жизнь военным путем⁶, вызвала резкое сопротивление в Великом княжестве Литовском, включавшем многие земли домонгольской Руси⁷. Что касается определения «великий», то оно соответствует реальному титулу князей Руси и русских царей⁸, постоянно входя в состав их полного титула⁹. И, наконец, претензия на равноранговость тоже восходит к временам Ивана III, но ни его сыну Василию III, ни внуку Ивану IV, принявшему гордый титул «царя», подобного признания добиться не удалось. Не вполне ясно, откуда Груневег знал тонкости титулатурной русско-польско-литовской распри¹⁰, однако все три аспекта рассматриваемого утверждения полностью соответствуют действительности его времени.

В этой вышеприведенной фразе Груневег уравнивает «великого москвита» и «турка», то есть султана, к сожалению, об их политических отношениях, в это время приобретающих не только драматический, но и военный характер¹¹, он ничего не пишет, сообщая лишь о военных действиях на западном для Османской империи османо-габсбургском фронте¹².

Разумеется, у гданьчанина – потомственного бюргера – больше всего возможностей¹³ было узнать о внешней политике Российского царства, поскольку именно она в наибольшей степени затрагивала интересы купеческого города. Так, в частности, он рассказывает о реакции польского короля и бюргеров Гданьска на захват царскими войсками г. Нарвы в мае 1558 г., впрочем, не осмысляя даже во время создания «Записок» связанный с этим эпизод казни королевских моряков в 1569 г., пытавшихся противодействовать нарвскому плаванью (см. подробнее «Биографию» Мартина Груневега).

Летом 1578 г.¹⁴ русский дипломат (Ждан Иванович Квашнин, возвращавшийся от императора Рудольфа II через Копенгаген вместе с датским посольством Якоба Ульфельдта)¹⁵ со свитой из трех «ближайших» человек и священника, остановился у денежного мастера Каспара Гибеля (Гёбеля) и пытался завербовать Мартина на службу царю. Он посетил лавку матери и убедился в том, что ее сын свободно владеет и польским, и немецким языком. Сам Мартин был склонен принять подобное приглашение, но сослался на необходимость согласия матери. Посол направил к ней ливонца¹⁶. Мать, в свою очередь, отговорила, что нужно и другое – согласие опекунов. Следующий шаг к вербовке Мартина на службу царю предприняли вышеназванные «ближайшие» вместе с их ливонским переводчиком. Мать принимала их в течение двух часов, гонцы с удовольствием наслаждались угощением, пивом и любезностью Урсулы Груневег. Они обещали, что посол будет относиться к Мартину, как к сыну, и в любое время отпустит его домой, если тот пожелает¹⁷. Переговоры ливонца с Мартином втайне от матери продолжались несколько дней. Но безрезультатно. В день отъезда послов Мартин испугался, а под предлогом нездоровья вообще прекратил их. Мать радовалась окончанию вербовки, несмотря на упреки друзей, и возносила благодарственные молитвы за то, что «Бог спас ее сына от того, чтобы достаться вечному врагу христианства» (1, 543–544). Видно, ее молитвы действовали очень долго и в 1585 г. снова дошли по назначению.

В настоящее время благодаря усилиям И. Грали и К.Ю. Ерусалимского хорошо известны имена русских перебежчиков, известных же и имен тех, кто, оставаясь на родине, переходил на службу царю или переезжал в Россию, равно как и сведений об их деятельности, пока крайне мало, несмотря на усилия Т.А. Опаринной, С.П. Орленко и других исследователей¹⁸. К сожалению, о Венцеславе не назвал имени ливонского посредника. Приходится ограничиваться общим заявлением Г. Штадена о том, что у русского царя Ивана IV масса шпионов при дворах всех европейских государей¹⁹. Поэтому рассказ Груневега о его несостоявшейся вербовке заслуживает внимания, позволяя судить о методах работы российских дипломатов за рубежом.

Его торговые поездки в Краков, Варшаву и Люблин 1579–1581 гг. на службе у Г. Керстена предоставили возможность получить представление о международном положении в Восточной Европе. В феврале–марте 1578 г. после окончания войны с Гданьском, ускоренного в связи с подготовкой к очередному этапу Ливонской войны, сейм по инициативе короля Стефана Батория постановил возобновить войну с «Московитом» (1, 517, 585).

Сообщение Груневега о весьма важном событии в ходе Ливонской войны, захвате Полоцка польско-литовскими войсками 29 августа 1579 г., носит случайный характер.

Захват Полоцка, согласно рассказу о Венцеславе, якобы произошел благодаря поджогу, организованному подмастерьем котельника из русского Львова. Герой победы был возведен королем в шляхетство и назван Полотинским²⁰. По этому поводу благодарственные богослужения состоялись во всех городах, а торжественные празднества – в больших. В Варшаве, постепенно приобретающей значение столицы²¹, триумф, сопровождавшийся пальбой, был омрачен «нечаянным» убийством Ядвиги Фуггер – супруги варшавского

бюргермейстера Якоба Гизе, наблюдавшей, сидя у окна, за праздником вместе с его сестрой Барбарой (любовницей короля Сигизмунда II Августа). Заподозрили королеву, не испытывавшую особой приязни к дому Гизе, тем более, что игры на подобном празднике, по ремарке Груневега, не нуждались ни в какой пулевой стрельбе²². Он, прибыв в Варшаву 30 августа, оказался свидетелем последовавших за этим волнений в городе (2, 594).

Пристальное внимание к истории ордена заставило Груневега внести подробную запись о появлении орденских братьев на сейме 23 ноября 1579 – 4 января 1580 г. в Варшаве, чтобы, по мнению Груневега, потребовать от короля свои земли, которые забрал у них «московит» в Ливонии (2, 600–601). При этом автор подчеркивает, что все они были добрыми католиками и приверженцами короля. Груневегу случилось видеть их в обеденное время в столовой комнате хозяйского дома, поскольку они расположились по соседству в гостинице «Немецкой нации» и Груневег прислуживал им и их свите, как и немецким купцам: кухней Керстена пользовалось до 50 человек. В отличие от своих предков, орденские братья, прибывшие в Варшаву, не носили традиционных одежд, а ходили в роскошном платье, как и вся немецкая знать, при этом с крестом с золотой цепью на шее (2, 601).

Успехи Речи Посполитой на восточном «фронте» в войне с Российским царством создавали почву для весьма торжественных празднеств. В Люблине на первый день Рождества 1580 г. в замке напротив королевских покоев состоялся парад семи планет, все были роскошно декорированы по «языческому» образцу, как изображают планеты (2, 603). Сначала шли три пары, как будто голые, в одинаковых коротких, до колен, одеяниях зеленого шелка, отделанного золотой нитью, с лавровыми венками на голове, которые «высвистывали» на корнетах «языческую» мелодию. За ними двигались «планеты» на конях, настолько укутанные в шелка и золото, что их едва было видно, а за ними бежали «знаки» – символы планет Сатурна, Юпитера, Марса, Солнца, Венеры, Меркурия, Луны²³. В конце двигались человек, одетый турком, и корабль под раскрытыми парусами, с которого стреляли и кидали ракеты.

По прибытии в Варшаву в апреле 1580 г. Груневег обнаружил толпы военных, которые были наняты королем в этом городе, он отправлял их в Москву. Наемники заполонили все улицы, и в ожидании серьезных дел и новых военных подвигов предавались пьянству, дракам, грабежам и убийствам королевских подданных (2, 609). Груневег, посланный своим хозяином впереди остальных к Варшаве, в полумиле от города, рядом с какой-то деревней, наткнулся на двух гайдуков с ружьями, пищалями, саблями, топориками. Грабители тащили двух ягнят, мужскую и женскую крестьянскую одежду. Наутро оказалось, что они убили крестьянина (2, 610–611). Так Груневег нечаянно увидел изнанку Ливонской войны – внутреннюю ситуацию в Речи Посполитой во время войны с Россией, которая завершилась на следующий год после описанного Мартином инцидента.

Внешняя канва окончания войны также попала в сферу его внимания. 18 января 1581 г. в Варшаву прибыл король, 22 января началось заседание сейма, который с 1569 г. созывали обычно именно там²⁴, а 1.02.1581 по льду прибыли в санях московские послы (Сицкий, Роман Пивов и дьяк Сушев) –

часть на лошадях, часть в санях, все в драгоценных одеждах: шелковых, золотых, у многих они были расшиты жемчугом и драгоценными камнями. Послов провели под окнами королевы, чтобы она их увидела. В 3 часа после приема у короля послы отправились на постой в деревню в одной миле от города²⁵. Неоднократно вели переговоры с королем, но русская сторона готова была передать Ливонию без главных городов – Дерпта, Мариенбурга, Фелина, Пернова и Нарвы. Король Стефан Баторий на это не соглашался, требуя всю страну. Послы уехали, ничего не добившись (2, 618)²⁶.

На ландтаге сословия поблагодарили короля за усердие в расширении государства, но попросили прекратить войну и не поддержали проект нового обложения налогов в течение двух лет. Коронного канцлера Яна Замойского король сделал коронным гетманом (2, 618).

Военные действия продолжились, и, видимо, в них участвовал и тогдашний хозяин Груневега. Керстен получил от короля деньги на наем 30 конников, что и сделал с большими дополнительными затратами, и с ними вместе наряду с варшавским наместником – старостой Юрием Немстой (1576–1583)²⁷ снарядился вслед за королем в «Москву». Груневег рассказывает о попытке своего хозяина выехать 7 августа вместе со слугой Бертольдом, но едва последний пересек порог, коляска перевернулась и все ее содержимое вывалилось на улицу. К сожалению, Груневег и на этот раз ограничивается сообщением только о том, что касается его самого, не выходя за эти пределы. Внося в «Записки» сведения о возвращении хозяина, он так же скупко констатирует самый факт: 16 июля 1582 г. его позвал Йорг Керстен, «одетый как знатный и имевший несколько слуг в своем сопровождении», который сказал, что «он только что вернулся из Москвы, а его начальник, варшавский староста, поручил ему некоторые дела во Львове» (2, 678).

Таким образом, пребывание (хотя и с перерывами) в Варшаве в 1579–1581 гг. позволило Груневегу узнать некоторые подробности внутривосточной жизни Речи Посполитой и позиции разных сословий относительно продолжения войны с Россией.

На исходе своей торговой деятельности в начале марта 1588 г. ему удалось увидеть вооружение, захваченное канцлером Яном Замойским у австрийского эрцгерцога Максимилиана. Там его было очень много, и в том числе «32 прекрасные литые пушки, часть которых происходила от москвитов и имела русские надписи»²⁸. А также два больших колокола с русскими надписями и один с латинской» (3, 1107). Груневег, к сожалению, не указал, сколько именно и какие пушки имели русские надписи. А.Н. Лобин, исследуя вопрос о составе русской артиллерии в Полоцком походе 1563 г. и дальнейшей судьбе орудий, отмечает, что более поздние русские данные о «Большой пушке», одной из четырех гигантских пушек 1563 г., отсутствуют. Не исключено, что она была пленена. Вообще судьба русских орудий 1563 г. была иногда весьма причудливой. Полуторная пищаль, отлитая в России в 1562–1563 гг. мастером Богданом из Литвы, в 1805 г. была обнаружена в д. Побары Виленской губ.²⁹ Груневег не высказывает своих соображений по поводу путей передвижения этих пушек. Видимо, в результате потери Россией Полоцка в 1579 г. они сначала попали в руки польских войск, затем в руки эрцгерцога и, наконец, снова вернулись в руки польского воинства.

Что же касается колоколов, то не исключен самый простой вариант – захвата колоколов в самом Полоцке, где мог быть отлит колокол с латинской надписью. Не исключен и вариант отливки колокола в Дерпте, в особенности в 60-е гг. Однако путь колоколов в Речь Посполитую мог быть еще более извилистым. Производством их, как, впрочем, и пушек, в середине и во второй половине XVI в. славился Псков³⁰. Русская же власть в Ливонии чрезвычайно заботилась о сооружении православных храмов как для обращения в православие местного населения, так и для обслуживания находившегося там русского воинства – спасения душ «овец заблудящих». Сохранившаяся делопроизводственная переписка ливонских воевод пестрит просьбами и сообщениями о присылке священников³¹. Новым церквям, естественно, требовались и колокола. К их изготовлению, судя по тексту надписи на колоколе Логина Семенова 1570 г., отлитом для монастыря в погосте Юрьеве (?), был причастен боярин Яков Андреевич Салтыков, тогдашний воевода Юрьево Ливонского, и дьяки Шемет Шелепин и Мелентий Иванов³².

Чрезвычайно интересны сведения о демографических последствиях Ливонской войны. Груневег под 14 ноября 1585 г. рассказывает о встрече со знатной ливонской женщиной, захваченной русскими в ее замке, видимо в 1558 г., пленница была отправлена в Москву, но по дороге она стала добычей татар, которые отправили ее в «Татарию» (нужно думать, в Крымское ханство)³³, где священник (т.е. мулла?) перед своей смертью отпустил ее на волю³⁴. Через Валахию бывшая пленница направилась в Польшу, надеясь с помощью короля, ей хорошо знакомого, добраться до родины. На этот раз ее перехватили турки, которых она умолила взять ее с ними в Константинополь, где добилась покровительства английского посла, выкупившего ее из плена и на обратном пути на родину доставившего ее в Гданьск (2, 954–955)³⁵. Эту историю Груневег услышал во время пребывания в Гданьске в 1587 г. от супруги гданьского бюргера Иоганна Бабеля, Христины, урожд. Фререр, во втором браке Вилькас, крестной матери сестры Мартина, Барбары. Ливонская дама, которой Груневега представили его бывшие сослуживцы Ганс Грюн и Вильм, пыталась выдать за Груневега свою дочь, отправленную матерью из Риги в Гданьск тотчас по получении тревожных известий о начале войны. Это сулило Мартину безбедное существование, так как ливонка якобы знала местонахождение богатого клада – приданого дочери (2, 953–955).

Второй пример – это судьба второго хозяина Груневега – Богдана/Ашвадура. Он потерял родителей во время вторжения царских войск в Ливонию, мальчик, отправленный пленником в Москву, был приобретен каффским армянином³⁶, обучившим его родному и нескольким другим языкам, что позволило Ашвадуру в дальнейшем успешно вести торговлю и в Османской империи, и в Российском царстве, и в Речи Посполитой.

Рассказы Груневега о судьбах встреченных им ливонцев или лиц, находившихся там во время вторжения царских войск, бытовыми подробностями дополняют сведения русских летописей, разрядных книг, Стоглава, ливонских хроник и сочинений других иностранцев – его современников³⁷. Разумеется, «Записки» не содержат никаких количественных сведений, однако ясно показывают те направления, по которым двигались пленники как из России, так и из соседних стран³⁸.

Перемещения населения в результате захвата пленных, их продажа в другие страны приводили к созданию в странах Юго-Восточной и Восточной Европы весьма пестрого этнически и лингвистически конгломерата, с одной стороны, а с другой – способствовали созданию образа Российского царства как могучей страны, возглавляемой сильным государем, что сыграло определенную роль во время второго и третьего бескорольевия в Речи Посполитой.

Даже после своего поступления в монастырь Груневег, видимо, сохранил славу эксперта по отношениям с Россией. 29 мая 1589 г. какой-то турецкий господин (явно не купец), хороший знакомый монаха, который должен был по поручению султана отбыть в Москву, пытался переговорить с о. Венцеславом, но не получил на это разрешения. Зато он пришел в костел и в день поста по случаю праздника Тела Господня, когда монахи с дарами обходили рынок, в почтительном поклоне склонился перед о. Венцеславом до колен. Ради Мартина турок услужливо пожертвовал в монастырь ковер ценой около 20 талеров и кое-что из еды (З, 1171). Можно предполагать, что поездка турка имела не только торговые цели, но была связана и с вопросом о будущем российского патриархе. Видимо, эта проблема волновала и польские светские и церковные власти, так как в то же самое время и польский королевский посол, бельский воевода Павел Уханьский, посетил Стамбул, где и умер 18 февраля 1590 г., а сопровождавший его люблинский приор Антоний благополучно вернулся во Львов 20 октября 1589 г. (З, 1174).

Что касается бытовой культуры, то в описании татарской деревни в Добрудже, где караван с Груневегом оказался 5 октября 1582 г., о. Венцеслав пишет: «Хотя я слышал, что среди язычников нет более нечистого народа, чем татары, а среди христиан – москвитов, однако около них достаточно чисто» (2, 716). Вероятно, последняя поправка относится в основном к татарам, но и о «москвитях» он позднее был хорошего мнения.

Благодаря общению с высокопоставленным священником «русской секты» и знакомству с «Хроникой» Мартина Бельского, о. Венцеслав имел некоторое представление об истории культуры Руси. О крещении он вспоминает в связи с описанием ченстоховской иконы Богоматери, которая, по преданию, была написана евангелистом Лукой. По его рассказу, Анна, дочь константинопольского императора Романа, отданная в жены рускому князю Владимиру, упростила родителей дать ей эту святыню, чтобы возбудить особое почитание вновь крещенного народа. Икону привезли в Киев, где она долго находилась в Софийском соборе. Оттуда, вероятно во время войн, она попала в Польшу, и русский князь Лев, построивший замок в Бельзе, распорядился, чтобы священники не допускали к ней никого, кроме русских (З, 1130)³⁹. Однако он приводит и другие объяснения перемещения иконы: будто Карл Великий привез ее из Иерусалима либо Лев получил ее в дар от императора Никифора за верную службу. Как всегда, Мартин пытается проверить достоверность легенд и сообщает, что Карл не владел Константинополем, которым управляли современники Карла: Ирина Афинская (797–802), Никифор I (802–811), Михаил Куропалат (Михаил Рангабе, 811–813). Сомневается он и в том, что Лев служил константинопольскому императору, хотя представители этой «секты», ныне не имеющие привычки ездить на службу во Францию или в Нидерланды, ранее часто посещали Константинополь ради обучения. Они и теперь при

турках нередко ездят туда, но раньше, при христианских императорах (т.е. до 1453 г.), делали это постоянно (3, 1130).

Дальнейшую историю иконы о. Венцеслав связывал с Людовиком [I] Венгерским и Польским, завоевавшим Бельз и передавшим его Владиславу Опольскому. Тот, обнаружив эту икону в 1483 г., в конце концов передал ее в монастырь паулинов (3, 1130). Икона оказалась спасительной – при нападении татар ее вынесли им навстречу. Одна стрела попала в шею Богоматери. Татары испугались и бежали. А чудотворный образ Владислав хотел перенести в Ополе, но лошади далее Ольштина не пошли, и князю пришлось выстроить монастырь и передать его ордену Св. Павла, первого пустынножителя (3, 1131–1132). Икона, хотя и пострадала от гуситов в 1430 г., но была восстановлена при короле Владиславе, однако шрам на лице Богоматери остался.

Кириллическую азбуку он упоминает наряду с халдейской, арабской, египетской, индийской, армянской и относит к «вендской» группе⁴⁰. Тот же термин использует и Герберштейн, говоря о единстве славян. Стоит упомянуть, что чернец из Каменца-Подольского, знаменитый Исайя, этот же язык называет «нашим руским словенским», а людей, говорящих на нем, именует «нашим народом христианским руским литовским и руским московским», причисляя к ним «всех православных христиан, иже и в болгарех, и сербех, в мулянех и волосех»⁴¹. Несмотря на разницу терминов (Груневег и Герберштейн используют термин, бытовавший в немецкой традиции вплоть до конца XVIII в.), все три автора отчетливо сознают языковое единство славян.

Груневег поясняет, что азбуку изобрел Кирилло (1, 384)⁴². Ему известен факт существования в Эрфуртской библиотеке написанной этим «шрифтом» книги, направленной против Юлиана-безбожника (332–363), римского императора 361–363 гг., которую Груневег ошибочно приписал Кириллу. Впрочем, говоря об азбуке, он заявляет, вероятно исходя из практики Великого княжества Литовского, что «московиты» употребляют кириллицу – с большими ошибками (1, 384).

Еще более суровый приговор в 1602 г. он выносит сохранению старого календаря после 1582 г.: «Греки и армяне как грубые невежественные секты до сих пор не приняли нового календаря» (2, 776).

Резкость тона, свойственная Груневегу обычно лишь по отношению к лютеранам, объясняется тем, что на его глазах во Львове развертывалась распря из-за введения нового календаря с 5/15 октября 1582 г.⁴³ Во время предварительных переговоров в мае 1582 г. папы Григория XIII с константинопольским патриархом Иеремией Траносом, который, несмотря на первоначальную негативную реакцию, пообещал обсудить вопрос с филладельфийским епископом и Венецией, но к осени вернулся на прежнюю позицию. Эта точка зрения была поддержана александрийским патриархом Сильвестром, что поставило православных жителей Речи Посполитой в затруднительное положение в связи с этой реформой, поскольку король Стефан Баторий сразу принял новую систему летосчисления⁴⁴. В Киев к митрополиту Онцифору Девочке в январе 1583 г. прибыли два патриарших экзарха, подтвердивших отказ Иеремию принять новый календарь⁴⁵. На обращение кн. Константина Василя Константиновича Острожского к патриарху Иеремии он получил призыв сохранять прежний порядок, установленный на Первом Вселенском соборе⁴⁶.

Вопрос этот во Львове приобрел особую остроту после того, как весной 1583 г. католический архиепископ Я.Д. Соликовский обратился к «руси» и армянам Львова с призывом принять нововведение⁴⁷. Те, однако, не вняли этому предложению, тем более, что православный собор осенью 1583 г. постановил сохранить прежнее летосчисление. В ноябре 1583 г. Иеремий направил к православным Львова и армянам-григорианам призыв сохранить старый календарь. В ответ накануне Рождества, 24 декабря, тот же Соликовский распорядился запечатать православные храмы и не пускать туда верующих. Православный епископ Гедеон Балабан внес протестацию в львовские городские книги. В ответ в феврале 1583 г. Иеремий весьма решительно объявил венецианскому послу, что не ему менять то, что установили святые отцы и что существовало от века⁴⁸. Конфликт потребовал вмешательства короля. Учитывая возмущение львовян, Стефан Баторий, который еще в 1582 г. подписал универсал в поддержку реформы, в январе 1584 г. запретил принимать насильственные меры по отношению к православным.

Однако в течение 1583 г. папский нунций сумел убедить сына киевского воеводы Януша Острожского перейти в католичество, освятил его церкви, дал ему индульгенцию, а его капеллану – право принимать бывших схизматиков, пообещав поддержку Острожской коллегии⁴⁹. В Кракове, куда отец и оба сына Острожские прибыли на сейм, Болоньетти узнал, что и второй сын кн. К.В. Острожского, Константин Константинович, перешел в католичество, хотя и не мог публично объявить об этом из-за опасений неприятностей со стороны православных, и в первую очередь собственного отца и брата Александра, оставшихся верными православию⁵⁰. В августе 1583 г. два папских эмиссара добились согласия Иеремии принять унию, но лишь через два года, однако и тогда дело не сдвинулось с места.

Благодаря договоренности 15 февраля 1585 г. православного епископа Гедеона Балабана и Соликовского вопрос был отложен до соглашения папы и патриарха. То же самое значилось и в королевском универсале от 18 мая 1585 г.⁵¹ Брестская уния решила-таки и этот вопрос. Однако православные царской России, как и все жители Российского царства и империи, приняли новый календарь только после 1917 г.

О распространении грамотности и положении женщины в России можно судить по тому, что в феврале 1587 г. Груневег, находясь во Львове, получил письмо от своей «московской невесты», с которой расстался почти за полтора года до того. К сожалению, он не указал, было ли оно собственноручным. Даже если Анастасия писала не сама, то ее обращение к исчезающему «женеху» показывает известную самостоятельность девушек в России. Неясно и другое – каким путем это письмо пришло во Львов: тем ли самым, которым передвигался в Москву и обратно сам Мартин, или через Торунь. Скорее можно допустить последнее предположение, поскольку Груневег пишет, что «письмо от моей невесты из Москвы чудесным образом принесли в тот же час», когда он получил письма от матери и зятя, привезенные Ашвадуром, побывавшим в Торунь (2, 1052).

Христианские праздники, в частности Вербное воскресенье 1588 г., для автора оказались связанными с православными обычаями России: «Это день, который особенно радует скорбных, осужденных на долгое заточение, осво-

бождает купленных и других обязанных нести трудовую повинность, как это предусматривается (греками и "московитами"), одевает нагих, утешает несчастных и наказывает лживых» (3, 1114). Все это соответствует постановлению Стоглава⁵². Несомненно, в этот день Груневег вспоминал о благополучном исходе своего конфликта со столичными властями России в 1585 г.

Побывав в Вавеле в костеле Св. Стенцеля, о. Венцеслав записал, что в капелле Св. Креста покоятся Казимир Великий, Елизавета Габсбург, «австриячка» (1438–1505), с 1454 г. супруга Казимира IV, основательница капеллы. «Эта капелла позднее была передана Елене, дочери «Московита» и жене Александра. Благодаря этому вся эта церковь расписана по рускому образцу, что стоит и донныне, видны даже большие светильники желтой меди и другие предметы в руском стиле» (2, 817). Речь идет о великой княгине Литовской, дочери Ивана III, условием выхода которой замуж за Александра было сохранение ею православия⁵³. Что же касается «русского образца» росписи, то не вполне ясно, кем она была выполнена – мастерами, прибывшими с родины Елены Ивановны, или православными мастерами, подвизавшимися в Речи Посполитой, преимущественно в Великом княжестве Литовском. В настоящее время искусствоведы (А Ружицка-Брызек и Э.С. Смирнова) полагают, что это были псковские мастера⁵⁴.

Мелкие, разбросанные по всему огромному тексту «Записок», наблюдения и замечания Груневега / о. Венцеслава о «Московии» и «московитах» существенно дополняют дневниковый текст о поездке в Москву, рисуя картину восприятия России, ее обитателей и культуры извне – не только, так сказать, через призму христиан-европейцев, но и обитателей народов Османской империи, мусульман и православных. Картина получилась выдержанной – в целом – в более мажорных тонах, чем это было характерно для описания поездки Груневега в Москву.

Примечания

¹ Ее размер можно представить по картине Брейгеля.

² *Білоус*. 2008. С. 181.

³ *Хорошкевич А.Л.* 2001.

⁴ *Хорошкевич А.Л.* 1963.

⁵ Грецкие орехи. См.: *Рыбина Е.А.* 2001.

⁶ А.А. Зимин пишет о «странной войне» 1487–1494 гг. (*Зимин А.А.* 1982. С. 93–109).

⁷ *Хорошкевич А.Л.* 1980.

⁸ *Хорошкевич А.Л.* 2003.

⁹ *Агоштон М.* 2005.

¹⁰ Возможно, до него доходили слухи о переговорах 1587 г., когда шла речь об избрании Федора Иоанновича на неожиданно опустевший трон Речи Посполитой (*Флоря Б.Н.* 1998. С. 141–146). Сам он в «Записках» после суда Боярской думы стал называть Федора Иоанновича «кайзером», как и польского короля.

¹¹ См. выше раздел «Российское царство, Османская империя и Сефевидская Персия».

¹² Так, во время третьей поездки Груневега в Константинополь в мае 1584 г. опустели «сербские» деревни около Осанлии из-за войск, двигавшихся и из Персии (2–851). В начале июня 1602 г. о. Венцеслав в окрестностях Вистерница и встретил «массу военных, двигавшихся против турок в Венгрию» (3, 1293).

- ¹³ Специального интереса к внешней политике, как и внутренней, у гданьчанина не было.
- ¹⁴ Года Груневег не помнил, а время года указывает на 1578 г., так как именно в эту пору посол возвращался на родину.
- ¹⁵ ПДС. Т. I. Стб. 714–716. Путешествие Квашнина длилось с сентября 1577 г. по июнь 1578 г.
- ¹⁶ К сожалению, имени его Груневег не назвал.
- ¹⁷ Судя по его отношению к датским послам во время их пребывания в Юрьеве-Дерпте (*Ульфелдт* 2002. С. 96, 209, 441), воеводой которого и землевладельцем в его округе был Ж.И. Квашнин, надеяться на его обещания было бы легкомысленно.
- ¹⁸ *Опарина Т.А.* 2007; Краткий обзор сведений об иноземцах в России XVI в. по отечественным публикациям записок иностранцев см.: *Черникова Т.В.* 2012.
- ¹⁹ *Штаден* 2008. Т. 1. С. 333, 473, 485, 487.
- ²⁰ *Viies A.* 2008, 2. S. 594.
- ²¹ *Leitsch W.* 1999. S. 233–236.
- ²² По традиции, стрельба в XVII в. сопровождала шествие на Пасху и праздник Тела Господня. Благодарю Л.А. Софронову за это сообщение.
- ²³ По этому случаю Груневег дает описание символики планет (2, 603).
- ²⁴ *Voguska M.* 1984. S. 181.
- ²⁵ Сам факт присылки русских послов в страну-победительницу он не оценивает, хотя это было нарушением русской традиции и рассматривалось в России как чудовищное умаление престижа главы государства. Таким же образом в России воспринималось определение места жительства послов вне города – в селе, хотя прибывавших в Россию послов, как правило, также отправляли за пределы столицы.
- ²⁶ О переговорах, предшествовавших заключению Ям-Запольского мира, см. подробнее: *Лихачев Н.П.* 1903.
- ²⁷ *Viies A.* 2008, 2. S. 623, Ком. 1538.
- ²⁸ В России этого времени существовала практика наименования пушек и обозначения их на орудиях.
- ²⁹ *Лобин А.Н.* 2010. С. 130–131.
- ³⁰ *Богусевич В.А.* 1934. С. 157–161; *Он же* 1937. С. 83–104; *Афанасьев В.И.* 1974. С. 91–112; *Плешанова И.И.* 1985.
- ³¹ ДЛВ 1998.
- ³² *Плешанова И.И.* 1985. С. 115.
- ³³ В это время именно крымские татары стали основными поставщиками рабов в Османскую империю. Торговля рабами составляла основу экономики ханства. В Каффе в 1578 г. доходы от продажи рабов – около 20 тыс. человек – достигали почти четырех с половиной миллионов акче (*Inalcik H.* 1979. P. 36, 38).
- ³⁴ Это, вероятно, редкий случай, так как факт захвата пленных зафиксирован даже в послowie более позднего времени «Цап (так малороссы зовут русских) гонит сто баранов на базар, а татарин – сто хохлов в Крым» (*Белов И.* 1990. С. 242).
- ³⁵ *Опарина Т.А.* 2010. С. 239–268.
- ³⁶ О торговой деятельности османских купцов во время Ливонской войны см. *Опарина Т.А.* 2010. С. 249–250.
- ³⁷ В том числе и Штадена (*Штаден Г.* 2008. Т. 1. С. 219, 221, 299).
- ³⁸ Бытовая картина подобных передвижений в XVI в. более сложна и перепутана, нежели это представляется исследователям каких-либо двусторонних отношений – России и Османской империи, России и Крымского ханства, Речи Посполитой и Османской империи, того же государства и Крымского ханства (См. обзор историографии на эту тему применительно к XVI–XVII вв.: *Lavrov A.* 2009. S. 427–432).
- ³⁹ *Рогов А.И.* 1972.

- ⁴⁰ Эту группу он суммарно называет «русской», изобретение азбуки которой связывает с блж. Иеронимом (Евсевием-Софронием, около 340–420 гг.), уроженцем Стридонии (возможно, располагавшейся на северо-востоке Балканского полуострова на границе Далмации и Паннонии (?)), участником Второго Вселенского собора в Константинополе, с 382 г. секретарем папы Дамаса, последователем Оригена (с учением которого познакомился благодаря константинопольскому архиепископу Григорию Назианзину), создателем нового латинского перевода Библии (на основе Септуагинты), известного под названием Вульгаты, и ставшему благодаря этому покровителем переводчиков.
- ⁴¹ Цит. по: Гудзяк Б. 2000. С. 129.
- ⁴² Груневег не указывает его «национальной» принадлежности, видимо, он уроженец Солуни (Фессалоники, ныне Салоники – города на берегу Эгейского моря), не был славянином (Ср.: Флоря Б.Н. 1981. С. 7, 71; Верецагин Е.М. 2001. С. 15–20).
- ⁴³ Булла была подписана папой 24 февраля 1562 г. (Гудзяк Б. 2000. С. 53).
- ⁴⁴ Купчинский О. 1991. С. 256–269.
- ⁴⁵ Гринів Э.А. 1988. С. 161. Ср.: Малышевский И. С. 98, 100–101.
- ⁴⁶ К. Острожский предпринял попытку привлечь и патриарха Иова к борьбе против унии (Турилов А.А. 1991. С. 128–140).
- ⁴⁷ В марте 1583 г. член венецианской делегации сообщал папе из Константинополя, что патриарх в настоящее время не считает возможным проведение реформы (Гудзяк Б. 2000. С. 53).
- ⁴⁸ Там же. С. 54.
- ⁴⁹ Гринів Э.А. 1988. № 75–76. 21.04 и 23.05.1583.
- ⁵⁰ Для их противодействия католицизации весьма существенной была резкая позиция католической церкви по отношению к православным. Так, в Перемышле церковный суд постановил окрестить по католическому обряду ребенка от брака католика-мещанина и православной (Там же. № 79. С. 85–86. 28.07.1583).
- ⁵¹ Яковенко С.Г. 1989. С. 209–211; Peri V. 1989. С. 187.
- ⁵² Стоглав 2000. С. 405–406. См. также: Хорошкевич А.Л. 1996; 1996б. С. 23–34.
- ⁵³ Зимин А.А. 1982. С. 103–104.
- ⁵⁴ Рогов А.И. 1966; Он же 1976а; Он же 1976б. Ср.: Rózycka-Bryzek A. 1968. S. 175–293; Ружицка-Брызек А. 2008. С. 217–240.

ВЕЛИЧАНИЕ ГОСУДАРЯ

За нас, за тебя, кесарь, отец римлян,
самый дорогой и лучший из людей!

М.А. Булгаков

«**Н**и один народ мира не почитает своих государей больше, чем москвиты. Когда они здороваются друг с другом или произносят пожелания, когда вместе пьют, вместо слов “Будьте здоровы”, они говорят: “Бог дай здоровье нашему государю”. То же самое, когда они клянутся: “Будь здоров государь” или “Дай Бог только, чтобы государь был здоров”», – так писал Мартин Груневег, суммируя свои воспоминания о пребывании в России в январе – начале августа 1585 г.

Дотошный педант, обладавший фантастической памятью и интересом к мелочам, Груневег не обошел и форм вежливого обращения россиян друг с другом. Он подробно рассказал о церемонии вхождения в дом, о том, что сперва нужно перекреститься и поклониться иконе, без которой не обходилось ни одно помещение в России, а лишь затем приветствовать хозяев. Об этом обычае писали многие иностранцы, и сообщение Груневега не добавляет ничего существенно нового. Так, о высоком почтении русских к своему государю писал в свое время еще Сигизмунд Герберштейн. Он, впрочем, не приводил тех формул, которые воспроизвел Груневег. Да и продолжение рассказа у о. Венцеслава своеобразное. Поскольку Груневег не был знаком с русскими порядками и не выполнял обычного ритуала, это вызывало замешательство его хозяев. Те полагали, что гость не кланяется иконе, считая ее недостаточно хорошей, и торопились достать другую из хранившихся в сундуке, более дорогую и нарядную. Речь, очевидно, шла о лицах, располагавших основательным запасом икон, т.е. о состоятельных верхах общества.

Другое сообщение Груневега о способах общения россиян друг с другом, цитированное в начале настоящей заметки, представляет больший интерес.

В литературе обычно говорилось о величании государя лишь на пирах. При поднятии какого-либо сосуда за здоровье государя произносилась речь, получившая название «чаши государевой задравной»¹. Этот обычай, известный у древних греков и римлян, на Руси, по мнению И. Снегирева, восходит к языческим временам². Церковный чин чаши государевой («чин за приливом о здравии царя»), в отличие от светского, гражданского, изучен особенно хорошо³. Что же касается последнего, то в основном речь шла о здравицах в честь государя во время царских же пиров, будь то по случаю приема ино-

странных дипломатов, будь то по случаю церковных праздников или царских именин⁴.

Краткое сообщение Груневега интересно тем, что свидетельствует о более широком распространении чина приветствия, который может быть назван «величанием государя». Груневег общался в основном с представителями московского посада – гостями, торговыми людьми, ремесленниками. Исключение составлял, видимо, один представитель знати – Борис Федорович Годунов. Поэтому наблюдения Мартина Груневега касаются преимущественно посадского населения столицы. Кроме того, он указывает более широкие сферы величания государя, нежели здравицы в его честь на пирах – будь то монастырских или светских. Он пишет о том, что, произнося клятвы, русские высказывали благие пожелания в адрес царя и делали то же самое при встрече. Сообщение о церемонии приветствий при встрече можно проверить по русским материалам, правда, более позднего времени.

Способ приветствия, описанный Груневегом, весьма своеобразный, сохранился и в XVII в.: «...вшел... я к ним в избу и стал... я величаться царя, государя и великого князя Алексея Михайловича всея Руси»⁵. Формула величания приказными дельцами часто записывалась так: «Да споди де здоров был государь царь и великий князь Михаил Федорович всея Руси на многие лета»⁶. Иногда эта формула приобретала более правильный вид: «Дай Господи...»⁷ Это вполне соответствовало тексту здравицы, произносившейся в честь того же царя во время приема иностранных дипломатов. В 1634 г. после объявления о чаше («Чаша великого государя и великого князя Михаила Федоровича, и многих государств государя и обладателя») следовали слова обычной здравицы: «Дай, Господи, великий наш царь и великий князь Михаило Феодорович, всеа Русии самодержец, здоров был»⁸. Иногда к имени государя добавлялось имя его отца – другого «великого государя», то просто «патриарха», то «святейшего патриарха» Филарета московского и всея Руси⁹. Правда, ни у Груневега, ни в записях-протоколах о преступлениях против «имени государева» термин «самодержец» не упоминается.

Как правильно пишет Груневег, эти формулы употреблялись тогда, когда люди пили вместе, будь то домашние пиры по случаю свадеб или встреча собутыльников в обычных кабаках, к стати, тоже государевых. Поэтому весьма многочисленные сведения русских источников о подобных приветствиях восходят к доносам государевых «доброхотов» из кабаков или с домашних пиров, на которых находились представители самых разных социальных слоев. Так, в Костроме 18 или 11 января 1629 г. у писца кн. В. Волконского собралось большое общество дворян, подьячих, посадских людей, присутствовал там и поп костромского собора Пречистой Богородицы Федоровской – Федот. К нему то и обратился хозяин с просьбой «проговорить» «праздничную чашу и заздравную чашу про государево многолетное здоровье». Когда же священник начал «петь праздничную чашу... раздавать твою государеву чашу», один из присутствующих, подьячий Иван Злобин, не снял шапки и не пошел к государевой чаше¹⁰. Донос попа показывает, что и на светских пирах роль священников была велика, именно они и должны были «петь» праздничную и возглашать государеву чашу. Поэтому разделять ритуал чаши государевой на светскую и церковную оснований, вероятно, нет. В описанном эпизоде

важно указание на время государевой здравицы – уже в конце пира. Этим, может быть, и объясняется название «чина за приливок о здравии царя», т.е. в какой-то степени дополнительного «приливка».

Особенно много доносов было записано в 20–30-е гг. XVII столетия. Стрельцы весьма опрометчиво приравнивали к государю своих собственных начальников. В Осколе в начале 1623 г. на первом месте оказался некий Никита Дмитриев Воробьин, названный также «государем»: «Да осподи де здоров был государь Микита Дмитриев Воробин», «а тебе, государь, – продолжает доблестный доноситель о стрельце – нарушителе традиции, – назвал после Микиты, а твоего, государь, и величества не узвышил»¹¹. Стрелец совершил одновременно два преступления: он поставил своего начальника на первое место, между тем согласно чиновнику Успенского собора здравица в честь государя должна была в любом случае предшествовать такой же в честь хозяина пира – господина¹². Видимо, в кабаке не было самого Н.Д. Воробьина, так что он даже не мог быть назван господином. И второе преступление – пренебрежение «величеством» царя, титулы которого стрелец легкомысленно опустил.

Почти одновременно весной 1623 г. в Туле некий Пронко, крестьянин Кавьлы Степановича Ивашкина, четко дистанцировался от «московского царя», а на роль собственного, местного, определил своего хозяина. «Да буди государь здоров был на Москве де царь, а нам де Кавьлы Степанович царь... нам де Кавьлы Степанович по царе царь»¹³. В Арзамасе в 1633 г. крестьянина призывали: «Бойся де ты Бога да государя», однако тот отвечал: «Боюсь де я одного боярина своего Ивана Чуфарова»¹⁴. Человек А.Ф. Щепотева, Федор Григорьев, говорил о своем государе: «Государь де наш всему свету свет»¹⁵. Это довольно распространенное мнение: «Дивей де Сафонов хорошее государя мне стал на Москве»¹⁶, – звучало в подмосковном городке. Боярский сын Дм. Шмараев уверял другого сына боярского, Евстрата Туленина: «Ты де, Евстрат, дал мне, Дмитрию, на семена овса, и ты де, Евстрат мне, Дмитрию, лучше царя стал»¹⁷. Некоторые и сами в 1651 г. заявляли: «Я де, по государи государь»¹⁸. В 1642 г. в г. Козлове сын боярский Остафий Гольцов отвечал на угрозы в свой адрес: «Не грози мне, грози... Богу да государю»¹⁹.

Если государями в своих землях – конкурентами великого государя царя и великого князя выступали дети боярские, то государственные крестьяне, царские подданные считали себя от головы до пяток государевым имуществом, а соответственно, и неприкосновенными. В 1627 г. курский тюремный сторож на беседе у Антона-плотника похвалялся своей бородой: «У меня де такова ж борода, что у государя». А когда сын боярский Серый Сергеев полез в драку за государеву честь, пытался осадить его словами: «Не дери де моей бороды, мужик де я государев и борода де государева»²⁰.

Вообще при ссорах, как это ни парадоксально, слышалось величание государя. Распря двух детей боярских из г. Новосилия сопровождалась уверением обиженного: «Да споди де государь здоров был, а ты де мне ничего не учи-нишь». Нападавший – некто Василий Полянский – показал кукиш и заявил: «Вот де тебе и с государем». По другой версии, Семен Данилов угрожал: «Мы де на тебя, Ваську, побьем челом государю да осподи де государь здоров был»²¹. В 1636 г. суздалский «губных дел мастер», а попросту палач Афоня

Иванов, спрашивал у своего домохозяина, губного дьячка С.Г. Онтропова: «За что ты меня лаешь и бьешь? Да осподи, государь, здоров был, не лай меня и не бей. Сильных у государя нет». Дьячок ответил: «Яз де, мужик, сам царь». Но потом, испугавшись, смягчил свою формулировку: «Яз сам государь в своем дому»²².

Порой «государевы уши» слышали, как величанье законного государя сменялось или к нему добавлялось величание Лжедмитрия. Так было в городе Новосили в январе 1624 г.: на беседе у тамошнего пушкаря Данилы Андреева. Другой пушкарь, Андрей Дубенец, заявил осадной голове Степану Ржевскому, «чтоб де здоров был государь князь Дмитрий Иванович всеа Руси»²³. В 1622 г. в Коломне некоторые выходцы из Черкас еще были уверены, что «царь Дмитрий жив»²⁴. Это показывает удивительную стойкость симпатий к Лжедмитрию, хотя со времен Смуты прошло уже 10 и больше лет. Привязанность части населения к «воровскому» царю объясняется легко. Видимо, Михаил Федорович не снискал уважения своих подданных. Иногда величание поэтому сопровождалось весьма нелицезной характеристикой правящего царя: «...дал де Бог смирна»²⁵. Бродила и идея признания нескольких царей: «Да осподи де нам десять царей, еще де бы того лучше было». Впрочем, и воспоминания о других предшествующих царях, в частности царе Борисе, были порой не очень лестными. Арзамасский крестьянин в январе 1633 г. заявлял: «Нынешнего де государя и не слышит, сидел де царь Борис и нас не жаловал, ино де того не стало, а был де и мудр»²⁶. Между прочим, еще в 1627 г. в д. Волосовице гулящий человек Василий Лось в гостях у крестьянина распевал песни про царя Бориса, однако пел он «негораздо про бывшего царя», за что и подвергся упреку со стороны крестьянина Моченского монастыря, тотчас добавившего: «Дай де, Господи! Здоров был ты, великий государь». Но Василий Лось не успокоился и говорил «про тебя, государя, непригожее слово и с лаею». Ему не удалось избежать наказания²⁷.

Способы поношения государева имени вышеперечисленным не ограничивались. В суздальской тюрьме в 1639 г. (достойное место для прославления царя...) «стали величать твое государево цареву многолетное здравие», а тамошний заключенный – «тюремный сиделец» Сенька Бык добавил: «Царство небесное»²⁸. Можайский посадский человек Евтюшко Бохолдин, будучи на свадьбе в мае 1650 г., присоединил собственную персону к величанию царя: «Был бы де здоров царь государь и великий князь Алексей Михайлович всеа Руси да я, Евтюшко, другой»²⁹.

Неожиданные сложности из-за государевой чаши и величания государя происходили при контактах с иноземцами. В 1635 г. в Печорский монастырь из Немецкого гостиного двора во Пскове приехали два торговых немца – Виллимко Исаков («любский немец») и Юрко Любчанин – и в гостях на обеде у печерского жильца Матвея Пахомова стали пить чаши (ковши) «про твое государево многолетное здравье». Присутствовавший тут немчин из Юрьева Ливонского Якубко Ануреинов «против государевой чаши не встал, и шляпы не снял, и чаши государевой не пил» (любопытные подробности о самой процедуре). В ответ на вопрос любчанина Юрия: «Для чего де ты с нами про государево многолетное здравие чаши не пьешь?» – юрвец ответил, что «им, свеичам, против твоего государева имени не вставать для того, что им, свеи-

чам, вчинати с тобою, государем, война»³⁰. Донос вызвал несомненное беспокойство и был передан на расследование в Посольский приказ.

Таким образом, сведения Мартина Груневега о способе величания главы государства подтверждаются и русскими источниками, правда, более позднего времени, отстоящими от времени составления «Записок» Груневега не менее чем на четверть века. Видимо, эту устойчивую традицию не смогли смести даже бури Смутного времени. К этому можно добавить немного. Предел мечтаний россиянина – стать самому царем. Один из рассказов доносчика предшествует сюжету гениальной пушкинской «Сказки о золотой рыбке». Только место действия – не берег моря, а город Ефрем, и другой исход. И точно указан год – 1648-й. Молодице – сожительнице пушкаря С.Л. Карпачева – Агапейце пригрезился мученик Никита, который пообещал, что если пушкарь переставит избу, да еще пристроит сени, то в них будет сидеть молодлица, а сам пушкарь окажется «на царстве». Рекомендацию мученика Никиты Карпачев старательно исполнил. «Не верь в сон», – гласил царский указ, предписавший «бить того мужика батоги»³¹.

Порой не нужно было и сна, чтобы мечтать о своем светлом будущем. Попавший в калужскую тюрьму крестьянин кн. Б.М. Лыкова наяву утверждал: «Буду над вами, мужики, царь» или «царик»³². Смутное время, продемонстрировавшее легкость превращения давно усопших и еще живых претендентов на престол в активно действовавших царей, породило долго жившие иллюзии о доступности этого престола.

Русские материалы показывают, что способ величания государя, описанный Груневегом, был распространен не только среди верхов, но и среди низов русского общества – крестьян и посадских людей. В нем очень отчетливо выразились тенденции процаристской идеологии, которая так прочно господствовала в менталитете россиян в XVII в. и до сих пор дает себя знать. Некоторые попытки сохранения собственного достоинства, принимавшие иногда комически уродливые формы³³, подавлялись жестоко. Об этом Груневег не написал, но это со всей очевидностью вытекает из подтверждающих его сообщения русских данных. Почти каждый из обвиненных в оскорблении личности государя тем или иным способом поплатился за это – тюремным заключением или телесными наказаниями. Величание государя имело обратную сторону – унижение личности его подданных, вернее, тогда еще не подданных, а «холопов».

Примечания

¹ Соколова Л.В. 1989. С. 508–511.

² Снегирев И. 1848. № 45. С. 353.

³ Их разделение предложено К. Никольским (*Никольский К.* 1885. С. 237–238). Обзор литературы по этой теме см.: Соколова Л.В. 1989. С. 508–510.

⁴ Голубцов А. 1907. С. 146; Котошихин Г. 1906. С. 18.

⁵ Новомбергский Н. 1911. № 142. С. 234. 15.05.1650.

⁶ Там же. № 1, 34, 37, 97. С. 1, 43, 45, 161. 29.08.1627.

⁷ Там же. № 15, 33, 54. С. 13, 42, 68. 1625, 1627 и 1631 гг.

⁸ ДР. 2. 1851. Стб. 358–359.

⁹ Там же. № 37, 46. С. 45, 54–55. Впрочем, дополнение прилагательного «святейший» по отношению к патриарху вызывало возражения.

¹⁰ *Новомбергский Н.* 1911. № 217. С. 378–383.

¹¹ Там же. № 165. С. 294.

¹² *Голубцов А.* 1907. С. 146.

¹³ *Новомбергский Н.* 1911. № 163. С. 291–293.

¹⁴ Там же. № 56. С. 71.

¹⁵ Там же. № 115. С. 187.

¹⁶ Там же. № 39. С. 46.

¹⁷ Там же. № 143. С. 234, 24.03.1650.

¹⁸ Там же. № 156. С. 262.

¹⁹ Там же. № 73. С. 131.

²⁰ Там же. № 43. С. 49.

²¹ Там же. № 272. С. 508–515. 1644 г.

²² Там же. № 241. С. 439–443. 20.05.1636.

²³ Там же. № 10. С. 10.

²⁴ Там же. № 236. С. 428.

²⁵ Там же. № 34. С. 43.

²⁶ Там же. № 56. С. 71.

²⁷ Там же. № 33. С. 42.

²⁸ Там же. № 192. С. 339.

²⁹ Там же. № 142. С. 233.

³⁰ Там же. № 225. С. 401–402.

³¹ Там же. № 135. С. 224.

³² Там же. № 52. С. 63–66.

³³ Так, сын боярский А.С. Шепелев в январе 1646 г. спьяну, задрав ногу на стол, объявил: «У меня де нога лучше государя царя и великого князя Алексея Михайловича всея Руси» (Там же. № 79. С. 137). А дьячок церкви Афанасия и Кирилла, признавая, что «государь де царь Бог земной», делал слабый намек на его равенство со своими подданными: «А Афанасию и Кириллу молится» (Там же. № 299. С. 553. 12.IV. 1649).

Заключение

СРЕДНЕВЕКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ В УСЛОВИЯХ НОВОГО ВРЕМЕНИ

Подводя итоги рассмотрения случайных упоминаний о «Московии» в «Записках» Груневега, стоит указать их значение для изучения России. Начнем с внешней политики и последнего этапа Ливонской войны (если придерживаться традиционной трактовки войн Российского царства и Великого княжества Литовского и Речи Посполитой в XVI в.). Обычно изучение побед Ивана Грозного на ливонском фронте в 70-е гг. XVI в. не сопровождается анализом международного и внутривосточного положения Речи Посполитой¹. «Записки» Груневега, напротив, ясно дают понять, насколько высок был накал внутривосточной борьбы после коронования двух королей. Война Стефана Батория с Гданьском отвлекла значительное число войск на северо-запад, что и создавало временные предпосылки для временных побед царя². Эти успехи завершились тотчас по окончании гданьско-баториевой войны в июне 1577 г., и королевские войска согласно решению ландтага сразу были отозваны на войну с «московитами» (1, 517). Гданьские представители сообщали, что снова вооружаются против «московитов» и, где только можно, собирают деньги (Там же).

Образ России, который всплывал в памяти Груневега и запечатлелся в отдельных ремарках и замечаниях, в целом оказался соответствующим тому, что он изложил в той части, которая непосредственно посвящена была описанию московской поездки. Слова матери – наиболее точная формулировка: «Не дай Бог, чтобы мой сын служил врагу христианства» (1, 544).

Груневег оставил без комментариев и исправления свою запись, возможно, сделанную до поездки в Москву: «Я слышал, что среди язычников нет никого грязнее татар, а среди христиан – московитов» (2, 716), хотя и описал подробно русскую баню.

О быте и нравах России лучше всего говорит его аттестация учителя польского языка: «Скжетуский согрел себя брантвейном, который он пил целый день по московитскому образцу (*nach der Mosskewitter weyse*)» (1, 401).

Однако в жизни самого Мартина московская поездка заняла совершенно особое место. Он чувствовал себя в Москве комфортно, его не мучали никакие видения, пророческие или полупророческие, «меня знали все, и я знал всех», его уважали и ценили не только собратья по торговому делу, но и русские, в том числе знатные. Ему нравилась московская еда, не раздражали религиоз-

ные обряды. Здесь он совершил героический поступок благородного и честного человека – рискуя собственной жизнью, спас московского дворцового иконника от неминуемой гибели. Здесь он намеревался остаться на всю жизнь, связав свою жизнь с юной Анастасией, о разрыве с которой сожалел даже спустя два года: «О, мой Бог, с нами, дурацкими людьми, как я забыл уже мою московскую невесту», – восклицал он, вспоминая свое единственное серьезное увлечение, не приведшее к браку лишь из-за жестокости верховной власти России и существовавших для ее охраны законов...

А теперь еще раз о самом авторе. Ему не повезло, как и нам, и пришлось жить в эпоху перемен и смуты. Детские впечатления об устойчивом мире быстро разрушились в вихре религиозных и, отчасти, политических бурь. Нервный и впечатлительный, панически боявшийся реальной жизни, в которую попал по семейной традиции, он не сумел выдержать ее напряжения и пытался укрыться в спасительной тиши монастыря, но и в монастыре не нашел упокоения. Конфликт среди доминиканцев, с одной стороны, и, с другой – конфликт с православным населением Львова, достигший апогея как раз при его субприорстве, в 1596 г., когда доминиканцы не только потребовали, но и добились от городского магистрата запрещения звонить в Успенской церкви во время службы у доминиканцев (что хорошо известно всем исследователям истории Львовского Успенского братства), наконец, постоянный внутренний конфликт унаследованной от родителей трезвости мысли и дела с все возраставшим мистицизмом – все это безжалостно разрушало его психику. Тем более что мир монаха с конца XVI в. становился, как ни странно, говоря современным языком, все более и более политизированным. Он усваивал не только внешние формы сарматизма, но и обнаруживал некоторые политические пристрастия, которых трудно было ожидать не только от монаха, но и от простого гданьского бюргера. Средневековый бюргер и монах превратился в поклонника Стефана Батория, человека, по его мнению, «рыцарственного, мудрого, ученого, очень хорошо говорившего на латыни и знавшего другие языки» (3, 1120), а также в почитателя канцлера Яна Замойского, получившего гордое наименование «Отца Отечества» (3, 1468).

Однако смутные времена не для слабых душ, живущих в мире и мифах Средневековья... И последний удар реальной жизни в 1606 г. довершил слом психики бюргера, не справившегося с собственными противоречивыми устремлениями – желанием быть хозяином в жизни и рабом Божиим одновременно...

Примечания

¹ Новодворский В.В. 1904.

¹ Флоря Б.Н. 1981.

Список сокращений и литературы

Учреждения

РГБ – Российская государственная библиотека
РГАДА – Российский государственный архив древних актов
РНБ – Российская национальная библиотека

Серийные и периодические издания

АЕ – Археографический ежегодник за... год
АЗР – Акты, относящиеся к Западной России
АЮБ – Акты, относящиеся до юридического быта Древней России. Т. I–III
ВВ – Византийский временник
ВИ – Вопросы истории
ЗНТШ – Записки Наукового товариства ім. Шевченка
ЗОРСА – Записки отделения русской и славянской археологии. СПб., 1851–1887
ИА – Исторический архив
КСИА – Краткие сообщения Института археологии
МИА СССР – Материалы и исследования по археологии СССР
НЛ 1, 2 – Новгородские летописи. СПб., 1879 (Новгородские летописи. Кн. 1, 2 / Подг. А.И. Цепков. Рязань, 2007)
ОИ – Отечественная история
ОРК – Очерки русской культуры. М., 1969–1990
ПРП – Памятники русского права / Сост. А.А. Зимин
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
РАА НМИ – Реставрация и архитектурная археология. Новые материалы и исследования
РД – Русский дипломатарий
РИБ – Русская историческая библиотека
Сб. РИО – Сборник имп. Русского исторического общества
ЧОИДР – Чтения Общества истории и древностей российских
CMRS – Cahiers du monde russe et soviétique

Словари и справочные издания

Даль В.И. 1955 – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955.
Т. I–IV

- Миллер В.К. 1985 – Миллер В.К. Англо-русский словарь. М., 1985
 СлРЯ XI–XVII вв. – Словарь русского языка XI–XVII вв.
 Срезневский И.И. 1955 – Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. М., 1955. Т. I–III
 Фасмер М. I–IV – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. Т. I–IV. М., 1964–1973
 Mekelein W. 1955 – Mekelein W. Ortsumbenennungen und Neugründungen in europäischen Teil der Sowjetunion. Berlin, 1955
 OED 1989 – The Oxford English Dictionary / Prep. by J.A. Simpson, E.S.C.Weiner. Oxford, 1989. Vol. XVI
 Pfeifer W. u.a. 1989 – Pfeifer W. u.a. Etymologisches Wörterbuch des Deutschen. Berlin, 1989
 PSB – Polski słownik biograficzny
 SG – Słownik geograficzny Królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich // Podg. B. Chlebowski. Warszawa, 1880–1902. Т. 1–14
 Vasmer, Brauer – Vasmer M. Russisches geographisches Namenbuch / Hrsg. von H. Brauer. Wiesbaden, 1964. Bd. 1; 1966. Bd. 3; 1969. Bd. 4; 1970. Bd. 5; 1977. Bd. 8; 1981. Bd. 10
 Vasmer M. – Vasmer M. Wörterbuch der russischen Gewässernamen. Berlin–Wiesbaden, 1963. Bd. 1, 2; 1965. Bd. 3; 1968. Bd. 4; 1969. Bd. 5; 1975. Bd. 6

Публикация памятника

- Bues A. 2008, 1–4 – Bues A. (Hg.). Die Aufzeichnungen des Dominikaners Martin Gruneweg (1562 – ca.1618) über seine Familie in Danzig, seine Handelsreisen in Osteuropa und sein Klosterleben in Polen Deutsches Historisches Institut Warschau. Quellen und Darstellungen. Wiesbaden, 2008. Bd. 19. Th. 1–4
 Рец.: Benz St. Zwischen Danzig, Konstantinopel, Lemberg und Rom. Die von Almut Bues edierten Aufzeichnungen des Kauffrausohns und Dominikanermönchs Martin Gruneweg // Historische Zeitschrift. 2010. Bd. 290. Hft 2

Литература о Мартине Груневеге (с переводами фрагментов его «Записок»)

- Исаевич Я. 1980 – Исаевич Я. Найдавнішній історичний опис Львова // Жовтень. 1980. № 10. С. 105–114
 Исаевич Я. 1981 – Исаевич Я. Мартин Груневег і його опис Києва // Всесвіт. 1981. № 5. С. 204–211
 Исаевич Я. 1982 – Исаевич Я. Нове джерело про історичну топографію та архітектурні пам'ятки стародавнього Києва // Київська Русь. Культура, традиції / Под ред. Ф. Софоновича. Київ, 1982
 Исаевич Я. 1996а – Исаевич Я. Нове джерело про історичну топографію та архітектурні пам'ятки Києва // Україна давня і нова. Народ, релігія, культура / Под ред. Я.Д. Исаевича. Львів, 1996

* Поскольку заголовок издания составлен вопреки всем библиографическим правилам и на первое место вынесено имя издательницы, действительно проделавшей огромную работу, плоды которой собраны в т. 4, считаем необходимым исправить ошибку и привести заголовок в соответствие не только с правилами, но и элементарной этикой: Martin Gruneweg (1562 – ca. 1618). Die Aufzeichnungen des Dominikaners über seine Familie in Danzig, seine Handelsreisen in Osteuropa und sein Klosterleben in Polen / Hg. von A. Bues.

- Исаевич Я. 1996б – Исаевич Я. Найдавнішній історичний опис Львова // Там же
- Исаевич Я. 1996в – Исаевич Я. Мандри Мартина Груневега – маловідомий німецький опис України на переломі XVI–XVII ст. // Німецькі колонії в Галичині: історія-архітектура-культура. Deutsche Siedlungen in Ostgalizien. Geschichte, Architektur, Kultur. Львів, 1996. С. 33–42
- Исаевич Я. 1996г – Исаевич Я. Як виникло місто під назвою Львів // Львів. Історичні нариси / Під ред. В. Александровича. Львів, 1996
- Йонов М.П. 1973 – Йонов М.П. Пътеписът на Мартин Груневег като исторически извор за българските земи (1582) // Годишник на Софийския университет Исторически факултет. 1973–1974. Т. 67. С. 103–165
- Йонов М.П. 1979 – Йонов М.П. Немски и австрийски льтописи за Балканите XV–XVI в. // Чужди льтописи за Балканите. София, 1979. С. 384–418
- Хорошкевич А.Л. 1999а – Хорошкевич А.Л. Мартин Груневег о русской денежной системе (1585 г.) // VII Всерос. нумизм. конф. / Под ред. А.С. Мельниковой. М., 1999
- Хорошкевич А.Л. 1999б – Хорошкевич А.Л. Иноземное население по запискам Груневега 1585 года // Экономика, управление, демография городов Европейской России XV–XVIII вв. / Под ред. И.Г. Серегиной, Н.В. Середы. Тверь, 1999
- Хорошкевич А.Л. 2000а – Хорошкевич А.Л. План Москвы и памятники московского церковного зодчества в «Записках» Мартина Груневега // Русское искусство позднего средневековья XVI в. Тез. докл. междунар. конф. / Изд. А.Л. Баталов. СПб., 2000
- Хорошкевич А.Л. 2000б – Хорошкевич А.Л. Борис Годунов и русский иконописец в «Записках» Мартина Груневега // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. Альманах. Вып. 3 / Под ред. М.А. Бойцова. М., 2000
- Хорошкевич А.Л. 2001а – Хорошкевич А.Л. Мартин Груневег о Москве 1585 г. // Россия и Германия / Изд. Б.М. Туполев. М., 2001
- Хорошкевич А.Л. 2002 – Хорошкевич А.Л. Образ России 1584–1585 гг. в «Записках» Мартина Груневега // Россия–Польша. Образы и стереотипы в литературе и культуре / Изд. В.А. Хорев. М., 2002
- Хорошкевич 2004 – Хорошкевич А.Л. Книга в России по «Запискам» Мартина Груневега 1585 года // 200 лет первому изданию «Слова о полку Игореве»: Материалы юбилейных чтений по истории и культуре Древней и Новой России 27–29 августа 2000 года. Ярославль–Рыбинск. Ярославль, 2001. С. 188–191
- Хорошкевич А.Л. 2005 – Хорошкевич А.Л. Мартин Груневег о границе и таможенных установлениях в России 1585 г. // Регионы и границы Украины в исторической ретроспективе / Под ред. Л.Е. Горизонтова. М., 2005
- Хорошкевич 2002 – Хорошкевич А.Л. В Москву через Киев и Чернигов // От Царьграда до Белого моря Сб. ст. по средневековому искусству в честь Э.С. Смирновой. М., 2007
- Хорошкевич А.Л. 2010 – Хорошкевич А.Л. Война и торговля Российского царства и Речи Посполитой в записках Мартина Груневега // Родина. 2010. № 7
- Хорошкевич А.Л. 2012 – Хорошкевич А.Л. Московский Троицкий собор в 1585 г. в записках Мартина Груневега (о Венцеслава) / Проблемы дипломатики, кодикологии и актовой археографии. Матер. XXIV Межд. конф. Москва, 2–3 февраля 2012 г. С. 521–529
- Berger A. 1994 – Berger A. Eine frühe Beschreibung der Selimiye Camii in Edirne // Istanbul Mitteilungen. 1994. Bd. 44. S. 393–396
- Berger A. 2005 – Berger A. Ein westlicher Besucher im orthodoxen Patriarchat von Konstantinopel im Jahr 1584 // Geschehenes und Geschriebenes. Chancen und Perspektiven in

der Gesellschaft des späten Byzanz und ihre sprachlichen Ausdrucksformen / Hg. von S. Kolditz, R. Müller. Leipzig, 2005.

- Bues A.* 2005 – *Bues A.* «Die umschnupften unsere wagen». Alltagskontakte des Handelsgesellen Martin Gruneweg im Spannungsfeld zwischen Orient und Okzident // Das Osmanische Reich und die Habsburgermonarchie. Akten des internationalen Kongresses zum 150-jährigen Bestehen des Instituts für Österreichische Geschichtsforschung. Wien, 22–25. September 2004 / Hg. von M. Scheutz, M. Kurz, K. Vocelka und T. Winkelbauer. München, 2005
- Bues A.* 2006a – *Bues A.* Die Italienreise des Dominikaners Martin Gruneweg im Jahre 1602 // Quellen und Forschungen aus italienischen Archiven und Bibliotheken. Bd. 86. S. 321–347
- Bues A.* 2006b – *Bues A.* Ein zeitgenössischer Bericht über die Krönungsfeierlichkeiten König Sigismunds III. am 27. und 28. Dezember 1587 im Krakau // Barock. Sondernummer. S. 241–246
- Bues A.* 2007 – *Bues A.* Warszawa z lat 1579–1582 w zapiskach gdańszczanina Martina Grunewega // Rocznik Warszawski 35. S. 151–173
- Bues A.* 2009a – *Bues A.* «Fugit tempus». Weltliches und geistliches Zeitempfinden zu Ende des XVI. Jahrhunderts // Martin Gruneweg. 2009. S. 37–58
- Bues A.* 2009b – *Bues A.* Ein Bruderzwist im Hause des Dominicus // Martin Gruneweg. 2009. S. 281–300
- Bogucka M.* 1999 – *Bogucka M.* Magiczny świat Marcina Grunewega. Przyczynek do mentalności mieszkańców Gdańska w XVI–XVII wieku // Pomorze-Brandenburgia-Prusy. Państwo i społeczeństwo, Festschrift Bogdan Wachowiak / Red. W. Stępiński i inne. Szczecin, 1999
- Bogucka M.* 2002 – *Bogucka M.* Marcin Gruneweg's Magic World. Remarks on the Early Modern Mentality // Acta Poloniae Historica. 2002. № 86
- Bogucka M.* 2003 – *Bogucka M.* Time Perception in Gdańsk/Danzig on the Threshold of the Early Modern Era // Acta Poloniae Historica. 2003. № 88
- Gaunt D.* 2009 – *Gaunt D.* Gruneweg's Multicultural World // Martin Gruneweg. 2009
- Hirsch Th.* 1870 – *Hirsch Th.* Jakob Lubbe's Familienchronik // Scriptores rerum Prussicarum. Die Geschichtsquellen der Preussischen Vorzeit bis zum Untergange der Ordensherrschaft. Leipzig, 1870. Bd. 4
- Kaczor D.* 2003 – *Kaczor D.* Orbis Gedanense. Wizja Gdańska w kronice dominikanina Martina Grunewega (XVI w.) // Dominikanie. Gdańsk–Polska–Europa. Materiały z konferencji międzynarodowej% Gdańskie i europejskie dziedzictwo. Zakon dominikanów w dziejach Gdańska (9–10 maja 2002) / Wyd. D.A. Dekański i inn. Gdańsk, 2003
- Markowski F.* 1969 – *Markowski F.* Gotycki klasztor dominikański we Lwowie w świetle gdańskiego rękopisu z XVI wieku // Kwartalnik architektury i urbanistiki. 1969. № 14
- Martin Gruneweg 2009* – *Martin Gruneweg (1562 – nach 1615).* Ein europäischer Lebensweg. Martin Gruneweg (1562 – after 1615). A European Way of Life / Ed. by A. Bues. Wiesbaden, 2009
- Müller R.C.* 2005 – *Müller R.C.* Franken in Osten. Art, Umgang, Struktur und Dynamik der Migration aus dem lateinischen Westen in das Osmanische Reich des 15./16. Jahrhunderts auf der Grundlage von Reiseberichten. Leipzig, 2005
- Müller R.C.* 2006 – *Müller R.C.* Prosopographie der Reisenden und Migranten ins Osmanische Reich (1396–1611). Berichterstatter aus dem Heiligen Reich, außer burgundische Gebiete und Reichsromania. Leipzig, 2006. Bd. 3
- Oliński P.* 2004 – *Oliński P.* Der Dominikaner Mönch Wenzel (Martin Gruneweg) im Spiegel seiner Memoiren // Kommunikation mit dem Ich. Signaturen der Selbstzeugnisfor-

- schung an europäischen Beispielen des 12. bis 16. Jahrhunderts / Hg. von H.D. Heilmann, P. Monnet. Bochum, 2004
- Riecke J. 2009 – Riecke J. Grunewegs Deutsch und das Deutsch seiner Zeit // Martin Gruneweg. 2009
- Rühle S. 1924 – Rühle S. Jakob Lubbe, ein danziger Bürger des 15. Jahrhunderts // Mitteilungen des Westpreussischen Geschichtsvereins. 1924. Bd. 23
- Swentochowski R. – Swentochowski R. Na marginesie artykułu F. Markowskiego «Gotycki klasztor dominikański we Lwowie w świetle gdańskiego rękopisu z XVI wieku» // Kwartalnik architektury i urbanistiki. 1969. № 14
- Walczak R. 1960 – Walczak R. Pamiętniki Marcina Grunewega // Studia źródłoznawcze. Warszawa-Poznań, 1960. T. V
- Poppe A. 1984 – Poppe A. Eine verkannte, unedierte Quelle zur osteuropäischen Geschichte: Martin Grunewegs Geschäftsreise nach Moskau in den Jahren 1584–1585 (рукопись)

Дополнительные источники*

- ААЭ – Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией. СПб., 1836. Т. I
- АИ – Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1841. Т. I
- Акты Тургенева – Акты исторические, относящиеся к России / Под ред. А.И. Тургенева. Т. 2. СПб., 1842
- АМГ – Акты Московского государства. Т. I. Разрядный приказ. Московский стол. 1571–1634 гг. СПб., 1890
- АСД – Археографический сборник документов. Вильно, 1867. Т. III
- АСЭИ – Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси XIV–XV вв. М., 1964. Т. III
- АЮБ – Акты, относящиеся до юридического быта Древней России. Т. I. СПб., 1857
- АЮЗР – Акты, относящиеся к истории Юго-Западной Руси, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1863. Т. I; СПб., 1865. Т. II
- АЮшк 1898 – Акты XIII–XVIII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества / Собр. и изд. А. Юшков. М., 1898
- Альшиц Д.Н. 1949 – Альшиц Д.Н. Новый документ о людях и приказах Опричного двorca // Исторический архив. М.–Л., 1949. Т. IV
- Английские путешественники 1938 – Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. // Пер. Ю.В. Готье; вступ. ст. Г.А. Новицкого. М.: Соцэгиз, 1938
- Антилогов Г.Н. 1967 – Антилогов Г.Н. Новые документы о России конца XVI – начала XVII в. М., 1967
- Барбаро и Контарини 1971 – Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. / Вступ. ст., пер., коммент. Е.Ч. Скржинской. Л., 1971
- Бершадский С.А. 1882 – Бершадский С.А. Русско-еврейский архив. СПб., 1882. Т. 1
- Боплан 2004 – Боплан Г. Левассер, де. Описание Украины. М., 2004
- Боровск 1888 – Боровск. Материалы для истории города XVII и XVIII вв. М., 1888

* Звездочкой отмечены источники, которые оказались недоступны составителю и цитированы по А. Бус.

- Буссов К. 1961 – Буссов К. Московская хроника. 1584–1613 / Сост. А. И. Копанев. и др. М.–Л., 1961
- Верещинский И. 1894 – Верещинский И. Способ заселения Нового Киева и обороны бывшей столицы Киевского княжества от всяких опасностей // Киевская старина. 1894. Т. 44
- Вертков К.А. 1972 – Вертков К.А. Типы русских гуслей // Славянский музыкальный фольклор. М., 1972
- Вертков К.А. 1975 – Вертков К.А. Русские народные музыкальные инструменты. Л., 1975
- Веселовский С.Б. 1912 – Веселовский С.Б. Приходно-расходные книги Московских приказов. М., 1912. Кн. 1
- Викторов А. 1877 – Виктор А. Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов 1584–1725 г. М., 1877. Вып. 1
- Вольтер Ф.-М. 1931 – Письма Амабеда // Вольтер. Мемуары и диалоги. М.–Л., 1931
- Воскобойникова Н.П. 1994 – Воскобойникова Н.П. Описание древнейших документов архивов московских приказов XVI – нач. XVII вв.: РГАДА. Ф. 141. Приказные дела старых лет. М., 1994
- Галл Аноним 1961 – Галл Аноним. Хроника и деяния князей или правителей польских / Пер. Л.М. Поповой. М., 1971
- Герберштейн 2008 – Герберштейн С. Записки о Московии / Пер. А.И. Малеина, А.В. Назаренко. М., 2008. Т. 1–2
- Горсей Дж. 1990 – Горсей Дж. Записки о России. XVI – начало XVII в. / Пер., коммент. и вступ. ст. А.С. Севастьяновой. М., 1990
- Гринів Э.А. 1988 – Боротьба Південно-Західної Русі і України Боротьба Південно-Західної Русі і України проти експансії Ватикану та унії (X – початок XVII ст.) Збірник документів і матеріалів // Ред. Э.А. Гринів. Київ, 1988
- ДДГ 1952 – Духовные и договорные великих и удельных князей XIV–XVI веков / Сост. Л.В. Черепнин. М.–Л., 1952
- Дзира Яр. 2004 – Дзира Яр. Найдавніший реєстр українського козацтва 1581 рока // Україна-козацька держава. Київ, 2004
- ДЛВ 1998 – Документы Ливонской войны (подлинное делопроизводство приказов и воевод) 1571–1580 гг. / Сост. И. Граля, Н.Ф. Демидова, Б.Н. Флоря, Ю.М. Эскин. М.–Варшава, 1998
- ДАИ Т. I. – Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. I. СПб., 1912
- ДР, 2 1851 – Дворцовые разряды. СПб., 1851. Т. 2
- ЕЛ 2001 – Есиповская летопись / Подг. Е.К. Ромодановская и О.Д. Журавель // Литературные памятники Тобольского архиерейского дома XVII в. Новосибирск, 2001
- Ермолаев С. 1992 – Боровский уезд в XVII в. / Подг. С. Ермолаев. М., 1992
- Ерусалимский К.Ю. 2010 – Ерусалимский К.Ю. Сборник Курбского. М., 2010. Т. II
- Забелин И.Е. 1882 – Забелин И.Е. Дополнения к дворцовым разрядам. М., 1882. Ч. I
- Забелин И.Е. 1884 – Материалы по истории, археологии и статистике города Москвы / Собранные и изданные И. Забелиным. М., 1884. Ч. 2
- Закревский Н.В. 1868 – Закревский Н.В. Описание Киева. М., 1868. Т. 1, 2
- Западноевропейские купцы. 1992 – Западноевропейские купцы и их товары в России XVII в. / Сост. А.В. Демкин. М., 1992
- Зверинский В.В. 1892 – Зверинский В.В. Материалы для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. СПб., 1892. Т. II
- Источники 1991 – Источники по истории русского языка XI–XVII вв. М., 1991
- Каталог документів 1982 – Каталог документів з історії Києва XV–XVI ст. / Упор. Г.В. Боряк, Н.М. Яковенко. Київ, 1982

- Кобенцель И. 1576 – *Вержбовский Ф.* Донесения Иоанна Кобенцеля о Московии от 1576 года. Варшава, 1901
- Ковальский Н.П., Боряк Г.В.* 1996 – Методические материалы по изучению Литовской метрики / Подг. Н.П. Ковальский и Г.В. Боряк. Днепропетровск, 1996
- Ковальский Н.П., Виноградов Г.* 1986 – *Ковальский Н.П., Виноградов Г.* Методические рекомендации по подготовке к спецсеминару по источниковедению истории Украины XVI–XVII веков (Цеховые уставы городов Украины). Днепропетровск, 1986
- Корб И.Г.* 1906 – *Корб И.Г.* Дневник путешествия в Московию (1698 и 1699 гг.) / Пер. А.И. Малеина. СПб., 1906
- Косов С.* 2007 – *Косов С.* Патерикон / Упор. Ю. Мицик. Київ, 2007
- Котков С.И.* 1990 – Памятники южновеликорусского наречия (конец XVI – начало XVII в.) / Под ред. С.И. Коткова. М., 1990
- КПМ ВКЛ 1843 – Книга посольская Метрики Великого княжества Литовского / Подг. М.А. Оболенский. Т. 1. М., 1843
- Котошихин* 1906 – *Котошихин Г.* О России в царствование Алексея Михайловича. 4-е изд. СПб., 1906
- Кудрявцев О.Ф.* 1997 – *Кудрявцев О.Ф.* Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы. М., 1997
- Леонид* 1883 – *Леонид.* Евангелие, напечатанное в Москве в 1564–1568. СПб., 1883
- Лясота Э.* 1873 – Путевые заметки Эриха Лясоты, отправленного римским императором Рудольфом II к запорожским казакам в 1594 г. / Пер. и коммент. Ф. Бруно. СПб., 1873
- Лясота Э.* 1984 – *Лясота Э.* Щоденник / Публ. підг. Г. Сварник, І. Сварник // Жовтень. 1984. № 10
- Маржерет* 2007 – Состояние Российской империи Ж. Маржерета в документах и исследованиях (тексты, комментарии, статьи) / Под ред. А.Н. Береловича, В.Д. Назарова, чл.-корр. РАН П.Ю. Уварова. М., 2007
- Материалы для статистики 1839 – Материалы для статистики Российской империи. СПб., 1839
- МВКЛ-70 – Метрыка Вялікага княства Літоўскага. Кніга 70 (1582–1585) / Падрыхт. А.А. Мяцельскі. Мінск, 2008
- Миняя праздничная 1870 – Миняя праздничная, содержащая службы Господним и Богородичным праздникам и святым избранным. М., 1970
- Михалон Литвин* 1994 – *Михалон Литвин.* О нравах татар, литовцев и москвитян / Пер. В.И. Матузовой. М., 1994
- Мицик Ю.* 2002 – *Мицик Ю.* Регести документів «Татарського відділу» архіву Коронного в Варшаві (кінець XVI – XVII ст.) // Україна в Центрально-Східній Європі (з найдавніших часів до XVIII ст.). Київ, 2002
- Московская губерния 1889 – Московская губерния и ее святыни (история, археология и статистика) / Сост. И.[Ф] Токмаков. // Сборник материалов для VIII археологического съезда в Москве. М., 1889
- Московская письменность 1968 – Московская деловая и бытовая письменность XVII в. / Изд. подг. С.И. Котков, А.С. Орешников, И.С. Филиппова. М., 1968. Т. I–II
- Олеарий А.* 1906 – *Олеарий Адам.* Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно / Пер. А.М. Ловягина. СПб., 1906
- Опись имущества 1851 – Опись имущества царя и великого князя Ивана IV // Временник МОИДР. Кн. 10. М., 1851
- Павел Алеппский* 1896 – Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII в., описанное его сыном архидиаконом Павлом Алеппским. М., 1896. Вып. 3

- Пернштейн И.* 1876 – Донесение о Московии Иоанна Пернштейна, посла императора Максимилиана при московском дворе в 1575 году / Пер. М.Д. Бутурлина // ЧОИДР. 1876. Кн. II
- ПДТСР с Персией. Т. 1 – Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. СПб., 1890. Т. 1
- ПККУ 1602-1603 – Писцовая книга Казанского уезда 1602-1603 годов. Казань, 1978. Кн. 1
- ПКДСР с Италией. Т. 1. Вып. 1 – Памятники культурных и дипломатических сношений России с Италией Л., 1925. Т. 1. Вып. 1
- ПЛ, 2 – Псковские летописи / Подг. А.Н. Насонов. М., 1955
- Полежаев Б.* 1796 – *Полежаев Б.* Историческое и топографическое описание первопрестольного града Москвы с приобщением генерального и частного ее планов. М., 1796
- Поссевино А.* 1983 – *Поссевино Антонио.* Исторические сочинения о России XVI в. М., 1983
- Прывілеі нацiональных громал – Прывілеі нацiональных громал Львова (XIV–XVIII ст.) / Підг. М. Капраль. Львів, 2000
- ПСМ 2002 – Парижский словарь москвитов // *Ларин Б.А.* Три иностранных источника по разговорной речи Московской Руси XVI–XVII вв. СПб., 2002
- РБС 1963 – Русско-белорусские связи (1570-1664 гг.). Минск, 1963
- РГМ XVI в. Т. 1 – Россия и греческий мир в XVI в. Т. 1 / Отв. ред. С.М. Каштанов. М., 2004
- Рейтенфельс Я.* 1680 – *Рейтенфельс Я.* Сказание светлейшему герцогу Тосканскому Козьме Третьему о Московии. Падуя, 1680 / Пер. с лат. А.И. Станкевича // ЧОИДР. 1905. Кн. 3
- РК 1475-1598 – Разрядные книги 1475-1598 гг. / Отв. ред. В. И. Буганов. М., 1966
- Россия и Италия 1902 – Россия и Италия. Сборник исторических материалов. СПб., 1902. Т. II
- Рубан М.* 1777 – *Рубан М.* Землеописание Малья России. СПб., 1777
- Рудольф М.Ф.* 1848 – *Рудольф М.Ф.* Москва с топографическим описанием всей ее местности. М., 1848
- Русская Торговая книга 1851 – Русская Торговая книга // ЗОРСА. СПб., 1851. Т. 1. Разд. III
- РШЭО 1960 – Русско-шведские экономические отношения. М.–Л., 1960. № 213
- Савваитов П.* 1866 – *Савваитов П.* Строгановские вклады в Сольвычегодский Благовещенский собор по надписям на них. С приложением соборной описи 1579 г. СПб., 1886
- Сборник материалов 1874 – Сборник материалов для исторической географии Киева и его окрестностей. Киев, 1874. Т. 1-2
- Сборник материалов 1889 – Сборник материалов для VIII археологического съезда в Москве. М., 1889
- Сервантес С.* 1935 – *Сервантес С. Мигель, де.* Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский / Пер. под ред. Б.А. Кржеского и А.А. Смирнова. М.: Academia, 1935. Т. 1
- Смирнов С.* 1913 – *Смирнов С.* Древнерусский духовник. Исследование по истории церковного быта. Материалы для истории древнерусской бокающей дисциплины. Тексты и заметки. М., 1913
- СНМ Калужской губернии 1914 – Список населенных мест Калужской губернии. Издание Калужского губернского статистического комитета / Ред. Ф.Ф. Кадобнов. 1914
- СНМ Московской губернии 1862 – Список населенных мест Московской губернии 1859 г. СПб., 1862
- СНМ Орловской губернии 1871 – Список населенных мест Орловской губернии. СПб., 1871

- СНМ Российской империи 1866 – Список населенных мест Российской империи. СПб., 1866. Т. 48
- СНМ Смоленской губернии 1859 – Списки населенных мест Смоленской губернии по сведениям 1859 г. СПб., 1859
- СНМ Черниговской губернии 1866 – Список населенных мест Черниговской губернии. СПб., 1866
- СРК 1578–1613 – Сношения России с Кавказом. Материалы, извлеченные из Московского главного архива Министерства иностранных дел Сергеем Ал. Белокуровым. Вып. 1. 1578–1613. М., 1889
- Стоглав 2000 – *Емченко Е.Б.* Стоглав. Исследование и текст. М., 2000
- Судебники XV–XVI вв. / Подг. Б.А. Романов. М.–Л., 1952
- Титмар Мерзебургский* 2005 – *Титмар Мерзебургский*. Хроника / Пер. И.В. Дьяконова. М., 2005
- Троянские сказания 1972 – Троянские сказания (О Троянской войне по русским рукописям XVI–XVII веков) / Подг. текста О.В. Творогова, комм. М.Н. Ботвинника и О.В. Творогова М.–Л., 1972
- Ульфельдт Я.* 2002 – *Ульфельдт Я.* Путешествие в Россию. М., 2002
- УНСК XV–XVII 2006 – *Вавричин М., Дашкевич Я., Кришталович У.* Україна на стародавніх картах. Кінець XV – перша половина XVII ст. Київ, 2006
- Флетчер Дж.* 1906 – *Флетчер Дж.* О государстве Русском. СПб., 1906
- ХКЧМ 1585/86 г. – Хозяйственные книги Чудова монастыря 1585/86 г. / Подг. текста С.Н. Богатырева. М., 1996
- Шафонский А.Ф.* 1851 – *Шафонский А.Ф.* «Черниговского наместничества топографическое описание». СПб., 1851. Ч. 1–2
- Штаден Г.* 1925 – *Штаден Г.* О Москве Ивана Грозного: записки немца-опричника. М., 1925
- Штаден Г.* 2007, 2008 – *Штаден Г.* Записки о Московии. М., 2007–2008 Т. 1, 2
- A Chronicle of the Carmelites* 1939 – *A Chronicle of the Carmelites in Persia Papal Mission of the XVIIth and XVIIIth Centuries.* London, 1939
- Anshelmi A.* 1512 – *Anshelmi A.* Terrae Sanctae et urbis Hierusalem apertior descriptio // *Ptolomei Cosmographia.* Cracoviae, 1512*
- Bolognetti* 1923 – *Alberti Bolognetti nuntii apostolici in Polonia epistolae et acta 1582–85 / Ed. E. Kunze, Cracoviae, 1923**
- Bondi* 1510 – *Bondi Flavio.* Da Roma instaurata libri tres. Venetiis, 1510*
- Bonfini* 1543 – *Bonfini Antonio.* Rerum ungaricarum decades tres. Depel, 1543*
- Braun G.* 1572 – *Braun G.* Civitates orbis terrarum. Coloniae Agrippinae, 1572*
- Brodoch D.* 1587 – *Brodoch D.* Rechenbuch auff den Linien und Federn nach Preussisch Muentz, Mass und Gewichte. Gdansk, 1587*
- Declaratio vera* 1577 – *Declaratio vera quibus de causis ordinis civitatis Gedanensis cum Serenissimo Principe ac Domino Stephano Rege Poloniae...* Danzig, 1577*
- Die ältere Hochmeisterchronik 1866 – Die ältere Hochmeisterchronik // *Scriptores rerum Prussicarum / Hg. von M. Toeppen.* Leipzig, 1866. Bd. III
- Einn Russisch Buch 1997 – «Einn Russisch Buch» *Thomasa Schrouego.* Słownik i rozmowki rosyjsko-niemieckie z XVI wieku / Przyg. A. Falowski . Cz. II. Kraków, 1997
- Guagnini A.* 1600 – *Guagnini A.* Rerum Moscovitarum auctores varii. Francofurti, 1600
- Guthrie M.* 1795 – *Guthrie M.* Dissertationes sur les antiquites de Russie. Spb., 1795
- Korrespondenz 1976 – Korrespondenz St. Hoiusza, kardinala i biskupa warmińskiego. T. V // *Studia warmińskie.* T. 13 / Opr. ks. Alojzy Szorc. Olsztyn, 1976
- La Persia... 1973 – *La Persia e la repubblica di Venezia.* Tehran. 1973

- LM-8 – Lietuvos metrika Knyga № 8 (1499–1514) / Par. A. Baliulis, R. Firkovicius, D. Antanavicius. Vilnius, 1995
- LM-15 – Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 15 (1528–1538). Užrašymų, knyga 15 / Par. A. Dubonis. Vilnius, 2002
- Lubomlczyk Severin* 1594, 1595 – *Lubomlczyk Severin*. De vita, miraculis et actis canonizationis Sancti Hyacinthi Confessoris Ordinis Praedicatorum. Romae, 1594, Cracoviae 1595*
- Manutio P.* 1575 – *Manutio P.* Adagio quecunque adhanc diem exierunt atque industria doctissimorum Theologorum consilio atque ope, ab omnibus mendis vindicate, que pium et veritatis Catholicae studiosum lectorem potendere offendere... Florentiae, 1575*
- Möller A.* 1886 – *Möller A.* Danziger Frauentrachtbuch aus dem Jahre 1601. Danzig, 1886
- Pirawski T.* 1892 – *Pirawski T.* Relatio status Almae Archidiocesis Leopoldensis. Lwów, 1892
- Plezia M.* 1987 – Średniowieczne żywoty i cuda patronów Polski / Opr. M. Plezia. Warszawa, 1987
- Radziwill* 1601 – *Radziwill Mikolaj Krzysztof*. Ierosolymitana Peregrinatio. Braunsberg, 1601*
- Runaw Dionysios* 1582 – *Runaw Dionysios*. Historia und einfeltige Beschreibung des Landes zu Preussen. Wittenberg, 1582
- Schedel H.* 1493 – *Schedel H.* Liber chronicarum. Nurnberg, 1493
- Strykowski M.* 1846 – *Strykowski M.* Kronika Polska, Litewska, Żmódzka i wszystkiej Rusi, Warszawa, 1846. T. 1
- Tonnies Fenne I* – *Tonnies Fenne's* Low German Manual of Spoken Russian. Pskov, 1607. Vol. I (Facsimile copy: Copenhagen, 1961)

Литература

- Абеленцева О.А.* 2005 – *Абеленцева О.А.* Описи имущества Большого Тихвинского Богородицкого Успенского монастыря XVII в. // Очерки феодальной России. М.–СПб., 2005. Вып. 9
- Абецедарский Л.С.* 1957 – *Абецедарский Л.С.* Торговые связи Белоруссии с Русским государством (вторая половина XVI – первая половина XVII в. // Уч. зап. Белор. гос. ун-та им. В.И. Ленина. Минск, 1957. Вып. 36
- Агоштон М.* 2005 – *Агоштон М.* Великокняжеская печать 1497 г. К истории формирования русской государственной символики. М., 2005
- Александр, диакон* 1999 – *Александр (Мусин), диакон.* Археология древнерусского паломничества в Святую землю в XII–XIII веках // Богословские труды. Сб. 35: К 150-летию Русской Духовной миссии в Иерусалиме (1847–1997). М., 1999
- Александров А.А.* 1995 – *Александров А.А.* Культовые камни Псковской земли в балтийском контексте // *Dangaus ir zemes simboliai*. Vilnius, 1995
- Александрович В.* 1998 – *Александрович В.* Львівське середовище українських малярів у XVI столітті // Центральна і Східна Європа в XV–XVIII століттях: питання соціально-економічної та політичної історії. До 100-річчя від дні народження Професора Дмитра Похилевича. Львів, 1998
- Алкадари Г.-Э.* 1994 – *Алкадари Г.-Э.* Асари-Дагестан. Исторические сведения о Дагестане. Махачкала, 1994
- Амвросий* 1811 – *Амвросий*. История российской иерархии. М., 1811. Ч. III
- Антонов А.В.* 1997 – *Антонов А.В.* Перечни актов переславских, ярославских, костромских и галичских монастырей и церквей XIV – начала XVII в. // РД. М., 1997. Вып. 1
- Антонова В.И., Мнева Н.Е.* 1963 – *Антонова В.И., Мнева Н.Е.* Каталог древнерусской живописи ГТГ. М., 1963 Т. I–II

- Артамонов Ю.В. 2002 – Артамонов Ю.В. К истории строительства Успенского собора Киево-Печерской лавры // Велика Успенська церква Києво-Печерської Лаври: Слід у віках / Матеріали міжнародної наукової конференції 1-2 жовтня 2001 р. Київ, 2002
- Архипова Е.И. 2007 – Архипова Е.И. Архитектурный декор и монументальная пластика Киевской Руси. Конец X – первая четверть XII в. // ИРИ ИКР. 2007. Т. 1
- Атлас 1975 – Атлас музыкальных инструментов народов СССР. М., 1975
- Афанасьев В.И. 1974 – Афанасьев В.И. Литейное дело во Пскове в XVI в. // Социально-политическая история СССР. Сб. ст. аспирантов и соискателей. М.–Л., 1974
- Базилевич К.В. 1952 – Базилевич К.В. Москва – столица Русского централизованного государства (конец XV – начало XVI в.) // История Москвы. М., 1952. Т. I
- Байбурин А.К. 1979 – Байбурин А.К. Строительные жертвы // Проблемы славянской этнографии. Л., 1979
- Байбурин А.К. 1981 – Байбурин А.К. Семиотический статус вещей и мифология // Материальная культура и мифология. Сб. МАЭ. Л., 1981. Т. 37
- Бантыш-Каменский Н.Н. 1862 – Бантыш-Каменский Н.Н. Переписка между Россией и Польшею по 1700 г., составленная по дипломатическим бумагам. М., 1862. Ч. 2
- Бантыш-Каменский Н.Н. 1897 – Бантыш-Каменский Н.Н. Обзор внешних сношений России (по 1800). М., 1897. Ч. 3
- Банчик Н. 1992 – Банчик Н. Унія львівських вірменів з Ватиканом та «диспути» рабинів з ксьондзми: спроба порівняльного аналізу (на матеріалах відділу рукописів ЛНБАН України з XVII–XVIII ст.) // Історія релігій в Україні. Тезі повідомлень II круглого столу (Львів, 4–5 травня 1992 р.). Київ–Львів, 1992
- Банчик Н. 1993 – Банчик Н.Я. Пам'ятки рукописної культури вірмен у західноукраїнському регіоні (з фондів відділу рукописів ЛНБ ім. В.Стефаніка АН України) // Рукописна та книжкова спадщина України. Київ, 1993. Вип. 1
- Баранова С.И. 2006 – Баранова С.И. Москва изразцовая. М., 2006
- Барановский П. 1948 – Барановский П. Собор Пятницкого монастыря в Чернигове // Памятники искусства, разрушенные немецкими захватчиками в СССР. М.–Л., 1948
- Барсуков А.П. 1897 – Барсуков А.П. Воеводы Московского государства XVII в. СПб., 1897
- Бартенев С. 1916 – Бартенев С. Московский Кремль в старину и теперь. М., 1916. Кн. 1–2
- Бартольд В.В. 1966 – Бартольд В.В. Халиф и султан // Бартольд В.В. Полн. собр. соч. М., 1966. Т. VI
- Бартольд В.В. 1925 – Бартольд В.В. Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира. Баку, 1925
- Баталов Л.А. 1996 – Баталов Л.А. Московское каменное зодчество конца XVI века. Проблемы художественного мышления эпохи. М., 1996
- Бахрушин С.В. 1952 – Бахрушин С.В. Москва в период укрепления Русского централизованного государства XVI в. // История Москвы. М., 1952. Т. I
- Бевзо О.А. 1971 – Бевзо О.А. Львівський літопис I Острозький літописець // Джерелознавче дослідження. Київ, 1971
- Белов И. 1990 – Белов И. Русская история в народных поговорках и сказаниях // Русский архив. М., 1990. Вып. 1
- Белокуров С.А. 1906 – Белокуров С.А. О Посольском приказе. М., 1906
- Беляев И.С. 1912 – Беляев И.С. Ильинская улица в Китае городе и Покровская в Белом Каменном в 1671–1672 гг., с планом и описаниями // Старая Москва. М., 1912. Вып. 1
- Беляев И.С. 1974 – Беляев Л.А. Из истории зодчества древнего Чернигова (Церковь Архангела Михаила 1174 года) // Проблемы истории СССР. М., 1974. [Вып.] IV

- Беляев Л.А. 1992 – Беляев Л.А. Московские печные изразцы до начала XVIII в. // Коломенское. Материалы и исследования. М., 1992. Вып. 5
- Беляев Л.А. 1994 – Беляев Л.А. Древние монастыри Москвы по данным археологии. М., 1994 (2-е изд.: 1995)
- Беляев Л.А. 1991 – Беляев Л.А. Средневековый некрополь Коломенского // Коломенское. Материалы и исследования. М., 1991. Вып. 2
- Беркович Т.Л. 1981 – Беркович Т.Л. Формирование тематической группы «головные уборы» в русском языке XI–XX вв. Автореф. ... канд. фил. наук. М., 1981
- Бершадский С.А. 1882 – Бершадский С.А. Русско-еврейский архив. СПб., 1882. Т. 1
- Білоус Н. 2008 – Білоус Н. Київ наприкінці XV – у першій половині XVII століття. Миська влада I самоурядування. Київ, 2008
- Бломквист Е.Э. 1956 – Бломквист Е.Э. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов (Поселения, жилища и хозяйственные строения) // Восточнославянский этнографический сборник. Очерки народной материальной культуры русских, украинцев и белорусов в XIX – начале XX в. // Труды Ин-та этнографии АН СССР. [Нов. сер.] 1956. Т. XXXI
- Бобров А.Г. 2004 – Бобров А.Г. Древнерусская «моль» // ТОДРЛ. СПб., 2004. Т. LVI
- Богусевич В.А. 1934 – Богусевич В.А. Псковские литейщики XVI–XVII вв. // Проблемы истории докапиталистических обществ. Л., 1934. № 9–10
- Богусевич В.А. 1937 – Богусевич В.А. Литейный мастер Михаил Андреев // Новгородский исторический сборник. Л., 1937. Вып. II
- Бондаренко П. 1993 – Бондаренко П. Лев як український символ // Третя наукова геральдична конференція (Львів, 4–5 листопада 1993 року). Збірник тез повідолень та доповідей. Львіа, 1993
- Борисенков Е.П., Пасецкий В.М. 1983 – Борисенков Е.П., Пасецкий В.М. Экстремальные природные явления в русских летописях XI–XVII вв. М., 1983
- Бочаров Г.Н. 1969 – Бочаров Г.Н. Прикладное искусство Новгорода Великого. М., 1969
- Брайчевский М.Ю. 1964 – Брайчевский М.Ю. Когда и как возник Киев. Киев, 1964
- Брехуненко В.[А.] 2011 – Брехуненко В.[А.] Козаки на степовом кордоні Європи: Типологія козацьких спільнот XVI – першої половини XVII ст. Київ, 2011
- Бродель Ф. 2004 – Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. М., 2004. Ч. 3
- Брунов Н.И. 1988 – Брунов Н.И. Храм Василия Блаженного в Москве: Покровский собор. М., 1988
- Бушев П.П. 1976 – Бушев П.П. История посольств и дипломатических отношений Русского и Иранского государств в 1586–1612 гг. (по русским архивам). М., 1976
- Введенский Д. 1913 – Введенский Д. «Государев ангел» (по поводу 300-летия Романовых). М., 1913
- Векслер А.Г. 1992 – Векслер А.Г. О некоторых находках рельефных изразцов в Москве // Коломенское. Материалы и исследования. М., 1992. Вып. 5
- Вельтман А. 1843 – Вельтман А. Достопамятности Московского кремля. М., 1843
- Вельтман А. 1844 – Вельтман А. Московская Оружейная палата. М., 1844
- Вельтман А. 1848 – Вельтман А. О сохранении утварей царского чина или регалийво время бытности польских и литовских войск в Москве в 1610–1612 годах // ЧОИДР. 1848. Ч. III. № 5–7
- Верещанин Е.М. 2001 – Верещанин Е.М. Еще раз от этнической принадлежности славянских первоучителей Кирилла и Мефодия // Славяне и их соседи. XX конф. памяти В.Д. Королюка: «Становление славянского мира и Византия в эпоху раннего средневековья». Сб. тезисов. М., 2001

- Веселовский Н.И. 1911 – Веселовский Н.И. Татарское влияние на русский посольский церемониал в московский период русской истории // Отчет о состоянии и деятельности СПб ун-та. 1910. Секц. 10. СПб., 1911
- Веселовский С.Б. 1946 – Веселовский С.Б. Из истории древнерусского землевладения // ИЗ. 1946. № 18
- Викторов А. 1877 – Викторов А. Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов 1584–1725 гг. М., 1877. Вып. 1
- Викторов А. 1878 – Викторов А.Е. Не было ли в Москве опытов книгопечатания прежде печатного Апостола 1564 г.? // Труды III археологического съезда в России. Киев, 1878
- Виноградова Л.Н. 2004 – Виноградова Л.Н. Былички и поверья: границы фольклорного текста // Живая старина. 2004. № 2
- Волочкова О.К. 1992 – Волочкова О.К. Женские украшения псковичей // Археологи рассказывают о древнем Пскове. Псков, 1992
- Воронин Н.Н. 1962 – Воронин Н.Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV вв. М., 1962. Т. 2
- Выголов В.П. 1975 – Выголов В.П. Русская архитектурная керамика конца XV – начала XVI в. // Древнерусское искусство: Зарубежные связи. М., 1975
- Выголов В.П. 1978 – Выголов В.П. О первоначальной архитектуре собора Чудова монастыря // Средневековое искусство: Русь–Грузия. М., 1978
- Выголов В.П. 1997 – Выголов В.П. К вопросу о постройках и личности Алевиза Фрязина // Древнерусское искусство. Исследования и атрибуции. СПб., 1997
- Вырский Д.С. 2010 – Вырский Д.С. Историческая литература XVI – первой половины XVII в. о правах Короны Польской на земли Руси // Судьбы славянства и эхо Грюнвальда. М., 2010
- Высоцкий С.А. 1985 – Высоцкий С.А. Киевские граффити XI–XVII вв. Киев, 1985
- Вулих Е.З. 1923 – Вулих Е.З. Из мира торговых отношений в Москве XVII в. // Россия и Запад. Пб., 1923. [Вып.] 1
- Гавриил, архим. 1886 – Гавриил, архим. Руководство по литургии, или Наука о православном богослужении. Тверь, 1886
- Гавриленко В. 1993 – Гавриленко В. Печатки купецких организаций Львова з фаховою символікою // Третя геральдична наукова конференція (Львів, 4–5 листопада 1993 року). Збірник тез повідомлень та доповідей. Львів, 1993
- Гайдуков П.Г. 1995 – Гайдуков П.Г. Типология и датировка полушек XVI–XVII вв. с надписью «государь» // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород, 1995. № 9
- Галенко А. 2002 – Галенко А. Ясир для султана: два османські канун-наме про набіги з початку XVI ст. // Україна в Центрально-Східній Європі (з найдавніших часів до XVIII ст.). Київ, 2002
- Гастев М. 1841 – Гастев М. Материалы для полной и сравнительной статистики. М., 1841. Ч. 1
- Герб и флаг России 1997 – Герб и флаг России. М., 1997
- ГнUTOва С.В. 1993 – ГнUTOва С.В. Мелкая медная пластика Древней Руси. Типология и бытование // Русское медное литье. Сб. ст. / Сост. и отв. ред. С.В. ГнUTOва. М., 1993. Вып. 1
- Голенченко Г.Я. 1988 – Голенченко Г.Я. Датированные записи на белорусских старопечатных изданиях конца XVI – середины XVII в. // Книга в Белоруссии / Отв. ред. М.П. Стрижонок. Минск, 1988
- Голенченка Г.Я. 2008 – Голенченка Г.Я. Да пытання аб этнічных і этнаканфесійных катэгорыях Вялікага княства Літоўскага XIV–XVI ст.: «беларусцы», «ліцвіны» і «ру-

- сіны» у дискурсах сучасних даследчыкаў і пісьмовых крыніцах // Исследования по истории Восточной Европы. Научн. сб. Вып. 1. Минск, 2008
- Головацкій Я.Ф. 1878 – Головацкій Я.Ф. Народні пісні Галицької і Угорської Русі. Львів, 1878. Кн. I
- Голубинский Е.Е. 1900 – Голубинский Е.Е. История русской церкви. М., 1900. Т. II. П/т. I
- Голубцов А.П. 1997 – Голубцов А. Чиновники Московского Успенского собора XVII в. // ЧОИДР. 1907. Кн. 4
- Голубцов А.П. 1911 – Голубцов А.П. Сборник статей по литургии и церковной археологии. Сергиев посад, 1911
- Граценков А.В. 1991 – Граценков А.В. Архитектурный декор Чудова монастыря по материалам лапидария Гос. музеев Московского Кремля // РАА. М., 1991. [Вып. 1]
- Граценков А.В. 1995 – Граценков А.В. Фасадное убранство Благовещенского собора XIV в. // РАА. М., 1995. Вып. 2
- Греков Б.Д. 1924 – Греков Б.Д. Монастырское хозяйство XVI–XVII веков Л., 1924
- Греков И.Б. 1963 – Греков И.Б. Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV–XVII веков. М., 1963
- Громов В.В. 1977 – Громов В.В. Жилище // ОРК XVI в. М., 1977. Ч. 1
- Громов В.В. 1979 – Громов М.М. Жилище // ОРК XVII в. М., 1979. Ч. 1
- Гудзяк Б. 2000 – Гудзяк Б. Криза і реформа. Київська митрополія, Царьгородський патріархат і генеза Берестейської унії. Львів, 2000
- Гусейнов А.М. 1963 – Гусейнов А.М. Азербайджано-русские отношения XV–XVII веков. Баку, 1963
- Данилевский И.Н. 1988 – Данилевский И.Н. Мог ли Киев быть новым Иерусалимом? // Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.). М., 1988
- Дашкевич Я. 1962 – Дашкевич Я. Армянские колонии на Украине в источниках и литературе XV–XIX веков (историографический очерк). Ереван, 1962
- Дашкевич Я. 1993 – Дашкевич Я. Родовий знак Рюриковичів у Галицькому князівстві XIII ст. // Третя наукова геральдична конференція (Львів, 4–5 листопада 1993 року). Збірник тез повідомлень та доповідей. Львів, 1993
- Дашкевич Я. 2000 – Дашкевич Я.Р. Вірменське самоврядування Київ в межах магдебурзького права XV–XVII ст. // Самоврядування в Києві: історія та сучасність. Киев, 2000
- Демидова Н.Ф. 1987 – Демидова Н.Ф. Служилая бюрократия в России XVII вв. и ее роль в формировании абсолютизма. М., 1987
- Демкин А.В. 1985 – Демкин А.В. О формулярах заемных «кабал» и памятей первой половины XVII в. // Советские архивы. 1985. № 5
- Демкин А.В. 1997 – Демкин А.В. Москва в XVII в. // История Москвы. М., 1997. Т. I
- Денисов Л.И. 1908 – Денисов Л.И. Православные монастыри Российской империи. М., 1908
- Дзвонковский С.Л. 1992 – Дзвонковский С.Л. Новые археологические данные об изразцовом производстве в Москве конца XIV–XVI вв. // Коломенское. Материалы и исследования. М., 1992. Вып. 5. Ч. 1
- Дзвонковский С.Л. 1995 – Дзвонковский С.Л. Архитектурно-археологические находки на устье Яузы // РАА. М., 1995. Вып. 2
- Дмитриев М.В. 1990 – Дмитриев М. Православие и реформация. Реформационные движения в восточнославянских землях Речи Посполитой во второй половине XVI в. М., 1990
- Домшлак М.М., Мехова Г.И. 1997 – Домшлак М.М., Мехова Г.И.. Схема московских дорог // Памятники архитектуры Москвы. Кремль, Китай-город. Центральные площади. М., 1982

- Думин С.В. 1991 – Думин С.В. Другая Русь (Великое княжество Литовское и Русское) // История Отечества: люди. Идеи. Решения. Очерки истории России IX – начала XX в. М., 1991
- Забелин И.Е. 1869 – Забелин И.Е. Домашний быт русского народа. Т. II. Домашний быт русских царич XVI-XVII вв. М., 1869
- Забелин И.Е. 1895 – Забелин И.Е. Домашний быт русских царей в XVI-XVII столетиях. М., 1895. Ч. 1
- Загоровский В.П. 1991 – Загоровский В.П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI в. Воронеж, 1991
- Загоровский В.П. 1994 – Загоровский В.П. Историко-географические и историко-демографические последствия Ливонской войны для территории современного Черноземья // Проблемы исторической демографии и исторической географии Центрального Черноземья. Курск, 1994
- Записки императрицы 1990 – Записки императрицы Екатерины II. Лондон, 1859 (Репр. воспроизв: М., 1990)
- Засурцев П.И. 1963 – Засурцев П.И. Усадьбы и постройки Великого Новгорода // Жилища древнего Новгорода. МИА. М., 1963. № 123
- Засурцев П.И. 1965 – Засурцев П.И. Новгород, открытый археологами. М., 1965
- Заяць А. 2003 – Заяць А. Урбанізаційний процес на Волині в XVI – першій половині XVII століття. Львів, 2003
- Зверинский В.В. 1887 – Зверинский В.В. Монастыри в Российской империи. СПб., 1887
- Зверинский В.В. 1892 – Зверинский В.В. Материалы для историко-топографического исследования о монастырях в Российской империи. СПб., 1892. Т. 2
- Зернова А.С. 1959 – Зернова А.С. Типография Мамоничей в Вильне // Книга. М., 1959. Сб. 1
- Зимин А.А. 1964 – Зимин А.А. Опричнина Ивана Грозного. М., 1964
- Зимин А.А. 1982 – Зимин А.А. Россия на рубеже XV – XVI столетий. Очерки социально-политической истории. М., 1982
- Зимин А.А. 1986 – Зимин А.А. В канун грозных потрясений. Предпосылки Первой крестьянской войны в России. М., 1986
- Зимин А.А. 1987 – Зимин А.А. Возрожденная Россия. М., 1987
- Зорин Н.В. 2001 – Зорин Н.В. Русский свадебный ритуал. М., 2001
- Ивакин Г.Ю. 1996 – Ивакин Г.Ю. Історичний розвиток Києва XIII – середині XIV ст. Київ, 1996
- Иванишев Н. 1849 – Иванишев Н. Жизнь князя Андрея Михайловича Курбского в Литве и на Волини // Акты, издаваемые Временной комиссией при Киевском военном, Подольском и Волынском генерал-губернаторе. Киев, 1849. Т. II
- Иванов Н.А. 1984 – Иванов Н.А. Османское завоевание арабских стран. 1514–1574. М., 1984
- Иерофей, архим. Брянский 1866 – Иерофей, архим. Брянский. Брянский Свенский Успенский монастырь Орловской епархии. М., 1866
- Извеков Н.Д. 1906 – Извеков Н.Д. Московские кремлевские церкви и служившие при них лица в XVII в. М., 1906
- Іналджик Г. 2002 – Іналджик Г. Боротьба за східно-європейську імперію. 1400–1700 рр. Кримський ханат, османи та піднесення Російської імперії // Україна в Центрально-Східній Європі. (з найдавніших часів до XVIII ст.). Київ, 2002
- ИРИ ИКР Т. 1. 2007 – История русского искусства. Т. 1. Искусство Киевской Руси. IX – первая четверть XII века. М., 2007
- Ісаєвич Я.Д. 1989 – Ісаєвич Я.Д. Літературна спадщина Івана Федорова. Львів, 1989
- Ісаєвич Я. 1966 – Ісаєвич Я. Братства и їх роль у розвитку української культури XVI-XVIII ст. Львів, 1966

- Исаевич Я., Запаско С. 2005 – Исаевич Я., Запаско С. Львів. Сторінки історії. Львів. 2005
- История Европы 1993 – История Европы. От Средневековья к Новому времени (конец XV – первая половина XVII в.). В 8 т. М., 1993. Т. 3
- История Москвы 1952 – История Москвы. XII–XVIII вв. М., 1952. Т. I (Переизд.: М., 1997)
- Кавельмахер В.В. 1985 – Кавельмахер В.В. Способы колокольного звона и древнерусские колокольни // Колокола: история и современность / Сост. Ю.В. Пухначев. М., 1985
- Кавельмахер В.В. 1993 – Кавельмахер В.В. Большие благовестники Москвы XVI – первой половины XVII вв. // Колокола. История и современность. М., 1993
- Кавельмахер В.В., Панова Т.Д. 1995 – Кавельмахер В.В., Панова Т.Д. Остатки белокаменного храма XIV в. на Соборной площади Московского Кремля // Культура средневековой Москвы. XIV–XVII вв. М., 1995
- Казакова Н.А. 1954 – Казакова Н.А. Из истории торговой политики Русского централизованного государства XV в. // Исторические записки. 1954. Т. 47
- К[азанский] П. 1847 – К[азанский] П. Село Новоспасское, Деденево то ж, и родословная Головиных, владельцев оного. М., 1847
- Каппелер А. 2000 – Каппелер А. Россия – многонациональная империя. М., 2000
- Капраль М. 1996 – Капраль М. Демографія Львова XV – першої половини XVI ст. // Львів. Історичні нариси Львів, 1996
- Капраль М. 2002 – Капраль М. Правовий устрій вірменської голмади Львова XIV–XVIII ст. // Україна в Центрально-Східній Європі (з найдавніших часів до XVIII ст.). Київ, 2002
- Капраль М. 2003 – Капраль М. Правовое устройство армянской общины Львова в XIV–XVIII веках: обзор документов // Кипчакско-польская версия Армянского Судебника Мхитара Гоша и Армяно-кыпчакский Процессуальный кодекс. Львов, Каменец-Подольский 1519–1594. Алматы, 2003
- Капраль М. 2007 – Капраль М. «Національний» Львів XVI–XVIII століть в історіографії // Вісник Львів. ун-ту. 2007. Спец. Вип. [Сер. іст.]
- Каргер М.К. 1945 – Каргер М.К. Землянка киевского художника // КС ИИМК. М., 1945. Вып. XI
- Каргер М.К. 1951 – Каргер М.К. Археологические исследования древнего Киева. Отчеты и материалы (1938–1947 гг.). Киев, 1951
- Карданов И.Э. 1972 – Карданов И.Э. Из истории отношений между адыгскими народами и Россией в XVI в. Нальчик, 1972
- Карпович Б. 1925 – Карпович Б. Старый Львов. Церкви // Стара Україна. Львів, 1925
- Каспрчак Е.И. 1964 – Каспрчак Е.И. История книгопечатания. М., 1964
- Каиштанов Д.В. 2001 – Каиштанов Д.В. К истории связей Северо-Восточной Руси и Фессалоники во второй половине XII – начале XIII века // Становление славянского мира и Византия в эпоху раннего Средневековья. Сб. тезисов. М., 2001
- Каиштанов С.М. 2002 – Каиштанов С.М. О взаимоотношениях Киево-Печерского монастыря с правительством Ивана IV в 1583 г. // ИА. 2002. № 4
- Каиштанов С.М. 2005 – Каиштанов С.М. О взаимоотношениях Киево-Печерского монастыря с правительством царя Федора Ивановича в 1585 г. // ИА. 2005. № 1
- Кивимяэ Ю. 1981 – Кивимяэ Ю. Извозчики на службе у купца первой гильдии (по материалам торговых книг братьев Хоннерьергов 1554–1558 гг.) // Eesti ajaloo probleeme. Tallinn, 1981
- Кириллова Л.А. 2006 – Кириллова Л.А. Православный приход Киевской митрополии во второй половине XVI в. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2006
- Киселев И.А. 1989 – Киселев И.А. Генеалогический состав боровского дворянства во второй половине XVI–XVII вв. // Генеалогия. Источники. Проблемы. Методы исследования. М., 1989

- Кись Я.П. 1962 – Кись Я.П. Городские крестьяне Львова // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1960. Киев, 1962
- Клейнберг И.Э. 1968 – Клейнберг И.Э. Цена, вес и прибыль в посреднической торговле товарами русского экспорта в XIV – начале XV в. // Экономические связи Прибалтики с Россией. Рига, 1968
- Климовский С.И. 1997 – Климовский С.И. Находка английской печати в Киеве // V Всероссийская нумизматическая конференция. Москва, 21–25 апреля 1997 г. Тез. докл. и сообщ. М. 1997
- Ключевич А.С. 1971 – Ключевич А.С. Из истории материальной культуры и народного хозяйства России. Моющие средства и обработка жиров с древнейших времен по 1917 год. Казань, 1971
- Коваленко Г.М. 2010 – Коваленко Г.М. Шведское посольство в России в 1557 году // Балтийский вопрос в конце XV – XVI в. М., 2010
- Ковальский Н.П. 1985 – Ковальский Н.П. Источниковедение истории украинско-русских связей (XVI – первая половина XVII в.). Днепропетровск, 1985
- Кожина Ю.А. 1929 – Кожина Ю.А. Одно из художественных течений в русской живописи XVI–XVII вв. // Русское искусство XVII в. Сб. статей. М., 1929
- Козак Я., Полишенский И. 1980 – Козак Я., Полишенский И. Изображение городов России в иконографическом атласе Civitates orbis terrarum // Русский город. М., 1980. Т. 3
- Козьяков В.Н. 2005 – Козьяков В.Н. Марина Мнишек. М., 2005
- Коломинский С. 1913 – Коломинский С. Торговля солью на Руси в XVI–XVII вв. и общее состояние соляных промыслов в указанный период времени // Сборник статей этнографического кружка. Киев, 1913. Вып. 1
- Колызин А.М. 1998 – Колызин А.М. Игрушки и игры XII–XVII вв. (по данным археологических исследований Московского Кремля) // СА. 1998. № 2
- Колычева Е.И. 1971 – Колычева Е.И. Холопство и крепостничество (конец XV – XVI вв.) М., 1971
- Колчин Б.А. 1985 – Колчин Б.А. Инженерные сооружения // Древняя Русь. Город, замок, село. М., 1985
- Комеч А.И. 1975 – Комеч А.И. Спасо-Преображенский собор в Чернигове (К характеристике начального периода развития древнерусской архитектуры) // Древнерусское искусство. Зарубежные связи. М., 1975
- Комеч А.И. 1987 – Комеч А.И. Древнерусское зодчество конца X – начала XII в.: Византийское наследие и становление самостоятельной традиции. М., 1987
- Комеч А.И. 2007а – Комеч А.И. Архитектура конца X – середины XI века // ИРИ ИКР. Т. 1. 2007
- Комеч А.И. 2007б – Комеч А.И. Архитектура второй половины XI – первой четверти XII века // ИРИ ИКР. Т. 1. 2007
- Корнилов Д.В. 1990 – Корнилов Д.В. Топонимы Московского государства в европейских изданиях XVI–XVII вв. // Русская речь. 1990. № 3
- Корецкий В.И. 1970 – Корецкий В.И. Закрепощение крестьян и классовая борьба в России во второй половине XVI в. М., 1970
- Королюк В.Д. 1957 – Королюк В.Д. Древнепольское государство. М., 1957
- Кос Г. 1992 – Кос Г. Храм Иоанна Хрестителя у Львові // Історія релігій в Україні. Тезі повідомлень II круглого столу (Львів, 4–5 травня 1992 р.). Київ–Львів, 1992
- Котляр Н.Ф. 1999 – Котляр Н.Ф. Дипломатия Галицко-Волынской Руси в XIII в. // Восточная Европа в исторической ретроспективе. К 80-летию В.Т. Пашуто. М., 1999
- Кофынов Л.Л. 2001 – Кофынов Л.Л. Сакральная клятва как гарантия частных и публичных контрактов. Право в средневековом мире. СПб., 2001

- Кошелева О.К. 2001 – Кошелева О.К. Духовная Тимофея Бусурменова второй четверти XVI в. // РД. М., 2001. Вып. 7
- Кривонос В.П. 1984 – Кривонос В.П. Экспорт товарів з українських земель на Балканы в середині XVI – першій половині XVIII ст. // З історії стародавності I середньовіччя: Серія історична. Львів, 1984. Т. 20
- Кривонос В.П. 1988 – Кривонос В.П. Участь купецького дому Бернатовичів у торгівлі зі Сходом наприкінці XVI – початку XVII ст. // З історії стародавності і середньовіччя: Серія історична. Львів, 1988. Т. 24
- Крикун М.Г. 1993 – Крикун М.Г. Адміністративно-територіальний устрій Правобережної України в XV–XVIII ст. Київ, 1993
- Кримський А. 1996 – Кримський А. Історія Туреччини. Київ, Львів, 1996
- Кром М.М. 2010 – Кром М.М. Меж Русью и Литвой: Западнорусские земли в системе русско-литовских отношений конца XV – первой трети XVI в. 2-е изд., доп. М., 2010
- Купчинський О. 1991 – Купчинський О. Перші датування документів за григоріанським календарем у державних установах України XVI ст. // ЗНТШ. Львів, 1991
- Кучкин В.А. 1976 – Кучкин В.А. К истории каменного строительства в Московском Кремле в XV в. // Средневековая Русь. М., 1976
- Кучкин В.А. 1980 – Кучкин В.А. Первые каменные постройки в кремлевском Чудовом монастыре // Государственные музеи Московского Кремля. Материалы и исследования. М., 1980. Вып. III
- Кучкин В.А. 1987 – Кучкин В.А. От столицы княжества – к столице независимого государства // История Москвы. М., 1987. Т. I
- Лантєва Т.А. 2006 – Лантєва Т.А. Земельные владения иностранцев в Московском уезде в XVI – начале XVIII века // Иностранцы в России в XV–XVII веках. Сб. матер. конф. 2002–2004 гг. М., 2006
- Лебедев П. 1890 – Лебедев П. Наука о богослужении православной церкви. М., 1890. Ч. II
- Лебедева А.А. 1987 – Лебедева А.А. Транспорт, переноска и перевозка тяжестей // Этнография восточных славян. М., 1987
- Левицкая Ю.Э. 1994 – Левицкая Ю.Э. Формирование национального самосознания на Украине в конце XVI – начале XVII в. // Русская история: проблемы менталитета. Тез. докл. науч. конф. Москва, 4–6 октября 1994 г. М., 1994
- Левицкий А. 1889 – Описание актовой книги Киевского центрального архива № 2045 / Сост. А. Левицкий. Киев, 1889
- Левицкий А. 1890 – Описание актовой книги Киевского центрального архива № 2047 / Сост. А. Левицкий. Киев, 1890
- Левицкий А. 1891 – Описание актовой книги Киевского центрального архива № 2050 / Сост. А. Левицкий. Киев, 1891
- Левкиевская Е.Е. 2002 – Левкиевская Е.Е. Славянский оберег: семантика и структура. М., 2002
- Левкиевская Е.Е. 2006 – Левкиевская Е.Е. Прагматика мифологического текста // Славянский и балканский фольклор. Семантика и прагматика текста. М., 2006
- Лекомцев М.Г. 1998 – Лекомцев М.Г. Место встречи великого князя Ивана III с митрополитом Филиппом 1 сентября 1471 г. и некоторые вопросы топографии древней Москвы // Сакральная топография средневекового города. Известия Института христианской культуры Средневековья. М., 1998. Т. I
- Леонид 1883 – Леонид. Евангелие, напечатанное в Москве в 1564–1568. СПб., 1883
- Лескинен М.В. 2002 – Лескинен М.В. Мифы и образы сарматизма. Истоки национальной идеологии Речи Посполитой. М., 2002
- Лесников М.П. 1948 – Лесников М.П. Ганзейская торговля пушниной в начале XV в. // Уч. зап. Моск. гос. пед. ин-та им. В.П. Потемкина / Каф. ист. средних веков. М., 1948. Вып. 1. Т. XIII

- Лесников М.П. 1951 – Лесников М.П. Нидерланды и Восточная Балтика в начале XV в. Из истории торговых сношений // Изв. АН СССР. Сер. ист. и фил. 1951. № 5
- Лефортова О. 1999 – Лефортова О. Тексты святого письма у латиномовных творях Станіслава Орхівського // Діалог культур. Святе Письмо в українських пам'ятках. Київ, 1999
- Линдер И.М. 1967 – Линдер И.М. У истоков шахматной культуры. М., 1967
- Линдер И.М. 1975 – Линдер И.М. Шахматы на Руси. М., 1975
- Литаврин Г.Г. 1986 – Литаврин Г.Г. Русско-византийские связи в середине X в. // ВИ. 1986. № 6
- Лихачев Н.П. 1888 – Лихачев Н.П. Разрядные дьяки XVI в. СПб., 1888
- Лихачев Н.П. 1903 – Лихачев Н.П. Дело о приезде в Москву Антонио Поссевино. СПб., 1903
- Лобин А.Н. 2010 – Лобин А.Н. Русская артиллерия в Полоцком походе 1563 г. // Балтийский вопрос в конце XV – XVI в. М., 2010
- Логвин Г.Н. 1980 – Логвин Г.Н. Чернигов. Новгород-Северский. Глухов. Путивль: Очерк. М., 1980
- Лукашова С.С. 2006 – Лукашова С.С. Миряне и церкви: религиозные братства Киевской митрополии в конце XVI в. М., 2006
- Лукина Г.Н. 1990 – Лукина Г.Н. Предметно-бытовая лексика древнерусского языка. М., 1990
- Львів 1996 – Львів. Историчні нарісі. Львів. 1996
- Любавский М.К. 1909 – Любавский М.К. Историческая география России в связи с колонизацией. М., 1909
- Любавский М.К. 1892 – Любавский М.К. Областное деление и местное самоуправление Литовско-Русского государства ко времени издания Первого Литовского статута. М., 1892
- Любавский М.К. 1929 – Любавский М.К. Образование основной территории великорусского народа. Заселение и объединение центра. Л., 1929
- Любавский М.К. 1996 – Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века. М., 1996
- Магилина И.В. 2012 – Магилина И.В. Россия и проект антиitureцкой унии в конце XVI – начале XVII в. Волгоград, 2012
- Макарий 2007 – Макарий (Веретенников), архим. Дионисий († не ранее 1604), митр. Московский и всея Руси // Православная энциклопедия. Т. 15. М., 2007
- Макарова И.Ф. 1998 – Макарова И.Ф. Болгары и Османская империя в XV–XVI веках: роль имперского фактора в формировании этнического самосознания // Славяне и их соседи. Вып. 8: Имперская идея в странах Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. М., 1998
- Маковецкий И.В. 1962 – Маковецкий И.В. Архитектура русского народного жилища. М., 1962
- Малицкий Г.Л. 1954 – Малицкий Г.Л. Кремлевская великокняжеская и царская сокровищница // Сб. науч. тр. по материалам Гос. Оружейной палаты. М., 1954
- Малков Ю.Г. 1977 – Малков Ю.Г. Стенопись собора Чуда архангела Михаила в Хонех в Московском Кремле (опыт реконструкции) // Древнерусское искусство. Проблемы и атрибуции. М., 1977
- Малков Ю.Г. 1983 – Малков Ю.Г. Новгородская земля в рисунках Антониса Хутеериса (1615 г.) // Древний Новгород. История, искусство, археология. М., 1983
- Малышевский И. 1972 – Малышевский И. Александрийский патриарх Мелетий Пигас и его участие в делах Русской церкви. Киев, 1972. Приложение
- Мансветов И. 1885 – Мансветов И. Церковный устав (типик), его образование и судьба в греческой и русской церкви. М., 1885

- Маньков А.Г. 1951 – Маньков А.Г. Цены и их движение в Русском государстве XVI в. М.–Л., 1951
- Маркелова В.Н. 1981 – Маркелова В.Н. Пафнутьев-Боровский монастырь // Реставрация и исследование памятников культуры. М., 1981. Вып. 2
- Мартынов А. 1888 – Мартынов А. Названия московских улиц и переулков с историческими объяснениями. 2-е изд. М., 1888
- Матузова В.И. 1999 – Матузова В.И. Тевтонский орден во внешней политике князя Даниила Галицкого // Восточная Европа в исторической ретроспективе: К 80-летию В.Т. Пашуто. М., 1999
- Матузова В.И. 2005 – Матузова В.И. Видения в литературных памятниках Тевтонского ордена (XII–XIV вв.) // Восточная Европа в древности и Средневековье: мнимая реальность в античных и средневековых текстах. Материалы чтений памяти В.Т. Пашуто, 2003 г. М., 2005
- Маясова Н.А. 1979 – Маясова Н.А. Древнерусская живопись иглой // Сокровища музеев Московского Кремля. М., 1979
- Мелешко В.И. 1988 – Мелешко В.И. Могилев в XVI – середине XVII в. Минск, 1988
- Мельникова А.С. 1980 – Мельникова А.С. Систематизация монет Ивана IV и Федора Ивановича (1533–1598) // Нумизматика и эпиграфика. М., 1980. Т. XIII
- Мельникова А.С. 1989 – Мельникова А.С. Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого. История русской денежной системы с 1533 по 1682 год. М., 1989
- Миллер П.Н., Сытин П.В. 1938 – Миллер П.Н., Сытин П.В. Происхождение названий московских улиц, переулков и площадей. М., 1938
- Миронов В.В., Наулко В.В. 1987 – Миронов В.В., Наулко В.В. Украинцы // Этнография восточных славян. М., 1987
- Мнева Н.Е. 1977 – Мнева Н.Е. Монументальная и станковая живопись // ОРК XVI в. М., 1977
- Могилевский I. 1928 – Могилевський I. Спасо-Преображенський собор у Чернігові // Чернігів і північне лівобережжя. Київ, 1928
- Мокеев Г.Я., Черный В.Д. 1980 – Мокеев Г.Я., Черный В.Д. Красная площадь в Кремле Дмитрия Донского // Памятники отечества. 1980. № 1
- Мокульский С. 1936 – Мокульский С. История западноевропейского театра. Ч. 1: Античный театр, средневековый театра, театр эпохи Возрождения. М., 1936
- Морозов Б.Н. 1998 – Морозов Б.Н. Документы дворцовых приказов конца XVI – начала XVII в. из нотной библиотеки государевых певчих дьяков // РД. М., 1998. Вып. 3
- Морозова Л.Е. 1996 – Морозова Л.Е. Образ царя Федора Ивановича в русских и зарубежных источниках // Менталитет и политическое развитие России. Тез. докл. науч. конф. Москва, 30–31 октября 1996 г. М., 1996
- Московские монастыри 1990 – Московские монастыри: Каталог книжно-иллюстративной выставки. М., 1990
- Мухамедеев А.И. 2003 – Мухамедеев А.И. Мемуарное наследие профессора русской истории Казанского университета Д.А. Корсакова // Уроки Вульфсона. Казань, 2003
- Немцова Н.И. 1993 – Немцова Н.И. О стилях архитектуры русских изразцовых печей XVII–XVIII веков // Коломенское. Материалы и исследования. М., 1993. Вып. 5. Ч. 1
- Некрасов А.М. 1990 – Некрасов А.М. Международные отношения и народы Западного Кавказа в последней четверти XV – первой половине XVI века. М., 1990
- Нестеровский, еп. 1900 – Нестеровский, еп. Литургия, или Наука о богослужении православной церкви. Курск, 1900. Ч. II

- Нефедов С.А. 2010 – Нефедов С.А. Начало российской модернизации и менталитет XVII в. // Историческая психология и социальная история. 2010. Т. 3. № 1
- Николаева Т.В. 1954 – Николаева Т.В. Декоративно-прикладное искусство // ОРК XVI в. 1954. Ч. II
- Никольская Т.Н. 1971 – Никольская Т.Н. Древний Серенск – город вятичской земли // КСИА. 1971. № 125
- Никольский К. 1885 – Никольский К. О службах русской церкви, бывших в прежних печатных богослужебных книгах. СПб., 1885
- Новодворский В.В. 1904 – Новодворский В.В. Борьба за Ливонию между Москвой и Речью Посполитой (1570–1582). СПб., 1904
- Новомбергский Н.Н. 1906. – Новомбергский Н.Н. Колдовство в Московской Руси XVII столетия. СПб., 1906
- Новомбергский Н.Н. 1907 – Новомбергский Н.Н. Врачебное строение в допетровской Руси. Томск, 1907
- Новомбергский Н.Н. 1911 – Новомбергский Н. Слово и дело государевы (процессы до издания Уложения Алексея Михайловича 1649 года). М., 1911. Т. I
- Новосельский А.А. 1948 – Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.–Л. 1948
- Новосельцев А.П. 1969 – Новосельцев А.П. Освободительная борьба народов Закавказья в XVI – XVII вв. // Вопросы истории. М., 1969
- Носов Н.Е. 1983 – Носов Н.Е. Уставная книга Разбойного приказа 1555–1556 гг. // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1983. Т. IV
- Опарина Т.А. 2009 – Опарина Т.А. Ливонские пленники в политической игре Бориса Годунова // Средние века. М., 2009. Вып. 70 (1–2)
- Опарина Т.А. 2007 – Опарина Т.А. Иноземцы в России XVI–XVII вв. М., 2007
- Опарина Т.А. 2010 – Опарина Т.А. Проблема источников депортаций ливонских пленников в Россию // Балтийский вопрос в конце XV – XVI в. М., 2010
- Орешиников А.В. 1927 – Орешиников А.В. Молдавская посуда Московской Оружейной палаты // Seminarium Kondacovianum. Т. I. Prag, 1927
- Павлов А.П. 1992 – Павлов А.П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.) СПб., 1992
- Павлович А.Г. 1998 – Павлович А.Г. Храмы средневековой Москвы по записям ладанных книг (опыт справочника-указателя) // Сакральная топография средневекового города. Исслед. Ин-та христианской культуры средневековья. М., 1998. Т. I
- Падин В.А. 1958 – Падин В.А. Памятные места Трубчесского района. Брянск, 1968
- Памятники архитектуры Москвы 1982 – Памятники архитектуры Москвы. Кремль. Китай-город. Центральные площади/ Ред. А.И. Комеч, В.И. Плужников. М., Искусство, 1982
- Пенской В.В. 2010 – Пенской В.В. Военный потенциал Крымского ханства в конце XV – начале XVI в. // Восток (Oriens). Afro-Asia. Общество, история и современность. 2010. № 2
- Петров Н.Б. 1987 – Петров Н.Б. Историческая топография Каменца-Подольского. Автореф. ... дис. канд. ист. наук. Киев, 1987
- Петрушевский И.П. 1949 – Петрушевский И.П. Азербайджан в XVI – XVII вв. // Сб. ст. по истории Азербайджана. Баку, 1949. Вып. 1
- Пигулевская Н.В. и др. 1958 – Пигулевская Н.В., Якубовский А.Ю., Петрушевский И.П., Строева Л.В., Беленицкий А.М. История Ирана с древнейших времен до конца XVIII века. Л., 1958

- Плешанова И.И. 1985 – Плешанова И.И. Колокола псковских литейщиков XVI – начала XVII в. // Колокола. История и современность / Отв. ред. Б.В. Раушенбах. М., 1985
- Поветкин В.И. 1989 – Поветкин В.И. Звонкие струны древних новгородских гуслей (из опыта восстановительных работ) // Новгородский исторический сборник. Л., 1989. Вып. 3 (13)
- Поветкин В.И. 1997 – Поветкин В.И. Музыкальные инструменты // Древняя Русь: быт и культура. М., 1997
- Подградская Е.М. 1986 – Подградская Е.М. Торговые связи Молдавии со Львовом в XVI–XVII веках. Кишинев, 1986
- Подградская Е.М. 1988 – Подградская Е.М. Государственная монополия на торговлю как средство извлечения феодального прибавочного продукта в Молдавии периода османского ига // Общее и особенное в развитии феодализма в России и Молдавии. Чтения, посвященные памяти академика Л.В. Черепнина. М., 1988. Вып. II
- Подъяпольский С.С. 1975 – Подъяпольский С.С. Венецианские истоки архитектуры Московского Архангельского собора // Древнерусское искусство. Зарубежные связи. М., 1975
- Подъяпольский С.С. 1979 – Подъяпольский С.С. Аристотель Фиораванти и построенный им Успенский собор // Уникальному памятнику русской культуры Успенскому собору Московского Кремля 500 лет. Тезисы науч. конф. (4–8 сентября 1979 года). М., 1979
- Подъяпольский С.С. 1995 – Подъяпольский С.С. О первоначальном виде столпа Ивана Великого // РАА НМИ. М., 1995. Вып. II
- Попова О.С., Сарабьянов В.Д. 2007а – Попова О.С., Сарабьянов В.Д. Живопись конца X – середины XI века // ИРИ ИКР. Т. 1. 2007
- Попова О.С., Сарабьянов В.Д. 2007б – Попова О.С., Сарабьянов В.Д. Живопись второй половины XI – первой четверти XII века // ИРИ ИКР. Т. 1. 2007
- Поппэ А. 1978 – Поппэ А. О причинах похода Владимира Святославича на Корсунь. 988–989 гг. // Вестник МГУ. Сер. 8. История. 1978. № 2
- Поппэ А. 1996 – Поппэ А. Митрополиты и князья Киевской Руси // Подскальский Г. Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237) / Пер. А.В. Назаренко. СПб., 1996
- Постникова-Лосева М.М. 1959 – Постникова-Лосева М.М. Русское художественное серебро XV–XIX вв. // Труды ГИМ. М., 1959. Вып. XXVIII
- Постникова-Лосева М.М. 1962 – Постникова-Лосева М.М. Каталог русских эмалей на золотых и серебряных изделиях собрания ГИМ и его филиалов. М, 1962
- Постникова-Лосева М.М. 1974 – Постникова-Лосева М.М. Русское ювелирное искусство. Его центры и мастера XVI–XIX вв. М., 1974
- Потин В.М. 1977 – Потин В.М. Талеры на территории Русского государства в XVI–XVII веках // Прошлое нашей Родины в памятниках нумизматики. Л., 1977
- Потин В.М. 1979 – Потин В.М. Золотые западные монеты на территории Русского государства XIV–XVII веков // Русская нумизматика. Материалы и исследования. Л., 1979
- Похилевич Л. 1864 – Похилевич Л. Сказания о населенных местностях Киевской губернии. Киев, 1864
- Преображенский А.А. 1972 – Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI – начале XVIII в. М., 1972
- Протасьева Т.Н. 1959 – Протасьева Т.Н. Описание первопечатных русских книг // У истоков русского книгопечатания. М., 1959

- Пташицкий С.Л.* 1878 – *Пташицкий С.Л.* Малоизвестные источники по истории Юго-Западной Руси XVII-XVIII вв. // ЖМНП. 1878. Т. 199
- Рабинович Г.С.* 1973 – *Рабинович Г.С.* Город соли – Старая Русса в конце XVI – середине XVIII в. (к вопросу о генезисе капитализма в русской промышленности). Л., 1973
- Рабинович М.Г.* 1949а – *Рабинович М.Г.* Раскопки 1946–1947 гг. в Москве на устье Яузы // Материалы и исследования по археологии Москвы. М.–Л., 1949. Т. II
- Рабинович М.Г.* 1949б – *Рабинович М.Г.* Московская керамика // МИА СССР. М.–Л., 1949. № 12
- Рабинович М.Г.* 1964 – *Рабинович М.Г.* О древней Москве. Очерки материальной культуры и быта горожан XI–XVI вв. М., 1964
- Рабинович М.Г.* 1986 – *Рабинович М.Г.* Одежда русских XIII–XVII вв. // Древняя одежда народов Восточной Европы. Материалы к историко-этнографическому атласу / Отв. ред. М.Г. Рабинович. М., 1986
- Радишевский Р.П.* 1984 – *Радишевский Р.П.* Українсько-польські літературні зв'язки XVI–XVIII ст. (деякі підсумки і перспективи дослідження) // Українська література XVI–XVII ст. та інші слов'янські літератури. Київ, 1984
- Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р.* 1964 – *Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р.* Очерки политической истории Южного Дагестана: Материалы к истории народов Дагестана с древнейших времен до начала XIX в. Махачкала, 1964
- Раппопорт П.А.* 1956 – *Раппопорт П.А.* Очерки по истории русского военного зодчества X–XIII вв. // МИА СССР. Л., 1956. № 52
- Раппопорт П.А.* 1967 – *Раппопорт П.А.* Военное зодчество западнорусских земель X–XIV вв. // МИА СССР. № 140. Л., 1967
- Раппопорт П.А.* 1970 – *Раппопорт П.А.* Древнерусская архитектура. М., 1970
- Раппопорт П.А.* 1973 – *Раппопорт П.А.* Трубчеськ // Советская археология. 1973. № 4
- Раппопорт П.А.* 1975 – *Раппопорт П.А.* Древнерусское жилище. Л., 1975
- Рогачевский А. Л.* 1989 – *Рогачевский А. Л.* О взглядах немецкого бюргерства XIV–XV вв. на природу и назначение городских органов власти // Правоведение. 1989. № 6
- Рогов А.И.* 1972 – *Рогов А.И.* Ченстоховская икона Богоматери как памятник византийско-русско-польских связей // Древнерусское искусство. Художественная культура домонгольской Руси. М., 1972. Т. 6
- Рогов А.И.* 1966 – *Рогов А.И.* Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения. М., 1966
- Рогов А.И.* 1976а – *Рогов А.И.* Русско-византийские фрески в Польше и культурные связи восточных славян с балканскими странами // Балканские исследования. Проблемы истории и культуры. М., 1976
- Рогов А.И.* 1976б – *Рогов А.И.* Основные особенности русско-польских культурных связей в эпоху Возрождения // Культурные связи народов Европы в XVI в. М., 1976
- Рогов В.А.* 1992 – *Рогов В.А.* Уголовные наказания и репрессии в России середины XV – середины XVII в. М., 1992
- Розенфельд Р.Л.* 1968 – *Розенфельд Р.Л.* Московское керамическое производство XI–XVIII вв. М., 1968
- Румянцева В.В.* 1987 – *Румянцева В.В.* Історія, карбована в гербах. Київ, 1987
- Русанова И.П.* 1993 – *Русанова И.П.* Хлебные печи у славян // Археология и история юго-востока Древней Руси (Матер. науч. конф.). [Тезисы]. Воронеж, 1993
- Русанова И.П.* 1993 – Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н.э. – первой половине I тысячелетия н.э. / Отв. ред. И.П. Русанова М., 1993

- Русина О.В. 1998 – Русина О.В. Сіверська земля у складі Великого князівства Литовського. Київ, 1998
- Русина Е.В. 2012 – Русина Е.В. К вопросу о московских «даниях» Киево-Печерскому монастырю // Проблемы дипломатики, кодикологии и актовой археологии. Матер. XXIV междунар. науч. конф. Москва, 2–3 февраля 2012 г. М., 2012
- Рыбина Е.А. 1991 – Рыбина Е.А. Из истории шахматных фигур // СА. 1991. № 4
- Рыбина Е.А. 2001 – Рыбина Е.А. Торговля средневекового Новгорода. Историко-археологические очерки. Великий Новгород, 2001
- Рябцевич В.Н. 1968 – Рябцевич В.Н. О чем рассказывают монеты. Минск, 1968
- Савва В.И. 1917 – Савва В.И. О Посольском приказе. Вып. 1. Харьков, 1917
- Савваитов П. 1886 – Савваитов П. Строгановские вклады в Сольвычегодский Благовещенский собор по надписям на них. С приложением соборной описи 1579 г. СПб., 1886
- Савваитов П. 1896 – Савваитов П. Описание старинных русских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора, в азбучном порядке расположенное. СПб., 1896
- Саверчанка І.В. 1992 – Саверчанка І.В. Канцлер Вялікага кяства Леу Сапега. Мінск, 1992
- Сагайдак М.А. 2007а – Сагайдак М.А. Гражданская архитектура Киева домонгольского периода // Вісник археології, мистецтва, культури. Київ, 2007. Вип. 19–20
- Сагайдак М.А. 2007б – Сагайдак М.А. (при участии В.В. Мурашевой и В.Я. Петрухина). К истории градообразования на территории Древней Руси. VI – первая половина XI в. // ИРИ ИКР. Т. 1. 2007
- Салей С.М. 2007 – Салей С.М. Першае посольства Льва Сапегі ў Маскву (1584 г.) ў гістарыяграфіі і крыніцах: да пытання деканструкцыі мітаў // Леў Сапега І яго час. Гродно, 2007
- Сас П.М. 1989 – Сас П.М. Феодалные города Украины в конце XV–60-х годах XVI в. Киев, 1989
- Сахаров А.Н. 1975 – Сахаров А.Н. Кий: легенда и реальность // ВИ. 1975. № 10
- Свирич А.Н. 1960 – Свирич А.Н. Древнерусская миниатюра. М., 1960
- Свирич А.Н. 1963 – Свирич А.Н. Древнерусское шитье. М., 1963
- Свирич А.Н. 1964 – Свирич А.Н. Искусство книги в Древней Руси. XI–XVII вв. М., 1964
- Седов В.В. 2003 – Седов В.В. Этногенез ранних славян // Вестник РАН. 2003. Т. 73. № 7
- Седов П.В. 1996 – Седов П.В. Подношения в московских приказах XVII в. // ОИ. 1996. № 1
- Сербина К.Н. 1951 – Сербина К.Н. Очерки по социально-экономической истории русского города. Тихвинский посад в XVI–XVII вв. М.–Л., 1951
- Сидоренко О.Ф. 1994 – Сидоренко О.Ф. Середньовічна Україна. К., 1994
- Синчук И.И., Зайцева О.Е. 1997 – Синчук И.И., Зайцева О.Е. Заслонки и печная дуга XVII в. из Дисны // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. Памяти Василия Дмитриевича Белецкого. 1919–1997. СПб.–Псков, 1997. Т. II
- Скворцов В.А. 1913 – Скворцов В.А. Археология и топография Москвы. М., 1913
- Скоморохи 1994 – Скоморохи. Проблемы и перспективы изучения (К 140-летию со дня выхода первой работы о скоморохах) // Сб. статей и реф. междунар. симпоз. (22–26 ноября 1994 г.) СПб., 1994
- Скрынников Р.Г. 1978 – Скрынников Р.Г. Борис Годунов и падение Романовых в 1600 г. // Из истории феодальной России. Л., 1978
- Смирнов В.Д. 2005 – Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты. М., 2005. Т. 1
- Смирнов Н.А. 1946 – Смирнов Н.А. Россия и Турция в XVI–XVII веках. М., 1946. Т. 1
- Смирнов Н.А. 1958 – Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе в XVI–XVII веках. М., 1958

- Смолина К.П. 1990 – Смолина К.П. Лексика имущественной сферы в русском языке XI–XVII вв. М., 1990
- Снегирев В.Л. 1953 – Снегирев В.Л. Памятник архитектуры храм Василия Блаженного. М., 1953
- Снегирев И.М. 1873 – Снегирев И.М. Москва. Подробное историческое и археологическое описание города. М., 1873. Т. 2
- Снегирев И. 1848 – Снегирев И. Заздравные чаши // Ведомости Московской городской полиции. 1848. № 45. С. 353 (То же // Русский архив. 1909. № 6)
- Соколова И.И. 1975 – Служилое землевладение и хозяйственное состояние Приокских уездов Русского государства в конце XVI – первой трети XVII в. (по материалам писцовых описаний, отказным книгам, десятням и столбцам Поместного приказа). Автореф. ... канд. ист. наук. М., 1975
- Соколова Л.В. 1989 – Соколова Л.В. Чаша государева заздравная // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вторая половина XIV – XVI в. Ч. 2: Л–Я. Л., 1989
- Соколова Т.Н. 1989 – Соколова Т.Н. Принципы исследования исторической застройки (на примере улицы Герцена). Автореф. ... канд. ист. наук. М., 1989
- Соловьев С.М. 1989 – Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 1989. Кн. IV. Т. 7
- Солонин Ю.М., Дудник С.И. 2009 – Солонин Ю.М., Дудник С.И. Судьба субъективного жанра в литературе XVI–XX вв. СПб., 2009
- Софронова Л.А. 2010 – Софронова Л.А. Мифопоэтика раннего Гоголя. СПб., 2010
- Спасский И.Г. 1955 – Спасский И.Г. Денежное обращение в Московском государстве с 1533 по 1617 г. // МИА СССР. 1955. № 44
- Спасский И.Г. 1961 – Спасский И.Г. «Золотые» – воинские награды в допетровской Руси // Труды Государственного Эрмитажа. Л., 1961. Т. 4
- Спасский И.Г. 1977 – Спасский И.Г. Деньги // ОРК XVI в. М., 1977. Ч. II
- Спасский И.Г. 1988 – Спасский И.Г. Русские ефимки. Исследование и каталог. Новосибирск, 1988
- Срібний Ф. 1911 – Срібний Ф. Студії над організацією львівської Ставропігії від кінця XVI до половини XVII ст. // ЗНТШ. Львів, 1911. Т. 106
- СССР 1967 – СССР. Административно-территориальное деление союзных республик. М., 1967
- Строев П.М. 1844 – Строев П.М. Выходы государей царей и великих князей Михаила Федоровича, Алексея Михайловича и Федора Алексеевича, всея Руси самодержцев (с 1632 по 1682 год). М., 1844
- Строев П.М. 1877 – Строев П.М. Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб., 1877
- Судаков Г.В. 1991 – Судаков Г.В. Старинная женская одежда и ее наименования // Русская речь. 1991. № 1.
- Сумцов Н.Ф. 1888 – Сумцов Н.Ф. Исторический очерк попыток католиков ввести в Южной и Западной России григорианский календарь. Киев, 1888
- Сумцов Н.Ф. 1890 – Сумцов Н.Ф. Культурные переживания. Киев, 1890
- Сыроечковский В.Е. 1932 – Сыроечковский В.Е. Пути и условия сношений Москвы с Крымом на рубеже XVI в. // Известия АН СССР. Отд. общ. наук. Л., 1932. № 3
- Сыроечковский В.Е. 1935 – Сыроечковский В.Е. Гости-сурожане. М., 1935
- Сытин П.В. 1938 – Сытин П.В. Происхождение названий московских улиц, переулков и площадей. М., 1938
- Тарасов О.Ю. 2011 – Тарасов О.Ю. Иконы и «русский мир» // Текст славянской культуры. К юбилею Людмилы Александровны Софроновой. М., 2011

- Тельберг Г. 1912 – Тельберг Г. Очерки политического суда и политических преступлений в Московском государстве XVII в. М., 1912
- Тимошенко Л. 2006-2007 – Тимошенко Л. Ставропігія церковних братств у контексті Берестейської унії. Історіографічний аспект // Україна : культурна: спадщина, національна свідомість, державність. Т. 15. Київ, 2006–2007
- Тимощук Б.О. 1976 – Тимощук Б.О. Слов'яне Північної Буковини V–IX ст. Київ, 1976
- Титаренко Н.А. 1991 – Титаренко Н.А. «Камка и аксамиты с золотом» // Русская речь. 1991. № 6
- Тихомиров М.Н. 1947 – Тихомиров М.Н. Древняя Москва. М., 1947
- Тихомиров М.Н. 1952 – Тихомиров М.Н. Москва – столица Московского великого княжества (XIV – вторая половина XVI в. // История Москвы. М., 1952. Т. I
- Тихомиров М.Н. 1957 – Тихомиров М.Н. Средневековая Москва в XIV–XV веках. М.: МГУ, 1957
- Токмаков И.Ф. 1894 – Токмаков И.Ф. Сборник исторических материалов о Китайгородской стене в Москве. М., 1894
- Толочко П.П. 1976 – Толочко П.П. Древний Київ. Київ, 1976
- Толочко П.П. 1981 – Толочко П.П. Торговля древнего Киева // Новое в археологии Киева. Киев, 1981
- Толочко П.П. 1983 – Толочко П.П. Древний Киев. Киев, 1983
- Толстой Н.И. 1992 – Толстой Н.И. Язычество и христианство Древней Руси // The Legacy of Saints Cyril and Methodius to Kiev and Moscow. Thessaloniki, 1992
- Толстой Ю. 1875 – Толстой Ю. Первые 40 лет сношений между Россией и Англией (1553–1593). СПб., 1875
- Толстой Ю.В. 1907 – Толстой Ю.В. Путешествие в Московию Еремея Горсея. М., 1907
- Трегубова Г.А. 1969 – Трегубова Г.А. Новое про архитектуру середньовічного житла на площі рынок у Львові // Українське мистецтвознавство 1969. Вип. 3
- Трепавлов В.В. 2001 – Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М., 2001
- Трутовский В. 1915 – Трутовский В. Денежная запись 1532 г. // Нумизматический сборник. М., 1915. Т. III
- Турилов А.А. 1991 – Турилов А.А. К истории ранних проектов ликвидации Брестской унии (неизвестное послание князя К.К. Острожского патриарху Иову) // Славяне и их соседи. М., 1991. Вып. 3 (Католицизм и православие в средние века)
- Уртанс Ю.В. 1987 – Уртанс Ю.В. Культурные камни с углублениями в Латвии // КСИА. 1987
- Уртанс Ю.В. 1988 – Уртанс Ю.В. Камни-«следовики» на территории Латвии // Latvijas PSP Zinatnu akademijas vestis. 1988. № 7
- Успенский Б.А. 2004 – Успенский Б.А. Крестное знамение и сакральное пространство. Почему православные крестятся справа налево, а католики – слева направо? М., 2004
- Успенский Ф.И. 1885 – Успенский Ф.И. Наказ царя Ивана Васильевича Грозного князю Елецкому с товарищами. Одесса, 1885
- Успенский Ф.И. 1887 – Успенский Ф.И. Переговоры о мире между Москвой и Польшей в 1581–1582 гг. Одесса, 1887
- Федоров В.И. 1974 – Федоров В.И. Благовещенский собор Московского Кремля в свете исследований 1960–1972 гг. // СА. 1974. № 2
- Федоров В.И., Шеляпина Н.С. 1972 – Федоров В.И., Шеляпина Н.С. Древнейшая история Благовещенского собора Московского Кремля // СА. 1972. № 4
- Федотов Г.П. 1923 – Федотов Г.П. Боги подземные // Россия и Запад. Исторические сборники под ред. проф. А.И. Заозерского. Пг., 1923. [Вып.] 1
- Фехнер М.В. 1949 – Фехнер М.В. Москва и ее ближайшие окрестности в XV и начале XVI в. // Материалы и исследования по археологии СССР. М.–Л., 1949. Т. XII

- Фехнер М.В. 1972 – Фехнер М.В. Калуга, Боровск. М., 1972
- Фехнер М.В. 1956 – Фехнер М.В. Торговля России со странами Востока в XVI в. М.–Л., 1956
- Финкель К. 2010 – Финкель К. История Османской империи. М., 2010
- Флайер М.С. 1998 – Флайер М.С. Церковь Покрова на Рву и архитектоника московских средневековых ритуалов // Сакральная топография средневекового города. Известия Института христианской культуры Средневековья. М., 1998. Т. I
- Чернецов А.В. 1987 – Чернецов А.В. Резные посохи XV в.: работа кремлевских мастеров. М., 1987
- Черникова Т.В. 2012 – Черникова Т.В. Западные служилые иноземцы и придворные врачи во времена Ивана Грозного // Вестник МГИМО. 2012. № 4
- Флоря Б.Н. 1973 – Флоря Б.Н. Русско-польские отношения и балтийский вопрос в конце XVI – начале XVII в. М., 1973
- Флоря Б.Н. 1981 – Флоря Б.Н. Сказания о начале славянской письменности. М., 1981
- Флоря Б.Н. 1996 – Флоря Б.Н. Изменения социального состава Московского кремля в конце XV – начале XVI в.] // Средневековая Русь. М., 1996. Вып.1
- Флоря Б.Н. 1998 – Флоря Б.Н. К истории развития легенды о дарах Мономаха // Славяне и их соседи. Вып. 8: Имперская идея в странах Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. М., 1998
- Формозов А.А. 1965 – Формозов А.А. Камень «Щеглец» близ Новгорода. Камни-«следовики» // Советская этнография. 1965. № 5
- Формозов А.А. 1969 – Формозов А.А. Очерки по первобытному искусству. М., 1969
- Формозов А.А. 1983 – Формозов А.А. О следах язычества на Псковщине // КСИА. Вып. 175. 1983
- Хорошев А.С. 1998 – Хорошев А.С. Бани в усадебной застройке Новгорода (по материалам Троицкого раскопа) // Историческая археология. Традиции и перспективы. К 80-летию со дня рождения Даниила Антоновича Авдусина. М., 1998
- Хорошкевич А.Л. 1963 – Хорошкевич А.Л. Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV–XV вв. М., 1963
- Хорошкевич А.Л. 1977 – Хорошкевич А.Л. Кредит в русской внутренней и русско-ганзейской торговле XIV–XV вв. // История СССР. 1977. № 2
- Хорошкевич А.Л. 1980 – Хорошкевич А.Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV – начала XVI в. М.: Наука, 1980
- Хорошкевич А.Л. 1996а – Хорошкевич А.Л. Московский посад середины XVI в. по данным польско-литовских посольских книг // Столичные и периферийные города Руси и России в Средние века и раннее Новое время (XI–XVIII вв.). Тез. докл. науч. конф. Москва, 3–5 декабря 1996 г. М., 1996
- Хорошкевич А.Л. 1996б – Хорошкевич А.Л. Задачи русской внешней политики и реформы Ивана Грозного // Реформы и реформаторы в истории России. М., 1996
- Хорошкевич А.Л. 1997 – Хорошкевич А.Л. Мегалополис Средневековья // История Москвы. М., 1997. Т. I
- Хорошкевич А.Л. 2001 – Хорошкевич А.Л. Русь и Крым. От союза к противостоянию XV–XVI вв. М., 2001
- Хорошкевич А.Л. 2004а – Хорошкевич А.Л. Санитария и медицина средневекового города под эгидой государственной власти // Новгородские археологические чтения-2. Матер. науч. конф., посвященные 70-летию археологического изучения Новгорода и 100-летию со дня рождения основателя Новгородской археологической экспедиции Артемия Владимировича Арциховского. Великий Новгород 21–24 сентября 2002 г. Новгород, 2004
- Хорошкевич А.Л. 2004б – Хорошкевич А.Л. Лабиринт политико-этногеографических наименований Восточной Европы середины XVII в. // Z dziejów kultury prawnej.

Studia ofiarowane Profesorowi Juliuszu Bardachowi w dziewięćdziesięciolecie urodzin. Warszawa, 2004

- Хорошкевич А.Л. 2007 – Хорошкевич А.Л. В Москву через Киев и Чернигов // От Царьграда до Белого моря. Сб. статей, посвященных Э.С. Смирновой. М., 2000
- Хорошкевич А.Л. 2010 – Хорошкевич А.Л. История Тевтонского ордена в представлении гданьского бюргера и монаха-доминиканца конца XVI в. // Судьбы славянства и эхо Грюнвальда. СПб., 2010
- Хорошкевич А.Л. 2011 – Хорошкевич А.Л. Российское, советское и постсоветское эхо сарматской теории // Victor Chocrev –Amicus Poloniae. М., 2011
- Хромов О.Р. 1989 – Хромов О.Р. Коломенские львы // Русская речь. 1989. № 1
- Цивьян Т.М. 2008 – Цивьян Т.М. Оппозиция мифологическое/реальное в поздних мифологических текстах // Цивьян Т.М. Язык: тема и вариации. Избранное. М., 2008. Т. II
- Цыткин Д.О. 1990 – Цыткин Д.О. Сказание «О Молукитцких островах» и Повесть о Лоретской Богоматери (Из сборника БАН. Архангельское собр. Д. 193, XVI в.) // ТОДРЛ. 1990. Т. XLIV
- Чернецов А.В. 1987 – Чернецов А.В. Резные посохи XV в. работы кремлевских мастеров. М., 1987
- Чернов С.З. 1998 – Чернов С.З. Волок Ламский в XIV – первой половине XVI в. Структуры землевладения. М., 1998
- Чубинский П.П. 1878 – Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-Русский край, снаряженный Русским Географическим обществом. Юго-западное отделение. Матер. и исслед., собранные П.П. Чубинским. СПб., 1878. Т. VII
- Шаскольский И.П. 1974 – Шаскольский И.П. Когда же возник город Киев? // Культура средневековой Руси. Посвящается 70-летию М.К. Каргера. Л., 1974
- Швейковская Е.Н. 2012 – Швейковская Е.Н. Русский крестьянин в доме и мире: северная деревня конца XVI – начала XVIII века. М., 2012
- Шеков А.В. 1993 – Шеков А.В. Верховские княжества XIII – середины XVI в. (Краткий очерк политической истории). Тула, 1993
- Шеламанова Н.Б. 1965а – Шеламанова Н.Б. К вопросу о поселениях пленных ливонцев в Москве во второй половине XVI в. // Австро-Венгрия и славяно-германские отношения. М., 1965
- Шеламанова Н.Б. 1965б – Шеламанова Н.Б. Состав документов Посольского приказа и их значение для исторической географии России XVI в. (по материалам фонда Сношений России с Польшей ЦГАДА) // АЕ за 1965 год. М., 1965
- Шереметев П. – Шереметев П. Дворы Грозного в Новгороде. Б.м., б.г.
- Шмелева М.Н. 1987 – Шмелева М.Н. Русские // Этнография восточных славян. Очерки традиционной культуры / Отв. ред. К.В. Чистов. М., 1987
- Шустова Ю.Э. 1999 – Шустова Ю.Э. Благотворительная деятельность Львовского Успенского ставропигийского братства // Межславянские взаимоотношения и связи. Средние века – раннее Новое время. Сб. тез. 18-й конф. памяти В.Д. Королюка. М., 1999
- Шустова Ю.Э. 2004 – Шустова Ю.Э. Судебный процесс Львовского Успенского братства против городского магистрата (1596–1746) // Народ и власть: исторические источники и методика исследования. Матер. XVI науч. конф. Москва. 39–31 января 2004 г. М., 2004. С. 382–385
- Шустова Ю.Э. 2005 – Шустова Ю.Э. Символика Львовского ставропигиального братства // Гербовед. 2005. № 2 (80). С. 94–104
- Щенников А.А. 1980 – Щенников А.А. Русское деревянное зодчество начала XVII в. по книге А. Хутеериса // Современный художественный музей. Проблемы деятельности и перспективы развития. Л., 1980

- Щербатов М.М.* 1789 – *Щербатов М.М.* История российская с древнейших времен. СПб., 1789. Т. V. Ч. 3
- Эскин Ю.М., Граля И.* 2000 – *Эскин Ю.М., Граля И.* «Новины московские». Два донесения пограничных старост эпохи Бориса Годунова // *Florilegium*. К 60-летию Б.Н. Флори. М., 2000
- Яковенко С.Г.* 1989 – *Яковенко С.Г.* Международные аспекты учреждения патриаршества в России (80-е годы XVI в.) // 400-летие учреждения патриаршества в России. Roma, 1989
- Яковенко Н.Н, Боряк Г.В.* 1987 – *Яковенко Н.Н, Боряк Г.В.* Родовая антропонимия Правобережной Украины как отражение социальной структуры общества: по актам конца XIV–XVI вв. // *Вспомогательные истор. дисциплины*. XIX. М.–Л. 1987
- Янин В.Л.* 1980 – *Янин В.Л.* Археологический комментарий к «Русской правде» // *Русское централизованное государство: Образование и эволюция: XI–XVIII вв.* Чтения, посвященные памяти Л.В. Черепнина. Тез. докл. и сообщ. Москва, 26–28 ноября 1980 г.
- Янин В.Л.* 1981 – *Янин В.Л.* Семь деревянных цилиндров, или Археологическое дополнение к «Русской правде» // *Знание – сила*. 1981. № 2
- Янин В.Л.* 1998 – *Янин В.Л.* Я послал тебе бересту. 3-е изд. М., 1998
- Яцимирский А.И.* 1899 – *Яцимирский А.И.* Благотворительность русских государей в Румынии в XVI–XIX вв. М., 1899
- Angermann N., Dumschat S.* 1993 – *Angermann N., Dumschat S.* Die ukrainischen Länder unter litauischer und polnischer Herrschaft (bis 1569) // *Golczewski F.* Geschichte der Ukraine. Göttingen, 1993
- Arnold U.* 1981 – *Arnold U.* Entstehung und Frühzeit des Deutschen Ordens. Zu Gründung und inneren Structur des deutschen Hospitals von Akkon und des Ritterordens in der ersten Hälfte des 13. Jahrhunderts // *Die geistlichen Ritterordens Europas* / Hg. von J. Fleckenstein, M. Hellmann. Sigmaringen, 1981
- Aubin G.* 1910 – *Aubin G.* Geschichte des gutsherrlich-bauerlichen Verhältnisses in Ostpreussen vor der Gründung des Ordensstaates bis zur Steinschen Reform. Leipzig, 1910
- Augustyniak U.* 1999 – *Augustyniak U.* Wazowie i «królowie rodacy». Studium władzy królewskiej w Rzeczypospolitej XVII wieku. Warszawa, 1999
- Averkorn R.* 2004 – *Averkorn R.* Schreiben als Methode der Krisen- und Problembewältigung. Untersuchungen zu Kastilischen «Ego-dokumenten» des 14. und 15. Jahrhunderts // *Kommunikation mit dem Ich. Signaturen der Selbstzeugnisforschung an europäischen Beispielen des 12. bis 16. Jahrhunderts* / Hg. von H.D.Heimann, P. Monnet. Bochum, 2004
- Baruch M.* 1907 – *Baruch M.* Boze stopki. Archeologia i folklor kamieni z wyzdobionymi śladami stop. Warszawa, 1907
- Bellan L.L.* 1932 – *Bellan L.L.* Chah Abbas: Sa vie, son histoire. Paris, 1932
- Belting H.* 1991 – *Belting H.* Bild und Kunst. Eine Geschichte des Bildes vor dem Zeitalter der Kunst. München, 1991
- Bennigsen A., Lemercier-Quelquejay Ch.* 1971 – *Bennigsen A., Lemercier-Quelquejay Ch.* Les marchands de la Cour ottomane et le commerce des fourrures moscovites dans la seconde moitié du XVI siècle // *CMRS*. V. XI. № 4. 1971
- Bély L.* 1992 – *Bély L.* Les relations internationales en Europe XVII–XVIII siècles. Paris, 1992
- Belting H.* 1991 – *Belting H.* Bild und Kunst. Eine Geschichte des Bildes vor dem Zeitalter der Kunst. München, 1991
- Beckherrn C.* 1993 – *Beckherrn C.* Merkwürdige Steine in Ost- und Westpreussen // *Altpreussische Monatsschrift*. 1893. № 30

- Berindei M.* 1986a – *Berindei M.* Contribution á l'étude du commerce ottoman des fourrures moscovites. La route moldavo-polonaise 1453–1700 // CMRS. 1986. Vol. XII. № 4
- Berindei M.* 1986b – *Berindei M.* Le role des fourrures dans les relations commerciales entre la Russie et l'empire Ottoman avant la conquête de la Sibérie // Passé turko-tatar. Paris, 1986
- Bernochni M.* 1969 – *Bernochni M.* Il fiorino di Firenze // Italia numismatica. Mantova, 1966. Vol. 17
- Biscop M., Labuda G.* 1986 – *Biscop M., Labuda G.* Dzieje Zakonu Krzyżackiego w Prusach. Gospodarka-społeczeństwo-państwo-ideologia. Gdańsk, 1986
- Biskupski R.* 1991 – *Biskupski R.* Ikona w zbiorach polskich. Warszawa, 1991
- Blow D.* 2009 – *Blow D.* Shah Abbas. London, 2009
- Bobiński W.* 2000 – *Bobiński W.* Województwo Kijowskie w czasach Zygmunta III Wazy. Studium osadnictwa i stosunków własności ziemskiej. Warszawa, 2000
- Bogucka M.* 1954 – *Bogucka M.* Walka opozycji mieszczańskiej z patrycjatem gdańskim w drugiej połowie XVI wieku // PH. 1954. № 45
- Bogucka M.* 1984 – *Bogucka M.* Warschau als königliche Residenzstadt und Staatszentrum zur Zeit der Renaissance und des Barock // Zeitschrift für Ostforschung. 1984. № 33
- Bogucka M.* 1997 – *Bogucka M.* Kraków-Warszawa-Gdańsk: trójkąt stołeczności jako wyraz policentryzmu polskiej urbanizacji // Kraków-Małopolska w Europie środkowej. Warszawa, 1997
- Bogucka M.* 1998a – *Bogucka M.* Food consumption in Gdansk in the 16th – 18th centuries // Bijdragen tot de Geschiedenis. 1998. V. 8
- Bogucka M.* 1998b – *Bogucka M.* Organizacja szpitalnictwa w Gdańsku XVI–XVII w. // Szpitalnictwo w dawnej Polsce. Warszawa, 1998
- Bolte J.* 1895 – *Bolte J.* Das Danziger Theater im 16. und 17. Jahrhundert. Theatergeschichtliche Forschungen Bd. 12. Hamburg–Leipzig 1895
- Boone M.* 1996 – *Boone M.* State Power and Illicit Sexuality: the Persecution of Sodomy in Late Medieval Bruges // Journal of Late Medieval History. № 2. 1996. Vol. 22
- Breza E.* 1997 – *Breza E.* Postscriptum do nazwy Gdańsk // Rocznik Gdański. 1997. R. 41. № 1, 2, 4
- Bues A.* 1998 – *Bues A.* Die päpstliche Politik gegenüber Polen-Litauen zur Zeit des ersten Interregnum // Kurie und Politik: Stand und Perspektiven der Nuntiaturreportagenforschung / Hrsg. von A. Koller. Tübingen: Niemeyer, 1998
- Bues A.* 2003 – *Bues A.* Spracherlernung in den Grenzgebieten der Rzeczpospolita / Deutsch-polnische Gesprächsbücher aus dem 16. und 17. Jahrhundert // Russland, Polen und Oesterreich in der frühen Neuzeit. Wien–Köln–Weimar, 2003
- Busko C.* 1995 – *Busko C.* Średniowieczne pecy typu hypocaustum na Śląsku // Archeologia historica Polona. T. 1. Materiały z I sesji naukowej Uniwersyteckiego centrum archeologii średniowiecza i nowożytności. Toruń, 21–22 listopada 1992 roku. Toruń, 1995
- Choroszkiewicz A.* 2005 – *Choroszkiewicz A.* Everyday contacts between foreigners and natives of Russia in the 15th through early 17th century // Europe – our common home. VII ICEES World 28.07. 2005. Panel XII, 2 (N. Angermann): Everyday Life, Intercultural Communication and Mutual Perception. Russian-German Relations in the 15th and 16th Century
- Cieślak E.* 1982 – *Cieślak E.* Historia Gdańska. Gdańsk, 1982. T. II
- Cračiun M.* 2009 – *Cračiun M.* Conversion in the Confessional Age. The Case of Martin Gruneweg // Martin Gruneweg 2009
- Crummey R.* 1983 – *Crummey R.* Aristocrats and Servitors. The Boyar Elite in Russia, 1613–1689. Princeton, 1983
- Czapliński W.* 1966 – *Czapliński W.* Katarzyna Jagellonka // PSB. 1966. № 12

- Czerska D. 1977 – *Czerska D.* Z polityki wewnętrznej Borysa Godunowa. Kraków, 1977
- Czuba V. 2002 – *Czuba V.* Gotycka archikatedra łańciska we Lwowie. Przemysł, 2002
- Dąbrowska M. 1987 – *Dąbrowska M.* Kafle i piece kaflowe w Polsce do końca 18 wieku // *Studia i materiały z historii kultury materialnej*. 1987. T. LVIII
- Demm E. 1975 – *Demm E.* Zur Rolle des Wunders in der Heiligkeitskozeption des Mittelalters // *Archiv für Kulturgeschichte*. 1975. Bd. LVII
- Dingel I. 2009 – *Dingel I.* Zwischen römischen Katholizismus, Luterthum und Calvinismus: Aspekte und Strukturen von Konfessionsbildung im späten 16. Jahrhundert // *Martin Gruneweg* 2009
- Dybaś B. 1999 – *Dybaś B.* Peregrinare necesse est? Podróże w epoce wczesnonowożytnej jako źródło wiedzy i informacji // *Prusy-Polska-Europa. Studia z dziejów średniowiecza i czasów wczesnonowożytnych*. Festschrift Zenon Hubert Nowak / Wyd. A. Radziwiński, J. Tandecki. Toruń, 1999
- Dygo M. 1989 – *Dygo M.* O kulcie Maryjnom w Prusach Krzyżackich w XIV wieku. // *Zapiski historyczne*. Toruń, 1989. T. III. № 2
- Encyclopedia katolicka 2000 – *Encyclopedia katolicka*. Lublin, 2000. T. VIII
- Ferry A. 1989 – *Ferry A.* War and Literature in Sixteenth-Century Spain // *War, Literature and the Arts in Sixteenth Century Europe* / Ed. J.R. Mulryne, M. Schewring. Southhampton, 1989
- Floria B. 1971 – *Floria B.* Rosyjska kandydatura na tron polski u schyłku XVI wieku // *Odrodzenie i reformacja w Polsce*. Warszawa. 1971. T. XVI
- Gębarowicz M. 1986 – *Gębarowicz M.* Mater Misericordiae-Pokrow-Pokrowa w sztuce i legendzie środkowo-wschodniej Europy. Wrocław, 1986
- Górski K. 1946 – *Górski K.* Państwo krzyżackie w Prusach. Gdańsk, Bydgoszcz, 1946
- Górski K. 1977 – *Górski K.* Zakon Krzyżackie a powstanie państwa Pruskiego. Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk, 1977
- Hale J.H. 1985 – *Hale J.H.* War and Society in Renaissance Europe 1450-1620. L., 1985
- Haczewska B. 1998 – *Haczewska B.* Pieniądz w Gdańsku w XVI-XVII wieku // *Mennice między Bałtykiem a morzem Czarnym*. Suprasł, 10-12.IX.1998
- Hirsch Th. 1850 – *Hirsch Th.* Das kloster Oliva. Ein Beitrag zur Geschichte der Westpreussischen Kulturhauses // *Neue Prussische Provincialblätter*. 1850. Bd. 10
- Hoburg K. 1860 – *Hoburg K.* Die Belagerung der Stadt Danzig im Jahre 1577 // *Die neuen Preussischen Provincial Blätter*. Dritte Folge. 1860. Bd. 5
- Humpery-Smith C. R. 1997 – *Humpery-Smith C.* The Origin of the Lion // *L' Aigle and le Lion dans le Blason médiéval et moderne*. Warszawa, 1997
- Iljaszewicz T. 1936 – *Iljaszewicz T.* Drukarnia Domu Mamoniczów. Wilno, 1936
- Inalcik H. 1979 – *Inalcik H.* Servile Labor in the Ottoman Empire // *The Mutual Effects of the Islamic and Judeo-Christian Worlds, The East European Patterns* / Ed. by A.Ascher, T. Halasi-Kun, B. Király. Brooklin, 1979
- Isačenko A.V. 1957 – *Isačenko A.V.* Herbersteiniana II. Herbersteins Moscoviterbuch und seine Bedeutung für die russische historische Lexicographie // *Zeitschrift für Slawistik*. Berlin, 1957. Hf. 4
- Janas E., Klaczewski W. 2002 – *Urzednicy wojwodztw kijowskiego i czernihowskiego XV-XVIII wieku* / Wyd. E. Janas, W. Klaczewski. Kórnik, 2002
- Janck G. 2002 – *Janck G.* Autobiographie als sociale Praxis. Beziehungskonzepte in Selbstzeugnissen des 15. und 16. Jahrhunderts im deutschsprachigen Raum // *Selbstzeugnisse der Neuzeit*. Köln, 2002. Bd. 10
- Januszkiewicz B. 1995 – *Januszkiewicz B.* Kleinoty i stroje księzat Pomorza Zachodniego XVI-XVII wieku w zbiorach Muzeum Narodowego w Szczecinie. Warszawa, 1995
- Jireček K. 1877 – *Jireček C.* Die Heerstrasse von Belgrad nach Constantinopel im Mittelalter und die Balkanpasse. Prag, 1877

- Kappeler A. 1972 – Kappeler A. Ivan Groznyj im Spiegel der ausländischen Druckschriften seiner Zeit. Ein Beitrag zur Geschichte des westlichen Russlandbildes. Fr.-am-M., 1972
- Kiersnowski R. 1969 – Kiersnowski R. Wielka reforma monetarna XIII–XIV w. Warszawa, 1969
- Kleinenberg I. 1981 – Kleinenberg I. Preise, Masse und Profit im hansischen Novgorodhandel im 14. und 15. Jahrhundert // Hansische Studien. Weimar, 1981. Bd. V
- Knackstedt W. 1975 – Knackstedt W. Moskau. Studien zur Geschichte einer mittelalterlichen Stadt. Wiesbaden, 1975
- Knecht R.J. 1989 – Knecht R.J. Military Autobiographies in Sixteenth-Century France // War, Literature and the Arts in Sixteenth Century Europe / Ed. J.R. Mulryne, M. Schewring. Southhampton, 1989
- Kochanowicz B. 2009. – Kochanowicz B. La devocione Mariana dopo il concilio di Trento secondo // Martin Gruneweg 2009
- Kolodziejczyk D. 2002 – Kolodziejczyk D. Ottoman-Polish Diplomatic Relations (15th-18th century). Leiden, 2002
- Krajcar J. 1969 – Krajcar J. Konstantin Basil Ostrožskij and Rome in 1583–1584 // Orientalia Christiana periodica. 1969. Vol. 35
- Kukliński J. 1996 – Kukliński J. Ratusz Głównego miasta w Gdańsku. Warszawa, 1996
- Krzyżanowski L. 1970 – Krzyżanowski L. Gdańsk, Sopot, Gdynia. Przewodnik. Warszawa, 1970
- Kucharski G. 2000 – Kucharski G. Przywilej kruszwicki Konrada mazowieckiego dla zakonu krzyżackiego z 1230 roku // Zapiski historyczne, poświęcone historii Pomorza i krajów bałtyckich. 2000. T. LXV. Z. 3–4
- Lavrov A. 2009 – Lavrov A. Russische Gefangene im Osmanischen Reich, tatarische Gefangene im Moskauer Reich // Imperienvergleich. Beispiele und Ansätze aus osteuropäischen Perspektive. Festschrift für Andreas Kappeler / Hg. von G. Hausmann u. A. Rustemeyer / Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Wiesbaden, 2009. Bd. 75
- Lazutka S. 1998 – Lazutka S. Leonas Sapiega 1557–1633. Vilnius, 1998
- Leitsch W. 2000 – Leitsch W. Georg Kahl sucht in Stockholm nach einer Antwort auf eine polnische Frage // Kościół, kultura, społeczeństwo. Studia z dziejów średniowiecza i czasów nowożytnych. Warszawa, 2000
- Leitsch W. 1997 – Leitsch W. Diplomatische Agenten in Polen in der Regierungszeit Sigismunds III // Kultura staropolska-kultura europejska. Prace ofiarowane Januszowi Tazbirowi w siedemdziesiątą rocznicę urodzin. Warszawa, 1997
- Leitsch W. 1999 – Leitsch W. Wann und warum verlor Krakau die Funktion einer königlichen Residenzstadt? // Polen und Österreich im 17. Jahrhundert / Hg. von W. Leitsch und S. Trawkowski. Wien-Köln-Weimar, 1999
- Leitsch W. 1996 – Leitsch W. Kleidung und Nation in Polen im ersten Drittel des 17. Jahrhunderts oder wie die Hose zu politischer Bedeutung gelangte // Mentalité. 1996. Vol. 11. № 1. S. 1–21
- Lepszy K. 1933 – Lepszy K. Stefan Batory a Gdańsk // Rocznik Gdański. 1933. T. 6
- Lopez R.S. 1955 – Lopez R.S. Settecento anni fa: il ritorno all'oro nell' Occidente duecentesco. Napoli, 1955
- Lowmiański H. 1958 – Lowmiański H. Handel Mohylewa w XVI wieku // Studia historyczna ku czci Stanisława Kutrzeby. Kraków, 1958
- Lowmiański H. 1974 – Lowmiański H. «Lustracja ziemi kijowskiej z 1471 r.» o stosunkach społeczno-gospodarczych na kresowej Ukrainie // SGK 1974
- Loziński Wl. 1892 – Loziński Wl. Patryzjat i mieszczaństwo lwowskie w XVI i XVII wieku. Lwów, 1892

- Lulewicz H. 2002 – *Lulewicz H. Gniewów o urię ciąg dalszy. Stosunki polsko-litewskie w latach 1569–1588.* Warszawa, 2002
- Malcolm J. 1821 – *Malcolm J. Histoire de la Perse.* Paris, 1821. Vol. II
- Markowski F. 1974 – *Markowski F. Szpital św. Stanisława w XV w. wo Lwowie // Kwartalnik architektury i urbanistiki.* 1974. № 1
- Mączak A. 1974 – *Mączak A. Angielskie kaprowie i gdańscy rachmistrze. W poszukiwaniu nowych źródeł do dziejów handlu // SGK 1974*
- Monluc B., de. 1971 – *Monluc B., de. The Habsburg-Valois Wars and the French Wars of Religion / Ed. J. Roy. L., 1971*
- Natanson-Leski J. 1922 – *Natanson-Leski J. Dzieje granicy wschodniej Rzeczypospolitej. Cz. I. Granica moskiewska w epoce Jagiellonskiej. Lwów-Warszawa, 1922*
- Natanson-Leski J. 1930 – *Natanson-Leski J. Dzieje granicy wschodniej Rzeczypospolitej Cz. II. Epoka Stefana Batoriego w dziejach granicy wschodniej Rzeczypospolitej. Lwów, Warszawa, 1930*
- Newman A.J. 2006 – *Newman A.J. Safavid Iran: Rebirth of a Persian Empire.* London, 2006
- Oksanen A. 1994 – *Oksanen A. Religious conversion. A meta-analytical study // Lund studies in psychology of religion.* Lund, 1994. Vol. 2
- Pawiński A. 1877 – *Pawiński A. Stefan Batory pod Gdańskiem w 1576–1577 r.* Warszawa, 1877
- Peri V. 1989 – *Peri V. Roma e l'idea del patriarcato di Mosca all' epoca di Gregorio XIII // 400-летие учреждения патриаршества в России.* Roma, 1989
- Pfeifer W. u.a. 1989 – *Pfeifer W. u.a. Etymologisches Wörterbuch des Deutschen.* Berlin, 1989. Bd. 1–3
- Pirling P. 1896 – *Pirling P. La Russie et le Saint-Siège. Etudes diplomatiques.* Paris, 1896. Vol. II
- Rehy L., Probszt G. 1958 – *Rehy L., Probszt G. Corpus nummorum Hungariae.* Graz, 1958
- Reyer H.C. 1987 – *Reyer H.C. Von der Gastfreundschaft zum Gasthaus. Studien zur Gastlichkeit im Mittelalter.* Hannover, 1987
- Rouillard C. D. 1935 – *Rouillard C. The Turk in French History, Thought and Literature (1520–1660).* Paris, 1935
- Palombini B, von 1968 – *Palombini B., von. Bündniswerben abendländischer Mächte um Persien 1453–1600.* Wiesbaden, 1968
- Podeiko P. 1997 – *Podeiko P. Organy w dawnym Gdańsku // Organy i muzyka organowa. T. 10 / Wyd. J. Krasowski. Gdańsk, 1997*
- Rollenhagen J. 2008 – *Rollenhagen J. Untersuchung und Beschreibung der Danziger Bürgerhäuser mit besonderer Darstellung der Bauten aus der Zeit der Gotik bis zur Spätrenaissance.* Marburg–Gdańsk, 2008
- Różycka-Bryzek A. 1968 – *Różycka-Bryzek A. Byzantyńsko-ruskie malowidła ścienne w kaplicy Świętokrzyskiej na Wawelu // Studia do dziejów Wawelu.* Kraków, 1968. T. III
- Sabados M. 2009 – *Sabados M. Vechi icoane rusești la Mănăstirea Putna // Ars Transilvaniae.* București, 2009. T. XIX
- Samsonowicz H. 1993 – *Samsonowicz H. Die Handelsstrasse Ostsee-Schwarzes Meer im 13. und 14. Jh. // Der Hansische Sonderweg? Beiträge zur Sozial- und Wirtschaftsgeschichte der Hanse. Köln-Weimar-Wien, 1993*
- Schaumann E. 1937 – *Schaumann E. Danzigs Beiträge zu einer Geschichte der Tracht // Zeitschrift des Westpreussischen Geschichtsverein. 1937. H. 73*
- Schramm G. 1963 – *Schramm G. Problem reformacji w Warszawie // PH. T. 54. 1963*
- SGK 1974 – *Spółczeństwo, gospodarka, kultura. Studia ofiarowane Marianowi Małowistowi w czterdzięstoletcie pracy naukowej.* Warszawa, 1974

- Simson P.* 1918–1924 – *Simson P.* Geschichte der Stadt Danzig bis 1626. Bd. 2: 1517–1626. Danzig, 1918–1924
- Sitnik A.K.* 2006 – *Sitnik A.K.* Bernardyni lwowsky. Kalwaria Zebrzydowska, 2006
- Smirnova E.* 2010 – *Smirnova E.* Icoane ale maestrilor ruși din secolul al XV-lea la mănăstirea Putna. Registrul aposolilor si prăznicarele // *Analele Putna.* Putna, 2010. T. VI
- Sochaniewicz K.* 1933 – *Sochaniewicz K.* Herb miasta Lwowa. Lwów, 1933
- Soltan A.* 1997 – *Soltan A.* Piotr Klos. Przyczynek do stosunków wyznaniowych w Warszawie na przełomie XVI i XVII w. // *Rocznik Warszawski.* 1997. Z. 27
- Stloukal K.* 1963–1964 – *Stloukal K.* Das Projekt einer internationalen paneuropaschen Liga mit Persien aus dem Ende des 16 Jahrhunderts // *Persica I.* 1963–1964
- Stökl G.* 1953 – *Stökl G.* Die Entstehung des Kozakentums. München, 1953
- Stökl G.* 1972 – *Stökl G.* Testament und Siegel Ivans IV. Opladen, 1972
- Stopka Krz.* 2009 – *Stopka Krz.* Armenier im Königreich Polen zur Zeit von Martin Gruneweg // *Martin Gruneweg* 2009
- Strzebicki J.* 1874 – *Strzebicki J.* Jacob Lubbe. Ein danziger Bürger des 15. Jahrhunderts // *Alt-preussische Monatsschrift.* 1874. Bd. 11
- Strothmann J.* 1997 – *Strothmann J.* Die Loewe als Symboltier die Stadt Rom bis zu Ludwig von Bayern // *L'aigle et le lion. L'Aigle and le Lion dans le Blason médiéval et moderne.* Warszawa, 1997
- Swierk A.* 1995 – *Swierk A. G.* Mamonicz // *Lexikon des gesamten Buchwesens.* 2-te Aufl. Stuttgart, 1995. Bd. 5. Lief. 33
- Szulist Wl.* 1972 – *Szulist Wl.* Ważniejsze lądowe szlaki handlowo-komunikacyjne wojwództwa Malborskiego w XVI–XVIII wieku // *Rocznik gdański.* 1972. T. XXXII
- Tazbir J.* 1967 – *Tazbir J.* Państwo bez stosów. Szkice z dziejów tolerancji w Polsce. Warszawa, 1967
- Tazbir J.* 1983 – *Tazbir J.* Piotr Skarga – szermierz kontrreformacji. Warszawa, 1983
- Tempest S.* 1997 – *Tempest S.* Peczkology in russsian folkslife // *Food in Russian History and Culture* / Ed. M. Glants and J. Toomre. Bloomington–Indianapolis, 1997
- Untersuchungen 1981* – *Untersuchungen zur gesellschaftlichen Stellung der Frau im Feodalismus.* Magdeburg, 1981
- Urtans J.* 1996a – *Augszemes arheologijas Pieminekli* // *Latvijas Zinatnu akademijas vestis.* 1996. № 4–5
- Urtans J.* 1996b – «Kulta kalni» pie Augszemes piskalniem // *Latvijas vesture.* 1996. № 3 (2)
- Urzednicy centralni 1994* – *Urzednicy centralni i dostojnicy Wielkiego Księstwa Litewskiego XIV–XVIII wieku* / Spisy. Opr. H. Lulewicz i A. Rachuba. Kórnik, 1994
- War, Literature and Politics 1976* – *War, Literature and Politics in the Late Middle Ages* / Ed. C.T. Allmand // *Liverpool,* 1976
- Wielka księga miasta Gdańska 1997* – *Wielka księga miasta Gdańska* // *Red. F. Januszajtis, J. Szujski.* Gdańsk, 1997
- Zaleski St.* 1884 – *Zaleski St.* Wojenne plany St. Batorego w latach 1583–1586 // *Przegląd powszechny.* Kraków, 1884. T. III–IV
- Zguta R.* 1978 – *Zguta R.* Russian Ministrels. A History of the Skomorokhi. Philadelphia, 1978 (Cp.: *Fennel J.* // *Russian Review.* 1979. Vol. 38)
- Zimmermann H.* 1915 – *Zimmermann H.* Hans Burgmair des Älteren Holzschnittfolge zur Genealogie Kaiser Maximilians I // *Jahrbuch der Preussischen Kunstsammlungen.* 1915. Bd. 36
- Zimorowicz B.* 1835 – *Zimorowicz B.* Historia miasta Lwowa, Królestw Galicyi i Lodomeryi stolicy. Lwów, 1835
- Znanięcki F.* 1971 – *Znanięcki F.* Nauki o kulturze. Naroziny i rozwój. Warszawa, 1971

Источники иллюстрирования издания*

Высоцкий С.А. Светские фрески Киевской Софии. Киев, 1985

Гудзяк Б. Криза і реформа. Львів, 2000

История русского искусства. Т. 1. Искусство Киевской Руси. М., 2007

Львів Історичні нариси / Упор. В. Александрович. 1996.

Малаков Д.В., Дерлеменко Е.А. По історичних містах Київської Русі. Київ, 1990

Bardach J. O Rzeczpospolitą Obojga Narodów. Dzieje narodu i państwa Polskiego. Warszawa, 1998

Dobrzeński T. Sztuka sakralna w Polsce: na ziemiach Zachodnich i Polnocnych. Warszawa, 1976

Jakrzewska-Sniezko Z. Gdańsk w dawnych rycinach. Wrocław, Warszawa, Kraków–Łódź, 1985

Karpiński A. Kobieta w mieście polskim w drugiej połowie XVI i w XVII wieku. Warszawa, 1995.

Kuczyński St. Pieczęć i herb miasta Plock. Warszawa, 1979

Rożek M. Die Marienkirche in Krakau / Aufn. M. Grychowski, 1994.

Rutkowski H. Anna Jagiellonka. Warszawa, 1985.

---

* Общий вид и листы рукописи, рисунки М. Груневега воспроизведены по изданию 2008 г. На обложке помещен план Московского Кремля – «Кремленаград» (Г. Герритс, 1613 г.) из изд.: Покровский собор. Храм Василия Блаженного / Сост. Т.Г. Сарачева. М., 2011. В художественном оформлении издания использованы также музейные открытки по фотографиям XX в. (Б. Незнаньского, Гр. Левандовского, М. Мурмана) и интернет-ресурсы.

Научное издание

**МАРТИН ГРУНЕВЕГ (О. ВЕНЦЕСЛАВ):
духовник Марины Мнишек**

Записки о торговой поездке в Москву в 1584–1585 гг.

Корректор:
Гордеева Л.И.

Художественное оформление:
Яковлев В.Ю.

Издательство
«Памятники исторической мысли»
115597 Россия, Москва, ул. Воронежская, 38–334
ЛР № 063460 от 08.07.99

Подписано в печать 15.02.2013. Формат 70×90 ¹/₁₆
Уч.-изд. л. 28,5. Печ. л. 25,0
Гарнитура Book Antiqua. Печать офсетная
Тираж 500 экз. Заказ № 1201-13

Изготовлено в ООО «Альтаир»
(ОАО «Орехово-Зуевская типография»)

Мартин Груневег
(отец Венцеслав):
духовник
Марины Мнишек

*Записки
о торговой поездке
в Москву
в 1584–1585 гг.*

Мартин Груневег (о. Венцеслав): духовник Марины Мнишек
Записки о торговой поездке в Москву в 1584 – 1585 гг.

ПАМЯТНИКИ ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

